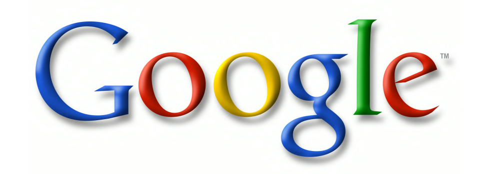
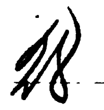

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1881.

ИЗДАНІЯ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у комиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЫХОДИТЪ ВЪ НЕОПРЕДѢЛЕННЫЕ СРОКИ И СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ,

СВЕРХЪ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ И ОТЧЕТОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ:

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи,** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Каразина,** Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — **Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича. — **Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. Н. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — **Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ,** его же. — **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи,** А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова,** И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки,** А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ,** Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова,** преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница,** драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова,** Я. К. Грота. — **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова,** его же. — **Библіографическія и Историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** сост. В. Ѳ. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова,** доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,**

замѣтка Ф. И. Рупрехта.—**Дополненія и замѣтки съ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII — XIII вѣка,** архим. Амфилохія.—**Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи,** В. Макушева.—**Отчеты одѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ,** С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,** И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона,** В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненіе къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ.—**Дополненія и замѣтки** І. Ф. Наумова **къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** И. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней Русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго.—**Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.— **Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ,** С. Пономарева.—**Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота.—**Рѣчь въ**

торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго.—**Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка,** Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа.** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC.** И. И. Срезневскій. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.** Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-Нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II. Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.,** составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины.** А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.** А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфинѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Той же книги 2-е изданіе общедоступное, безъ рисунковъ:
Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. 1880. Цѣна 5 р.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ Русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской премія, Я. Грота (разборъ Толковаго Словаря Даля). Спб. 1870: 45 к.

Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. Спб. 1872: 30 к.

Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. Грота. Спб. 1872: 40 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.

Спорные вопросы русскаго правописанія. Я. Грота. Спб. 1876. 2-е изд. Цѣна 1 р. 25 коп.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к. Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 р.

Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 коп.

Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ, и прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXVIII, № 1.

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ
ВЕЛИКАГО ТАМЕРЛАНА,
СОЧИНЕНІЕ КЛАВИХО.

RUY GONZALES DE CLAVIJO.

ITINÉRAIRE

DE L'AMBASSADE ESPAGNOLE

À

SAMARCANDE

en 1403 — 1406.

TEXTE, TRADUCTION RUSSE SUIVIE DE NOTES ET RÉDIGÉE

par

I. Sreznevski.

St.-PÉTERSBOURG.

IMPRIMÉRIE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

(VASS.-OSTR., 9 LIGNE, № 12.)

1881.

РЮИ ГОНЗАЛЕСЪ ДЕ КЛАВИХО.

ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ КО ДВОРУ ТИМУРА

ВЪ

САМАРКАНДЪ

ВЪ 1403 — 1406 ГГ.

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ,

СОСТАВЛЕННЫМИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первые годы XV ст. знаменитый Тимуръ достигъ высшей степени своего могущества, и слава его имени, возбуждая повсюду любопытство и трепетъ, еще болѣе усилила въ Европейцахъ ихъ давнее стремленіе ознакомиться съ отдаленнымъ востокомъ. Въ числѣ Европейскихъ Государей современныхъ Тимуру особенно отличался этимъ стремленіемъ Генрихъ III, король Кастиліи. Генрихъ вообще очень охотно поддерживалъ сношенія съ иностранными государствами, христіанскими и не христіанскими, сосѣдними и отдаленными. Въ иныхъ онъ содержалъ постоянныхъ посланниковъ, въ другія отъ времени до времени отправлялъ посольства. Онъ хотѣлъ, говоритъ въ своей исторіи Маріана, «пріобрѣтать какъ можно больше свѣдѣній о различныхъ выгодахъ государей, о правахъ, обычаяхъ и законахъ чужихъ народовъ, съ тѣмъ чтобы извлекать изъ нихъ все, что могло ему быть полезно и какъ правителю страны, и какъ хозяину дома. Притомъ же, любя великолѣпіе и будучи человѣкомъ щедрымъ и великодушнымъ, онъ былъ не прочь дать иностранцамъ понятіе о себѣ, о своемъ богатствѣ и щедрости».

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ Генрихъ III за борьбою Тимура съ Турецкимъ султаномъ Баязетомъ. Въ 1402 году онъ послалъ въ Малую Азію дона Пелагія де Сотомайоръ и дона

Фердинанда де Паласуелосъ съ порученіемъ собрать вѣрныя свѣдѣнія «о нравахъ, обычаяхъ, религіи, законахъ, о силахъ этихъ отдаленныхъ народовъ и о томъ, какія могутъ быть ихъ стремленія и выгоды». Посланникамъ удалось присутствовать при Ангорской битвѣ, въ которой былъ положенъ конецъ борьбѣ и Баязетъ былъ взятъ въ плѣнъ. Во время празднествъ бывшихъ по окончаніи войны, Тимуръ, принимавшій многихъ пословъ, присланныхъ къ нему съ выраженіемъ покорности, сдѣлалъ почетный пріемъ и Испанцамъ. Отпуская ихъ назадъ, онъ богато одарилъ ихъ и послалъ вмѣстѣ съ ними своего посла, по имени Магомета-аль-Кази, съ грамотами къ королю Кастиліи и съ богатыми подарками, въ числѣ которыхъ были двѣ христіанскія плѣнницы, какъ думаютъ, захваченныя имъ изъ гарема Баязета.

Это дружественное отношеніе вызвало со стороны Генриха III вторичное, отвѣтное посольство «съ цѣлью закрѣпить дружбу, зародившуюся между двумя государями». Посланниковъ было назначено трое: магистръ богословія Альфонзо Паесъ де Санта Марія, Рюи Гонзалесъ де Клавихо и королевскій тѣлохранитель Гомесъ де Салазаръ. Послѣдній умеръ на пути, не достигши мѣста назначенія. Главнымъ изъ посланниковъ былъ по всей вѣроятности Рюи Гонзалесъ де Клавихо, принадлежавшій къ древнему и богатому роду и занимавшій важную придворную должность. Отправляя посольство въ такую отдаленную страну, Генрихъ конечно не упустилъ изъ виду своей постоянной цѣли: посланники должны были вездѣ наблюдать и собирать свѣдѣнія о всѣхъ мѣстностяхъ и народахъ, которые имъ прійдется посѣтить, и по возвращеніи отдать обо всемъ подробный отчетъ.

Это порученіе было, можетъ быть, одною изъ причинъ, что Клавихо, съ перваго же дня своего выѣзда, началъ вести дневникъ «для того, чтобы ни что не забылось и чтобы можно было полнѣе и яснѣе вспоминать и разсказывать». Въ продолженіе трехъ лѣтъ, во все время путешествія, почти изо дня въ день велъ онъ этотъ дневникъ, подробно записывая все, что казалось ему достойнымъ вниманія. Онъ описывалъ мѣстности, города, наиболѣе замѣча-

тельныя зданія, иногда даже наружность и одежду именитыхъ людей, съ которыми ему приходилось познакомиться, собиралъ историческія и географическія свѣдѣнія, обращалъ вниманіе на обычаи и даже пользовался случаемъ узнать о такихъ мѣстахъ, которыя лежали внѣ его пути. Исполнивъ съ честью и успѣхомъ возложенное на него порученіе, Клавихо снова возвратился ко двору и, до самой смерти короля (1407) оставаясь къ нему близкимъ, былъ, между прочимъ, однимъ изъ свидѣтелей при составленіи его завѣщанія. Остальные годы жизни Клавихо провелъ въ своемъ родномъ городѣ Мадридѣ и похороненъ тамъ же гдѣ и его предки, въ монастырѣ Св. Франциска, въ капеллѣ, которую отдѣлалъ на свой счетъ [1]).

Дневникъ Клавихо представляетъ, какъ уже сказано выше, — подробное описаніе его путешествія, наполненное множествомъ разнообразныхъ свѣдѣній, и по справедливости можетъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ посреди подобныхъ сочиненій въ литературѣ среднихъ вѣковъ. Многія изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ имъ, конечно не вполнѣ вѣрны: иначе и быть не могло, по недостаточности предварительнаго знакомства съ исторіей и географіей, по невозможности провѣрить, а иногда и вполнѣ уразумѣть слышанное, не говоря уже о трудности переговоровъ черезъ переводчиковъ, о несообщительности мусульманъ и т. п. Нѣкоторыя невѣрности вполнѣ естественны и неизбѣжны, и замѣчаются у всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ въ средніе вѣка отдаленныя страны. Но за исключеніемъ этого немногаго, все остальное болѣе или менѣе подтверждается другими восточными и западными источниками, такъ же какъ и новыми изслѣдованіями. Важнѣйшія подтвержденія и поясненія даетъ исторія Тимура, написанная Шерефеддиномъ (Histoire de Timur-Bec etc., écrite en Persan

---

[1]) Ticknor, «History of Spanisch litterature». Тикноръ заимствуетъ свѣдѣнія изъ «Hijos de Madrid» por D. J. A. Alvarez y Baena; къ сожалѣнію мнѣ невозможно было достать эту книгу.

par Chéréfeddin Ali natif d'Yezd, traduite en français par M. Petis de la Croix. Delf. 1723), а также и автобіографическія записки самого Тимура (The Mulfuzat Timuri or autobiographical memoirs of the Mughul Emperor Timur. .. translated by Major Charles Stewart. London 1830). Кромѣ того самый способъ изложенія не позволяетъ заподозрить автора въ неправдивости и недобросовѣстности. Между прочимъ онъ постоянно ясно указываетъ, чтó замѣчено имъ по его собственнымъ наблюденіямъ, и чтó извѣстно изъ разсказовъ другихъ. Такая опредѣленность, встрѣчающаяся очень рѣдко у другихъ подобныхъ писателей, дѣлаетъ возможнымъ строгій разборъ и критику сообщаемыхъ свѣдѣній, а въ соединеніи съ обширностью круга путешествія, богатствомъ и разнообразіемъ подробностей и оживленностью разсказа, ставитъ дневникъ Клавихо на ряду съ лучшими произведеніями этого рода, и можетъ быть выше многихъ изъ нихъ.

Болѣе полутораста лѣтъ послѣ его написанія, въ 1582 году дневникъ Клавихо былъ напечатанъ въ Севильѣ подъ названіемъ: Vida y hazañas del gran Tamorlan «Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана»... и т. д. (f° 68 листовъ въ два столбца). Въ 1782 году изданіе было повторено въ Мадридѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ (195 страницъ 4°). Другихъ изданій кромѣ этихъ двухъ не было, и теперь они оба весьма рѣдки и драгоцѣнны.

Разница между изданіями вообще весьма небольшая и болѣе внѣшняя. Въ обоихъ изданіяхъ къ дневнику Клавихо присоединены и другія сочиненія, также касающіяся исторіи Тимура, а именно:

1) Discorso hecho por G. A. de Molina, занимающее въ 1-мъ изданіи стр. 6—11; во второмъ 1—9.

2) La vida del gran Tamorlan escrita por Pero Mexia. 1-е изд. стр. 12—17; 2-е изд. стр. 10—17.

3) Vida del gran Tamorlan escrita por Paulo Jovio. 1-е изд. стр. 17—20; 2-е изд. стр. 18—24.

За ними слѣдуетъ дневникъ Клавихо, занимающій въ 1-мъ изд. 68 листовъ особаго счета, а во 2-мъ 195 стр. отъ 25—220.

Далѣе помѣщены только во 2-мъ изданіи:

Noticias del gran Tamorlan, sacadas de libro V de los comentarios MSS. de Don Garcia de Silva, de la Embaxada que de parte de rey de España Felipe III hizo al rey Xaabas de Persia año de MDCXVIII, занимающія 27 стр.

Такое собраніе сочиненій касающихся Тимура, и самое заглавіе, данное дневнику Клавихо, указываютъ, что ему придавалось значеніе именно какъ книгѣ о Тимурѣ, и служатъ подтвержденіемъ того, какъ долго «великій Тамерланъ» привлекалъ умъ и воображеніе вездѣ, куда проникла слава его имени.

Кромѣ указанной прибавки второе изданіе отличается еще слѣдующимъ:

Въ общемъ заглавіи книги обозначено:

Segunda impesion, a que se ha añadido la vida del gran Tamorlan sacada de los comentarios que escribio don Garcia de Silva y Figueroa de su embajada al rey de Persia. Подъ этимъ: En Madrid: En la imprenta de don Antonio de Sancha, año de MDCCLXXII. Se hallara en su Libreria en la Aduana Vieja.

Слѣдующія страницы (III—XIII) заняты предисловіемъ, подъ названіемъ El Editor, гдѣ, послѣ краткаго извѣстія о первомъ изданіи дневника Клавихо, сообщены свѣдѣнія о Comentarios de la embajada que de parte del Rey de España Don Felipe Tercero hizo al Rey Xaabas de Persia, año de 1618.

На стр. XIV посвященіе А. Пересу, помѣщенное въ первомъ изданіи на стр. 5. До сихъ поръ съ начала идетъ счетъ особый, а далѣе начинается отдѣльнымъ счетомъ указанное выше Discorso hecho por G. A. de Molina и т. д.

Второе изданіе дневника Клавихо было не само по себѣ отдѣльное, а составляло часть собранія разныхъ Испанскихъ историческихъ сочиненій стараго времени, и по тому переплетено вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими. Въ экземплярѣ библіотеки Генеральнаго Штаба оно соединено въ одну книгу съ слѣдующими двумя:

— Cronica de don Pedro Niño conde de Buelna por Gutiere Diez de Games su alferez. (въ той же типографіи, тоже 1782 г.

— Sumario de los reyes de España por el despensero mayor de la reyna doña Leonor. (въ той же типографіи 1781 г.)

Оба сочиненія изданы у don Eugenio de Llaguno Amirola. Бумага, форматъ и печать всѣхъ трехъ одинаковы.

Что касается текста самого Клавихо, то второе изданіе его отличается болѣе опредѣленнымъ и послѣдовательнымъ правописаніемъ чѣмъ первое, гдѣ буквы, сходныя по произношенію, употребляются безразлично. Такъ въ первомъ изданіи смѣшиваются буквы:

— u, v, b; — f, h, g, j, y, x; — s, ç, z.

Кромѣ того надобно отмѣтить еще нѣкоторыя неважныя отличія въ отдѣльныхъ словахъ: кое гдѣ слово пропущено или замѣнено другимъ, безъ всякаго ущерба смыслу, вѣроятно по требованіямъ слога.

Текстъ дневника Клавихо, присоединенный къ переводу, перепечатанъ со второго изданія, съ указаніемъ страницъ его; всѣ отличія перваго изданія въ словахъ и въ раздѣленіи на страницы обозначены въ прямыхъ скобкахъ; немногія же слова, прибавленныя во второмъ изданіи, напечатаны въ кавычкахъ.

Исполняя переводъ этого сочиненія, важнаго въ особенности для насъ Русскихъ по тому значенію, которое Тимуръ имѣетъ въ нашей исторіи, нельзя было не желать передать подлинникъ по возможности вѣрно и точно, и сохранить самый характеръ разсказа. Необходимо было не позволять себѣ никакихъ измѣненій въ слогѣ и изложеніи и допускать поневолѣ неловкости оборота и неудобства для чтенія, измѣняя только то, что противно строю Русскаго языка. Частое употребленіе однообразныхъ выраженій и словъ, повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей, иногда запутанность въ порядкѣ изложенія, все это составляетъ особенность

необработаннаго слога Клавихо, принадлежащаго отчасти его времени и сословію, и встрѣчающагося болѣе или менѣе у всѣхъ подобныхъ ему путешественниковъ-писателей.

Другое подчиненіе перевода подлиннику должно было состоять въ передачѣ собственныхъ именъ. Такъ какъ сочиненіе Клавихо печаталось долгое время спустя послѣ его смерти, то очень можетъ быть, что многія имена, написанныя имъ вѣрно, были непоняты и ошибочно прочтены людьми, которымъ были совершенно чужды, и дошли до насъ въ искаженномъ видѣ: такія ошибки чрезвычайно трудно исправить, не имѣя рукописи. Другія, непривычныя для насъ названія, принадлежали, можетъ быть, тому времени или мѣстному произношенію, нѣкоторыя же вѣроятно искажены и самимъ Клавихо. Отличить одни отъ другихъ невозможно при существующихъ пособіяхъ, и потому они всѣ оставлены безъ измѣненія противъ подлинника и обяъснены въ указателѣ.

Въ переводѣ допущено только одно внѣшнее отступленіе отъ подлинника: хотя Испанскій текстъ представляетъ непрерывный разсказъ, но ради удобства чтенія и справокъ казалось позволительнымъ раздѣлить переводъ на главы, обозначивъ содержаніе ихъ въ верху страницъ.

При составленіи объяснительныхъ статей въ указателѣ неоцѣненно было просвѣщенное содѣйствіе нашихъ высокоуважаемыхъ знатоковъ Востока, В. В. Григорьева, П. И. Лерха и К. П. Патканова.

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ
ВЕЛИКАГО ТАМЕРЛАНА

СЪ ОПИСАНІЕМЪ ЗЕМЕЛЬ

ПОДЪ ЕГО ВЛАДѢНІЕМЪ И ГОСПОДСТВОМЪ,

НАПИСАННЫЯ РЮИ ГОНЗАЛЕСОМЪ

ДЕ КЛАВИХО,

КАМЕРЬЕРОМЪ ВЕЛИКАГО И МОГУЩЕСТВЕННАГО ГОСУДАРЯ

ДОНА ЕНРИКЕ ТРЕТЬЯГО ЭТОГО ИМЕНИ

КОРОЛЯ КАСТИЛІИ И ЛЕОНА.

Вмѣстѣ съ записками о томъ, что случилось во время посольства, которое отъ этого короля совершилъ онъ къ этому государю, называющемуся иначе Тамурбекомъ, года отъ Рождества Христова тысяча четыреста третьяго.

VIDA Y HAZAÑAS
DEL GRAN TAMORLAN

CON LA DESCRIPCION DE LAS TIERRAS

DE SU IMPERIO Y SEÑORIO,

ESCRITA POR RUY GONZALEZ

DE CLAVIJO,

CAMARERO DEL MUY ALTO Y PODEROSO SEÑOR

DON ENRIQUE TERCERO DESTE NOMBRE,

REY DE CASTILLA Y DE LEON.

Con un itinerario de lo sucedido en la embajada que por dicho señor rey hizo al dicho principe llamado por otro nombre Tamurbec, año del nacimiento de mil y quatrocientos y tres.

Великій Государь Тамурбекъ, убивши царя Самаркандскаго и взявши у него его владѣнія (откуда и началось его царство, какъ вы сейчасъ услышите); затѣмъ завоевавши всю землю Монгольскую, которая соприкасается съ этимъ царствомъ и съ землею малой Индіи; кромѣ того завоевавши всю землю и владѣнія великаго царства Орасанскаго и покоривши и подчинивши своей власти землю Тагигинскую съ землею и владѣніемъ земли, которая называется Рей; да кромѣ того покоривши и подчинивши себѣ всю Персію и Мидію съ царствомъ Тауриса и Солтаніи, и кромѣ того покоривши землю и царство Гилянское съ землею Дербентскою и завоевавши кромѣ того страну малую Арменію и землю Арсингскую и Асеронскую и Ауникскую и подчинивши своей власти царство Мерди и землю Курчистанъ, которая находится въ той же Арменіи; кромѣ того побѣдивши въ сраженіи царя малой Индіи и взявши у него большую часть его земель; кромѣ того разрушивши городъ Дамаскъ и взявши и подчинивши своей власти города Алепъ и Вавилонію и Балдасъ и разрушивши много другихъ странъ и владѣній и одержавши побѣду во многихъ дру-

El gran Señor Tamurbec, aviendo muerto al Emperador de Samarcante y tomadose [tomadole] el Imperio, onde comenzó la su señoria, segun adelante oiredes, y aviendo despues conquistado toda tierra de Mogalia, que se contiene con este dicho Imperio y con tierra de la India menor: otrosi aviendo conquistado toda tierra é Imperio de Orazania, que es un gran señorio, é aviendo conquistado é metido so su señorio tierra de Tagiguinia, con tierra y señoria de una tierra, que es llamada Rey: é aviendo otrosi conquistado é puesto so su señorio toda la Persia y Media con el Imperio de Tauris é de Soltania: é otrosi aviendo conquistado tierra y señorio de Guilan con tierra de Darbante, é conquistado otrosi
26. tierra de Armenia la menor é tierra de Arsinga y de Aseron é de Aunique, é puesto so su señorio el Imperio de Merdi é tierra de Curchistan, que se contiene en la dicha Armenia: otrosi aviendo vencido en batalla al señor de la India menor, é tomadole gran partida de sus tierras: é aviendo otrosi destruido la ciudad de Damasco, é tomadas é puestas so su señorio las ciudades de Alepe é Babylonia y Baldas, y aviendo destruido otras muchas tierras é señorios, é vencido otras | muchas batallas, é fechas muchas con-

гихъ битвахъ и совершивши много завоеваній, пошелъ на Турка Ильдринъ Баясита (который былъ одинъ изъ самыхъ великихъ и сильныхъ царей, какіе только извѣстны на свѣтѣ) на его землю Турецкую и сразился съ нимъ подлѣ одного замка, который называется Ангури, и побѣдилъ его и взялъ его въ плѣнъ, его и одного изъ его сыновей; а въ этомъ сраженіи пришлось быть Пайо де Сотомайору и Гернану Санчесу де Паласуеласъ, посланникамъ, которыхъ великій и славный государь донъ Енрике Божіею милостью король Кастиліи и Леона, да хранитъ его Богъ, послалъ, чтобъ узнать, каково могущество Тамурбека и Турка Ильдрина и каково ихъ богатство и сила народовъ, которыхъ они соединили одинъ противъ другого, и также чтобъ они присутствовали на этомъ сраженіи, которое они хотѣли дать; а объ этихъ Пайо и Гернанѣ Санчесѣ узналъ великій государь Тамурбекъ и изъ любви къ великому государю королю Кастиліи воздалъ имъ большія почести, взялъ ихъ съ собою, устроилъ въ честь ихъ большія празднества, далъ имъ подарки и получивъ свѣдѣнія о силѣ великаго и славнаго государя короля Кастиліи и о велико-

quistas, vino sobre el Turco Ildrin Bayacit (que era uno de los grandes y potentes señores que en el mundo se sabia) à la su tierra de [de la] Turquia, é dióle batalla cerca de un castillo que es llamado Anguri, é venciólo é tomole preso á el é á un su fijo, en la qual batalla se acaescieron Payo de Sotomayor, é Hernan Sanchez de Palazuelos, Embajadores que el alto y poderoso [famoso] Señor Don Enrique, por la gracia de Dios Rey de Castilla é de Leon, que Dios mantenga, enviára, por saber la pujanza que en el mundo avia el dicho Tamurbec y Turco Ildrin, porque viesen las sus magnificencias y poderio de gentes que tenian ayuntadas el uno contra el oltro, y se acaesciesen en la batalla que en uno querian aver, de los quales dichos Payo é Hernan Sanchez ovo noticia el gran Señor Tamurbec, y por amor del dicho alto Señor Rey de Castilla fizoles mucha honra [y] tuvolos consigo, y fizoles grandes combites, é dióles ciertas dádivas, é ovida noticia de [del poderio del] alto é famoso [Señor] Rey de Castilla y de la su gran señoria é franqueza que sobre los Reyes Christianos avia, y por aver su amorio, desque la batalla fué vencida, ordenó de le enviar un Embajador é sus letras, é cierto presente por poner su

душіи, которымъ онъ отличался надъ христіанскими государями, онъ, чтобы пріобрѣсть его дружбу, только что было кончено сраженіе, приказалъ послать къ нему посланника, и письма, и подарокъ въ доказательство его пріязни. Съ этимъ посланникомъ былъ одинъ Чакатайскій витязь, котораго звали Магометъ Алькаги, съ которымъ онъ и послалъ свои дары, и приношенія, и торжественныя грамоты. Этотъ посланникъ прибылъ къ государю королю Кастиліи и передалъ ему письма, которыя ему посылалъ государь Тамурбекъ, и его подарокъ и драгоцѣнные камни и женъ, которыхъ онъ посылалъ по своему обычаю. Великій государь король, получивши письма и подарокъ и выслушавши добрыя рѣчи, которыя Тамурбекъ приказалъ посланнику передать ему на письмѣ и на словахъ, и увидавъ, какую онъ ему оказываетъ дружбу, приказалъ приготовить подарокъ и отправить посланниковъ къ Тамурбеку, чтобъ закрѣпить дружбу, которую онъ ему предлагалъ; а посланниками въ это посольство онъ приказалъ послать Фра Альфонса Паесъ де Санта Марія, Магистра Богословія, и Рюи Гонзалеса де Клавихо и Гомеса де Салазара, своего

amo|rio. Con el qual Embajador fué un Caballero Checatay, que avia nombre Mahomat Alcagi, con el qual envió sus dones y presente y sus letras bien solemnes. El qual Embajador vino al dicho Señor Rey de Castilla, y dióle sus letras que el dicho Señor Tamurbec le enviaba, é su presente é joyas é mugeres que le envió segun su costumbre. Y el alto Señor Rey recibidas las dichas letras y presente, é oidas las buenas razones que el dicho Tamurbec le enviaba á decir por las sus letras y Embajador, é amorio que le mostraba, ordenó èl oltrosi cierto presente y Embajadores al dicho Tamurbec, por acrecentar en el amorio que le mostraba, y ordenó
27. de enviar por sus Embajadores en la dicha embajada á Frey Alfonso Paez de Sancta Maria, Maestro en Teologia, é a Ruy Gonzalez de Clavijo, é a Gomez de Salazar su guarda, con los quales le envió sus letras y presente: é porque la dicha embajada es muy ardua, y a lueñes tierras, es necesario y complidero de poner en escrito todos los lugares é tierras por do los dichos Embajadores fueron, é cosas que les ende acaescieron porque non cayan en olvido, y mejor y mas cumplidamente se puedan contar y saber.

тѣлохранителя, съ которыми онъ и послалъ свои письма и подарки. А такъ какъ это посольство очень трудно и въ отдаленныя земли, то будетъ умѣстно и необходимо описать на письмѣ всѣ земли и мѣста, въ которыхъ были эти посланники, и все, что съ ними случилось, чтобъ оно не было забыто и чтобы можно было его лучше и полнѣе разсказывать и знать. И поэтому во имя Господа, во власти котораго все находится, и въ честь святой дѣвы Маріи Матери Божіей началъ я писать съ того дня, какъ посланники достигли порта святой Маріи возлѣ Кадикса, чтобы сѣсть на карраку, на которой должны были ѣхать, и съ ними тотъ посланникъ, котораго Тамурбекъ присылалъ къ государю королю.

II. Въ понедѣльникъ 21 мая года отъ Рождества Христова 1403, прибыли посланники въ портъ Святой Маріи, и въ тотъ же день приказали перенести на карраку, на которой должны были отправиться, провизію, какая у нихъ тамъ была; кромѣ того другіе запасы, которые велѣли привезти изъ Севильи и изъ Хереса, и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыхъ изъ своихъ людей.

На другой же день, во вторникъ, 22 числа того же мѣсяца, они выѣхали оттуда въ лодкѣ и съ ними мессеръ Юліанъ Сенту-

E por ende en el nombre de Dios, en cuyo poder son todas las cosas, é á honor de la Virgen Sancta Maria su madre, comencé á escrebir desde el dia que los Embajadores llegaron al puerto de Sancta Maria cerca de Cadiz para entrar en una carraca en que avian de ir, y con ellos el dicho Embajador que el dicho Tamurbec envió al dicho Señor Rey.

II. Lunes, que fueron veinte y un dias del mes de Mayo del año del Señor de mil e quatrocientos y tres años llegaron los dichos Embajadores al puerto de Sancta Maria, y este | dia ficieron llevar alguna vitualla que alli tenian à la carraca en que avian de ir, demás de otra que avian fecho llevar de Sevilla y de Xeréz, y algunos de sus omes con ella.

Luego otro dia martes siguiente, que fueron veinte y dos del dicho mes, partieron de aqui en una barca, y con ellos Micer Julian Centurio, patron de la carraca en que avian de ir, y llegaron al puerto de las Muelas, que es en par de Cadiz onde la dicha carraca estaba. E miercoles siguiente [ficieron vela é] partió de aqui la dicha carraca, é facia buen tiempo, y en anocheciendo llegaron en per del cabo que se llama Despartel.

ріонъ, хозяинъ карраки, на которой они должны были ѣхать, и прибыли въ портъ де Ласъ Муеласъ, что возлѣ Кадикса, гдѣ стояла эта каррака. Въ слѣдующую среду каррака ихъ выѣхала оттуда. Погода была хорошая, и, когда стала приближаться ночь, они поровнялись съ мысомъ, который называется Деспартель.

На слѣдующій день въ четвергъ они проѣхали мимо Танхара и горъ Барбарскихъ, мимо Тарифы, и Химены, и Септы, и Алгесиры, и Гибралтара, и Марбельи, такъ близко, что могли очень хорошо видѣть эти мѣста, такъ какъ всѣ они лежатъ у подошвы горъ пролива, и въ тотъ же день проѣхали около горъ Фи.

III. На слѣдующую пятницу, 25 дня того же мѣсяца мая, когда совсѣмъ разсвѣло, были они около Малаги; бросили якорь въ портѣ и остались въ немъ стоять ту пятницу, что пріѣхали, и субботу, и воскресенье, и понедѣльникъ и вторникъ; потому что хозяину карраки нужно было сгрузить на берегъ нѣсколько кувшиновъ масла и другой товаръ. Въ этой Малагѣ городъ лежитъ плоско и одной стороной подходитъ къ морю. Внутри города на одномъ концѣ его на возвышеніи стоитъ высокій замокъ съ двумя оградами; а внѣ города стоитъ другой замокъ еще выше, который

Otro dia jueves siguiente llegaron en par de Tanjar, é en par de la sierra de Barbaros, é en par de Tarifa é de Ximena, é de Cepta é de Algecira, y de Gibraltar y de Marbella á tan cerca, que les podian bien ver estos dichos lugares estando baxo de la sierra del estrecho, é fueron este dia á par de la sierra de la Fi.

III. Viernes siguiente que fueron veinte y cinco dias de dicho mes de Mayo, quando amanecio el dia claro, fueron á par de Málaga, é echaron ancla en el puerto, y estovieron ahi el dicho dia viernes que hi llegaron, y sabado y domingo é lunes é martes, por quanto el patron ovo de descargar ciertas jarras de aceyte é otras mercaderias. E la dicha Málaga tiene la villa llana, y de la una parte está junta con el mar, y dentro da ella al un cabo tiene un castillo alto e un otero con dos cercas, y de fuera de la villa está otro castillo mas alto que le llaman el Alcazaba, y del un castillo al otro van dos cercas juntas unas con otras, é baxo en el otro cabo de la villa é en par del mar de fuera de la villa estan unas tarazanas, é luego cerca dellas encomienza una cerca que va junta con el mar\

называется Алькасаба; отъ одного замка къ другому идутъ двѣ ограды смежныя одна съ другою. А въ низу на другомъ концѣ города, возлѣ моря, и внѣ самаго города стоятъ складочныя постройки, и какъ разъ подлѣ нихъ начинается ограда изъ стѣнъ и башень и идетъ подлѣ моря. Внутри этой ограды находится много прекрасныхъ садовъ, а выше этихъ городскихъ садовъ стоятъ высокія горы, а на нихъ есть дома, и виноградники, и сады; а между моремъ и городской оградой стоитъ нѣсколько домовъ, въ которыхъ находится гостинный дворъ. А городъ очень населенъ.

Въ слѣдующую среду 29 числа мѣсяца мая уѣхала оттуда каррака и проѣхали они мимо горъ Малаги, которыя всѣ покрыты виноградниками, полями и садами, и проѣхали возлѣ Велесъ Малаги, высокаго замка, который стоитъ на этихъ горахъ; потомъ проѣхали мимо Альмуньекара, который стоитъ внизу у моря, и къ ночи были около Сьерры Невады.

На другой день въ четвергъ проѣхали они около мыса Палоса, что возлѣ Картагены; а на другой день, въ пятницу возлѣ мыса Мартина; это высокая гора и она уже въ Катадоніи.

IV. Въ субботу, когда разсвѣло, они поровнялись съ однимъ

[2] de torres y de muro. Y dentro desta cerca están muchas huertas fermosas é encima destas huertas de la villa están unas sierras altas en que hay casas, é viñas, é huertas, y entre el mar y la cerca de la villa estan unas pocas de casas, que son lonjas de mercaderes, y la villa es muy poblada

Miercoles siguiente, que fueron veinte y nueve dias del dicho mes de Mayo, partió de aqui la dicha carraca é fueron á par de la sierra de Málaga, que es toda labrada de viñas é de panes é de huertas, y pasaron á par de Velez Málaga, un castillo alto que está en esta sierra, é pasaron à par de Almuñecar, que está baxo fácia el mar, é fueron en anocheciendo à par de la Sierra Nevada.

Otrodia juves fueron en par del cabo de Palos, que es en par de Cartagena, é otro dia viernes fueron en par del cabo de Martin, que es una sierra alta que es ya de Cataluña.

IV. E sabado, quanto amaneció, fueron en par de una isla que llaman Formentera, y es despoblada y à ojo de la isla de Ibiza, y estovieron alli este dicho dia sabado y domingo y lunes y martes, andàndo de una

островомъ, который называется Форментера и никѣмъ не обитаемъ, и стали въ виду острова Ивисы; здѣсь они простояли эту субботу и воскресенье, и понедѣльникъ, и вторникъ, подвигаясь то въ одну сторону, то въ другую, и не могли обойдти мыса, чтобы войдти въ портъ Ивисы, потому что вѣтеръ былъ противный; а во вторникъ уже поздно вступили въ портъ. Это было пятаго числа іюня мѣсяца. Хозяинъ приказалъ сгрузить грузъ, который онъ привезъ, и нагрузить соли и они простояли въ этой гавани тотъ вторникъ, что пріѣхали, и среду, и четвергъ, и пятницу и не могли выѣхать изъ порта, потому что вѣтеръ былъ противный; а въ среду тринадцатаго іюня выѣхали; а въ четвергъ и пятницу было тихо, такъ что они прошли очень мало.

V. Эта Ивиса маленькій островокъ: въ ней пять лигъ въ длину и три въ поперечникѣ. Въ тотъ день, когда пріѣхали посланники, вышли они на землю и губернаторъ, который былъ тамъ отъ короля Аррагонскаго, приказалъ дать имъ помѣщеніе, гдѣ бы имъ можно было остановиться для прожитія и послалъ за ними людей и лошадей, чтобы привезти ихъ въ городъ. Этотъ островъ почти весь лѣсистый, покрытъ крупнымъ и мелкимъ лѣсомъ и сосновыми

parte á otra, que non podian doblar el cabo para tomar el puerto de Ibiza, por quanto avian el viento contrario, é el dicho martes en la tarde tomaron el puerto, que fué a cinco dias del mes de Junio, é el patron fizo descargar de las cargas que levaba, y cargar cierta sal, é estovieron en el dicho puerto el dicho dia martes que hi llegaron, y miercoles y jueves y viernes non podian salir del puerto, por quanto avian el viento contrario, é miercoles, que fueron trece dias de Junio, partieron de aqui, y fizo calma el dicho jueves y viernes, tanto que andovieron bien poco.

29. V. E esta dicha Ibiza es un isla pequeña, en que ha cinco leguas en luengo é tres en ancho. Y el dia que llegaron los Embajadores, tomaron tierra, y el Gobernador que ende estaba por el Rey de Aragon, mandóles dar posada en que estoviesen, y envióles omes y bestias en que viniesen á la villa, é la dicha isla es toda la mas della montañas altas de montes baxos é piñares: e la villa es poblada en un otero alto que esta junto con el mar, é tiene tres cercas, y entre cada cerca mora gente, y tiene un castillo en lo mas alto de la villa fácia la mar, è tiene altas torres é cerca

борами. Городъ построенъ на высокомъ холмѣ возлѣ моря, и въ немъ три ограды; и въ каждой оградѣ живутъ люди. На самомъ высокомъ мѣстѣ города противъ моря стоитъ высокій замокъ съ высокими башнями и оградою. Городская церковь стоитъ рядомъ съ замкомъ, и въ ней есть высокая башня, которая соединяется съ замкомъ; и городъ, и замокъ окружены одной стѣной. На этомъ островѣ есть солеварни, въ которыхъ много соли, и каждый годъ выдѣлывается очень хорошая соль изъ морской воды, которая въ нихъ входитъ. И эти солеварни приносятъ большой доходъ, потому что каждый годъ туда приходитъ много кораблей съ востока нагружаться солью. Въ стѣнахъ города есть башня, въ которой устроены помѣщенія, и которая называется башней Ависены: говорятъ, что Ависена былъ съ этого острова. Въ стѣнѣ и башняхъ видны слѣды ударовъ метательныхъ орудій, которыя приказывалъ кидать король донъ Педро, когда онъ осаждалъ городъ.

Въ слѣдующую субботу, что была восемнадцатаго числа іюня мѣсяца, въ девятомъ часу проѣхали они около острова Маіорки, такъ что могли хорошо его различить. А въ слѣдующее

sobre sì, y la Iglesia de la villa está à par del castillo, é tiene una torre alta que se contiene con el dicho castillo, é cerca la villa é castillo de partes de fuera una cerca sola. E en esta isla ha unas salinas en que ha mucha sal, que se face en ella muy fina cada año del agua del mar que entra alli. E estas salinas son de gran rendicion, que cada año vienen alli muchas naos de Levante à cargar de sal. E en la cerca de la villa ha una torre en que estan fechas unas casas, que llaman la Torre de Avicena, y dicen que desta isla fué natural Avicena, è en la cerca y torres della están pedradas de engenios quel Rey Don Pedro fizo lanzar, quando la tovo cercada.

E sabado siguiente, que fueron diez y ocho dias del dicho mes de Junio, á hora de nona fueron en par de la isla de Mallorcas, à tanto que los pudieran bien devisar, y domingo siguiente fueron en par de una isla que es llamada la Cabrera, é tiene un castillo pequeño; é lunes è martes andovieron su viage, é non mucho, que avian viento escaso, é el miercoles en la tarde fueron en par de la isla de Menorcas, è entraron en el Golfo

воскресенье поровнялись они съ однимъ островомъ, который называется Кабрерой; на немъ есть маленькій замокъ. Въ понедѣльникъ и во вторникъ они продолжали свой путь, но не много, такъ какъ вѣтеръ былъ слабъ. Въ среду поздно проѣхали мимо острова Минорки и вошли въ Ліонскій заливъ, и шли по Ліонскому заливу и четвергъ, и пятницу, и субботу. Всѣ эти дни была хорошая погода. А въ воскресенье, въ день св. Іоанна проѣхали вблизи одного острова, который называется Линера и принадлежитъ ко владѣніямъ вице-короля Аррагонскаго.

VI. Въ понедѣльникъ, когда разсвѣло, проѣхали они между двумя островами, которые называются, одинъ—Корсика; и стоитъ на немъ замокъ, по имени Бонифаціо, принадлежащій одному Генуезцу; а другой островъ называется Сардинія, и на немъ стоитъ замокъ по имени Луенгосардо и принадлежитъ Каталанцамъ. Эти два замка на этихъ двухъ островахъ стоятъ у моря одинъ противъ другого точно на стражѣ, а проходъ между этими двумя островами, узкій и опасный, называется тамъ проливомъ Бонифаціо.

Въ слѣдующій вторникъ, поздно, проѣхали они вблизи одного

de Leon, é jueves y viernes y sabado pasaron el Golfo de | Leon, é fizoles estos dias buen tiempo, y domingo que fuè dia de Sant Juan, fueron en par de una isla que ha nombre Linera, è es del señorio del Virrey de Aragon.

VI. Lunes quando amanesció, fueron entre dos islas que han nombre la una Córcega, y tiene un castillo que ha nombre Bonifacio, é es de un Genoves, é la otra isla ha nombre Cerdeña, y tiene un castillo que ha nombre Luesigosardo, y es de Catalanes. Y estos dos castillos destas dichas dos islas están facia el mar el uno en derecho del otro como en guarda, y el paso de entre estas dos islas, que es estrecho y peligroso, es
30. llamado alli en aquel paso las Bocas de Bonifacio.

Martes siguiente en la tarde fueron en par de una isla que es llamada Ponza, y es deshabitada, pero otro tiempo fuè poblada, é ovo en ella dos Monesterios, y hay en ella grandes edificios de muy grande obra que fizo Virgilio, y en derecho desta isla à la mano izquierda parescieron unas montañas altas, que eran en la tierra firme, que son llamadas Montecar-

острова, который называется Понса и теперь не обитаемъ; а прежде онъ былъ обитаемъ, и было на немъ два монастыря, а (теперь) есть на немъ большія очень хорошія зданія, построенныя Виргиліемъ. Прямо за этимъ островомъ на лѣвой рукѣ видны высокія горы, которыя уже на твердой землѣ и называются Монте-карсель, и тамъ есть замокъ, который называется Сантъ Фелисесъ и принадлежитъ ко владѣніямъ короля Лансалаго. Немного дальше прошли они мимо другихъ горъ, тоже на твердой землѣ, и у подошвы ихъ виденъ былъ городъ, который называется Тарасена и принадлежитъ ко владѣніямъ Рима. Оттуда до Рима двѣнадцать лигъ. Между моремъ и городомъ видны были сады и высокія деревья, а между садами и городомъ стоялъ монастырь, въ которомъ прежде были монахини, но ихъ увезли оттуда Мавры Берберскіе.

VII. Въ среду они продолжали свой путь, а въ слѣдующій четвергъ, 27 іюня, къ ночи пріѣхали въ портъ Гаэты и бросили якорь у самаго города, такъ близко, что могли переложить доску на стѣну города. Посланники вышли на землю и остановились въ одномъ домѣ возлѣ Санъ Франциско внѣ города и стояли тамъ

zel, é tiene un castillo que es llamado Sant-Felices, y es del señorio del Rey Lanzalago, é un poco adelante pasaron à par de otras montañas que eran eso mesmo en la tierra firme, è ayuso dellas paresció una villa que es llamada Taracena, y es del señorio de Roma, y de alli à Roma avia doce leguas, è entre el mar é la villa parescieron unas huertas é arboles altos, y entre estas huertas é la villa estaba un Monesterio que avia sido de Monjas, que las avian llevado de alli Moros de la Berberia. |

VII. E miercoles andovieron su viage; è jueves siguiente, que fueron veinte y siete del dicho mes de Junio, en anochesciendo fueron en el puerto de Gaeta, y echaron ancla á raiz de la villa á tan cerca, que pudieron poner plancha en el muro de la ciudad. Y los dichos Embajadores tomaron tierra, y fueron á posar en una posada que era cerca de Sant Francisko fuera de la ciudad, y estovieron alli diez y seis dias, por quanto el patron é algunos mercaderes de la carraca ovieron de descargar algunas mercaderias que traian, y cargaron aceyte.

шестнадцать дней, потому что хозяинъ и нѣкоторые купцы съ карраки должны были сгрузить разные товары, которые везли, и нагрузить масла.

VIII. Этотъ городъ Гаэта и гавань его очень красивы, такъ какъ при самомъ входѣ портъ узкій, а внутри очень широкій и окруженъ вокругъ высокими горами, на которыхъ есть замки и красивые дома и много садовъ; а на лѣвой рукѣ, какъ входишь въ портъ, стоитъ высокій холмъ, а на верху его башня, точно большая сторожевая башня. Ее построилъ, говорятъ, Рольданъ, и такъ и зовутъ ее башней Рольдана. Возлѣ этого холма стоитъ другой холмъ, смежный съ нимъ, и на немъ построенъ городъ; ворота и дома его спускаются по склону горы къ морю, тамъ гдѣ портъ, такъ что почти подходятъ къ водѣ, и тутъ то стоитъ стѣна, которую омываетъ море. Отъ стѣны идутъ двѣ башни со стѣной, которыя входятъ въ воду; разстояніе отъ одной башни къ другой такое, какъ можно бросить стрѣлой изъ самострѣла. И отъ одной башни къ другой протягиваютъ цѣпь, когда это нужно, и за этой цѣпью стоятъ галеры и барки во время войны. Между холмомъ, на которомъ построенъ городъ и дру-

VIII. Esta dicha ciudad de Gaeta, y el puerto della es bien fermoso,
ca luego en la entrada del puerto es angosto, é de dentro mas ancho, y es
cerrado todo en derredor de altas sierras, en que hay castillos é casas
bien fermosas, é muchas huertas, y á la mano izquierda come ome entra
en el puerto, está un cerro alto, é encima dél está una torre como atalaya
muy grande, que dicen que fizo Roldan, y asi la llaman la Torre de Rol-
dan: y en par deste cerro está otro junto con èl, y en esto está poblada
la ciudad, y la puerta y casas della dicen en ladera fácia el már á do
está el puerto, á tanto que llega fasta cerca del agua, é luego está el
muro en que bate el mar. E del muro salen dos torres con su muro que
entran en el agua, que puede aver de la una torre á la otra quanto una
31. ballesta podria echar un viraton, é de la una torre á la oltra echan una
cadena, quanto e necesario, é tras aquella cadena están las galeras y fu-
stas en tiempo de guerra, y entre el otero en que está poblada la ciudad,
y [3] entre el otro otero en que está fecha la torre de Roldan, va fecha
una torre con altas torres é petril y almenas, que van fasta la dicha

гимъ холмомъ, на которомъ стоитъ башня Рольдана, построена башня съ высокими башенками, перилами и зубчатыми стѣнами, которыя идутъ до самой башни Рольдана, вокругъ холма, на которомъ стоитъ городъ, и другого холма, на которомъ стоитъ башня Рольдана; эти стѣны поставлены для охраненія города. Со стороны моря нѣтъ ни какой опасности, потому что оно окружено съ двухъ сторонъ, и по берегу идутъ высокія скалы, такъ что никакъ нельзя опасаться, чтобы во время войны въ гавань могли войдти какіе нибудь корабли. Какъ разъ у той городской ограды начинается другая, которая идетъ довольно долго около моря; и внутри этой ограды есть высокій холмъ, окруженный съ двухъ сторонъ моремъ, и на немъ много виноградниковъ и масличныхъ и другихъ садовъ; а между этимъ холмомъ и оградою, которая идетъ по берегу моря, идетъ улица, обстроенная многими домами и лавками. Въ этой улицѣ есть церковь, очень почитаемая, къ которой люди имѣютъ очень большое уваженіе; она называется Святой Маріи Благовѣщеніе. Напротивъ нея есть другая очень почитаемая церковь, которая называется св. Антонъ; а надъ этою церковью св. Маріи есть прекрасный монастырь

torre de Roldan, y cerca el otero en que está la ciudad, y el otero en que está la torre de Roldan, es para guarda de la ciudad. E non ha recelo de partes de la mar, por quanto lo cerca de las dos partes, é tiene muy altas peñas que non ha recelo en tiempo de guerra tomen alli puerto ningunos navios, é luego desta cerca de la ciudad encomienza otra que va muy grande pieza junto con el mar, y dentro desta cerca esta un otero alto que es cercado de dos partes del mar, y es poblado de muchas viñas y huertas y olivares, y entre este otero y la cerca que va junto con el mar, va una calle poblada con muchas casas y tiendas. E en esta calle esta una Iglesia muy devota en que han las gentes muy gran devocion, que es llamada Sancta Maria la Annunciada, y delante desta está otra Iglesia muy devota que es llamada Sant Anton, y encima desta Iglesia de Sancta Maria está un fermoso Monesterio de Sant Francisco, y como se acaba esta calle, sube la cerca la cuesta arriba deste otero, y va fasta el otro mar, asi que esta cerca rodea todo en derredor este otero. E esta cerca es fecha, porque en caso que algunas fustas lleguen alli, les sea defendida

св. Франциска. Какъ оканчивается эта улица, ограда поднимается вверхъ по склону холма и идетъ до другого моря, такъ что она окружаетъ весь этотъ холмъ. Эта ограда сдѣлана для того, чтобы въ случаѣ, если прійдутъ какія нибудь суда, съ нихъ нельзя было выйдти на берегъ и чтобъ не былъ нанесенъ какой нибудь вредъ городу. Въ концѣ ограды, гдѣ соединяются обѣ ограды, которыя окружаютъ эти холмы, стоитъ церковь, которая называется Троица, и вокругъ нея стоятъ башни и домы въ родѣ крѣпости. Возлѣ этой церкви въ скалѣ есть пещера, точно нарочно устроенная, какъ будто силою раздвинули скалу въ разныя стороны. Въ глубину эта пещера входитъ почти на десять брасъ, въ длину въ ней будетъ до пятидесяти шаговъ, и она такъ узка, что въ нее можно входить только по одному. Внутри устроена пустынька, которая называется пустынею Святаго Креста. Говорятъ, что въ городѣ есть запись, что это отверстіе сдѣлалось въ тотъ день, когда Іисусъ Христосъ пострадалъ на Крестѣ. Внутри этой ограды насажено много красивыхъ садовъ, и домовъ и террасъ, много апельсинныхъ и лимонныхъ и масличныхъ садовъ и виноградниковъ, и все это очень красиво на видъ. А внѣ

la salida, porque non venga daño á la ciudad. E en cabo desta cerca, do se junta el uno y el oltro que cerca estos oteros, está una Iglesia que es llamada la Trinidad, é cerca della están unas torres é casas como alcázar, é cerca desta Iglesia está un alberca fecha en una peña, é está tan proprio como si fuera fecho á fuerza, partido lo uno de lo otro, y entra en fondo la dicha alberca por la peña ayuso bien diez brazas, y es en luengo bien cincuenta pasos, y es | tan angosta que non puede entrar salvo un ome ante otro, y dentro está fecha una hermita que es llamada Sancta Cruz, y decian que está por escriptura alli en la ciudad que aquella abertura se ficiera el dia que Jesu-Christo recibió pasion. E dentro desta cerca es poblada de muchas fermosas huertas é casas é azoteas, y de muchas naranjales é limonares é cidrales, é de viñas é olivares, y paresce
32. muy fermoso de ver. E fuera desta cerca à raiz del mar va una calle muy fermosa de casas é palacios e huertas, y mucha agua que va por ellas que cerca el puerto como en derredor, y va esta calle asi poblada fasta el lugar que es llamado Mola, y de la ciudad alli ha dos leguas. E esta

ограды, у самаго моря, идетъ очень красивая улица, обстроенная домами, дворцами и садами, по которымъ протекаетъ вода, и окружаетъ весь портъ кругомъ. Эта многолюдная улица идетъ до самаго того мѣста, которое называется Мола, а отъ города до него лиги двѣ. Улица эта очень многолюдна и вся вымощена. Выше нея идутъ холмы, тоже покрытые домами и деревнями, и все это видно изъ города и такъ красиво, что чудо. Все это посланники осматривали, пока оставались тамъ. За тѣмъ мѣстомъ, что называется Молой, видно предмѣстье и высокій замокъ, и много другихъ мѣстъ на горѣ; а на концѣ той горы, на которой стояло все это, при входѣ въ портъ, на правой рукѣ стояла очень высокая башня, точно сторожевая, которая называется башней Карельяно. Всѣ эти мѣста принадлежали прежде графу Фонди, а теперь принадлежатъ королю Лансалаго, который потерялъ было ихъ по случаю своей войны съ королемъ Людовикомъ. Дома города Гаэты очень красивы на видъ; они идутъ до самаго порта, очень высоки и выходятъ окнами на море. Самое красивое мѣсто въ городѣ, это ровная улица, которая идетъ по самому берегу моря; другія же улицы узки, круты и не удобны. На

calle es muy poblada, y toda empedrada, è encima desta calle están unas sierras eso mismo pobladas de aldeas y casas, y todo esto paresce de la ciudad, y es tan placentero de ver que es maravilla. E todo fueron ver los dichos Embajadores mientra aqui estovieron, é adelante del dicho lugar de Mola paresció una villa é un castillo alto, é otros lugares asaz en una montaña, y en cabo desta sierra en que estaban estos lugares, á la entrada del puerto á la mano derecha estaba una torre muy alta como atalaya, que es llamado la torre de Carellano: é estos dichos lugares avian sido del Conde de Fondi, y agora son del Rey Lanzalago, que se los avia quitado por ocasion de la su guerra, é del Rey Luis: é las casas de la ciudad de Gaeta son muy fermosas de ver de partes de fuera, por quanto dicen en ladera fasta el puerto, y son muy altas y con ventanas fasta el mar, y lo mas fermoso de la ciudad es una calle llana que va á par del mar, y las otras calles son angostas y altas, malas de andar. E en esta calle mayor es el meneo desta ciudad, y en esta ciudad se tratan muchas mercadorias de cada año.

этой главной улицѣ идетъ вся торговля города, а въ городѣ каждый годъ продается много товару.

IX. Когда король Лансалаго велъ войну съ королемъ Людовикомъ, онъ потерялъ все царство, кромѣ этого города и отсюда онъ поднялся снова и возвратилъ себѣ всѣ свои владѣнія.

Когда король Лансалаго былъ въ этомъ городѣ, и былъ женатъ на Констанціи, дочери Манфреда Караметe, онъ развелся съ нею и самъ насильно выдалъ ее за одного своего вассала, сына мессера Людовика изъ Капуи. Говорятъ, что самъ король, бывши въ этой самой церкви Троицы, взялъ ихъ за руки и женилъ ихъ на глазахъ большого множества народа бывшаго тамъ, а потомъ устроилъ свадебныя празднества; говорятъ также, что самъ король на пиру взялъ за руку эту самую жену свою и танцовалъ съ нею. И жена его говорила много дурного на площадяхъ и на улицахъ. Говорятъ, что король сдѣлалъ это по совѣту своей матери Маргариты. Послѣ король женился на сестрѣ короля Кипрскаго, которую звали донья Марія. Король не имѣлъ дѣтей отъ жены своей Констанціи, хотя былъ женатъ на ней полтора года; а тотъ, который теперь женился на ней, имѣетъ отъ нея дѣтей. У короля

IX. Y quando el Rey Lanzalago avia su guerra con el Rey Luis perdió todo el Reyno, salvo esta ciudad, y de aqui salió y cobro todo su señorio.

Estando el Rey Lanzalago en esta ciudad, y siendo casado con Madama Gostanza, fija de Monprey de Charamete partio se della, é casóla èl mismo por fuerza con un su vasallo fijo de Micer Luis de Capua, y decian que el Rey mismo estando en la dicha Iglesia de la Trinidad les tomó las manos, y los casó á ojo de muy gran gente que alli estaban, y le [les] fizo sus bodas, é decian que el Rey mesmó tomó por la mano este dia de sus bodas á la dicha su muger, y que danzó con ella. E la dicha su muger decia muchas cosas y feas por plaza y calles, é decian que esto facia el Rey por consejo de Madama Margarita su madre. E despues el Rey casó con la hermana del Rey de Chipre, que llamaban Doña Maria,
33. y el Rey non ovo fijos en Madama Gostanza sa muger, como quiera que la tovo un año y medio: pero el que agora casó con ella ha fijos della, y el Rey Lanzalago ha una germana que llaman Madama Joanela, y casó con

Лансалаго есть сестра, которую зовутъ Іоанелла; она вышла замужь за герцога Стерлика, который также герцогъ Баберскій; говорятъ, что она очень хороша собою.

X. Въ пятницу, тринадцатаго числа мѣсяца іюля, около полудня, каррака подняла паруса и выѣхала изъ Гаэты, и весь этотъ день они были въ пути.

На слѣдующій день, въ субботу, они прошли мимо острова, который называется Искіа и мимо другого острова, который называется Прочида; они оба не обитаемы. Въ этотъ же день они прошли мимо другого острова, который называется Трапе; онъ населенъ, принадлежитъ къ королевству Неаполитанскому, и на немъ есть хорошій городъ. Въ тотъ же день они были противъ мыса Минервы, что на твердой землѣ, и кромѣ того прошли мимо двухъ высокихъ горъ, посреди которыхъ стоитъ городъ, по имени Мальфа. На этихъ горахъ видно было нѣсколько замковъ; а въ этомъ городѣ Мальфѣ, говорятъ, находится голова св. Андрея.

XI. Въ тотъ же самый день, въ субботу, въ вечерню они увидѣли, какъ упали съ неба точно два столба дыма, которые достигли до моря, и вода поднялась по нимъ такъ скоро, такъ

el Duque de Sterlic, que es el Duque de Babera, é alabanla por muy fermosa muger.

X. E viernes, que fueron trece dias del mes de Julio, á hora de medio dia la dicha carraca fizo vela, é partió de aqui de Gaeta, y anduvieron este dia su viage.

Y otro dia sabado siguiente pasaron por cerca de una isla que es llamada Iscla, y á par de otra isla que es llamada Procheda, é son deshabitadas, é eso mismo pasaron este dicho dia á par de otra isla que es llamada Trape, y es habitada, y del señorio del Reyno de Napoles, y en ella ha una buena villa, é fueron este dia en par del cabo de la Minerva, que es en tierra firme, y otrosi fueron en par de dos montes altos, y en medio dellos está una ciudad que ha nombre Malfa: en estos dos montes parescieron sendos castillos, y en esta ciudad de Malfa dicen que está la cabeza de Sant Andrés.

XI. E este mesmo dia sabado á hora de visperas, vieron descaer del cielo dos raucos como de fumo, que llegaron fasta el mar, y el aqua subió

сильно и съ такимъ шумомъ, что облака наполнились водою и небо потемнѣло и покрылось тучами. Тогда они удалились на сколько могли со своею карракою, такъ какъ еслибъ этимъ столбамъ удалось попасть на карраку, то, говорятъ, они могли бы уничтожить ее.

XII. Въ слѣдующее воскресенье, когда разсвѣло, они прошли мимо двухъ пустынныхъ островов, плоскихъ и безлѣсныхъ, которые называются одинъ Арку, а другой Фируку; а немного подальше на лѣвой рукѣ появился другой островъ, точно одна высокая гора, который называется Странголь; въ немъ есть отверстіе, изъ котораго поднимается дымъ и огонь; ночью изъ этого отверстія вылетѣло большое пламя и огонь съ сильнѣйшимъ шумомъ. Послѣ того на правой рукѣ они увидѣли другой островъ, который называется Липари. Онъ населенъ и принадлежитъ королю Лансалаго; на этомъ островѣ находится покровъ блаженной св. Агуеды. Этотъ островъ какъ то горѣлъ, и заступничествомъ блаженной св. Агуеды пересталъ горѣть и онъ, и другіе острова около него, которые горѣли. И съ тѣхъ поръ жители, когда видятъ, что горятъ другіе острова, то выносятъ этотъ покровъ, чтобъ огонь не достигъ ихъ, и пожаръ тотчасъ же прекращается.

por ellos tan aina, é tan rescio con gran ruido que las nubes finchó de agua, y escuresció y anubló el cielo, y arredraronse con la carraca quanto pudieron, ca decian que si aquellos ramos acertáran á tomar á la carraca, que la podrian anegar.

XII. Domingo siguiente en amaneciendo pasaron por entre dos islas despobladas, rasas sin montes, que son llamadas la una Arcu, y la otra Firucu, y luego un poco[po] adelante á la mano izquierda paresció otra isla de una sierra alta que es llamada Strangol, y tiene una boca por do salia el fumo é fuego, é en la noche salió grandes llamas de fuego por la dicha boca con grandissimo ruido, é vieron otrosi á la mano derecha otra isla que es llamada Lipar, y es poblada, y está por el Rey Lanzalago: y en esta isla está el velo de la bienaventurada Sancta Agueda, é aqui en esta isla solia arder, y por ruego de la bienaventurada Sancta Agueda ces[4]|ó de arder esta isla, y otras islas que son cerca della que solian arder: y
34. quando ven que arden las otras islas, porque non venga el fuego dellas á esta, que sacan aquel velo, y que luego cesa aquel fuego.

Въ слѣдующій понедѣльникъ утромъ они прошли между необитаемыми островами, которые называются одинъ Салинасъ, другой Странголинъ, а третій Волькани, и изъ нихъ выходилъ большой дымъ съ сильнымъ шумомъ. Кромѣ того прошли они мимо другихъ острововъ, тоже необитаемыхъ; одинъ зовутъ Паранеа, а другой Панаринъ.

XIII. Въ слѣдующій вторникъ, семнадцатаго числа іюля мѣсяца, они все еще шли между этими двумя островами, и не могли выйдти, потому что была тишь. А ночью, когда они стояли между ними, въ три часа сдѣлалась большая буря, и подулъ сильный противный вѣтеръ, который продолжался до утра.

Въ среду около полудня разорвало вѣтромъ паруса на карракѣ, и весь день они плавали съ пустыми мачтами то въ одну, то въ другую сторону, такъ что считали себя въ большой опасности. И продолжалась эта буря вторникъ и среду до двухъ часовъ ночи. Въ это время изъ отверстій, именно изъ Странголя и Вольканте выбрасывалось высокое пламя и дымъ съ сильнымъ вѣтромъ и шумомъ. Въ продолженіе бури хозяинъ приказалъ пѣть литаніи, и

Lunes siguiente en la mañana pasaron entre unas islas despobladas que son llamadas la una Salinas, y la otra Strangolin, y la otra Bolcani, é salio gran fumo dellas, é facian gran ruido, é otrosi pasaron á par de otras dos islas que son despobladas, é llaman á la una Paranea, é á la otra Panarin.

XIII. E martes siguiente, que fueron diez y siete dias del dicho mes de Julio, anduvieron entre estas dichas dos islas que non podian salir dellas por calma que facia. E en la noche estando entre ellas, á tres horas de la noche fizo gran tormenta, é ovieron un gran viento contrario que les duro fasta la mañana.

E miercoles todo el dia á hora de medio dia rompió las velas de la carraca, y anduvieron á arbol seco de una parte á otra, de manera que se vieron en gran peligro. E duró la dicha tormenta martes y miercoles fasta dos horas de la noche, é las dichas bocas, señaladamente la de Strangol y Bolcante con el gran viento lanzaba grandes llamas de fuego y fumo con gran ruido, y durante la tormenta fizo el patron cantar las letanias,

всѣмъ молиться Богу о помилованіи. Когда молитва окончилась и они все еще шли посреди бури, появился свѣтъ точно свѣчка на марсѣ, на верху мачты карраки и другой свѣтъ на томъ бревнѣ, что называется бушпритъ, которое находится на переди корабля, и еще одинъ свѣтъ точно свѣчка на той реѣ, которая находится надъ кормой. Этотъ свѣтъ видѣли всѣ, кто были на карракѣ, потому что всѣхъ созвали смотрѣть на него. Онъ продолжался нѣсколько времени, потомъ исчезъ самъ собою, и все это время не переставала буря. Скоро всѣ пошли спать кромѣ кормчаго и нѣсколькихъ матросовъ, которые должны были сторожить. И въ то время, какъ эти матросы и кормчій не спали, услышали они недалеко отъ карраки нѣсколько позади голоса, точно человѣческіе, и кормчій спросилъ двухъ матросовъ, слышатъ ли они этотъ шумъ. Они сказали, что да. Все это время буря не прекращалась, и вдругъ они увидѣли, что тотъ же свѣтъ опять появился на тѣхъ мѣстахъ гдѣ былъ прежде. Тогда разбудили всѣхъ людей на карракѣ, и они всѣ увидѣли свѣтъ, а кормчій разсказалъ имъ, что слышалъ. Эти огни оставались столько времени, сколько продолжается обѣдня, и потомъ вдругъ буря прекратилась. Этотъ свѣтъ, что

é que todos pidiesen misericordia à Dios. E acabada la oracion andando en la tormenta parescio' una lumbre de candela en la gabia encima del mastil de là carraca, y otra lumbre en el madero que llaman baupré́s, que esta en el castillo de abante: é otra | lumbre como candela en una vara de espinelo que está en la popa, é estas lumbres vieron quantos estaban en la carraca, que fueron llamados que las viniesen ver, y duraron una pieza, de si desaparecieron, é non cesaba én todo esto la tormenta, y á poca dehora fueron dormir, salvo el nauchel y ciertos marineros que avian de guardar. E estando el nauchel y dos marineros que velaban despiertos, oyeron á par de la carraca un poco arredrado voces como de omes, y el nauchel pregunto' á los dos marineros, si oyeran aquel ruido, ellos dixeron que sí, y en todo esto la tormenta non cesaba. E à esta hora vieron otra vez las dichas lumbres tornadas onde primero estaban, é entonce despertaron á la gente de la carraca, é vieron las lumbres, y contóles el nauchel lo que oyera, y duraron estas lumbres quanto dura una Misa, é luego cesó la tormenta. E estas lumbres que asi vieron decian que era Fray

они видѣли, говорятъ, былъ св. Перо Гонзалесъ Туйскій, потому что они поручили себя ему. Слѣдующее утро застало ихъ возлѣ этихъ же острововъ и въ виду острова Сициліи, при хорошей надежной погодѣ.

И они плыли промежду этихъ острововъ до слѣдующаго четверга при большой тиши.

XIV. Въ пятницу поздно вечеромъ они подошли къ острову Сициліи, въ виду одной башни, которая называется башнею Фаро и стоитъ при заворотѣ у входа въ Мессину, у самаго порта. Отъ сильнаго теченія, которое идетъ по этому проливу Фаро и отъ слишкомъ слабаго вѣтра, который дулъ, они не могли въ этотъ день войдти въ проливъ, чтобы остановиться въ портѣ Мессины. Ночью вѣтеръ усилился и кормчій, который пріѣхалъ изъ города, чтобы провести карраку по этому проливу, велѣлъ поднять паруса; проходя мимо башни Фаро, каррака сѣла на мель и руль выскочилъ изъ своего мѣста. Они уже считали себя погибшими; но вѣтеръ былъ не великъ, и на морѣ былъ отливъ; и они устроили такъ, чтобы ввести корабль въ воду однимъ концомъ. Какъ

Pero Gonzalez de Tuy, que se avian encomendado à él, é otro dia amanecieron cerca destas dichas islas, é á ojo de la isla de Sicilia, con buen tiempo seguro.

E anduvieron entre estas dichas islas fasta el jueves siguiente con grandes calmas que facia.

XIV. E viernes en la tarde fueron en par de la isla de Sicilia é á ojo de una torre que es llamada la torre del Faro, que está à la vuelta de la entrada de Mecina, á la entrada del puerto, é con la gran corriente que sale por aquella boca del Faro, é por poco viento que facia, non pudieron este dia entrar por aquella boca para ir á tomar el puerto de Mecina, é en la noche cresció el viento, é un piloto que avia venido de de la ciudad de | Mecina para meter por aquella boca la carraca, fizo facer vela, y en llegando en par de aquella torre del Faro, tocó la carraca en tierra, y saltó el timon de caxa, é ovieron de ser perdidos, salvo el viento que era poco, é el mar andaba baxo, é ficieron de manera como en un punto la carraca fuera cobrada, é metida al largo: é desque fueron á lo largo sur-

только они сошли съ мели, сейчасъ бросили два якоря и простояли такъ до утра, а когда наступилъ день, начался приливъ, усилился вѣтеръ, они подняли паруса и пріѣхали въ Мессинскій портъ. Противъ той башни Фаро находится твердая земля Калабрія, а между Калабріей и Сициліей противъ этой башни море не шире одной лиги. На башнѣ Фаро есть фонарь, который горитъ ночью, чтобъ корабли, которые проходятъ, могли знать гдѣ входъ въ проливъ. Калабрія въ этомъ мѣстѣ казалась обработанною и покрытою полями, садами и виноградниками.

XV. Городъ Мессина лежитъ на берегу моря; у самаго моря идетъ его стѣна съ многими, хорошо построенными башнями. Дома въ немъ красивые, высокіе и крѣпкіе, особенно красивые со стороны моря, потому что ихъ окна смотрятъ на море, и они большія; главныя улицы идутъ вдоль у самаго моря. Въ немъ есть пять или шесть городскихъ воротъ, которые выходятъ также къ морю. На концѣ города есть магазины, а внѣ города стоитъ монастырь черныхъ монаховъ, который называется Монастыремъ Спасителя. Они молятся и совершаютъ богослуженіе такъ какъ Греки. Въ городѣ есть сильно укрѣпленный замокъ.

gieron dos anclas, é estó[u]vieron asi fasta el dia; é desque fué el dia vino la creciente, é creció el viento, é ficieron vela, é fueron en el puerto de Mecina: é en derecho desta torre del Faro está la tierra de la Calabria, que es tierra firme, y entre la tierra de la Calabria é la isla de Sicilia, en aquel derecho de la torre es tan estrecho el mar quanto una legua, y en esta torre del Faro está siempre un faron que arde de noche, porque los navios que alli fueren acierten en aquella entrada. E la tierra de la Calabria en aquel derecho paresció labrada y sembrada de panes, é muchas huertas é viñas.

XV. E esta ciudad de Mecina es junta con el mar, é el su muro va junto con el mar, de muchas torres é bien fechas, y las casas della son bien fermosas é altas de cal y de canto, é de partes del mar parescen fermosas, por quanto acatan las ventanas [ventas] de las casas fácia el mar, e son altas, é las calles mayores della van á luengo á raíz del mar, é tiene bien
36. cinco ó seis puertas que salen al mar, é en cabo de la ciudad están unas tarazanas, y el derecho fuera de la ciudad está un Monesterio de Monges

XVI. Въ слѣдующій понедѣльникъ, двадцать второго числа іюля мѣсяца, подняли паруса и отправились оттуда при хорошей погодѣ.

На правой рукѣ показался островъ, на которомъ находится отверстіе Монджибле; они прошли мимо Калабріи и показался городъ, который называется Реголь. Потомъ они вошли въ заливъ Венеціанскій и шли по нему вторникъ, среду и четвергъ. Въ пятницу вечеромъ подъѣхали къ землѣ Мондонъ, твердой землѣ, принадлежащей къ Венеціанскимъ владѣніямъ. Также проѣхали они мимо острова, который называется Сапіенсія, и возлѣ другого острова, который называется Бенетико, и другого, который называется Серне, и проѣхали мимо мыса Гало, и также показалась твердая земля, которая называется Коронъ. Въ слѣдующую субботу были они противъ мыса, который называется Марія Матапанъ, и мыса Сантъ-Анжело, что на твердой землѣ владѣній Венеціанскихъ; а въ полдень подошли къ населенному острову, который называется Сетуль, и прошли между этимъ островомъ и высокой скалой, по имени Лобо. На этомъ островѣ Сетуль видѣнъ былъ маленькій замокъ съ высокими баш-

negros que es llamado Sant Salvador, é consagran é dicen sus horas as como los Griegos, é en la ciudad ha un castillo bien fuerte.

XVI. E lunes siguiente, que fueron veinte y dos dias del dicho mes de Julio, ficieron vela é partieron de aqui, é ovieron buen tiempo, é paresció á la mano derecha la isla en que está la boca de Mongible, é fueron á par de la tierra de la Calabria, é paresció una villa que ha nombre Regol, é entraron en el golfo de Venecia, é anduvieron en él martes é miercoles é jueves. E viernes siguiente en la tarde fueron en par de Mondon, una tierra firme del señorio de Venecia, é eso mismo fueron en par de una isla que ha nombre Sapiencia, é á par de otra isla que es llamada Benetico, é de otra que es llamada Cerne, é pasaron á par del cabo de Galo, é paresció eso mismo una tierra firme que es llamada Coron. E sabado siguiente fueron en par del cabo que es llamado de Maria Matapan, e del cabo de Sant Angelo, que son tierra firme del señorio de Venecia, é á hora de medio dia fueron á raiz de una isla poblada que es llamada Cetul, é pasaron por entre esta isla é una roca alta que es llamada el Lobo, y en esta

нями, построенный на высокой скалѣ на берегу моря, а внизу у самаго моря стояла башня для охраненія входа въ замокъ; немного дальше, завернувши около острова, на равнинѣ у моря показался остатокъ стѣны и разрушенныя башни; говорили, что тамъ стоялъ храмъ, который разрушилъ Парисъ, когда похитилъ Елену и сжегъ идола, въ то время какъ отецъ его царь Пріамъ послалъ его воевать въ Грецію. У конца этого острова они прошли между тремя скалами, которыя называются Тройка, Двойка и Тузъ.

Въ воскресенье, двадцать девятаго іюля, около третьяго часа поровнялись они съ необитаемымъ островомъ, который называется Секило, покрытымъ высокими горами, гдѣ водятся соколы. Каррака хотѣла пройдти между этимъ островомъ и высокой скалой, которая находится подлѣ него; но въ этомъ мѣстѣ было сильное теченіе, и оно гнало ихъ къ землѣ; а когда они захотѣли повернуть, то не могли повернуться скоро, и каррака шла такъ близко къ землѣ, что нѣсколько маленькихъ соколенковъ, сидѣвшихъ на скалѣ, начали кричать. Они считали себя въ опасности, такъ что кормчій и нѣсколько купцовъ и матросовъ

isla de Cetul paresció un castillo pequeño de torres altas, fecho en una alta peña de fácia el mar, é ayuso junto con el mar estaba una torre en guarda de la sobida del castillo, é un poco adelante á la vuelta de la dicha isla en un llano de fácia el mar paresció un gran pedazo de muro é torres derrocadas, é dixieron [dixeron] que alli fuera el templo que Páris derrocara quando robára é [a] Elena, é quebrantára el Idolo al tiempo que el Rey Priamo su padre lo enviára facer guerra en la Grecia, y en cabo desta isla pasaron entre tres rocas, que son llamadas Tres Dos y As.

Domingo que fueron veinte y nueve dias de Julio, á hora de tercia fueron en par de una isla despobla[5]da que es llamada Cequilo, é son unas altas sierras do crian falcones, y la dicha carrraca quisó pasar entre esta dicha isla é una roca alta que estaba à par della, é en aquel derecho avia gran corriente, que los echaba à tierra, y quando quisieron doblar, non [no] pudieron tomar la vuelta tan aina que la dicha carraca non
37. pasó tan cerca de tierra, que unos falcones pequeños que criaban en una peña sonaban, é vieron se en peligro, de manera que el nauchel é algunos

почти раздѣлись: и когда они вышли на открытое мѣсто, то всѣ согласились, что истинно Богъ смиловался надъ ними.

Въ слѣдующій понедѣльникъ они были между двумя населенными островами, которые называются одинъ Нилло, а другой Антенилло. Они прежде принадлежали герцогству Архипелага, а теперь принадлежатъ Венеціанцамъ, и очень богаты скотомъ. Во вторникъ и въ среду они стояли между этими двумя островами, потому что нельзя было продолжать путь, такъ какъ было очень тихо. Въ слѣдующій четвергъ они поровнялись съ тремя населенными островами, которые принадлежатъ къ герцогству Архипелага и называются одинъ Мо, другой Сентуріона, а третій Христіана. Около полудня подъѣхали къ другому острову, который называется Нехіа; это очень большой городъ и столица герцогства.

Въ пятницу третьяго августа, когда разсвѣло, они поровнялись съ однимъ населеннымъ островомъ, который называется Каламо; на немъ показалось очень много обработанныхъ полей. Они довольно долго ѣхали около него, пока подъѣхали къ острову по имени Ланго; онъ населенъ подданными острова Родоса, и

mercaderes é marineros se desnudaron en jubones, y quando fueron longados entendieron que Dios le avia fecho mucha merced.

E lunes siguiente fueron entre dos islas pobladas que son llamadas la una Nillo, y la otra Ante-nillo, y solian ser del Ducado de Arci[Arça]-pielago, é agora son de Venecianos, y estas islas son muy abastadas de ganados. E martes è miercoles estuvieron entre estas islas que non podian andar su viage por calma que facia, é jueves siguiente fueron en par de tres islas pobladas que son del Ducado del Arcipielago, que son llamadas la una Mo, y la otra Centuriona, é la otra Christiana é á hora de medio dia fueron á par de otra isla que es llamada Nexia, y esta es muy grande, y cabeza del Ducado.

Viernes fueron tres dias de Agosto, quando amanesció fueron en par de una isla poblada que es llamada Calamo, e paresció en ella muchas labranzas de pan, é fueron junto con ella una gran pieza, fasta que llegaron á una isla que es llamada Lango, é es poblada del señorio de la isla de Rodas, é tie|nenla Caballeros de la Orden, é á la mano izquierda pa-

имъ владѣютъ рыцари ордена. На лѣвой рукѣ возлѣ нихъ была твердая земля Турціи, которая называется Низари и Лукріо; и эти острова лежатъ такъ близко отъ Турецкой земли, что они не смѣли пройдти со своею карракою между ними ночью, пока не наступитъ день, боясь зацѣпиться; потомъ прошли такъ же промежду другихъ острововъ, принадлежащихъ острову Родосу, которые стоятъ противъ Турціи, и называются Пископія, Сантъ Николао де Каркини и Пимія. Въ тотъ же самый день вечеромъ, они пріѣхали къ городу острова Родоса и каррака вошла въ портъ.

XVII. Только что пріѣхали посланники въ портъ, они послали въ городъ узнать, тамъ ли великій магистръ. Къ нимъ пришли съ извѣстіемъ, что великій магистръ съ нѣсколькими галерами и большимъ числомъ народа, кромѣ того съ нѣсколькими карраками и галерами Генуэзскими, которыхъ капитаномъ былъ Мозенъ Бучикате, отправился на консервѣ воевать съ царствомъ Александрійскимъ.

XVIII. Въ слѣдующую субботу посланники сошли на землю, и отправились въ большой Родосскій дворецъ, къ намѣстнику оставленному великимъ магистромъ, чтобъ переговорить съ нимъ.

saron á raíz de una tierra firme de la Turquia que es llamada Nisari é Lucrio, é tan juntas son estas islas, y la tierra de la Turquia, que non osaron pasar con la dicha carraca entre ellas de noche, fasta que fue él dia, por recelo de non tocar, é eso mismo pasaron juntamente entre otras islas del señorio de la isla de Rodas, que son de frente de la Turquia, que les dicen Piscopia, é Sant Nicolao de Carquini, é Pimia. Y este dicho dia en la tarde fueron en la ciudad de la isla de Rodas, é surgio la carraca en el puerto.

XVII. E desque en el dicho puerto fueron los dichos Embajadores, enviaron á la ciudad á saber, si el gran Maestre estaba alli, é vinieronles con nuevas que el Maestre con ciertas galeas é con gran pieza de su gente, é otrosi ciertas carracas é galeas de Genoveses, de que era Capitan Mosen Buchicate, eran idos en una conserva facer guerra al Reyno de Alexandria.

38. XVIII. E sabado siguiente los dichos Señores Embajadores descendieron en tierra, é fueron al gran palacio de Rodas à ver el teniente que alli avia dexado el gran Maestre, por fablar con él. E el dicho teniente é los Frey-

Намѣстникъ и рыцари, которые тамъ были, какъ только узнали, что идутъ посланники, вышли къ нимъ на встрѣчу и сказали, что хотя великаго магистра ихъ начальника нѣтъ, но что они охотно готовы сдѣлать все, что имъ будетъ угодно, изъ уваженія къ ихъ государю королю Кастиліи. Когда посланники отвѣчали, что желали бы сойдти на землю, чтобы собрать кое какія извѣстія о Тамурбекѣ и развѣдать то что имъ нужно, тогда имъ назначили для помѣщенія домъ одного рыцаря ордена, въ которомъ была церковь св. блаженной Катерины. Они поселились въ немъ въ воскресенье пятаго числа августа мѣсяца, и оставались до четверга тридцатаго числа августа, и во все это время они не могли имѣть извѣстій, которыя бы были вѣрны, кромѣ тѣхъ, что разсказывали нѣкоторые приходившіе изъ флота и со стороны Сиріи, и также богомольцы, которые шли изъ Іерусалима. Они говорили, что Тамурбекъ сбирался идти въ Сирію, чтобъ покорить султана Вавилонскаго, и что онъ уже послалъ туда своихъ пословъ, которымъ, говорятъ, приказалъ сказать ему, чтобъ онъ чеканилъ въ своей землѣ его монету, принялъ его гербъ и платилъ ему

les que alli estaban, desque supieron que los dichos Embajadores iban, salieronlos á rescebir, é dixeronles que como quiera que el gran Maestre su señor non era alli, que por honra del señor Rey de Castilla, que todas las cosas que les cumpliesen las farian de buena mente. E por | quanto los dichos Embajadores dixeron, que avian voluntad de descender en tierra por saber algunas nuevas del Tamurbec, é de se avisar en lo que avian menester: mandaronles aposentar en una posada de un Caballero de la Orden, en que estaba una Iglesia de la bienaventurada Sancta Catalina, y ellos vinieron allii el domingo, que fueron cinco dias del mes de Agosto y estuvieron fasta jueves á treinta dias de Agosto, y en todo este tiempo non pudieron aver nuevas que ciertas fuesen, salvo tanto que contaban algunos que venian de la dicha armada, y de las partes de la Suria, y eso mesmo pelegrinos que venian de Jerusalén, que el Tamurbec queria venir en la Suria para conquistar al Soldan de Babylonia, y que le avia ya enviado sus Embajadores: con los quales decian que le enviaba decir, que él que tratase en su tierra la su moneda, é tomase por devisa las sus armas, é le diese cierto tributo de cada año, é que si el Soldan de Babylonia

дань каждый годъ, а если султанъ Вавилонскій не захочетъ это дѣлать, то великій Тамурбекъ подождетъ только пока наступитъ весна и пойдетъ немного дождя, чтобъ не было недостатка въ водѣ, и потомъ сейчасъ прійдетъ въ Сирію. Говорили, что этого боятся всѣ Мавры въ Іерусалимѣ и въ его странѣ, но что объ этой войнѣ только ходятъ слухи; поэтому и посланники не приняли эти извѣстія за достовѣрныя.

XIX. Въ то время, пока они были тамъ, пришли четыре большихъ генуэзскихъ карраки и еще два судна изъ флота и привезли извѣстія о флотѣ. Они разсказывали, что флотъ и начальники его пошли прямо къ Канделору, одному Турецкому замку, окружили его и стояли около него двѣнадцать дней, пока не пришелъ къ нему на помощь владѣтель Канделора; они сразились съ нимъ, онъ взялъ у нихъ пятнадцать лошадей, и у нихъ погибло нѣсколько Французовъ и Генуэзцевъ. Тогда они ушли оттуда, пошли къ Рипули, городу въ Сиріи и напали на него; жители города запрудили рѣку, которая проходитъ возлѣ; а когда увидѣли, что они вышли изъ кораблей, то опять пустили на нихъ рѣку, и она при-

non [no] lo quisiese facer, que el gran Tamurbec non guardaba ál si non quanto saliese el verano, é lloviese algun poco por quanto non oviese mengua de agua, que luego seria alli en la Suria, é que con este recelo estaban todos los Moros de Jerusalén é de su tierra; y estas guerras contaban por oidas, por lo qual los dichos Embajadores las non ovieron por ciertas.

XIX. E en este tiempo que alli estuvieron vinieron quatro carracas grandes e dos naos de la dicha armada, que eran de Genoveses, é contaban nuevas de la dicha armada. E decian que la dicha armada y Señores della que avian ido luego derechamente al Candelor, un castillo de la Turquia, y que lo cercáran, é e|stuvieron sobre él doce dias, fasta que lo acorrió el Señor del Candelor, y que peleáran con los de la armada, y que les tomára quince caballos, y que se perdiera cierta gente de Franceses y de Genoveses, y que partieran de alli, fueron á Ripuli una villa que es en
39. la Suria, y que la combatieran, y que los de la villa que le tenian acogido un rio que pasa cerca della, y desque los vieron fuera de las fustas, que soltaran el rio: y fizo mucho daño en ellos, que por fuerza les ficiera

несла имъ много вреда, и заставила ихъ по неволѣ искать спасенія въ корабляхъ. Послѣ того начальники флота составили совѣтъ, чтобы разсудить, что имъ дѣлать, и совѣтъ былъ вотъ какой: такъ какъ корабли и карраки, что были у нихъ, идутъ скорѣе чѣмъ галеры, то они пойдутъ впередъ по пути къ Александріи, и когда будутъ уже совсѣмъ близко, то подождутъ ихъ девять дней; а между тѣмъ галеры и начальники флота нападутъ на Баруте, Сирійскій городъ, который служитъ портомъ Дамаску и находится отъ него въ двухъ дняхъ пути. Карраки пошли къ Александріи, а галеры съ начальниками флота пошли въ Баруте, вошли въ него и сожгли городъ. Карраки, пришедши къ Александріи, ждали ихъ девять дней, не получая въ эти дни никакихъ извѣстій о галерахъ, и такъ какъ у нихъ умирали лошади отъ недостатка воды, и у нихъ самихъ было мало провизіи, то они воротились въ Родосъ. Прежде чѣмъ посланники уѣхали оттуда, эти карраки уже пришли въ Родосъ. Такъ какъ во все это время, посланники не могли имѣть никакихъ вѣрныхъ извѣстій о великомъ Тамурбекѣ, кромѣ этихъ, то они рѣшились идти въ Карабаки, мѣсто въ

acoger á las fustas, y que despues desto los Señores de la dicha armada que ovieron su consejo cómo avian de facer, el qual consejo fué desta manera: que por quanto los de las carracas y naos que alli tenian eran mas prestados que las galeas, que fuesen adelante, é ficiesen la via de Alexandria, y desque fuesen cerrar, que esperasen alli nueve dias, y que las galeas y Señores de la dicha armada que irian en tanto á correr á Barute, una villa de la Suria que es puerto de Damasco á dos jornadas. E las dichas carracas ficieron la via de Alexandria, y las galeas y Señores del armada fueron á Barute, y entraronlo, y quemaron la villa. E las dichas carracas desque fueron cerca de Alexandria, esperaron los dichos nueve dias, é porque en estos dias non pudieron saber nuevas de las galeas, y por quanto se les perdian los caballos que en ellas traian por mengua de agua, e otrosi porque avian poca vitualla, volvieron á Rodas. E antes que los dichos Embajadores de aqui partiesen, eran ya llegadas estas dichas carracas á Rodas, y por quanto los dichos Embajadores en todo este tiempo non pudieron saber otras nuevas ciertas del gran Tamurbec salvo estas, ovieron su [6] acuerdo de ir á Carabaqui, un lugar que

Персіи, гдѣ онъ обыкновенно проводитъ зиму, чтобы тамъ получить объ немъ достовѣрныя свѣдѣнія.

XX. Этотъ городъ Родосъ не очень великъ и стоитъ онъ на равнинѣ на берегу моря; онъ островъ; въ немъ есть большой замокъ, который стоитъ отдѣльно и окруженъ оградою и валомъ со стороны города такъ же какъ и извнѣ. Внутри его есть мѣсто отдѣленное и огороженное стѣной и башнями, и тамъ находится крѣпость и дворецъ великаго магистра и его рыцарей; тамъ же внутри находится монастырь, и прекрасная церковь, и большой госпиталь, куда принимаютъ больныхъ. Оттуда, изъ этой крѣпости, рыцари не могутъ выходить никуда безъ позволенія начальника. Портъ города очень великъ и хорошо защищенъ городскою стѣною; въ немъ есть точно два большихъ фундамента крѣпкой работы, которыя называются плотинами и входятъ въ море; между ними то и есть портъ, гдѣ стоятъ суда. На одной изъ этихъ плотинъ построено четырнадцать вѣтреныхъ мельницъ. Внѣ города есть много домовъ и очень красивыхъ садовъ съ множествомъ лимонныхъ, апельсинныхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ. Жителя города и острова родомъ Греки и исповѣ-

es en la Persia, donde el Señor suele hibernar [invernar] é alli sabrian ciertas nuevas dél.

XX. E esta dicha ciudad de Rodas non es muy grande, y está en un llano junta con el mar, é es isla, y tiene un castillo bien grande y es apartado sobre sí, é tiene su cerca y barrera asi de partes de la ciudad, como de partes de fuera. E dentro ha un apartado sobre si, é cerrado de muro é torres é alli es la fortaleza é el palacio del gran Maestre é de sus Freyles, é alli dentro está su Convento é una fermosa Iglesia, é un grande hospital do acogen los enfermos, é de aqui desta fortaleza non osan salir los Freyles para ir á parte ninguna sin licencia de su major, é el puerto que esta ciudad tiene es bien grande, é bien guardado junto con el muro de la ciudad, é ha dos como cimientos muy grandes de recia
40. obra, que llaman molles que entran por el mar, entre medias de amos á dos es puerto do estan las fustas. E en el uno de aquellos molles están fechos catorce molinos de viento, é de fuera de la ciudad ha muchas casas y huertas muy fermosas, é muchas cidras é limas é limones, é otras

дуютъ почти всѣ Греческую вѣру. Этотъ городъ — важный рынокъ для товаровъ, которые приходятъ сюда съ разныхъ сторонъ, потому что ни одинъ корабль не можетъ идти ни въ Александрію, ни въ Іерусалимъ, ни въ Сирію, чтобы не зайдти къ этому острову или по крайней мѣрѣ не пройдти мимо него. А Турецкая земля такъ близко отъ этого острова, что ее очень хорошо видно. На островѣ Родосѣ есть другіе города и замки, кромѣ города Родоса.

XXI. Въ пятницу 31 числа августа мѣсяца, посланники наняли корабль, чтобъ ѣхать до острова Хіоса; хозяинъ этого корабля былъ Генуэзецъ, по имени мессеръ Леонардо Гентиль. И выѣхали они оттуда съ острова Родоса, не смотря на то, что погода была неблагопріятная. А дорога отъ острова Родоса до Хіоса опасная, потому что Турецкая земля лежитъ по правую руку, и надо идти очень близко къ ней, а съ другой стороны есть много острововъ, населенныхъ и ненаселенныхъ. Опасно идти этой дорогой ночью, а еще опаснѣе, когда дурная погода.

Въ эту пятницу, когда они уѣхали, и въ субботу, и въ вос-

muchas frutas [fructas]; é la generacion de la gente desta ciudad é desta isla son Griegos, é usan la Iglesia Griega casi todos los mas: é esta ciudad es una grande escala de mercadorias, que vienen alli de muy muchas partes, ca ningunos navios non pueden ir en Alexandria, nin en Jerusalén, nin en la Syria, que non vayan á esta isla, ó á lo menos pasen á ojo della. E la tierra de la Turquia está tan cerca desta isla, que se paresce muy bien | é en esta dicha isla de Rodas ha otras villas é castillos sin la ciudad de Rodas.

XXI. Viernes, que fueron treinta é un dias del mes de Agosto, los dichos Embajadores arrendaron una nave para ir fasta en la isla de Xio, de que era patron un Genoves que avia nombre Micer Leonardo Gentil. E partieron de aqui de la isla de Rodas, como quiera que facia tiempo contrario; é este camino desde la isla de Rodas á Xio es peligroso, por quanto la tierra de la Turquia está á la mano derecha, y han de ir junto con ella, é de la otra parte ha muchas islas pobladas, é dellas despobladas, é es peligrosa para andar por alli de noche, é mas para con tiempo contrario.

E el dicho dia viernes que partieron, é sabado é domingo é lunes é

кресенье, и въ понедѣльникъ, и во вторникъ былъ вѣтеръ противный, и они шли, все ворочаясь въ ту и другую сторону, потому что не могли обогнуть одного мыса Турецкой земли.

Въ слѣдующую среду, пятаго числа сентября мѣсяца, поровнялись они съ островомъ Ланго, и такъ какъ не могли идти впередъ изъ за противнаго вѣтра, то вошли въ портъ этого острова Ланго, простояли тамъ весь день, взяли воды и сдѣлали запасы провизіи. Этотъ островъ Ланго принадлежитъ къ владѣніямъ острова Родоса. Городъ построенъ на равнинѣ на берегу моря; въ немъ есть маленькій замокъ, а между городомъ и замкомъ есть большое озеро морской воды; оно входитъ внутрь, подъ мостъ, черезъ который идетъ ходъ въ подземелье замка. Вокругъ города есть множество садовъ, виноградниковъ и домовъ. На этомъ островѣ всегда живутъ сто рыцарей изъ Родоса и намѣстникъ, который управляетъ городомъ и замкомъ.

Въ слѣдующій четвергъ, шестаго числа сентября мѣсяца они выѣхали оттуда и шли цѣлый день, но прошли немного, потому что вѣтеръ все былъ противный. На другой день въ пятницу, они тоже прошли очень мало изъ за противнаго вѣтра, будучи въ со-

martes ovieron viento contrario, é anduvieron volteando[e] de una parte para otra, que non [no] podian doblar un cabo de la tierra de la Turquia.

E miercoles siguiente, que fueron cinco dias del mes de Setiembre, fueron á par de la isla de Lango, é por quanto non podian pujar adelante por tiempo contrario, su[o]rgieron en el puerto de la villa desta isla de Lango, é estovieron alli todo este dia, y tomaron agua y refresco de viandas. E esta isla de Lango es del señorio de la isla de Rodas, é la villa esta poblada en un llano junto al mar, y tiene un castillo pequeño, é entre el castillo y la villa está una grande laguna del agua de la mar, que entra dentro en una puente por do entran al ca|va el castillo, é al
41. derredor de la villa están muchas huertas é viñas é casas: en esta dicha isla están siempre cien [cient] Freyles de los de Rodas, é un teniente que tiene el castillo é la villa.

Jueves siguiente seis dias de Setiembre partieron de aqui, y anduvieron todo el dia muy poco, por el viento ser contrario, é otro dia viernes anduvieron eso mismo muy poco, por el viento ser contrario, e por non

стояніи дѣлать только небольшіе повороты, отъ того что островов было много, а земля Турецкая близко. Весь этотъ день они шли поворачиваясь то въ одну сторону, то въ другую, и только немного подвинулись впередъ. Когда около полудня они были возлѣ одного острова, который называется Звѣринымъ, противный вѣтеръ усилился и погналъ корабль къ берегу острова, такъ что они думали, что погибнутъ. Они бросили якорь, и простояли тамъ весь день. Этотъ островъ не обитаемый, и на немъ нѣтъ ни воды, ни горъ.

Въ слѣдующее воскресенье около полудня они уѣхали оттуда, и весь день шли между необитаемыми островами, и прошли мимо одного населеннаго острова, принадлежащаго къ владѣніямъ Родоса, который называется Каламо.

Въ понедѣльникъ утромъ, когда разсвѣло, они были очень недалеко отъ того мѣста, гдѣ ихъ застала ночь. Въ полдень они подошли къ одному городу, лежащему въ Турецкой землѣ, который называется новая Палацiя. Въ этомъ городѣ, говорили, жилъ Тамурбекъ, когда онъ побѣдилъ Турка и захватилъ Турцію.

XXII. Во вторникъ утромъ они подошли къ одному населенному острову, принадлежащему къ Родосскимъ владѣніямъ, по имени

poder tomar vueltas salvo cortas por las muchas islas, y por la tierra de la Turquia ser cerca, é anduvieron todo este dicho dia volteando, que non pudieron pujar salvo muy poco, é á hora de medio dia siendo á cerca de una isla que llaman la isla de las Bestias, crescio el viento contrario, e lanzó la nao á la costa de la isla, de manera que ovieron de ser perdidos, é echaron ancla, é estovieron todo el dia alli, é esta isla es despoblada, y sin agua y sin montes.

E domingo siguiente á hora de medio dia partieron de aqui, é anduvieron todo este dia entre unas islas despobladas, é á par de una isla poblada del señorio de Rodas que es llamada Calamo.

Lunes en la mañana amanescieron bien cerca de donde les anocheció, é á hora de medio dia fueron á par de una ciudad que estaba en la tierra de la Turquia que ha nombre la Palacia nueva, e en aquella ciudad decia que estoviera el Tamurbec, quando venció al Turco é robo la Turquia.

XXII. E martes en la mañana fueron juntos con una isla poblada del señorio de Roda[e]s que es llamada el Berro, é por quanto el viento era

Берро. Такъ какъ вѣтеръ былъ противный, то, чтобъ не потерять того, что уже было пройдено, они приблизились и бросили якорь въ портѣ острова и запаслись водою. На этомъ островѣ Берро былъ городъ и замокъ, крѣпкій, высокій, и съ большими строеніями, но поврежденный. Имъ управлялъ одинъ Родосскій рыцарь. Населеніе этого острова Греческое; говорятъ, что Турки изъ Палаціи многое разрушили и повредили на немъ, что даже въ тотъ самый годъ приходила туда галеота съ Маврами изъ Палаціи и они увезли у нихъ много скота и людей, которые въ это время жали хлѣбъ.

Въ четвергъ они уѣхали оттуда, а въ пятницу утромъ поровнялись съ необитаемымъ островомъ, который называется Мадреа и на которомъ есть пастбища и прѣсная вода. Въ тотъ же день они проѣхали около другого острова, по имени Форно, и еще одного, который называется Татанисъ и населенъ Греками. На другой день они проѣхали мимо большого острова, называющагося Хамо и населеннаго Турками, и въ виду еще одного острова, по имени Микареа; онъ населенъ и принадлежитъ одной женщинѣ, и у него есть своя галера; на немъ видно было много

contrario, por non perder lo que avian andado, su[o]rgieron é echaron ancla en | el puerto desta isla é tomaron agua. E esta dicha isla del Berro avia una villa y castillo muy fuerte é alto, é de muy grandes edi[e]ficios, pero estaba mal parado é teniala un Freule de Rodas: é la gente desta isla eran Griegos, é decian que Turcos de la Palacia avian destruido é fecho mucho mal en aquella isla, é que aún aquel año avia venido alli una galeota de Moros de la Palacia que les avian llevado mucho ganado, é los omes que segaban los panes.

E jueves partieron de aqui, é viernes en la mañana amanescieron
42. en par de una isla despoblada que es llamada Madrea, en ella ha pastos para ganados y agua dulce. E fueron este dia á par de otra isla que es llamada el Forno, é á par de otra isla que es llamada Tatanis, que es poblada de Griegos, e fueron otro dia par de una isla grande que es llamada Xamo, y es poblada de Turcos, é fueron otrosi á ojo de otra isla que es llamada Micarea, é es poblada, y es de una Dueña, é arma en ella una

обработанныхъ полей. Въ тотъ же день они прошли мимо многихъ большихъ и маленькихъ острововъ.

Слѣдующую субботу, 15 сентября, и слѣдующее воскресенье они плыли между этими островами, и не могли продолжать своего пути отъ безвѣтрія. Только вечеромъ подулъ попутный вѣтеръ, но не на долго. Въ понедѣльникъ утромъ они приблизились къ одному мысу на Турецкой землѣ, который называется Кабохахто, и оттуда сталъ видѣнъ островъ Хіосъ.

Во вторникъ утромъ около обѣдни посланники вступили въ портъ Хіоса, и въ тотъ же день они вышли на берегъ и приказали снести съ корабля все, что привезли.

XXIII. Этотъ Хіосъ маленькій городъ, и самъ островъ маленькій. Онъ принадлежитъ Генуэзцамъ. Городъ лежитъ плоско, у самаго берега моря; и въ немъ есть два предмѣстья: одно съ одной стороны, а другое съ другой. На немъ много садовъ и виноградниковъ. Турецкая земля лежитъ очень близко отъ него, такъ что ее очень хорошо видно. На этомъ островѣ есть деревни и замки, и вся его окружность будетъ лигъ сто двадцать. На этомъ островѣ добывается смола съ нѣкоторыхъ деревьевъ, которыя

galea, é parescieron en ella muchas labranzas: é parescieron este dia otras muchas islas grandes y pequeñas.

E sabado siguiente, que fueron quince del dicho mes de Setiembre, é domingo siguiente andubieron en estas dichas islas que non pudieron andar su viage con calma que fizo, e en la tarde fizo un poco de buen viento que duró poco, e lunes en la mañana fueron en par de un cabo de la tierra de la Turquia, que es llamado Cabo Xanto, é paresció de alli la isla de Xio.

E martes en la mañana á hora de Misa tomaron el puerto de Xio, é este dia tomaron tierra los dichos Embajadores, é ficieron sacar de la nao todas las cosas que llevaban.

XXIII. [7] E la dicha Xio es una villa pequeña, e la isla eso mesmo es pequeña, é es de Genoveses, é la villa está llana á raiz del mar, e ha dos arrabales, uno de una parte é otro de otra, é en ella ha muchas huertas e viñas é acerca della esta la tierra de la Turquia, tanto que se paresce muy bien. E en esta isla ha aldeas é castillos, boxa [vaga] en derredor ciento é

похожи на мастиковыя. Самый городъ хорошо укрѣпленъ стѣной и башнями, хотя стоитъ на равнинѣ. Между тѣмъ какъ посланники были здѣсь на этомъ островѣ, они получили извѣстіе, что старшій сынъ Турецкаго государя, котораго побѣдилъ Тамерланъ, тотъ, который долженъ былъ наслѣдовать Турецкое царство, умеръ, и что другіе братья его воюютъ между собой изъ за царства.

XXIV. Посланники хотѣли тотчасъ же уѣхать съ Хіоса, но не нашли готоваго корабля и остались тамъ на островѣ Хіосѣ тотъ вторникъ, что пріѣхали, и среду, и четвергъ, и пятницу, и субботу, и воскресенье, до другого слѣдующаго воскресенья 30 числа сентября мѣсяца, когда они наняли маленькій Кастильскій корабль, котораго хозяиномъ былъ Генуэзецъ, по имени мессеръ Бокира де Марта. Въ это самое воскресенье корабль вышелъ изъ порта въ полночь; подняли паруса и поѣхали. Вѣтеръ дулъ довольно сильно на корму, и когда разсвѣло, они были уже передъ однимъ населеннымъ островомъ, который лежитъ по правую руку около Турецкой земли и называется Метелла. Кромѣ того они проѣхали мимо другихъ двухъ населенныхъ острововъ,

veinte millas, e en esta isla nasce el almastiga en unos arboles que parescen lantiscos, é la villa es bien fuerte de muro e de torres, pero que esta llana. Estando aqui los dichos Embajadores ovieron nuevas en como el fijo mayor del Turco, que venció el Tamorlan, era finado, el que avia de heredar la Turquia, é que otros sus hermanos avian guerra en uno sobre el señorio de la tierra.

XXIV. E los dichos Embajadores quisieran partir de aqui de Xio luego, pero non fallaron fusta presta, e estovieron aqui en esta isla de Xio el dicho dia martes que llegaron, é miercoles é jueves é viernes é sabado é domingo, fasta otro domingo siguiente, que fueron treinta dias del dicho mes de Setiembre, que afretaron una nave pequena Castellana, de que
43. era patron un Genoves, que avia nombre Micer Boquira de Marta. E este dicho dia domingo salió la dicha nave del puerto á la media noche, e ficieron vela, y fueron de aqui, é ovieron buen viento en popa, é quanto fué el dia claro fueron en par de una isla poblada, que era á la mano derecha entre la tierra de la Turquia, que ha nombre Metella, e otrosi

которые появились на лѣвой рукѣ, по имени Пихара и Антипихара; а вечеромъ проѣхали мимо одного мыса Турецкой земли, который называется мысомъ св. Маріи; когда же наступила ночь, вѣтеръ такъ усилился, что прорвалъ паруса и бросилъ ихъ въ море. Такъ какъ проливъ, который называется Романскимъ, былъ близко, и вѣтеръ усиливался, а ночь уже наступила, и боялись не найдти входа въ заливъ, то хозяинъ рѣшился двигаться на одномъ мѣстѣ съ кораблемъ, пока не наступитъ день. Немного раньше полуночи поднялась большая буря, а когда наступило утро, они очутились около острова Мерди при входѣ въ Турецкую землю. Тогда они рѣшились идти къ острову Метеллину, чтобъ починить тамъ свои паруса и взять какого нибудь кормчаго, такъ какъ у нихъ его не было. Прежде чѣмъ они пріѣхали въ портъ, на островѣ Метеллинѣ показался замокъ, который называется Молленосъ; не много дальше показался другой замокъ, который называется Куарака. Около полудня прибыли они въ портъ города Метеллина, и остались тамъ вторникъ, когда пріѣхали, среду, четвергъ и пятницу; починили паруса и взяли кормчаго.

fueron á par de otras dos islas pobladas que parescieron à la mano izquierda, que han nombre Pixara y Antipixara, é en la tarde fue|ron à cerca de un cabo de la tierra de la Turquia, que ha nombre el cabo de Sancta Maria e en anocheciendo cresció el viento á tanto, que rompió las velas é las echó al mar. E por quanto la Boca que decian de Romania, era cerca, é el viento crecia, é la noche era entrada, e por recelo de non poder fallar la Boca para entrar, acordo el patron de voltejar con la nave fasta que fuese el dia: é á la media noche un poco antes levantóse una gran tormenta, é quando fué el dia, fallaronse cerca de la isla de Merdi à la entrada de la tierra de la Turquia, é ovieron su acuerdo de ir á la isla de Metellin por adobar alli sus velas é tomar algun piloto, que non llevaban ninguno. E antes que llegasen al puerto parescio en la dicha isla de Metellin un castillo que ha nombre Mollenos, é luego adelante parescio otro castillo que llaman Cuaraca, é á hora de medio dia fueron en el puerto de la villa de Metellin, é estovieron alli el dicho dia martes que hi llegaron, é miercoles é jueves é viernes adobaron sus velas, é tomaron piloto.

XXV. Городъ Метеллинъ построенъ на высокомъ холмѣ на самомъ берегу моря, которое окружаетъ его съ двухъ сторонъ, и съ обѣихъ сторонъ у него есть по гавани. Городъ окруженъ высокой, хорошей стѣной со многими башнями, а внѣ его есть большое предмѣстіе. Этотъ островъ имѣетъ триста миль въ окружности, и на немъ много замковъ и деревень. Вокругъ города много садовъ и виноградниковъ. Недалеко отъ города на островѣ есть большія строенія, дома и церкви, и кажется, что прежде этотъ островъ былъ очень населенъ; на одномъ концѣ города на равнинѣ возлѣ источниковъ и садовъ стоятъ большіе развалившіеся дворцы и посреди нихъ около сорока бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, поставленныхъ четыреугольникомъ; говорятъ, что прежде на этихъ колоннахъ была зала, въ которой собирались для совѣщанія жители города. Населеніе острова Греческое; прежде онъ принадлежалъ къ имперіи Константинопольской; а теперь принадлежитъ одному Генуэзцу, по имени мессеръ Хуанъ де Каталусъ. Его отецъ былъ женатъ на дочери Константинопольскаго императора. О томъ какъ онъ сдѣлался государемъ этого острова разсказывали чудесное происшествіе: говорили, что тому назадъ

XXV. E la villa de Metellin es poblada en un otero alto que es junto con el mar, é cercala de las dos partes, é á cada parte tiene un puerto, é la villa es cercada de buen muro alto, é de muchas torres, é de fuera tiene un gran arrabal: é esta isla ha trecientas millas en derredor, é ha aldeas é castillos en ella asaz, é al derredor de la villa tiene muchas huertas é viñas. En esta isla acerca de la villa avia muy grandes edificios de casas é de Iglesias, é paresce que otro tiempo fué muy poblada esta isla: é al un cabo de la ciudad en un llano acerca de las fuentes é huertas |estaban unos grandes palacios caidos, é en medio dellos estaban fasta quarenta marmoles blancos enfiestos puestos como quadra, é decian que encima de
44. aquellos marmoles solia estár una quadra en que facian consejo los de la ciudad: é la gente desta isla es Griega, é solian ser del Imperio de Constantinopla, é agora es de un Genovés que ha nombre Micer Juan de Catalus, é su padre ovo casado con una fija del Emperador de Constantinopla, é de que [desque] agora es Señor desta isla contaban una muy grande maravilla, y decian, que agora puede aver veinte años, que temblára aquel-

можетъ быть лѣтъ двадцать, въ одну ночь было на этомъ островѣ землетрясеніе; онъ и его отецъ и мать и другіе его два брата спали во дворцѣ замка; замокъ въ эту ночь обрушился, и всѣ погибли кромѣ него; только онъ одинъ спасся въ той колыбели, въ которой лежалъ, и на другой день его нашли въ виноградникѣ, который находился внизу замка у подошвы высокой скалы. Это спасеніе было великимъ чудомъ.

XXVI. Когда посланники пріѣхали на этотъ островъ, они застали тамъ молодого императора Константинопольскаго, который былъ изгнанъ изъ имперіи, какъ вамъ будетъ дальше разсказано. Онъ былъ женатъ на дочери Метеллинскаго государя и большую часть времени проводилъ на этомъ островѣ. Не задолго передъ тѣмъ тесть и зять вмѣстѣ отправились оттуда съ двумя галерами и пятью галеотами, чтобъ взять городъ Салоники, который принадлежитъ старому императору Константинопольскому. Причина, которая заставила ихъ идти на этотъ городъ, вотъ какая: этотъ молодой императоръ жилъ у Турка Мурата, и въ то время, какъ онъ былъ въ одномъ Турецкомъ городѣ, по имени Соломбрія, пріѣхалъ туда Мозенъ Бучикате, правитель Генуи, съ

la isla una noche, é que este Señor y su padre é su madre é otros dos sus hermanos, que dormian en un palacio del castillo, é que cayera aquella noche, é que murieran todos salvo este que escapó en una cuna en que estaba, é fallaronlo otro dia en una viña que al pie del castillo estaba, ayuso de unas peñas muy altas, que fué una gran maravilla escapar.

XXVI. E quando los dichos Embajadores á esta isla llegaron, fallaron al Emperador de Constantinopla el mozo que andaba [anda] echado del Imperio, segun adelante vos será contado, que avia casado con una fija del señor de Metellin, é que facia con el su morada lo mas del tiempo en aquella isla, é que agora poco avia, yerno é suegro avian partido de alli con dos galeas é cinco galeotas para tomar la ciudad de Salonique que es del Emperador viejo de Constantinopla: é la razon que los moviera ir sobre aquella ciudad, era esta: Que este Emperador mozo vivia con el Turco Murat, é estando en una ciudad de la Turquia che ha nombre Solombria, llegára alli Mosen Buchicate, Gobernador de Gé|nova, con diez galeas, é que tomára al dicho Emperador de alli por fuerza, é lo llevára

десятью галерами, силою взялъ оттуда императора, отвезъ его въ Константинополь и помирилъ его съ императоромъ его дядею на томъ условіи, что онъ дастъ ему этотъ городъ Салоники, чтобы въ немъ жить; а причина несогласія между этими двумя императорами будетъ вамъ разсказана дальше, въ своемъ мѣстѣ. Мозенъ Бучикате, только что помирилъ ихъ, взялъ съ собою стараго императора и отвезъ его во Францію просить помощи у короля, а въ имперіи оставилъ молодого императора, чтобъ управлять ею, пока онъ вернется изъ Франціи. Между тѣмъ какъ старый императоръ былъ во Франціи, когда между Муратомъ и Тамурбекомъ подготовлялась битва, молодой императоръ условился, если Турокъ побѣдитъ Тамурбека, сдать ему Константинополь и давать дань. За то когда старый императоръ вернулся въ Константинополь, и узналъ, что замышлялъ его племянникъ, онъ сильно разгнѣвался на него, запретилъ ему показываться себѣ на глаза, велѣлъ выѣхать изъ своей земли, отнялъ у него городъ Салоники и далъ ему островъ Есталименъ. Такъ какъ прежде онъ обѣщалъ ему городъ Салоники, а теперь не давалъ, то онъ и его тесть отправились, чтобъ взять его силою,

á Constantinopla, é que lo ficiera amigo con el Emperador su tio con tal condicion, que le diese esta dicha ciudad de Salonique, en que viviese, é la razon de la discordia que entre estos dichos dos Emperadores es, adelante en su lugar vos será contada. E Mosen Buchicate desque los ovo avenido, tomó consigo al Emperador viejo, é truxolo en Francia á demandar ayuda al Rey, é quedó con el Imperio el Emperador mozo por Gobernador, fasta que él tornase de Francia. Estando el Emperador viejo en Francia, el Emperador mozo tenia acordado, quando el Murat é el Tamurbec querian en uno aver su batalla, que si el Turco venciese al Tamurbec, de entregar al Turco la ciudad de Constantinopla, é se la atrebutar; por
45. lo qual el Emperador viejo desque fué tornado en Constantinopla, é supo lo que su sobrino tenia acordado, ovo grande saña dél, é mandóle que non paresciese mas ante él, é que saliese de su tierra, é dióle la isla de Estalimen, e quitóle esta dicha ciudad de Salonique, é por quanto primeramente le avia prometido la ciudad de Salonique, é agora non ge la daba, avianse movido él y el dicho su suegro por la tomar, si pu[o]diesen: é el

если будетъ возможно; а мессеръ Хуанъ, владѣтель этого острова, послалъ одну галеоту къ Мозенъ Бучикате, и отправилъ на ней посла сказать ему, что онъ хорошо знаетъ, что старый императоръ прежде обѣщалъ императору его зятю городъ Салоники, чтобъ жить въ немъ, теперь же не хочетъ дать, а даетъ только островъ Ескалинесъ. И потому де онъ проситъ его, когда онъ уѣдетъ изъ Александріи, пріѣхать помочь имъ взять этотъ городъ съ тѣмъ флотомъ, который у него былъ, а они де ждутъ его на островѣ Ескалинесѣ. Между тѣмъ какъ посланники были еще на островѣ Метеллинѣ, пріѣхала эта галеота, что была послана съ посольствомъ; никто не могъ узнать, какой отвѣтъ она принесла; узнали только, что Бучикате воротился съ флотомъ въ Родосъ, и что опять уѣхалъ оттуда, неизвѣстно куда.

XXVII. Въ субботу, шестого октября, съ разсвѣтомъ подняли паруса и отправились; воротились на ту дорогу, по которой ѣхали, когда заѣхали въ Метеллинъ, и поплыли между Турецкой землей и островомъ Метеллиномъ до тѣхъ поръ пока достигли мыса св. Маріи, что на твердой землѣ Турціи. Въ воскресенье утромъ они очутились по ту сторону мыса св. Маріи, уже обошедши его,

dicho Micer Juan, Señor de la dicha isla, avia enviado una galeota al dicho Mosen Buchicate, en que le enviára un Embajador, con el qual le enviára decir, que bien sabia en como el Emperador viejo prometiera por ante él al Emperador su yerno la ciudad de Salonique, en que viviese, é que agora que ge la non queria dar, salvo la isla de Escalines, por que le enviaba rogar, que desque de Ale[i]xandria partiese le quisiese ve[8]nir à ayudar à tomar la dicha ciudad, con aquella armada que alli tenia, é que en la dicha Escalines lo esperaban: é estando los dichos Embajadores en esta isla de Metellin, llegó la dicha galeota que avia ido en la dicha embajada, é non se pudo aprender con que venia, salvo tanto que Buchicate era venido con la dicha armada á Rodas, é que partiera de alli, é non sabian para donde.

XXVII. Sabado, que fueron seis dias de Octubre, al alva quando amanescia, ficieron vela, é partieron de aqui, é tornaron por la via que llevaron quando alli á Metellin llegaron, é vinieron entre la tierra de la Turquia é la dicha isla de Metellin, fasta que llegaron al cabo de Sancta Maria, que es en la tierra firma de la Turquia. E domingo siguiente por la mañana

и на лѣвой рукѣ показался островъ, теперь необитаемый, по имени Теніо. Дальше показался другой островъ обитаемый, принадлежащій ко владѣніямъ Константинополя, по имени Нембро. Въ этотъ день вѣтеръ былъ противный и, начавшись слабо, усиливался все время до самой ночи, такъ что они прошли очень мало. И хотя островъ Теніо былъ близко, и они хотѣли заѣхать въ его портъ, однако не могли отъ противнаго вѣтра и отъ теченія, и ночью бросили якорь между твердой землей Турецкой и этимъ самымъ островомъ Теніо. Тамъ есть узкое мѣсто передъ входомъ въ проливъ, что называется Романскимъ. Прямо противъ былъ построенъ великій городъ Троя, и оттуда видны зданія этой Трои и куски стѣнъ, разрушенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, и слѣды того, какъ шла дальше стѣна, и обломки башень, и другія зданія, какъ будто замки, и стѣны, по которымъ видно было, гдѣ находился городъ. Городъ начинался въ равнинѣ, нѣсколько вдали отъ моря, шелъ вглубь до высокихъ горъ, и заключалъ въ себѣ, какъ казалось по тому мѣсту, гдѣ шелъ валъ, много миль. Въ концѣ города видна была большая гора, высокая и острая, и на ней, го-

[maña] fallaronse allende del dicho cabo, que lo avian ya doblado, é parescio á la mano izquierda una isla que es agora deshabitada que ha nombre Tenio, é parescio otra isla mas allende poblada, que es del señorio de Constantinopla, que ha nombre Nembro. Este dia fizo tiempo contrario, é viniendo escaso crescio todavia fasta la noche, aunque anduvieron muy poco este dia, é como quiera que la dicha isla del Tenio estoviese cerca, é avian volundad de tomar alli puerto, non pudieron por el viento ser contrario, é la corriente que alli era, é á la noche surgieron las anclas entre la tierra firme de la Turquia, é entre esta dicha isla del Te-
46. nio, que es alli un estrecho para entrar á la Boca que dicen de Romania, é en derecho de donde fue poblada la grande ciudad de Troya, é de alli parescian los edificios de la dicha Troya é pedazos del muro aportellados á lugares, é la señal por do iba el muro adelante, é pedasos de torres enfiestas, é otros edificios como de castillos é los muros | que parescian por do fuera la ciudad, é comenzaba de un llano que estaba un poco arredrado de la mar, é iba adelante fasta unas sierras altas, y tomaba en si aquello que parescia, por do fuera la cerca muchas millas, é en cabo de la

ворятъ, былъ замокъ, который назывался Еліонъ. А этотъ островъ Теніо, который стоялъ противъ этого города, гдѣ сталъ корабль, былъ прежде портомъ города, и въ немъ останавливались суда, которыя туда приходили. Этотъ островъ населилъ царь Пріамъ, и устроилъ въ немъ большой замокъ, который называется Тенедонъ, для защиты кораблей, которые приходили въ городъ. Прежде этотъ островъ былъ населенъ, а теперь необитаемъ. Когда корабль остановился, то къ острову поѣхала лодка за водой и за дровами, нужными для корабля, и нѣкоторые изъ людей посланниковъ поѣхали посмотрѣть островъ и вышли на него. На немъ было много виноградниковъ и садовъ и деревьевъ, много источниковъ и обработанныхъ полей; виноградники хорошіе, и много ихъ, хорошая охота на куропатокъ и кроликовъ. Еще былъ на немъ большой разрушенный замокъ. А причина, почему этотъ островъ необитаемъ, вотъ какая: говорятъ, что тому назадъ можетъ быть года двадцать два, императоръ Константинопольскій, которому принадлежалъ этотъ островъ, обѣщалъ дать его Генуэзцамъ за то, что они помогли ему нѣсколькими галерами въ войнѣ, которая была у него съ Муратомъ, а обѣщавши, про-

ciudad parescia una sierra alta é aguda, é alli decian que solia ser el castillo que llamaban Elion, é la dicha isla del Tenio que en derecho desta ciudad estaba, onde la nave estaba surta, alli solia ser puerto de la ciudad onde estaban las fustas que á la ciudad venian. E esta isla poblára el Rey Priamo, é ficiera en ella un gran castillo que es llamado Tenedon, para defendimiento de los navios que á la ciudad viniesen, é esta dicha isla solia ser muy poblada, é agora está deshabitada. E desque la nave fué surta, la barca fué á la isla por agua é leña, que facia menester para la nave, é algunos de los omes de los Embajadores fueron á la dicha isla por la ver, é anduvieron por ella, é en ella avia muchas viñas é huertas é arboles, é muchas fuentes de aguas, é tierras de gran labranza de pan, é las viñas mucho buenas é muchas, é en ella avia mucha caza de perdices é conejos, é en ella avia un gran castillo derrocado, é la razon porque esta dicha isla es despoblada, es esta: Decian que agora podia aver veinte é dos años que el Emperador de Constantinopla, cuya solia ser la dicha isla, y que la prometiera dar á Genoveses, porque le ayudasen con ciertas

далъ его Венеціанцамъ и уступилъ имъ владѣніе; они населили его, такъ какъ онъ былъ необитаемъ и укрѣпили городъ и замокъ. Генуэзцы, какъ узнали, что Венеціанцы владѣютъ этимъ островомъ, сказали, что онъ ихъ, и принадлежитъ имъ, потому что императоръ обѣщалъ имъ его, что они сдѣлали ему услугу, когда трудились вмѣстѣ съ нимъ, и что онъ его не смѣлъ ни продавать, ни дарить кому бы то ни было. Послѣ этого начался раздоръ между Венеціанцами и Генуэзцами, такъ что и тѣ и другіе собрали большой флотъ изъ галеръ и кораблей, опустошили большую часть острова и потеряли многихъ убитыми, какъ тѣ, такъ и другіе; потомъ пріѣхали въ Венецію и заключили миръ на томъ условіи, чтобъ разрушить городъ и замокъ, увезти все населеніе съ острова, и чтобы имъ ни владѣли, ни селились на немъ ни одни, ни другіе; и такимъ образомъ онъ былъ опустошенъ. Это была одна изъ причинъ, почему и теперь продолжается вражда между Венеціанцами и Генуэзцами.

XXVIII. Въ слѣдующую среду хотѣли они уѣхать оттуда, но не могли, потому что вѣтеръ былъ противный, и они остались четвергъ,

galeas en la guerra que él avia con el Morate, é aviendo ge la asi prometido, que la vendió á Venecianos, é que les dió la posesion della, é que la habitaron, que estaba despoblada, é fortalecieron la villa y el castillo, é que los Genoveses, desque sopieron que los Venecianos tenian la dicha isla, dixeron que era suya, é que á ellos les | pertenescia, pues que el Emperador ge lo prometiera, é ellos le ficieron el servicio que con él pusieran, é que la non pudiera vender, nin dar á persona alguna: é sobre esto ovieron su discordia entre Venecianos é Genoveses, á tanto que los
47. unos é los otros ovieron de facer muy gran armada de galeas [galeras] é de naos, é des[es]troyeron lo mas de la isla, é ovo grandes muertes entre los unos é los otros, é vinieron á Venecia, é ficieron paz con tal condicion, que el castillo é la villa fuese derrocado, é despoblasen la dicha isla, é que los unos nin los otros non la oviesen nin poblasen, é desta manera fué despoblada. E esta fué una de las cosas porque hoy dia hay desavenencia entre Venecianos é Genoveses.

XXVIII. El miercoles siguiente quisieron partir de aqui, é non pudieron, porque el viento era contrario, é estovieron alli el jueves é viernes é sa-

пятницу, субботу и слѣдующее воскресенье, такъ какъ все нельзя было ѣхать. Въ воскресенье вечеромъ пріѣхалъ туда въ портъ Теніо, одинъ купеческій корабль, который шелъ со стороны Константинополя; они послали спросить, откуда онъ, и получили свѣдѣніе что онъ изъ Галиполи, Турецкаго владѣнія, которое находится на Греческой землѣ, и идетъ въ Хіосъ, нагруженный хлѣбомъ. Разсказывали, что въ этомъ мѣстечкѣ Галиполи была большая смертность отъ чумы. Вѣтеръ былъ противный, они не могли уѣхать и остались тамъ тринадцать дней. Оттуда, съ острова Теніо, у котораго они стояли, на лѣвой рукѣ виднѣлась очень высокая гора, которая находится на Греческой землѣ, и называется Монтестонъ; говорятъ, что на ней есть монастырь Греческихъ монаховъ, и что они ведутъ хорошую жизнь: они не допускаютъ туда ни женщинъ, ни собакъ, ни кошекъ, и никакихъ другихъ ручныхъ животныхъ, которыя рождаютъ дѣтей; и не ѣдятъ мяса. Этотъ монастырь очень богатъ, и говорятъ, что отъ подошвы этой горы до верху, до того мѣста гдѣ стоитъ монастырь, два дня пути. Кромѣ этого монастыря, на горѣ будто бы есть еще пятьдесятъ или шестьдесятъ монастырей, и будто бы всѣ монахи носятъ

bado é domingo siguiente, que non pudieron partir. El domingo en la tarde llegó alli un gripo al puerto del Tenio, que venia de fácia Constantinopla, é enviaron saber dél de que partida era, é ovieron nuevas que era de Galipoli, un lugar del Turco que está en la tierra de la Grecia, é que iba cargado de trigo para Xio, é decian que en el dicho lugar de Galipoli andaba gran mortandad de pestilencia, é el viento fuè contrario é estoviéron aqui trece dias, é non pu[o]dieron partir, é desde esta dicha isla del Tenio onde estaban, á la mano izquierda paresció un monte muy alto que es en la tierra de la Grecia, que ha nombre Monteston, é disque ha en él un Monesterio de Monges Griegos, é facen buena vida, que non consienten alli estár mugeres, nin perros nin gatos, nin otra cosa mansa que faga fijos; é non comen carne, é |que este Monesterio·es de gran renta, é decian que desde el pie de aquel monte fasta arriba, onde el dicho Monesterio está, que ha dos jornadas: é sin este Monesterio que ha en este monte, ha otros cincuenta ó sesenta Monesterios, é que todos los Monges dellos visten silicio negro, é que non comen carne, nin beben vino, nin

черныя власяницы, не ѣдятъ мяса, не пьютъ вина, не ѣдятъ масла, а также и рыбы, въ которой есть кровь. Это разсказывали нѣкоторые Греки, которые были на этомъ кораблѣ и которые бывали и жили нѣкоторое время на этой Святой горѣ. Тоже самое разсказывалъ и хозяинъ и другіе люди, которые бывали тамъ.

XXIX. Въ среду, двадцать второго числа октября мѣсяца, подулъ попутный вѣтеръ, хотя и слабый; они подняли паруса и поѣхали; такъ что всего простояли они тамъ въ этомъ проливѣ между островомъ Теніо и Турецкой землей пятнадцать дней. Въ эту среду, когда они выѣхали, около полудня поровнялись съ однимъ необитаемымъ островомъ, который называется Мамбре. Въ слѣдующій четвергъ сдѣлалось тихо, и они не могли пойдти дальше этого острова, ни войдти въ проливъ, хоть онъ казался близко; а въ слѣдующую пятницу около вечерни, подулъ попутный вѣтеръ, и они вошли въ проливъ Романскій; а входъ въ него такой узкій, что не будетъ больше восьми миль въ ширину. У самаго входа на правой рукѣ лежитъ Турецкая земля, и тутъ же сейчасъ при входѣ на высокомъ холмѣ у самаго моря стоитъ высокій замокъ съ большимъ городомъ вокругъ; ограда его по-

comen aceyte, nin pescado que tenga sangre: é esto contaban algunos Griegos que en la dicha nave estaban, que avian estado é vivido algun tiempo en aquel monte sancto [santo]. Eso mesmo lo contaba el patron, é otros omes que avian estado alli.

XXIX. Miercoles, que fueron veinte é dos dias del dicho mes de Octubre, ovieron buen viento, como quiera que fuese poco, é ficieron vela, é partieron de aqui, asi que estovieron de aqui surtos entre la dicha isla del
48. Tenio, é la tierra de la Turquia en la canal quince dias. E este dia miercoles que de aqui partieron, á hora de medio dia fueron en par de una isla despoblada que ha nombre Mambre, é jueves siguiente fizo calma, que non pudieron pujar desta isla adelante, nin podian entrar por la Boca, como quiera que parescia: é viernes siguiente á hora de visperas fizo buen viento. E entraron por la dicha Boca de Romania, é á la entrada es tan angosta, que non ha en ancho mas de ocho millas, é luego á la entrada á la mano derecha está la tierra de la Turquia, é paresció luego alli en ella á la entrada en un otero alto que está junto del mar, un castillo alto

вреждена и частью разрушена. Говорятъ, что тому назадъ года полтора, пріѣхали сюда восемь галеръ Генуэзскихъ, взяли его и разграбили. Этотъ замокъ называется Конецъ путей. Когда Греки шли изъ Греціи разрушить Трою, то здѣсь у этого замка они стали лагеремъ; передъ замкомъ были большіе рвы, которые Греки сдѣлали между собою и городомъ Троей, для того чтобы, въ случаѣ если изъ города нападутъ на нихъ въ расплохъ, то не могли бы дойдти до самаго войска. Этихъ рвовъ было три, одинъ передъ другимъ. На лѣвой сторонѣ, на твердой землѣ Греціи, противъ этого замка Армянскаго, видѣнъ былъ другой замокъ на холмѣ на берегу моря, который называется Хетеа. Кажется, что эти замки построены тутъ для того чтобъ защищать входъ въ Романскій проливъ. Немного дальше, на Турецкой землѣ показались двѣ большія башни съ нѣсколькими домами у подошвы ихъ; это мѣсто называлось Дюбекъ. Говорятъ, что отъ мыса св. Маріи до самаго этого мѣста шелъ городъ Троя; это будетъ шестьдесятъ миль. Вечеромъ, когда солнце уже заходило, они подъѣхали къ одной башнѣ, ко-

con grande pueblo al derredor dél, é la cerca dél estaba desmochada é aportellada, é decian que podia aver un año é medio que llegaron alli ocho galeas de Genoveses, é que la tomaron é robaron, é este castillo ha nombre el Cabo de [9] los Caminos, é quando los Griegos pasaron de la Grecia para destruir á Troya, aqui en este castillo tovieron su real, é delante este castillo estaban fechas unas grandes cavas que los Griegos ficieron entre si, é la ciudad de Troya; porque en caso que los de la ciudad viniesen á facer rebato en ellos, non pu[o]diesen llegar á la hueste. E estas cavas eran tres, una ante otra, é á la mano izquierda en la tierra firme de la Grecia en derecho deste castillo de los Armenios paresció otro castillo en un cerro cerca del mar que ha nombre Xetea, é parescia aquestos dichos lugares segun estaban fechos, que fueron por guardar la entrada de la dicha Boca de Romania: é luego un poco adelante en la tierra de[la] Turquia parescieron dos torres grandes, é al pie dellas unas pocas de casas, que avia nombre Dubeque. E decian que desde el cabo de Sancta Maria fasta alli duraba la ciudad de Troya, que son sesenta millas; é á la tarde quando el sol se queria poner, fueron en par de una torre que estaba

торая стояла у самаго моря на Греческой землѣ, и называется башней Витуперіо.

XXX. На слѣдующій день, въ субботу они проѣхали мимо Галиполи, города съ замкомъ который находится на Греческой землѣ, но принадлежитъ Мусальману Агалали, старшему сыну Турка, оставшемуся въ живыхъ. Въ этомъ Галиполи держитъ Турокъ весь свой флотъ галеръ и кораблей. Тамъ есть большія складочныя зданія, и стоитъ почти сорокъ галеръ. Въ замкѣ много запасовъ, много народу и большой гарнизонъ. Этотъ Галиполи первое мѣсто, которымъ Турки завладѣли на Греческой землѣ. А достался онъ имъ изъ за Генуэзцевъ. Отъ этого замка до Турецкой земли не будетъ больше десяти миль, что составляетъ три лиги. Съ помощью этого замка овладѣли Турки всѣми тѣми землями и мѣстами, которыя они отняли въ Греціи, и если бы они потеряли это мѣсто, то потеряли бы все чѣмъ завладѣли въ Греціи, потому что такъ какъ тутъ они держатъ свои суда, и Турецкая земля близко, то имъ сейчасъ является подкрѣпленіе. На этотъ замокъ полагаетъ Турокъ всю свою надежду, чтобъ притѣснять Грековъ. Отъ начала Романскаго прохода до самаго этого города

junta con el mar en tierra de la Grecia, que ha nombre la torre del Vituperio.

XXX. E otro dia sabado siguiente fueron encima del lugar de Galipoli, un castillo é una villa que es en la Grecia, pero es de Muzalman Ahalali, fijo mayor que quedó del Turco. E en este dicho Galipoli tiene el Turco toda su flota de galeas é de naos, é tiene unas tarazanas muy grandes, é tiene
49. alli fasta quarenta galeas, é tiene alli el dicho castillo muy bastecido, é con mucha gente é grande guarda. E este Galipoli fué el primer lugar que los Turcos ovieron en tierra de Grecia, é ovieronlo por ocasion de Genoveses: é deste castillo á tierra de Turquia non ha mas de fasta diez millas, que son | tres leguas. E por ocasion deste castillo ganaron los Turcos los lugares é tierra que han ganado de la Grecia, é si este lugar perdiesen, perderian quanto en la Grecia han ganado, ca como tienen en este castillo sus fustas é la tierra de la Turquia cerca, luego les pasa socorro de gente. E en este castillo tiene el Turco toda su fucia para apremiar á los Griegos, e desde la entrada de la Boca de Romania, fasta este dicho

Галиполи, онъ очень узкій, потому что море входитъ узкой полосой между Турецкой землей и Греческой; а отъ сихъ поръ дальше море дѣлается немного шире. Выше за этимъ городомъ Галиполи показалось два замка, которые называются одинъ Саторадо, а другой Ехамилле. Отсюда Турецкая земля представляется покрытой высокими горами и холмами, а Греческая земля плоскою, и покрытою обработанными полями. Къ ночи подъѣхали они къ одному мысу на Турецкой землѣ, который называется Кинизико; говорятъ, что когда Тамурбекъ побѣдилъ Турка, нѣкоторые бѣжали изъ сраженія, спасаясь прибѣжали къ этому мысу и попытались обратить его въ островъ, и окопали его. На другой день, въ воскресенье, они поровнялись съ однимъ населеннымъ островомъ, который называется Мармора. Съ этого острова были взяты яшма, мраморъ и плиты, которые есть въ Константинополѣ.

Въ этотъ же день вечеромъ были они возлѣ одного имѣнія императора, которое называется Редеа, и со стороны Турецкой земли показался островъ, который называется Калонимо; потомъ показался заливъ Трилла, гдѣ находится важное торговое

lugar de Galipoli es muy estrecho, ca el mar entra angosto alli entre la tierra de la Grecia, y la tierra de la Turquia, é de aqui adelante se face el mar un poco mas ancho: é encima del dicho lugar de Galipoli parescieron dos castillos, que ha nombre el uno dellos Satorado, y el otro Examille. E en este derecho paresció la tierra de la Turquia, sierras y montañas altas, é la tierra de la Grecia llana é tierra de labranzas de pan. E á la noche fueron á par de un cabo de la tierra de la Turquia que ha nombre Quinisico, é decian que quando el Tamurbec venció al Turco, que cierta gente que fuyó de la batalla, que se viniera alli á aquel cabo por escapar, é probaron de lo facer isla é cabaronlo. E otro dia domingo fueron en par de una isla poblada que ha nombre el Marmora. E desta isla fueron sacados los jaspes é marmoles é losas que en Constantinopla hay.

Este dia en la tarde fueron en par de un lugar del Emperador que ha nombre la Redea, é paresció una isla de fácia tierra de la Turquia que ha nombre el Calonimo, y paresció el golfo de Trilla, y alli es una gran escala de los que van en Vursca, una gran ciudad de la Turquia. Y

мѣсто для ѣдущихъ въ Бурсу, большой городъ въ Турціи. Въ слѣдующій понедѣльникъ утро застало ихъ близко оттуда, потому что было тихо и вѣтра было мало. На другой день, во вторникъ, подулъ слабый противный вѣтеръ; они приблизились къ Греческой землѣ, остановились и бросили якорь миляхъ въ двухъ отъ земли. Оттуда до Константинополя оставалось пятнадцать миль, и оттуда посланники послали приготовить имъ помѣщеніе въ городѣ Перѣ и дать знать императору, что они ѣдутъ.

XXXI. Въ слѣдующую среду, двадцать четвертаго октября, они приказали сложить всѣ свои вещи въ большую лодку, сѣли въ нее и поѣхали въ Перу, гдѣ имъ было уже приготовлено гдѣ остановиться. Это они сдѣлали отъ того, что корабль не могъ войдти въ гавань, такъ какъ вѣтеръ былъ противный; а имъ надо было поскорѣе обдумать и приготовить все для продолженія путешествія, времени же было мало.

XXXII. Въ слѣдующее воскресенье, которое было 28 числа мѣсяца октября, императоръ Константинопольскій прислалъ за послами; они переѣхали изъ Перы въ Константинополь въ лодкѣ, и нашли много народу, который ихъ ждалъ, и лошадей, пригото-

lunes siguiente amanescieron cerca de aqui, ca fi|zo calma y poco viento, y otro dia martes fizo poco viento é tiempo contrario, y fueron fasta tierra de la Grecia, y surgieron é echaron ancla quanto dos millas de la tierra. Y de alli á Constantinopla avia quince millas, y de alli enviaron los dichos Embajadores tomar posadas á la ciudad de Pera, y facer saber al Emperador en como iban.

50. XXXI. E miercoles si[e]guiente, que fueron veinte y quatro del dicho mes de Octubre fi[e]cieron poner todas sus cosas en una barca grande, é ellos entraron en ella, y fueronse para Pera, donde tenian aparejado donde posasen, y esto ficieron ellos por quanto el viento era contrario, y la nao non podia ir tomar el puerto, y por deliberar aina, y aderezar lo que les cumplia para is su viage, que el tiempo era breve.

XXXII. E domingo si[e]guiente, que fueron veinte y ocho dias del mes de Octubre, el Emperador de Constantinopla envió por los dichos Embajadores, y pasaron de Pera en Constantinopla en una barca, y fallaron asaz de gente que les estaba esperando, y caballos en que fuesen, y fueron ver

вленныхъ, чтобъ везти ихъ; они поѣхали къ императору и застали его во дворцѣ, дослушивавшаго обѣдню; съ нимъ было много народу, и онъ принялъ ихъ очень хорошо и удалился съ ними въ особенную комнату; они увидѣли его тамъ на небольшомъ возвышеніи, покрытомъ маленькими коврами; на одномъ изъ нихъ была положена кожа леопарда, а на спинкѣ подушка изъ темной ткани, отдѣланная золотымъ шитьемъ. Побывши съ послами довольно много времени, отослалъ онъ ихъ въ ихъ помѣщеніе и велѣлъ отнести къ нимъ большого оленя, котораго тогда принесли ему его охотники; вмѣстѣ съ императоромъ была императрица жена его и три маленькихъ сына, старшему изъ которыхъ могло быть около восьми лѣтъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ императоръ отправилъ нѣсколькихъ своихъ придворныхъ къ посламъ, и съ ними послалъ отвѣтъ на то, что они ему говорили.

XXXIII. Въ слѣдующій вторникъ, который былъ 30-го числа мѣсяца октября, послы поручили сказать императору, что они имѣютъ желаніе посмотрѣть и полюбоваться на городъ, и кромѣ того видѣть святыни и церкви, которыя въ немъ находятся, и

al Emperador, y fallaronlo en su palacio que acababa de oir Misa, y con el estaba asaz de gente, y rescibiólos muy bien, y apartóse con ellos en una cámara: y al Emperador fallaron en un estrado un poco alto con unos tapetes pequeños, y en el uno dellos puesto un cuero de leon pardo, y á las espaldas una almojada de tapete prieto con unas labores de oro. É desque ovo estado con los dichos Embajadores una gran pieza, mandóles ir para sus posadas, y un gran ciervo que en[es]tonces troxieron al dicho Emperador unos sus monteros, mandólo traer [tener] á la posada de | los dichos Embajadores, é el Emperador tenia alli consigo á la Emperatriz su muger, é tres fijos pequeños machos, é el mayor dellos podia aver fasta ocho años. Y lunes siguiente el Emperador envió unos Caballeros de su casa á los dichos Embajadores, con los quales les envió responder á lo que avian fablado.

XXXIII. E martes siguiente, que fueron treinta dias del dicho mes de Octubre, los dichos Embajadores enviaron decir al Emperador, en como ellos avian voluntad de ver y mirar aquella ciudad, y otrosi de ver las sus reliquias é Iglesias que en ella avia, é que le pedian por merced que ge

что они покорно просятъ, чтобъ онъ велѣлъ имъ все показать; и императоръ назначилъ своего зятя, котораго звали мессеръ Иларіо, Генуезца, женатаго на его дочери, незаконной, чтобъ онъ отправился съ ними, и также назначилъ нѣкоторыхъ другихъ своихъ приближенныхъ, чтобъ они показали имъ все, что они желали видѣть.

XXXIV. Первое, что они имъ показали, была церковь святого Іоанна Крестителя, которую зовутъ святой Іоаннъ Каменный и которая находится подлѣ императорскаго дворца. При входѣ надъ первой дверью въ эту церковь находилось изображеніе святого Іоанна, очень богатое и очень хорошо сдѣланное мозаикой; рядомъ съ этой дверью находится высокій навѣсъ, опирающійся на четыре свода, и подъ нимъ проходятъ, чтобы войти въ самую церковь, а верхъ этого навѣса и стѣны его всѣ покрыты прекрасными мозаичными изображеніями и образами; эта мозаика сдѣлана изъ очень маленькихъ камешковъ, между которыми есть позолоченные чистымъ золотомъ и сдѣланные изъ эмали и голубой, и бѣлой, и зеленой, и красной, и другихъ многихъ цвѣтовъ, какіе нужны, чтобы исполнить фигуры, изображенія и разводы,

lo mandase mostrar, é el Emperador mandó á su yerno que llamaban Micer Ilario Genovés, que era casado con una su fija que non era legitima, que anduviese con ellos, y otros ciertos omes de su casa, y que les mostrasen lo que quisiesen ver.

XXXIV. E la primera cosa que les fueron mostrar fué una Iglesia de Sant Juan Baptista, que llaman Sant Juan de la Piedra, la qual Iglesia está cerca del palacio del Emperador. E luego encima de la entrada de la pri-
51. mera puerta desta Iglesia estaba una figura de Sant Juan muy rica e muy bien debujada de obra de musayca, y junto con esta puerta está un chapitel alto armado sobre quatro arcos, y so él pasan para entrar al cuerpo de la Iglesia, é el cielo deste chapitel y las paredes dél es todo imaginado de imagenes y figuras muy fermosas de obra de musayca, la qual obra de musayca son de unos pedazuelos muy pequeños, que son dellos dorados de fino oro, y dellos de esmalte azul y blanco é verde é colorado, é de otras muchas colores quantas pertenescen para departir las figuras é imagenes y lazos que alli están fechos: asi que esta obra paresce muy estraña

на нихъ сдѣланные, такъ что на эту работу нельзя смотрѣть безъ удивленія. Внѣ этого навѣса находится большой дворъ, окруженный домами съ надстройками и сѣнями, и въ немъ есть много кипарисныхъ деревьевъ; подлѣ входной двери въ церковь стоитъ прекрасный колодезь подъ навѣсомъ, который опирается на восемь бѣлыхъ колоннъ; углубленіе колодца сдѣлано изъ одной бѣлой плиты. А самая средина церкви круглая, и на верху сводъ, очень высокій и опирается онъ на колонны изъ зеленой яшмы; прямо противъ входа стоятъ три маленькіе алтаря, въ которыхъ три престола; тотъ, что въ серединѣ — главный, и двери этого алтаря покрыты позолоченнымъ серебромъ. У этихъ дверей въ алтарь стоятъ четыре маленькія яшмовыя колонны, а по нимъ серебрянныя позолоченныя полоски, которыя ихъ перекрещиваютъ на крестъ, и въ нихъ вставлено много камней разными манерами; а у дверей этихъ алтарей есть завѣсы изъ шелковой ткани, которыя задергиваются отъ одной стороны къ другой; эти завѣсы дѣлаютъ для того, чтобы, когда священникъ входитъ совершать обѣдню, его не было видно; а верхъ церкви очень богатъ и украшенъ мозаикой. На самомъ верху сдѣлано изображе-

de ver; | y allende deste chapitel está luego un gran corral cercado al derredor de casas sobradadas con sus portales, y en él muchos arboles y acipreses, é á par de la puerta de la entrada del cuerpo de la Iglesia está una fermosa fuente so un chapitel que está armado sobre ocho marmoles blancos, y la pila de la fuente es de una losa blanca, y el cuerpo de la Iglesia es como una quadra redonda, y encima un chapitel, y es muy alta é armada sobre marmoles de jaspe verdes; é de frente como ome entra están tres capillas pequeñas en que están tres altares, é el de en medio es el mayor, é las puertas desta capilla son cubiertas de plata sobredorada. E á esta puerta desta capilla están quatro marmoles de jaspe pequeños, é por ellos unas cintas de plata sobredoradas que les cruzan como en cruz, y en ellas engastonadas muchas piedras y de muchas maneras, é á las puertas destas capillas están unos destajos de paños de seda que se corren á una parte é á otra, é estos destajos ponen, porque quando el Preste entra á decir Misa que lo non vean, é el cielo desta quadra es muy rico, obrado de obra de musayca. E en el cielo alto está una figura

ніе Бога Отца. Стѣны этого алтаря украшены такой же работой почти до самой земли; самый низъ плитами зеленой яшмы, а полъ плитами разноцвѣтной яшмы, расположенными разными разводами; весь алтарь окруженъ вокругъ деревянными рѣзными креслами, очень хорошо сдѣланными, и между каждыми двумя креслами стоятъ точно какъ жаровни изъ желтой мѣди, куда люди плюютъ, чтобы не плевать на полъ. Тамъ такъ же много серебряныхъ и стеклянныхъ лампадъ. Въ этой церкви есть много святынь, ключи отъ которыхъ находятся у императора. Въ этотъ день имъ была показана лѣвая рука св. Іоанна Крестителя; эта рука была отъ плеча и до кисти. Эта рука была высохши, такъ что оставалась только кожа да кости и при соединеніи локтя съ рукой была украшена золотомъ съ каменьями. Въ этой церкви было также много святынь оставшихся отъ Іисуса Христа, но они имъ не были показаны въ тотъ день, потому что императоръ уѣхалъ на охоту и оставилъ ключи у императрицы своей супруги, а когда она давала ихъ, то забыла дать тѣ, которыя были отъ этихъ вещей; впрочемъ послѣ на другой день они имъ были показаны, какъ я послѣ вамъ скажу и опишу. Эта самая церковь

de Dios Padre, é las paredes desta capilla son desta obra misma fasta cerca del suelo, y dende ayuso de losas verdes de jaspe, é el suelo de losas de jaspe de muchas colores fechas á muchos lazos, é esta capilla estaba cerrada toda al derredor de sillas de madera entretalladas muy bien fechas, é entre cada silla estaba uno como brasero de laton con ce-
52. niza, en que escupe la gente porque non escupa en el suelo, é muchas lamparas de plata y de vidro, é aqui en esta Iglesia avia mu|chas reliquias, de las quales tiene la llave el Emperador. E fueles mostrado este dia el brazo izquierdo de Sant Juan Baptista: el qual brazo era de so el ombro ayuso fasta en la mano. E este brazo fué quemado, é non tenia salvo el cuero é el hueso, é á las coyunturas del codo é de la mano estaba guarnecida de oro con piedras. E esta dicha Iglesia avia otras muchas reliquias de Jesu-Christo, é non les fueron mostradas este dia, por quanto el Emperador era ido á cazar, é las llaves dexolas á la Emperatriz su muger, é quando ella las dió olvidóse de dar las do estaban las dichas reliquias; pero despues otro dia les fueron mostradas, segun adelante vos

есть также мужской монастырь; у монаховъ есть очень большая трапеза въ верхнемъ этажѣ, и въ срединѣ ея стоитъ столъ изъ бѣлаго мрамора, въ тридцать шаговъ длины, а передъ нимъ много деревянныхъ креселъ, и на немъ стоитъ двадцать одна бѣлая каменная плитка, такъ какъ будто подставка, чтобы ставить блюда или кушанья; и кромѣ того есть также еще три маленькіе стола, также изъ каменныхъ плитъ. Внутри этого монастыря есть много садовъ и виноградниковъ, и много другого, такъ что все нельзя описать въ немногихъ словахъ.

XXXV. Въ тотъ же день они смотрѣли другую церковь, святой Маріи, которая называется Peribelico; при входѣ въ эту церковь есть большой дворъ, въ которомъ растутъ кипарисы, орѣшникъ, вязы и другія разныя деревья; а самая церковь вся снаружи расписана разнымъ способомъ образами и фигурами богатой работы, золотомъ, лазурью и другими разными красками. Какъ разъ у входа въ самую церковь есть много писанныхъ изображеній, и въ числѣ ихъ св. Маріи, и возлѣ нея съ одной стороны стоитъ изображеніе императора, а съ другой изображеніе

diré y contaré: é esta dicha Iglesia es Monesterio de Monges religiosos, y tienen un refitor en un sobrado muy grande, é en medio dél estaba una mesa de piedra marmol blanco, en que avia treinta pasos, é ante ella muchas sillas de madera, é tenia veinte y un poyo otrosi de losas blancas, que eran asi como plateres para poner baxilla o vianda: é otrosi tenia otras tres mesas pequenas otrosi de losas: dentro en este Monesterio hay muchas huertas é viñas é otras cosas asaz que se non podrian escrebir en breve.

XXXV. E luego este dia fueron ver otra Iglesia de Sancta Maria que ha nombre Peribelico, é en la entrada desta Iglesia está un gran corral en que ha acipreses, nogales é olmos y otros muchos arboles, é el cuerpo de la Iglesia de partes de fuera es todo imaginada de imagenes y figuras de muchas maneras de obra rica de oro y de azul, é de otras muchas colores. E luego á la entrada del cuerpo de la Iglesia á la mano izquierda estaban muchas imagenes figuradas, entre las quales está una imagen de Sancta Maria, é á par della de la una parte está una imagen de Empera-

императрицы; а у подножія образа св. Маріи представлены тридцать замковъ и городовъ, и написано по Гречески имя каждаго изъ нихъ. Намъ сказали, что эти замки и города принадлежали этой церкви, и что они были даны ей однимъ императоромъ по имени Романомъ, который назначилъ ей имѣніе и который въ ней и похороненъ. А у подножія этого изображенія были привѣшены написанныя на стали грамоты, припечатанныя печатями восковыми и свинцовыми, въ которыхъ, какъ говорятъ, были написаны всѣ права, которыя эта церковь имѣла надъ этими городами и замками. Внутри церкви пять алтарей. Середина церкви круглая, очень большая и высокая, поддержанная яшмовыми колоннами разныхъ цвѣтовъ, а полъ и стѣны тоже покрыты плитами яшмы; эта главная церковь была окружена тремя кораблями, которые всѣ смежны съ нею, а верхъ былъ одинъ и тотъ же и надъ самой церковью, и надъ кораблями, и былъ украшенъ очень богатой мозаикой; на одномъ концѣ церкви на лѣвой сторонѣ стоитъ большая гробница изъ цвѣтной яшмы, а въ ней лежитъ императоръ Романъ, и говорятъ, что эта гробница была

dor, é á la otra parte una imagen de Emperatriz, é á los pies de la imagen de Sancta Maria están figurados treinta castillos y ciudades, é escriptos los nombres de cada uno dellos en Griego. E estas dichas ciudades y castillos dixeron que solian ser del señorio de aquella Iglesia, é que ge las oviera dado un Emperador que la dotó que oviera nombre Romano, que alli yace enterrado. E á los pies de aquella imagen estaban colgados unos previlegios de escripto en acero, sellados con sellos de cera é de
53. plomo, que decian que eran los previlegios que aquella Iglesia oviera de las dichas ciudades y castillos. E en el cuerpo desta Iglesia avia cinco altares. E el cuerpo desta Iglesia era una quadra redonda muy grande é alta, é era armada sobre marmoles de jaspe de muchas colores, é el suelo y las paredes era eso mesmo de losas de jaspe: y esta quadra era cercada al derredor de tres naves que se contenian en ella, é el cielo era todo uno, el de las naves, y el de la quadra [e] era todo labrado de obra musayca muy rica, y en el un cabo de la Iglesia á la mano izquierda estaba una gran sepu[o]ltura de piedra de jaspe colorado, y alli yacia el dicho Emperador Romano, é dixeron que aquella sepultura solia ser cubierta de

покрыта золотомъ и въ нее вдѣлано было много драгоцѣнныхъ камней; и что когда Латыняне взяли этотъ городъ, тому можетъ быть лѣтъ 90 [1]) назадъ, то они разграбили эту гробницу. Въ этой церкви есть еще другая гробница изъ яшмы, въ которой лежитъ другой императоръ; еще въ этой церкви есть другая рука святого блаженнаго Іоанна Крестителя, которая была показана посламъ; это была правая рука, отъ локтя внизъ съ кистью, и она была совсѣмъ крѣпкая и свѣжая; хоть и говорятъ, что все тѣло святого блаженнаго Іоанна высохло, кромѣ того пальца правой руки, которымъ онъ указалъ когда сказалъ: Се Агнецъ Божій; однако вся эта рука была крѣпка, какъ казалось; она была вдѣлана въ тоненькія золотыя палочки, и въ ней недоставало большого пальца; и вотъ по какой причинѣ, говорили монахи, недоставало этого пальца. Говорятъ, что въ городѣ Антіохіи, въ то время, когда еще тамъ были язычники, былъ драконъ, и жители города имѣли обыкновеніе давать этому дракону каждый

oro, é en ella engastonadas muchas piedras preciosas, é decian que quando los Latinos ganaron aquella ciudad, podia aver noventa años que robáran aquella sepu[o]ltura. E en esta Iglesia estaba otra gran se|pultura de piedra de jaspe en que yacia otro Emperador: é aqui en esta Iglesia estaba el otro brazo del bienaventurado Sant Juan Baptista, el qual fue mostrado á los dichos Embajadores: el qual brazo era el derecho, y era desde el co[b]-do ayuso con su mano, é estaba bien fresco é sano, é como quiera que dicen que todo el cuerpo del bienaventurado Sant Juan fué quemado salvo el un dedo de la mano derecha con que señaló quando dixo: Ecce Agnus [Anus] Dei: todo este dicho brazo estaba sano, segun alli paresció: estaba engastonado con unas vergas de oro delgadas, y fallesciale el dedo pulgar, y la razon que los Monges decian porque fallescia aquel dedo de alli, era esta: Decian que en la ciudad de Antiochia, al tiempo que en ella avia idólatras, que andaba en el una figura de dragon, é que avian por costum-

[1]) Въ подлинникѣ написано число noventa буквами, но если въ рукописи оно было написано цифрами, то очень вѣроятно, что переписчикъ или наборщикъ могъ принять цифру 2 за 9, и пропустивши второй нуль, измѣнить 200 въ 90.

годъ человѣка на съѣденіе. Бросали жребій кому придется, и на кого падалъ жребій, тотъ не могъ освободиться отъ участи быть съѣденнымъ дракономъ. Однажды жребій палъ на дочь одного добраго человѣка, и когда онъ узналъ, что не можетъ спасти свою дочь отъ дракона, онъ былъ очень опечаленъ; скорбя о дочери, пошелъ онъ въ церковь христіанскихъ монаховъ, которая была въ этомъ городѣ, и сказалъ монахамъ, что онъ слышалъ нѣсколько разъ, какъ Господь совершилъ многія чудеса черезъ св. Іоанна, и что онъ желаетъ увѣровать и поклониться рукѣ этого святого, которою они обладали. Онъ молился, чтобы въ добавокъ къ другимъ чудесамъ, которыя Богъ совершилъ чрезъ него, онъ спасъ его дочь отъ ужасной участи быть съѣденной лютымъ звѣремъ и избавилъ ее отъ опасности. Монахи, сострадая ему, показали ему руку: онъ упалъ на колѣна, чтобы поклониться ей, и плача о дочери, схватилъ зубами большой палецъ руки блаженнаго святого, откусилъ его и спряталъ во рту, такъ что монахи не замѣтили. Когда народъ собрался, чтобъ отдать дѣвушку дракону, и чудовище открыло свою пасть, чтобы съѣсть

bre los de la ciudad de dar cada año á comer á aquel dragon una persona. E que echaban suertes á qual caeria, é que aquel á quien caía, que non pudiese escusar que lo non comiese aquel dragon: la qual suerte diz que cayó en aquel tiempo á una fija de un ome bueno, é que quando vido que non podia escusar de dar su fija á aquel dragon, que ovo gran cuita en su corazon, é que con dolor de la fija que se fuera á una Iglesia de Monges Christianos, que entonces [estonce] en la dicha ciudad avia, é dixo á los Monges que él avia oído algunas veces, que Dios avia fecho muchos
54. milagros por Sant Juan, por ende que él queria creer que era verdad, é adorar en aquel brazo suyo que alli tenian. E demandó le merced que entre los otros milagros [miraglos] que Dios nuestro Señor avia | mostrado por él, que quisiese agora facerle merced de mostrar este, é ficiese como su fija non muriese tan mala muerte, como era [morir] comida de aquella fiera, é la librase de aquel peligro: é que los Monges aviendo compasion dél, que le mostraron el dicho brazo, é que él que fincára los hinojos por lo adorar, é que con dolor de la fija que travára con los dientes del dedo pulgar de la mano del Sancto glorioso, é que ge lo arrancára é llevára

ее, этотъ человѣкъ бросилъ въ его пасть палецъ блаженнаго святаго Іоанна Крестителя; и въ ту же минуту драконъ издохъ, что было большимъ чудомъ; а человѣкъ этотъ обратился къ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа.

Кромѣ того въ этой самой церкви имъ показали маленькій крестъ длиной въ пальмо съ золотымъ подножіемъ, золотыми наконечниками и съ маленькимъ распятіемъ, которое было вставлено въ углубленіи, покрытомъ золотомъ, такъ что его можно было по желанію вынимать и снова вставлять. Говорятъ, что онъ сдѣланъ изъ дерева животворящаго креста, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и цвѣтъ его черноватый; и что его сдѣлали, когда блаженная св. Елена, мать Константина, который построилъ этотъ городъ, привезла животворящій крестъ въ городъ Константинополь, въ цѣлости перевезши его изъ Іерусалима, гдѣ она его нашла и велѣла вырыть. Кромѣ того имъ были показаны мощи блаженнаго св. Григорія, цѣлыя и не попорченныя. Внѣ церкви есть ограда, гдѣ находится много хорошихъ картинъ изъ исторіи, между прочими родословное де-

en su boca, que los Monges non lo vieron, é que quando quisieron dar la Doncella al dragon, que él que abrió la boca por la comer, é que el entonces [entonce] que le lanzó el dedo del bienaventurado Sant Juan Baptista en la boca, é que rebentó luego el dragon, que fué un gran milagro [miraglo]; é que aquel ome que se convertió á la Fé de nuestro Señor Jesu-Christo.

E otrosi en esta mesma Iglesia les fué mostrada una cruz pequeña quanto un palmo, guarnida con un pie de oro, é con unas vergas de oro por los cabos, é con un crucifixo pequeño, é estaba engastonado en una talla que era cubierta de oro, que se podia quitar y poner en ella, la qual es que dixeron que fuera fecha del palo mesmo de la vera cruz en que nuestro Señor Jesu Christo fuera puesto, y era de color prieto, y fuera fecho quando la bienaventurada Sancta Elena, madre de Constantino que pobló aquella ciudad, traxo la veracruz alli á la ciudad de Constantinopla, que alli fué traida toda enteramente desde Jerusalén [Hierusalem], donde la falló quando la fizo buscar y desenterrar. E otrosi les fué mostrado el cuerpo del bienaventurado Sant | Gregorio, el qual estaba sano y entero: é fuera del cuerpo de la Iglesia estaba una claustra de obra bien fermosa

рево Іессея, изъ рода котораго произошла Пресвятая Дѣва Марія. Оно было сдѣлано мозаикой, такой чудесной, такой богатой, и такъ хорошо изображено, что, я увѣренъ, никто, видѣвшій его, не видалъ другого, такого же удивительнаго. При этой церкви есть много монаховъ, которые показывали посланникамъ все это. Они также показали имъ большую и высокую трапезу, по срединѣ которой стоитъ бѣлый мраморный столъ, очень хорошо сдѣланный и очень почернѣвшій, длиною въ 18 пальмъ. Полъ былъ также изъ мраморныхъ гладкихъ плитъ. Въ концѣ этой трапезы было еще два маленькихъ стола изъ бѣлаго же мрамора; потолокъ же былъ весь покрытъ мозаикой. На стѣнахъ были изображены мозаическія историческія картины, начиная отъ Благовѣщенія св. Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи до Рождества Господа нашего Іисуса Христа, и послѣ того странствія Его съ учениками, и вся Его благословенная жизнь до тѣхъ поръ, какъ онъ былъ распятъ. Въ этой трапезѣ было много каменныхъ плитокъ, разстановленныхъ каждая отдѣльно, для того, чтобъ ставить посуду и кушанье. Въ монастырѣ было много домовъ, гдѣ

de muchas historias, entre las quales estaba figurado la virga de Iesse, del linage donde vino la Virgen Sancta Maria, y era de obra musayca, y era tan maravillosa é tan rica, é tan bien debuxada, que tengo que el que esta vido que non vido otra tan maravillosa: é en esta Iglesia avia muchos
55. Monges que mostraron á los dichos Embajadores las sobredichas cosas, é mostraronles un refitorio muy ancho é muy alto, é en medio dél estaba una mesa de marmol blanco muy broñido é muy bien fecha, é avia en luengo treinta é cinco palmas, y el suelo de losas llanas otrosi, é al cabo deste refitorio avia otras dos mesas pequeñas de marmol blanco, y el cielo era todo de obra musayca, é en las paredes dél estaba historiado [estoreado] de obra de musayca, la qual era desde que el Angel Sant Gabriel saludó á la Virgen Sancta Maria, fasta que nasció Jesu-Christo nuestro Dios, é despues que anduvo por el mundo con sus discipulos, y todo el discurso de su bendita vida fasta que fué crucificado. E en este refitorio avia muchos poyos de losa blanca[s] apartados cada uno sobre sí que eran féchos por poner en ellos la baxilla é vianda. E demás en este Monesterio avia muchas casas en que moraban los Mongues, é avia muchos cumplimientos

жили монахи, и при домахъ множество садовъ, и воды, и виноградниковъ, такъ что казалось, въ этомъ монастырѣ могъ помѣститься большой городъ.

XXXVI. Въ этотъ же день была имъ показана другая церковь, называющаяся церковью св. Іоанна; это монастырь, гдѣ живетъ много монаховъ, и у нихъ есть настоятель. Первая дверь [1]) церкви очень велика и богатой работы; передъ этой дверью находится большой дворъ, а сейчасъ за нею самая церковь. Эта церковь круглая, безъ угловъ и окружена тремя большими кораблями, покрытыми однимъ верхомъ съ самой церковью. Въ ней семь алтарей; верхъ ея и кораблей, такъ же какъ стѣны, покрыты богатой мозаикой, изображающей историческія событія; куполъ опирается на 24 колонны изъ зеленой яшмы; надъ кораблями есть ходы и они поднимаются до верху самой церкви; на нихъ стоятъ также 24 колонны изъ зеленой яшмы; верхъ самой церкви и стѣны покрыты мозаикой, а ходы надъ кораблями поднимаются выше самой церкви, и тамъ, гдѣ должна быть рѣшетка, стоятъ маленькія яшмовыя колонны. Внѣ

en las dichas casas, porque avia huertas é agua é viñas, á tanto que parescia que podia en ella ser poblada una grande villa.

XXXVI. Otrosi este dicho dia les fué mostrado otra Iglesia que ha nombre Sant Juan, y es un Monesterio do viven muchos Monges religiosos, é | han un mayoral entre ellos. E la primera parte de la Iglesia es muy alta é de obra rica, é delante desta puerta está un grande corral y luego el cuerpo de la Iglesia, é el qual cuerpo es una quadra redonda sin esquinas muy alta, é es cerrada al derredor de tres grandes naves, que son cubiertas de un cielo ellas y la quadra. E ha en ella siete altares, é el cielo desta quadra é naves é las paredes es de obra de musayca muy ricamente labrada, é en ello muchas historias, é la quadra está armada sobre veinte é quatro marmoles de jaspe verde, é las dichas naves son sobradadas, é los sobrados dellas salen al cuerpo de la Iglesia: é alli avia otros veinte é quatro marmoles de jaspe verde, é el cielo de la quadra é las paredes es de obra musayca, é los andamios de las naves salen sobre el cuerpo de la Iglesia, é alli do avia de aver verjas avia marmoles pequeños de jaspe, é fuera

[1]) Въ подлинникѣ parte, вѣроятно опечатка вмѣсто puerta.

самой церкви находится прекрасная часовня, украшенная мозаикой удивительной работы, изображающей св. Марію, и ясно видно, что въ честь ея и построена часовня. Кромѣ того въ монастырѣ находится большая трапеза съ бѣлымъ мраморнымъ столомъ; на стѣнахъ ея сдѣлана мозаичная картина, изображающая Тайную Вечерю, гдѣ нашь Господь Іисусъ Христосъ сидитъ вмѣстѣ со своими учениками. Въ этомъ монастырѣ есть домы, сады, водоемы и много другого.

XXXVII. На другой день посланники отправились смотрѣть площадь, называемую Гипподромомъ, гдѣ сражаются и бьются на копьяхъ. Она окружена бѣлыми мраморными колоннами, такими толстыми, что развѣ только три человѣка могутъ обхватить ихъ, а высотой въ два копья, если не больше. Эти колонны были поставлены вокругъ одна за другой и числомъ ихъ было тридцать семь, онѣ укрѣплены на очень большихъ бѣлыхъ мраморныхъ основаніяхъ, и на верху соединены арками отъ одной къ другой, такъ что можно ходить вокругъ по ихъ вершинамъ; на верху сдѣланы ходы, защищенные съ обѣихъ сторонъ рѣшеткою и зубцами, и

del cuerpo de la Iglesia estaba una fermosa capilla obrada de maravillosa labor de obra de musayca[o] rica, é en ella estaba muy ricamente figurada la imagen de Sancta Maria, é bien parescia que á reverencia suya avia
56. sido fecha aquella capilla. E eso mesmo avia en aquella Iglesia un grande refitorio de una gran mesa de marmol blanco, é en las paredes deste refitorio estaba his[es]toriado de musayco el misterio del [de el] jueves de la cena, en como nuestro Señor Jesu-Christo estaba sentado á la mesa con sus discipulos, é en este Monesterio avia muchos cumplimientos de casas de huertas é aguas, é otras muchas cosas.

XXXVII. Otro dia les fueron mostrados un campo que es llamado el Hipodiamo, onde solian justar y tornear, el qual es cerrado de marmoles blancos, á tan gruesos quanto tres omes podrian abarcar con los brazos, é tan altos como dos lanzas de armas, é mas, los quales marmoles eran puestos por compás uno con otro al derredor, é eran treinta é siete marmoles, é estaban asentados sobre unas basas blancas muy grandes, é encima eran todos cerrados de arcos que iban de uno al otro, de manera que se podian todos andar por encima al derredor, é encima avia fechos andamios con su

эта ограда устроенная на верху, такъ высока, что будетъ человѣку по грудь; она сдѣлана изъ плитъ и бѣлыхъ колоннъ, вставленныхъ промежду на этихъ ходахъ. Все это сдѣлано для женщинъ, дѣвушекъ и благородныхъ дамъ, когда онѣ смотрятъ на борьбу и турниры, которые тамъ бываютъ. Впереди этихъ колоннъ идетъ рядъ колоннъ прямо одна предъ другой; шаговъ 20 или 30 впереди нихъ стоитъ возвышеніе, поднимающееся на четырехъ столбахъ, а на верху его стоитъ бѣлое мраморное кресло, окруженное другими сидѣньями; на возвышеніи поднимаются вверхъ четыре изображенія изъ бѣлаго мрамора въ человѣческій ростъ; на этомъ возвышеніи и на этомъ креслѣ обыкновенно сидятъ императоры, когда смотрятъ на бои и турниры. Недалеко отъ этихъ колоннъ есть два бѣлыхъ мраморныхъ камня, одинъ на другомъ, очень большой величины, каждый высотой въ копье, если не больше, и на верху этихъ камней четыре четырехъугольныхъ куска мѣди. На верху этихъ кусковъ положенъ огромный камень, съуживающійся къ верху и очень острый на концѣ, по крайней мѣрѣ въ шесть копій высотой. Онъ лежитъ на этихъ

petril é almenas cerrado de amas partes, é aquellos arcos é cerramiento que encima era fecho, era tan alto, que daria á un ome á los pechos: é era fecho de losas é marmoles blancos entretallados entre aquellos andamios que estaban fechos: todo lo qual era fecho á efecto de que sobre estos dichos marmoles acostumbraban estár las Dueñas é Doncellas, é gentiles mugeres, quando miraban las justas é torneos que alli si facian: é luego destos marmoles adelante por un llano iba uno rengle de marmoles, derecho uno con otro; é quanto veinte ó treinta pasos de aquellos marmoles estaba entre ellos un asentamiento alto sobre quatro pilares de marmoles, é encima dellos estaba una silla de marmol blanco con otros asentamientos al derredor, é de los asentamientos salian fácia arriba quatro imagenes de piedra blanca, tan grandes como un ome [hombre] cada una, é en aquella silla é asentamiento solian estár los Emperadores, quando miraban las justas é torneos. E un poco adelante entre estos dichos marmoles estaban dos basás de piedra marmol muy grandes, una enci|ma de otra, que era cada una tan alta como una lanza de armas, é mas: é encima destas basas estaban quatro tajos de cobre quadrados, é encima destos

четырехъ кускахъ ничѣмъ не прикрѣпленный, такъ что нельзя не удивляться, какъ такая громада камня, острая и тонкая, могла быть положена туда, какимъ умомъ или какой силой человѣческой она могла быть поднята и укрѣплена тамъ. Она такъ высока, что съ моря ее можно видѣть поднимающеюся надъ городомъ. Говорятъ, что эта колонна была поставлена здѣсь въ память какого то великаго событія, которое случилось въ то время; на основаніи ея есть напись, въ которой говорится, кто велѣлъ поставить этотъ камень и по какому случаю; но такъ какъ напись на Латинско-Греческомъ языкѣ, и уже было поздно, то посланники не могли оставаться чтобы ее прочесть; говорятъ только что онъ былъ поставленъ въ воспоминаніе о какомъ то великомъ подвигѣ который тогда былъ совершенъ. Отсюда дальше продолжается рядъ колоннъ, но не такихъ высокихъ какъ первыя, и на нихъ начертаны и высѣчены великіе подвиги витязей и благородныхъ людей; между этими колоннами находятся три фигуры изъ мѣди и другихъ металловъ, изображающія змѣй; онѣ переплелись между собою какъ веревка, а три головы ихъ торчатъ отдѣльно одна отъ

tajos estaba enfiesta una piedra afusada todavia mas aguda fácia arriba, la
57. qual piedra podia ser tan alta como seis lanzas de armas, é esta piedra
estaba sobre los dichos tajos, que non estaba pegada nin se tenia con ninguna cosa, tanto que era una maravilla de ver una tan grande cosa de piedra tan aguda é delgada cómo pudo ser puesta alli, ó quál engenio, ó quál fuerza de ome la pudieron enfestar é poner alli, que tan alta es que por la mar se paresce antes aquella columna [coluna] de muy grande pieza que non [no] la ciudad, é esta piedra dicese que fué puesta alli por memoria de un gran fecho que acaesció en el tiempo que alli se puso, é en las basas debaxo de ella estaba escripto, quien mandó alli poner aquella piedra, y por quál fecho: é por quanto la escriptura era en latin Griego, y era ya tarde, por eso non se [se non] pudieron detener, á que fuesen por quien la leyese; pero decian que por un grande fecho que en aquel tiempo acaesciera fuera alli puesta, é de alli para adelante [delante] iba siempre el dicho rengle de marmoles, pero non [no] eran tan altos como los primeros: é en ellos estaba entretallado é pintado los grandes fechos é cosas que en aquel tiempo facian los Caballeros é Gentiles omes, é entre estos marmoles estaban tres

другой, съ открытыми пастями. Говорятъ, что эти фигуры были поставлены здѣсь для заговора: однажды въ городѣ было много змѣй и другихъ вредныхъ животныхъ, которыя жалили и умерщвляли людей; царствовавшій тогда императоръ велѣлъ заколдовать ихъ этими фигурами, и съ тѣхъ поръ никогда больше змѣи не дѣлали вреда людямъ. Вся площадь очень большая и окружена ступенями, поднимающимися одна надъ другой очень высоко. Эти ступени сдѣланы для того, чтобы простой народъ могъ съ нихъ смотрѣть, а ниже ихъ находятся большія постройки съ дверями отпирающимися на площадь, гдѣ обыкновенно вооружались и разоружались рыцари, которые должны были сражаться.

XXXVIII. Въ этотъ же день посланники отправились осматривать церковь, которая называется Св. Софіей. Св. Софія по Гречески значитъ «истинная мудрость» и означаетъ Сына Божьяго. Съ такимъ смысломъ и построена эта церковь. Она больше всѣхъ по величинѣ, болѣе всѣхъ почитается и имѣетъ самые большія права изъ всѣхъ церквей города; при ней есть каноники, которые

figuras de culebras de cobre é de otros metales, é eran torcidas en uno como soga, é encima tenia tres cabezas apartada la una de la otra, é las bocas abiertas, é decian que fueran puestas aquellas figuras de culebras alli por un encatam[i]ento que | fuera fecho, que decian que en la ciudad solia ser é aver muchas culebras, é otras animalias malas que mataban los omes, é los emponzoñaban: é que un Emperador que á la sazon era que las fizo encantar en aquellas figuras de culebras, é que dende adelante nunca ficieron mal á ninguna persona en la ciudad. E este dicho campo era muy grande, é era todo al derredor cercado de grandes gradas, unas que sobian encima de las otras bien altas, y estas gradas eran fechas, para que estoviese é mirase la gente menuda del pueblo, é debaxo destas gradas estaban grandes casas con puertas que salian al campo, donde se armaban é desarmaban los Caballeros que avian de justar é de tornear.

XXXVIII. E otrosi fueron ver este dicho dia la Iglesia que dicen Sancta Sophia. E Sancta Sophia quiere decir en lenguage Grieciano, como *vera sapiencia*, que es fijo de Dios. E á esta sinificanza fué fecha esta Iglesia, é es la mayor é la mas honrada, é mas previlegiada de todas quantas en la

называются калугерами и служатъ въ ней какъ въ соборной церкви; при ней же живетъ и патріархъ, котораго Греки называютъ «Marpollit».

На площади, которая находится передъ церковью, стоятъ девять большихъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, самыхъ большихъ и самыхъ толстыхъ, какія, я думаю, кто нибудь видѣлъ; на верху ихъ видны основанія и говорятъ, что на нихъ была прежде построена большая палата, гдѣ обыкновенно собирались и совѣщались патріархъ и духовенство. На этой самой площади передъ церковью стояла удивительно высокая каменная колонна, а на верху ея была поставлена мѣдная лошадь, такая большая и такая высокая, какъ могли бы быть четыре большихъ лошади; а на ней была фигура вооруженнаго всадника также изъ мѣди съ очень большимъ султаномъ на головѣ на подобіе павлиньяго хвоста. Черезъ эту лошадь были проведены желѣзныя цѣпи, которыя были прикрѣплены къ колоннѣ и держали ее, чтобы она не упала и чтобъ ее не опрокинулъ вѣтеръ. Эта лошадь очень хорошо сдѣлана и представлена съ одной задней и одной передней ногами поднятыми, какъ если бы она собиралась спрыгнуть внизъ; всадникъ, который сидитъ

58. ciudad hay: é en esta Iglesia hay Canonigos que llaman Caloyeros, que la sirven asi como Iglesia Cathedral, é en ella está el Patriarcha de los Griegos que ellos llaman Marpollit. E en una plaza que está ante la Iglesia están nueve marmoles blancos, los mayores é mas gruesos que creo que ome viese, é encima tenian sus basas, é decian que alli solia[n] estár edificado encima un gran palacio onde solian juntarse é facer su cabildo e Patriarcha é los Clérigos: é en esta misma plaza ante la Iglesia estaba una columna de piedra muy alta á maravilla é encima della estaba puesto un caballo de co[bre, á tan alto y tan grande como podrian ser quatro caballos grandes, é encima dél estaba una figura de Caballero armada[o], asi mismo de cobre, con un plumage muy grande en la cabeza á semejanza de cola de pavon. E el caballo tenia unas cadenas de fierro atravesadas por el cuerpo que estaban atadas á la columna, que lo tenian que non cayese nin lo derrocase el viento: el qual caballo es muy bien fecho é está figurado con la una mano é con el un pie alzado, como que quiere saltar ayuso, é el Caballero que está encima tiene el brazo derecho alto,

на ней, держитъ правую руку высоко, съ кистью открытою, а кистью лѣвой руки онъ держитъ поводья и круглый золотой шарикъ. Эта лошадь и этотъ всадникъ такъ велики, а колонна такъ высока, что нельзя смотрѣть безъ удивленія; и эта удивительная фигура всадника, который стоитъ на этой колоннѣ, говорятъ, изображаетъ императора Юстиніана, который поставилъ эту статую и эту церковь и совершилъ въ свое время великіе и замѣчательные подвиги противъ Турокъ. При входѣ въ эту церковь подъ сводомъ, который находится по сю сторону двери, есть навѣсъ, опирающійся на четыре колонны, а подъ нимъ маленькая часовня, очень богатая и красивая; передъ этой часовнею есть дверь въ церковь, очень большая, высокая и покрытая латунью, а передъ нею находится маленькій дворикъ и въ немъ высокіе ходы. Вслѣдъ за тѣмъ есть другая дверь, покрытая латунью какъ и первая, и за этой дверью идетъ очень широкій и высокій ходъ, покрытый деревяннымъ потолкомъ; по лѣвую руку его находится очень большой и очень хорошо отдѣланный дворъ съ многими плитами и колоннами изъ яшмы разныхъ цвѣтовъ; а по правую руку подъ этимъ крытымъ ходомъ, который находится за второй дверью,

é la mano abierta, y con la mano izquierda [yzquierda] del otro brazo tiene la rienda del caballo, é una pella redonda dorada en la mano, el qual caballo é Caballero es tan grande, y la columna [coluna] tan alta que es una maravillosa cosa de ver: y esta maravillosa figura de Caballero que encima desta columna [coluna] estaba, dicese, que era del Emperador Justiniano, que edificó esta figura é esta Iglesia, é fizo grandes é notables fechos con los Turcos en su tiempo. E á la entrada desta Iglesia debaxo de un arco que está aquende de la puerta está él puesto armado sobre quatro marmoles, é so él está una capilla pequeña muy rica é muy fermosa, é adelante desta capilla está la puerta de la Iglesia, y es muy grande é alta é cubierta [cobierta] de laton, é adelante della está un corral pequeño, é en él unos andamios altos: é luego está otra puerta cubierta de laton segun la primera, é delante de aquella puerta va una nave muy ancha é alta, que es cubierta de un cielo de madera, é á la mano izquierda [ezquierda] esta una claustra [caustra] muy grande é muy bien fecha, con muchas losas é marmoles de jaspe de muchos colores, é á la ma|no derecha so esa dicha nave cubierta, que está ante la 59.

и есть самая церковь. Въ ней пять большихъ и высокихъ дверей, покрытыхъ латунью; средняя изъ нихъ самая большая и высокая: онѣ ведутъ въ самую церковь. Эта церковь округленная, и я думаю, что больше, выше, богаче и красивѣе ея нѣтъ другой въ мірѣ; округленное мѣсто занимаетъ середину церкви и окружено тремя ходами очень большими и широкими; они смежны съ самой церковью и не имѣютъ раздѣленія между собой. Самая церковь и ходы имѣютъ надъ собой хоры, которые доходятъ до главной части церкви, такъ что съ нихъ можно слушать обѣдню и часы; эти хоры соединяются одни съ другими, и опираются на колонны изъ зеленой яшмы, а своды покрываютъ ихъ вмѣстѣ съ самой церковью; но куполъ середины церкви поднимается гораздо выше, чѣмъ своды ходовъ; этотъ куполъ круглый и очень высокій, такъ что очень трудно смотрѣть съ низу вверхъ. Церковь въ длину сто пять шаговъ а въ ширину девяносто три; она опирается на четыре устоя очень большихъ и толстыхъ, покрытыхъ плитами разноцвѣтной яшмы; отъ устоя къ устою идутъ очень большія и высокія арки, которыя поддерживаютъ середину

segunda puerta, está el cuerpo de la Iglesia: el qual tiene cinco puertas altas é grandes cubiertas de laton, é la de en medio es mas alta é mayor é por ellas entran al cuerpo de la Iglesia, el qual cuerpo de la Iglesia es una como quadra redonda, la mayor é mas alta é «mas» rica é fermosa que creo que en el mundo pueda ser, la qual quadra es en el cuerpo de la Iglesia, é es cercada al derredor de tres naves muy grandes é anchas, que se contienen con la dicha quadra, que non hay departimiento entre ellas [entrellas]: é la dicha quadra é estas naves son sobradadas, é los sobrados salen al cuerpo de la quadra, de suerte que desde alli pueden oir la Misa é las horas, é destos sobrados suben unos á otros, los quales son armados sobre marmoles de jaspe verde[s], é despues los cielos juntamente con la quadra; pero el chapitel de la quadra sube muy mas alto que non el cielo de las naves: el qual es un chapitel redondo é muy alto, tanto que bien ha menester ome que catar con los ojos desde ayuso: la qual quadra ha en luengo ciento é cinco pasos, é en ancho noventa y tres, y es armada sobre quatro pilares muy grandes é gruesos, que son cubiertos de losa de jaspe de muchas colores, é de pilar á pilar iban unos arcos que

зданія, и онѣ опираются на двѣнадцать колоннъ изъ зеленой яшмы. Между ними е́сть четыре очень большихъ колонны, двѣ на правой сторонѣ и двѣ другія на лѣвой, окрашенныя однимъ веществомъ, сдѣланнымъ искуственно изъ порошковъ, которое называютъ порфиромъ; а своды этой церкви покрыты и расписаны богатѣйшей мозаичной работой; по срединѣ же свода надъ главнымъ алтаремъ сдѣланъ изъ разноцвѣтной мозаики очень почитаемый образъ Бога Отца, огромный и очень хорошо исполненный; сводъ, на которомъ сдѣлано это изображеніе Бога Отца, такъ высокъ, что снизу оно кажется величиной съ человѣка, или немного больше, а между тѣмъ оно такъ велико, что, какъ говорятъ, отъ одного глаза до другого три пальма; а тому кто на него смотритъ, оно представляется ни больше, ни меньше какъ человѣкъ; и это происходитъ отъ той огромной высоты, на которой оно помѣщено. На полу посреди церкви стоитъ что то въ родѣ каѳедры, поставленной на четырехъ яшмовыхъ колоннахъ; стѣны ея покрыты множествомъ плитъ разноцвѣтной яшмы; эта каѳедра вся покрыта сѣнью, стоящею на восьми колоннахъ разноцвѣтной яшмы: от-

eran armados sobre doce marmoles de jaspe verde, é muy altos é grandes
que sostienen la dicha quadra. E en ellos avia quatro marmoles muy gran-
des, los dos á la una parte derecha, é los otros dos á la siniestra, los
quales eran colorados de una cosa que es fecha de polvos artificialmente,
é llamanle porfido: y el cielo desta quadra era cu[13]bierto é debujado de
obra de musayca muy rica, y en medio del cielo encima del altar mayor
estaba figurada una imagen muy devota de Dios Padre muy grande é muy
propria de aquella obra musayca de muchas colores, é tan alta es esta
quadra onde este Dios Padre está fecho, que desde abaxo non parescia
salvo tan grande como un ome, ó poco mas, é tan grande es que dicen
que del un ojo al otro ha tres palmos, é al que lo mira non paresce salvo
que es como nin [ni] mas nin [ni] menos un ome [hombre], é esto es por la
grandisima altura en que está. E en el suelo en medio desta quadra estaba
uno como predicatorio [pedricatorio] fecho sobre quatro marmoles de jaspe, é
las paredes dél cubiertas de muchas losas de jaspe de muchas colores, y este 60.
predicatorio era todo cubierto de un chapitel, que estaba sobre ocho marmo-
les muy grandes de jaspe de muchas colores, é alli predicaban [pedricaban],

туда говорятся проповѣди и также читается Евангеліе въ праздничные дни. Стѣны церкви и боковыхъ ходовъ такъ же какъ и полъ ея сдѣланы изъ очень большихъ плитъ разноцвѣтной яшмы, очень почернѣвшей; все это выдѣлано разными рисунками и разводами, очень красивыми на видъ. Часть стѣнъ арокъ поддерживающихъ главный сводъ, сдѣлана изъ очень красивыхъ большихъ камней, на которыхъ вырѣзано много разныхъ подходящихъ фигуръ; такъ отдѣлано рѣзьбой и каменными плитками на высоту человѣческаго роста отъ пола, а оттуда выше идетъ очень богатая и прекрасно сдѣланная мозаичная работа. Хоры надъ боковыми ходами окружаютъ по верху всю главную церковь кромѣ той стороны, гдѣ главный алтарь; все это стоитъ посмотрѣть. Хоры около девяноста шаговъ въ ширину, а вокругъ ихъ всѣхъ почти четыреста десять шаговъ; всѣ эти верхніе ходы и ихъ своды украшены мозаичной работой, сдѣланной чрезвычайно красиво и искусно. На одной стѣнѣ этихъ ходовъ, какъ взойдешь на верхъ, такъ прямо по лѣвую руку, есть огромная бѣлая плита, вставленная въ стѣну

é tambien decian en él el Evangelio el dia de fiesta, é asi las paredes como el suelo de la dicha quadra é naves de la Iglesia eran de unas muy grandes losas [losas muy grandes] de jaspe de muchas colores, é muy bruñidas: todo lo qual estaba labrado é fecho con muchos lazos é truamientos [ruamientos] bien fermosas de ver, é una pieza de las paredes de los arcos que sostenian la dicha quadra, era de losas blancas muy fermosas, en que estaban fechos muchos entallamientos de muchas é diferentes figuras proprias, é lo que era asi entretallado é cubierto de losas, era quanto ún estado de ome en alto del suelo, é dende arriba era de obra de musayca [musaico] muy rica é muy bien fecha; | é los sobrados de las naves de la sobredicha Iglesia cercaban arriba toda la quadra en derredor, salvo alli dó era el altar mayor, todo lo qual era cosa de ver. E estos sobredichos sobrados avian en ancho fasta noventa pasos, poco mas ó menos, é al derredor tendria como fasta quatrocientos é diez pasos, y estos andamios é sobrados, y el cielo dellos eran obrados de obra de musayca, muy fermosamente artificiado: y en una pared destos sobredichos sobrados de fácia la mano izquierda como ome [hombre] sobia arriba, estaba una grandisima losa blanca puesta en la pared, entre otras

между многими другими, на которой само собою изображено совершенно вѣрно, безъ всякаго человѣческаго искуства, ни живописи, ни ваянія, изображеніе Пресвятой блаженной Дѣвы Маріи съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ на Ея святыхъ рукахъ, и преславнаго Предтечи его св. Іоанна Крестителя съ другой стороны; и эти изображенія, какъ я сказалъ, не нарисованы, ни написаны какой нибудь краской, ни изваяны, а сдѣлались такъ сами собою; потому что самъ камень такъ и родился со всѣми этими жилками и знаками, которыя на немъ ясно видны, и сами собою образовались на немъ эти изображенія. Говорятъ, что когда этотъ камень былъ отломанъ и приготовленъ чтобы быть вставленнымъ въ этомъ святомъ мѣстѣ, то замѣтили на немъ эти удивительныя святыя изображенія; увидѣвши это великое и таинственное чудо, этотъ камень привезли и поставили сюда, такъ какъ эта церковь должна была быть самой главной церковью въ городѣ. Это изображеніе выглядитъ какъ если бы оно было промежду небесными облаками, когда небо ясно, и какъ будто бы предъ нимъ было тонкое покрывало. И оно тѣмъ болѣе удивительно, что кажется чѣмъ то духовнымъ, что Богъ хотѣлъ пока-

muy muchas en que estaba de suyo debujado muy naturalmente sin ningun artificio humano de esculpido nin [ni] pintado, la sacratisima y bienaventurada Virgen Sancta Maria, con nuestro Señor Jesu-Christo en sus santisimos brazos, é el [al] gloriosisimo precursor suyo Sant Juan Baptista de la otra parte; y estas imagenes, como aqui digo, non eran debujadas nin [ni] pintadas con ningun color, nin [ni] fecha de ningun entallamiento, mas de suyo mesmo, porque la propria piedra nasció asi y se crió con las proprias venas y señales que en ella claramente se parescian, y formabanse en ella aquellas imagenes, é decian que quando aquella piedra fué labrada y sacada, para poner alli en aquel santisimo lugar, vieron aquellos maravillosisimas y bienaventuradas imagenes en ella, é visto aquel misterio tan grande é milagro, é por ser esta dicha Iglesia la mayor de la ciudad, fué traida é puesta alli aquella piedra; é estas di|chas imagenes parescian
como que estoviesen entre las nubes del cielo, quando está claro, é como 61.
si toviese [tubiese] un velo delgado ante sí. E tanto parescian mas maravillosas siendo como cosa espiritual [espunal] que Dios quiso alli mostrar,

зать. У подножія этого образа стоитъ алтарь и маленькая церковца, въ которой служатъ обѣдню. Тутъ же въ этой церкви были имъ показаны святыя мощи одного патріарха, которыя сохранились совершенно съ тѣломъ и костями.

Кромѣ того была имъ показана рѣшетка, на которой сожгли св. Лаврентія. Въ этой церкви есть много погребовъ и цистернъ и помѣщеній въ низу, въ которыхъ есть замѣчательныя вещи удивительной работы, и много домовъ и разныхъ устройствъ, но большая часть этого приходитъ уже въ упадокъ; кромѣ того есть много пристроенныхъ къ этой церкви разрушенныхъ строеній, и дверей ведущихъ въ церковь, запертыхъ и развалившихся; говорятъ, что если обойти все въ церкви кругомъ, такъ будетъ около десяти миль. Въ этой церкви есть огромная цистерна подъ землею, въ которой очень много воды и она такъ велика, что говорятъ, въ ней могутъ помѣститься сто галеръ. Все это и еще многое видѣли они въ этой церкви; такъ много, что нельзя ни разсказать, ни описать въ немногихъ словахъ; потому что такъ велико это зданіе и такъ много въ немъ удивительныхъ вещей, что въ долгое время всего не осмотришь, и хоть каждый день

y al pie destas imagenes estaba un altar y una capilla pequeña en que decian Misa; é aqui en esta Iglesia les fué mostrado un cuerpo sancto de un Patriarcha, que estaba entero en carne y en hueso.

Otrosi les fueron [fue] mostradas las parillas en que el bienaventurado Sant Lorenzo fué asado, y en esta dicha Iglesia hay sotanos é cisternas, é casas debaxo en que hay estraña cosa de obra maravillosa de ver, é muchas casas, é cumplimientos de todas cosas, pero que se va á perder lo mas dello: é otrosi junta con esta Iglesia hay muchos edificios [hedificios] caidos, é puertas que entraban á la Iglesia cerradas é caidas, é decian que el circuito desta Iglesia solia durar al derredor desta Iglesia diez millas; é en esta Iglesia avia una cisterna muy grande que estaba so tierra que tenia mucha agua, é tan grande era que decian que podrian [podria] en ella estár cien galeas: todas estas dichas obras, é otras muchas fueron vistas en esta Iglesia, y tantas que se non podrian contar nin escrebir tan en breve, ca tan grande es el edificio é obras maravillosas que en esta Iglesia ha, que non se acabára de ver en mucho tiempo, aunque el ome non se

ходить смотрѣть сколько только возможно осмотрѣть, все таки всегда будешь видѣть новое. Крыши всѣ покрыты свинцомъ. Эта церковь имѣетъ много правъ и преимуществъ, и по этимъ правамъ, если кто нибудь, будетъ ли онъ Грекъ или какого бы то ни было другого народа, совершитъ какое нибудь преступленіе, грабежъ ли, смертоубійство ли, воровство ли, и если онъ скроется въ ней, то оттуда его не возьмутъ.

XXXIX. Въ тотъ же день посланники были въ другой церкви, которую называютъ св. Георгій. Въ этомъ храмѣ какъ разъ за первыми вратами есть большая площадь, на которой много садовъ и домовъ, и зданіе церкви стоитъ между этими садами. Передъ дверью церкви со внѣшней стороны есть купель для крещенія, очень большая и красивая, и надъ нею сѣнь, поддерживаемая восемью бѣлыми колоннами съ высѣченными на нихъ многими фигурами; а зданіе церкви очень высоко и все покрыто мозаичной работой; тамъ изображено, какъ вознесся на небо Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Полъ этой церкви удивительной работы, потому что онъ покрытъ кусочками порфира и яшмы разныхъ цвѣтовъ, и на немъ сдѣланы прекрасные узоры; такой

exercitára mas de quanto pudiese mirar de cada dia, que siempre veria cosas nuevas, é los texados della son todos cubiertos de plomo. E esta dicha Iglesia es muy privilegiada, porque qualquiera persona, asi Griego como de otra qualquiera | generacion que sea, que faga qualquier maleficio, asi de robo, como de furto ó de muerte, é se acoja à ella, non será de alli sacado.

XXXIX. E este dicho dia fueron ver otra Iglesia que ha nombre Sant Jorge: en el qual templo luego ante la primera puerta está un grande corral en que ha muchas huertas é casas, y el cuerpo de la Iglesia está entre estas huertas, é ante la puerta de la Iglesia de partes de fuera está una pila de baptizar bien grande é fermosa, é sobre ella está un chapitel armado sobre ocho marmoles blancos entretallados de muchas figuras, y el cuerpo desta Iglesia está muy alto, é toda cubierta de obra de musayca, é en el
estaba figurado quando nuestro Señor Jesu-Christo subió á los cielos: é el 62.
suelo desta Iglesia estaba maravillosamente obrado, ca era cubierto de losas de porfido, é de jaspe de muchas colores, y en él fechos muchos lazos

же работы и стѣны. По срединѣ свода этой церкви изображенъ Богъ Отецъ надъ входной дверью и изображенъ животворящій крестъ, который изъ середины облаковъ съ неба Ангелъ показываетъ апостоламъ въ то время, какъ на нихъ нисходитъ Св. Духъ въ видѣ огня, что удивительно исполнено мозаичной работой. Въ этомъ храмѣ есть большая гробница изъ яшмы, покрытая шелковой тканью, а въ ней лежитъ одна императрица. Такъ какъ уже было близко къ ночи, то рѣшено было, что на другой день, въ среду, посланники пріѣдутъ въ Константинополь къ воротамъ, которыя называются Киниго, и что тамъ найдутъ они мессера Иларія и другихъ родственниковъ императора, которые съ ними ходили, и лошадей чтобъ имъ поѣхать, и что они отправятся осматривать дальше городъ и то, что въ немъ есть; и посланники воротились въ Перу, туда, гдѣ они жили, а другіе отправились по своимъ домамъ.

XL. На другой день, въ среду, посланники не могли переѣхать въ Константинополь, какъ условились, потому что въ тотъ день пришло извѣстіе въ городъ Перу, что нѣкоторыя Ве-

muy bien fechos, é desta obra mesma eran las paredes, é en medio del cielo desta Iglesia está figurado un Dios Padre de obra de musayca encima de la entrada de la puerta, é está figurada [figurado] la vera-cruz, que la muestra un Angel de entre las nubes del cielo á los Apóstoles, al tiempo que viene sobre ellos el Spiritu Sancto en figura de fuegó, de obra de musayca muy maravillosamente obrado; é en esta Iglesia estaba una gran sepultura de jaspe, é cubierta con un paño de seda, é yacia alli una Emperatriz, é por quanto era ya la noche cerca, quedó para otro dia miercoles que los dichos Embajadores pasasen en Constantinopla á la puerta que es llamada Quinigo, é que alli fallaria al dicho Micer Ilario, é á los otros de casa del Emperador que [14] con ellos andaban, é caballos en que cabalgasen, é que irian [yran] á ver lo mas de la ciudad, é de las cosas della, é los dichos Embajadores se tornaron á Pera onde posaban, é los otros sobredichos se fueron á sus casas.

XL. E otro dia miercoles los dichos Embajadores non pudieron pasar en Constantinopla como tenian acordado, porque este dia vinieron nuevas á la ciudad de Pera, en como ciertas galeas de Venecianos avian salido á la

неціанскія галеры напали на флотъ Генуэзскихъ галеръ, которыя шли съ войны съ Александрійскимъ царствомъ, и у которыхъ начальникомъ былъ Мозенъ Бучикате; разбили ихъ близь Мондона, убили очень многихъ, захватили нѣкоторыя галеры и вмѣстѣ съ тѣмъ взяли въ плѣнъ Шатель Мората, племянника Бучиката.

Послѣ этого въ городѣ сдѣлалось большое волненіе: захватили нѣсколькихъ Венеціанцевъ, которые тамъ жили, и взяли нѣсколько кораблей, которые они содержали, а власти и городское правительство приказали взять галеоту, въ которой посланники должны были ѣхать въ Трапезондъ, потому что они хотѣли послать ее съ извѣстіемъ. Посланникамъ было очень непріятно, что у нихъ взяли эту галеоту, потому что времени было мало и они не могли найдти корабля такъ скоро, какъ бы желали, и должны были искать другого, чтобы имѣть возможность исполнить королевскую службу: они послали сказать мессеру Иларію, что не могутъ въ тотъ день пріѣхать въ Константинополь, какъ обѣщали и условились, но что на другой день пріѣдутъ. Въ этотъ

armada de galeas de Genoveses que iban de la guerra de [del] Reyno de Alexandria de que era Capitan Mosen Buchicate [Buchicade], é que las avia desbaratado á cerca de Mondon [Modon], é avian muerto muy muchos dellos en demasia, é avia tomado ciertas galeas, é avian prendido á Chastel Morate sobrino de Buchicate.

E sobre esto ovo en la ciudad muy grande bullicio é prendieron ciertos Venecianos que ahi estaban, é tomarónles ciertos navios que alli tenian, é la potestad é gobierno de la ciudad fizo tomar una galeota en que los dichos Señores Embajadores avian de ir á Trapisonda, el porque la querian para enviar en mensageria, é fué gran desman á los dichos Embajadores, el facerles tomar aquella galeota, por quanto el tiempo era breve, é non pod[r]ian fallar navio tan aina como querian, é ovieron de buscar otro navio para aver de avisarse en lo que cumplia á servicio del Rey, é enviaron decir al dicho Micer Ilario, que non podian aquel dia pasar en Constantinopla como le avian prometido é tenian acordado, 63.
pero que otro dia pasarian: é este dia vino | el Emperador de monte,

день воротился императоръ съ охоты и прислалъ посланникамъ половину кабана, котораго убилъ.

XLI. На слѣдующій день въ четвергъ, 1-го числа ноября мѣсяца, посланники переѣхали въ Константинополь и застали мессера Иларія и другихъ родственниковъ императора, ожидавшихъ ихъ у воротъ Киниго; они поѣхали верхомъ и отправились осматривать церковь, которая называется святая Марія de la Cherne. Эта церковь была внутри города возлѣ одного разрушеннаго замка, который прежде былъ мѣстопребываніемъ императоровъ; этотъ замокъ разрушилъ одинъ императоръ, потому что его взялъ въ немъ въ плѣнъ его сынъ, какъ вамъ послѣ будетъ разсказано. Эта церковь св. Маріи de la Cherne была прежде придворной церковью императоровъ: она состояла изъ трехъ кораблей, средній былъ самый главный, самый большой и самый высокій, а два другіе были ниже и надъ ними были хоры и эти хоры поднимались до верху главнаго корабля. Корабли этой церкви были устроены такъ, что они стояли на высокихъ колоннахъ изъ зеленой яшмы, а основанія, на которыхъ они стояли, и базы были изъ бѣлаго мрамора, со вставленными въ него разными украше-

é envio á los dichos Embajadores medio puerco de uno que avia muerto.

XLI. E despues otro dia jueves primero dia de Noviembre, los dichos Embajadores pasaron en Constantinopla, é fallaron presto al dicho Micer Ilario, é otros de casa del Emperador á la puerta de Quinigo,, que los estaban esperando, é cavalgaron, é fueron ver una Iglesia que ha nombre Sancta Maria de la Cherne, la qual Iglesia estaba dentro en la ciudad á par de un castillo que estaba derrocado, que solia ser posada donde los Embajadores habitaban: el qual castillo derrocó un Emperador porque lo prendió en él un su fijo, segun adelante vos será contado: la qual Iglesia de Sancta Maria de la Cherne solia ser capilla de los Emperadores, é el cuerpo della eran tres naves é la de en medio era la mas grande é mayor é mas alta, é las otras dos eran mas baxas, y eran sobradadas, é los sobrados dellas salian á la nave mayor: las quales naves de la dicha Iglesia, asi la mayor como las otras, eran armadas en esta manera: que se levantaban de unos grandes marmoles de jaspe verde, é los pies sobre que esta-

ніями и фигурами. Верхъ этихъ кораблей и стѣны до половины были покрыты плитами разноцвѣтной яшмы, и на нихъ были искусно сдѣланы разные разводы и прекрасныя украшенія. Верхъ главнаго корабля былъ богаче другихъ и сдѣланъ изъ дерева четвероугольниками и балками, и весь верхъ и четвероугольники и балки были позолочены чистымъ золотомъ. Хотя самая церковь во многихъ частяхъ была уже повреждена, однако отдѣлка этого верха и позолота была такъ свѣжа и такъ хороша, какъ будто работа была только что окончена. Въ главномъ кораблѣ стоялъ богатый алтарь и каѳедра, тоже очень богатая. Вся отдѣлка этой церкви очень богата и много стòитъ; а крыши ея всѣ покрыты свинцомъ.

XLII. Въ этотъ же день они отправились смотрѣть святыни, которыя хранятся въ церкви св. Іоанна, и которыя не были имъ показаны прежде, потому что не было ключей. Когда они пріѣхали въ церковь, монахи надѣли облаченія, зажгли много факеловъ и свѣчей, взяли ключи и съ пѣніемъ взошли во что то въ родѣ башни, гдѣ хранились святыни. Съ ними отправился и одинъ изъ вельможъ императорскихъ, и они принесли ковчегъ краснаго

ban, é las basas eran de marmol blanco entretallados de muchas labores é figuras, é el cielo destas naves é las paredes dellas, fasta la meytad dellas eran de losas de jaspe de muchas colores, é artificiosamente estaban fechos muchos lazos é obras bien fermosas, y el cielo de la nave mayor era muy rico, é era fecho de madera á cubos é á travamientos, é era todo el cielo é cubos é travamientos dorado de muy fino oro, ca como quiera que la Iglesia estaba mal parada á muchas partes, empero la labor de aquel cielo é doradura dél estaba tan fresco é tan fermoso como si entonces se acabára de labrar; y en la nave mayor estaba un rico altar é un predicatorio, é eso mesmo muy rico: é esta obra desta [dasta] Iglesia era muy rica é costosa, é los tejados della eran todos cubiertos de plomo.

XLII. E este dicho dia fueron ver las reliquias que estaban en la Iglesia de Sant Juan, las quales non les fueron mostradas el dia de antes por mengua de las llaves, é como llegaron á la Iglesia los Monges revestie- 64.
ronse, é encendieron muchas hachas é cirios, é tomaron las llaves, é cantando sus cantos sobieron á una como torre, do estaban las dichas reliquias,

цвѣта. Монахи шли, неся его, и пѣли свои печальныя пѣсни, съ зажженными свѣчами и со множествомъ кадильницъ, которыя несли предъ нимъ, и поставили его въ самой церкви, на высокомъ столѣ, покрытомъ шелковой тканью. Этотъ ковчегъ былъ запечатанъ двумя печатями изъ бѣлаго воску, которыя были положены у двухъ серебряныхъ застежекъ, и запертъ двумя замками. Они открыли его и вынули оттуда два серебряныя позолоченныя блюдца, которыя служили для того, чтобы класть на нихъ святыни, когда онѣ вынимаются. Потомъ изъ ковчега вынули мѣшокъ изъ бѣлаго димита, запечатанный печатью изъ бѣлаго воска. Они распечатали его и вынули изъ него маленькій круглый золотой ковчежецъ; внутри его былъ тотъ хлѣбъ, который въ четвергъ на тайной вечерѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ Іудѣ въ знакъ того, что онъ предастъ его, и Іуда не могъ его съѣсть. Онъ былъ завернутъ въ тонкій красный сендаль и запечатанъ двумя печатями алаго воску; и былъ этотъ хлѣбъ пальца въ три величиною. Кромѣ того изъ этого мѣшка вынули золотой ковчежецъ, меньше перваго. Внутри въ немъ была коробочка, вдѣлан-

é con[t] ellos un Caballero del Emperador, é decendieron [decindieron] un arca colorada, él los Monges venian trabados della diciendo [deciendo] sus cantos muy dolorosos, é las hachas encendidas, é muchos incensarios ante ella [antella], é pusieronla en el cuerpo de la Iglesia sobre una mesa alta que era cobierta de un paño de seda: la qual arca estaba sellada con dos sellos de cera blanca, que estaban echados á dos aldavillas de plata. E eso mesmo estaba cerrada con dos cerraduras, é abrieronlas é sacaron dellas dos plateles grandes de plata dorados, los quales quando sacaban las reliquias servian para ponerlas encima. E sacaron luego de la dicha arca un talegon de dimito blanco que estaba sellado con un sello de cera, é desellaronlo, é sacaron dél una arqueta de oro pequeña redonda, é dentro estaba el pan que el jueves de la cena dió nuestro Señor Jesu-Christo á Judas, en señal de quien era el que lo traia, el qual non lo pudo comer. E estaba envuelto en | un cendal colorado, é sellado con dos sellos de cera bermeja, é seria aquel pan quanto tres dedos de la mano. Otrosi sacaron de aquel talegon un arqueta de oro mas pequeña que la primera, é dentro en ella estaba una buxeta engastonada en ella que se non podian de alli quitar: la qual

ная такъ, что ее нельзя было вынимать; она была изъ хрусталя и внутри въ ней была кровь Господа нашего Іисуса Христа, та, которая потекла изъ бока Его, когда Лонгинъ ранилъ Его копьемъ. Изъ этого же мѣшка вынули другой маленькій золотой ковчежецъ, крышка котораго была пробита насквозь какъ терка; внутри его была кровь, истекшая изъ одного распятія, которое разъ ударилъ издѣваясь одинъ Жидъ въ городѣ Барутѣ. Потомъ вынули хрустальный ящичекъ съ пробкой, прикрѣпленной золотой цѣпочкой, въ которой лежалъ маленькій кусочекъ краснаго сендаля, а въ немъ были завернуты волоса изъ бороды Господа нашего Іисуса Христа, которые Жиды вырвали у Него, когда распинали Его. Потомъ изъ этого же мѣшка вынули ковчежецъ, гдѣ хранился кусочекъ камня, на которомъ былъ положенъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда Его сняли со креста. Кромѣ того изъ ковчега вынули другой ковчегъ серебряный позолоченный, четырехугольный, длиною около двухъ съ половиною пальмъ. Онъ былъ запечатанъ шестью печатями, приложенными у шести паръ круглыхъ серебрянныхъ застежекъ; у него былъ замокъ и при немъ висѣлъ серебряный ключь; отворили этотъ ковчежецъ

buxetilla era de christal, é dentro en ella estaba de la sangre de nuestro Señor Jesu-Christo, de la que le salió por el costado, quando Longinos le dió la lanzada. E deste talegon sacaron otra arqueta pequeña de oro, é la tapa de encima era foradada asi como un rallo, é dentro della estaba de la sangre que salió de un Christo crucificado que una vez firió un Judio por facer escarnio dél en la ciudad de Baruto: é sacaron otrosi una buxetilla de christal, que tenia un tapadero é una cadenilla de oro de que se tenia, en que estaba un cendal pequeño colorado, en que estaban de las barbas de nuestro Señor Jesu-Christo, de las que le mesaron los Judios quando lo crucificaron. Otrosi sacaron del dicho talegon un relicario en que estaba un pedazo de la piedra en que nuestro Senor Jesu-Christo fué puesto, quando lo descendieron [descindieron] de la cruz. E otrosi de esta
arca fué sacada una arca de plata sobredorada quadrada, de fasta dos palmos 65.
é medio en luengo: é la qual estaba sellada con seis sellos que estaban echados á seis pares de aldavillas de plata redondas, é tenia una cerradura, é della colgada una llave de plata, é abrieron aquella arca, é sacaron della

и вынули изъ него доску, которая вся была покрыта золотомъ, и на ней лежало желѣзо съ того копья, которымъ Лонгинъ ранилъ Господа нашего Іисуса Христа; оно было тонко и остро какъ шипъ или стрѣла, а гдѣ была ручка, въ немъ были дырки; длиною оно было можетъ быть одно пальмо и два дюйма; на концѣ у острія была кровь такая свѣжая, какъ будто бы только что случилось то, что сдѣлали Іисусу Христу; это желѣзо было шириною около двухъ дюймовъ, и оно было вдѣлано въ эту доску, покрытую золотомъ; оно не было свѣтло, но тускло. Кромѣ того въ ту же доску былъ вдѣланъ кусокъ трости, которою били по головѣ Іисуса Христа, когда онъ стоялъ предъ Пилатомъ; этотъ кусокъ былъ длиною около полутора пальма, и казался краснаго цвѣта. А внизу подъ этимъ копьемъ и тростью, на этой же са̀мой доскѣ былъ вдѣланъ кусокъ губки, на которой подали Господу нашему Іисусу Христу желчь и уксусъ, когда онъ былъ на крестѣ. Въ этомъ же самомъ серебряномъ ковчегѣ, откуда была вынута эта доска, лежала одежда Господа нашего Іисуса Христа, о которой воины Пилата бросали жребій; она

una tabla que era toda cubierta de oro, y estaba en ella el fierro de la lanza con que Longinos dió á nuestro Señor Jesu-Christo, y [15] era delgado como espiote é fierro de aljaba, é á donde estaba el hasta, estaba foradado, é podria ser tan luengo como un palmo é dos dedos, é en él á los cabos á lo agudo estaba la sangre tan fresca, como si entonces acaesciera lo que con él ficieron á Jesu-Christo, y seria este fierro á tan ancho quanto dos dedos, y estaba engastonado en aquella tabla, que era cubierta de oro, y el fierro non era claro, antes estaba escuro como reniento. E otrosi estaba engastonado en aquella tabla un pedazo de la caña con que dieron á Jesu-Christo nuestro Señor en la cabeza, quando estaba ante Pilatos, é era á tan luenga como un palmo é medio, é era como colorada, é ayuso del fierro de la lanza, y desta caña estaba en esta tabla eso mesmo engastonado un pedazo de la esponja con que á Jesu-Christo nuestro Dios fué dada la hiel é el vinagre en la cruz; y en la dicha arca de plata onde esta tabla fué sacada estaba la vestidura de Jesu-Christo nuestro Dios, sobre que echaron suertes los Caballeros de Pilatos, y estaba doblada é sellada con sellos porque non cortasen della los que la viniesen á ver, como

была сложена и запечатана, для того чтобы тѣ, которые приходятъ смотрѣть, не могли отрѣзывать отъ нея, какъ уже дѣлали нѣсколько разъ; только одинъ рукавъ былъ сложенъ отдѣльно и внѣ печатей. Эта одежда была подложена краснымъ димитомъ, который похожъ на сендаль, а рукавъ былъ узенькій, такой что застегивается, и былъ разрѣзанъ до локтя, и было у него три пуговки, сдѣланныя точно изъ шнурочка, какъ узлы на обнасцахъ; и пуговки, и рукавъ, и то что можно было видѣть стана казалось темно краснаго цвѣта въ родѣ розоваго и больше подходило къ этому цвѣту чѣмъ къ какому нибудь другому; не казалось, чтобъ она была однотканая, а сшита иголкой; потому что нитки были точно сученыя и шли очень плотно одна къ другой. Когда посланники отправились смотрѣть эти святыни, то знатные люди и жители города, узнавши объ этомъ, тоже пришли туда посмотрѣть ихъ и всѣ много плакали и молились.

XLIII. Въ тотъ же день они осматривали одинъ женскій монастырь, который называется монастыремъ Вседержителя. Тамъ въ церкви имъ показали мраморный разноцвѣтный камень въ девять пальмъ длиною. На этомъ камнѣ, говорятъ, былъ положенъ

avian ya fecho otras algunas veces, é la una manga estaba fuera de la dobladura é de los sellos, la qual vestidura era [a]forrada de un demite colorado, que [ques] es como cendal é la manga era angostilla de las que se abrochan, y era fendida fasta el codo: tenia tres botoncillos fechos como de cordoncillo, asi como ñudo de piguelas, é los botoncillos é la manga, é lo que se pudo ver de la saya, paresció de color colorado escuro como de color rosado, é paresció que mas tiraba á este color que á otro, é non parescia | que fuése texida salvo como labrada de aguja, ca los filos parescian como torcidos en trisne, é muy juntos: é quando los dichos Embajadores fueron ver estas reliquias, los omes honrados é gente de la ciudad que lo supieron, fueron llegados alli por los ver, é lloraban muy fuertemente, é facian todos oracion.

XLIII. E este dia fueron ver un Monesterio de Dueñas que es llamado 66.
Omnipotens, y en esta Iglesia les fué mostrada una talla de marmol de muchas colores, en que avia nueve palmos en luengo, y en aquella piedra

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда былъ снятъ со креста; на немъ видны были слезы трехъ Марій и св. Іоанна, которые плакали, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ снятъ со креста, и слезы были такъ свѣжи, какъ будто бы это только что тамъ случилось.

XLIV. Кромѣ того въ этомъ городѣ Константинополѣ есть одна очень почитаемая церковь, которая называется Святая Марія della Dessetria. Эта церковь маленькая, и въ ней живутъ нѣсколько монашествующихъ канониковъ, которые не ѣдятъ мяса, не пьютъ вина и не ѣдятъ ни масла, ни какого другого жира, ни рыбы, въ которой есть кровь. Внутренность этой церкви превосходно отдѣлана мозаикой, и въ ней находится образъ св. Маріи на доскѣ, который, какъ говорятъ, сдѣлалъ и нарисовалъ своею рукою славный и блаженный св. Лука. Этотъ образъ совершилъ и совершаетъ каждый день много чудесъ, и Греки очень почитаютъ его и празднуютъ. Этотъ образъ написанъ на квадратной доскѣ около шести пальмъ въ ширину и столько же въ длину; онъ стоитъ на двухъ ножкахъ; доска его покрыта серебромъ и въ нее вдѣлано

dixeron, que fué puesto Jesu-Christo nuestro Dios, quando lo descendieron de la cruz, é en ella estaban las lágrimas de las tres Marias é de Sant Juan, que lloraron quando fué Jesu-Christo nuestro Dios descrucificado: las quales lágrimas parecian eladas propriamente, como si entonces [estonces] acaesciera alli.

XLIV. Otrosi en esta ciudad de Constantinopla está una Iglesia muy devota que llaman Sancta Maria de la Dessetria, y es una Iglesia pequeña, y en ella viven unos Canonigos religiosos que non comen carne, nin beben vino, nin comen aceyte nin otra grosura alguna, nin pescado en que haya sangre; é el cuerpo desta Iglesia es obrado de musayca muy fermosamente, é en esta Iglesia está figurada una imagen de Sancta Maria en una talla, la qual imagen, dicen que ha fecho é debujó, é fizo con su mano propria el glorioso é bienaventurado Sant Lucas: la qual imagen, dicen, que ha fecho é face muchos milagros cada dia, é los Griegos han en ella gran devocion, é facenla gran | fiesta, la qual imagen está pintada en una tabla quadrada tan ancha como seis palmos, é otros tantos en luengo, y está sobre dos pies, é la dicha tabla es cubierta de plata, y en ella engastona-

много изумрудовъ, сафировъ, бирюзы, жемчугу и другихъ разныхъ камней; и онъ вставленъ въ желѣзный кіотъ. Каждый вторникъ въ честь его совершается большое торжество: собирается много монаховъ и отшельниковъ и разнаго другого народа, также приходитъ духовенство изъ многихъ другихъ церквей, и когда читаютъ часы, то этотъ образъ выносятъ изъ церкви на площадь, которая тамъ находится. Онъ такъ тяжелъ, что его несутъ три или четыре человѣка на кожаныхъ поясахъ, прицѣпленныхъ крюками, съ помощью которыхъ и вытягиваютъ образъ съ мѣста; вынесши его, ставятъ по серединѣ площади, и весь народъ начинаетъ молиться передъ нимъ съ большимъ плачемъ и воплями. Когда такъ всѣ стоятъ, приходитъ одинъ старикъ и молится передъ образомъ. Потомъ онъ беретъ его, поднимаетъ вверхъ легко, какъ будто бы въ немъ не было никакой тяжести, держитъ во время шествія и за тѣмъ ставитъ въ церкви. Удивительно, что одинъ человѣкъ можетъ поднять такую тяжесть какъ этотъ образъ; и говорятъ, что никакой другой человѣкъ не можетъ его поднять кромѣ этого, потому что онъ происходитъ изъ такого рода, которому Богъ позволяетъ поднять его. Въ нѣкоторые го-

das muchas esmeraldas y zafires é torquesas é alxofar. é otras muchas piedras, y está metida en una caxa de fierro, é cada martes le facen una grande fiesta, é ayuntase alli una grande pieza de gente de religiosos é de beatos, é otras muchas gentes, é otrosi se ayuntan clérigos de otras muchas Iglesias, é quando dicen las horas, sacan aquella imagen fuera de la Iglesia á una plaza que ay está, é tan pesada es que ay á tres ó quatro omes que la sacan á fuera con unos como cintos de cuero que tienen con sus harpones, de que tiraban de aquella imagen, é desque la han sacado, ponenla en medio de la plaza, é facen toda la gente oracion á ella con gran lloro é gemidos que la gente dá. E estando a[n]si viene un ome viejo é face oracion ante aquella imagen. E de si tomala en peso muy ligeramente, como si non pesára nada, é tienela en la procesion, é de sí metela en la Iglesia. E maravilla es, un ome solo alzar tan grande peso como aquella 67.
imagen pesa, é dicen, que otro ome ninguno non la podria alzar, salvo aquel, porque viene de un linage, que place á Dios que la alce. E en ciertas fiestas del año llevan aquella imagen á la Iglesia de Sancta

довые праздники этотъ образъ переносятъ въ церковь Св. Софіи съ большимъ торжествомъ; потому что народъ имѣетъ къ нему большое уваженіе.

XLV. Въ этой церкви похороненъ императоръ, отецъ того императора, который изгнанъ изъ Константинополя. А причины, почему этотъ императоръ, изгнанный изъ Константинополя, имѣетъ право на имперію, и такъ же почему Константинопольскій замокъ разрушенъ, вотъ какія. Тотъ, что теперь императоромъ въ Константинополѣ, называется Кирманоли, что значитъ Мануилъ. Его братъ былъ императоромъ прежде него, и у него былъ сынъ, который былъ ему непослушенъ до такой степени, что возбудилъ противъ него заговоръ. А у Турка Мурата, отца того, котораго побѣдилъ Тамурбекъ, былъ тоже сынъ въ то же время, который былъ ему такъ же непослушенъ. Сынъ Турка и сынъ императора соединились вмѣстѣ, чтобъ низложить своихъ отцовъ и отнять у нихъ владѣніе. А Муратъ и императоръ Константинопольскій тоже соединились вмѣстѣ противъ своихъ сыновей, пошли на нихъ и нашли ихъ въ замкѣ Галиполи, въ томъ, что теперь принадлежитъ Турку. Окруживши ихъ тамъ, Муратъ и

Sofia [Sufia] con gran solemnidad, por la gran devocion que la gente ha en ella.

XLV. En esta Iglesia está enterrado un Emperador, padre del Emperador que anda fuera de Constantinopla en las razones, porque el Emperador que anda echado fuera de | Constantinopla, dicen [dice], que ha derecho al Imperio, é otrosi porque el castillo de Constantinopla fué derrocado es esto. Este que agora es Emperador en Constantinopla llamase Chirmanoli, que quiere decir Manuel, é su hermano fué Emperador antes dél, é ovo un fijo, el qual fué desobediente á su padre tanto, que trataba ser contra él. E el Turco Morato, padre deste que el Tamurbec venció, ovo otrosi otro fijo en aquel tiempo, que le fué desobediente. Y el fijo del Turco é del Emperador ficieronse á una, para deponer á sus padres, é tomarles el señorio. E el Morato y el Emperador de Constantinopla ficieron eso mesmo en uno contra los fijos, é vinieron sobre ellos, é fallaronlos en el castillo de Galipoli, el que agora es del Turco, é cercaronles alli, é acordaron el Morato y el Emperador, que si á sus fijos tomasen, que les sacasen los ojos, é que aquel ca-

императоръ сговорились, если возьмутъ своихъ сыновей, выколоть имъ глаза и разрушить замокъ, чтобъ это послужило примѣромъ для потомства. Они такъ и сдѣлали, и какъ только взяли ихъ, тотчасъ разрушили замокъ и Турокъ приказалъ выколоть глаза своему сыну. А императору стало жаль сына, и онъ не велѣлъ выкалывать ему глаза, а посадилъ его въ темницу очень глубокую и темную, и тамъ лишилъ его зрѣнія съ помощію горячихъ горшковъ (?) Когда онъ уже нѣсколько времени пробылъ въ этой темницѣ, онъ позволилъ, чтобъ жена его сына тоже поселилась въ темницѣ вмѣстѣ съ нимъ; а она стала прикладывать ему къ глазамъ что то такое, отъ чего онъ началъ немного видѣть. Разъ, когда эта жена была съ сыномъ императора, она увидѣла, что изъ одной большой щели вылѣзъ ужъ; она это передала мужу, а онъ тотчасъ же сказалъ ей, чтобъ она привела его къ тому мѣсту, куда этотъ ужъ вошелъ; стоялъ тамъ пока ужъ не вылѣзъ и тогда убилъ его руками; а говорятъ, что ужъ былъ удивительно великъ. Его показали императору его отцу и когда онъ его увидѣлъ, ему стало очень жаль своего сына и онъ приказалъ освободить его. Чрезъ нѣсколько времени тотъ возвратился къ своему дурному намѣренію, захватилъ отца своего императора, и

stillo que lo derrocasen, porque quedase por exemplo para los que dellos viniesen; é ficieronlo a[n]si que luego como los tomaron, derrocaron el castillo, é el Turco sacó los ojos al su fijo: é el Emperador ovo duelo del su fijo, é non ge los quiso sacar, mas mandólo poner en una carcel muy fonda escura, é con bacines calientes fizole perder la vista de los ojos: é despues que un tiempo estovo asi en la dicha prision, consintió [consentio] que la muger de su fijo estoviese alli en la prision con él, y ella le puso tales cosas en los ojos con que tornó á ver un poco: é un dia estando aquella muger con el fijo del Emperador vido una gran culebra salir de un gran forado, é dixolo á su marido, y él luego dixo [16] á la muger, que le llevase [a] do aquella culebra avia entrado, é estovo alli fasta que salió, é matóla con las manos, é diz que era muy grande á maravilla, é mostraronla al Emperador su padre, é quando la vido, ovo grande compasion de su fijo é mandólo sacar; é á cabo de tiempo tornó á su mal propósito, é prendió á 68.
su padre el Emperador, é tovolo preso un tiempo, fasta que tuvo mañas

нѣкоторое время держалъ его въ плѣну, до тѣхъ поръ пока не представился случай и его освободили его вельможи. Какъ только онъ освободился, сынъ обратился въ бѣгство; а онъ поспѣшно разрушилъ тотъ замокъ, въ которомъ сынъ его захватилъ, лишилъ его наслѣдства, и при смерти оставилъ царство этому Кирманоли, который и теперь имъ владѣетъ. А сынъ его оставилъ сына, котораго зовутъ Димитрій. Этотъ теперь говоритъ, что имѣетъ право царствовать, и бунтуетъ противъ императора. Теперь они согласились на томъ, что оба они называются императорами и что послѣ смерти того, который теперь владѣетъ имперіей, будетъ императоромъ другой, а послѣ его смерти, будетъ сынъ того, который теперь царствуетъ, а потомъ сынъ другого. Такимъ образомъ они условились, но я думаю, что ни тотъ, ни другой не исполнятъ условія.

XLVI. Въ этомъ городѣ есть очень красивый колодезь, который называется колодцемъ Магомета; этотъ колодезь состоитъ изъ известковыхъ сводовъ, и внизу опирается на колонны, такъ что въ немъ образуется шестнадцать сводовъ, а верхъ его лежитъ на 490 очень толстыхъ колоннахъ; въ немъ обыкновенно собиралось очень много воды, которой хватало на большое число народа.

en como unos Caballeros suyos lo sacaron, é desque fué suelto, fuyó el fijo, y él con despecho derrocó el castillo en que lo prendió su fijo, é desheredólo, é despues de sus dias dexó el Imperio á este Chirmanoli [Chitmanoli] su hermano, que agora lo tiene. E el su fijo dexó un fijo que llaman Dimitie. E este agora dicen [dice] que ha derecho al Imperio, é trae revuelta al Emperador, é son agora avenidos en esta manera: que se llamen amos á dos Emperadores, é que despues de sus dias deste que agora tiene el señorio del Imperio, que sea el otro Emperador, é despues de sus dias que lo torne á ser el fijo deste que agora es, é despues el fijo del otro: é desta manera son acordados, lo qual tengo que lo non cumpli[e]rán el uno «nin el» otro.

XLVI. E en esta ciudad ha una cisterna bien fermosa de ver, que le llaman la cisterna de Mahomete: la qual cisterna es de bobedas de argamasa, é debaxo es armada sobre marmoles, fecha en ella diez y seis naves, y el cielo della está sobre quatrocientos é noventa marmoles muy gruesos, é alli se solia acoger mucha agua, que abastaba á gran gente.

XLVII. Городъ Константинополь очень хорошо огражденъ высокой и крѣпкой стѣною и большими крѣпкими башнями; въ этой стѣнѣ три угла; отъ угла до угла шесть миль, такъ что окружность всего города равняется восемнадцати милямъ, что составляетъ шесть лигъ. Двѣ стороны обращены къ морю, а третья къ землѣ; на концѣ у того угла, который смотритъ не на море, стоятъ дворцы императора. Хотя городъ большой и окружность его велика, онъ не весь хорошо населенъ, потому что внутри его есть много холмовъ и долинъ, на которыхъ находятся обработанныя поля и сады. Тамъ, гдѣ эти сады, стоятъ все простые дома. Это внутри города, а самая населенная часть внизу у края города, съ той стороны, которая ближе къ морю. Самое большое движеніе въ городѣ возлѣ воротъ, которые выходятъ къ морю, особенно у тѣхъ воротъ, что противъ города Перы, потому что туда приходятъ разгружаться корабли и суда. И такъ какъ жители того и другого города сходятся торговать между собою, то они торгуютъ на берегу. Кромѣ того въ городѣ Константинополѣ есть много большихъ зданій, домовъ, и церквей, и монастырей, изъ которыхъ большая часть въ развалинахъ. И ясно видно, что

XLVII. E la ciudad de Constantinopla es cerrada muy bien de un alto mu|ro é fuerte, é de fuertes torres é grandes, é han en ellas tres esquinas, de esquina á esquina ha seis millas, asi que boxa en derredor toda la ciudad diez y ocho millas, que son seis leguas, é las dos partes della cerca el mar, é la otra la tierra, y al un cabo al esquina que non cerca el mar, en uno alto están los palacios del Emperador, é como quiera que la ciudad sea grande é de gran cerca, non es toda bien poblada, ca en medio della hay muchos oteros é valles, en que ha labranzas de pan é huertas. E á do están estas dichas huertas hay casas como á barrios, y esto es en medio desta ciudad: é lo mas poblado della es en lo baxo á raiz de la ciudad, cerca que va junta con el mar. E el mayor meneo es de la ciudad á las puertas que salen al mar señaladamente á las puertas que son en derecho de la ciudad de Pera, por las fustas é navios que alli llegan á descargar.
Y porque los de la una ciudad y de la otra pasan á facer sus mercadurias, 69.
é facenlas alli en derecho de la mar. Otrosi en esta ciudad de Constantinopla hay muy grandes edificios de casas é de Iglesias é de Monesterios

прежде, когда этотъ городъ былъ новымъ, то онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ городовъ мира. Говорятъ, что и теперь въ этомъ городѣ будетъ три тысячи церквей, большихъ и маленькихъ. Внутри города есть колодцы и источники прѣсной воды; а въ одной части города, ниже церкви, которая называется церковью св. Апостоловъ, есть часть моста, который шелъ изъ одной долины въ другую чрезъ дома и сады, и по этому мосту шла вода, орошавшая эти сады и улицу, которая идетъ около тѣхъ воротъ города, что противъ Перы. Посреди улицы, гдѣ мѣняютъ деньги, вставлены въ землю колодки: эти колодки назначены для тѣхъ людей, которые подвергаются наказанію, или которые преступаютъ какой нибудь законъ или правило, постановленное городскимъ управленіемъ, или продаютъ мясо или хлѣбъ невѣрною мѣрой; такимъ людямъ надѣваютъ эти колодки и оставляютъ ихъ тамъ день и ночь, на вѣтру и на дождѣ, и никто не смѣетъ подойдти къ нимъ. Внѣ города, между стѣной и моремъ, противъ Перы стоитъ много домовъ, въ которыхъ продаютъ разныя вещи, и много складовъ, гдѣ держатъ товары,

[Monasterios], que es lo mas dello todo caido [caida]. E bien paresce, que en otro tiempo, quando esta ciudad estaba en su juventud, que era una de las notables ciudades del mundo. E dicese, que hoy dia hay en esta ciudad bien tres mil Iglesias entre grandes y pequeñas: é dentro en la ciudad hay fuentes é pozos de aqua dulce: en la ciudad á la una parte baxo de la Iglesia que llaman Sancto Apostol hay una parte de puente que llegaba de un valle á otro por entre casas é huertas, é por esta dicha puente | solia ir agua de que se regaban estas huertas, é una rua que es á una de las puertas de la ciudad, de las que salen en derecho de Pera; en medio de la calle á do son los cambios, está un cepo en medio fincado en el suelo, é aquel cepo es para los omes que caen en alguna pena de carcel, ó que pasan algun mandamiento é regla de las que ordena la ciudad, ó vende la carne ó pan con falsas pesas, é á estos tales echanlos alli, é dexanlos estár de dia é de noche al agua é al viento, que ninguno non osa llegar á ellos. E de partes de fuera de la ciudad entre el muro y la mar, en derecho de la ciudad de Pera, están muchas casas en que venden muchas cosas, é almacenes en que tienen las mercadurias [mercadarias] que alli traen á vender sobre

которые привозятъ туда изъ за моря чтобъ продавать. Городъ Константинополь стоитъ у моря, какъ я уже вамъ сказалъ, и двумя сторонами прикасается къ морю; противъ него стоитъ городъ Пера, а между обоими городами портъ. Константинополь стоитъ такъ какъ Севилья, а городъ Пера какъ Тріана; а портъ и корабли между ними. Греки не зовутъ Константинополь какъ мы его зовемъ, а Ескомболи.

XLVIII. Городъ Пера маленькій городъ, хорошо населенный, съ хорошими стѣнами, съ хорошими и красивыми домами; онъ принадлежитъ Генуэзцамъ и составляетъ часть Генуезскихъ владѣній. Въ немъ живутъ Генуезцы и Греки; и онъ стоитъ такъ близко къ морю, что между стѣною и моремъ не много больше разстоянія, какъ могла бы занять маленькая каррака; ограда идетъ вдоль моря у самаго берега; потомъ поднимается холмъ и на самомъ верху его стоитъ большая башня, откуда смотрятъ и стерегутъ городъ. Холмъ, на которомъ стоитъ башня, не такъ высокъ какъ другой, который стоитъ противъ него съ внѣшней стороны; этотъ гораздо выше, чѣмъ тотъ, что въ городѣ. На этомъ холмѣ ставилъ Турокъ свой лагерь, когда оса-

mar: é la ciudad de Constantinopla está junta con el mar, como vos he dicho, é las dos partes della cerca el mar, é de frente della está la ciudad de Pera, é entre amas las ciudades es el puerto. E Constantinopla está asi como Sevilla, é la ciudad de Pera asi como Triana, y el puerto y los navios en medio; é los Griegos non llaman á Constantinopla como la nos llamamos, salvo Escomboli.

XLVIII. E la ciudad de Pera es una ciudad pequeña é bien poblada, é de buen muro, é de buenas casas é bien fermosas: es de Genoveses, é del señorio de Génova. E está poblada de Genoveses é de Griegos, é está tan junta con el mar, que entre el muro y el mar non ha mas anchura de quanto una carraca podria ir, poco mas, é la cerca va junta con el mar al luengo, é de si sube un cerro arriba, é en lo mas alto está una torre grande, donde se vela é guardan la ciudad; é este cerro en que esta la 70.
torre non es tan alto, que de par|tes de fuera non está otro en su derecho, que es mas alto que non el que está en la ciudad. E en este cerro tuvo el Turco puesto su real, quando tuvo cercadas [cerradas] estas dichas ciudades

ждалъ города Константинополь и Перу; оттуда сражались и бросали орудія. Онъ самъ два раза приходилъ къ этому городу и окружалъ его со стороны моря и со стороны земли, и разъ стоялъ подъ нимъ шесть мѣсяцевъ; на землѣ у него было добрыхъ четыреста тысячь человѣкъ, а на морѣ шестьсотъ галеръ и кораблей, и онъ не могъ войдти даже и въ предмѣстье его. Противъ такого огромнаго числа народа, какъ были эти Турки, невозможно было бы держаться этому городу, и видно Турки не умѣютъ хорошо сражаться, если они не вошли въ него. Это море, что проходитъ между городами Перой и Константинополемъ, очень узко, такъ что отъ одного города до другого будетъ не больше одной мили, т. е. одной трети лиги. Это море служитъ гаванью обоимъ городамъ, и я думаю, что это самая лучшая и прекраснѣйшая гавань въ мірѣ, и самая безопасная; потому что она безопасна отъ бури, отъ всѣхъ вѣтровъ, и кромѣ того безопасна тѣмъ, что когда корабли въ ней, то имъ не могутъ повредить непріятельскія суда, если оба города за одно. Она очень глубокая и чистая, такъ что лучшій въ свѣтѣ корабль или каррака можетъ подойдти къ самой стѣнѣ и положить мостокъ на

de Constantinopla é de Pera, é de alli combatian é facian lanzar con engenios, é él mesmo vino dos veces sobre esta ciudad, é la tovo cercada por mar é por tierra, é estovo sobre ella una vez seis meses, é tenia por tierra bien quatrocientos mil omes, é por mar sesenta galeas é naos, é non la pudo entrar, nin solamente el arrabal della, ca para tan grande gente como los Turcos eran non era defendedera esta ciudad, é paresce[n] que los Turcos non son buenos combatientes, si non entraranla. E esta mar que sube entre estas ciudades de Pera é de Constantinopla es angosta, que non ha de una ciudad á otra salvo fasta una milla, que es tercio de legua: é esta mar es puerto destas amas ciudades, é tengo que sea el mejor é mas fermoso del mundo, y el mas seguro, ca es seguro de tormenta de todos vientos; otrosi es seguro, que desque los navios alli son, están seguros de navios de enemigos, que les non pueden empescer, si amas las ciudades son á uno. E él es muy fondo é limpio, que la mejor nao ó carraca del mundo puede llegar fasta cerca del muro, é poner plancha en tierra como si fuesen galeas; é de la tierra de la Turquia [Torquia] á estas ciudades ha

землю, какъ галера. Отъ Турецкой земли до этихъ городовъ очень не далеко, такъ что изъ Константинополя въ Турецкой землѣ видно поле, которое называется Ескотари. И чтобы переѣхать изъ одного города въ другой, такъ же чтобъ ѣхать въ Турецкую землю, каждый день можно найдти много лодокъ. Это море, что проходитъ между этими двумя городами, идетъ вверхъ на полъ лиги, и потомъ поварачиваетъ. Городъ Перу Генуезцы получили такимъ образомъ. Они купили у одного императора это мѣсто и землю, столько, сколько обхватитъ бычья кожа, изрѣзанная на ремни, и купивши и построивши этотъ городъ, сдѣлали двѣ другихъ стѣны возлѣ, въ которыхъ устроили два предмѣстья, соединивъ ихъ съ городомъ; и это они сдѣлали скорѣе насильно чѣмъ свободно; однако первое лицо въ городѣ все таки императоръ: они должны чеканить его монету и онъ имѣетъ нѣкоторое право суда. И хотя Генуезцы называютъ этотъ городъ Перой, Греки зовутъ его Галатой. Это имя они ему даютъ потому что прежде чѣмъ городъ былъ построенъ, тамъ были мызы, куда каждый день собирался скотъ и тамъ доили молоко, которое шло на продажу въ городъ, и оттого его называютъ

muy poco, que desde el un cabo de Constantinopla, fasta la tierra de la Turquia [Torquia], ha un campo que está junto con el mar que llaman el Escotari. E para pasar destas ciudades de una á otra, para ir á la tierra de la Turquia [Torquia], cada dia se fallan muchas barcas, é este mar que entra entre estas ciudades sube[n] arriba quanto media legua, é [17] de si tornase; é esta ciudad de Pera ovieron Genoveses en esta manera. Compraron de un Emperador aquel sitio y solar, quanto un cuero de buey abarcase [abastase] fecho todo correas, é desque ovieron fecho é edificado aquella ciudad, ficieron otros dos muros adelante, en que cercaron dos arrabales que tenian juntos con la ciudad, é esto mas de fuerza que de grado: pero el primer cargo desta ciudad es del Emperador, y tratan en ella su moneda por fuerza, é ha en ella cierta jurisdicion; é como quiera que Genoveses [Ginoveses] llaman á esta
ciudad Pera, los Griegos la llaman Galata, é este nombre le dicen ellos, 71.
por quanto antes que aquella ciudad alli se edificase, era alli unos casares donde se ayuntaba el ganado cada dia, é ordeñaban alli la leche de los que llevaban á vender á la ciudad, é por eso le decian [dizen] Galata, que

Галата, т. е. по нашему молочный дворъ, потому что молоко на ихъ языкѣ гала. Этотъ городъ былъ построенъ тому назадъ девяносто шесть лѣтъ, немного больше или меньше.

XLIX. Въ городѣ Перѣ есть два монастыря съ очень красивыми домами и постройками; одинъ изъ нихъ св. Павла, а другой св. Франциска, и ихъ осматривали посланники. Монастырь св. Франциска богатъ разными украшеніями и хорошо устроенъ. Въ этомъ монастырѣ было имъ показано много хорошо убранныхъ святынь, которыя суть вотъ какія: Во первыхъ показали имъ хрустальный богато-украшенный ящикъ на серебряной позолоченой ножкѣ, въ которомъ лежали кости св. Андрея и св. славнаго Николая и часть одежды св. блаженнаго Франциска. Кромѣ того имъ былъ показанъ другой хрустальный ящичекъ, отдѣланный серебромъ, въ которомъ была кость изъ бока св. Екатерины. Кромѣ того имъ показали еще одинъ хрустальный ящикъ, богато украшенный позолоченнымъ серебромъ съ камнями и жемчугомъ, въ которомъ лежали кости св. Людовика Французскаго и св. Си Генуезскаго. Кромѣ того имъ былъ по-

quiere decir, el [es] corral de la leche en nuestra lengua, ca por leche dicen ellos gala: y esta ciudad ha noventa y seis años, poco mas ó menos que fué edificada.

XLIX. En esta ciudad de Pera hay dos Monesterios bien fermosos de cosas y cumplimientos, y el uno dellos es de Sant Pablo, y el otro de Sant Francisco, los quales fueron ver los dichos Embajadores. E el dicho Monesterio de Sant Francisco es cumplido de asaz ornamentos, é bien proveido, é aqui en este Monesterio les fueron mostradas asaz reliquias muy bien guarnidas, las quales son estas: Primeramente les fué mostrado un relicario de christal que es muy ricamente guarnido, sobre un pie de plata sobredorado, en que estaban los huesos del bienaventurado Sant Andrés, é del glorioso Sant Nicolás é del há|bito del glorioso y bienaventurado Sant Francisco. E otrosi les fué mostrado otro relicario de christal guarnido en plata, en que estaba un hueso de la islalla de Sancta Catalina. Otrosi les mostraron otro relicario de christal, que estaba ricamente guarnido en plata sobredorada con piedras é alxofar, en que estaban huesos del bienaventurado Sant Luis de Francia é de Sant Si de Genoa. Otrosi

казанъ ковчежецъ очень хорошо отдѣланный, въ которомъ находились кости Невинныхъ. Кромѣ того имъ показали ручную кость св. Пантелеймона. Кромѣ того показали имъ ручную кость св. Маріи Магдалины и ручную кость св. Луки Евангелиста, три головы отъ одиннадцати тысячь дѣвъ, и кость св. Игнатія, посвященнаго Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Кромѣ того имъ была показана правая рука безъ кисти св. Стефана Первомученика, украшенная серебромъ съ камнями и жемчугомъ. Кромѣ того имъ была показана правая рука съ кистью св. Анны; она была богато украшена, и на ней недоставало маленькаго пальца; говорятъ, что его взялъ оттуда императоръ Константинопольскій, чтобы присоединить его къ своимъ святынямъ, и что по этому поводу шла тяжба. Кромѣ того имъ показали серебряный позолоченый крестъ, украшенный камнями и жемчугомъ, и по срединѣ его былъ вдѣланъ маленькій крестъ изъ дерева святого животворящаго креста. Кромѣ того показали имъ богатый хрустальный ящичекъ, великолѣпно отдѣланный, въ которомъ хранилась одна кость св. славнаго Василія. Кромѣ того имъ показали очень богатый серебряный позолоченный крестъ, роскошно украшенный крупнымъ жем-

les fué mostrada una arqueta muy bien obrada, en que estaban huesos de los Innocentes. Otrosi les fué mostrado una canilla del brazo de Sant Pantaleon. Otrosi les fué mostrado [mostrada] una canilla del brazo de Sancta Maria Magdalena, é una canilla del brazo de Sant Lucas Evangelista, tres cabezas de las once mil Virgenes, é un hueso de Sant Ignacio, un devoto de la Virgen Sancta Maria. Otrosi les fué mostrado el brazo derecho sin mano de Sant Estevan el primer martyr, lo qual estaba muy bien guarnido en plata con piedras é alxofar. Otrosi les fué mostrado el brazo derecho con su mano de Sancta Anna: estaba muy guarnido, é fallesciale el dedo pequeño, é decian que lo tajara de alli el Emperador de Constantinopla, para lo poner en sus reliquias, é que anduvieron sobre ello á pleyto. Otrosi
les fué mostrada una cruz de plata dorada guarnida de piedras é de alxo- 72.
far, é en medio della estaba engastonada una cruz pequeña del madero de la sanctissima vera-cruz: é fueles otrosi mostrado un rico relicario de christal guarnido ricamente, en que estaba un hueso del glorioso Sant Basilio. Otrosi les fué mostrada una muy rica cruz de plata sobredorada, guarnida

чугомъ и многими каменьями, въ которомъ были вдѣланы мощи разныхъ святыхъ. Кромѣ того имъ показали очень украшенный хрустальный ящикъ, въ которомъ хранилась серебряная рука, державшая двумя пальцами поднятую вверхъ кость блаженнаго св. Лаврентія; показали имъ еще мѣшокъ, покрытый серебромъ, въ которомъ были мощи св. блаженнаго Іоанна, св. Діонисія, и другихъ многихъ святыхъ. Говорятъ, что всѣ эти мощи достались имъ, когда Константинополь взяли Латыняне, и что послѣ ихъ требовалъ назадъ Греческій патріархъ и у нихъ была съ нимъ тяжба. Имъ показали также разныя богатыя церковныя одежды, которыя у нихъ были, и чаши, и кресты. Въ этомъ монастырѣ похороненъ у самаго хора передъ главнымъ алтаремъ великій маршалъ Франціи, котораго взялъ въ плѣнъ Турокъ, когда разбилъ Французовъ, шедшихъ съ Венгерскимъ королемъ; а въ монастырѣ св. Павла лежитъ похороненъ сеньоръ де Труссм и многіе другіе рыцари, которыхъ Турокъ приказалъ отравить, послѣ того какъ ихъ выкупили и за нихъ были получены деньги.

ricamente de mucho alxofar | grueso é de muchas piedras, en que estaban engastonadas muchas reliquias de Sanctos. Otrosi les fué mostrado un relicario de christal muy guarnido, é dentro en él estaba una mano de plata, que tenia con los dos dedos enfiesto fácia arriba un hueso del bienaventurado Sant Llorente, é mostraronles una talega cubierta de plata, en que estaban reliquias [reliquas] del bienaventurado Sant Juan, é de Sant Dionisio, é de otros muy muchos Sanctos, y estas reliquias, decian, que ovieron quando Constantinopla entraron los Latinos, é que despues se las demandára el Patriarcha de los Griegos, é que anduvieron en pleyto sobre ello, é mostraronles muy ricos ornamentos que tenian de vestimentas é de calices é de cruces. E en este Monesterio [Monasterio] yacia enterrado [en el Monasterio] junto al coro ante el altar mayor el gran Mariscal de Francia, que prendió el Turco, quando desbarató los Franceses que iban con el Rey de Ungria: y en el Monesterio de Sant Pablo yacia enterrado el Señor de Truxi, é otros muchos Caballeros que el Turco fizo matar con unas hierbas despues que los ovieron [ovon] rescatado, é recebido [recibido] el precio dellos.

L. Посланники остались въ этомъ городѣ Перѣ отъ среды, когда пріѣхали, до вторника тринадцатаго числа ноября мѣсяца, и все это время не могли найдти корабля и никакого судна, чтобы переѣхать въ Трапезондъ; и такъ какъ зима приближалась, а по Большому морю очень опасно плавать зимою, то чтобы не запоздать, они наняли и снарядили маленькую галеру, которой хозяиномъ былъ Генуезецъ, называвшійся мессеръ Николо Сокато. Они приказали нанять матросовъ и приготовить все что было нужно, и во вторникъ вывели галеру съ тѣмъ, чтобъ поднять паруса и отправиться въ путь; но въ этотъ день не могли поѣхать, потому что не было довольно матросовъ и многаго другого, чего имъ недоставало.

LI. На другой день въ среду, 14 числа ноября мѣсяца, въ обѣдню подняли паруса, такъ какъ была хорошая погода, двинулись и выѣхали въ узкое мѣсто при входѣ въ устье Большого моря, и около третьяго часа поровнялись съ одной башней, которая стоитъ на Греческой землѣ возлѣ самаго моря и называется Трапеа; тамъ зашли въ портъ, потому что надо было запастись

L. E los dichos Embajadores estovieron en esta dicha ciudad de Pera desde el dicho dia miercoles que alli llegaron, fasta martes trece dias del mes de Noviembre, que en todo este tiempo non pudieron fallar nao, nin otra fusta en que pasasen en Trapisonda, é por quanto el hibierno [invierno] se llegaba, y el mar mayor es muy peligroso de navegar en hibierno [invierno], por se non detener, ovieron de afletar, é tomar sobre sí una galeota de que era patron | un Genovés que se llamaba Micer Nicolo Socato, é ficieronla adobar de marineros, é de las cosas que ovieron menester, é este dicho dia martes tiraron la galeota á fuera facer vela é andar su viage, é este dia non pudieron partir por mengua de galeotes, y de otras muchas cosas que les fallescian.

LI. E otro dia miercoles, que fueron catorce dias del dicho mes de Noviembre, á hora de Misa ficieron vela que facia buen tiempo, é fueron su via, y entraron en el estrecho de la entrada de la boca del mar mayor, é á hora de tercia fuéron á par de una torre que está en la tierra de la Grecia junta con el mar, que ha nombre la Trapea, é tomaron alli puerto, que se avian alli de bastecer de agua, é comieron; é despues de comer 73.

водою, пообѣдали и послѣ обѣда поѣхали въ путь. Немного дальше прошли мимо двухъ замковъ, которые стоятъ на двухъ возвышеніяхъ на берегу моря; одинъ изъ этихъ замковъ называется Гироль Греческій, а другой Гироль Турецкій. Одинъ стоитъ въ Греціи, а другой въ Турціи; Греческій разрушенъ и не обитаемъ, а Турецкій населенъ. На морѣ между этими двумя замками стоитъ башня въ самой водѣ, а у подошвы Турецкаго замка стоитъ скала, и на ней тоже башня; отъ замка до этой башни идетъ стѣна, а между этими башнями отъ одной до другой шла прежде цѣпь; и когда эта земля Турецкая и Греческая принадлежала Грекамъ, тогда эти замки и башни были сдѣланы для охраны входа въ городъ и въ проливъ; и когда какой нибудь корабль или судно шло изъ Большого моря въ городъ Перу и въ Константинополь, или какой нибудь другой корабль хотѣлъ войдти въ Большое море, то протягивали эту цѣпь отъ одной башни къ другой и не позволяли пройдти, пока не заплатятъ пошлины. Около вечерни пріѣхали къ началу Большого моря, и такъ какъ было уже близко къ ночи, то остановились и

partieron de alli é fueron su via, é un poco adelante pasaron á cerca de dos castillos que están en dos oteros que son juntos con el mar, é el un castillo ha por nombre el Guirol de la Grecia, y el otro el Guirol de la Turquia. E el uno está en la Grecia, é el otro en la Turquia: é el de la Grecia está despoblado y destruido, y el de la Turquia esta poblado. E en la mar entre estos sobredichos castillos está una torre dentro en el agua, y al pie del castillo de la Turquia [Turquea] está una peña en que está una torre, é del castillo dice una cerca fasta esta torre, é destas sobredichas torres solia ir una cadena de la una á la torre [otra], é quando aquella tierra de la Turquia [Turquea] é de la Grecia solia ser de los Griegos, entonces estos castillos é torres fueron fechos para en guarda de la entrada de aquella torre é boca, é que quando algun navio [18] ó fusta venia del mar mayor para entrar en la ciudad de Pera, ó en Constantinopla, «ó» algun otro navio quisiese entrar al dicho mar mayor, que echaban aquella cadena de una torre á otra, y que non consentia que por alli pasasen fasta que pagaban sus derechos. E á hora de visperas fueron á la boca del mar mayor, é por quanto era cerca [cera] de la noche, surgieron, é estovieron alli fasta otro dia: é

стояли до другого дня. Этотъ проливъ очень узокъ, и на правой рукѣ земля Турецкая, а на лѣвой Греческая; и на Турецкой и на Греческой землѣ видно было на берегу моря много церквей и разрушенныхъ зданій.

Около полуночи вышли оттуда и вошли въ Большое море. Путь лежалъ у самаго берега Турецкой земли; около третьяго часа, когда шли на парусахъ при хорошей погодѣ, поломалась рея; прошедши немного на веслахъ, приблизились къ землѣ и починили рею. Отправились оттуда немного спустя послѣ полудня, и прошли мимо одного маленькаго замка, который стоялъ на верху скалы на Турецкой землѣ, и море окружало его со всѣхъ сторонъ, кромѣ одного маленькаго входа; этотъ замокъ назывался Секелло. Когда наступилъ часъ Ave Maria, пришли къ порту на маленькомъ островѣ, который назывался Финогіей Генуэзской.

Община города Перы послала въ это Большое море двѣ вооруженныхъ карраки, чтобъ онѣ стерегли Венеціанскіе корабли, которые должны были прійдти изъ Танскаго моря нагруженные товарами, и чтобы взяли ихъ въ плѣнъ, когда они подойдутъ ни-

esta boca es muy angosta, é á la mano derecha esta la tierra de la Turquia, é á la mano izquierda [ezquierda] está la tierra de la Grecia, y en la tierra de la Grecia é de la Turquia parescieron á cerca del mar muchas Iglesias, é ha edificios [edeficios] derribados.

E á hora de la media noche partieron de aqui, é entraron en el mar mayor, y el su camino fué junto con la tierra de la Turquia, é á hora de tercia, yendo á la vela con buen tiempo, quebró el antena é anduvieron un poco á remos, é llegaronse un poco á la tierra, é adobarón su antena, é partieron de aqui despues de medio «dia» un poco, é fueron en par de
un castillo pequeño que estaba encima de una peña en la tierra de la 74.
Turquia, é cercabalo él mar todo enderredor, salvo una entrada pequeña, é avia nombre este castillo Sequello. E desque fué hora de Ave Marias, fueron en un puerto que es en una isla pequeña, la qual es llamada la Finogia de [e]los Genoveses: é el comun de la ciudad de Pera avian enviado á este mar mayor dos carracas armadas que estoviesen en aguarda de las naos de Venecianos, que avian de venir del mar de la Tana, cargadas de mercadurias [mercaderias], é que en llegando seguras las tomasen, porque non

чего не подозрѣвая, такъ какъ они не знали о войнѣ, которая была между ними; одна изъ этихъ Генуэзскихъ карракъ стояла у этого острова Финогіи. Эту ночь простояли тутъ.

LII. На другой день въ пятницу собирались уѣхать оттуда, но вѣтеръ былъ противный, и остались стоять вмѣстѣ съ этою карракою. Этотъ островъ Финогія маленькій и необитаемый островъ, и на немъ не живетъ никто; есть на немъ замокъ, такой большой, какъ весь островъ самъ. Оттуда до Турецкой земли двѣ мили; и такъ какъ гавань Финогіи не безопасна, то рѣшились идти къ порту Карпи, который былъ въ шести миляхъ оттуда, и гдѣ стояла другая Генуэзская каррака, подстерегавшая Венеціанскіе корабли. Капитанъ сказалъ, что лучше стоять здѣсь, чѣмъ въ Карпи, для того чтобы послѣ продолжать путь; по этому приказали сняться съ мѣста и подвинулись немного внутрь гавани. Около полуночи противный вѣтеръ усилился, и море взволновалось; капитанъ, думая, что лучше и безопаснѣе стоять за карракою, чѣмъ тамъ, гдѣ стояли, велѣлъ поднять якорь и хотѣлъ подойдти къ карракѣ на веслахъ, но не могъ, потому что море очень бушевало и вѣтеръ былъ очень рѣзокъ, а волненіе сильно;

sa|bian de la guerra que en uno avia: de las quales carracas de Genoveses estaba alli la una en aquella isla de la Finogia, é esta noche estovieron alli.

LII. E otro dia viernes cuidaron partir de alli, é fizo tiempo contrario, y estovieron quedos en conserva de la dicha carraca: é esta dicha isla de la Finogia es una isla pequeña, é está despoblada que non vive[n] en ella ninguno, é tiene un castillo que es tan grande quanto es la isla, é de alli á la tierra de la Turquia ha dos millas: é por quanto este puerto de la Finogia non es seguro, acordaban de ir al puerto del Carpi, que era á seis millas de alli donde estaba la otra carraca de Genoveses que aguardaba á las naos de Venecianos. E el cómitre les dixo, que mejor estaban alli, para ir su camino, que non en el Carpi, é ficieron levar el escala, é dieronse adentro un poco, é á hora de la media noche creció el viento contrario, é alzóse el mar; é el cómitre pensando estár mejor é mas seguro tras la carraca que non alli, fizo levar el ancla, é á remos pensó llegar á la carraca, é non pudo, ca el mar creció mucho, y el viento era recio é la tormenta alta, é quando pensaron tornar al puerto, do avian partido,

когда же вздумали воротиться въ гавань, откуда ушли, уже не могли. Увидѣвъ, что нельзя ни подойдти къ карракѣ, ни воротиться въ гавань, бросили два якоря; между тѣмъ буря все усиливалась, и тянула якори такъ, что кинула галеоту на скалы; но Богу угодно было, чтобъ въ это время якори зацѣпились и галеота миновала скалы и не ударилась объ нихъ; а еслибъ она ударилась, то тутъ же была бы разбита; тогда подняли якорь, который не зацѣпился. Буря такъ усиливалась, что было страшно, и всѣ предали себя на волю Божію, потому что никакъ не надѣялись спастись; волны морскія были такъ высоки, что вздуваясь онѣ поднимались на одинъ бортъ и скатывались съ другого; галеоту страшно кидало и въ ней сдѣлалась сильная течь; все это совершилось въ такое короткое время, что люди уже ни на что не надѣялись, какъ только на милость благословеннаго Господа Бога. Если бы было свѣтло, то подняли бы паруса и поплыли бы къ землѣ, но было темно и не знали гдѣ стоятъ. Во время этой бури у той карраки, что тутъ же стояла, снесло компаньо и понесло прямо на галеоту. Но Господу Богу угодно было, чтобъ оно прошло не тронувши ее. Черезъ нѣсколько времени

non pudieron, á desque vieron que non pudieron llegar á la carraca, nin tornar al puerto, echaron dos anclas, é la tormenta cresció toda via, é traia las anclas á tanto que echó la galeota entre unas rocas, é quiso nuestro Señor Dios que las anclas fallaron [hararon] tanto, á que la galeota salvó las rocas sin tocar en ellas, ca si tocára luego fuera deshecha, é entonces tovieron las anclas que non fallaron [hararon]; é la tormenta cresció en tanta manera que era espanto, è todos se encomendaban á nuestro Señor Dios, que
pensaban nunca escapar: é las vagas del mar facian tan altas, que quebraban 75.
y entraban por el un borde, é salian por el otro, é la galeota trabajaba mucho é facia mucha agua, y en poca de hora, tal como la gente, que los mas non facian ya de si cuenta, salvo esperar la merced de nuestro benditisimo Señor Dios, é si clara ficiera, ficieran vela, é fueran á tierra mas facia escuro é non sabian donde estaban: y estando en esta tormenta la carraca que ahi estaba, soltóseles el compaño, è vino derecho á ferir en la galeota, empero quiso nuestro Señor Dios socorrerlos, que pasó sin tocar en ella, é á poca de hora fallescieron las anclas á la sobredicha carraca, é fué de trabés á la

ушли якори этой карраки, ее понесло на землю къ острову, и прежде чѣмъ наступилъ день, вся она была разрушена и отъ нея не осталось ничего; на лодкѣ, которая была при карракѣ, спаслись всѣ люди; но все имущество ихъ погибло. Мачта и бушпритъ этой карраки пронеслись какъ разъ возлѣ самой галеоты, но Господу Богу и Его блаженной Матери угодно было, чтобы галеота спаслась отъ всѣхъ этихъ корабельныхъ снастей, такъ что онѣ не принесли ей никакого вреда. Въ галеотѣ была сильная течь, и какъ ни старались выливать воду, все таки были на краю гибели. Такъ продолжалось до самаго разсвѣта; тогда вѣтеръ перемѣнился, и сдѣлался удобнымъ для того, чтобы плыть въ Турцію; повернули рею, и при этомъ очень немногіе могли помочь, потому что большая часть народа была ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни, и если бы пришла смерть, они бы ее очень мало почувствовали. Потомъ подняли паруса и приплыли къ Турецкой землѣ въ субботу утромъ. А люди съ карраки, которые спаслись и оставались на томъ островѣ, думали уже, что галеота потонула и люди бывшіе на ней погибли, и удивлялись, какъ они послѣ разсказывали, когда увидѣли, что галеота под-

tierra de la isla, é antes que fuese el dia, fué toda deshecha, que non quedó della nada, é en una barca que tenia fuera de la carraca, escapó toda la gente: pero todo lo suyo perdieron, y el cimo y el bauprés de la sobredicha carraca fué toda pasar junto con la galeota, é si en ella tocára, deshicierase, é quiso nuestro Señor Dios y su bendita madre escapar á la galeota de toda la madera de la carraca, que le non fizo ningun daño: é la dicha galeota facia mucha agua en demasia, tanto que, por esgotar que facian, estaba ya en punto de se anegar; en esto duraron fasta el alva, y el viento se cambeó, é fué muy bueno para ir fuera á la Turquia, é volvieron el antena, é al volver avia muy pocos que ayudasen, que los mas dellos estaban ya mas cerca de la muerte que de la vida, é que si la muerte viniera, que la sintieran muy poco: é de si ficieron vela, é fueron salir en|tierra de la Turquia [Turquea] sabado en amanescie[n]do, é la gente de la carraca que avia escapado que estaban en la dicha isla, bien pensaban, que la galeota era anegada é perecida la gente della, é ovieron á maravilla, quando á la galeota vieron facer vela, segun despues contaban, ca

няла паруса; потому что послѣ того, какъ галеота отдѣлилась отъ карраки, думали, что она сейчасъ будетъ уничтожена, и прежде чѣмъ они увидѣли, какъ ей удалось спастись, они молились, чтобъ Господь Богъ спасъ ее и тѣхъ, которые были на ней. Когда галеота подошла къ землѣ, всѣ, кто только могъ, бросились въ море; и такъ всѣ спаслись и вышли на землю. Когда посланники вышли на берегъ, они приложили всѣ старанія, чтобы тѣ вещи, которыя посылалъ король, взять съ галеоты и перенести на землю; и все было взято, ничто не пропало, хотя и было оно спасено съ большимъ трудомъ и опасностью. Когда галеота стояла у земли, море иногда увлекало ее назадъ; потомъ приходила волна и ударялась съ нею объ землю, и когда она приходила къ землѣ, люди, которые были на ней, бросали то, что въ ней было, на землю, а другіе брали это, и такъ было спасено все, что посылалъ государь король. Прошло немного времени и скоро вся галеота разрушилась. Когда было снесено на землю то, что везли на галеотѣ, все сложили на одномъ холмѣ, который тамъ былъ, и капитанъ галеоты сказалъ посланникамъ, что такъ какъ

decian, que despues que de cerca de la carraca se partió la galeota, que pensaban que luego fuera anegada, é que antes que ellos viesen su suceso que ficieron oracion á Dios nuestro Señor, que quisiese escapar la dicha galeota y gente della, é como la galeota fué á tierra, todo ome el que mas podia se echaba á la mar, y escaparon todos é fueron á tierra: é desque los dichos Señores Embajadores se vinieron en tierra, pusieron su diligencia, en como las cosas que el dicho Señor Rey enviaba, se sacasen de la dicha galeota, é se pusiesen en tierra, é fué todo sacado, que non se perdió 76.
ninguna cosa; pero que la sacaron con muy gran trabajo é peligro, ca como la galeota fué á tierra, el mar la tornaba adentro, é despues venia la vaga de la tormenta é daba con ella á tierra, é quando á tierra venia, los omes que en ella estaban echaban lo que en ella venia á tierra, é tomabanlo otros, é asi escapó todo lo que el señor Rey enviaba, é non tardó mucho, que la sobredicha galeota non fuese en breve espacio toda deshecha, é desque fué puesto todo lo que la dicha galeota traia en tierra, llevaronlo á un monte que ende estaba, é el cómitre de la galeota dixo á los dichos Señores Embajadores, que como quiera que todo aquello tenia pu-

все было положено на берегу, то Турки прійдутъ и возьмутъ все для своего государя. Въ это время пришли Турки и спросили, что они за люди. Они сказали, что Генуэзцы изъ Перы, что они пріѣхали на карракѣ, которая погибла въ эту ночь въ томъ портѣ, что эти вещи, которыя у нихъ были, они должны были отвезти на другую карраку, которая стояла у Карпи, и что если они достанутъ имъ для этого лошадей, то имъ заплатятъ. Тѣ сказали, что можно достать лошадей на слѣдующій день, но не сейчасъ; впрочемъ прибавили, что пойдутъ въ деревни, для того, чтобы на другой день навѣрно тотчасъ же это было исполнено. Такъ и сдѣлалось: такъ что на слѣдующій день въ воскресенье пришло много народу съ лошадьми и перевезли посланниковъ и все что у нихъ было въ Карпи, гдѣ стояла та каррака. Пріѣхавши туда, посланники застали карраку въ гавани и отправились поговорить съ мессеромъ Амброзіо, хозяиномъ ея, и разсказали ему о своей удачѣ въ томъ, что съ ними случилось, и о томъ, какъ другая каррака погибла. Хозяинъ очень хорошо принялъ ихъ и сказалъ имъ, что готовъ услужить королю Кастиліи, что они могутъ распоряжаться этою карракою, какъ своею собственною, сказалъ,

esto en tierra, que los Turcos vernian é lo tomarian [19] todo para el Señor. E estando en esto vinieron unos Turcos é preguntaron, que qué gente era, é dixeron que eran Genoveses de Pera, é que venian en la carraca que se avia perdido en esa noche en aquel puerto, é que aquellas cosas que alli tenian, que las querian llevar á la otra carraca que estaba en el Carpi, é que si caballos oviesen para ello, que se los pagarian, é dixeron, que bien podria aver caballos para otro dia, mas non luego: empero ellos dixeron, que irian á las aldeas, é porque otro dia siguiente avria reca[u]do luego en la manera que fué: asi que luego otro dia domingo vinieron mucha gente con sus caballos, que llevaron á los dichos Señores Embajadores é á lo que alli tenian al Carpi, donde la dicha carraca estaba: é quando alli llegaron, los dichos Señores Embajadores fallaron la dicha carraca en el puerto, é fueron fablar con Micer Ambrosio que era patron della, é contaronle su suceso de lo que les avia acaescido, é de como la otra carraca era perdida: y en el dicho patron fallaron buen acogimiento, é dixoles que por servicio del señor Rey de Castilla, que ellos ficiesen de

чтобъ они положили всѣ свои вещи на нее, что онъ будетъ отвѣчать за ихъ сохранность, и скажетъ тамошнимъ Туркамъ, что они люди съ той, другой карраки. Посла Тамурбека, который былъ съ ними, они одѣли христіаниномъ, и сказали, что онъ изъ города Перы; потому что если бы Турки его узнали, они бы его убили и всѣмъ имъ грозила отъ этого опасность. Когда всѣ вещи положены были на карраку и все было въ безопасности, они поняли, что Господь Богъ совершилъ для нихъ много чудесъ разнымъ образомъ. Во первыхъ въ томъ, что они спаслись отъ такой сильной и страшной бури, какъ эта; потому что хозяинъ и матросы, которые тамъ были, говорили, что они плавали уже двѣнадцать лѣтъ и никогда не испытывали такой бури. Другое чудо, которое совершилъ Господь Богъ, было въ томъ, что онъ спасъ и ихъ самихъ и вещи ихъ государя короля, и они не были разграблены ни Турками, ни матросами, которые сдѣлали бы это скорѣе если бы не были въ Турецкой землѣ; потомъ въ томъ, что они нашли эту карраку, которая, какъ говорилъ хозяинъ, тоже едва не погибла. Въ этой гавани они простояли до слѣдующаго вторника, ожидая хорошей погоды. Въ этотъ день при-

aquella carraca, como si fuese suya propria, é que pusiesen todas sus cosas en ella, que él [qual] pornia buen recabdo [recaudo] en ellas, é que el diria á los Turcos del lugar, que eran los de la otra carraca: é al Embajador del Tamurbec que ay estaba vistieronle como Christiano, é dixeron que era de la ciudad de Pera, ca si los Turcos le conocieran, mataronlo, é vieranse en peligro por ello: é desque fueron puestas todas las cosas en la sobredicha carraca, é ello[s] en salvo, entendieron que Dios nuestro
Señor | avia [f]echo por ellos muchos milagros en muchas maneras. Lo 77.
primero en los escapar de tormenta tan grande é tan deshecha como aquella; ca decia el patron é marineros que alli estaban, que avia doce años, que navegaban [navegaba] en aquel mar, é que nunca tan gran tormenta vieran: é lo otro, tenia que mostraba Dios nuestro Señor milagro, en [el] los poner en salvo á ellos é á las cosas del Rey su Señor, é non ser robados de Turcos, nin de los marineros que lo ficieran mas aina, salvo por estár en tierra de Turcos, é otrosi en fallar alli aquella carraca, la qual dixo el patron que estovo en tiempo de ser perdida: é estovieron aqui en el

шелъ къ посланникамъ одинъ Турокъ, который былъ царскимъ старшиной въ этой деревнѣ и сказалъ имъ, что они пріѣхали и провезли по землѣ ихъ государя ткани и разныя другія вещи, за которыя должны были заплатить пошлину, и требовалъ, чтобъ они приказали заплатить и дать ему что нибудь. Это было оттого, что Турки узнали, что они не Генуэзцы, и не изъ Перы; и если бы они застали ихъ на землѣ, то не пустили бы ихъ. По этому въ тотъ же день вечеромъ подняли паруса и выѣхали оттуда, чтобы сейчасъ же воротиться въ городъ Перу.

LIII. Въ четвергъ утромъ, двадцать второго числа ноября мѣсяца, пріѣхали въ городъ Перу и посланники приказали свезти въ городъ всѣ свои вещи. Когда ихъ увидѣли тѣ, которые ихъ знали, то всѣ сказали, что судя по бурѣ, которая была, и по мѣсту, въ которомъ она разразилась, было въ самомъ дѣлѣ чудомъ, что они спаслись. Посланники хотѣли тотчасъ же распорядиться чтобы ѣхать, но не могли найдти корабля, который бы рѣшился поплыть чрезъ Большое море, такъ какъ уже наступила зима; по этому и тѣ корабли, которые были уже приготовлены чтобъ

puerto fasta el martes siguiente esperando buen tiempo, é este dia llegó á los dichos Señores Embajadores un Turco, que era mayoral por el Señor en aquella [aquel] aldea, é dixoles, que ellos avian venido é pasado por tierra del Señor paños é otras cosas, de que debian pagar derecho, é que ge lo mandasen pagar, é ficieronle dar alguna cosa; é esto fué, por quanto los Turcos avian sabido, que ellos nin aquellos non eran Genoveses, nin de la ciudad de Pera, é si en tierra los tovieran, non los dexáran venir: é este dicho dia en la tarde ficieron vela, é partieron de aqui para se tornar luego á la ciudad de Pera.

LIII. E jueves [en] amaneciendo, que fueron veinte y dos dias del dicho mes de Noviembre, fueron en la ciudad de Pera, é los dichos Señores Embajadores ficieron todas las cosas llevar [levar] á la ciudad, é quantos los [lo] veian [vian] que los conocian, les decian que segun la tormenta que ficiera, y el lugar en que quebrantó, que era maravilla, en co|mo avian escapado. E los dichos Señores Embajadores quisieran luego catar, en como partiesen de alli, é non pudieron fallar navio que osase entrar á navegar en el mar mayor, por quanto era entrado el hibierno [invierno]; por [po] lo qual

идти въ Трапезондъ и нагружены, не смѣли пуститься въ путь; и даже тѣ, которые уже раньше уѣхали, возвращались, чтобъ зимовать тутъ, и ждать до марта мѣсяца. Причина, почему это Большое море такъ опасно, и бурно, и велико, вотъ какая: такъ какъ оно море круглое, и окружность его будетъ почти три тысячи миль, и въ него нѣтъ другого входа ни выхода, кромѣ этого пролива, что возлѣ города Перы, и оно окружено со всѣхъ сторонъ большими и высокими горами, и у него нѣтъ плоскихъ береговъ, на которые ему бы можно было разливаться, и въ него входитъ много большихъ рѣкъ, то море все только кипитъ и ходитъ кругомъ; вода, которой удастся войдти въ проливъ, идетъ вонъ, а другая идетъ вокругъ; и когда поднимается сильный вѣтеръ, море сейчасъ кипитъ, волнуется и начинается буря; особенно это бываетъ при сѣверномъ вѣтрѣ и при сѣверо-западномъ, который называется маестро, потому что онъ дуетъ поперегъ этого моря. Кромѣ того оно опасно потому, что когда корабли приближаются къ проливу, имъ его очень трудно узнать; если не узнаютъ какъ въ него войдти, то попадаютъ на мель и погибаютъ, какъ уже не разъ случалось; кромѣ того, въ

los navios que estaban fletados para ir en Trapisonda, é cargados, non osaron partir, antes algunos que eran partidos, se tornaron á hibernar [invernar] alli, y esperar fasta el mes de Marzo; é la razon porque este mar mayor es tan recelado é peligroso é tan grande, es, por quanto es él un mar redondo, é boxa [borge] en derredor fasta tres mil millas, é non ha otra entrada nin salida en él salvo esta boca, que es acerca de la ciudad de Pera, y es todo cercado de muy altas y grandes sierras en derredor, é non ha playas, donde [do] se estienda, y entran en él muy muchos 78.
rios y grandes, y el mar non face todavia si non bollir é andar en derredor é el agua que acierta é [a] salir por aquella boca, va á salir fuera, é la otra anda en derredor, é quando se levanta algun viento furioso luego bulle é se alza el mar, é es tormenta; é señaladamente es con el viento trasmontana, é con gallego, que llaman maestro, por quanto viene en trabieso en aquel mar. E es otrosi peligroso, por quanto los navios vienen acerca de la boca, é es muy mala de conoscer, é si la non conoscen, van á tierra é pierdense, como se han perdido ya muchas veces, é otrosi en

случаѣ даже когда знаютъ проливъ, если при приближеніи къ нему, поднимется одинъ изъ этихъ вѣтровъ, сѣверный или маестро, то грозитъ опасность, такъ какъ они дуютъ поперегъ моря и могутъ бросить ихъ на землю; въ это время погибъ одинъ корабль, который шелъ изъ Кафы. Въ то же время пріѣхало шесть Венеціанскихъ галеръ въ великій городъ Константинополь, для того чтобы провести всѣ свои корабли, которые шли изъ Танскаго моря; императоръ велѣлъ впустить ихъ въ городъ, и сказалъ хозяевамъ кораблей, что гавань принадлежитъ ему, и что онъ находится въ мирѣ съ ними и съ Генуэзцами и (потребовалъ) чтобъ они не дѣлали вреда другъ другу. Венеціанцы и Генуэзцы заключили между собою перемиріе на нѣкоторое время, и тогда Венеціанцы провели свои корабли. Посланники должны были остаться въ городѣ Перѣ всю зиму и не могли найдти никакого болѣе удобнаго корабля, какъ галеоту въ девятнадцать скамеекъ; они велѣли снарядить ее, что имъ стоило много денегъ, и эта галеота была готова и снаряжена къ марту мѣсяцу; а хозяева этой галеоты были мессеръ Николао изъ Пизы и мессеръ Лоренцо изъ

caso que conozcan la boca, viniendo cerca della, si se levanta qualquier de los dichos vientos maestro ó trasmontana, son en peligro, por quanto son trabieso, que los echa á tierra: en este tiempo se perdió una nao que venia de | Cafa. E en este tiempo llegaron seis galeas de Venecianos á la gran ciudad de Constantinopla, que venian por pasar todas las sus naos que venian de la Tana, é el Emperador mandóles recoger [acoger] dentro en la ciudad, é dixo á los patrones, que el puerto era suyo, é él tenia su paz con ellos é con los Genoveses; que se non ficiesen mal los unos á los otros: é los Venecianos é Genoveses ficieron treguas por cierto tiempo, é pasaron sus naos los Venecianos. E los dichos Señores Embajadores ovieron de estar en esta ciudad de Pera todo el hibierno [este invierno], en [e] non pudieron ende fallar navio mas presto que fué una galeota de fasta diez y nueve bancos, é ficieronla armar, que les costó asaz de dinero, la qual sobredicha galeota fué armada é presta para en el mes de Marzo; é eran patrones desta dicha galeota Micer Nicolao Pesano [Pisano], é Micer Lorenzo Veneciano. Y los dichos Señores Embajadores fletaron esta dicha

Венеціи. Посланники приготовили эту галеоту, чтобъ ѣхать скорѣе, прежде чѣмъ Тамурбекъ уѣдетъ оттуда, гдѣ проводилъ зиму; и первое судно, которое въ этотъ годъ вошло въ Большое море, была эта галеота.

LIV. Въ четвергъ двадцатаго марта, года отъ Р. Х. тысяча четыреста четвертаго, галеота была готова и посланники выѣхали оттуда поздно, во время вечерни. Вмѣстѣ съ этими посланниками ѣхалъ также тотъ посолъ, котораго Тамурбекъ посылалъ къ государю королю; и въ этотъ день они проѣхали только до колоннъ, что составляетъ около мили отъ города Перы, потому что тамъ надобно было запастись водой. Въ слѣдующую пятницу они выѣхали оттуда и вошли въ Большое море около обѣдни, и была хорошая погода, а во время вечерни подъѣхали къ замку Секель и простояли тамъ ночь. Послѣ полуночи уѣхали оттуда и продолжали свой путь; во время вечерни были у Финогіи, гдѣ у нихъ погибла прежняя галеота, и не захотѣли останавливаться тамъ, а пошли дальше, и во время вечерни же подошли къ одной рѣкѣ, которая течетъ изъ Турціи; они хотѣли остановиться

galeota por ir mas aina, antes que el Tamurbec partiese de alli donde hibernára [invernara]; é la primera fusta que este año entró en el mar mayor á navegar, fué esta sobredicha galeota.

LIV. E jueves veinte dias de Marzo del año del Señor de mil y quatrocientos y quatro años, la sobredicha galeota fué presta é los dichos Señores Embajadores partieron de aqui en la tarde á hora de visperas. E iba juntamente con los Embajadores el dicho Embajador que el Tamurbec
envió al dicho señor Rey; é este dia non fueron mas que fasta las colum- 79.
nas que es quanto una milla de la ciudad de Pera, por quanto avia [20] alli de tomar agua. E viernes siguiente partieron de aqui é entraron en el mar mayor á hora de Misa, «é» ovieron buen tiempo, é á hora de vísperas fueron en el castillo de Sequel é estovieron alli aquella noche: é despues de media noche partieron de aqui, é fueron su via, é á hora de vísperas fueron en la Finogia, donde perdieron la otra galeota, é non quisieron quedar alli, é fueron de largo; é á hora de vísperas fueron en un par de un rio que salia de la Turquia, é quisieran alli quedar esta noche salvo

въ ней на ночь, но она была не глубока. Ночь была тихая, и они простояли внѣ гавани.

LV. Въ слѣдующее воскресенье во время вечерни они пріѣхали въ портъ, находившійся у Турецкаго города, который называется Понторакія, и принадлежитъ Мисалъ Маталаби, старшему сыну Турка; и тутъ они остановились.

На другой день, въ понедѣльникъ, они остались тамъ, такъ какъ не могли поѣхать, потому что вѣтеръ былъ противный. Этотъ городъ Понторакія построенъ на скалахъ, на самомъ берегу моря, и на вершинѣ стоитъ замокъ, очень сильно укрѣпленный. Городъ мало населенъ, и тѣ, которые живутъ въ немъ, по большей части Греки и только немногіе Турки. Прежде они принадлежали къ имперіи Константинопольской; говорятъ, что тому назадъ лѣтъ тридцать, немного больше или меньше, императоръ Константинопольскій продалъ городъ Турку, отцу того Мисала Маталаби, за сколько то тысячь дукатовъ. Этотъ городъ былъ очень богатъ и очень знаменитъ въ этой землѣ своимъ хорошимъ портомъ; а это имя получилъ онъ отъ одного императора, который его построилъ, и котораго звали Понто; земля же эта называлась Ракія.

porque era baxa, é fueron de largo é fizo calma esta noche, é estovieron fuera de puerto.

LV. E domingo siguiente á hora de vísperas fueron en un puerto que es junto con una villa de la Turquia que ha nombre Pontoraquia, la qual villa es de Mizal Mathalabi, fijo mayor del Turco, é estovieron alli.

E otro dia lunes se estovieron surtos alli aquel dia, que non podian partir, por el viento ser contrario: y esta villa de Pontoraquia es poblada en unas peñas que son juntas con el mar, y en lo mas alto tiene un castillo, el qual es muy fuerte, y está mal poblada, é los que viven en ella son todos los mas Griegos, é salvo unos pocos de Turcos, é solian ser del Imperio de la gran ciudad de Constantinopla; é decian que podia aver fasta treinta años, poco mas ó menos, que el Emperador de Constantinopla la vendiera al Turco, padre del dicho Mizal Mathalabi por tantos mil ducados. E esta villa era en aquella tierra muy famosisima é rica en demasia, por el buen puerto que ha; y aqueste | nombre tomó ella de un Emperador que la edificó, el qual avia nombre Ponto, é á la tierra decian Raquia.

На другой день, во вторникъ, двадцать пятаго числа марта мѣсяца, они выѣхали оттуда и продолжали свой путь, и во время вечерни поровнялись съ однимъ замкомъ, который стоялъ на Турецкой землѣ у самаго моря; онъ называется Pio, и въ немъ никто не живетъ. У подошвы его находится гавань, но они не могли войдти въ нее, потому что тамъ собралось много Турокъ, которые пришли на берегъ, какъ только увидѣли галеоту, думая что на ней ѣдутъ люди, которые замышляютъ нанести какой нибудь вредъ ихъ землѣ. Они остановились внѣ гавани у плоскаго берега, а въ полночь выѣхали оттуда, и во время обѣдни подошли къ рѣкѣ, которая течетъ изъ Турціи и называется Партенъ. Они вошли въ нее, чтобъ запастись водою; при входѣ въ нее стояла высокая скала и на верху ея была построена башня, которая была сдѣлана для охраненія входа въ эту рѣку, для того чтобы галеры не могли въ ней останавливаться; они тотчасъ же уѣхали оттуда и въ полдень пріѣхали къ городу, который называется Самастро.

LVI. Этотъ городъ Самастро принадлежитъ Генуэзцамъ и стоитъ на Турецкой землѣ у самаго моря, на высокомъ холмѣ; а впереди этого холма, глубже въ море стоитъ другой тоже высокій холмъ,

E otro dia martes, que fueron veinte é cinco dias del dicho mes
de Marzo, partieron de aqui é fuéron su via, é á hora de vísperas fueron
en par de un castillo que estaba en la tierra de la Turquia junto con el
mar que ha nombre Rio, y está deshabitado, y al pie dél está un puerto,
é non lo pudieron tomar, por quanto estaban alli llegados muchas gentes
de Turcos, que se avian llegado de la costa, desque la galeota vieron,
pensando que era de gente que venia á facer daño en la tierra, é surgie-
ron de fuera en una playa, é á la media noche partieron de aqui, é á hora 80.
de Misa fueron en un rio que salia de la Turquia, que ha nombre Parten.
E entraron en él á tomar agua, é á la entrada estaban unas peñas muy
altas, é encima dellas estaba un edificio de torre, que fuera fecha para en
guarda de la entrada de aquel rio, porque galeas non pudiesen alli tomar
puerto, é partieron luego de alli, é á hora de medio dia fueron en una
villa que es llamada Samastro.

LVI. La qual dicha villa de Samastro es de Genoveses, é está en la tierra de la Turquia junta con el mar en un otero muy alto, é delante

соединенный съ тѣмъ, на которомъ построенъ городъ; ихъ оба окружаетъ одна стѣна, и съ одного холма, который очень высокъ, на другой идетъ огромный сводъ въ видѣ моста, по которому и ходятъ. Тамъ есть двѣ гавани: одна съ одной стороны, а другая съ другой. Городъ маленькій, и дома въ немъ тоже маленькіе; а внѣ города были большія разрушенныя зданія: церкви, дворцы и дома, и казалось, что прежде самое лучшее было то, что теперь стояло внѣ, и что теперь было въ развалинахъ. Они простояли тамъ тотъ день, когда пріѣхали и слѣдующій четвергъ, а на другой день, въ Страстную пятницу, уѣхали оттуда и во время вечерни пріѣхали къ гавани, которая называется Два Замка. На другой день, въ субботу, выѣхали оттуда, и поднялся густой туманъ, а въ третьемъ часу подулъ довольно сильный вѣтеръ, море взволновалось и заходили большія волны. Боялись, что будетъ буря, и не знали, близко ли они отъ земли или далеко; а такъ какъ не было гавани вблизи, то старались плыть, и послѣ полудня поровнялись съ замкомъ, который называется Нинополи, и принадлежитъ Турціи; тутъ хотѣли остановиться, но такъ какъ не было гавани, то поѣхали оттуда и продолжали свой путь. Около вечер-

deste cerro mas adentro en el mar está otro tan alto que es junto con él en que está la villa, é cercalos amos á dos una cerca, é del un cerro, que es muy alto, al otro está un arco muy grande en demasia de puente, por do pasan, é ha dos puertos, uno de un cabo | é otro de otro cabo: é la villa es pequeña, é las casas pequeñas eso mesmo, é de partes de fuera de la villa avia grandes edificios caidos de Iglesias é de palacios é de casas, é paresció, que otro tiempo lo mejor dello fué lo de fuera que agora estaba caido: é estovieron aquel dia que llegaron, é jueves siguiente, é otro dia viernes de la Cruz despues de la pasion dicha partieron de aqui, é á hora de vísperas fueron en un puerto que es llamado Dos-Castellos, é otro dia sabado partieron de aqui, é fizo grande niebla cerrada, é á hora de tercia metióse un viento bien esforzado, y el mar se levantó, é facia grandes vagas, é ovieron rescelo de tormenta, é non sabian si eran acerca de tierra, ó lexos della; é por quanto non avian puerto salvo á lexos, curaron de andar, é despues de medio dia fueron en par de un castillo que es llamado Ninopoli, y es de la Turquia, y quisieran alli quedar, salvo porque non

ни опять поднялся туманъ, такъ что нельзя было видѣть землю, хоть она была близко. Пришла ночь, и всетаки не знали, гдѣ стоятъ; а море все волновалось. Одни говорили, что уже прошли мимо гавани, а другіе, что нѣтъ; и въ то время какъ совѣтывались, что имъ дѣлать, услышали лай собаки; тогда съ галеоты подали голосъ, его услышали въ замкѣ и зажгли огни на верху замка, (чтобъ показать), что тутъ была гавань, и галеота пошла къ гавани. Передъ входомъ въ нее были скалы, о которыя разбивалась вода; не знали, какъ войдти, и были въ опасности; тогда одинъ матросъ бросился въ воду, приплылъ къ землѣ, взялъ фонарь и освѣтилъ такъ, что галеота безопасно вошла въ гавань.

LVII. На другой день, въ Свѣтлое Воскресеніе, остались стоять тамъ въ гавани. Надъ нею на высокой скалѣ былъ очень укрѣпленный замокъ, который называется Киноли и принадлежитъ одному Мавританскому рыцарю по имени Еспандіару. Онъ владѣетъ многими землями и платитъ дань Тамурбеку, и въ своей землѣ чеканитъ монету Тамурбека. Самъ владѣтель не былъ тамъ, а одинъ его алькадъ, когда узналъ, что посланники тамъ, изъ по-

avian puerto, é partieron de alli é fueron su via: é á hora de vísperas
tornóse la niebla [niebra], que non podian ver tierra, como quiera que fuesen
cerca della, é la noche vino, que non sabian do estaban, y el mar andaba
alto, é unos decian, que avian pasado el puerto é otros decian que non;
é estando a[n]si tomando consejo de lo que debian facer, oyeron ladrar
un perro, é dieron voces de la galeota, é oyeronlas los que velaban el cas-
tillo, é sacaron lumbres de encima [dencima] del castillo, que era alli el 81.
puerto, é llégóse la galeota; é ante el puerto avia unas rocas en que que-
braba el agua, é non sabian la entrada para el puerto, y estaban en pe-
ligro, è un galeote se lanzó al agua é fué nadando á tierra, é tomó una
linterna, é allumbró de manera, que la galeota fué al puerto en | salvo.

LVII. E otro dia domingo dia de Pasqua mayor estovieron aqui en este puerto, y encima dél en unas peñas altas estaba un castillo muy fuerte é ha nombre Quinoli, y es de un Caballero Moro que llaman Espandiar, que es un grande Señor de mucha tierra, y era atrebutado al Tamurbec, y en su tierra trataba la moneda del Tamurbec. El Señor non estaba alli, pero un su Alcayde, desque supo, en como estaban alli los dichos Embajadores

чтенія къ Тамурбеку, отправился повидать ихъ и приказалъ принести имъ баранины, куръ, хлѣба и вина. Здѣсь на горахъ этого замка Киноли находится лучшее дерево для самострѣловъ, какое только можно найдти во всей Романіи.

LVIII. На другой день, въ понедѣльникъ, тридцать перваго числа того же мѣсяца марта, выѣхали оттуда, и во время вечерни пріѣхали въ гавань Турецкаго города, который называется Синополи, и остановились тамъ. Этотъ городъ Синополи принадлежитъ Еспандіару, и когда посланники пріѣхали туда, они узнали, что этотъ Еспандіаръ, владѣтель этой земли, не былъ тамъ, а былъ въ другомъ городѣ, который находится въ трехъ дняхъ пути оттуда, и называется Кастамеа; и что тамъ у него было собрано почти сорокъ тысячъ человѣкъ, чтобы воевать съ сыномъ Турка, который сердился на него за то, что онъ платилъ дань Тамурбеку. А посланники очень желали застать его тамъ, чтобъ получить отъ него вѣрныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ находится царь, и чтобъ онъ далъ имъ совѣтъ, какъ ѣхать землею. Причина же, по которой этотъ рыцарь, владѣтель этой земли, платитъ дань Тамурбеку, та, что Турокъ Баязетъ, котораго побѣдилъ Тамур-

por honra del Tamurbec, vinoles á ver, é fizoles traer un carnero é gallinas é pan «é» vino: é aqui en las montañas deste castillo de Quinoli son las mejores fustes para ballestas que en toda Romania se fallan.

LVIII. É otro dia lunes, á treinta é un dias [dia] del dicho mes de Marzo, partieron de aqui, é á hora de vísperas fuerón en el puerto de una ciudad de la Turquia que es llamada Sinopoli, é surgieron alli: y esta dicha ciudad de Sinopoli es de Espandiar, é quando los dichos Embajadores alli llegaron, supieron en como el dicho Espandiar, Señor de aquella tierra, non era alli, salvo en otra ciudad que era á tres jornadas de alli, que llamabán Castamea, é que tenia ayuntados fasta quarenta mil omes para pelear con el fijo del Turco, que lo queria mal, porque se avia atrebutado al Tamurbec, é los dichos Embajadores lo quisieran mucho fallar alli, porque les dixera nuevas ciertas donde estaba el Señor, é los pusiera en consejo, para ir por tierra; é la razon porque este Caballero Señor desta tierra se atrebutó al Tamurbec es, por quanto el Turco Bayaceto, el que

бекъ, убилъ его отца и отнялъ у него землю; а послѣ, когда Тамурбекъ побѣдилъ его, то возвратилъ всю землю этому рыцарю Еспандiару.

LIX. Съ разсвѣтомъ въ субботу, пятаго числа мѣсяца апрѣля, посланники отплыли оттуда; но настала тишь, въ гавань не могли войдти и простояли эту ночь въ морѣ.

На другой день, въ воскресенье, во время обѣдни поровнялись съ однимъ городомъ, который стоитъ въ Турцiи на самомъ берегу моря, и называется Симисо; въ немъ есть два замка: одинъ принадлежитъ Генуэзцамъ, а другой и самый городъ Мусульману Челеби. Они не захотѣли входить въ гавань и остались въ морѣ, и простояли эту ночь въ морѣ, потому что была тишь. На другой день, въ понедѣльникъ, около полудня, пришли къ порту одного замка, который называется Хинiо, и вошли въ гавань, потому что былъ противный вѣтеръ. У самой гавани на высокой скалѣ стоялъ городъ; онъ былъ очень малъ и населенъ Греками; а на вершинѣ очень высокой горы, стоявшей возлѣ города, былъ высокiй замокъ, принадлежавшiй городу, гдѣ говорятъ, жило около трехъ сотъ Турокъ. Этотъ замокъ и городъ при-

venció el Tamurbec, mató á su padre, é tiróle la tierra: é despues que el Tamurbec lo venció tornó toda la [21] tierra á este Caballero Espandiar.

LIX. Sabado en amanesciendo, que fueron cinco dias del mes de Abril, partieron de aqui los dichos Embajadores, é fizo calma, é non pudieron alcanzar á puerto, é estovieron esta noche en el mar; é otro dia domingo á hora de Misa fueron en par de una villa que está en la Turquia junta 82.
con el mar, que ha nombre Simiso, é ha dos castillos, é el uno es de Genoveses, é el otro é la villa es de Musulman [Musalman] Chalabi, é non quisieron tomar alli puerto, é fueron de largo: é esta noche estovieron en mar, ca facia calma, é otro dia lunes á hora de medio dia fueron en un puerto de un castillo que ha nombre Hinio, é tomaron alli puerto, porque avian el viento contrario, é junto con el puerto en unas peñas altas estaba la villa, y era bien pequeña é poblada de Griegos, y en una cabeza de sierra muy alta que cerca de la villa estaba avia un castillo muy alto que era de la villa, en que decian, que vivian fasta trecientos Turcos: el qual castillo é

надлежатъ одному Греческому вельможѣ, по имени Меласено, который платитъ дань Тамурбеку. У самаго моря въ гавани стояло нѣсколько кузницъ: въ этомъ мѣстѣ море выбрасывало мелкій черный песокъ, его собирали и дѣлали изъ него желѣзо. На другой день, во вторникъ, уѣхали оттуда. Вѣтеръ былъ противный и они зашли въ гавань, которая находится у Турецкой земли и называется Леона. У этой гавани стоялъ замокъ у самаго моря на верху скалы; онъ былъ необитаемъ; говорятъ, тому назадъ года четыре, Генуэзцы ограбили его. Эта земля принадлежитъ одному Турецкому вельможѣ, по имени Арзамиру. Въ тотъ же день уѣхали оттуда и не много спустя поровнялись съ маленькимъ замкомъ, который стоитъ на берегу моря на скалѣ, и называется Санкто-Нисіо; проѣхали не много дальше этого замка и остановились, потому что вѣтеръ былъ противный, и простояли эту ночь въ устьѣ одной рѣки. Эта земля и другія селенья, которыя были видны, принадлежали тому же Арзамиру; у владѣтеля этой земли, говорятъ, около десяти тысячь конницы, если не больше, и онъ платитъ дань Тамурбеку. На слѣдующій день, въ среду, отправились, и вѣтеръ

villa es de un Señor Griego que ha nombre Melaseno, el qual facia trebuto al Tamurbec; é en el puerto junto con el mar avia unas pocas de casas de ferrerias, é en aquel derecho lanzaba el mar una arena negra menuda, é allegabanla é facian della fierro: é otro dia martes partieron de aqui, é fizo viento contrario, é fueron tomar un puerto que es en la tierra de la Turquia que ha nombre Leona, é en el qual puerto estaba un castillo junto con el mar encima de unas peñas, é estaba despoblado, é decian, que podria aver quatro años que Genoveses le [la] robáran: é esta tierra es de un señor Turco que ha nombre Arzamir; é este dia partieron de aqui, é dende á poco fueron en par de un | castillo pequeño, que está junto con el mar encima de una peña, que ha nombre Sancto Nicio, é fueron un poco encima deste castillo, é surgieron, por quanto el viento era contrario, é estovieron esta noche alli á una boca de un rio; é esta tierra é otras aldeas que alli parescieron, eran del dicho Arzamir: é este Señor desta tierra, decian, que podia aver fasta diez mil ó mas á caballo, é facian trebuto [tributo] al Tamurbec; é otro dia miercoles partieron de aqui é fizo

былъ попутный, хотя шелъ дождь. Около третьяго часа пріѣхали къ городу, который называется Гирифонда; онъ стоялъ на берегу моря и былъ построенъ на верху высокой скалы; большая стѣна окружала всю скалу, а внутри ея было много садовъ и деревьевъ. Въ полдень поровнялись съ большимъ городомъ, который былъ тоже построенъ на берегу моря, и называется Триполь; эта земля принадлежала императору Трапезондскому. Черезъ нѣсколько времени были у замка, стоящаго на берегу моря, по имени Корила. Въ этихъ мѣстахъ не захотѣли останавливаться, потому что погода была благопріятная. Около вечерни подъѣхали къ замку, по имени Віополи; тутъ вошли въ гавань и переночевали въ ней. На слѣдующій день, въ четвергъ, выѣхали оттуда; вѣтеръ былъ противный и море вздувалось. Въ третьемъ часу поровнялись съ замкомъ, который называется Санфока, и остановились тамъ, чтобъ народъ отдохнулъ; потомъ тотчасъ же уѣхали и во время вечерни подъѣхали къ порту, по имени Платана; а такъ какъ вѣтеръ былъ противный, то не осмѣлились идти въ эту ночь въ Трапезондъ, хотя до него было не больше двѣнадцати миль, и эту ночь переночевали тамъ. Вѣтеръ былъ против-

viento bueno para su viage, pero que llovia; é á hora de tercia fueron en par de una villa que ha nombre Guirifonda, la qual era junto con el mar, é poblada encima de una peña alta, é avia una grande cerca que cercaba toda la peña, é dentro avia muchas huertas é arboles; é á hora de medio dia fueron en par de una gran villa que era eso mesmo poblada al mar, que ha nombre Tripil, y esta tierra es del Emperador de Trapisonda, é á
poca de hora fueron en un castillo que es junto con el mar, que ha nom- 83.
bre Corila, é non quisieron tomar puerto en estos lugares, por quanto avia buen tiempo: é á hora de visperas fueron en un castillo que ha nombre Viopoli, é tomaron alli puerto, é estovieron [estuvon] esta noche, é otro dia jueves siguiente partieron de aqui, é fizo tiempo contrario é el mar muy grueso, é á hora de tercia fueron en par de un castillo que ha nombre Sanfoca, é surgieron alli, porque refrescase la gente; é partieron luego dende, é á hora de vísperas fueron en un puerto que ha nombre Platana, é por quanto el viento era contrario, non se atrevieron ir esta noche á [e] Trapisonda [Traspisonda], como quiera que non avia mas de doce millas, é

ный и такой сильный, что волны подымались, и они думали, что погибнуть.

LX. На слѣдующій день, въ пятницу, одиннадцатаго числа апрѣля мѣсяца, выѣхали оттуда и около вечерни прибыли въ городъ Трапезондъ; а отъ города Перы, откуда они поѣхали на этой галеотѣ, до этого города Трапезонда девятьсотъ шестьдесятъ миль. У Генуэзцевъ есть въ этомъ городѣ внѣ стѣнъ его хорошій замокъ, и посланники остановились тамъ у нихъ и были приняты съ большимъ почетомъ.

На другой день, въ субботу, императоръ прислалъ за посланниками лошадей, чтобы они пріѣхали. Когда они пріѣхали въ его дворецъ, они застали его въ залѣ, которая была въ верхнемъ этажѣ, и онъ принялъ ихъ очень хорошо; поговоривши съ нимъ, они воротились къ себѣ. Съ этимъ императоромъ они застали его сына, который былъ съ нимъ, и которому казалось лѣтъ двадцать пять. Императоръ былъ хорошъ собою и особа видная; одѣты были и императоръ и сынъ его въ императорскія одежды, на головахъ у нихъ были высокія шапки съ зо-

esta noche estovieron alli, é el viento fué contrario, é tan recio, que araron las ondas, é o|vieronse esa noche de perder.

LX. E otro dia viernes siguiente, que fueron once dias del mes de Abril, partieron de aqui, é como á hora de vísperas, é fueron á la ciudad de Trapisonda; é desde la ciudad de Pera, onde partieron con esta galeota, fasta esta dicha ciudad de Trapisonda ha nuevecientas é sesenta millas, é Genoveses ha en esta ciudad [ciuda] de partes de fuera de la cerca della en un buen castillo, é los dichos Embajadores fueron posar alli con ellos, e ficieronles asaz honra.

E otro dia sabado siguiente el Emperador envió por los dichos Embajadores, é envióles caballos en que fuesen é quando llegaron á su palacio, fallaronlo en una sala que era en un sobrado, é rescibiólos muy bien, é desque ovieron fablado con él, tornaronse para su posada; é con el dicho Emperador fallaron [con el] á un su fijo que estaba con él, é podia aver fasta veinte é cinco años, y el Emperador era de buen cuerpo é persona bien paresciente, é estaban vestidos el Emperador é su fijo de paños imperiales, é tenian en las cabezas sendos sombreros altos con unas

лотыми палочками, которыя торчали вверхъ, а на верху ихъ султаны изъ журавлиныхъ перьевъ, на шапкахъ же верхушки изъ куньяго мѣха. Императора зовутъ Германоли, а сына его Келексъ; сына зовутъ императоромъ также какъ и отца, потому что есть обычай, старшаго законнаго сына, который долженъ наслѣдовать, называть императоромъ, хотя его отецъ живъ; а вмѣсто императора Греки говорятъ Базилео. Этотъ императоръ платилъ дань и другимъ Туркамъ своимъ сосѣдямъ, и былъ женатъ на одной родственницѣ Константинопольскаго императора, а сынъ его женатъ на дочери одного Константинопольскаго вельможи, и у него есть двѣ маленькихъ дочери.

LXI. На другой день въ воскресенье, вечеромъ, когда посланники были у себя дома, пришли навѣстить ихъ два очень важныхъ вельможи императорскаго двора и самые приближенные; одного звали Горчи, что значитъ пажь, который несетъ лукъ передъ императоромъ, а другого звали Протовестати, т. е. хранитель сокровищь. Этотъ былъ кромѣ того очень близокъ къ императору, такъ что все въ государствѣ дѣлалось только такъ какъ онъ желалъ; говорятъ, что онъ былъ низкаго

vergas de oro que sobian arriba, é encima unos castillejos con unas plumas de grullas, é en los sombreros unos chapirotes de cueros de martas, é al Emperador dicen Germanoli, é al fijo Quelex: é al fijo llaman Emperador asi como al padre, ca es [su] costumbre, de llamar al fijo mayor legitimo que ha de heredar, Emperador, aunque su padre sea vivo, é por Emperador dicen los Griegos Basileo; y este Emperador daba tributo al
Tamurbec, é á otros Turcos sus vecinos: y el Emperador era casado con 84.
una parienta del Emperador de Constantinopla [Costantinopla], é su fijo cas[s]ado con una fija de un Caballero de Constantinopla [Costantinopla], é tiene dos fijas pequeñas.

LXI. E otro dia domingo en la tarde, estando los dichos Embajadores en su posada, vinieronlos á ver dos Caballeros [los] mas honrados de casa del Emperador, é los mas privados, y el uno avia nombre Horchi, que quiere decir como page que lleva el arco ante el Emperador; é el otro avia nombre Protevestati, que quiere decir tanto como Tesorero. E este otrosi era muy privado del Emperador, que non se facia[n] en el Imperio salvo

происхожденія, былъ сынъ хлѣбника, однако былъ красивъ. Разсказываютъ, что молодой императоръ, видя, что его отецъ такъ довѣрялъ этому человѣку и не обращалъ вниманія на знатныхъ людей своей имперіи, разсердился и возсталъ противъ отца, говоря, чтобъ онъ прогналъ этого человѣка; началъ войну и осаждалъ его въ этомъ городѣ добрыхъ три мѣсяца, и ему помогали самые знатные люди имперіи; а потомъ они заключили такое условіе, что этотъ Горчи сдѣлался другомъ молодого императора и другихъ, которые его направляли; однако послѣ произошло много безчестія, и бѣды, и вреда этому императору изъ-за того, что онъ держалъ при себѣ этого вельможу.

LXII. Этотъ городъ Трапезондъ построенъ у моря, и стѣны его идутъ вверхъ по скаламъ, а на самомъ верху горы стоитъ укрѣпленный замокъ, вокругъ котораго есть другая стѣна. Съ одной стороны его проходитъ маленькая рѣчка, которая течетъ глубоко внизу между скалами; и съ этой стороны городъ очень укрѣпленъ, а съ другой стороны онъ очень плоскій; однако у него стѣны хорошія и онъ окруженъ вокругъ предмѣстьями и са-

quanto él queria, é decian, que era de baxo linage é que era fijo de un fornero; pero avia buen cuerpo: é decian, que el Emperador mozo, viendo que su padre fiaba tanto deste Caballero, é que non curaba de los Grandes de su Imperio, que ovo saña, é que se levantó contra el padre, diciendo, que echase de sí aquel ome, é que le fizo guerra, é que lo tovo cercado en esta ciudad bien tres meses, é que le ayudaban á ello los mayores omes del Imperio, é que vinieron despues á tales tratos, que el dicho Horchi fué amigo del Emperador mozo, é de los otros que lo avian vuelto; pero despues se siguió asaz deshonra, é trabajo é daño al dicho Emperador por tener consigo á este Caballero.

LXII. E esta ciudad de Trapisonda es poblada [pobla] acerca del mar é la su cerca della sube por unas peñas arriba, y en lo mas alto de la peña estaba un castillo bien fuerte que ha otra cerca sobre sí, é de la una parte dél pasa un rio pequeño que va fondo entre unas peñas, é desta parte es la ciudad muy fuerte, é de la otra parte es muy llano; pero buen muro tiene, é la ciudad es de parte de fuera cercada de arrabales, é muchas huertas: é lo mas fermoso de [22] la ciudad es una calle que va junta con el mar, que

дами. Всего красивѣе въ городѣ одна улица, которая идетъ по берегу моря въ одномъ изъ этихъ предмѣстій, и въ этой улицѣ продается всякій товаръ. На берегу моря стоятъ два замка съ хорошими стѣнами и крѣпкими башнями; одинъ изъ нихъ принадлежитъ Венеціанцамъ, а другой Генуэзцамъ, которые построили ихъ съ согласія императора. Внѣ города есть много церквей и монастырей; въ этомъ городѣ Армяне имѣютъ свою церковь и своего епископа, хотя они такой народъ, который не очень уважается. У этихъ Армянъ церкви какъ у католиковъ, и они приносятъ въ жертву Божье тѣло такъ же какъ католики; но священникъ, когда облачается, не надѣваетъ себѣ на грудь столу съ крестомъ, а когда читаетъ Евангеліе, то поварачивается спиною къ абату, а лицомъ къ народу; когда же священнодѣйствуютъ, то не вливаютъ воды въ чашу. Они исповѣдываются, и держатъ одинъ постъ въ году, а по субботамъ ѣдятъ мясо. Постъ и канунъ Пасхи они соблюдаютъ хорошо, по большей части не ѣдятъ рыбы, у которой есть кровь, не ѣдятъ ни масла, ни жира; вообще же всѣ они постятся такъ: ѣдятъ рыбу, не пьютъ вина, и ѣдятъ столько разъ въ день, сколько хотятъ; кромѣ того отъ Пасхи до

es en uno destos arrabales, é en esta calle se venden todas las cosas de la ciudad: é juntos con el mar están dos castillos de buen muro é torres fuertes, é el uno dellos es de Venecianos, y el otro de Genoveses, que los ficieron ellos á consentiemento del Emperador; é de fuera de la ciudad ha muchas Iglesias é Monesterios [Monasterios]: en esta ciudad han los Armenios
una Iglesia é un Obispo, como quiera que sea gente que se quiera mal, y 85.
estos [dos] Armenios tienen las Iglesias como los Carpolicos, é consagran el cuerpo de Dios asi como los Cathólicos; pero el Preste, quando se reviste, non se pone el estola cruzada por les pechos, é quando dice el Evangelio, vuelven las espaldas al Abad, é la cara contra el pueblo, é quando consagran, non echan agua en el calice, é confiesanse, é ayunan una quaresma cada año, é los sabados del año comen carne, é la víspera de Pasqua mayor, é la quaresma ayunan bien, è non comen pescado en que haya sangre los mas dellos, nin comen aceyte nin grosuras; pero en comunal ayunan todos desta manera; comen pescado, é non beben vino, é comen quantas veces quieren al dia; é otrosi desde Pasqua mayor fasta Pasqua

Троицы ѣдятъ мясо каждый день, и въ пятницу такъ же какъ всю недѣлю. Они говорятъ, что въ тотъ день, въ который Іисусъ Христосъ родился, въ тотъ день онъ былъ и крещенъ. Кромѣ того въ ихъ вѣрѣ есть и другія ошибки, однако они очень благочестивы и очень набожно слушаютъ обѣдню.

Греки тоже очень набожный народъ, только въ ихъ вѣрѣ есть много ошибокъ. Во первыхъ, они употребляютъ въ священнодѣйствіи кислый хлѣбъ и дѣлаютъ его такимъ образомъ: берутъ хлѣбъ величиною въ руку или больше, и по серединѣ его дѣлаютъ печать съ буквами, величиною въ дублонъ, и эту печать они освящаютъ. А священника, который служитъ обѣдню, не видитъ народъ, потому что передъ нимъ есть завѣса. Когда онъ совершитъ освященіе, онъ беретъ этотъ хлѣбъ, положивши его на голову на бѣлой ткани, и съ пѣніемъ выходитъ туда, гдѣ стоитъ народъ; всѣ падаютъ ницъ, плача, ударяя себя въ грудь, и говоря, что они недостойны видѣть его; потомъ священникъ возвращается въ алтарь и пріобщается тою печатью, что посреди хлѣба; а когда обѣдня кончается, онъ беретъ тотъ хлѣбъ, что остался, раздѣляетъ его какъ освященный и раздаетъ его

de Pentecoste comen carne todos los dias, asi el viernes como toda la semana: é dicen, que el [quel] dia que Jesu-Christo nasció, fué bautizado, é otros algunas menguas tienen en la fé, pero son muy devotos, é oyen la Misa muy devotamente.

E los Griegos otrosi son gente muy devota, salvo que ha en ellos muchos errores en fecho de la fé. Lo primero consagran con pan en que hay levadura, é facenlo desta figura: toman un pan que es tan gran|de como la mano é mas, y en medio le facen un sello con unas letras, que estan grande como una dobla, y aquel sello consagran; y el Clérigo que dice la Misa non lo ven las gentes, que tiene un paramento ante sí, é desque ha consagrado, toma aquel pan puesto en la cabeza con un paño blanco, é cantando sale á do está la gente, é todos se echan de cara en tierra llorando, é dandose en los pechos, diciendo, que non son dignos de lo ver: é de sí el Clérigo tornase al altar, é consume aquel sello que está en medio del pan; é desque la Misa «es» dicha, toma aquel pan que queda, é partelo como pan bendito, é dalo él mesmo con su mano á la gente: é

народу самъ своею рукою. Когда служатъ обѣдню, то не употребляютъ ни книги, ни звонковъ въ церкви (кромѣ св. Софіи въ Константинополѣ), а звонятъ къ обѣднѣ въ доски. Священники у нихъ женатые, и не женятся больше одного раза, и берутъ въ жены дѣвушку; если же жена умретъ, то они больше не женятся и остаются всю свою жизнь вдовцами, и проводятъ всю жизнь въ большой печали. Обѣдню служатъ только два дня въ недѣлю, въ субботу и въ среду; и когда они должны служить обѣдню, то всю эту недѣлю они остаются въ церкви и не выходятъ изъ нея и не приходятъ домой. Они соблюдаютъ шесть постовъ въ году, и въ эти посты не ѣдятъ рыбы, въ которой есть кровь, не пьютъ вина и не ѣдятъ масла, и въ это время священники не ходятъ къ себѣ домой. Эти посты вотъ какіе: первый отъ перваго августа до дня св. Маріи въ серединѣ августа, другой отъ св. Катерины до Рождества; еще постъ тотъ, что мы держимъ сорокъ дней; потомъ они соблюдаютъ постъ въ двадцать четыре дня въ честь двѣнадцати Апостоловъ, и постятся еще пятнадцать дней въ память одного святого, котораго называютъ св. Димитрій. И весь годъ не ѣдятъ мяса по середамъ и по пятницамъ, а по субботамъ

quando ofician la Misa, non tienen libro nin campanas en las Iglesias (salvo en Sancta Sofia de Constantinopla) que con unas tablas tañen á Misa: é los Clérigos son casados, é non casan mas de una vez, é con muger virgen: desque les finan, non casan mas, y están todavia viudos, e muy doloridos con duelo toda su vida: é non dicen Misa salvo dos dias en la semana, sabado é miercoles, é quando han de decir Misa, toda aquella se-
mana han de estár en la Iglesia, que non salen della nin vienen á sus 86.
casas, é ayunan seis quaresmas en el año. E en ellas non comen pescado en que haya sangre, nin beben vino, nin comen aceyte, é los Clérigos non van á sus casas en este tiempo; las quales quaresmas son estas: la primera es desde primero dia de Agosto, fasta el dia de Sancta Maria mediado de Agosto; é la otra es desde Sancta Catalina, fasta Navidad; é la otra es la quaresma que nosotros ayunamos de los quarenta dias; é ayunan otra de veinte é quatro dias por honor de los doce Apóstoles, é ayunan quince dias por | un Sancto que llaman Sant Dibitri: y en todo el año non comen carne los miercoles nin los viernes, é los sabados comen

ѣдятъ мясо. Середы они очень строго соблюдаютъ, такъ что скорѣе станутъ ѣсть мясо въ пятницу, чѣмъ въ среду; и дѣлаютъ такъ, что въ среду не ѣдятъ мяса весь годъ, а ѣдятъ его четыре пятницы въ году, которыя вотъ какія: въ пятницу первой недѣли передъ Рождествомъ, въ пятницу сыропустной недѣли, въ пятницу передъ Пасхой и въ пятницу передъ Троицей. Кромѣ того они ошибочно совершаютъ крещеніе и еще нѣкоторые обряды и говорятъ, что когда умираетъ человѣкъ, который поступалъ дурно на этомъ свѣтѣ и котораго считаютъ большимъ грѣшникомъ, то какъ только онъ умретъ, ему надѣваютъ монашескую одежду и перемѣняютъ ему имя, чтобъ дьяволъ не узналъ его. Они имѣютъ такія и другія подобныя мнѣнія; однако народъ благочестивый и набожный. Кромѣ того Греки вооружаются луками и шпагами и другимъ оружіемъ какъ Турки, и такъ же ѣздятъ верхомъ.

LXIII. Посланники оставались въ этомъ городѣ Трапезондѣ съ той пятницы когда пріѣхали, которая была одиннадцатаго апрѣля, до субботы двадцать шестого числа того же мѣсяца, запасаясь лошадьми и другими вещами, которыя имъ были нужны, чтобы продолжать путь по сушѣ. И въ воскресенье, двадцать

carne, é los miercoles guardan mucho, ca antes comian carne en viernes que non en miercoles, é a[n]si lo facen, que miercoles en todo el año non comen carne, é comenla quatro viernes del año, los quales son estos: el viernes de la primera semana de antes de Pasqua de Navidad, e el viernes de la semana de carnestolendas, é el viernes de antes de Pasqua mayor, y el viernes de antes de Pasqua de Pentecoste, y otrosi yerran en el baptismo, y en otras ciertas cosas: é dicen, que quando algun ome fina que usó mal en este mundo, y entienden que es muy pecador, que desque es finado vistenle[s] paños de orden, é mudanle el nombre porque el diablo non le [lo] conozca; é estas opiniones é otras tienen, pero son gente muy devota é de gran oracion: é otrosi los Griegos se arman de arcos y espadas, é armas como los Turcos, é cavalgan eso mesmo.

LXIII. E los dichos Embajadores estovieron en esta ciudad de Trapisonda desde el dicho dia viernes que llegaron, y fueron once dias de Abril, fasta sabado veinte é seis dias del dicho mes, guarneciendose de caballos, é de las cosas que les era menester, para andar su camino por tierra. E do-

седьмого числа апрѣля мѣсяца, посланники выѣхали оттуда и съ ними охранный отрядъ, который приказалъ имъ дать императоръ, чтобы проводить ихъ по его землѣ. Въ этотъ день они ночевали у одной рѣки, которая называется Пексикъ, въ одной пустой церкви, которая тамъ была. Дорога, по которой они ѣхали въ этотъ день, шла по высокимъ населеннымъ горамъ, на которыхъ было много обработанныхъ полей и съ которыхъ текло много воды.

На другой день, въ понедѣльникъ, они выѣхали оттуда, а охранный отрядъ, который имъ далъ императоръ, возвратился оттуда, и сказалъ, что не смѣетъ идти дальше, боясь враговъ императора; посланники же пошли своимъ путемъ. Во время вечерни они поровнялись съ однимъ императорскимъ замкомъ, который называется Пиломасука, стоявшимъ на очень высокой скалѣ; входъ на него былъ по лѣстницѣ, а внизу на скалѣ стояло нѣсколько домовъ; путь въ этотъ день шелъ по очень красивымъ горамъ, и дорога была очень удобна. Въ тотъ же день они пришли къ одному мѣсту, гдѣ отвалился кусокъ скалы и загородилъ дорогу и рѣку, такъ что посланники могли пройдти только съ

mingo, que fueron veinte é siete dias del dicho mes de Abril, los dichos Embajadores partieron de aqui, é con ellos una guarda que les mandó dar el Emperador, para que los guiase por su tierra: é este dia fueron dormir acerca de un rio que ha nombre Pexic, en una Iglesia yerma que ende estaba; é el camino que este dia lle|varon, fué por unas sierras altas pobladas, en que avia asaz labranzas de pan, é muchas aguas que decendian de aquellas sierras.

E otro dia lunes partieron de aqui, é la guarda que el Emperador 87.
les dió tornóse de alli, é dixo, que non osaba ir adelante por rescelo de enemigos del Emperador, é los dichos Embajadores fueran su via: é á hora de vísperas fueron en par de un castillo del Emperador, que ha nombre Pilomazuca, el qual estaba en una roca muy alta, é la entrada dél es por una escalera, é ayuso dél en la peña estaban unas pocas de casas, é el camino deste dia fué por unas montañas bien fermosas, é buen camino de andar; é este dia fallaron, que se avia caído un pedazo de una sierra, que cegó el camino é un rio, de manera que los dichos Embajadores non

большимъ трудомъ; по этому случаю они въ этотъ день прошли очень мало и ночевали въ полѣ.

LXIV. На другой день, во вторникъ, они шли по тяжелой дорогѣ чрезъ очень высокія горы съ множествомъ снѣга и воды, и на ночь остановились возлѣ одного замка, который называется Сигана и стоитъ на вершинѣ высокой скалы, и къ которому не было другого входа кромѣ деревяннаго моста, шедшаго съ одной скалы къ воротамъ замка; онъ принадлежалъ Греческому рыцарю, котораго звали Кирилео Арбозита. На другой день, въ пятницу, въ третьемъ часу они пришли къ одному замку, который стоялъ у самой дороги на высокой скалѣ, по имени Кадака. Этотъ замокъ и скала окружены съ одной стороны рѣкой, а съ другой цѣпью высокихъ горъ, голыхъ и безлѣсныхъ, такихъ, что нѣтъ человѣка, который бы осмѣлился пройдти черезъ нихъ; дорога шла между рѣкою и подошвою замка, и проходъ былъ очень узокъ, такъ что можно было идти только одному человѣку за другимъ и одной лошади за другой; по этому небольшое число людей, которые были въ замкѣ, могло бы защищать этотъ проходъ отъ большого количества народа; и по всей этой землѣ нѣтъ другого прохода

pudieron pasar salvo can gran trabajo, y este dia anduvieron bien poco por esta ocasion, é fueron dormir en el campo.

LXIV. E otro dia martes anduvieron un fuerte camino de montañas muy altas de muchas nieves é de aguas muchas, é en la noche fueron dormir en par de un castillo que ha nombre Sigana, el qual estaba encima de una alta peña, que non avia combate nin entrada salvo por una puente de madera que estaba de una peña á la puerta del castillo: el qual era de un Caballero Griego que llamaron Quirileo Arbosita. E otro dia miercoles á hora de tercia fueron en un castillo que era junto con el camino é una peña alta que ha nombre Cadaca, el qual castillo é peña cercaba de la una parte un rio, é de la otra parte estaba una sierra muy alta rasa sin montes, que non ha ome que por ella osase pasar, é asi que el camino era entre el rio y el pie del castillo, y el paso era muy [23] angosto, que non podia ir salvo un ome ante otro, ó un caballo ante otro; é poca gente que en el castillo estoviese, podria defender aquella pasada á mucha gente, é en toda aquella tierra non ha otro paso salvo este; é del dicho castillo salieron omes que deman-

кромѣ этого. Изъ этого замка вышли люди, которые потребовали у посланниковъ пошлины за тѣ вещи, которыя они везли. Этотъ замокъ принадлежитъ тому же Кабасикѣ, и въ немъ постоянно жили разбойники и другіе дурные люди, да и самъ владѣтель ихъ такой же. По этой дорогѣ рѣшаются идти только тогда, когда идутъ много купцовъ вмѣстѣ, и они даютъ большой подарокъ владѣтелю этой земли и его людямъ. Мили три за этимъ замкомъ стояла башня на вершинѣ высокой скалы въ узкомъ проходѣ. Около вечерни они приблизились къ замку, стоявшему на верху высокой скалы, по имени Дориле; замокъ былъ очень красивъ съ наружи и почти весь новый, а дорога шла внизу мимо его. Посланники знали, что въ этомъ замкѣ жилъ владѣтель этой земли, и они послали къ нему переводчика, чтобъ увѣдомить, кто они, хотя уже онъ хорошо зналъ, что они идутъ, потому что изъ его замковъ дали ему объ этомъ знать. Когда они подошли къ подножію замка, къ нимъ на встрѣчу выѣхалъ человѣкъ верхомъ и сказалъ, что его господинъ требуетъ, чтобъ они остановились. Они сошли на землю и велѣли сложить всѣ вещи, которыя везли, въ церковь, которая тамъ была. Этотъ

daron á los dichos Embajadores derecho de las cosas que llevaban; é este castillo es eso mesmo del dicho Cabasica [Cabasia], en el qual castillo acostumbraban [acostumbran] siempre estár ladrones é malos omes, é el Señor es otro tal; é este camino non se osa andar, salvo quando van muchos mercaderes en uno, que dan gran presente al Señor de aquella tierra, é á sus omes: é adelante deste castillo quanto tres leguas estaba una torre, é encima de
una peña alta que estaba en un paso angosto: é á hora de vísperas fueron 88.
acerca de un castillo que estaba encima de una alta peña que avia nombre Dorile, é el castillo paresció muy fermoso de fuera, é nuevo lo mas dél, y el camino iba al pie deste castillo; é los dichos Embajadores avian sabido, en como en aquel castillo estaba el Señor de aquella tierra, é enviaronle un truxaman, á le facer saber, quién eran, aunque ya bien sabia él en como iban, que de sus castillos se lo avian fecho saber; é desque fueron al pie del dicho castillo, salió un ome á ellos á caballo que les dixo, que el Señor les mandaba, que estoviesen alli quedos, é descendieron en tierra, é ficieron poner las cosas que llevaban en una Iglesia que ende estaba; el

человѣкъ сказалъ имъ, что обыкновенно тѣ, которые проходятъ мимо, платятъ пошлину его господину и дѣлаютъ ему какой нибудь подарокъ изъ того, что у нихъ есть, и что такъ же слѣдуетъ и имъ сдѣлать, потому что онъ живетъ въ этихъ горахъ и содержитъ людей, чтобъ сражаться съ Турками, и живетъ только тѣмъ, что ему даютъ проѣзжающіе, или тѣмъ, что отниметъ у непріятелей. Посланники хотѣли идти въ замокъ, чтобъ увидѣться съ господиномъ и дать ему подарокъ, какой онъ пожелаетъ, но люди его, которые тутъ были, не согласились на это, и сказали имъ, чтобъ они не безпокоились ходить къ нему, что на другое утро онъ самъ прійдетъ навѣстить ихъ.

На другой день, въ четвергъ перваго мая, утромъ, этотъ Кабасика спустился изъ своего замка и пришелъ туда, гдѣ находились посланники; съ нимъ было около тридцати всадниковъ съ луками и стрѣлами, а самъ онъ ѣхалъ на хорошей лошади и также съ лукомъ и стрѣлами. Потомъ онъ и всѣ его спутники сошли съ лошадей; онъ сѣлъ и пригласилъ посланниковъ сѣсть возлѣ себя, и сказалъ имъ, что онъ живетъ въ этой землѣ, какъ

qual ome les dixo, que era costumbre de los que por alli pasaban, de pagar cierto derecho al Señor, é de le facer alguna cortesia de lo suyo, é que a[n]si convenia á ellos de facer, ca él vivia [vevia] en aquellas montañas é que tenia alli gente con que facia guerra á los Tur|cos, é que non vivia [vevia] de ál salvo de lo que le daban los que por alli pasaban, ó de lo que iban á ganar de sus enemigos; é como quiera que los dichos Embajadores quisieron ir al castillo á ver el Señor, é facerle la cortesia que el quisiese, non se lo consentieron omes suyos que ay estaban, que les dixeron, que non curasen de ir à él, que otro dia en la mañana seria alli con ellos, é los vernia á visitar.

E otro dia jueves, que fué primero dia de Mayo, en la mañana el dicho Cabasica [Canasita] descendió de su castillo, é vino para do estaban los dichos Embajadores, é venian con él fasta treinta de caballo con sus arcos é frechas, y él venia en un buen caballo, é traia otrosi su arco é frechas, é de sí decendió él é todos los suyos, é asentóse, é fizo asentar á los dichos Embajadores cerca de si, é dixoles: que él estaba en aquella tierra tan fragosa, como ellos veian, y era paso que se debia guardar de

они сами видятъ, изрѣзанной горами и пропастями, что этотъ проходъ нужно оберегать отъ Турокъ, его сосѣдей, съ которыми онъ постоянно въ войнѣ, что ему съ тѣми, которые у него живутъ, нечего ѣсть кромѣ того, что имъ даютъ проѣзжающіе, или что они отнимутъ на землѣ своихъ сосѣдей; по этому онъ проситъ, чтобъ они оказали ему помощь и подарили ему что нибудь вещами и деньгами. Посланники отвѣчали, что они не купцы, а посланники, посланные ихъ государемъ, королемъ Испаніи, къ царю Тамурбеку, что у нихъ нѣтъ ничего кромѣ того, что они везутъ Тамурбеку; а посланникъ Тамурбека, который былъ съ ними, сказалъ, что онъ хорошо знаетъ, что эта земля принадлежитъ императору Трапезондскому, вассалу Тамурбека, что то, что они везутъ, принадлежитъ Тамурбеку, и что они должны быть въ безопасности на этой землѣ. Они отвѣчали, что это правда, но что ему нечѣмъ жить, какъ онъ уже сказалъ, и что даже, когда у него ничего нѣтъ, онъ отправляется грабить на землѣ своего государя, и что во всякомъ случаѣ имъ слѣдуетъ дать то, что онъ проситъ. Посланники, видя его волю, взяли кусокъ ескарлаты, который былъ у нихъ, и серебряную чашу, а

los Turcos, que eran sus vecinos, é que siempre vivia [vevia] en guerra con ellos: é que non tenia que comer él nin los que con él estaban, salvo lo que le daban los que por alli pasaban, é robaban de tierra de sus vecinos; por ende que le quisiesen facer alguna ayuda é cortesia de alguna ropa é de dineros: é los dichos Embajadores le dixeron que ellos non eran mercaderes, salvo Embajadores, que su Señor el Rey de España enviaba al 89.
Señor Tamurbec, é que ellos non tenian otra cosa salvo aquello que llevaban al dicho Tamurbec; é otrosi el Embajador del Tamurbec que ay estaba le dixo: que bien sabia, en como el Emperador de Trapisonda era Señor de aquella tierra, que era vasallo del Tamurbec, é que aquellas cosas que alli llevaban ellos que eran del Ta|murbec, é que debian ir seguros por aquella tierra; é ellos respondieron, que verdad era, mas que él non vivia [vevia] salvo de lo que les avia dicho, é aún que, quando todo les [le] fallescia, que á la tierra de su Señor iba robar que comiese; por ende que de todo en todo les convenia dar lo que les demandaba; é los dichos Embajadores, viendo su voluntad, tomaron un pedazo de escarlata

посланникъ Тамурбека далъ одежду изъ ескарлаты, сдѣланную во Флоренціи, и кусокъ тонкаго полотна. Онъ не удовольствовался всѣмъ этимъ и просилъ, чтобъ ему дали еще, и сколько они ни уговаривали его, добрыми и вѣжливыми словами, онъ не обращалъ ни на что вниманія, и все говорилъ, что они должны дать ему то, что онъ проситъ, что они напрасно теряютъ слова, такъ что имъ пришлось купить у одного проѣзжаго купца кусокъ камлота и дать ему. Тогда онъ остался доволенъ и то не очень, но все таки сказалъ, что готовъ проводить ихъ впередъ и довести ихъ въ безопасности до земли Арсингской, которая принадлежитъ уже Тамурбеку, и дать имъ лошадей, чтобъ ѣхать самимъ и повезти свои вещи. Посланники хотѣли сейчасъ же уѣхать оттуда, но не могли. Они наняли лошадей, чтобъ свезти свои вещи до Арсинги и людей, чтобъ свести ихъ и охранять; и на другой день, въ пятницу, утромъ, выѣхали оттуда. Съ ними было десять верховыхъ. Во время обѣдни они подъѣхали къ одному замку, стоявшему на верху высокой скалы, и принадлежавшему тоже Кабасикѣ; и на дорогѣ встрѣтили людей, которые потребовали съ нихъ пошлину

que llevaban, é una taza de plata; é el Embajador del Tamurbec dióle una ropa de escarlata forrada en Florencia, é una pieza de lienzo delgado: é non se contentó con todo ello, é demandóles que le diesen mas; é por quantas buenas palabras les dixeron de cortesia, non les valió, ca todavia dixo, que les convenia de le dar lo que les demandaba, ca de valde despedian palabras; por lo qual ovieron de comprar de un mercante que iba una pieza de camelote [chamelote], é dieronselo. E entonces [estonces] fué contento, «é non bien»; pero dixoles, que estaba presto de los guardar de alli adelante, é de alli adelante los facer poner en salvo en tierra de Arsinga, que era ya [ya era] del Señor Tamurbec, é les daria caballos en que fuesen é llevasen lo suyo: é los dichos Embajadores quisieron luego de alli partir, mas non pudieron, é alquilaron alli caballos para llevar lo suyo fasta tierra de Arsinga, é omes que les guardasen é llevasen: é otro dia viernes en la mañana partieron de aqui, é fuéron con ellos diez omes á caballo, é á hora de Mi[s]sa fueron al pie de un castillo que estaba encima de una alta peña, que era otrosi del dicho Cabasica, é fallaron omes en el camino que les tomaron derecho de lo que llevaban, é ovieronselo de dar; é á

за то, что они везли, и они должны были дать. Около полудня они пришли въ долину, въ которой, говорили, недалеко стоялъ замокъ, принадлежавшій Туркамъ изъ рода по имени Чапени, ведшаго войну съ этимъ Кабасикой; въ этой долинѣ стояла стража, которую они содержали; тутъ оставили подождать людей и велѣли имъ стоять тихо, а всадники осмотрѣли мѣстность, и потомъ прошли. Во время вечерни пріѣхали къ одному Арсингскому селенью, по имени Алангогаса, и какъ только люди Кабасики пріѣхали туда, они тотчасъ же развьючили вьюки, сѣли на лошадей и поѣхали назадъ. Дорога, по которой шли въ этотъ день, была очень гористая, перерѣзанная пропастями и высокими горами. Въ этомъ селеньи жилъ одинъ Турецкій вельможа, который занималъ эту мѣстность вмѣсто владѣтеля Арсинги. Онъ очень хорошо принялъ посланниковъ, далъ имъ хорошее помѣщеніе и угощеніе и все, что имъ было надо; въ этомъ же селеньи они узнали отъ этого вельможи, что Тамурбекъ уѣхалъ изъ Карабаки, гдѣ онъ проводилъ зиму, и отправился въ землю Султанію.

LXV. На другой день, въ субботу третьяго мая, они выѣхали оттуда и около третьяго часа пріѣхали въ одно селенье.

hora de medio dia fueron en un valle donde decian que estaba cer|ca de
alli un castillo de Turcos de un linage que llaman Chapenies, que avian
guerra con el dicho Cabasica, é que alli en aquel valle era la guarda que
ellos tenian, é ficieron esperar á la gente que estoviese queda, é los omes
de caballo atajaron primero la tierra, é de si pasaron: é á hora de vísperas
fueron en una aldea de Arsinga que ha nombre Alangogaza, é como los 90.
diez del dicho Cabasica [Cabasira] alli legaron, descargaron luego las
cargas, é cavalgaron é tornaronse luego: é el camino deste dia fué muy
fragoso de montañas é sierras muy altas, é en esta aldea estaba un Caballero Turco que tenia aquel lugar por el Señor de Arsinga: el qual rescibió muy bien á los dichos Embajadores, é les dió buenas posadas é viandas, é lo que ovieron menester; é que en esta aldea supieron [sopieron] deste Caballero, en como el Tamurbec era partido de Carabaqui onde hibernára [invernara], é se iba[n] para tierra de Soltania.

LXV. Otro dia sabado, que fueron tres dias del mes de Mayo, partieron de aqui, é á hora de tercia fueron en una aldea, é rescibieronlos ende

Ихъ тамъ очень хорошо приняли и дали имъ много угощенія и лошадей, чтобы ѣхать и везти вещи. Ночью они остановились въ другомъ селеньи, гдѣ имъ дали много пищи, и лошадей, и всего, что имъ было нужно. Въ этой землѣ такой обычай: въ каждомъ селеньи, куда они пріѣзжали, должны ли они были остаться въ немъ или нѣтъ, сейчасъ изъ каждаго дома выносили ковры, на которыхъ они садились, и тотчасъ же предъ ними разстилали вмѣсто скатерти кожу, круглую золоченую, которую они зовутъ кофра, и на которой кладется хлѣбъ. А хлѣбъ въ этихъ селеньяхъ очень дурной и дѣлается такъ: замѣсятъ немного муки и сдѣлаютъ очень тонкія лепешки; поставятъ сковороду на огонь, когда же она разогрѣется, бросаютъ на нее эту лепешку, и какъ только она станетъ горячею, сейчасъ ее вынимаютъ; это и есть тотъ хлѣбъ, что приносили на этихъ кожахъ. Потомъ приносили много мяса и кринки съ молокомъ и съ кислыми сливками, и яйца, и медъ; это было самое лучшее кушанье, которымъ ихъ сейчасъ же угощали, и его приносили изъ каждаго дома. А если они должны были остановиться тамъ, то имъ давали много мяса и всего, что имъ было нужно. Когда они подъѣзжали къ какому нибудь мѣсту, ихъ

bien, é dieron asaz vianda é caballos en que fuesen é llevasen lo suyo; é en la noche fueron dormir a otra aldea, donde les dieron mucha vianda é caballos, é lo que ovieron menester; é la costumbre desta tierra es esta: á cada aldea do llegaban, agora oviese de estar alli, ó non, luego de cada casa sacaban tapetes en que se asentaban, é luego en ese punto les ponian delante un cuero por manteles, que era como de guadamacir redondo, que llaman cofra, é alli tienen el pan: el qual pan de esas aldeas era muy malo, é fecho desta guisa: amasaban un poco de harina, é facian unas tortas muy delgadas, é ponian una sarten[es] so[24]bre el fuego, é desque era caliente, echaban aquella torta dentro, é quanto era caliente sacabanla luego, é este era el pan que traian en aquellos cueros; é de sí traian mucha carne, é escodillas de leche, é de natas azedas, é huevos [guevos] é miel, é esto era el mejor manjar con que luego de presente los servian, y esto traian de cada casa, é si alli avian de estár, dabanles mucha carne, é quanto les era menester: é como llegaban á qualquier lugar, venia

встрѣчалъ старшина, и посланникъ Тамурбека приказывалъ принести пищу и привести лошадей и людей для прислуживанья, а если они это не скоро исполняли, то ихъ били палками и кнутами, столько что на удивленье. Жители этихъ селеній были уже такъ запуганы, что какъ только увидятъ Чакатая, сейчасъ бѣгутъ; а Чакатаи значитъ люди изъ войска Тамурбека, изъ одного племени, которое есть между ними. Въ тотъ же день они уѣхали изъ этого мѣста. Въ этихъ селеньяхъ жило также нѣсколько Армянскихъ Христіанъ.

LXVI. Въ слѣдующее воскресенье, четвертаго числа того же мѣсяца мая, во время вечерни пріѣхали въ городъ Арсингу. Дорога, по которой шли въ этотъ день, была перерѣзана горами и высокими скалами; вблизи города видѣли много снѣгу на дорогѣ. Изъ города вышло много народу принять и встрѣтить посланниковъ, и они отправились въ свое помѣщеніе, которое имъ было приготовлено. И въ ту же ночь князь этого города прислалъ имъ много печенаго и соленаго мяса, много плодовъ, хлѣба и вина.

На другой день, въ понедѣльникъ, князь этого города

ante ellos el mayoral, y el Embajador del Tamurbec mandaba traer viandas é caballos é omes que [les] sirviesen, [serviesen] é si tan aina non lo facian, dabanles de palos é de azotes, tantos que era maravilla; é asi estaban escarmentados las gentes destas aldeas, que viendo un Checatay, luego fuian [foian]; é el Checatay dicese por los omes de la hueste [gueste] del Tamurbec, de un linage que ha entre ellos, é partieron este dia desta aldea; en estas aldeas moraban algunos Christianos Armenios. 91.

LXVI. Domingo siguiente, que fueron quatro dias del dicho mes de Mayo, llegaron á la ciudad de Arsinga á hora de vísperas, y este dia el camino que [que el camino] troxeron fué fragoso de montañas é sierras altas, é acerca de la ciudad fallaron mucha nieve en el camino, é de la ciudad salió asaz gente á rescebir é á ver los dichos Embajadores, é fueronse para sus posadas, que las tenian aparejadas: é esa noche les fizo el Señor de aquella ciudad enviar mucha vianda cocida é adobada é mucha fru[c]ta é pan é vino.

E otro dia lunes el Señor de aquella ciudad les fizo dar cierta

приказалъ назначить имъ нѣкоторое количество денегъ на каждый день для ихъ расходовъ пока они будутъ жить тамъ, столько, чтобъ имъ было довольно на разные предметы. Въ полдень онъ послалъ за ними, желая ихъ видѣть; послалъ лошадей, чтобъ ихъ привезти и людей, чтобъ ихъ охранять. Ихъ привезли на лугъ внѣ города и они застали тамъ князя, сидящаго на небольшомъ возвышеніи, подъ шелковымъ навѣсомъ, натянутымъ веревками на двухъ столбахъ; съ нимъ было много народу. Когда посланники пріѣхали, то нѣсколько вельможъ съ народомъ поѣхали и встрѣтили ихъ, а когда приблизились къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ князь, онъ всталъ, подалъ имъ руки, посадилъ ихъ возлѣ себя и принялъ ихъ хорошо. На немъ было надѣто платье изъ голубого сутими, съ золотымъ шитьемъ; на головѣ у него была высокая шапка, и на ней украшенія изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ камней, а на верху шапки золотая верхушка, и съ верхушки спускались двѣ косы изъ красныхъ волосъ, сплетенныя въ три пряди, которыя доходили до плечь, и спускались на плечи; эти такъ сплетенные волосы есть девизъ Тамурбека. Князю было на видъ лѣтъ сорокъ, и онъ былъ человѣкъ красивый; темнорусый, а

quantia de dineros de cada dia, de que se mantuviesen mientra alli estoviesen, que les abastaba para cosas diversas, é á hora de medio dia el Señor envió | por ellos, que los queria ver, é envióles caballos en que fuesen, é omes que les guardasen, é llevaronlos á un prado fuera de la ciudad, é fallaron que estaba el Señor asentado en un estrado llano, so una sombra de un paño de seda con dos mastiles, é con cuerdas que lo tiraban, é con él estaba mucha gente: é como los dichos Embajadores fueron llegados, vinieron unos Caballeros con pieza de gente é rescibieronlos, é desque llegaron á do estaba el Señor, él se levantó á ellos é les dió las manos, é fizoles asentar acerca de sí, é rescibiólos buenamente: é el Señor tenia vestidos unos paños de sutimi azul con unas brosladuras de oro, é en la cabeza tenia un sombrero alto, é en él cosas de alxofar é piedras, é encima del sombrero tenia un castillejo de oro en el bubalax, é del castillejo descendian dos trenzas de cabellos bermejos fechos en trisne, que descendian fasta las espaldas, que llegaban fasta los ombros, é estos cabellos asi fechos es la devisa del Tamurbec: é el Señor podia ser

борода черная. Послѣ вопросовъ посланникамъ о королѣ нашемъ государѣ, первая почесть, которую онъ имъ оказалъ (была вотъ какая): онъ взялъ серебряную чашу съ виномъ и своей рукой подалъ пить посланникамъ и потомъ всѣмъ своимъ людямъ. Тотъ, кому онъ давалъ пить, долженъ былъ становиться на колѣна передъ нимъ и брать чашу обѣими руками; если кто бралъ ее одной рукой, то это считалось невѣжливымъ, потому что говорятъ, что отъ равнаго себѣ можно брать чашу одной рукой, а не отъ государя; и взявши чашу изъ рукъ князя, вставали и отодвигались немного назадъ, но не поворачивались задомъ къ нему; выпивши должны были поднять правое колѣно, и три раза ударить имъ въ землю; а выпить должно было все вино изъ чаши. Когда онъ кончилъ угощать ихъ виномъ, привели вьючныхъ животныхъ, на которыхъ были навьючены деревянные ящики, а въ нихъ ѣхали мѣдныя кастрюли и варились на огнѣ; потомъ сняли ихъ и принесли много круглыхъ блюдъ изъ луженаго желѣза съ высокой ножкой, на которой они стояли; принесли также около сотни желѣзныхъ чашекъ; всѣ онѣ были круглыя и глубокія, такъ что казались точно военные

de edad de fasta quarenta años, é era ome bien fecho é bazo, é la barba negra: é desque ovo demandado á los dichos Embajadores por el estado del Rey nuestro señor, la primera honra que les fizo tomó una taza de plata con vino, é dió con su mano á beber á los dichos Embajadores, é despues á todos los sus omes, é al que él daba á beber aviase de levantar é fincar los finojos ante él, é tomar la taza con dos manos, si con una [mano] la tomase, avialo por desprecio, ca dice, que de su igual debe
el ome tomar la taza con una mano, é non del Señor; é desque la taza 92.
avian tomado de mano del Señor, levantabanse, é desviabanse un poco atrás, é non volvian las espal|das al Señor é desque avian bebido, avian de alzar el finojo derecho, é dar con él en tierra tres veces, é avian de beber todo el vino de la taza: é desque les ovo dado á beber con su mano, troxieron unas acémilas en que venian unas cofinas de madera encima dellas, en que venia cociendo al fuego asaz ollas de cobre, é de sí tiraronlas de encima de las acémilas, é troxieron muchos tajadores de fierro estañado redondos, con un pie alto sobre que estaban: otrosi troxieron [troxeron] fasta cien escodillas de fierro, estaban todas redondas é fondas

шлемы; потомъ положили на эти блюда мясо, а въ чашки соленую баранину и колбасы, рисъ и другія кушанья, изъ которыхъ каждое было своего цвѣта; сверхъ каждой чашки и блюда положили тонкую хлѣбную лепешку. Передъ княземъ и передъ посланниками положили на землю шелковую ткань вмѣсто скатерти, потомъ поставили передъ ними на землѣ эти чашки и блюда съ мясомъ, и всѣ, которые были тутъ, начали ѣсть. У каждаго былъ свой ножикъ, чтобъ рѣзать и своя деревянная ложка, чтобы ѣсть, а передъ княземъ рѣзалъ одинъ человѣкъ. Князь пригласилъ двухъ вельможъ кушать вмѣстѣ съ собою, и когда нужно было кушать рисъ и другія похлебки, которыя у нихъ были, то они всѣ трое ѣли изъ одной чашки и одной ложкой, такъ что когда одинъ ее оставлялъ, бралъ другой, и такъ они ѣли. Во время этого пира пріѣхалъ молоденькій Турокъ лѣтъ семи, и съ нимъ человѣкъ десять верховыхъ; князь взялъ его и посадилъ возлѣ себя. Этотъ мальчикъ былъ племянникъ Еспандіара, владѣтеля Синополя, о которомъ вы уже слышали, что онъ былъ важный владѣтель въ Турціи. Онъ пріѣхалъ отъ Тамурбека, и говорили, что Тамурбекъ

que querian parescer bacinetas ginetes, é de sí pusieron cosas de carne en aquellos tajadores, é en las escodillas carnero adobado é albondigas, é arroz é otros manjares, que era cada uno de su color, é sobre cada escodilla é cada tajador pusieron una torta de pan delgada: é ante el Señor é ante los dichos Embajadores pusieron un paño de seda por el suelo como manteles, é de sí pusieronles delante de aquellos tajadores, y escodillas [escodiellas] de carne en el suelo, é comenzaron á comer, todos quantos ay estaban, é cada uno tenia su cañibete para cortar, é su cuchara de madero para comer; pero que ante el Señor cortaba un ome, y el Señor fizo llegar ante sí dos Caballeros que comiesen con él, é quando ovieron de comer el arroz é otros potages que alli tenian, comian todos tres en un escodilla é con una cuchara, é asi como la el uno dejaba, tomabala el otro, é asi comieron: é estando en este comer, llego un mozo Turco de fasta siete años, é venian con él fasta diez de caballo, é el Señor tomólo é asentólo acerca de si. E este mozo era sobrino de Espandiar el Señor de Sinopoli, de quien [que] avedes oido que era grande Señor | en la Turquia: el qual venia del Tamurbec, é decian, que el señor Tamurbec

велѣлъ передать Еспандіару, чтобъ онъ отдалъ половину своей земли этому мальчику, потому что онъ былъ сынъ его сестры. Пріѣхали также два вельможи отъ Тамурбека, которые были родомъ изъ этого города Арсинги, и говорили, что Тамурбекъ продержалъ ихъ нѣсколько времени въ плѣну, а теперь отпустилъ; а причина, по которой онъ ихъ взялъ, вотъ какая. Заратанъ, одинъ знатный вельможа, владѣлъ этимъ городомъ Арсингой и землей, принадлежавшей къ нему, а это большое владѣніе; когда онъ умеръ, у него не осталось дѣтей отъ его жены, которая была дочерью императора Трапезондскаго. Передъ смертью онъ сказалъ, что тотъ, который владѣетъ теперь Арсингой, сынъ его; когда же онъ умеръ, то его не захотѣли признать государемъ, и со всей страной возсталъ одинъ вельможа, сынъ сестры Заратана, по имени Шевали, говоря, что такъ какъ Заратанъ умеръ бездѣтнымъ, то онъ, какъ его племянникъ, долженъ наслѣдовать ему. Тѣ два вельможи, что теперь пріѣхали на пиръ, помогали ему. И говорятъ, что когда Тамурбекъ побѣдилъ Турка, то онъ пришелъ въ этотъ городъ и взялъ въ плѣнъ этого Шевали и этихъ двухъ вельможъ, и поставилъ государемъ того, который теперь царству-

enviaba mandar al dicho Espandiar, que la mitad de su tierra que la diese á aquel mozo, pues que era fijo de su hermana: é otrosi llegaron alli entonces dos Caballeros que venian del Tamurbec, los quales eran naturales de aquella ciudad de Arsinga, é decian que el Tamurbec los avia tenido presos un tiempo, é que agora los soltára, é la razon porque
los prendió es esta: Zaratan, un gran Caballero, fué Señor desta ciudad 93.
de Arsinga, é de su tierra, que es un gran señorio; é al tiempo que murio, non dexó fijos de una muger que tenia: la qual era fija del Emperador de Trapisonda, é un tiempo antes que muriese dixo, que era su fijo este que agora es Señor de Arsinga, é desque murio, non lo quisieron rescebir por Señor: é alzóse con la tierra un Caballero fijo de una hermana de Zaratan, que avia nombre Xevali, diciendo, que pues Zaratan muriera sin fijo, que él debia heredar por ser su sobrino, é á esto que le ayudaron aquellos dos Caballeros que entonces alli llegaron. E diz que, quando el Tamurbec venció al Turco, que viniera á esta ciudad, é que prendiera al dicho Xevali é á estos dichos dos Caballeros, é que fizo

етъ, котораго Заратанъ указалъ какъ своего сына. Теперь онъ отпустилъ этихъ двухъ вельможъ, Шевали же приказалъ отвезти въ городъ Самаркандъ. А причиной, по которой Тамурбекъ и Турокъ разсорились другъ съ другомъ и начали воевать, былъ Заратанъ, владѣтель этой земли, какъ вамъ это послѣ будетъ разсказано; это была прекрасная причина. Когда кончили пировать, посланники воротились въ свое помѣщеніе, а князь остался тамъ со своими вельможами. Когда наступила ночь, онъ прислалъ посланникамъ много разныхъ вещей и кастрюли съ вареныиъ мясомъ и при нихъ своихъ поваровъ, чтобъ его приготовить и слугъ, чтобъ его подать. Въ слѣдующій вторникъ онъ имъ не далъ пира; но далъ имъ денегъ на расходы, сколько имъ было нужно.

LXVII. На другой день, въ среду, послѣ обѣда онъ послалъ за посланниками; они пріѣхали къ нему и застали его въ его домѣ: онъ сидѣлъ въ галереѣ передъ фонтаномъ, и съ нимъ много вельможъ и народа, и шуты, которые играли передъ нимъ. По тому какъ все было въ домѣ заведено, видно было, что это домъ княжескій. Когда посланники вошли, онъ поклонился имъ и посадилъ ихъ

Señor á este que agora lo es, el que dixo Zaratan que era su fijo: é que agora que avia soltado á estos dos Caballeros, que al dicho Xevali que lo fizo llevar preso á la ciudad de Samarcante. Y la razon porque el Tamurbec é el Turco se ovieron de desvenir el uno del otro, é ovieron de pelear, fué por causa é ocasion deste dicho Zaratan, Señor desta tierra, segun que adelante vos sera contado, que fué una fermosa razon: é desque ovieron comido los dichos Embajadores, se torna[25]ron para sus posadas, é el Señor quedó alli con sus Caballeros; é desque fué noche, el Señor fizo enviar á los dichos Embajadores muchas cosas, é calderas de carne cocida, é con ella[s] sus cocineros que las escodillasen, é servidores que sirviesen aquella vianda. E martes siguiente non les fizo fiesta ninguna; pero dióles dineros para su despensa quantos oviesen menester.

LXVII. E otro dia miercoles siguiente, despues de comer envió por los dichos Embajadores, é fueron á él é fallaronlo en su posada, y estaba en un portal ante una fuente, y con él muchos Caballeros é gente, é tambien juglares, que estaban ante él tañendo, é bien parescia casa de Señor segun el meneo della: é como los dichos Embajadores entraron,

возлѣ себя. Сейчасъ же принесли много кусковъ сахару, и онъ сказалъ, что желаетъ быть въ этотъ день товарищемъ по питью тому рыцарю, который не пьетъ вина (это былъ Рюи Гонзалесъ). Имъ принесли большую хрустальную чашу наполненную сахарной водой; онъ выпилъ, потомъ своей рукой подалъ Рюи Гонзалесу; а всѣмъ другимъ подали вина. Послѣ этого принесли много мяса, рису и разныхъ другихъ кушаній, и они стали кушать какъ въ первый день; а когда мясо съѣли, то подали чашки съ медомъ и персики, моченые въ уксусѣ, и виноградъ, и капорцы тоже въ уксусѣ; а ѣдятъ они очень неопрятно. И во все это время не переставало литься вино. Когда въ этомъ прошло нѣсколько времени, принесли чашу, въ которой могло бы помѣститься четверти три. Князь взялъ эту чашу и своей рукой сталъ подавать нѣкоторымъ изъ своихъ вельможъ, и они выпивали все вино, потому что по ихъ обычаю недопить было бы очень неприлично. Когда князю надоѣло подавать вино, то его вельможи взяли эту большую чашу и стали подавать другъ другу, до того что большая часть изъ нихъ напились очень пьяны. А князь не пилъ въ этотъ день вина, чтобъ быть

enclinose á ellos, é fizoles asentar acerca de sí, é troxieron luego muchos pedazos de azucar, é dixo, que él y el Caballero que non bebia vino, (que era Ruy Gonzalez) queria que aquel dia fuesen compañeros en el beber, é troxieronle una gran jarra de vidrio llena de agua con azucar, é bebió él, é despues dió á beber al dicho Ruy Gonzalez él con su mano, é 94.
á los otros todos dieron del vino: é despues desto troxieron mucha carne é muchos arroces é potages de muchas maneras, é comieron segun el dia de antes, é desque la carne fué comida, troxieron escodillas de miel é duraznos cortidos en vinagre é ubas é alcaparras otrosi cortidas, é comian muy feo. E en todo esto el vino non cesaba, é desque duró un rato esto, troxieron una taza que cabia quanto tres quartillos, é tomaba el Señor aquella taza, é daba él con su propria mano á beber á ciertos Caballeros suyos, é bebianse todo el vino, ca non avia de dexar na|da, que seria gran fealdad para su costumbre; é desque el Señor fué enojado de dar á beber, tomaban aquellos sus Caballeros aquella taza grande, é dabanse unos á otros á beber, fasta que los mas dellos fueron bien beodos. E este dia non bebió vino el Señor, por tener compañia al dicho

товарищемъ Рюи Гонзалесу. Имя этого князя было Питалибетъ. Когда наступила ночь, посланники возвратились къ себѣ домой.

LXVIII. Этотъ городъ Арсинга построенъ на равнинѣ возлѣ рѣки, которая называется Евфратъ. Это одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя вытекаютъ изъ рая. Равнина, на которой стоитъ этотъ городъ, окружена со всѣхъ сторонъ очень высокими горами; на верху большей части этихъ горъ много снѣгу, а въ низу по скату совсѣмъ нѣтъ; тамъ было много селеній, садовъ и виноградниковъ, и самая равнина была покрыта полями и виноградниками, и огородами, и садами, очень красивыми. А городъ былъ небольшой, и стѣны у него были каменныя съ башнями. Этотъ городъ построили Армяне: на стѣнахъ въ разныхъ мѣстахъ былъ сдѣланъ изъ камня знакъ креста. Дома въ городѣ были всѣ съ террасами и по этимъ террасамъ люди ходятъ какъ по улицамъ. Городъ очень населенъ; въ нёмъ много красивыхъ улицъ и переулковъ, обстроенныхъ лавками; онъ очень богатъ и ведетъ обширную торговлю. Въ немъ много прекрасныхъ мечетей и много источниковъ, и живетъ въ немъ много Христіанъ, Армянъ и Грековъ.

Ruy Gonzalez, y este Señor avia nombre Pitalibet: é desque fué noche, los dichos Embajadores se tornaron á sus posadas.

LXVIII. E esta dicha ciudad de Arsinga esta fecha en un llano acerca de un rio que es llamado Eufrates, y es uno de los rios que salen del Parayso: é este llano en que está la ciudad es todo cercado de en derredor de unas sierras muy altas, y encima de lo mas alto destas sierras avia mucha nieve, é ayuso en las faldas non avia ninguna; é avia muchas aldeas, é viñas é huertas, y el llano eso mesmo era todo labrado de panes é viñas, é muchas huertas é vergeles bien fermosos; é la ciudad non era muy grande, é la cerca della era de piedra con sus torres: esta ciudad edificaron Armenios: en el muro avia en muchos [muchas] lugares fecha de piedra la señal de la cruz, é las casas de dentro eran todas con terrados, é asi [ansi] anda la gente por los terrados como por las calles, é era muy poblada é dentro della avia muchas ruas é calles bien fermosas é de muchos oficiales, y es ciudad muy rica y de muchas mercadurias: é avia muchas fermosas mezquitas é muchas fuentes, y en ella avia muchos Christianos, Armenios é Griegos.

LXIX. Разсказываютъ, что когда Тамурбекъ напалъ на городъ Сабастрію, Турецкій городъ, и разрушилъ его, то Турокъ напалъ на этотъ городъ Арсингу и вошелъ въ него; а когда Тамурбекъ побѣдилъ Турка, онъ воротился въ этотъ городъ и опять взялъ его себѣ, какъ было прежде. Говорятъ, что когда онъ былъ тамъ, жители Мавры поссорились съ Христіанами, приходившими туда, говоря, что князь ихъ Заратанъ даетъ Христіанамъ больше почету чѣмъ имъ, что имъ лучше, и что у нихъ церкви лучше чѣмъ ихъ мечети; тогда, говорятъ, Тамурбекъ долженъ былъ послать за Заратаномъ, и разсказать ему, что говорили Мавры. Заратанъ отвѣчалъ, что онъ позволяетъ Христіанамъ быть въ его землѣ для того, чтобъ пользоваться ими въ случаѣ нужды. Тогда Тамурбекъ послалъ за Греческимъ священникомъ, тѣмъ который былъ у нихъ самый главный; и когда онъ явился къ нему, то онъ по сильной ненависти, которую питалъ къ жителямъ Константинополя и Генуэзцамъ города Перы, приказалъ ему отречься отъ своей вѣры; когда же тотъ не захотѣлъ этого сдѣлать, то онъ велѣлъ убить всѣхъ Христіанъ въ городѣ. Заратанъ сталъ просить имъ помилованья у Тамурбека, и Тамурбекъ освободилъ ихъ

LXIX. E decian, que quando el Tamurbec viniera sobre la ciudad de Sabastria, una ciudad del Turco, é la destruyó, que el Turco que vino sobre esta dicha ciudad de Arsinga, é que | la entraron: é desque el Tamurbec venció al Turco, que tornó á esta ciudad, é que la tomó para sí, como la tenia de 95.
primero: é diz que estando aqui, que los Moros de la ciudad que se le querellaron de los Christianos que alli venian, diciendo, que Zaratan su Señor que les quitaba mas honra que non á ellos, é que eran mas rescebidos, é que avian Iglesias que eran mejores que las sus mesquitas: por lo qual diz, que el dicho Tamurbec ovo de enviar por el dicho Zaratan, é contóle lo que los Moros decian; é Zaratan respondia, que él tenia á los Christianos en su tierra porque se aprovechaba dellos en sus menesteres. E el Tamurbec envió por un Clérigo Griego que alli estaba que era mayor de los otros: desque fué delante dél, por la grande saña que tenia de los de Constantinopla, é de los Genoveses de la ciudad de Pera, dixole, que se renegase, é porque non lo quiso facer, mandaba matar todos los Christianos de la ciudad: é el dicho Zaratan demandó merced por ellos

за девять тысячь есперъ, а каждая еспера равняется половинѣ серебрянаго реала; эти есперы ссудилъ имъ князь ихъ Заратанъ. А Тамурбекъ приказалъ разрушить всѣ Христіанскія церкви, взялъ себѣ одинъ замокъ, принадлежавшій этому городу, который называется Камагъ и далъ его одному своему Чакатаю, чтобъ онъ владѣлъ вмѣсто него. Сдѣлалъ онъ это потому, что этотъ замокъ очень укрѣпленный и въ такомъ мѣстѣ, которое приноситъ много доходу; онъ охраняетъ всю эту землю и черезъ него проходитъ много товаровъ въ разныя мѣста, какъ въ Сирію такъ и въ Турцію.

LXX. А причина, по которой Турокъ и Тамурбекъ узнали другъ друга и по которой Тамурбекъ сталъ воевать съ Баязетомъ, вотъ какая: У Заратана, владѣтеля этого города Арсинги, земля была смежная съ владѣніями Турка. Турку очень хотѣлось завладѣть землею Заратана, а особенно этимъ замкомъ Камагомъ, и онъ послалъ ему сказать, что онъ требуетъ съ него дани и сдачи этого замка Камага. Заратанъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ признать его власть и платить ему дань, но что не отдастъ ему замка. Турокъ велѣлъ сказать, что онъ долженъ сдать его, а если не

al Tamurbec, é rendióles por nueve mil esperas, lo qual es cada espera quanto medio real de plata: las quales esperas les prestó Zaratan su Señor; é el Tamurbec mando derrocar todas las Iglesias de los Christianos, é el Tamurbec tomó un castillo desta ciudad, que ha nombre Camag, é diólo á un su Charatay que lo toviese por él; é esto fizo él, por quanto el dicho castillo es muy fuerte, y en lugar que rinde mucho, y es guarda de toda esta tierra, é por él pasan muchas mercadurias á muchas partes, asi como en la Suria, y á la Turquia.

LXX. Las razones porque el Turco y el Tamurbec ovieron de saber el uno del otro é porque el Tamurbec | ovo de venir en la Turquia á pelear con el Turco Baysit, es esto: [e] este Caballero Zaratan, Señor desta ciudad de Arsinga, comarcana está su tierra con el señorio del Turco: aviendo el Turco cobdicia [codicia] desta tierra deste Zaratan, señaladamente deste dicho castillo de Camag, envió decir, que se le atrebutase, é entregase el dicho castillo de Camag: y el dicho Zaratan dixo, que le placia de le conoscer señorio, é de facer trebuto; mas que le non entregaria [entragaria] el dicho castillo: é

сдастъ, то изъ-за него потеряетъ всю свою землю. Тогда Заратанъ, слыхавши о Тамурбекѣ и объ его огромномъ могуществѣ, и зная, что онъ въ то время находился въ Персіи, гдѣ велъ войну, и уже побѣдилъ Персидскаго султана, отправилъ къ нему посла съ письмомъ и подарками, прося, чтобъ онъ защитилъ его отъ Турка, и говоря, что самъ онъ и его земля въ его власти, и что онъ можетъ поступать съ нимъ, какъ со своимъ плѣнникомъ. Тогда Тамурбекъ послалъ къ Турку посла съ письмомъ, въ которомъ объявлялъ ему, что этотъ Заратанъ его подданный, и чтобъ изъ уваженія къ нему Турокъ не дѣлалъ ему никакой обиды, потому что тогда онъ готовъ отплатить ему тѣмъ же. Турокъ, никогда до тѣхъ поръ не слыхавши о Тамурбекѣ и думая, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка сильнѣе чѣмъ онъ самъ, удивительно какъ разгнѣвался и сейчасъ же послалъ Тамурбеку письмо, въ которомъ было сказано, что онъ удивляется, какъ это Тамурбекъ до такой степени безуменъ, что осмѣлился написать ему такую безсмыслицу, чтобъ онъ не дѣлалъ того, что ему вздумается противъ Заратана или противъ кого бы то ни было въ цѣломъ мірѣ; чтобъ не оставить этого безумія безъ наказанія,

el Turco envió le decir, que le convenia de se lo dar, si non que por él avia de perder toda la tierra: é el dicho Zaratan, aviendo oido del Tamurbec, é del su grande poder, é de como estaba entonces [entonce] en la Persia, faciendo guerra, é que avia vencido al Soldan de la Persia, envióle sus Embajadores y su presente é letras, y envió demandar, que lo 96.
quisiese defender del Turco, é [que] aquella su tierra, y él que era á su mandado, é que ficiese dél como de un su captivo: por lo qual el Tamurbec ovo de enviar un su Embajador al Turco, é envióle sus letras, en que lo envió á rogar, que aquel Caballero Zaratan era suyo, é que por su honra le non quisiese facer deshonor ninguno, é que él estaba presto de facer otro tanto por él. E el Turco nunca aviendo oido del Tamurbec, salvo en aquella hora, é teniendo, que non avia ome en el mundo mayor que el, ovo tan grande saña que fué maravilla, é envió luego sus cartas para el dicho Tamurbec, en que le envió decir: que era maravillado de ser ome tan loco, é atreverse á le enviar decir tan gran locura, que él non ficiese lo que él quisiese contra Zaratan, [contratar aca] é contra todos

онъ обѣщаетъ и клянется, что пойдетъ и отыщетъ его, гдѣ бы онъ ни былъ, что Тамурбекъ отъ него не уйдетъ, а будетъ плѣненъ, и на зло ему, онъ клянется взять себѣ его главную жену. Тамурбекъ, будучи въ такомъ большомъ возбужденіи, пожелалъ показать при этомъ случаѣ всю свою силу и пошелъ съ войскомъ оттуда, гдѣ онъ былъ въ Персіи, изъ прекрасныхъ полей, которыя называются Катарабаке, и гдѣ онъ зимовалъ въ тотъ годъ, и пошелъ прямо въ этотъ вышеупомянутый городъ Арсингу, а оттуда сейчасъ же отправился и вступилъ въ Турецкія владѣнія, подошелъ къ одному городу, который называется Сабастрія, окружилъ его и началъ тѣснить его очень сильно. Жители Сабастріи послали къ Турку своему государю просить помощи; когда онъ узналъ, что Тамурбекъ находится уже въ его землѣ и осадилъ городъ Сабастрію, онъ сильно разгнѣвался на него, послалъ собрать войско, и съ первымъ отрядомъ, какой былъ собранъ въ двѣсти тысячъ конныхъ, послалъ своего старшаго сына, по имени Мусульмана Челеби на помощь городу, а самъ хотѣлъ идти въ слѣдъ за нимъ съ другимъ большимъ отрядомъ. Но Турки не могли держаться, и

los omes de todo el universo mundo. Mas porque non [26] quedase sin pena de la su locura, que él juraba é prometia de lo ir buscar do quiera que estoviese, é que le non podria escapar que le non tomase preso, é que ante él á su despecho, le juraba de se echar con la su muger mayor. E el dicho Tamurbec siendo de tan grande esfuerzo, quiso mostrar en esto su gran poderio, é partió con su hueste de alli do estaba, que era en la Persia, en unos fermosos campos que llaman Catarabaque, donde avia hibernado [inbernado] aquel año: é vinose derechamente á esta sobredicha ciudad de Arsinga, é de alli partió luego, é entró por tierra del Turco, é fué á una ciudad que llaman Sabastria, é cercóla, é combatióla muy de recio; é los de la ciudad de Sabastria enviaron por acorro al Turco su Señor, é quando él supo que el Tamurbec era en su tierra, é le tenia muy cercada la ciudad de Sabastria, ovo muy grande saña contra él, e mandó ayuntar gente, é luego con la primera que le vino envió á un su fijo el mayor que él avia, el qual avia nombre Musalman Chalabi, con docientos mil omes a caballo para acorrer la ciudad, que luego seria con otra mas gente en pos dél. E non pudieron los Turcos tanto facer, que

прежде, чѣмъ пришло подкрѣпленіе, Тамурбекъ уже вступилъ въ городъ; а вступилъ онъ въ него такъ. Онъ нападалъ и тѣснилъ ихъ такъ сильно, что наконецъ они начали переговоры и заключили миръ на такомъ условіи, что изъ города выйдутъ къ нему люди, а онъ дастъ обѣщаніе не проливать ихъ крови, и дадутъ ему опредѣленное количество золота и серебра. Когда Тамурбекъ получилъ отъ нихъ дань, какую требовалъ, онъ сказалъ, что желаетъ говорить съ жителями города о нѣкоторыхъ дѣлахъ, важныхъ для нихъ и требуетъ, чтобъ лучшіе и знатнѣйшіе граждане вышли къ нему. Тѣ, полагаясь на обѣщаніе, которое онъ далъ, и на то, что они заплатили ему все, что онъ требовалъ, тотчасъ вышли къ нему. Тамурбекъ, какъ только увидѣлъ, что они вышли изъ города, приказалъ вырыть большія ямы, и сказалъ имъ, что онъ обѣщалъ имъ и далъ удостовѣреніе въ томъ, что не прольетъ ихъ крови, и по этому онъ приказываетъ задушить ихъ въ этихъ ямахъ, а войску своему велитъ войдти въ городъ и разграбить его, потому что оно бѣдно и нуждается. Онъ такъ и сдѣлалъ, и приказалъ зарыть всѣхъ, что вышли къ нему изъ города, а людямъ своимъ велѣлъ вступить въ городъ и разграбить его; когда

antes que el acorro llegase, el Tamurbec non tenia entrada la ciudad: y entróla por esta manera. Combatióles muy recio, tanto que vinieron á fablar los de la ciudad con él, é quedaron con él en esta manera: que
saliese cierta gente de la ciudad á él, é que les aseguraba, de non facer 97.
sangre en ellos, é que les diese cierta quantia de oro é de plata. E desque ovo rescebido el Tamurbec el tributo que les oviera petido dellos, dixo, que queria | fablar con los de la ciudad algunas cosas que eran mucho para su provecho, é que para esto que los mayores é mejores de la ciudad que viniesen á él. E ellos por el seguro que les tenia dado, otrosi porque le avian dado lo que les avia demandado, salieron luego á él; é el Tamurbec, desque los tuvo fuera de la ciudad, fizo facer muy grandes foyos, é dixoles, que él les tenia prometido é asegurado[s] de non facer sangre en ellos, por ende que él los queria ahogar en aquellos foyos, é mandar entrar la ciudad á su gente que la robasen, que lo avian menester que estaban pobres. E fizolo asi, que mandó soterrar á quantos avian salido de la ciudad, é mandó que entrasen la ciudad é la robasen: é

же все было разграблено, приказалъ разрушить его и уничтожить до основанія. Сдѣлавши это, онъ ушелъ оттуда. Въ тотъ день какъ онъ ушелъ, пришелъ сынъ Турка со своимъ отрядомъ въ двѣсти тысячь конницы; увидавши, что весь городъ Сабастрія разрушенъ и Тамурбекъ уже ушелъ, онъ сталъ ждать отца. А Тамурбекъ, ушедши оттуда, отправился прямо въ землю султана Вавилонскаго. Прежде чѣмъ онъ пришелъ туда, попалось ему племя, которое называется Бѣлые Татары; это племя постоянно кочуетъ по полямъ. Онъ началъ съ ними воевать, побѣдилъ ихъ, взялъ въ плѣнъ, захватилъ и князя ихъ, а ихъ было добрыхъ пятьдесятъ тысячь мужчинъ и женщинъ, и повелъ за собой. Оттуда пришелъ онъ въ городъ Дамаскъ. На жителей его онъ очень сердился за то, что они не захотѣли подчиниться ему и захватили пословъ, которыхъ онъ къ нимъ послалъ. Онъ силою вступилъ въ городъ и разрушилъ его; а всѣхъ мастеровъ, которые знали какое нибудь ремесло, велѣлъ отвести въ Самаркандъ; также и Бѣлыхъ Татаръ и тѣхъ, что онъ велъ изъ Сабастріи, между которыми было много Сабастрійскихъ Христіанъ Армянъ. Потомъ воротился въ Персію и поселился на весну въ одной

desque la ovieron robado, mandóla aportellar, y destroyóla toda. E como ovo esto fecho movió él de alli: y el dia que de alli partió llegó el fijo del Turco con los docientos mil omes de á caballo que traia: é desque falló que toda la ciudad de Sabastria era destroida, é el Tamurbec partido, esperó alli al padre. E el Tamurbec como partió de alli, fuese derechamente para tierra del Soldan de Babylonia. E antes que allá llegase falló una generacion de gente que llamaban Tartaros Blancos, que son una gente que se andaban todavia á los campos, é peleó é tovo guerra con ellos: á los quales venció, é los tomó, é tovo preso al Señor dellos, é podria aver bien fasta cincuenta mil omes é mugeres [muger], é llevólos consigo. E de alli fué á la ciudad de Damasco: el qual tenia gran saña dellos, por quanto non se quisieron atrebutar, é le avian tenido presos los Embajadores que les avia enviado, | y entró la ciudad por fuerza, é destroyóla é quantos maestros alli falló de todas las artes, á tantos fizo llevar á la ciudad de Samarcante, e á los Tartaros [Tartalos] Blancos, é á los que traia de Sabastria, entre los quales llevó asaz Christianos Arme-

мѣстности, которая называется Алара и находится въ Верхней Арменіи. А Турокъ пошелъ на городъ Арсингу, и въ досадѣ и гнѣвѣ на князя Заратана за то, что изъ-зà него претерпѣлъ такое безчестіе, напалъ на городъ, силою вступилъ въ него и взялъ жену Заратана. Послѣ онъ отпустилъ ее и приказалъ, чтобы въ городѣ не было сдѣлано никакого зла, и уѣхавши оттуда, воротился въ свою землю. Говорятъ, что онъ очень мало показалъ доблести тѣмъ, что не велѣлъ разрушить этого города, такъ какъ Тамурбекъ разрушилъ его городъ Сабастрію. Послѣ того какъ оба эти государя воротились въ свою землю, они послали другъ другу посланниковъ, но никакъ не могли прійдти къ соглашенію. Въ это время императоръ великаго города Константинополя и Перскіе Генуэзцы послали сказать Тамурбеку, что если онъ будетъ воевать съ Туркомъ, то они могутъ служить ему и помочь людьми и галерами, и именно такимъ образомъ, что они въ короткое время снарядятъ нѣсколько галеръ и не допустятъ тѣхъ Турокъ, которые были въ Греціи, переѣхать въ Турцію, чтобъ Тамурбеку легче было сладить съ Туркомъ; кромѣ того ссудятъ его

nios de Sabastria: é de sí tornóse á tierra de [la] Persia, é fué á tener el verano á una tierra que llaman Alara, que es de Armenia la alta: y el Turco tornóse sobre la ciudad de Arsinga, é con gran enojo y saña que avia deste Caballero Zaratan porque por él avia [el] avido aquella des- 98.
honra, mandó combatir la ciudad, é entróla por fuerza, é tomó presa á la muger de Zaratan, é de sí mandola soltar, é mandó que non ficiesen mal ninguno en la sobredicha ciudad, partido de alli, é tornóse para su tierra: é dicen, que aqui mostró este sobredicho Turco muy poco esfuerzo en non destroir el aquella ciudad, como el Tamurbec le avia destroido la su ciudad de Sabastria: é despues que cada uno destos Señores fueron en sus tierras, enviaronse sus Embajadores el uno al otro, é non se pudieron avenir ninguno dellos: é en este mesmo tiempo el Emperador de la gran ciudad de Constantinopla é los Genoveses de Pera enviaron decir al Tamurbec, que si él batalla avia de aver con el Turco, que ellos le podian muy bien servir é ayudar con mucha gente é galeas; é seria en esta manera: que ellos armarian en breve tiempo ciertas galeas, para defender, que los Turcos que estaban en la Grecia, que non pasasen en la Turquia

серебромъ. И когда Турокъ не могъ прійдти къ соглашенію ни съ городомъ Константинополемъ, ни съ Тамурбекомъ, то съ обѣихъ сторонъ начали собирать войска. Тамурбекъ, который приготовилъ его гораздо скорѣе, какъ человѣкъ хитрый и искусный въ военномъ дѣлѣ, съ большою поспѣшностью оставилъ Персію, пришелъ въ Турцію и направился по той самой дорогѣ, по которой шелъ прежде, черезъ землю Арсингскую въ городъ Сабастрію. Турокъ, узнавши, что Тамурбекъ уже въ его землѣ, перемѣнилъ путь, по которому шелъ, и оставивши свой обозъ въ одномъ укрѣпленномъ замкѣ, по имени Ангури, взялъ все свое войско и пошелъ съ большою поспѣшностью на Тамурбека; а Тамурбекъ, узнавши о той хитрой смѣлости Турка, перемѣнилъ тоже путь, по которому шелъ, и взялъ на лѣво черезъ высокія горы; когда Турокъ пришелъ и увидѣлъ, что Тамурбекъ оставилъ прежнюю дорогу и пошелъ по другой, онъ подумалъ, что Тамурбекъ обратился въ бѣгство и погнался за нимъ такъ быстро, какъ только могъ. А Тамурбекъ, прошедши по горамъ дней восемь, воротился на ровную дорогу и пошелъ къ тому замку Ангури, гдѣ Турокъ оставилъ

[Turquea], porque él pudiese mejor con el Turco. E otrosi, que le daria en servicio cierta quantia de plata: es desque se non | pudieron avenir el Turco de la ciudad de Constantinopla y el dicho Tamurbec, ayuntaron sus gentes de la una parte y de la otra, y el Tamurbec que la tenia mucho mas presta, como ome astuto y sagaz en la guerra, partió de la Persia á gran priesa, é vinose para la Turquia, é troxo el camino que primera [primero] avia traido, é vinose para la tierra de Arsinga, é á la ciudad de Sabastria: é quando el Turco supo en como el Tamurbec era en su tierra, el qual camino que traia dexó, y el fardaxe de su hueste en un fuerte castillo que llaman Anguri, é tomó toda su gente, é fuese á gran priesa para el Tamurbec: é el Tamurbec, desque supo el ardid [ardir] tan sagaz del Turco, dexó el Tamurbec aquel camino que llevaba é tomó á la mano izquierda por una montaña muy alta: é quando el Turco llegó, como el Tamurbec avia dexado el camino que llevaba, é tomára otro, el Turco pensó que fuia, é fué en pos dél á muy gran priesa quanto mas pudo: é el dicho Tamurbec desque fué por aquellas montañas unos ocho dias, tornó al camino llano, é fué al castillo de Anguri, onde

свой обозъ, и захватилъ его въ свою власть. Турокъ, узнавши, что Тамурбекъ уже въ Ангури, пошелъ туда какъ можно скорѣе, и когда пришелъ, войско его было въ изнеможеніи; а Тамурбекъ сдѣлалъ весь этотъ кругъ для того, чтобы его запутать. Тутъ имъ пришлось сразиться и Турокъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ, какъ вы уже слышали. А императоръ Константинопольскій и Генуэзцы города Перы вмѣсто того, чтобъ исполнить то, въ чемъ они условились съ Тамурбекомъ, пропустили Турокъ изъ Греціи въ Турцію; когда же Турокъ былъ побѣжденъ, то они сами перешли къ Туркамъ и на своихъ судахъ перевозили изъ Турціи въ Грецію тѣхъ, которые бѣжали. За это Тамурбекъ былъ сердитъ на Христіанъ, и за то приходилось платиться тѣмъ Христіанамъ, которые были на его землѣ.

LXXI. Этотъ Турокъ, котораго побѣдилъ Тамурбекъ, назывался Альдайре Баязетъ, что значитъ Молнія Баязетъ; потому что альдайре на ихъ языкѣ значитъ молнія, а Баязетъ было его имя. Отца его звали Амиратъ; онъ былъ отличный рыцарь и его убилъ одинъ христіанскій графъ, по имени графъ Лазаро; онъ

el Turco dexó todo su fardaxe, é roboselo: é el Turco, desque supo que
el Tamurbec estaba sobre Anguri, anduvo quanto mas pudo, é quando 99.
llegó, traia la gente cansada; é el Tamurbec avia fecho aquel rodeo por lo desordenar, é ovieron de alli de pelear, é fué vencido é preso el Turco, como avedes ya oido: é el Emperador de Constantinopla, é los Genoveses de la ciudad de Pera, en lugar de tener lo que con el Tamurbec avian puesto, dexaron pasar los Turcos de la Grecia en la Turquia, è desque fuera vencido aqueste [27] Turco, pasaban ellos mismos á los Turcos con sus fustas de la Turquia en la Grecia, de los que venian fuyendo, é por esta ocasion tenia mala voluntad el Tamurbec á los Christianos, de que se fallaron mal los de su tierra.

LXXI. E este Turco que el Tamurbec venció que avia nombre Aldayre Bayazet, que quiere decir, el relampago [relempago]; basit quealdayre [1]), dicen ellos por el relampago, é Basit era su nombre; é su padre deste ovo nombre Amirate, que fué muy buen Caballero, é matóle un Conde Christiano, que avia nombre el Conde Lazaro, é matóle [matólo] en una batalla campal que ovo

[1]) Здѣсь вѣроятно слѣдуетъ читать: el relampago Basit; que aldayre....

убилъ его въ сраженіи ударомъ копья, которое вошло ему въ грудь и вышло въ спинѣ. Послѣ того этотъ Альдайре Баязетъ отомстилъ за своего убитаго отца и убилъ графа Лазаро въ сраженіи самъ своею рукой; а теперь сынъ этого графа Лазаро перешелъ къ этому Баязету и живетъ у Мусульмана Челеби, сына этого Альдайре Баязета. Это я хотѣлъ написать для того, чтобъ было понятно, кого звали Муратомъ; потому что всѣхъ Турецкихъ государей мы знаемъ здѣсь только подъ именемъ Мурата; а у каждаго государя было свое особенное имя. Кромѣ того настоящее имя Тамурбека есть Тамурбекъ, а не Таморланъ, какъ мы его называемъ, потому что Тамурбекъ значитъ на ихъ языкѣ то же что желѣзный царь, такъ какъ царь на ихъ языкѣ Бекъ, а желѣзо Тамуръ; а Таморланъ совсѣмъ противоположно этому, такъ какъ этимъ именемъ его называютъ когда хотятъ оскорбить, потому что Таморланъ значитъ калѣка: онъ же былъ раненъ въ правое бедро и въ два маленькіе пальца правой руки ударами, которые получилъ разъ въ то время, какъ воровалъ барановъ однажды ночью, какъ это вамъ будетъ послѣ подробнѣе разсказано.

con él, de encuentro de un estoque que le dió por los pechos, é le pasó á las espaldas: é despues este Aldayre Bayazet vengó á su muerto padre, é mató al dicho Conde Lazaro en una batalla él mesmo con [por] su propria mano; é agora el fijo deste sobredicho Conde Lazaro andaba con el dicho Bayazet, é agora eso mismo vive con Musalman [Mulsama] Chalabi, fijo deste Turco Aldayre Bayazet; é esto he querido escrebir, porque se entienda á quien llamaron Murate; porque todos los Señores de la Turquia non les sabemos acá otros nombres salvo el Murate, é cada un Señor ha avido su nombre apartado; é otrosi el Tamurbec es su nombre proprio este, é non Tamorlan, como lo nos llamamos, ca Tamurbec quere decir en su propria lengua, tanto como Señor de fierro, ca por Señor dicen ellos Bec, é por fierro Tamur; é Tamorlan es bien contrario del su Señor, ca es nombre que le llaman en denuesto; porque Tamorlan quiere decir tollido, como lo qual él lo era tollido de la una anca derecha, é de los dos dedos pequeños de la mano derecha, de feridas que le fueron dadas robando carneros una noche, segun adelante vos será mas largamente contado.

LXXII. Посланники оставались въ этомъ городѣ Арсингѣ до четверга, пятнадцатаго числа мая мѣсяца, а въ этотъ день уѣхали оттуда. Дорога лежала по высокимъ безлѣснымъ горамъ; въ этотъ день шелъ снѣгъ и было очень холодно. На ночь они остановились въ одномъ селеньи, которое называется Шабега; тутъ былъ небольшой замокъ и возлѣ него протекала рѣка. Дорога въ этотъ день лежала по высокимъ безлѣснымъ горамъ; несмотря на то на нихъ было много обработанныхъ полей, домовъ и селеній.

На другой день, въ субботу, они ночевали въ одномъ селеньи, которое называется Пагарришь: тутъ былъ высокій замокъ на верху скалы. Въ этомъ селеньи было двѣ части: одна Армянская, а другая Турецкая. Разсказываютъ, что съ годъ тому назадъ, когда Тамурбекъ проходилъ здѣсь, онъ приказалъ разрушить Армянскія церкви; Армяне, для того, чтобъ ихъ не разрушали, дали ему три тысячи асперовъ, а каждый асперъ стоитъ полъ реала. Онъ же, приказавши взять съ нихъ эти деньги, потомъ велѣлъ разрушить церкви.

На другой день, въ воскресенье, въ день св. Троицы, уѣхали

LXXII. E los dichos Señores Embajadores estovieron en esta ciudad
de Arsinga fasta jueves, que fueron quince dias del mes de Mayo, que 100.
partieron de alli: é el camino deste dia fué por unas sierras altas sin montes, é este dia nevó é fizo grande frio, é en la noche fueron dormir á una aldea que ha nombre Xabega, é tenia un castillo pequeño, é cerca dél pasaba un rio: é el camino deste dia fué por unas sierras altas sin montes; pero que avia muchas labranzas de pan, é aldeas é casas.

E otro dia sabado fueron dormir á una aldea que ha nombre Pagarrix, é tenia un castillo alto encima de una peña, é en este dicho lugar avia dos barrios, el uno de Armenios, y el otro de Turcos; é decian, que podia aver un año que el Tamurbec pasára por alli, é que mandó que las Iglesias de los Armenios que las derrocasen: é que los Armenios, porque ge las non derrocasen, que les [le] dieron tres mil asperos, que es cada aspero como medio real. E desque los ovo mandado tomar, mandó derrocar las dichas Iglesias.

E otro dia domingo, dia de Pasqua [Pascua] de Pentecoste, par-

оттуда и пріѣхали къ одному селенью, у котораго на вершинѣ скалы стоялъ замокъ, принадлежавшій Арсингѣ.

Въ слѣдующій понедѣльникъ ночевали въ полѣ, а дорога ихъ шла между высокими безлѣсными горами, съ которыхъ спускалось много водъ, и гдѣ росло удивительно много травы, какъ въ верху, такъ и въ низу. Эта земля принадлежала Туркоманамъ, которыхъ владѣнія доходятъ до сихъ поръ; а они народъ Мавританскаго племени и живутъ за Турками. На другой день, во вторникъ, уѣхали оттуда, и дорога ихъ была въ этотъ день ровная и шла по лугамъ и мѣстамъ обильнымъ водою.

LXXIII. Около полудня пріѣхали къ одному городу, который называется Асеронъ и держитъ сторону Тамурбека. Этотъ городъ стоялъ на равнинѣ, былъ окруженъ крѣпкою и очень широкою каменной стѣной съ башнями, и въ немъ былъ замокъ. Городъ не былъ густо населенъ. Въ немъ была также прекрасная церковь, потому что прежде онъ принадлежалъ Армянскимъ Христіанамъ, и въ немъ жило много Армянъ; это былъ самый лучшій и самый богатый изъ всѣхъ городовъ этой мѣстности. Князь этого города Туркоманъ и зовутъ его Субаилъ.

tieron de aqui, é fueron á una aldea que avia un castillo alto encima de una peña, que era de Arsinga.

E lunes siguiente fueron dormir en el campo, é el camino deste dia fué entre unas sierras altas sin montes, de que decendian muchas aguas, é | avia muchas hiervas á maravilla, asi en lo alto como en lo baxo: é esta tierra era de Turcomanes, que comarcan fasta alli, que es una nacion de Moros que son allende de los Turcos; é otro dia martes partieron de alli, é el camino deste dia fué llano, é de muchos prados é aguas.

LXXIII. E á hora de medio dia fueron en una ciudad que es llamada Aseron, la qual ciudad estaba por el Tamurbec: la qual ciudad estaba en un llano, é avia muy fuerte muro de piedra é de torres, é muy ancho, é tenia un castillo, é non estaba muy poblada, é en ella avia una fermosa Iglesia, ca solia ser esta ciudad de Christianos de Armenia, é en ella vivian muchos Armenios, é solia ser esta ciudad la mejor é mas rica que en toda esta comarca avia, é al Señor desta ciudad llaman Subail, y era Turcoman.

На другой день, въ четвергъ, двадцать второго числа мая мѣсяца, уѣхали оттуда и на ночь остановились въ селеньи, которое называется Партиръ Джуанъ и принадлежитъ къ владѣніямъ одного города, по имени Ауники, города очень сильнаго и независимаго, несмотря на то, что онъ Армянскій; князь этой земли Чакатайскій вельможа, по имени Толадайбекъ.

Въ слѣдующую пятницу пріѣхали къ одному селенью, которое называется Исчу, и остались въ немъ тотъ день когда пріѣхали и слѣдующій день субботу; въ этомъ селеньи жило много Армянъ.

LXXIV. Въ слѣдующее воскресенье ночевали въ одномъ селеньи называющемся Делуларкентъ, что значитъ селенье сумасшедшихъ; тѣ, которые жили въ этомъ селеньи, были Мавры, и жили какъ отшельники, а звали ихъ Кашики; много Мавровъ приходятъ къ нимъ какъ на богомолье и многихъ больныхъ они вылѣчиваютъ. У нихъ былъ одинъ старшина, которому оказывали большія почести. Говорили, что онъ святой, и когда Тамурбекъ проходилъ этими мѣстами, то посѣтилъ этого Кашика. Эти отшельники такой народъ, что люди даютъ имъ много мило-

E otro dia jueves veinte é dos dias del dicho mes de Mayo partieron de aqui, é fueron dormir á una aldea que ha nombre Partir
Juan, é es del señorio de una ciudad que es llamada Auniqui, una ciudad 101.
muy fuerte, é tiene señorio sobre sí, como quiera sea de Armenios, y era desta tierra Señor un Caballero Chacatay que ha nombre Toladaybeque.

E viernes siguiente llegaron á una aldea que ha nombre Ischu, y estovieron en esta aldea este dia que alli llegaron, é otro dia sabado, é en esta aldea vivian muchos Armenios.

LXXIV. E domingo siguiente fueron dormir á una aldea que ha nombre Delularquente, que quiere decir, el aldea de los locos: é los que en esta aldea vivian eran Moros, como | hermitaños que llaman Caxixes, [Caxises] é mucha gente de Moros venian alli á ellos como en romeria, é muchos dolientes alli guarescen, é entre ellos avia un mayoral que le cataban mucha honra, é decian, que era Sancto, é quando el Tamurbec por alli pasó, que fuera estár con este Caxic: é estos hermitaños eran gente que

стыни, а ихъ старшина владѣетъ этимъ селеньемъ. Тѣ изъ нихъ, которые хотятъ прослыть набожными и хотятъ, чтобъ люди считали ихъ святыми, брѣютъ себѣ бороду и голову, раздѣваются, и раздѣтые ходятъ по улицамъ по солнцу и по холоду, и на улицахъ же и ѣдятъ; одѣваются въ самыя изодранныя платья, какія только могутъ найдти, и днемъ и ночью ходятъ и поютъ съ бубнами. Надъ входомъ въ ихъ жилище виситъ знамя изъ черныхъ шерстяныхъ нитокъ и надъ нимъ изображена луна; а у подножія его поставлены рога оленей, козловъ и барановъ; таковъ обычай у этихъ Кашиковъ, чтобъ держать на своихъ домахъ рога; а когда они идутъ по улицамъ, они тащатъ ихъ за собою.

LXXV. Въ понедѣльникъ, двадцать шестого числа мая мѣсяца, отправились оттуда и на ночь остановились въ полѣ близь одной большой рѣки, которая называется Коррасъ; это большая рѣка и она протекаетъ почти по всей Арменіи. Путь ихъ въ этотъ день лежалъ между большими снѣжными горами, съ которыхъ течетъ много водъ.

На другой день, во вторникъ, ночевали въ одномъ селеньи, которое называется Науджуа. Дорога ихъ въ этотъ день шла по

les facian mucha limosna las gentes, y el su mayoral era Señor desta aldea, é de los que dellos quieren ser religiosos, é que las gentes los ayan [avian] por Sanctos, rapanse las barbas é las cabezas, é desnudanse, é desnudos por las calles, é al sol é al frio, é andan comiendo por las calles, é vistense de los paños mas rotos que fallan, é andan cantando de dia é de noche con panderos; è encima de la puerta desta hermita estaba un pendon de filos negros de lana, é una luna figurada encima, é al pie del pendon fincados muchos cuernos de ciervos é de cabrones é de carneros, é esta es su usanza destos Caxixes, é de tener estos cuernos encima de sus casas é traenlos en las manos quando van por las calles.

LXXV. Lunes, veinte é seis dias del dicho mes de Mayo partieron de aqui, é fueron dormir en el campo cerca de un grande rio que ha nombre Corras, é este es un grande rio que atraviesa todo lo mas de Armenia: y el camino deste dia fué entre unas sierras nevadas, de que descienden muchas aguas.

E otro dia martes fueron dormir en una aldea que ha nombre

берегу этой рѣки; она была очень обрывистая и неудобная. Въ этой мѣстности княземъ былъ одинъ Кашикъ, который оказалъ большія почести посланникамъ; тутъ было много Армянъ. На другой день, въ среду, ночевали въ одномъ селеньи, въ которомъ былъ высокій замокъ на вершинѣ скалы; а скала эта была изъ соли. Цѣпь такихъ соленыхъ горъ тянется на полъ дня пути, и всѣ, кто хочетъ, берутъ этой соли, и не употребляютъ никакой другой, кромѣ этой.

О городѣ Кальмаринѣ, первомъ на свѣтѣ послѣ потопа.

LXXVI. На другой день, въ четвергъ, двадцать девятаго числа мая мѣсяца, около полудня пріѣхали къ большому городу, по имени Кальмарину, а оттуда лигахъ въ шести видна была высокая гора, на которой появился Ноевъ ковчегъ во время потопа. Этотъ городъ стоялъ на ровномъ мѣстѣ, съ одной стороны протекала мимо него та большая рѣка, что называется Коррасъ, а съ другой стороны была глубокая долина промежду скалъ,

Naujua, y el camino deste dia fué por ribera deste rio, y el camino fué muy fragoso é de malos pasos: é en este lugar avia un Caxic por Señor, é fizo mucha honra á los dichos Embajadores, é en este lugar
avia [28] muchos Armenios; é otro dia miercoles fueron dormir á una aldea 102.
que avia un castillo alto encima de una peña: la qual peña era de sal, é esta sierra desta sal dura bien media jornada, é todas las gentes que quieren sacar, sacan desta sal, é se aprovechan della los que quieren, é non de otra [otro].

De la ciudad de Calmarin que fué la primera del mundo despues del diluvio.

LXXVI. E otro dia jueves, veinte é nueve dias del dicho mes de Mayo, á hora de medio dia fueron en una grande ciudad que ha nombre Calmarin, é de alli quanto á seis leguas paresció la montaña alta en que el arca de Noe paresció quando el Diluvio. E esta ciudad estaba en un llano, é de la una parte la pasaba [un] grande rio que le dicen Corras, é de la otra parte avia un valle muy fondo en unas peñas, é tan ancho quanto una ballesta podria echar un viraton, que cercaba la ciudad en derredor fasta

такой ширины какъ можно стрѣльнуть изъ самострѣла; эта долина окружала городъ вокругъ и шла до самой рѣки; долина и рѣка дѣлали городъ очень крѣпкимъ, потому что на него можно было напасть только въ томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась рѣка; гдѣ былъ входъ въ долину, тамъ было мѣсто, въ которомъ можно было напасть на городъ, но надъ этимъ входомъ былъ построенъ замокъ, укрѣпленный большими высокими башнями, съ двумя воротами, одни за другими. Этотъ городъ Кальмаринъ былъ первый, какой былъ построенъ въ мирѣ послѣ потопа, и построило его племя Ноя. Жители города разсказываютъ, что тому лѣтъ восемь, Тетани, императоръ Татарскій, осаждавшій этотъ городъ, сражался подъ нимъ два дня и двѣ ночи не переставая; на третій день заключили договоръ и городъ сдался на томъ условіи, что ни онъ, ни его войско не вступитъ въ городъ, но что каждый годъ городъ будетъ платить ему опредѣленную дань. Императоръ согласился на это; но требовалъ, чтобъ ему выдали половину войска города, чтобы оно пошло съ нимъ въ землю Джурганію, потому что онъ хотѣлъ вести войну съ царемъ Сорсомъ. Когда же жители города отдали ему это войско, онъ

juntar con el rio: el qual valle é rio facia muy fuerte la ciudad, que non avia combate ninguno salvo de do se comenzaba el rio: é el valle avia una entrada, é aquel era el combate que avia; pero encima desta entrada avia un castillo muy fuerte de grandes torres é altas, é avia dos puertas una ante otra: é esta ciudad de Calmarin fué la primera ciudad que fué fecha en el mundo despues del Diluvio, que la edificaron los del linage de Noe. E los de la ciudad decian, que agora podia aver ocho años que Tetani, Emperador de Tartaria, [Tartalia] que cercára esta ciudad, é que la combatiera dos dias uno en pos de otro noche é dia, é que al tercero dia venieran [vencieran] á pleytesia: é que se lo [les] dió la ciudad con tal condi|cion, que non entrase en ella él nin su gente; pero que de cada año le diesen cierto trebuto [tributo]: de lo qual él fué contento el dicho Emperador; pero demandó, que le diesen [dissen] la mitad [meitad] de la gente de la ciudad, para que fuesen con él á tierra de Jurgania, que queria ir facer guerra al Rey Sorso. E desque los de la ciudad le ovieron dado la dicha gente, mandó combatir la ciudad, é entróla por fuerza, é robó todo

велѣлъ снова напасть на городъ, взялъ его, разграбилъ въ немъ все что нашелъ, сжегъ городъ и разрушилъ его во многихъ мѣстахъ, и перебилъ много народу. Большая часть жителей этого города были Армяне. А какимъ образомъ Христіане потеряли власть надъ этой Армянской землею, и какъ ею завладѣли Мавры, это будетъ вамъ разсказано послѣ. Въ этомъ городѣ было много большихъ зданій. По всей этой землѣ посланникамъ и людямъ ихъ давали помѣщенія и пищу и лошадей для путешествія. Вся земля эта держала сторону Тамурбека.

На другой день, въ пятницу, выѣхали оттуда и къ ночи прибыли къ одному высокому замку, стоявшему на вершинѣ скалы; этотъ замокъ принадлежалъ одной вдовѣ, которая платила дань Тамурбеку съ него и съ другой земли, которою владѣла. Въ этомъ замкѣ прежде жили разбойники и такіе люди, которые выходили грабить на дороги. Тамурбекъ напалъ на этотъ замокъ, взялъ его, убилъ его князя, мужа этой княгини, и приказалъ, чтобъ въ немъ никогда больше не принимали злодѣевъ. А чтобы они не могли въ немъ защищаться, онъ приказалъ снять ворота въ этомъ замкѣ и запретилъ ихъ когда нибудь опять навѣшивать;

lo que en ella falló, e quemó la ciudad, é aportillóla por muchos lugares, é mató mucha gente della: é la mas gente que en esta ciudad avia eran Armeniós, é de como esta tierra de Armenia partieron el señorio della
los Christianos é la cobraron los Moros, como adelante vos será contado. 103.
En esta ciudad avia muy grandes edificios, é por toda esta tierra daban á los dichos Embajadores é á la su gente posadas é viandas é caballos en que fuesen, é toda esta tierra estaba por el señor Tamurbec.

É otro dia viernes partieron de aqui, é fueron dormir á un castillo alto que estaba encima de una peña: el qual castillo era de una Dueña viuda, que era atrebutada [atributada] al Tamurbec con este castillo, é con otra tierra que ella tenia. Y en este castillo solia aver ladrones, é omes que salian á robar á los caminos. E el Tamurbec vino sobre este castillo, é entrólo por fuerza, é mató al Señor dél, que era marido desta Dueña, é mandó, que nunca jamás acogiesen malfechores en él. E porque non se pudiesen defender en él, mandó quitar las puertas al dicho castillo, é mandó que nunca jamás pusiese puertas en él, é diole á

и потомъ отдалъ его этой княгинѣ. И теперь замокъ этотъ былъ безъ воротъ; а назывался онъ Эгида. Онъ стоялъ у подошвы высокой горы Ноева ковчега. Всѣ горы, которыя имъ встрѣчались на пути послѣ того какъ они выѣхали изъ земли Трапезондской, были голыя и безлѣсныя. Эта княгиня приняла очень хорошо посланниковъ и дала имъ все, что имъ было нужно.

LXXVII. Въ слѣдующую субботу, тринадцатаго[1]) числа мая мѣсяца, посланники уѣхали оттуда. Дорога ихъ шла у подножія горы Ноева ковчега. Гора эта была очень высока, и на самомъ верху ея лежалъ снѣгъ, и на ней не было лѣса, за то было много травы и воды. Дорога шла вокругъ нея и на ней попадалось много зданій и каменныхъ основаній домовъ, которые тянулись довольно долго. На ней росло много ржи, которая каждый годъ выростаетъ сама собою, какъ будто была посѣяна; но она никуда не годилась, потому что на ней не было зеренъ; также тамъ росло много крессу, точно было посѣяно. У подошвы этой горы находятъ красную краску, которою окрашиваютъ шелкъ. Пройдя половину

esta Dueña. El qual castillo estaba entonces sin | puertas, é avia nombre el dicho castillo Egida. Y este castillo estaba al pie de la montaña alta del arca de Noe, é todas estas montañas é sierras que fallaron despues que de tierra de Trapisonda partieron eran rasas é sin montes. Y esta Dueña hospedó muy bien este dia á los dichos Embajadores de quanto ovieron menester.

LXXVII. Sabado siguiente, que fueron trece dias del dicho mes de Mayo, los dichos Embajadores partieron de aqui, y el su camino fué por el pie de aquesta montaña del arca de Noe: la qual montaña era muy alta, é arriba en los [lo] mas alto estaba nevado é cubierta [cubierto] de nieve, é era rasa sin montes; pero en ella avia muchas hiervas é aguas, é el camino iba al derredor [rerdedor] della, y en ella avia muchos edificios y cimientos de casas de piedra seca, que turaban grande pieza: é en ella avia nascido mucho centeno, que se nascia ello cada año de suyo, como si fuera sembrado á mano; pero era vano que non granaba: é otrosi avia nascido mucho mastuerzo, como si lo sembraran: é al pie desta mon-

---

[1]) Не 13-го, а 31-го.

дороги по горѣ, у подошвы ея они увидѣли большой городъ, который уже давно былъ необитаемъ. Онъ тянулся добрую лигу и туземцы разсказывали, что это былъ первый городъ, построенный на землѣ послѣ потопа, и построилъ его Ной и его племя. Передъ городомъ была обширная равнина и по ней шло много каналовъ, росли деревья и розовые кусты, и видно было много источниковъ. Эта гора была очень острая, и вершина ея была очень высокая и тонкая, и всегда была покрыта снѣгомъ и окружена облаками, такъ что самый верхъ нельзя было видѣть; говорятъ, что это облако лежитъ на ней весь годъ, какъ зиму, такъ и весну, и не сходитъ никогда, и это происходитъ отъ того, что она такъ высока. Въ этотъ день посланники сдѣлали привалъ передъ однимъ прекраснымъ источникомъ, который находился подъ каменнымъ сводомъ, и въ то время, какъ они тамъ были, облако сошло и гора стала видна, а потомъ тотчасъ же опять закрыло ее; говорятъ, что оно сходило очень немного разъ. Подлѣ этой горы есть другая тоже съ острой вершиной, но не такая высокая какъ первая, и между ними двумя образовалось точно сѣдло; тутъ говорятъ и остановился ковчегъ; обѣ эти горы очень высоки и

taña se falla el cremesin con que se tiñe la seda: y en medio desta montaña al pie della fallaron un grande edificio de pueblo, que fuera deshabitado gran tiempo avia, é duraba bien una legua: é las gentes de la tierra decian, que aquella fuera la primera puebla que en el mundo fuera fecha despues del Diluvio, é que la fizo Noe é su generacion: é 104.
ante la dicha puebla avia un grande llano, en que avia muchos cerraurjales de agua é arboles é rosales, é muchas [fu]fuentes, é esta dicha montaña era aguda, é tenia un pico muy agudo é alto: el qual estaba nevado é cubierto de niebla, que non podia parescer el cabo de la sierra, é | decian, que todo el año asi de hibierno [invierno] como de verano nunca se quitaba aquella niebla de aquella montaña, y esto es por la gran altura della: é este dia tovieron los dichos Embajadores alli la siesta ante una fermosa fuente que alli estaba so un arco de piedra, y estando alli se quitó la niebla é paresció la montaña é luego subito se tornó, é decian que pocas veces se quitaba: é junto con esta alta montaña está otra que tiene otro pico agudo, pero non es tan alta como esta otra, é entre estos

покрыты снѣгомъ на вершинѣ. Въ эту ночь ночевали въ одномъ замкѣ, по имени Васитъ Каласиде. Замокъ этотъ стоялъ на вершинѣ одной высокой скалы, удивительно неприступной, а у подножія его былъ большой городъ тоже на скалѣ; отъ города къ замку шла высокая стѣна съ башнями и изъ этой стѣны образовалась лѣстница, которая шла ко входу замка. Съ внѣшней стороны скала замка была очень высока, а внутри на самой вершинѣ ея находился большой источникъ. Тому лѣтъ шесть назадъ Тамурбекъ осаждалъ этотъ замокъ и князь его сталъ платить ему дань съ такимъ условіемъ, чтобъ ни онъ, ни войско его не вступали въ замокъ и не воевали съ нимъ.

LXXVIII. Въ воскресенье, перваго іюня, во время вечерни они прибыли къ одному замку, который назывался Маку; этотъ замокъ принадлежалъ одному Христіанину католику, по имени Норадину, и всѣ жители были Христіане католики, хотя по происхожденію они были Армяне и языкъ ихъ былъ Армянскій; впрочемъ они знали и по Татарски и по Персидски. Въ этой же мѣстности былъ монастырь братьевъ св. Доминика. Этотъ замокъ

dos picos se face una como silla, é alli dicen que se puso el arca, é amas estas sierras eran muy altas é nevadas en lo alto. E esta noche fueron dormir á un castillo que avia nombre Vasit calaside, el qual castillo estaba encima de una alta peña muy fuerte á maravilla, é al pie dél un pueblo bien grande [de] otrosi en otra peña: é de la villa al castillo iba otrosi un muy gran muro con sus torres, é de aquel muro se facia una escalera que iba á la entrada del castillo, é de partes de fuera era muy alta la peña del castillo, é dentre [dentro] en lo mas alto dél nascia una fuente grande: é este castillo vino cercar el Tamurbec, podia aver seis años, é el Señor dél atrebutosele con tal condicion, que en él non lo acogiese á el, nin á [ninguno] gente suya, nin fuesen [fuese] en hueste con él.

LXXVIII. Domingo, primero dia de Junio, á hora de vísperas fueron en un castillo que es llamado Macu, el qual castillo era de un Christiano Cathólico que avia nombre Noradin, é los que en el dicho castillo moraban eran otrosi Christianos Cathólicos, como quiera que eran Armenios de naturaleza, é la su lengua era Armenia, como quiera que sa[29]bian Tartaresco é Persesco. E en el dicho lugar avia un Monesterio [Monasterio] de

стоялъ въ долинѣ, въ уголкѣ, у подножія очень высокой скалы, а городъ стоялъ выше на склонѣ ея; какъ разъ надъ городомъ на этомъ самомъ склонѣ стояла крѣпкая ограда съ башнями внутри; за этой оградой были дома, въ которыхъ жили люди, а дальше ея тоже жили люди и склонъ поднимался выше; тутъ же сейчасъ стояла другая ограда съ башнями и высокими крышами, которыя доходили до первой ограды; входъ въ эту вторую ограду былъ по ступенямъ сдѣланнымъ въ скалѣ, а надъ входомъ была большая башня для охраненія его. За этой второй оградой были дома, сдѣланные въ скалѣ, посреди ихъ башни, и дома гдѣ жилъ князь; и тутъ же жители держали всѣ свои запасы. Скала, на которой стояли эти дома, поднималась гораздо выше чѣмъ всѣ дома и ограды. Отъ этой скалы идетъ точно навѣсъ, который прикрываетъ замокъ, ограды и дома, стоитъ какъ будто небо надъ ними: если идетъ дождь, то вода съ неба не попадаетъ въ замокъ, потому что скалы покрываютъ его совершенно; такимъ образомъ замокъ этотъ стоитъ такъ, что на него нельзя напасть ни съ земли, ни даже съ неба. Внутри замка начинается большой потокъ,

Frayles de Sancto Domingo: el qual castillo estaba en un valle en un rincon [rencon] al pie de una muy alta peña, e el pueblo estaba en una cuesta arriba, é luego encima del pueblo en la dicha cuesta estaba una cerca de cal é de canto con sus torres dentro: tras esta cerca estaban 105.
casas en que moraba[n] gente, é desta cerca adelante moraba gente, é sobia la cuesta mas alta: é estaba luego otra cerca con sus torres é caramanchones, que salian fasta la primera cerca, é la entrada para esta segunda cerca era por unas gradas fechas en la peña, é encima de la entrada estaba una torre grande para guarda della: é allende desta segunda cerca estaban casas fechas en la peña, en medio unas torres é casas onde el Señor estaba, é aqui tenia toda la gente del pueblo su bastecimiento, é la peña en que estaban estas casas sobia muy alta mas que las cercas é todas las casas, é de la dicha peña salia uno como colgadizo, que cobijaba el dicho castillo é las cercas é casas dél, asi como [el] cielo que estoviese sobre él, é en caso que llueve el agua del cielo non cae en el castillo, ca la peña lo cobija todo, é de tal manera está el castillo que non se puede combatir por tierra nin aún por el cielo: é dentro en el cas-

водой котораго пользуется весь народъ, и орошается много садовъ; а у подножія замка лежитъ прекрасная долина, по которой протекаетъ рѣка; она покрыта виноградниками и обработанными полями. Тамурбекъ нападалъ на этотъ замокъ, но не могъ его взять; однако заключилъ съ княземъ его договоръ, по которому тотъ долженъ былъ доставлять ему двадцать всадниковъ, какъ только онъ призоветъ ихъ. Не много времени спустя послѣ того Тамурбекъ проходилъ мимо его съ войскомъ; князь замка призвалъ своего сына, которому было около двадцати лѣтъ и далъ ему три лошади съ хорошимъ убранствомъ, чтобъ онъ повелъ ихъ въ подарокъ Тамурбеку. Когда Тамурбекъ былъ у подножія замка, сынъ князя вышелъ и предложилъ ему этихъ лошадей отъ имени своего отца; тотъ принялъ ихъ и приказалъ объявить, чтобы по всей землѣ, принадлежавшей этому замку, войско его не дѣлало ни какого вреда. Потомъ Тамурбекъ сказалъ, что такъ какъ у князя этого замка такой большой сынъ, то ему не слѣдуетъ держать его у себя, и взялъ его съ собою; послѣ онъ отдалъ его своему внуку, по имени Омаръ Нираса, чтобъ онъ жилъ у него, такъ какъ онъ былъ императоромъ Персіи

tillo nasce un gran golpe de agua, de que se aprovecha todo el pueblo, é se riegan muchas huertas: é al pie deste castillo está un fermoso valle que va per él un rio, é en él ha muchas viñas é labranzas de pan. E el Tamurbec vino sobre este castillo, é non le pudo tomar; pero pleyteó con el Señor, que le sirviese con veinte omes de caballo quando los enviase llamar: é dende á poco tiempo el Tamurbec pasó por | alli con su hueste, é el Señor del castillo tomó un su fijo é podia aver fasta veinte años, é dióle tres caballos bien guarnidos para que los diese en presente al Tamurbec, é quando el Tamurbec fué al pie del castillo, salió su fijo é dióle los dichos caballos de parte de su padre, é él los rescibió, é mandó [a] pregonar, que non ficiesen mal en tierra de aquel castillo; é el Tamurbec dixo: qué pues el Señor de aquel castillo tenia tan gran fijo como aquel, que non era razon de lo tener consigo, é tomólo é llevólo consigo, é despues diólo á un su nieto que llaman Homar Nirasa para que viviese con él, por quanto era Emperador de la Persia é de aquella tierra. El qual

и этой земли. И теперь онъ живетъ у него же и служитъ въ войскѣ этого царя. Этотъ царь силою заставилъ сына князя этого замка сдѣлаться Мавромъ, далъ ему имя Соргатъ Мишь и сдѣлалъ его своимъ тѣлохранителемъ. Но хотя онъ такимъ образомъ сдѣлался Мавромъ, однако онъ Мавръ не по своей волѣ и не Мавръ по своимъ поступкамъ. Посланники были хорошо встрѣчены княземъ этого замка, и ему было очень отрадно, что они Христіане. Онъ гостепріимно принялъ ихъ и разсказалъ имъ, что недѣли двѣ тому назадъ Ясанъ Мирашà, племянникъ Тамурбека и его приближенный, прислалъ сказать ему, чтобъ онъ принялъ его въ своемъ замкѣ, потому что онъ хочетъ спрятать въ немъ какое то свое сокровище; онъ отвѣчалъ ему, что не приметъ его, а что если у него есть сокровище, которое нужно сберечь, то пусть онъ его дастъ ему и онъ его хорошо сбережетъ; но съ тѣхъ поръ тотъ уже не упоминалъ объ этомъ. Посланники остались тамъ тотъ день, когда пріѣхали. Послѣ въ войскѣ царя Персидскаго они увидѣли сына князя этого замка и говорили съ нимъ. У этого князя былъ еще сынъ моложе того, и онъ сказалъ посланникамъ, что этотъ сынъ его ученый и хорошій знатокъ своего языка, и

vive hoy dia con él, é anda en su hueste deste Emperador: é este Emperador tornó Moro por fuerza á este fijo del Señor deste castillo, é
pusolo por nombre Sorgat mix, é fizolo su guarda. E como quiera que él 106.
sea asi tornado Moro, non lo es en la voluntad nin en las obras. E los dichos Embajadores fueron del Señor deste castillo bien rescebidos, é él tomó con ellos gran consolacion por ser Christianos, é hospedóles muy bien, é dixoles: que podia aver fasta quince dias que Iazan Miraxa, sobrino del Tamurbec é su gran privado, que le enviára decir, que lo quisiese acoger en aquel castillo, que queria poner en él su tesoro; é que él que le respondiera, que lo non acogeria en él: mas que si tesoro alguno tenia para guardar que se lo diese, é que él se lo guardaria bien, é que nunca mas sobre ello le requirió. E los dichos Embajadores estovieron aqui este dia que alli llegaron, é despues en la hueste del Emperador de Persia vieron al fijo deste Caballero, Señor deste castillo, é fablaron con él: é este Señor deste castillo avia | otro fijo mas pequeño que non este, é dixo á los dichos Embajadores, que aquel su fijo avia deprendido, é que

что когда Богъ дастъ они будутъ ворочаться, то онъ отпуститъ съ ними этого своего сына, чтобъ они свезли его къ королю, а король рекомендовалъ бы его папѣ, и сдѣлалъ бы его епископомъ въ этой землѣ. Очень удивительно, что этотъ замокъ держится посреди столькихъ Мавровъ, и въ такой дали отъ Христіанъ; удивительно такъ же, что изъ Армянъ они дѣлаются католиками, и угождаютъ такимъ образомъ Богу.

LXXIX. На другой день, въ понедѣльникъ второго іюня, они уѣхали оттуда и ночевали въ полѣ, потому что не могли дойдти до населеннаго мѣста. Въ этотъ день имъ показали замокъ на лѣвой рукѣ, который назывался Алинга. Онъ стоялъ на высокой горѣ, окруженной стѣной и башнями, а внутри стѣны было много виноградниковъ, садовъ и обработанныхъ полей, много воды и пастбищъ; на самомъ же верху горы стоялъ замокъ. Когда Тамурбекъ побѣдилъ султана Персидскаго, котораго звали султанъ Амадъ, и захватилъ его землю, онъ скрылся въ этомъ замкѣ Алингѣ. Тамурбекъ осаждалъ въ немъ его и его людей три года; потомъ онъ убѣжалъ къ султану Вавилонскому, гдѣ и теперь находится.

era buen gramatico en aquella su lengua, é que quando Dios quisiese que tornasen, que ge lo daria, para que lo traxesen al dicho señor Rey, para que lo encomendase al Papa, é lo ficiese Obispo de aquella tierra. E es una gran maravilla durar este castillo entre tantos Moros, é tan alongados de Christianos, é otrosi de Armenios tornarse Cathólicos, que es grande servicio de Dios.

LXXIX. E otro dia lunes, que fueron dos dias de Junio, partieron de aqui, é fueron dormir en el campo, que non pudieron alcanzar á poblado; é este dia les mostraron un castillo que quedó á la mano izquierda que avia nombre Alinga, el qual castillo estaba en una montaña alta, la qual era cercada de un muro é de torres, é dentro deste muro avia muchas viñas é huertas é labranzas de pan, é muchas aguas é pastos para ganados, é en lo mas alto desta montaña avia un castillo. E quando el Tamurbec venció al Soldan de la Persia, que llamaban Zolten Amad, é le tomó la tierra, é alzósele en este castillo de Alinga, é tovolo aqui cercado á él é gente suya tres años, é de aqui fuyó, é se le fué para el Soldan de Babylonia, onde hoy dia está.

На другой день, во вторникъ, остановились ночевать въ полѣ, гдѣ стояло сто палатокъ Чакатаевъ, которые кочевали въ этихъ мѣстахъ со своимъ скотомъ. На другой день, въ среду, остановились на ночь также въ палаткахъ Чакатаевъ. Въ этихъ палаткахъ посланникамъ дали кушанья и лошадей для пути, такъ же какъ давали въ деревняхъ и въ городахъ. Дорога, по которой они ѣхали до сихъ поръ, шла по горамъ, на которыхъ было много пастбищь и воды, и встрѣчалось много этихъ Чакатаевъ, которые принадлежатъ къ войску города Хой.

LXXX. На другой день, въ четвергъ пятаго іюня, около полудня они пріѣхали въ городъ, который называется Хой. Онъ лежалъ на равнинѣ, и вокругъ него было много садовъ и обработанныхъ полей и далеко тянулись большія равнины; по нимъ и по городу шло много каналовъ; городъ былъ окруженъ кирпичною оградою съ башнями и бойницами. У этого города Хоя кончается верхняя Арменія и начинается Персія; въ немъ живетъ много Армянъ. Когда посланники пріѣхали въ этотъ городъ, они застали въ немъ посла, котораго Вавилонскій султанъ посылалъ къ Та-

E otro dia martes fueron dormir á un campo, onde estaban fasta
cien tiendas de Chacatays, que andaban paciendo aquella tierra con sus 107.
ganados. E otro dia miercoles fueron dormir otrosi á otras tiendas de Chacatays, é en estas tiendas dieron á los Embajadores viandas, é caballos en que fuesen, asi como se los daban en las aldeas é en las villas. E el camino que fasta aqui | troxieron fué de unas montañas en que avia muchas aguas é hiervas, é mucha desta gente de Chacatays, que son gente de la hueste de la ciudad de Hoy.

LXXX. E otro dia jueves, cinco dias del dicho mes de Junio, á hora de medio dia fueron en una ciudad que es llamada Hoy: la qual estaba asentada en un llano, é al derredor della muchas huertas é labranzas de pan, é acerca desta ciudad avia unos grandes llanos que duraban [duraba] mucho: é por ellos, é por la ciudad venian muchas acequias de agua, é esta ciudad era cercada de una cerca de ladrillo con sus torres é barbacanas: é aqui en esta ciudad de Hoy se acaba Armenia la alta, é comienza tierra de Persia: é en esta ciudad viven muchos Armenios. E quando los dichos Embajadores llegaron á esta ciudad, fallaron en ella un Embajador que

мурбеку. Онъ велъ съ собою около двадцати всадниковъ и до пятнадцати верблюдовъ нагруженныхъ подарками, которые султанъ посылалъ Тамурбеку, и кромѣ того велъ съ собою шесть страусовъ и одно животное, которое называется жираффа. Это животное было такъ сложено: ростомъ оно было съ лошадь, шея очень длинная, переднія ноги гораздо длиннѣе заднихъ, и копыто раздвоенное какъ у быка; отъ ногтя передней ноги до верха плеча было шестнадцать пальмъ, и отъ переднихъ реберъ до головы тоже шестнадцать пальмъ: когда оно хотѣло поднять шею, то поднимало ее удивительно какъ высоко; шея у него была тонкая, какъ у оленя, а заднія ноги очень короткія, сравнительно съ передними, такъ что кто его не видалъ, могъ подумать, что оно сидитъ когда оно въ самомъ дѣлѣ стоитъ; задъ раздѣленный, какъ у буйвола, животъ бѣлый а шерсть золотистаго цвѣта въ большихъ бѣлыхъ яблокахъ; носъ у него былъ какъ у оленя внизу тамъ гдѣ ноздри; на лбу большая острая шишка, глаза большіе и круглые, уши какъ у лошади, а возлѣ ушей два маленькіе рожка, круглые и почти покрытые шерстью, похожіе на

el Soldan de Babylonia enviaba al Tamurbec. El qual llevaba consigo fasta veinte de caballo é fasta quince camellos cargados de presente, que el Soldan enviaba al Tamurbec; é otrosi llevaba seis avestruces é una alimania que es llamada jornufa, la qual alimania era fecha desta guisa: avia el cuerpo tan grande como un caballo, é el pescuezo muy luengo, é los brazos mucho mas altos de las piernas, é el pie avia asi como el buey fendido, é desde la uña del brazo fasta encima del espalda avia diez y seis palmos: é desde las agujas fasta la cabeza avia otros diez y seis palmos, é quando queria enfestar el pescuezo, alzabalo tan alto que era maravilla, é el pescuezo avia delgado como de ciervo, é las piernas avia muy cortas segun la longura de los brazos, que ome que la non oviese visto bien pensaria que estaba asentada [30] aunque estoviese levantada, e las ancas avia derrocadas á yuso como bufano: é la barriga blanca, é el cuerpo avia de color dorado é rodado de unas ruedas blancas grandes: é el rostro avia como de ciervo, en lo baxo de fácia las narices: é en la frente avia un cerro alto agudo, é los ojos muy grandes é redondos é las orejas como de caballo, é cerca de las orejas tenia dos cornezuelos peque-

оленьи рога, когда они только что начинають рости; шея у него была такая длинная и оно ее столько вытягивало сколько хотѣло, такъ что могло достать себѣ пищу со стѣны въ пять или шесть тапій высотою; и съ верху высокаго дерева могло доставать и ѣсть листья, которыхъ оно ѣло много. Такъ что тому, кто его никогда не видалъ, оно представлялось удивительнымъ зрѣлищемъ. Посланники остались въ этомъ городѣ тотъ четвергъ когда пріѣхали, пятницу и субботу, а въ воскресенье, восьмого числа іюня мѣсяца, послѣ полудня выѣхали оттуда. Такъ какъ въ тотъ день нельзя было получить лошадей, то послали за лошадьми въ войско, которое тутъ проходило. Въ эту ночь они ночевали на лугу. Съ тѣхъ поръ какъ посланники вышли на землю въ Трапезондской землѣ, до этого города на горахъ они постоянно видѣли снѣгъ; а отсюда дальше уже не видали снѣгу, и страна эта была гораздо жарче.

LXXXI. На другой день, въ понедѣльникъ въ полдень они пріѣхали къ одному мѣсту, которое называется Каза: это былъ большой городъ, построенный на равнинѣ, и со всѣхъ сторонъ

ños redondos, é lo [los] mas dellos cobiertos de pelo, que parescian á los del 108.
ciervo quando le nascen, é tan alto avia el pescuezo é tanto lo estendia quanto queria, que encima de una pared que oviese cinco ó seis tapias en alto podria bien alcanzar á comer: otrosi encima de un alto arbol alcanzaba á comer las fojas dél, que las comia mucho. Asi que ome que la nunca oviese visto, le parescia maravilla de ver: é los dichos Embajadores estovieron en esta dicha ciudad el jueves que alli llegaron, é viernes é sabado é domingo siguiente, que fueron ocho dias del dicho mes de Junio, despues de medio dia partieron de aqui. E porque este dia non se podrian aver caballos, mandaron tomar los caballos á la gente de la hueste que por alli pasaban. E fueron esta noche dormir á unos prados, é desque los dichos Embajadores tomaron tierra en tierra de Trapisonda, fasta esta ciudad siempre en las montañas paresció nieve, é de aqui adelante non la fallaron é fué tierra mas caliente.

LXXXI. E otro dia lunes á hora de medio «dia» fueron en un lugar que ha nombre Caza: el qual era bien grande é poblado en un llano, é muchas huertas é aguas que iban por todas partes. E ante este dicho lugar

вокругъ него было много воды и садовъ. Передъ этимъ городомъ лежитъ озеро соленой воды, вокругъ котораго будетъ сто миль; на немъ было три острова, и одинъ изъ нихъ былъ обитаемъ. Ночь они ночевали въ одномъ мѣстѣ, которое называется Кусакана; это былъ большой городъ, но большая часть его была разрушена; разсказывали, что его разрушилъ Корамишь, императоръ Татарскій. Этого императора побѣдилъ Тамурбекъ и выгналъ изъ его владѣній, и теперь онъ лишенъ ихъ, какъ вамъ будетъ послѣ разсказано. Въ этой мѣстности жило много Армянъ.

На другой день во вторникъ ночевали въ одномъ городѣ, который называется Чаускадъ. Онъ стоялъ на равнинѣ, и вокругъ него было много садовъ, виноградниковъ и плодовыхъ деревьевъ; а съ горы, которая возвышалась надъ этимъ мѣстомъ, спускалось много воды, которою орошались эти сады; отсюда возили много плодовъ даже въ городъ Тавризъ и въ разныя другія стороны. Ночью они остановились въ полѣ. Большая часть дороги, по которой они шли въ этотъ день, проходила по садамъ, виноградникамъ и между водъ, которыя тянулись далеко;

está un lago de agua salada que boxa [bor|gia] en derredor cien [cient] millas, é dentro en ella avia tres islas, la una de ellas era habitada. E en la noche fueron dormir á un lugar que ha nombre Cusacana: el qual era un gran pueblo; pero que estaba lo mas dél destroido é decian, que el Emperador Coramix, Emperador de Tartaria, [Tartalia] lo avia destroido: el qual Emperador destroyó [estroyó] el Tamurbec, é echó de su señorio, é está agora sin él segun adelante vos será escripto: é en este lugar avia muchos Armenios.

E otro dia martes fueron dormir á un lugar llamado Chauscad, é estaba en un llano, é en él avia muchas huertas é viñas é muchos arboles é frutas, é de una montaña que encima deste lugar estaba, descendian muchas aguas de que se regaban estas dichas huertas, é deste lugar llevaban mucha fruta asi á la ciudad de Tauris, como á otras partes: é en la noche fueron dormir en el campo, é lo mas del camino que este dia anduvieron fué por entre huertas é viñas é aguas, que turaban mucho, é el

дорога была ровная, и путь по этимъ садамъ казался очень красивъ.

LXXXII. Въ слѣдующую среду, одиннадцатаго числа іюня мѣсяца, во время вечерни пріѣхали въ большой городъ Тавризъ. Этотъ городъ лежитъ въ долинѣ между двумя высокими безлѣсными хребтами горъ. Онъ не окруженъ стѣнами, а горы, что съ лѣвой стороны, стоятъ очень близко къ городу; онѣ очень жаркія, и вода, которая стекаетъ съ нихъ, нездоровая; другія горы, которыя на правой сторонѣ, стоятъ немного дальше отъ города; онѣ очень холодныя и на нихъ круглый годъ лежитъ снѣгъ, а вода, которая течетъ съ нихъ, очень хорошая. Эта вода идетъ въ городъ и растекается въ немъ по разнымъ мѣстамъ. Въ цѣпи горъ, которыя идутъ передъ городомъ, есть двѣ горы, которыя были прежде очень близко одна отъ другой, и съ каждымъ годомъ становятся все дальше. На хребтѣ горъ, что на лѣвой сторонѣ, около одной лиги оттуда, есть высокая вершина, которую, говорятъ, однажды купили Генуэзцы, чтобъ построить на ней замокъ; купили ее у одного императора, котораго звали Султанъ Вайсъ. Продавши ее, говорятъ,

camino era llano, é parescia muy fermoso el andar por entre estas dichas huertas. 109.

LXXXII. E miercoles siguiente, que fueron once dias del dicho mes de Junio, á hora de vísperas fueron en la gran ciudad de Tauris, la qual ciudad está en un llano entre dos sierras altas sin montañas, é non es cercada, é la montaña de la mano izquierda está bien cerca de la ciudad «é» es muy caliente, é el agua que desciende della non es sana: é la otra montaña que está á la mano derecha está un poco mas arredrada de la ciudad, é es muy fria, é en ella está nieve todo el año, é las aguas que della descienden son muy buenas. E estas aguas van á la ciudad, é andan por ella por muchas partes, é | en esta montaña á ojo de la ciudad están dos sierras altas, que dicen, que solian ser juntas una con otra, é que de cada año se arriedran la una de la otra: é en la montaña de la mano izquierda, quanto una legua de ésta, está un cabezo alto, que dicen, que Genoveses [Ginoveses] lo compraron una vez para facer en él un castillo, é que lo compraron de un Emperador, que ovo nombre Soltanvays; é de-

онъ раскаялся, и когда они захотѣли строить замокъ, онъ послалъ за ними и сказалъ имъ, что въ его землѣ нѣтъ обычая чтобъ купцы строили замки; что они могутъ увозить изъ его земли товары, которые купили, и что такъ и имъ слѣдуетъ сдѣлать; а если хотятъ построить замокъ, то пусть перенесутъ свою землю изъ его владѣній; когда они стали спорить съ нимъ, онъ приказалъ отрубить имъ головы. Съ горъ правой стороны спускается большая рѣка, которая течетъ къ городу; прежде чѣмъ она подойдетъ къ городу, ее раздѣляютъ на много каналовъ и рукавовъ, которые идутъ по разнымъ частямъ и улицамъ города. Въ городѣ есть много хорошо отдѣланныхъ улицъ и переулковъ, гдѣ продаютъ разныя вещи, и есть хорошо устроенныя лавки; между этими улицами и переулками есть большіе дома съ многими дверьми, похожіе на алькасеріи, и въ нихъ внутри дома и лавки, гдѣ находятся разные хорошо устроенные магазины. Изъ этихъ алькасерій выходятъ ворота на разныя улицы, гдѣ продаютъ многія вещи, какъ на пр. шелковыя и бумажныя ткани, сендаль и тафту, шелкъ и жемчугъ. Въ этихъ алькасеріяхъ продаютъ также много разныхъ вещей. Этотъ го-

cian, que desque se lo ovo vendido, que se arrepintió, é que quando ellos quisieron facer el dicho castillo, que envió por ellos el dicho Emperador, é que les dixo, que en su tierra non era costumbre de mercaderes facer castillo: salvo que las mercadurias [mercaderias] que compraban, que las llevasen fuera de su tierra, é que asi convenia facer á ellos; é que si castillo querian facer, que llevasen aquella tierra fuera de su señorio: é porque contrastaron con él, mandóles cortar las cabezas. E de la montaña de la mano derecha desciende un gran rio que viene á la ciudad, é antes que á la ciudad llegue, partenlo por muchas acequias é caños, que van por ciertas calles é lugares de la ciudad, é por la dicha ciudad ay muchas ruas é calles muy ordenadas en que venden muchas cosas, é están oficiales bien ordenados, ca entre estas calles y ruas ay unas muy grandes casas con muchas puertas que son como alcacerias, é dentro ellas ha muchas casas é boticas, en que están oficiales de muchas maneras muy bien ordenados. E destas alcacerias salen ciertas puertas á ciertas ruas, do venden muchas cosas, asi como paños de seda é de algodon é cendales é tafetanas

родъ очень шумный и торговый. Въ одномъ мѣстѣ этихъ алькасерій есть люди, которые продаютъ разные духи и мази для женщинъ; и женщины сами приходятъ покупать ихъ и мажутся и умащаются этими духами. Онѣ ходятъ совсѣмъ закутанныя въ бѣлыя покрывала и съ сѣтками изъ черныхъ конскихъ волосъ передъ глазами; такими закутанными ходятъ онѣ для того чтобы ихъ нельзя было узнать. Въ этомъ городѣ есть очень большія зданія и мечети, украшенныя удивительнымъ образомъ изразцами и плитами, лазурью и золотомъ Греческой работы и множествомъ прекрасныхъ стеколъ. Говорятъ, что эти замѣчательныя работы были сдѣланы важными и извѣстными богатствомъ людьми, которые завидовали другъ другу и хотѣли посмотрѣть, кто изъ нихъ сдѣлаетъ лучше; и такимъ образомъ они растратили все свое богатство. Между этими зданіями и постройками былъ одинъ большой домъ, окруженный красивою стѣной богатой работы, въ которомъ было двадцать тысячь покоевъ и отдѣльныхъ комнатъ; этотъ домъ, говорятъ, построилъ одинъ Персидскій императоръ, котораго звали Султанъ Вайсъ, и построилъ его на тѣ деньги, что ему далъ въ

[tafetanes] é seda é alxofar. E en estas alcacerias venden otrosi muchas
cosas. E es ciudad de gran bollicio é de muchas mercadurias [mercaderias]: 110.
é en un lu|gar destas alcacerias están unos omes que venden muchas oluras é afeytes para [las] mugeres, é ellas mesmas vienen alli á lo comprar, é se afeytan é untan con aquellas oluras, é vienen todas cobiertas con unas sabanas blancas, é ante los ojos unas redes de sedas prietas de caballo, é asi van atapadas que las non pueden conoscer. E en esta ciudad ay muy grandes edificios de casas é de mezquitas, fechas á maravillosa obra de azules é de losas, é de azul é oro de obra de Grecia, é de vedrieras muy fermosas é muchas. E decian, que al tiempo que aquellas grandes obras se ficieron, que las facian omes grandes é ricos á fama, é de sí, unos á envidia de otros, por ver quál faria mas maravillosa obra; é que en esto despendian sus caudales: é entre estas dichas obras é edificios avia una gran casa que tenia una cerca sobre sí bien fermosa é de rica obra, en la qual casa avia veinte mil casas, é camaras apartadas é apartamientos, é esta casa, dicen [dice], que ficiera un Emperador de la Persia que ovo nombre Soltanvays, é que la ficiera del tesoro del trebuto [tributo] que le diera el

дань султанъ Вавилонскій въ первый годъ какъ онъ сдѣлалъ его своимъ данникомъ; и онъ назвалъ этотъ домъ Тольбатгана, что значитъ домъ удачи. Этотъ домъ построенъ очень хорошо, и почти весь еще цѣлъ, хотя всѣ красивые дома этого города, которые были внѣ его, были разрушены по приказанію Міашà, старшаго сына Тамурбека, какъ вы сейчасъ услышите. Этотъ городъ очень великъ и очень богатъ деньгами и товаромъ, который въ немъ покупается и продается каждый день. Говорятъ, что въ прежнее время онъ былъ болѣе населенъ; однако и нынѣшнее населеніе займетъ пожалуй двѣсти тысячь домовъ, и больше. Въ немъ есть нѣсколько площадей, гдѣ продаютъ мясо, очень хорошо и чисто свареное и приготовленное разными способами, и разные плоды. Въ этомъ же городѣ возлѣ одной площади на улицѣ у одного дома стоитъ сухое дерево; говорятъ, что когда это дерево позеленѣетъ, тогда въ этотъ городъ прійдетъ одинъ Христіанскій епископъ со многими Христіанами; у него въ рукахъ будетъ крестъ и онъ обратитъ къ вѣрѣ Іисуса Христа жителей города; это, говорятъ, предсказалъ одинъ Мавръ Сайтенъ, бывшій чѣмъ то въ родѣ отшельника. Жители города

Soldan de Babylonia el primero [primer] año que lo atrebutó [atributó], é puso nombre á esta casa Tolbatgana, que quiere decir, la casa de la ventura. E esta dicha casa está lo mas della enfiesto, é bien fecho, como quiera que todos quantos buenos edificios en esta ciudad eran fuera della, tantos fizo derrocar Miaxa [Miraxa] el fijo mayor del Tamurbec, por lo que adelante oiredes. E esta ciudad es muy grande, é muy rica de moneda, é de muchas mercadurias [mercadorias] que en ella se tratan cada dia. E dicen, que otro tiempo solia ser mas poblada; pero en lo que hoy dia es poblada ay bien docientas mil casas é mas, e en ella [31] ay muchas plazas en que venden muy reglada é muy limpiamente carne cocida é adobada de muchas maneras, y muchas frutas: é en esta ciudad acerca de una plaza está un arbol seco en la calle junto con una casa, é dicen, que aquel arbol ha de tornar verde, é en aquel tiempo ha de ir á aquella ciudad un Obispo Christiano, con mucha gente de Christianos, é que ha de llevar una cruz en la mano, é que ha de convertir á los de aquella ciudad á la fé de Jesu-Christo; é esto, decian, que lo decia un Moro Zayten, que era

были очень раздосадованы этимъ и пришли срубить дерево; ударили его три раза топоромъ, и у тѣхъ, которые ударили, сломались руки. Мавръ, который это предсказалъ, недавно умеръ; говорятъ, что онъ предсказалъ еще многое другое. Говорятъ даже, что когда Тамурбекъ былъ въ этомъ городѣ, то послалъ за этимъ Мавромъ и онъ предсказалъ ему это и многое другое. Это дерево и теперь стоитъ въ той улицѣ, и никто не смѣетъ подойдти къ нему. На улицахъ и площадяхъ этого города есть много водоемовъ и колодцевъ; весною ихъ наполняютъ кусками льду, ставятъ много мѣдныхъ и жестяныхъ кружекъ и народъ можетъ пить. Въ этомъ городѣ коррегидоромъ, что на ихъ языкѣ называется деррегá, былъ одинъ родственникъ царя, который оказалъ большой почетъ посланникамъ. Еще были въ этомъ городѣ красивыя и богатыя мечети, и также были бани, самыя великолѣпныя, я думаю, какія только могутъ быть на свѣтѣ. Посланники оставались въ этомъ городѣ девять дней, и когда они захотѣли уѣзжать, имъ привели царскихъ лошадей, чтобъ ѣхать имъ и людямъ ихъ и чтобъ имъ можно было повезти все свое; потому

como hermitaño: é dicen, que la gente desta ciudad que ovo desto gran
despecho, é que fueron á cortar aquel arbol, é dieronle tres golpes con 111.
un destral, é los que se los dieron, quebraronseles los brazos; é este Moro
que esto decia avia poco que murió, é dicen, que decia otras muchas
cosas: é aún decian, que el Tamurbec estando en esta ciudad envió por
este Moro, é que le contó esto é otras cosas asaz: é este dicho arbol está
hoy dia alli en aquella calle, que non osa llegar ninguno alli. E por las
calles é plazas desta ciudad ay muchas fuentes é pilares, é en verano
finchenlas de pedazos de yelo é con muchos jarrillos de laton y de cobre
en ellas, con que beben las gentes: é en esta ciudad estaba un pariente
del Señor por Corregidor della, que llaman ellos Derrega, que fizo mucha
honra á los dichos Embajadores; é otrosi en esta ciudad avia muchas
mezquitas muy ricas é fermosas, é otrosi avia muchos baños los mas
solemnes que creo que en el mundo pueden ser: é los dichos Embajadores
estovieron en esta ciudad nueve dias, é quando quisieron partir, troxieronles caballos de los del Señor, en que fuesen ellos é todos los sus o|mes, é
llevasen lo suyo: ca desde aqui adelante tenia el Señor puestos caballos

что начиная съ этого мѣста у царя были заготовлены лошади, чтобъ тѣ, которые пріѣзжаютъ къ нему, могли ѣхать на нихъ день и ночь, иные по суткамъ, а другіе по полусуткамъ; въ одномъ мѣстѣ было ихъ сто, въ другомъ пятьдесятъ, а въ третьемъ двѣсти; и такъ были устроены дороги до самаго Самарканда. Отъ этого города до Вавилона было десять дней пути; а онъ стоялъ на правой рукѣ противъ Балдака.

LXXXIII. Въ пятницу, двадцатаго числа іюня мѣсяца посланники выѣхали изъ Тавриза около девятаго часа и пріѣхали къ ночи въ замокъ, который называется Сайдана.

На другой день, въ субботу обѣдали въ селеньи, которое называется Худжанъ, а ночевали въ полѣ.

Въ воскресенье утромъ пріѣхали въ одно селенье, которое называется Сантгелана, а обѣдали въ другомъ, по имени Туселаръ; оно было населено племенемъ, которое называется Туркоманы. Эта страна была ровная, ровнѣе той, по которой они до сихъ поръ проходили, и очень жаркая. Изъ каждаго изъ этихъ селеній выносили угощеніе и подавали посланникамъ. Обычай тамъ былъ такой: когда

en paradas, para que los que á él fuesen, cavalgasen en ellos, é anduviesen de dia y de noche, dellos á media jornada, é dellos á una; é en algun lugar ciento, é en otro cincuenta, é en otro lugar docientos [ducientos], é asi tenia los caminos ordenados fasta la ciudad de Samarcante, é desta ciudad fasta Babylonia avia diez jornadas é estaba á la mano derecha facia Baldac.

LXXXIII. E viernes, veinte dias del dicho mes de Junio, los dichos Embajadores partieron de aqui de Tauris á hora de nona, é fueron dormir á un castillo que ha nombre Zaydana.

E otro dia sabado fueron comer á una aldea que ha nombre Hujan, é en la noche fueron dormir en el campo.

E domingo en la mañana fueron en una aldea que ha nombre Santguelana, é fueron comer á otra aldea que ha nombre Tucelar, é era habitada de una generacion que llaman Turcomanes, é esta tierra era llana mas que la que fasta alli avian traido, é era muy caliente; é de cada aldea destas sacaban mucha vianda que daban á los dichos Embajadores, é la costumbre era esta: como llegaban los dichos Embajadores

посланники пріѣзжали, они должны были сойдти съ лошадей и сѣсть на коврахъ, которые имъ разстилали въ полѣ гдѣ нибудь въ тѣни; потомъ сейчасъ же изъ каждаго дома приносили кушанья; кто хлѣбъ, кто кринки съ кислымъ молокомъ и другія кушанья, которыя у нихъ обыкновенно готовились изъ рису или маису; если они тамъ хотѣли остановиться, то имъ давали много мяса; а то, что имъ подавали сейчасъ, было только для встрѣчи. Съ наступленіемъ ночи выѣхали оттуда, чтобы ѣхать ночью, потому что въ это время невозможно ѣхать днемъ, отъ большого жара и отъ большихъ мухъ, которыя умерщвляютъ людей и животныхъ; и даже когда они пріѣхали въ это селенье, солнце уже не было очень жарко, а мухъ было столько, что животныя не могли ихъ выносить даже и на ходу, и кровь текла изъ нихъ такъ, что нельзя было не удивляться.

LXXXIV. На другой день, въ понедѣльникъ около перваго часа пріѣхали къ одному городу, который называется Міана, т. е. полъ-дороги. Здѣсь они простояли весь день и къ ночи поѣхали на хорошихъ царскихъ лошадяхъ, которыхъ имъ дали очень довольно, и ѣхали всю ночь.

avian de descenderse [descendirse], é asentarse en unos tapetes que les
ponian en el campo é so alguna sombra, é de cada casa le daban luego 112.
subito de comer, qual pan, é qual escodillas de leche azeda é otros potages que ellos acostumbran á comer de arroz ó de masa, é si alli querian quedar [dar], dabanles mucha carne [que] porque lo que les asi luego daban, era para en llegando. E en anocheciendo partieron de aqui, por andar este camino de noche, ca se non pue|de andar de dia en este tiempo, por la gran calentura que en este tiempo face, é por los muchos tavanos que ay, que matan las bestias é los omes; é aún quanddo á esta aldea llegaron, non era el sol bien caliente, é los tavanos eran tantos, que las bestias non lo pudieron endurar, como quiera que fuesen corriendo, iba dellas tanta sangre que era maravilla.

LXXXIV. E otro dia lunes á hora de prima fueron en un lugar que es llamado Miana, que quiere decir, medio camino; é aqui estovieron todo el dia, é en la noche partieron de aqui en buenos caballos que les dieron folgados de los del Señor, é anduvieron [andovieron] toda la noche.

На другой день, во вторникъ, день Св. Іоанна, утромъ пріѣхали къ большимъ домамъ, устроеннымъ для того, чтобъ тутъ останавливались купцы и путешественники, которые проходятъ, и здѣсь простояли до вечерни. Пока они были тутъ, къ нимъ пріѣхалъ вѣстникъ отъ Мирассы̀ Міашà, старшаго сына царя, который сказалъ имъ, что его государь проситъ ихъ ѣхать какъ можно скорѣе, чтобы явиться къ нему на поле недалеко оттуда, гдѣ онъ стоялъ со своимъ войскомъ. Имъ дали царскихъ лошадей, и когда наступила ночь, они поѣхали. Съ разсвѣтомъ они встрѣтили другого вѣстника Мирассы̀ Міашà, который сказалъ имъ, что его государь поѣхалъ въ Султанію и проситъ ихъ идти какъ можно скорѣе, потому что онъ отправился туда, чтобъ видѣться съ ними. Около полудня они пріѣхали къ одному дому, гдѣ тоже держали царскихъ лошадей; этотъ домъ стоялъ на берегу рѣки; здѣсь они отдохнули и вечеромъ поздно выѣхали.

Ночью пріѣхали къ одному городу, который называется Санга; этотъ городъ былъ почти весь необитаемъ; а разсказывали, что прежде это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Персіи. Онъ лежалъ въ долинѣ между двумя цѣпями

E otro dia martes dia de Sant Juan, en amanesciendo fueron en unas grandes casas, que fueron fechas para en que estoviesen las gentes é mercaderes [mercadores] que por alli pasasen, é aqui estovieron fasta hora de vísperas: é estando aqui les llegó un mensagero de Mirassa Miaxa, fijo mayor del Señor, el qual les dixo: que el Señor les enviaba rogar, que anduviesen quando pudiesen, é que le fuesen ver á un campo do estaba con su hueste, que era acerca de alli, é aqui les dieron otrosi caballos de los del Señor; é en anocheciendo partieron de aqui, é quando amanesció fallaron otro mensagero de Miaxa Mirassa, el qual les dixo que el Señor era ido á Zoltania, é que les rogaba, que anduviesen quanto pudiesen, que él era venido alli por los ver; é á hora de medio dia fueron en una casa onde tenian caballos del Señor, que estaba ribera de un rio, é alli estovieron la siesta, ó en la tarde partieron de alli.

En la noche fueron en una ciudad que es llamada Sanga: la qual | ciudad estaba lo mas della deshabitada, é decian que esta fuera una de las grandes ciudades que en toda la Persia solia aver, é estaba

высокихъ безлѣсныхъ горъ; стѣна у него была разрушена, а внутри его были большіе дома и мечети, и по улицѣ шло много каналовъ, которые были безъ употребленія. Въ этомъ городѣ былъ государемъ Дарій; это былъ самый большой городъ въ его владѣніяхъ, который онъ больше всего цѣнилъ, и гдѣ больше всего жилъ; и отсюда онъ вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ и силою, когда воевалъ съ Александромъ. Тутъ они простояли эту ночь до слѣдующаго дня и имъ дали царскихъ лошадей, чтобъ ѣхать; ихъ здѣсь очень хорошо приняли и дали имъ пищи и плодовъ.

LXXXV. Въ четвергъ двадцать шестого іюня около полудня пріѣхали въ большой городъ Султанію, и застали тамъ Міашà Мирассỳ, старшаго сына Тамурбека. На другой день въ пятницу утромъ они отправились къ этому Міашà Мирассѣ; и такъ какъ тамъ есть обычай, когда кто нибудь пріѣзжаетъ къ нимъ, давать имъ подарки, то и посланники взяли разныя вещи, платья и шерстяныя ткани, которыя тамъ очень цѣнятся и разныя другія вещи, и отвезли ихъ къ Міашà Мирассѣ. Они застали его во дворцѣ, при которомъ былъ большой садъ,

asentada en un llano entre dos montañas altas sin montes, é la cerca avia caida; pero dentro en ella avia grandes edificios de casas é de mezquitas é por las calles iban muchos caños de agua que iban perdidos. E desta 113.
ciudad fué Dario señor, é esta era la mayor ciudad de su señorio é de que se él mas preciaba, é onde mas facia la su morada: é desta salió con su hueste é poderio, quando peleó con Alexandre. E aqui estovieron esta noche fasta otro dia, é dieronles caballos del Señor en que fueron é aqui les dieron mucha vianda é muchas frutas, é fueron bien servidos.

LXXXV. Jueves, veinte y seis dias del dicho mes de Junio, á hora de medio dia llegaron á la gran ciudad de Soltania, é aqui fallaron al dicho Miaxa Mirassa fijo mayor del Tamurbec. E otro dia viernes en la mañana fueron ver al dicho Miaxa [Miraxa] Mirassa; é por quanto es su costumbre, de quando alguno les va á ver, de les dar alguna cosa, é los dichos Embajadores tomaron algunas cosas, ropas de paño é lana, que se precia mucho en ellos é otras cosas: é llevaronlas al dicho Miaxa Mirassa, é fallaronlo en unos palacios en que avia una gran huerta, en que estaban

гдѣ было много вооруженныхъ людей; онъ принялъ ихъ очень хорошо, посадилъ ихъ съ собою въ палаткѣ гдѣ сидѣлъ, и спросилъ о здоровьи короля нашего государя. Поговоривши нѣсколько времени, они пошли кушать и посланники кушали по ихъ обычаю; а когда они хотѣли уѣзжать, онъ приказалъ дать имъ платья изъ камокана. Этотъ городъ Султанія стоитъ на равнинѣ и у него нѣтъ стѣнъ; но за то есть замокъ, большой и съ хорошею каменною стѣной съ очень красивыми башнями; всѣ башни были украшены изразцами отдѣланными разными узорами, и въ каждой башнѣ былъ маленькій катапультъ. Этотъ городъ очень населенъ; но не такъ великъ какъ Туусъ; за то въ немъ больше торговли, потому что сюда приходятъ каждый годъ, особенно въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ большіе караваны верблюдовъ, которые привозятъ очень много товаровъ; караваны у нихъ значитъ то же что у насъ вьючные обозы. Этотъ городъ ведетъ большую торговлю и приноситъ большой доходъ государю. Каждый годъ туда приходитъ много купцовъ изъ малой Индіи, которые привозятъ много пряностей, такъ какъ сюда привозятся лучшіе сорты мелкихъ

armadas muchas gentes, é él rescibiólos muy bien, é fizoles estár consigo en una tienda onde él estaba, é demandóles por el estado del Rey nuestro Señor; é desque ovieron departido una gran pieza, traxeron de comer, é comieron alli los dichos Embajadores segun su costumbre, é quando se dél quisieron partir, fizoles vestir sendas ropas de camocan [camoca]. Esta dicha ciudad [32] de Soltania está en un llano, é non ha cerca ninguna; pero en ella está un castillo bien grande de buen muro de piedra con sus torres bien fermosas, é todas las torres é cercas eran vandadas de azulejos fechos á muchos lazos, é en cada torre avia un trabuco pequeño. E esta dicha ciudad es muy poblada; pero non es grande como Tuus; pero es mayor escala de mercadurias, ca aqui vienen de cada año señaladamente por el mes de Junio é Julio é Agosto muy grandes caravanas [caravañas] de camellos, que traen grandes mercadurias [mercadorias]; é caravanas [caravañas] dicen ellos aci como nos decimos por recua de bestias: é es ciudad de gran meneo, é que rinde mucho al Señor; é aqui vienen de cada año muchos mercaderes de la India menor que traen mucha especeria, ca aqui viene la mayor suerte del especia menuda que non va á la

пряностей, которыя не идутъ въ Сирію, какъ гвоздика, мушкатные орѣхи, корица, манна, мушкатный цвѣтъ и многія другія цѣнныя пряности, которыя не идутъ въ Александрію и которыхъ тамъ нельзя найдти. Кромѣ того туда привозится большая часть шелка, который вырабатывается въ Гилянѣ, землѣ, находящейся близь моря Баку, гдѣ каждый годъ выдѣлывается много шелку. Этотъ Гилянскій шелкъ идетъ въ Дамаскъ, въ землю Сирійскую, въ Турцію, въ Зафу и во многія другія мѣста. Еще привозятъ сюда шелкъ, который выдѣлывается въ землѣ Шамахи; это земля гдѣ шелку выдѣлывается очень много, и туда за шелкомъ пріѣзжаютъ купцы даже Генуэзскіе и Венеціанскіе. Эта земля такая жаркая, что когда по ней ѣдетъ какой нибудь чужеземный купецъ, его ударяетъ солнце и убиваетъ; а когда солнце ударяетъ, то говорятъ, идетъ прямо въ сердце, производитъ тошноту и потомъ смерть; говорятъ также, что тогда сильно жжетъ спину; тѣ которые и перенесутъ это, говорятъ, всегда остаются желтые, точно выдра, и никогда не возвращается къ нимъ ихъ прежній цвѣтъ лица. Кромѣ того привозятъ много шелковыхъ и бумажныхъ тканей, тафты, сендаля и другихъ изъ земли, которая называется

Suria, asi como clavos de girofre é nueces moscadas é cinamomo é manna
é macis é otras muchas especias muy preciadas que non van en Alexand- 114.
ria, nin se pueden allá fallar. Otrosi viene aqui toda la mas de la seda que se labra en Guilan, que es una tierra cerca del mar del Bacu, onde se face mucha seda de cada año. E desta seda de Guilan va en Damasco é en tierra de la Suria, é en la Turquia é en la Zafa, é en otras muchas partes. E otrosi viene la seda que se labra en tierra de Xamahi, que es una tierra onde se labra mucha seda, é los mercaderes [mercadores] van «á» aquella tierra por ella, é aún Genoveses é Venecianos. E esta tierra es tan caliente, que quando algun mercader de los de fuera parte le toma el sol, matalo, é quando el sol les toma, diz, que les va luego al corazon, que les face vasquear é morir, é diz que les arde las espaldas | mucho: é el que dello escapa, diz, que queda para siempre amarillo como alutrado, que nunca torna á su color. E otrosi vienen aqui muchos paños de seda é de algodon é tafetanes [tafetaes] é cendales é otros paños de una tierra que es llamada Xiras, que es cerca de la India me-

Шираз и находится близь малой Индіи, и изъ Іесена и Серпи; а изъ Орасаніи привозятъ много бумаги пряденой и не пряденой, и также бумажныя ткани, окрашенныя въ разные цвѣта, которыя изготовляются для одежды. Эта земля Орасанія очень большое царство, которое тянется отъ земли Татарской до Малой Индіи. По этимъ землямъ, по Ширазу и по Орасаніи проѣзжали посланники. Кромѣ того (привозится) еще изъ города Ормуза, большого города, который прежде принадлежалъ къ малой Индіи, а теперь принадлежитъ Тамурбеку, въ этотъ городъ Султанію также много жемчугу и драгоцѣнныхъ камней. Потому что изъ Катая ѣдутъ по морю корабли почти десять дней; они ѣдутъ по западному морю, которое находится внѣ земли, и когда приходятъ къ одной рѣкѣ, то ѣдутъ по ней тоже десять дней до города Ормуза. Корабли и суда, которые ѣздятъ по этому морю, сдѣланы безъ желѣза, а только съ деревянными гвоздями и веревками; потому что если бы на нихъ было желѣзо, они сейчасъ же были бы разнесены магнитомъ, котораго очень много на этомъ морѣ. На этихъ судахъ везутъ много жемчугу, только везутъ его для того чтобы протыкать насквозь. По-

nor; é de Yesen é de Serpi: é de tierra de Orazania viene mucho algodon filado, é por filar, é otros paños de algodon teñido de muchas colores, que facen para vestir. E esta tierra de Orazania es un grande Imperio, que dura desde tierra de Tartaria [Tartalia] fasta tierra de la India menor: é por estas tierras de Xiras é de Orazania pasaron los dichos Embajadores, é otrosi de la ciudad de Ormus, que es una gran ciudad, que solia ser de la India menor, é agora es del Tamurbec. E viene á esta ciudad de Soltania mucho alxofar é piedras de precio. Ca del Catay vienen por mar fasta diez jornadas desta ciudad las naos, é navegan por el mar Occidiano, que es el mar que está de fuera de la tierra, é desque llegan á un rio vienen diez jornadas por él fasta esta ciudad de Ormus [Ormes]; é estas naos é fustas que navegan por aquel mar non han fierro, nin son fechas nin travadas salvo con tarugos de madero é con cuerdas, ca si de fierro fuesen guarnidas luego serian deshechas por las piedras imanes, que ha muchas en este mar. E en estas fustas vienen mucho alxofar, salvo que lo traen por foradar. E otrosi vienen robies, que non los ha finos

томъ везутъ рубины, которыхъ нигдѣ нѣтъ хорошихъ, кромѣ какъ въ Катаѣ, много пряностей, которыя потомъ развозятся по всему свѣту. Самое большое количество жемчугу, какое только есть въ мірѣ, находится въ этомъ Катайскомъ морѣ; его свозятъ въ городъ Ормузъ чтобъ отдѣлать и проткнуть; и купцы, Мавры и Христіане, говорятъ, что до сихъ поръ они не знаютъ въ этихъ странахъ другого мѣста, гдѣ бы протыкали и отдѣлывали жемчугъ, кромѣ этого города Ормуза. А изъ Султаніи до Ормуза ѣдутъ около шестидесяти дней. Разсказываютъ также въ этой западной странѣ, что жемчугъ родится въ большихъ раковинахъ, которыя называются jacares. А тѣ которые пріѣзжаютъ изъ странъ Ормуза и Катая, говорятъ, что жемчугъ родится въ устричныхъ раковинахъ, и раковины эти большія и бѣлыя какъ бумага; ихъ везутъ въ Султанію и въ Тавризъ и дѣлаютъ изъ нихъ серьги и кольца, и другія вещи, похожія на жемчугъ. Всѣ купцы, которые пріѣзжаютъ изъ христіанскихъ земель, изъ Кафы и изъ Трапезонда, также купцы Турецкіе, Сирійскіе и Балдакскіе, пріѣзжаютъ каждый годъ въ это время въ городъ Султанію покупать товары. Этотъ городъ лежитъ въ

salvo en el Catay, é mucha especeria, é de alli va despues por todas las partes del mundo. E lo mas alxofar que en el mundo se ha, se pesca é falla en aquel mar del Catay, é traenlo á este lugar de Ormus [Ormes] á foradar é adobar, é mercaderes [mercadores] Moros é Christianos, di- 115.
cen | que non saben agora en estas partidas onde se forade nin adobe alxofar, salvo en esta ciudad de Ormus. E desta ciudad de Soltania van fasta esta ciudad de Ormus en sesenta jornadas. Otrosi dicen en esta tierra de Poniente, que el alxofar nace en unas conchas grandes que llaman jacares. E los que vienen de aquella partida de Ormus é de Catay, dicen, que el alxofar nace é se falla en las ostias, é estas ostias en que lo fallan, son grandes é blancas como el papel, é dellas traen á esta ciudad de Soltania, é á la ciudad de Tauris, é facen dellas sercillos é sortijas, é otras cosas que son semejantes de alxofar; é todos los mercaderes que van de tierra de Christianos, de Cafa é de Trapisonda, é los mercaderes de la Turquia é de la Suria é de Baldac vienen de cada año por este tiempo á esta ciudad de Soltania á facer sus mercadurias: é esta

равнинѣ; черезъ него проходитъ много каналовъ, и въ немъ есть много хорошо отдѣланныхъ площадей и улицъ, гдѣ продаются разные товары. Еще есть въ немъ большія гостинницы, гдѣ останавливаются купцы, которые пріѣзжаютъ туда.

LXXXVI. За этимъ городомъ начинаются большія равнины, которыя тянутся далеко; земля эта очень населена. На правой рукѣ находятся голыя безлѣсныя горы, а за ними лежитъ страна, называющаяся Курчистанъ; эти горы очень дикія, и на нихъ цѣлый годъ лежитъ снѣгъ. А на лѣвой рукѣ стоятъ другія безлѣсныя горы; онѣ очень жаркія, и за ними лежитъ земля, которая называется Гилянъ. Есть море Баку, которое находится посреди земли и не соединяется ни съ какимъ другимъ моремъ; отъ города Султаніи до этого моря Баку шесть дней пути. Въ этомъ морѣ Баку, на нѣкоторыхъ островахъ его находятъ алмазы. А въ землѣ Гилянской никогда не падаетъ снѣгъ, такая она жаркая, и въ ней ростетъ много лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Этотъ городъ Султанія ведетъ такую большую торговлю, что каждый годъ приноситъ очень много дохода своему государю. Города

ciudad está asentada en un llano, é vienen por ella muchos caños de agua, é en ella ha muchas plazas é calles bien ordenadas onde se venden las mercadurias. E en esta ciudad ha muy grandes casas de mesones, en que posan é están los mercaderes que alli vienen.

LXXXVI. E allende desta ciudad comienzan unos grandes llanos que duran mucho, é es tierra muy poblada, é á la mano derecha están unas montañas altas rasas sin montes, é detrás dellas está una tierra que se llama Curchistan, é estas montañas son muy fieras, é todo el año dura la nieve en ellas; é á la mano siniestra estan otras montañas que son rasas sin montes, é son calientes, é detrás dellas está una tierra que se llamaba Guilan [Ginilan]. Està el mar de Bacu, que es un mar que está en medio de la tierra, que non llega á otro mar ninguno; é desta ciudad de Sol|tania fasta este mar de Bacu ha seis jornadas. E en este mar de Bacu se fallan los diamantes en unas islas dél. E en esta tierra del Guilan nunca cae nieve, tan caliente es; é ha muchas cidras é limas é naranjas. E esta ciudad de Soltania es de tan gran meneo, que rinde al Señor de cada año

Султанія и Тавризъ, вмѣстѣ съ Персидскимъ царствомъ, прежде принадлежали Мирассѣ Міашà, старшему сыну Тамурбека, а теперь онъ ихъ лишился по слѣдующимъ причинамъ. Этотъ Мирассà Міашà былъ царемъ и владѣтелемъ этой земли, и держалъ у себя много рыцарей и войска, которое ему далъ отецъ. Когда онъ былъ въ городѣ Тавризѣ, припала ему такая прихоть, что онъ приказалъ разрушить и разломать всѣ дома, мечети и зданія какія тамъ были, и большая часть ихъ была разрушена. Потомъ онъ уѣхалъ оттуда, пріѣхалъ въ Султанію и приказалъ сдѣлать то же; вошелъ въ замокъ, взялъ много изъ отцовской казны, которую отецъ тамъ держалъ и раздѣлилъ ее между своими рыцарями и людьми. Внѣ города, немного въ сторонѣ, стоялъ большой домъ въ родѣ крѣпости, построенный однимъ рыцаремъ, который въ немъ похороненъ. Онъ приказалъ разрушить и этотъ домъ, а рыцаря похороненнаго въ немъ выбросить изъ него. Это онъ все сдѣлалъ, одни говорятъ въ припадкѣ сумасшествія, а другіе думаютъ, что онъ сказалъ самъ себѣ: «Я сынъ самаго великаго человѣка въ мірѣ; что бы мнѣ сдѣлать въ этихъ городахъ такое, что бы славилось въ нихъ и послѣ моей смерти»?

muy gran quantia: é esta ciudad de Soltania é de Tauris, con el Imperio de la Persia, solia ser deste dicho Mirassa Miaxa [Miassa Miraxa] fijo mayor del Tamurbec, é agora aviaselo quitado por estas razones que se siguen. Este
Mirassa Miaxa [Miassa Miráxa], siendo Emperador é Señor desta tierra, tenia 116.
consigo muchos Caballeros é hueste que el padre le avia dado, é estando en la ciudad de Tauris tomóle un antojo, é mandó derrocar é deshacer quantas casas é mezquitas é grandes edificios que ende avia, é fué deshecha una gran partida dellos; é otrosi partió de alli é vino á esta ciudad de Soltania, é mandó otro tal facer: é entró en el castillo, é el tesoro que su padre hí tenia tomó mucho dello, é partiólo por sus Caballeros é gente: é de fuera de la ciudad un poco apartado estaban unas casas muy grandes como alcázar, que avia fecho un gran Caballero que yacia enterrado en él, é mandólo otrosi derrocar, é el Caballero que yacia dentro enterrado mandólo echar fuera; é esto que asi facia decian, unos que lo facia con locura que le avia tomado, é otros diciendo: *Jo so el fijo del mayor ome del mundo, ¿ [?] qué obra faré en estas ciudades que sean famosas*

Обдумавши разные способы, онъ увидѣлъ, что ничего не можетъ сдѣлать лучше того, что уже было, и сказалъ себѣ: «Какъ, неужели обо мнѣ не останется воспоминанія»? И тогда приказалъ разрушить всѣ тѣ зданія, какъ вы уже слышали; для того, что бы послѣ него могли сказать: Мирассà Міашà не сдѣлалъ самъ ничего, а велѣлъ разрушить лучшія творенія въ мирѣ. Когда узналъ объ этомъ его отецъ, который былъ въ Самаркандѣ, онъ отправился оттуда и поѣхалъ къ сыну. Когда сыну сказали, что ѣдетъ отецъ, онъ надѣлъ себѣ веревку на шею и пришелъ къ нему, прося прощенія. Отецъ хотѣлъ было его убить, но за него стали просить пощады всѣ родственники и вельможи, и столько хлопотали, что онъ простилъ его, но отнялъ землю и владѣнія, которыя ему прежде далъ, и войско, которое его охраняло. Отнявши, онъ призвалъ своего внука, сына этого Мирассы Міашà, котораго звали Абоакеръ Мирассà и сказалъ ему: «Такъ какъ твой отецъ провинился передо мной, возьми ты его царство и владѣнія». Внукъ ему отвѣчалъ: «Государь, сохрани Богъ, чтобъ я взялъ то, чѣмъ владѣлъ мой отецъ; лучше вы перестаньте гнѣваться на него и возвратите ему все». Такъ какъ

para en estas ciudades despues de mis dias «?» E desque bien paró mientes en las labores, vido que él non podia tanto facer que fuese mejor de lo que estaba fecho, é dixo: «¿» *Como, non ha de quedar remembranza de mi?* mandando que fuesen [33] derrocados todos los dichos edificios que avedes oido; porque despues dél dixesen: Mirassa Miaxa non fizo obra ninguna, mas mandó deshacer las mejores obras del mundo. E quando el padre supo esto, que estaba en Samarcante, partió dende é vino para el fijo: é quando al fijo le dixeron que el su padre venia, echóse una soga á la garganta é fuese para el padre, é demandóle perdon; é el padre quisieralo matar, salvo que le demandaron merced por él sus parientes é Caballeros, é ficieron tanto con el que lo perdonó; pero quitóle la tierra é señorio que le avia dado, é la gente que lo aguardaba. E desque se lo ovo quitado llamó á un su nieto, fijo deste Miaxa Mirassa [Miraxa Miassa], que avia nombre Aboaquer Mirassa, é dixole; *Pues tu padre me ha errado, toma tú su tierra é señorio.* E el nieto le dixo: *Señor, nunca Dios quiera que yo tome lo que mi padre tenia mas vos perderédes la saña dél, é ge lo*

этотъ не захотѣлъ взять, онъ позвалъ другого своего внука, сына Мирассы Міашà и этотъ взялъ царство и войско своего отца. Теперь онъ враждуетъ со своимъ отцомъ и братомъ и хотѣлъ даже ихъ убить, какъ вы это послѣ услышите. Послѣ этого Тамурбекъ завоевалъ у Султана Вавилонскаго города Вавилонію и Халапъ и Балдакъ, и далъ ихъ своему внуку, тому, который не захотѣлъ взять царство своего отца. Теперь отецъ и сынъ живутъ въ этихъ городахъ; они живутъ вмѣстѣ съ тѣхъ поръ какъ было отнято царство, потому что этотъ Абоакеръ Мирассà очень послушный сынъ. Когда Мирассà Міашà творилъ все это, была у него жена, по имени Хансада; она ушла отъ него тайкомъ и шла день и ночь пока не дошла до Тамурбека и дала ему знать, что дѣлалъ его сынъ; чтобы онъ разсудилъ внимательно, такъ какъ сынъ хотѣлъ возстать противъ него; и за это Тамурбекъ и отнялъ у него царство, какъ вы уже слыхали. А эту Хансаду онъ до сихъ поръ держитъ у себя и оказываетъ ей большой почетъ и не пускаетъ къ мужу; а между тѣмъ у Мирассы Міашà есть сынъ отъ нея, котораго зовутъ Кариль Султанъ. Этотъ Мирассà Міашà человѣкъ лѣтъ сорока; онъ полный, большого роста и

tornarédes. E desque lo non quiso tomar llamó á otro su nieto, fijo deste Mirassa Miaxa, é tomó el señorio é la hueste del padre. E este es agora contra su padre é contra su hermano, é quisieralos matar como adelante oiredes. E despues desto el Tamurbec ganó del Soldan de Babylonia las ciudades de Babylonia, é de Halap, é de Baldac, é dióles al su nieto, que 117.
non quiso tomar el señorio de su [del] padre; é él é su padre viven agora en estas ciudades, é facen vida juntos despues que el señorio le quitó: ca este Aboaquer [Abebaquer] es muy obediente al padre. E quando este Mirassa Miaxa fizo estas cosas, tenia una muger consigo que avia nombre Gansada, é ella se partió dél muy ascondida, é anduvo dias é noches fasta que | llegó al Tamurbec, é fizole saber lo que su fijo facia, é que parase mientes sobre sí, ca él se queria alzar é ser contra él: por lo qual le quitó el señorio, como avedes oido. E á esta Gansada tovola todavia consigo, é facela mucha honra, é nunca la dexa venir al marido; pero Miaxa Mirassa [Miraxa Miassa] tiene en ella un fijo que llaman Caril Zoltan. E este dicho Miaxa Mirassa [Miraxa Miassa] es ome de edad de qua-

больной ногами. Посланники остались въ этомъ городѣ Султаніи три дня.

LXXXVII. Въ воскресенье, двадцать девятаго числа іюня мѣсяца, посланники уѣхали изъ города Султаніи на хорошихъ лошадяхъ, которыхъ имъ дали на дорогу отъ имени царя, и къ ночи пріѣхали къ одному селенью, которое называется Атенгала. На другой день въ полдень пріѣхали къ другому селенью, которое называется Хуаръ: это было очень большое мѣсто; а къ ночи пріѣхали въ селенье, которое называется Секезана: оно было тоже очень большое и въ немъ было много воды и садовъ.

На другой день, въ среду, они ночевали въ одномъ замкѣ, который былъ покинутъ жителями за нѣсколько дней до того. Говорятъ, что около мѣсяца тому назадъ проходилъ тутъ царь съ войскомъ, и такъ какъ въ этихъ мѣстахъ не нашли ни ржи, ни соломы, а въ окрестностяхъ не было и травы для войскового скота, то царь приказалъ, чтобъ ѣли всѣ хлѣба, которыя были посѣяны; а когда проходило войско, которое шло сзади него, то узнавши обо всемъ, оно разграбило что только можно было

renta años, é es ome grueso é grande de cuerpo, é es gotoso. E los dichos Embajadores estovieron en esta dicha ciudad de Soltania tres dias.

LXXXVII. E domingo, que fueron veinte y nueve dias del dicho mes de Junio, los dichos Embajadores partieron desta ciudad de Soltania en buenos caballos que les dieron del Señor en que fuesen, é fueron á dormir esta noche á una aldea que ha nombre Atengala. E otro dia á hora de medio dia fueron en otra aldea que ha nombre Huar, é era un lugar bien grande, é en la noche fueron dormir en una aldea que ha nombre Cequesana, é era bien grande, é en ella avia muchas aguas é huertas.

E otro dia miercoles siguiente fueron dormir en un castillo que lo avian despoblado pocos dias avia, é decian, que el Señor pasára por alli con su hueste podia aver un mes, é que por quanto non fallaron en aquel dicho lugar cebada nin paja, nin tampoco avia hierva en aquella tierra para las bestias é ganados de la hueste, mandó el Señor que comiesen los panes que estaban sembrados; é despues que pasó la hueste que venia detrás dél, con aquestas nuevas robaron quanto en aquel lugar

найдти въ этихъ мѣстахъ; и по этой причинѣ всѣ жители ушли оттуда. Остались тамъ только люди, которые стерегли около сотни лошадей, заготовленныхъ для проѣзжающихъ. А отъ Султаніи до сихъ поръ встрѣтилось два мѣста, гдѣ не было царскихъ лошадей.

На другой день, въ четвергъ, третьяго числа іюля мѣсяца, посланникамъ дали лошадей на дорогу и они уѣхали оттуда, и около полудня пріѣхали въ городъ, который называется Шахарканъ. Въ этомъ городѣ посланникамъ дали очень хорошее помѣщеніе и предложили имъ все, что имъ было надо. Пока они были тутъ, пришло къ нимъ извѣстіе отъ одного рыцаря, котораго звали Бабашекъ; онъ прислалъ сказать имъ, что великій царь приказалъ ему принять ихъ и оказать имъ большія почести, и сказалъ ему также, что̀ они должны сдѣлать; по этому онъ проситъ ихъ заѣхать къ нему. Они остались тамъ тотъ четвергъ, когда пріѣхали, пятницу и субботу.

LXXXVIII. Въ субботу имъ дали царскихъ лошадей, и съ наступленіемъ ночи они уѣхали оттуда, а на другой день, въ воскресенье, шестого числа іюля мѣсяца, около полудня пріѣхали въ го-

fallaron, é por esta razon se avia de|spoblado; pero estaban alli omes que tenian fasta cien caballos del Señor, de los que tenian en paradas, é desde Soltania fasta aqui avian fallado dos lugares sin caballos del Señor.

E otro dia jueves, tres dias del mes de Julio, dieron á los dichos 118.
Embajadores caballos en que cavalgasen, é partieron de aqui, ê á hora de medio dia llegaron á una ciudad que ha nombre Xaharcan: en la qual ciudad aposentaron bien á los dichos Embajadores, é sirvieronlos de lo que avian menester. E estando en esta ciudad, les llegó mandado de un Caballero que llamaban Babaxeque [Baxabeque], el qual les envió decir, que el gran Señor le mandára que los tomase é los ficiese mucha honra, é le mandó otrosi lo que avian de facer; por ende que les enviaba rogar, que quisiesen ir á él alli do estaba: estovieron aqui el dicho dia jueves que alli llegaron, é viernes é sabado.

LXXXVIII. E este dicho dia sabado dieronles caballos del Señor, é en anocheciendo partieron de aqui: é otra dia domingo, seis dias del dicho mes

родъ, который называется Тегеранъ, и гдѣ они застали рыцаря Бабашека. Къ нимъ вышли на встрѣчу и отвезли ихъ въ тотъ домъ, въ которомъ живетъ государь, когда пріѣзжаетъ туда; это было лучшее помѣщеніе въ городѣ. На другой день рыцарь этотъ прислалъ за посланниками и когда они были уже близко отъ его дома, онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, повелъ ихъ съ собою и усадилъ ихъ подлѣ себя на возвышеніи. Потомъ онъ тотчасъ же послалъ за только что прибывшими туда посланниками Вавилонскаго султана, которые везли подарки Тамурбеку, и сталъ угощать ихъ разными кушаньями, которыя были заранѣе приготовлены; между прочими кушаньями была лошадь, изжаренная вмѣстѣ съ головой. Послѣ угощенья онъ сказалъ, что на другой день они могутъ отправляться оттуда и (совѣтовалъ имъ) заѣхать къ одному важному Мирассѣ, зятю царя; (прибавивши,) что такъ ему приказалъ сказать царь. Когда посланники хотѣли уѣзжать отъ него, онъ приказалъ поднести Рюи Гонзалесу камокановое платье и шляпу, и просилъ его принять это въ знакъ дружбы, которую Тамурбекъ питалъ къ королю. Этотъ городъ былъ очень великъ, и

de Julio, á hora de medio dia fueron en una ciudad que ha nombre Teheran, en la qual fallaron al Caballero Babaxeque [Baxanbeque], é salieronlos á rescebir, é llevaronlos á una posada onde el Señor suele estár, quando alli venia, que era la mejor de toda la ciudad. E otro dia lunes el dicho Caballero envió por los Embajadores: é quando fueron cerca de su casa, saliólos á rescebir, é tomólos consigo, é asentóse en un estrado con ellos. E luego mandó ir por los Embajadores del Soldan de Babylonia que eran alli llegados, que iban con presente al Tamurbec, é dióles de comer de muchas viandas que tenia aparejadas: en las quales les tenia un caballo asado con su cabeza, é desque ovieron comido, dixoles el Caballero, que otro dia partieron [partirian] de alli, | é irian á do estaba un gran Mirassa que era yerno del Señor, que asi lo avia enviado mandar el gran Señor: é quando se dél quisieron partir los Embajadores, fizo vestir al dicho Ruy Gonzalez una ropa de camocan, é dióle un sombrero, é dixole, que aquello tomase en señal del amor que el Tamurbec tenia al Señor Rey. E esta ciudad era bien grande, é non avia cerca, é era lugar

безъ стѣнъ; это было прекрасное и всѣмъ богатое мѣсто; но, какъ говорятъ, нездоровое, и жаръ въ немъ бывалъ очень силенъ. Мѣстность, въ которой находился этотъ городъ, называется Рей; это обширное и богатое владѣніе, и намѣстникомъ царя въ немъ былъ тотъ зять его, котораго должны были посѣтить. Дорога отъ Султаніи до этихъ мѣстъ была гладкая и населенная, по землѣ очень жаркой. На другой день, во вторникъ, они выѣхали оттуда вечеромъ, и черезъ двѣ лиги показался на правой рукѣ большой городъ, весь разрушенный; въ немъ стояло только нѣсколько башень и мечетей; онъ назывался Шахарипрей. Прежде это былъ самый большой городъ во всей странѣ, хоть и былъ теперь необитаемъ. На другой день, въ среду, пріѣхали въ одно селенье; уже они оставили ровную дорогу и вошли въ горы, потому что должны были ѣхать къ тому князю, который жилъ въ этихъ горахъ. Вечеромъ они выѣхали; а селенье это называлось Ланаса; и ночевали они въ полѣ.

LXXXIX. На другой день, въ четвергъ, десятаго числа іюля мѣсяца, около обѣдни они встрѣтили нѣсколькихъ верховыхъ, которые

bien deleytoso é abastado de todas cosas; pero era lugar doliente, segun decian, é la calentura que en él facia era muy grande, é el terreno desta tierra se llama Rey, que es un gran señorio de mucha tierra é es tierra muy abastada [abasta], é esta tierra tenia por el Señor este su yerno que avian de ir á ver: é el camino desde Soltania fasta aqui era muy llano é poblado, e era tierra bien caliente. E otro dia martes en la tarde partieron de 119.
aqui, é quanto dos leguas paresció á la mano derecha una gran ciudad toda derrocada; pero parescieron en ella torres é mezquitas enhiestas, é avia nombre Xahariprey. E esta fué la mayor ciudad que en toda esta tierra ovo, como quiera que estoviese agora deshabitada. E otro dia miercoles fueron en una aldea; é avian ya dexado el camino llano, é entraron por unas montañas, por quanto avian de ir á aquel Señor que estaba [estaban] entre aquellas sierras, é en la tarde partieron, é á esta aldea llamaban Lanaza, é esta noche dormieron en el campo.

LXXXIX. E otro dia jueves, diez dias del mes de Julio á hora de Misa fallaron unos omes á caballo que les dixeron, que el Senor estaba bien cerca de alli

сказали имъ, что князь очень недалеко оттуда, въ полѣ со своей Ордой [1]), и что онъ проситъ, чтобы они подождали пословъ султана и всѣ вмѣстѣ пріѣхали къ нему. Они стали ждать. Какъ только пріѣхалъ посланникъ изъ Алькаиро, они пошли сами по себѣ и тѣ и другіе, и когда подошли довольно близко къ княжеской Ордѣ, поставили палатку и стали ждать приказанія. Немного времени спустя князь прислалъ за ними и они нашли его передъ палаткой подъ навѣсомъ, который былъ устроенъ; онъ усадилъ ихъ возлѣ себя, принялъ ихъ хорошо и тотчасъ же приказалъ подать угощенье. Когда они покушали, онъ приказалъ имъ возвратиться въ свои палатки и сказалъ, что на другой день они будутъ кушать съ нимъ. Когда они воротились въ свои палатки, имъ принесли разныя кушанья, живыхъ барановъ, хлѣба и муки. На другой день они отправились на пиръ къ князю. На этомъ пирѣ было много кушаній, приготовленныхъ по ихъ обычаю: и жареная конина, и вареныя лошадиныя почки. На этотъ пиръ собралось много народу. Когда кончили кушать, князь сказалъ, чтобъ они показали ему подарки, какіе везли, по-

[1]) Ордо называется станъ или лагерь, называющійся у Мавровъ Адуаръ. Называется также Орда.

en un campo çon su Ordo [1]); é que les envió decir, que quisiesen esperar á los Embajadores del Soldan, é que todos en uno lo fuesen ver, é esperaron. E desque el Embajador de Alcayro llegó, fuéronse cada uno por su parte, é desque fueron cerca del Ordo del Señor, ficieron armar una tienda [34] é esperaron alli mandado: é á poca de hora envió el Señor por ellos, é fallaronlo ante unas tiendas so unas sombras que tenian fechas, é fizoles asentar ante si, é rescibiólos bien, é fizoles traer luego de comer; é desque ovieron comido, mandólos tornar á sus tiendas, é dixoles, que luego otro dia comerian con él. E desque á sus tiendas vinieron, troxieronles mucha vianda, carneros vivos é pan é harina, é otro dia fueron comer con él: en el qual comer ovo asaz viandas adobadas segun su usanza, é caballos asados é las tripas dellos cocidas, é á este comer se allegó muy gran gente; é desque ovieron comido, dixoles, que era mandamiento del Señor que el presente que le traian que ge lo mostrasen, é enviaronselo delante: é des-

[1]) Ordo se llama el real ó campamento, que los Moros llaman Aduar. Suele llamarse Orda igualmente.

тому что таково было приказаніе царя, и отправили бы ихъ впередъ себя; увидѣвши ихъ, онъ приказалъ привести лошадей и верблюдовъ, чтобъ свезти ихъ туда, гдѣ былъ царь, а посланникамъ приказалъ дать на дорогу царскихъ лошадей. Когда они хотѣли уѣзжать, онъ подарилъ посланникамъ камокановыя платья, а Рюи Гонзалесу кромѣ того большую лошадь иноходца, такъ какъ иноходцы у нихъ очень цѣнятся, съ сѣдломъ и уздой, убранными очень хорошо по ихъ обычаю; и еще подарилъ ему камизу и шляпу. Имя этого князя было Сулеманъ Мирассà и онъ былъ одинъ изъ приближенныхъ царя, изъ тѣхъ, которые имѣли власть; а мѣсто, на которомъ они его застали, былъ лугъ на берегу рѣки между безлѣсными горами. Это мѣсто было очень пріятно въ такое время. Горы эти назывались горами Каръ; въ этомъ станѣ было навѣрное около трехъ тысячь палатокъ. Этотъ князь былъ женатъ на дочери Тамурбека, и съ нимъ былъ тамъ внукъ Тамурбека, по имени Солтанъ Хаметъ Мирассà, который былъ боленъ. Услыхавши объ охотничьихъ соколахъ, которыхъ король посылалъ Тамурбеку, онъ послалъ сказать Сулеману, чтобъ онъ приказалъ дать ему одного изъ этихъ соколовъ,

que lo vido, mandó dar omes é camellos que lo llevasen fasta donde el Señor fallasen, é á los dichos Embajadores mandóles dar caballos, en que fuesen, de los del Señor; é quando se dél quisieron partir, dióles sendas ropas de camocan á los dichos Embajadores; é al dicho Ruy [Ruyz] Gonzalez dió mas un caballo grueso é amblador, que precian ellos mucho al que
ambla, guarnido de silla é de freno muy bien segun su usanza; é otrosi 120.
le dió una camisa é un sombrero. E este Señor avia nombre Zuleman Mirassa, é era uno de los privados del Señor, é de los que avian su poder; é este lugar do lo fallaron, eran unos prados riberas de unos rios, entre unas montañas sin montes, é era lugar muy fermoso para gente en tal tiempo, é estas montañas avian nombre las montañas de Car, é podrian estár en aquel real fasta tres mil tiendas. E este Señor era casado con una fija del Tamurbec, é alli estaba con él un nieto del Tamurbec que avia nombre Zoltan Hamet Mirassa, é estaba en|fermo: é desque supo de los falcones girifaltes que el Señor Rey enviaba al Tamurbec, envió decir al dicho Zuleman, que le mandase dar el uno de los falcones, que

что царю не будетъ обидно, если онъ возьметъ одного. Сулеманъ, видя, что царю будетъ очень пріятно, если подарятъ его внуку одного сокола, приказалъ дать его. Посланники возразили этому князю, что они удивляются, какъ кто нибудь осмѣливается брать у нихъ то, что они везутъ великому царю. Имъ отвѣчали, что это одинъ изъ самыхъ доблестныхъ багадуровъ изъ всего царскаго рода, что онъ боленъ, и по этому они осмѣливаются просить, чтобъ приказали дать этого сокола, зная, что это не огорчитъ царя. Кромѣ того они еще говорили, что въ тотъ день, когда Тамурбекъ сражался съ Туркомъ, этотъ внукъ его со своимъ отрядомъ былъ тѣлохранителемъ царя. Во время сраженія царь приказалъ нѣкоторымъ изъ тѣлохранителей, бывшихъ съ нимъ, идти сражаться. Тогда онъ сказалъ царю, зачѣмъ въ такой день онъ его считаетъ ни во что и оставляетъ въ покоѣ; пусть пошлетъ и его сражаться. Говорятъ, царь не отвѣчалъ ему ничего, а онъ въ увлеченіи сорвалъ шлемъ съ головы, бросился въ битву и въ тотъ день сражался безъ шлема.

XC. Въ субботу, двѣнадцатаго числа іюля мѣсяца, они выѣхали оттуда. Магистръ Богословія и Гомесъ де Салазаръ были

non pesaria al Señor porque lo él tomase: é el Zuleman, viendo que facia placer al Señor en dar aquel falcon á su nieto, mandóselo dar. E los Embajadores dixeron á este Señor, que eran maravillados lo que al Señor grande llevaban, atreverse ninguno á los [lo] tomar. E ellos le dixeron, que aquel era uno de los valientes Ebahadures que en el linage del Señor avia, é que estaba doliente, é que por eso se atrevian á se lo mandar dar, sabiendo que al Señor grande non pesaria. E aún decian mas, que este nieto del Señor el dia que el Tamurbec ovo la batalla con el Turco, que este estaba con su gente por guarda del Señor, é que el Señor aquel dia durando la batalla, que mandó á ciertas guardas que con él estaban, que fuesen pelear; é que este dixo al Señor: que tal dia como aquel que non facia cuenta dél, é lo dejaba estar quedo, [?] que lo mandase pelear: é diz que el Señor que le non respondió, é que con despecho que ovo, que lanzó el bacinete de la cabeza, é que se fué á la batalla, é peleó aquel dia sin traer bacinete en la cabeza.

XC. E sabado, que fueron doce dias del mes de Julio, partieron de

уже больны, а Рюи Гонзалесъ чувствовалъ себя немного лучше ихъ; и нѣкоторые изъ людей посланниковъ были тоже больны. Тогда этотъ князь приказалъ сказать имъ, что такъ какъ эти люди больны, то не лучше ли оставить ихъ, чтобъ они не погибли на долгомъ пути; и они оставили семь человѣкъ. При Рюи Гонзалесѣ было два собственныхъ оруженосца, при Магистрѣ одинъ, и при Гомесѣ одинъ слуга. Они приказали больнымъ воротиться въ Тегеранъ и они оставались тамъ, пока не воротились посланники: однако двое изъ нихъ умерло. Въ тотъ день какъ они уѣхали оттуда, они ночевали въ полѣ на берегу одной рѣки. На другой день въ воскресенье, ночевали въ полѣ на берегу другой рѣки; на слѣдующій день въ понедѣльникъ, четырнадцатаго числа іюля мѣсяца, около полудня, пріѣхали въ одинъ замокъ, который называется Перескоте. Царь Тамурбекъ уѣхалъ оттуда дней за двѣнадцать до того, и отправился въ Самаркандъ, и приказалъ сказать посланникамъ, чтобъ они шли за нимъ какъ можно скорѣе, что до сихъ поръ онъ не хотѣлъ чтобъ они торопились, но что ему хочется, чтобъ они увидѣли его городъ Самаркандъ. Этотъ городъ былъ первый, который онъ завоевалъ; и изъ всѣхъ

aqui. E el Maestro en Theologia, é Gomez de Salazar eran ya dolientes, é Ruy Gonzalez se sentia ya un poco mejor, é pieza de la gente de los Embajadores estaban eso mesmo dolientes; é este Señor les envió decir, que porque aquella gente era doliente, é non peresciese en el campo que era luengo, que la dexasen alli: é quedaron alli siete omes é con Ruy Gonzalez fueron dos Escuderos suyos, é con el Maestro otro, é con Gomez 121.
un mozo: é ficieron tornar estos dolientes á la dicha ciudad de Teheran, é alli estovieron [estuvieron] fasta que los dichos Embajadores | tornaron; pero que murieron los dos dellos. E este día que de alli partieron, fueron dormir en el campo ribera de un rio. E otro dia domingo fueron dormir en el campo ribera de otro rio: é otro dia lunes, que fueron catorce dias del dicho mes de Julio, á hora de medio dia llegaron á un castillo que se llama Perescote. E el señor Tamurbec se avia partido de alli podria aver doce dias para se ir á Samarcante, y envió mandar á los dichos Embajadores que se fuesen en pos dél quanto mas pudiesen, que fasta alli non los queria despachar, por quanto era su voluntad que fuesen ver la su

завоеванныхъ городовъ онъ болѣе возвысилъ этотъ и въ немъ собираетъ и держитъ свою казну. Царь осаждалъ этотъ замокъ Пересноте и взялъ его и вступилъ въ него дней за пятнадцать до того какъ пріѣхали туда посланники; а причина, по которой онъ его осаждалъ, вотъ какая. Владѣтель этого замка былъ одинъ его любимецъ, которому онъ оказалъ большія милости и подарилъ этотъ замокъ и при немъ обширныя земли; а потомъ онъ разгнѣвался на него и приказалъ, чтобъ его взяли и привезли въ Самаркандъ, и одинъ рыцарь долженъ былъ повезти его; но когда онъ подъѣхалъ къ этому замку, жители города вышли, схватили его и увели въ замокъ. Когда царь узналъ объ этомъ, онъ пошелъ на этотъ замокъ, осадилъ его и стоялъ подъ нимъ тридцать дней; когда жители замка увидали, что не могутъ защищаться, они сдались, а владѣтель его убѣжалъ ночью. Этотъ замокъ такъ крѣпокъ, что въ него невозможно было бы войдти, если бы онъ не сдался; потому что онъ былъ построенъ на скалѣ, стоявшей одиноко посреди равнины и не прикасавшейся ни къ какой другой горѣ; у самой подошвы этой скалы начиналась равнина и тутъ стояла стѣна съ башнями и за ней былъ городъ; надъ этой стѣной

ciudad de Samarcante. E esta ciudad era la primera que él conquistó, é la que él mas ennoblecia de quantas avia conquistado, é en ella facia é ayuntaba su tesoro. E el Señor toviera agora este castillo de Perescote cercado, é lo entrára por fuerza, podria aver quince dias antes que los dichos Embajadores alli llegasen; é la razon porque él cercára este castillo era esta. El Señor deste castillo era un su criado á quien él avia fecho mucha merced, é le avia dado aquel castillo con otra mucha tierra, é agora ha avido saña dél, é avialo mandado prender é enviar preso á Samarcante, é llevabalo en poder un Caballero, é llegando á este castillo salieron los de la villa é tomaronlo, é llevaronlo al castillo; é el Señor desque esto supo, vino sobre este castillo, é cercólo treinta dias, é los del castillo desque vieron que se non podian defender, dieronsele, é el Señor del castillo fuyó de noche: é este castillo era tan fuerte, que lo él nunca pudiera entrar, si él se non diera. Ca él estaba en una peña muy alta que estaba sola en un llano, que non llegaba á montaña ninguna, é luego al pie era llano, é avia una cerca con sus torres, é alli | era la villa; é

стояла другая, выше ея, а еще выше еще одна стѣна съ башнями. Между этими двумя стѣнами былъ городъ, а надъ городомъ стоялъ крѣпкій замокъ, окруженный стѣною со многими башнями. Такимъ образомъ, хоть это было одно мѣсто, собственно тутъ было три крѣпости одна надъ другой. Внутри вытекалъ большой потокъ, снабжавшій водою всю мѣстность; и кромѣ того эту скалу, на которой стоялъ замокъ, окружала рѣка. При городскихъ воротахъ были подъемные мосты, а подъ ними текла рѣка.

Во вторникъ, пятнадцатаго числа іюля мѣсяца, передъ разсвѣтомъ уѣхали они оттуда и ночевали въ полѣ. На другой день въ среду ночевали тоже въ полѣ, потому что въ эти два дня не встрѣтили населенныхъ мѣстъ. Дорога была очень гористая, шла по горамъ очень жаркимъ и воды было очень мало. Въ слѣдующій четвергъ пріѣхали къ одному большому городу, стоявшему на берегу рѣки, и еще къ двумъ замкамъ, которые были необитаемы.

XCI. Въ четвергъ, семнадцатаго числа іюля мѣсяца, ночью пріѣхали въ городъ, который называется Дамоганъ. Онъ стоялъ

luego encima desta cerca avia otra mas alta, é luego mas alto avia otra cerca con sus torres, é entre medias destas dos cercas avia un pueblo, é encima deste pueblo avia un castillo muy fuerte de muro é de muchas torres. Asi que como quiera que fuese un lugar solo, entendianse ser tres fortalezas una encima de otra. E dentro nascia un gran golpe de agua que abastaba todo el lugar; é otrosi cercaba la peña en que este castillo estaba, un rio: é á las puertas de la villa avia sus puentes levadizas, é 122.
por debaxo iba el rio.

E martes, que fueron quince dias del dicho mes de Julio, antes que amanesciese partieron de aqui, é fueron dormir al campo: é otro dia miercoles fueron otrosi á dormir al campo, que non fallaron poblado en estos dos dias, é el camino fué muy fragoso entre montañas muy calientes, é non avia agua si non muy poca. E jueves siguiente llegaron á una gran ciudad que estaba ribera de un rio, é otros dos castillos que eran despoblados.

XCI. E jueves, que fueron diez y siete dias de Julio, en la noche fueron á una ciudad que es llamada Damogan, é estaba en un llano, é avia

на равнинѣ и былъ окруженъ землянымъ валомъ, на одномъ концѣ котораго стоялъ замокъ; этотъ городъ былъ уже въ провинціи земли Мидіи; онъ столица Персіи. Въ этотъ день было такъ жарко, при сильномъ и знойномъ вѣтрѣ, что нельзя было не удивляться; вѣтеръ былъ такой горячій, что казалось, точно онъ выходилъ изъ ада; и въ этотъ день задохся одинъ охотничій соколъ. Внѣ города на разстояніи выстрѣла стояли двѣ башни такой высоты, на сколько можно бросить вверхъ камень; онѣ были сдѣланы изъ грязи и человѣческихъ череповъ; тутъ же были и еще другія двѣ башни, уже развалившіяся. Эти башни сложенныя изъ череповъ остались отъ племени, которое называлось Бѣлые Татары. Это были жители земли, которая находится между Турціей и Сиріей. Когда Тамурбекъ ушелъ изъ Сабастріи покоривши ее и пошелъ на Дамаскъ послѣ ея разрушенія, то на дорогѣ онъ встрѣтилъ это племя; оно сразилось съ нимъ и онъ побѣдилъ его; взялъ многихъ въ плѣнъ и послалъ въ эту Дамоганскую землю, чтобъ они поселились въ ней, такъ какъ въ ней было мало населенія. Пришедши туда, они соединились всѣ вмѣстѣ и стали жить въ поляхъ, какъ прежде; а соединившись вмѣстѣ, захотѣли воротиться въ свою

una cerca de tierra, é al un cabo della tenia un castillo, é esta ciudad es ya en la provincia de tierra de Media, é es cabeza de la Persia. E este dia fizo tan gran calor, é viento recio é caliente, que fué gran maravilla, é el viento era tan caliente que parescia que salia del infierno, é este dia se afogó el un falcon girifalte: é de fuera desta ciudad quanto un trecho de ballesta estaban dos torres tan altas como un ome podia echar una piedra en alto, que eran fechas de lodo é cabezas de omes, é estaban otras dos torres caidas en tierra. E estas torres que de cabezas eran fechas, eran de unas generaciones de gente que llamaban Tartaros [Tartalos] Blancos. E estos e[35]ran naturales de una tierra que es entre la Turquia é la Suria. E quando el Tamurbec se partió de Sabastria, que la entró é se fué para Damasco: quando la destroyó falló en el camino esta generacion de gentes, é pusieronle la batalla é venciólos, é tomó muchos dellos presos, é enviólos á esa tierra de Damogan [Damoga] que poblasen en ella, que estaba mal poblada; y desque alli fueron, ayuntaronse todos en uno, é facian su vida en el campo como solian: y desque fueron todos ayuntados

землю, начали грабить и разрушать все что находили, и въ то же время подвигались сколько могли, чтобъ воротиться въ свою землю. Когда они были около этого города, ихъ нагнало войско царя, которое ихъ разбило и всѣ они были убиты, а изъ головъ ихъ царь приказалъ сложить эти четыре башни; онѣ были построены такъ, что клали рядъ череповъ и слой грязи. Кромѣ того царь велѣлъ объявить, если кто возьметъ въ плѣнъ Бѣлаго Татарина, гдѣ бы онъ его ни нашелъ, чтобъ его сейчасъ убивать; такъ и было сдѣлано. И гдѣ шло войско, послѣ того какъ получено было это приказаніе, тамъ убивали всѣхъ Бѣлыхъ Татаръ, какіе только попадались; такъ что по дорогамъ можно было находить въ одномъ мѣстѣ десять мертвыхъ, въ другомъ двадцать, въ иныхъ три или четыре; и Татары говорили, что такимъ образомъ погибло болѣе шестисотъ тысячь; а жители этого города говорили, что много разъ они видѣли ночью свѣтъ точно свѣчки на верху этихъ башень.

На другой день, въ пятницу, они простояли тамъ до ночи, потомъ имъ дали царскихъ лошадей для пути и они прошли всю ночь. Въ субботу съ разсвѣтомъ пріѣхали въ одно маленькое

en uno, quisieronse tornar para su tierra, é metieronse á robar é destroir
[estroir] quanto fallaban, é caminaban quanto podian por se tornar para sus
tierras. E ellos estando cerca desta ciudad llegó la hueste del Señor, que
los desbarató, é mataron quantos ende fallaron, é de las sus cabezas
mandó el Señor fazer aquellas quatro torres, é eran fechas un lecho de
cabezas, é otro de lodo. E otrosi mandó el Señor pregonar, que qualquier
que toviese Tartaro [Tartalo] Blanco por captivo, á do quier que lo pu- 123.
diesen aver, que lo matasen, é fué fecho asi: é por do iba la hueste, de
que oyeron este mandamiento, mataron quantos Tartaros Blancos pudieron
aver, asi que por los caminos fallariades muertos en un lugar diez, é en
otro veinte, é en otros tres ó quatro, asi que decian estos Tartaros, que
asi morieron mas de sesenta mil; é las gentes desta ciudad decian, que
muchas veces veían lumbre de candelas de noche encima destas torres.

E otro dia viernes estovieron aqui fasta la noche, é de sí dieronles caballos del Señor en que fuesen, é anduvieron toda la noche. E sabado en amaneciendo fueron en una aldea pequeña, é estovieron alli

селенье, и простояли въ немъ до ночи изъ за сильнаго жара; съ наступленіемъ сумерекъ [1]) уѣхали оттуда и шли всю ночь.

XCII. Въ воскресенье, двадцатаго числа іюля мѣсяца, около перваго часа, пріѣхали въ одинъ большой городъ, который называется Васкаль. Пріѣхавши туда, посланники увидѣли одного знатнаго рыцаря, по имени Еннакора, который ихъ ожидалъ: онъ прибылъ туда по приказанію царя, чтобы встрѣтить ихъ и оказать имъ почетъ. Онъ приказалъ дать имъ помѣщеніе и пришелъ посѣтить ихъ; а такъ какъ они не могли отправиться къ нему на пиръ, потому что пріѣхали больные, то онъ прислалъ къ нимъ на домъ много кушаній и плодовъ. Когда они покушали, онъ прислалъ имъ сказать, чтобъ они пріѣхали къ нему въ большой дворецъ, гдѣ онъ жилъ, оказать честь великому царю, и что тамъ имъ поднесутъ царское платье. Они отвѣчали, что вѣдь видно, какіе они, что они не могутъ подняться, и что они покорно просятъ извинить ихъ; тогда онъ второй разъ прислалъ сказать, чтобъ они пріѣхали къ нему. И столько ихъ принуждали, что наконецъ магистръ долженъ

fasta la noche por la grande calentura que facia, | é en amaneciendo partieron de aqui, é anduvieron toda la noche.

XCII. E domingo, que fueron veinte dias del mes de Julio á hora de prima fueron en una gran ciudad que llaman Vascal; é quando los dichos Embajadores alli llegaron, fallaron ahi un gran Caballero que llamaban Ennacora que los estaba asperando, que avia venido alli por mandado del Señor, para los llevar y facer honra, è fizoles dar posadas, é vinolos á ver; é por quanto non podian ir comer con él, que venian dolientes, envióles mucha vianda é fruta á la posada; é despues de comer envióles decir, que fuesen á honrar al Señor grande, é que quisiesen ir do él estaba á un gran palacio, en que vestirian de las ropas del Señor. E ellos dixeron, que bien veían quales estaban todos, que se non podian levantar, que le pedian por merced que les perdonase; é envióles otra vez á rogar que quisiesen ir allá. E tanto ficieron con ellos, que ovo de ir el [dicho] Maestro, é ficieronle vestir dos ropas de camocan [camoçan], é la usanza

---

[1]) Въ подлинникѣ en amaneciendo, съ разсвѣтомъ.

былъ отправиться туда, и ему дали двѣ камокановыя одежды. Обычай былъ такой, когда давались эти одежды отъ царя: устраивали большой пиръ, и послѣ пира надѣвались эти одежды, и тогда три раза преклоняли колѣна въ честь великаго царя. Когда все это было кончено, рыцарь послалъ посланникамъ и людямъ ихъ царскихъ лошадей, такъ какъ они уже отдохнули, чтобы продолжать путь; и велѣлъ просить ихъ, чтобъ они ѣхали сейчасъ же; потому что таково было приказаніе царя, чтобъ они догоняли его какъ можно скорѣе и ѣхали день и ночь. Они отвѣчали, что они не могутъ продолжать путь, и просятъ, чтобъ имъ позволили остаться два дня, чтобъ немного отдохнуть. Онъ приказалъ сказать, что нельзя остановиться ни на самое малое время, что если царь узнаетъ объ этомъ, то ему придется поплатиться за это жизнью. Что они ни дѣлали, они должны были уѣхать; хотя имъ это было очень тяжело, и они были такъ слабы, что казались ближе къ смерти чѣмъ къ жизни. Рыцарь приказалъ положить имъ на переднюю луку сѣдла деревянный брусокъ съ подушкой по срединѣ; на эти подушки они легли грудью и такъ

era, quando estas ropas ponian por el Señor, de facer un gran yantar, é despues de comer de les vestir las ropas, é entonces de fincar los finojos tres veces en tierra por reverencia del gran Señor. E fecho esto, el dicho Caballero envió caballos á los dichos Embajadores é á su gente de los del Señor, que estaban folgados por andar mas aina, é envióles rogar que quisiesen luego cavalgar, y que anduviesen, que tal era el mandamiento
del Señor que fuesen en pos dél quanto mas pudiesen, asi de dia como 124.
de noche: é ellos le enviaron á decir, que bien veía [via] él quales venian, que non estaban para andar, que les rogaban que les quisiese dexar é estar alli dos dias, en que folgasen | un poco: é él les envió á decir, que un rato solo non se osaria alli detener, ca si el Señor lo supiese, non le costaria ál si non la vida; é por mucho que ficieron ovieron de partir, aunque les pesó, é ellos estaban tan flacos que eran mas cerca de la muerte que de la vida. E el dicho Caballero fizoles poner en las sillas unos maderos en los arzones delanteros atravesados con sendas almohadas en medio, en que fuesen echados de pechos, é desta guisa ovieron de

отправились въ путь. Они прошли весь этотъ день и всю ночь и заночевали въ полѣ у одного пустого селенья.

XCIII. На другой день въ понедѣльникъ ночевали въ одномъ большомъ дворцѣ, который встрѣтился на дорогѣ. Этотъ дворецъ былъ построенъ для того, чтобы въ немъ останавливались проѣзжающіе, такъ какъ въ продолженіе двухъ дней пути не встрѣчается никакого жилища отъ сильнаго жара и недостатка воды. Вода, которая есть въ этомъ домѣ, приводится туда изъ мѣста, находящагося за цѣлый день пути, каналами, которые идутъ подъ землею. На другой день, во вторникъ, двадцать второго числа іюля мѣсяца, они пріѣхали ночевать въ городъ, который называется Ягаро; въ этотъ день было очень жарко. Этотъ городъ стоялъ на равнинѣ у подошвы безлѣсной горы, съ которой идутъ къ нему большіе водопроводы. Посреди его стоитъ замокъ на вершинѣ высокаго земляного холма, насыпаннаго человѣческими руками; а вокругъ него нѣтъ никакой стѣны. За годъ передъ тѣмъ зимою было очень много снѣгу, и когда наступила весна и онъ растаялъ, то по каналамъ принесло въ городъ столько воды, что разрушило большую часть его и замокъ. Кромѣ того

partir de aqui, é anduvieron este dia é toda la noche, é fueron dormir en el campo cerca de una [un] aldea despoblada.

XCIII. E otro dia lunes fueron dormir en unos palacios muy grandes que en el camino avia, que fué fecho para en que estoviesen las gentes que por alli pasan, por quanto non hay habitanza ninguna en dos jornadas por la grande calentura que face, é por la mengua del agua; é el agua que á esta casa viene, traenla una jornada dende por caños, que vienen so tierra. E otro dia martes veinte y dos dias del dicho mes de Julio fueron á dormir á una ciudad que es llamada Iagaro, é fizo este dia muy gran calentura; é esta ciudad estaba en un llano al pie de una montaña sin montes, é de la dicha montaña vienen grandes caños de agua á la ciudad; é en medio della ha un castillo encima de un otero de tierra alto que fuera fecho á mano, é esta ciudad non avia cerca ninguna; é el hibierno [invierno] de antes avia fecho muchas nieves, é desque vino el verano que las deshizo, é el agua fué tanta que vino por los caños á esta ciudad, que derrocó todo lo mas della, é el dicho castillo. Otrosi destroyó

въ тотъ годъ были уничтожены всѣ хлѣба. Дорога была до сихъ поръ гладкая, и по всему пути нельзя было найдти ни одного камня; а страна была очень знойная, неровная и безводная. Какъ только они пріѣхали, сейчасъ имъ подали кушать и потомъ привели лошадей, чтобъ ѣхать дальше. Они отправились, и съ ними поѣхалъ тотъ рыцарь, котораго царь послалъ къ нимъ на встрѣчу; онъ оказывалъ имъ большой почетъ и распоряжался, чтобъ имъ вездѣ давали пищу и все, что было нужно. Кромѣ того каждый день имъ давали свѣжихъ царскихъ лошадей, чтобъ они могли ѣхать скорѣе; такъ какъ по приказанію царя были приготовлены лошади черезъ каждый день пути, въ одномъ мѣстѣ сто, въ другомъ двѣсти; и такъ были устроены дороги до самаго Самарканда. Тѣ, кого царь посылалъ куда нибудь, или кто ѣхалъ къ нему, должны были ѣхать на этихъ лошадяхъ какъ можно скорѣе, день и ночь. Эти лошади были заготовлены въ мѣстахъ и въ странахъ пустыхъ такъ же какъ и населенныхъ; а въ мѣстахъ, гдѣ не было населенія, царь приказалъ построить большіе дома въ родѣ гостинницъ и назначилъ, чтобъ жители ближайшихъ городовъ и мѣстностей доставляли туда лошадей и провизію; при этихъ ло-

[estroyo] todos los.panes este año, é el camino fasta aqui fué muy llano, é en todo él non se podia fallar una piedra, é era tierra muy caliente, desigual, é de poca | agua. E luego como llegaron, dieronles mucha vianda, é dieronles caballos en que fuesen, é partieron dende, é con ellos el Caballero que el gran Señor les envió, que les facia mucha honra, é les facia dar viandas é todo lo que avian menester: é otrosi les facian dar en cada jornada caballos folgados del Señor en que fuesen, porque
fuesen mas aina: ca el Senor tenia de jornada en jornada puestos caba- 125.
llos en parada, en lugar ciento, é en lugar docientos, é asi tenia ordenados los caminos de su tierra fasta en Samarcante. E los que el Señor enviaba en algunas partes, ó iban á él, avian de ir en estos caballos quanto mas pudiesen, asi de dia como de noche: é tambien tenian estos caballos puestos en los lugares y tierras despobladas, como en la tierra poblada; é en los lugares do non era poblado, facia el Señor facer unas grandes casas como mesones, é alli facia tener sus caballos é mantenimientos á los de las ciudades é lugares mas cercanos; é con los dichos

шадяхъ были люди, которые берегли ихъ и смотрѣли за ними; этихъ людей звали анчо. Такимъ образомъ когда пріѣзжаютъ царскіе посланники или кто нибудь другой съ вѣстями къ царю, тотчасъ эти люди берутъ лошадей, на которыхъ они пріѣхали, снимаютъ съ нихъ сѣдла и сѣдлаютъ другихъ, которыя у нихъ есть, и когда они уѣзжаютъ оттуда, съ ними ѣдетъ одинъ или два изъ этихъ анчо, которые заботятся объ лошадяхъ; когда они пріѣзжаютъ въ другое мѣсто, гдѣ есть царскія лошади, тотъ ворочается со своими лошадьми, и ѣдетъ другой. Этого мало. Если какая нибудь изъ этихъ лошадей устанетъ дорогой и они увидятъ другую гдѣ бы то ни было или у какого бы то ни было другого человѣка, который ѣдетъ своей дорогой, то его заставляютъ сойдти съ лошади и берутъ ее себѣ, а царскую лошадь анчо беретъ въ запасъ. Обычай таковъ, что если кто нибудь ѣдетъ по дорогѣ верхомъ, будь онъ князь или какой нибудь другой человѣкъ, или купецъ, и посланникъ, или кто другой кто отправляется къ царю, скажетъ, чтобъ онъ всталъ и отдалъ ему лошадь, такъ какъ онъ ѣдетъ къ царю, или пошлетъ его съ какимъ нибудь порученіемъ, онъ долженъ отдать сейчасъ, и не

caballos tenia omes que los pensaban é guardaban, é estos omes [a] tales llamanlos Anchos. E asi como llegan los Embajadores del Señor, ó otro qualquiera que al Señor fueſe con nuevas, luego estos omes toman los caballos que llevan, é quitanles las sillas, é ensillan otros de los que alli tienen, é como parten de alli, va con ellos un ome ó dos de aquellos Anchos que curan de los caballos; y como llegan á otro lugar, do aya caballos del Señor, tornase aquel con los suyos, é va el otro, é non abasta esto. Mas si qualquier destos caballos cansa en el camino, y fallan otro en qualquier lugar, ó de qualquier otro ome que va su camino, facenle descender [descendir] del caballo y tomanselo, é el del Señor pone en recabdo el Ancho. E la costumbre es tal, que si qualquier ome va [36] á caballo por un camino, «como» quier «que» sea Señor, ó otros qualesquier ome ó mercader, ó algun Embajador, ó otro ome qualquiera que vaya al Señor, le dice que descienda é dé el caballo que va al Señor, ó lo envia en alguna mandaderia, luego se lo han de dar, que non osaria decir que non, ca le costaria la cabeza, ca tal es mandamiento del Senor. E aún

смѣетъ сказать нѣтъ, потому что за это заплатитъ головою: такова воля царя. Даже берутъ лошадей у войска, и много разъ посланники брали ихъ у войска для себя и для своихъ людей и заставляли идти сзади за собою, чтобъ получить лошадей назадъ. И не только можно брать ихъ у всякихъ такихъ людей, но даже говорятъ, что можно отнять у сына царя или у жены его, если будетъ недостатокъ въ лошадяхъ; и посланникамъ разсказывали, что уже случалось, какъ послы ѣхавшіе къ великому царю, заставляли сходить съ лошади старшаго царскаго сына. И не только одна эта дорога такъ снабжена лошадьми, но вся его земля; такъ что при такой безостановочной ѣздѣ онъ можетъ получать въ нѣсколько дней вѣсти изо всѣхъ своихъ земель и со всѣхъ границъ. Потому что царю пріятнѣе, если тотъ, кто ѣдетъ къ нему, или кого онъ посылаетъ куда нибудь, проѣдетъ пятьдесятъ лигъ въ сутки и заморитъ двухъ лошадей, чѣмъ если онъ проѣдетъ ихъ въ три дня; и такимъ образомъ онъ ему оказываетъ бóльшую услугу. Великій царь устроилъ чтобъ въ его Самаркандскомъ царствѣ лиги были такой величины, чтобы изъ двухъ лигъ, какія были прежде, вышла одна; и отъ лиги до лиги по-

toma estos caballos á la gente de la hueste, é muchas veces los tomaron los dichos Embajadores á gente de la hueste para ellos é para sus omes, é los facian ir en pos de sí por sus caballos. E non solamente los toman á estas tales gentes, mas al fijo del Señor, ó á su muger, decian que le podrian tomar el caballo, si mengua oviese de otros: é á los dichos Embajadores decian, que ya acaesciera que al fijo mayor del Señor descendieran [descindieran] del caballo Embajadores que al gran Señor iban. E non tan solamente tenia este camino ordenado asi de caballos, mas toda su tierra, 126.
que podia saber nuevas de todas sus tierras y de sus comarcas en pocos dias, segun el andar ellos facen sin duelo: ca mas precia el Señor que el que á él va, ó él que él envia á alguna parte, ande entre dia y noche cincuenta leguas, é mate dos caballos, que non que las ande en tres dias, é mas servicio le face en ello. E el gran Senor tenia ordenado en el su Imperio é tierra de Samarcante, qué tan grandes fuesen las leguas; é fizo de dos leguas de las que antes solian ser una, [de dos que eran] y puso de legua á legua por señal unos torrejones, é mandó que el su

ставилъ столбъ для обозначенія, и приказалъ чтобъ его Чакатаи или люди его проходили каждый день двѣнадцать такихъ лигъ, или по меньшей мѣрѣ десять въ день. Эти лиги называются moles, потому что столбы, которые поставлены черезъ каждую лигу, и лиги, которыя онъ назначилъ, были въ землѣ, называющейся Могалія. Посланники шли по этой землѣ и видѣли лиги и столбы; въ каждой изъ нихъ будетъ около двухъ Кастильскихъ лигъ. Въ самомъ дѣлѣ кто не видалъ самъ, тотъ не повѣритъ, сколько эти проклятые проходятъ каждые сутки: они идутъ безостановочно, пока лошади могутъ ихъ тащить; и проходятъ не только, сколько назначилъ царь, но пятнадцать и двадцать этихъ большихъ лигъ въ сутки, и нисколько не жалѣютъ лошадей, такъ замариваютъ ихъ. А когда лошадь уже совсѣмъ умираетъ, они убиваютъ ее и продаютъ если находятся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ есть народъ; и не смотря на это, по дорогамъ встрѣчается столько мертвыхъ лошадей, такихъ, что заморены ѣздой, что нельзя не удивляться. Посланники уѣхали изъ этого города въ тотъ же день когда прибыли, и весь день и всю ночь ѣхали, какъ только можно скорѣе, такъ что

Chacatay ó gente suya que anduviese doce de aquellas leguas cada dia, ó diez á lo menos por jornada: é á estas leguas llaman moles, porque estos torrejones que asi mandó poner de legua en legua, y estas | leguas [lguas] que ordenó, fué en una tierra que se llama Mogalia. E los Embajadores fueron por esta tierra, é vieron los torrejones é leguas, é en cada una dellas ay tanto como dos leguas de Castilla. Y en verdad non es de creer, si non á quien lo viese, lo que estos malditos andan cada dia y noche, que non facen si non andar quanto los caballos los pueden llevar, y non solamente andan lo que el Señor ordenó, mas andan quince á veinte leguas destas grandes entre dia y noche, y non han duelo ninguno de los caballos, asi los afanan. Mas quando se les quieren morir deguellanlos, é vendenlos, si estan en lugar do haya gente; pero con todo esto fallamos tantos caballos muertos por los caminos de los que matan andando, tanto que es maravilla. E los Embajadores partieron desta ciudad luego este dia que ahi llegaron, é anduvieron todo el dia y noche quanto mas podian, que aun-

даже когда они хотѣли отдохнуть, имъ не позволяли. И хотя была ночь, однако жаръ былъ такъ великъ, что на удивленье, и вѣтеръ былъ такой сильный и знойный, что казалось, точно жгло. Въ эту ночь Гомесъ де Салазаръ, который былъ боленъ, едва не умеръ. На дорогѣ весь день не было воды и останавливались только для того, чтобъ кормить лошадей.

XCIV. Въ слѣдующій вторникъ они шли весь день до самой ночи, не встрѣтивши никакого жилища; а къ ночи пріѣхали въ большой городъ, который называется Забраинъ. Это былъ очень большой городъ и въ немъ было много зданій, домовъ и мечетей; но большая часть его была ненаселена. Покушавши, они тотчасъ же отправились; имъ дали лошадей на дорогу, и они проѣхали всю ночь. На другой день въ пятницу около полудня пріѣхали они въ одно оставленное селенье; однако изъ другого селенья, которое было съ полъ-лиги оттуда, привезли имъ мяса и всего что было нужно; около вечерни они уѣхали оттуда и всю ночь шли по дорогѣ очень ровной.

XCV. На другой день, въ субботу, двадцать шестого числа

que quisieran folgar, non los dexaban. E como quier que fuese de noche, la calentura era tan grande que era maravilla, é facia un viento recio y muy caliente que parescia que ardia. Y esta noche, se oviera de finar Gomez de Zalazar que iba doliente, é en este camino non ovo agua en toda esta jornada, é non se pararon esta noche salvo quanto dieron cebada.

XCIV. E martes siguiente anduvieron todo el dia sin fallar habitanza ninguna fasta la noche, que llegaron á una gran ciudad que ha nombre Zabrain. E esta ciudad era muy grande, é avia en ella muy grandes edificios de casas y de mezquitas; pero todo lo mas della estaba despoblado:
é partieron luego de aqui quanto ovieron comido, y dieronles aqui caba- 127.
llos para andar, é anduvieron toda la noche. E otro dia viernes fasta cerca de medio dia llegaron á una [un] aldea que estaba despoblada; pero de otra que estaba media | legua troxieron vianda y todas las cosas que ovieron menester, é á hora de vísperas partieron de aqui, y anduvieron toda la noche por un camino muy llano.

XCV. Otro dia sabado, veinte y seis dias del dicho mes de Julio, llega-

іюля мѣсяца, пріѣхали въ большой городъ, который называется Нишаоръ. Не доѣзжая до города около лиги, встрѣтилась большая равнина, по которой шло много водопроводовъ во многіе сады; на этой равнинѣ стояло около четырехъ сотъ палатокъ, которыя были сдѣланы не та́къ какъ другія: онѣ были длинныя и изъ черной ткани; въ нихъ жилъ народъ, который называется Алавары. Это—племя, у котораго нѣтъ ничего кромѣ этихъ палатокъ, и оно не живетъ ни въ городахъ, ни въ какихъ мѣстахъ кромѣ полей, какъ зимою такъ и лѣтомъ. У нихъ много скота, барановъ, овецъ и коровъ, и кромѣ того они водятъ съ собою около двадцати тысячь верблюдовъ. Они ходятъ со своимъ скотомъ по всѣмъ царскимъ землямъ, и платятъ царю вмѣсто подати каждый годъ три тысячи верблюдовъ и пятнадцать тысячь барановъ за право пасти свои стада на его землѣ. Когда посланники пріѣхали туда, старшины этого кочевья вышли къ нимъ, повели ихъ въ палатку и приказали подать имъ много молока, сливокъ и хлѣба по своему обычаю. Потомъ выѣхали оттуда и отправились въ городъ; а Гомесъ де Салазаръ остался въ одномъ селеньи, потому что былъ такъ боленъ, что не могъ

ron á una gran ciudad que es llamada Nixaor, é antes que á esta ciudad llegasen quanto una legua, fallaron unos grandes llanos, por los quales iban muchos arroyos de agua por muchas huertas, é en estos llanos fallaron fasta quatrocientas tiendas puestas; y non eran fechas como son las otras, antes eran luengas y de paños negros, é en ellas vivian unas gentes que se llamaban Alabares. Y esta es una gente que non tienen [tiene] otras cosas salvo estas tiendas, y non habitan nin moran en otras ciudades nin lugares salvo en los campos, asi de hibierno [invierno] como de verano; é estas gentes avian muchos ganados, carneros y ovejas é vacas; é traían otrosi fasta veinte mil camellos; y estas gentes andan con sus ganados por todas las tierras del Señor, é daban de derecho al Señor cada año tres mil camellos, é quince mil carneros, porque pasciesen con sus ganados en su tierra. E quando los dichos Embajadores alli llegaron, los mayorales destas tiendas salieron á ellos, y llevaronlos [llevaronles] á una tienda, é ficieronles traer delante mucha leche y natas, é del pan segun su usanza: é partieron de alli y fueron á la ciudad; é ya Gomez de

ѣхать. Этотъ городъ Нишаоръ стоитъ на равнинѣ, а вокругъ него много садовъ и красивыхъ домовъ. Когда они пріѣхали въ городъ, имъ отвели хорошее помѣщеніе, чтобъ остановиться, и туда пришли старшины города и приказали принести имъ много мяса, плодовъ, дынь, которыя у нихъ были очень большія и хорошія, и также приказали подать много вина. Когда они покушали, имъ дали камокановое платье; потому что такое было приказаніе царя, чтобы, когда они пріѣзжаютъ въ городъ, имъ давали или платье или лошадь. Недоѣзжая до этого города лигъ пять, они встрѣтили одного рыцаря, который былъ воеводой царскаго войска, и назывался Меліаліорга, и котораго посылалъ царь къ посланникамъ; онъ сказалъ, что царь прислалъ его для того, чтобы онъ заставлялъ всѣхъ оказывать имъ почести и давать все, что имъ было нужно. Узнавши, что Гомесъ де Салазаръ остался сзади, потому что былъ слабъ, онъ воротился къ нему и нашелъ его такимъ слабымъ, что онъ не могъ сидѣть. Тотчасъ, въ ту же ночь какъ пріѣхалъ, онъ приказалъ сдѣлать носилки и положить на нихъ Гомеса, и велѣлъ взять людей которые бы несли его по очереди на плечахъ, и такимъ образомъ

Salazar quedaba muy doliente en una aldea, que non podia andar. E esta ciudad de Nixaor estaba en un llano, y al derredor della muchas huertas y casas muy fermosas: é desque en la ciudad fueron, dieronles una fermosa posada en que posasen, y alli vinieron los mayores de la ciudad, é | ficieronles traer mucha vianda y mucha fruta, é melones, que los avia muy grandes y muy buenos; é otrosi ficieron traer mucho vino. Y desque ovieron comido dieronles una ropa de camocan [camoca], que asi era mandado del Señor, que á la ciudad que llegasen les diesen alguna ropa ó caballo. E antes que á esta ciudad llegasen quanto cinco leguas della fallaron un Caballero que era Mariscal de la hueste del Señor que avia nombre
Melialiorga, el qual enviaba el Señor á los dichos Embajadores: el qual 128.
les dixo, que el Señor lo enviaba para que les ficiese facer toda honra, y les ficiese dar lo que oviesen menester. Y desque supo que Gomez de Salazar quedaba flaco, tornó por él, é fallólo tan flaco que se non podia tener; é luego en esa noche que llegó fizo facer unas andas y poner al dicho Gomez en ellas, é fizo tomar omes que lo llevasen á cuestas de Concejo

его принесли въ городъ Нишаоръ. Когда его принесли туда, онъ приказалъ помѣстить его въ хорошемъ домѣ и привести докторовъ, чтобъ они лѣчили его; а доктора у нихъ были хорошіе; и Богу было угодно, чтобъ Гомесъ умеръ въ этомъ мѣстѣ. Это городъ очень большой, всѣмъ богатый и очень сильный. Онъ столица Мидіи. Здѣсь находятъ бирюзу; хоть она встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, однако здѣшняя лучше всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ. Ее находятъ подъ землею, въ одномъ хорошо извѣстномъ мѣстѣ, и также въ рѣкѣ, которая течетъ съ одной горы, стоящей около города. Окрестность этого города очень населена и земля очень плодородная. Тутъ кончается земля Мидійская и начинается земля Хорасанская, большое царство.

XCVI. Въ слѣдующее воскресенье, двадцать седьмого числа іюля мѣсяца посланники уѣхали оттуда и ночевали около одного пустого селенья. На другой день, въ понедѣльникъ, они ночевали въ большомъ городѣ, по имени Ферріоръ. Большая часть жителей этого города бѣжала, боясь царскаго войска; потому что дней за двѣнадцать до того царь проходилъ здѣсь, а войско

en Concejo, é asi lo troxieron [troxeron] fasta en esta ciudad de Nixaor: y desque alli lo troxieron [troxeron], fizolo poner en unas buenas casas, y que curasen dél Físicos que los avia buenos, y quiso Dios que ovo aqui de finar el dicho Gomez. E esta ciudad es muy grande y abastada de todas cosas, y muy viciosa; é esta ciudad es cabeza de tierra de Média, é aqui se fallan las turquesas; é como quiera que en otra parte se fallan, estas son las mejores que se agora saben é fallanlas so tierra en un lugar sabido cierto, é dellas en un rio que desciende de una montaña que encima de la ciudad está: y la comarca desta ciudad es muy poblada y tierra muy viciosa. E aqui se acaba tierra de Média, é comienza tierra de Orazania, que es un grande Imperio.

XCVI. E domingo siguiente, que fueron [37] veinte y siete dias del dicho mes de Julio, partieron de aqui los dichos Embajadores, y fueron dormir cerca de una aldea despoblada; é otro dia lunes fueron dormir á un grande lugar que se llama Ferrior, é la gente deste lugar la mas della fuyo [fuydo] por miedo de la hueste del Señor: ca el Señor pasára por alli podia aver doce dias, y la hueste iba en pos dél, é facian mucho daño: é en

шло сзади него и причиняло много вреда. Въ этомъ городѣ посланникамъ дали камокановое платье. Мѣстность здѣсь плоская и очень жаркая.

На слѣдующій день, во вторникъ, они ночевали въ большомъ городѣ, который называется Хазегуръ, и ночью уѣхали оттуда. На другой день, въ среду, тридцатаго числа іюля мѣсяца, они останавливались обѣдать въ большомъ городѣ, который называется Оджаджанъ. Здѣсь ихъ приняли съ большимъ почетомъ, принесли имъ много мяса и всего, что было нужно, и дали камокановое платье.. Въ этотъ городъ пріѣхалъ къ нимъ гонецъ отъ сына Тамурбека, Шахарокъ Мирассы̀, который приказалъ просить посланниковъ, чтобъ они посѣтили его въ городѣ Хереѣ, въ которомъ онъ жилъ и который лежалъ лигъ тридцать въ сторону отъ дороги, на правую руку, къ Индѣйской землѣ; онъ обѣщалъ, что окажетъ имъ большія почести и прикажетъ, чтобы по всей его землѣ давали имъ вдоволь всего что имъ нужно. Посланники посовѣтовались съ рыцаремъ, который провожалъ ихъ, и отвѣчали, что великій царь приказалъ имъ идти какъ можно скорѣе и

este lugar dieron una ropa de camocan [camoça] á los dichos Embajadores, é esta tierra es muy llana é muy caliente.

E martes siguiente fueron dormir á una gran ciudad que se llama Hasegur, y en la noche partieron de aqui: é otro dia miercoles treinta dias del dicho mes de Julio, fueron comer á una gran ciudad que es llamada Ojajan, é aqui ficieron mucha honra á los dichos Embajadores, é les dieron asaz vianda, y lo que ovieron menester, y les dieron una ropa de camocan [camoca]: y en esta ciudad les llegó un [a] mandadero de un fijo del Tamurbec Xaharoc Mirassa, el qual enviaba á rogar á los dichos Embajadores, que lo quisiesen ir á ver á una ciudad donde estaba que ha nombre Herey, que era bien treinta leguas arredrado del camino fácia la 129.
mano derecha á la tierra de la India, é que les faria mucha honra, e [y] les mandaria dar por toda su tierra las cosas que fuesen menester muy cumplidamente: é los dichos Embajadores ovieron su acuerdo con el Caballero que las llevaba, y respondieron, que el gran Señor les enviaba á mandar que anduviesen quanto mas pudiesen, é se fuesen en pos dél, é que non osaria facer otra cosa, por ende que pedia por merced al Señor

догонять его, что они не смѣютъ поступить иначе и покорно просятъ царя простить ихъ. Этотъ Шахарокъ Мирассà царь и владѣтель Хорасанской земли. Послѣ того посланники пріѣхали въ городъ, который называется Машакъ Хоранза Сельтанъ, гдѣ лежитъ похороненъ внукъ ихъ пророка Магомета, сынъ его дочери; говорятъ что онъ святой; онъ похороненъ въ большой мечети, въ большой гробницѣ, покрытой позолоченнымъ серебромъ. Этотъ городъ у нихъ мѣсто богомолья, и каждый годъ стекается туда очень много богомольцевъ; а когда богомолецъ ворочается отсюда въ свою землю, люди цѣлуютъ ему платье, потому что, говорятъ, онъ былъ въ святомъ мѣстѣ. Посланниковъ повезли посмотрѣть эту мечеть. Послѣ, въ другихъ земляхъ, когда они разсказывали, что были въ этомъ городѣ и видѣли эту гробницу, люди цѣловали ихъ платья, говоря, что они были возлѣ святого Хорасана. Этотъ племянникъ Магомета назывался Хорасанъ Селтанъ, и отъ этого и земля эта назвалась Хорасанія. Хоть эта земля страна сама по себѣ, однако языкъ въ ней Персидскій.

Въ четвергъ, послѣдній день іюля мѣсяца, пріѣхали въ одинъ

que quisiese personar. E este Xaharoc Mirassa era Emperador y Señor desta tierra de Orasania. Otrosi los di|chos Embajadores fueron á una gran ciudad que se llama Maxaque Horanza Zeltan, é aqui en esta ciudad yace enterrado un nieto del su Prophetа Mahomad, fijo de una su fija, é dicen que es sancto, é yace enterrado en una gran mezquita, en una gran sepultura que es cubierta de plata sobredorada. E esta ciudad es un gran romerage dellos, que cada año viene aqui mucha gente en romeria, é el romero que de aqui va, quando llegan á su tierra, besanle la ropa las gentes; porque dicen que llegó á lugar sancto. E á los dichos Embajadores llevaronlos [levaronlos] á ver esta mezquita. Y despues en otras tierras quando les oían decir que avian estado en esta ciudad, [é] avian visto la dicha sepultura, besabanles las ropas, diciendo, que avian sido cerca del sancto Horazan. I este sobrino de Mahomad avia nombre Horazan Zeltan, y deste tomára nombre esta tierra llamarse Horazania; y como quiera que esta tierra fuese partida sobre sí, la su lengua era Persiana.

E jueves postrimero dia de Julio llegaron á una gran ciudad que

большой городъ, который называется Буело, и находится въ этой Хорасанской землѣ. Этотъ городъ очень здоровое мѣсто и населенъ лучше всѣхъ, какіе имъ попадались по дорогѣ, начиная отъ Султаніи до сихъ поръ. Здѣсь они остановились не на долго, пока имъ приготовляли овесъ и мясо, по распоряженію городского управленія, потому что они должны были идти по пустынной землѣ, которая тянулась пятьдесятъ лигъ. Когда они пообѣдали, имъ дали свѣжихъ лошадей, чтобъ ѣхать по этой пустынѣ. Съ наступленіемъ ночи они уѣхали оттуда и пробыли въ дорогѣ всю ночь. Также и въ пятницу, на слѣдующій день, они прошли весь день и всю ночь, не встрѣтивши никакого жилища.

XCVII. Въ слѣдующую субботу, десятаго числа августа мѣсяца, ночью, пріѣхали въ одну долину, гдѣ было много обработанныхъ полей, по которымъ проходила рѣка; а на берегу этой рѣки стояло много палатокъ Чакатаевъ изъ царскаго войска. Тутъ, у этихъ людей было много скота, верблюдовъ и лошадей; они остановились здѣсь со своими стадами, потому что вели ихъ уже оцѣненныхъ, а въ этомъ мѣстѣ было много травы. Когда посланники пріѣхали туда, они застали тамъ одного рыцаря, кото-

ha nombre Buelo, y es en esta tierra de Horazania: é esta ciudad es lugar muy sano, y fué el lugar mejor poblado que en todo el camino fallaron desde Soltania acá: é en esta ciudad estovieron un poco del dia en mientras les aparejaban cebada y vianda, porque les llevasen el Concejo de la ciudad, por quanto avian de pasar una tierra despoblada que duraba cincuenta leguas. E desde que ovieron comido dieronles caballos folgados en que pasasen aquel yermo, é en anocheciendo partieron de aqui, é anduvieron toda la noche. Otrosi anduvieron otro dia viernes todo el dia y la noche, que non pudieron llegar á poblado. | 130.

XCVII. E sábado siguiente, que fueron diez dias de Agosto, en la noche llegaron á un valle en que avia muchas labranzas de pan, é por él iba un rio, é ribera deste rio avia muchas tiendas de Chacatays de los de la hueste del Señor, é aqui entre esta gente avia muchos ganados é camellos é caballos, é avia quedado alli esta gente por sus ganados, por quanto los traían tasados en [e] en este valle avia muchas hierbas. E quando los dichos Embajadores alli llegaron, fallaron hí un Caballero que el Señor

раго прислалъ царь, чтобъ оказать имъ всѣ возможныя почести, распорядиться чтобъ имъ давали и лошадей и всего, что имъ будетъ нужно, откуда бы ни пришлось доставать, и чтобы заставить ихъ ѣхать какъ можно скорѣе. Этого рыцаря звали Мирабосаръ. Онъ поѣхалъ на встрѣчу къ посланникамъ и сказалъ, что царь прислалъ его привѣтствовать ихъ, вести и провожать и заботиться, чтобъ имъ давали все что будетъ нужно. Тутъ посланники вышли изъ рукъ того перваго рыцаря, котораго имъ прислалъ царь и перешли во власть этого Мирабосара; но все таки онъ со своими людьми остался въ ихъ обществѣ, чтобъ имѣть мясо и овесъ для себя, своихъ людей и лошадей, и во всемъ услуживалъ посланникамъ, что они ни требовали. Обычай былъ такой, что когда они пріѣзжали въ какое нибудь мѣсто, въ городъ, мѣстечко или селенье, то сейчасъ распоряжались чтобъ принести много мяса, какъ для нихъ, такъ и для тѣхъ, которые были съ ними, и плодовъ, и овса столько что хватило бы на втрое большее число; приводили людей, которые бы берегли посланниковъ и вещи ихъ день и ночь, и стерегли также ихъ лошадей; и если пропадало что нибудь, то управленіе того мѣста, гдѣ они остановились, дол-

les enviára, porque les ficiera toda honra que pudiese, y les ficiese dar viandas y caballos, y todas las cosas que oviesen menester donde quiera que llegasen, é que les ficiese andar lo mas que pudiese. E este Caballero avia nombre Mirabozar, é vino luego ante los dichos Embajadores, é dixoles, que el Señor los enviaba saludar, é que él era venido alli por los llevar é guiar, é facer dar lo que oviese menester. E aqui fueron los dichos Embajadores quitados del poder del primer Caballero que el Señor les enviára, y puestos en poder del dicho Mirabozar; pero que todavia fué en su compañia él y sus omes, por aver vianda y cebada para él y para sus omes é bestias; é servia á los dichos Embajadores en lo que les mandaban: [e] la costumbre era, que al lugar donde llegaban, asi ciudad como villa ó aldea, facian luego que troxiese [traxiese] mucha vianda asi para ellos como para quantos alli estoviesen, é frutas é cebada que abastaria á tres tantos [tanos] que ellos eran; é facian venir á omes que guardasen á los dichos Embajadores é á sus cosas de dia y de noche, é que les guardasen otrosi los caballos; é si algo se facia menos, avian de pa-

жно было заплатить за это. Если жители мѣста, куда они пріѣзжали, въ какое бы то ни было время дня или ночи, не сейчасъ приносили все что нужно, то имъ давали столько ударовъ, палками и кнутами, что нельзя было не удивляться. Или сейчасъ же посылали за старшинами города или мѣста куда они пріѣзжали: ихъ приводили къ рыцарямъ и первымъ дѣломъ они требовали палокъ и прутьевъ и били ихъ такъ безжалостно, что было удивительно, и говорили, что вѣдь они знаютъ приказъ царя оказывать всякія почести посланникамъ, когда бы они ни пріѣхали, и приносить все что имъ нужно; что они пріѣхали съ этими Франкскими посланниками, а у нихъ не было готово все что нужно; такъ какъ они такъ дурно исполняютъ приказъ великаго царя, то они заплатятъ съ начала сами, а потомъ ихъ имущество и городское управленіе; такимъ образомъ имъ приходилось угадывать, когда должны пріѣхать посланники, если всегда такъ дѣлалось какъ теперь. Когда они пріѣзжали въ какое нибудь мѣсто или городъ, прежде всего люди рыцарей, которые провожали посланниковъ, требовали аррансовъ, что у нихъ означаетъ старшинъ: перваго человѣка,

garlo aquel Concejo é lugar onde | estoviesen; é si los del lugar donde llegáran, á [a] qualquier hora que fuesen, non traían luego subito lo que era menester, dabanles tantos palos y azotes que era maravilla; ó enviaban luego por los mayordomos de la ciudad ó villa ó lugar donde llegaban, é traíanles ante estos Caballeros, é la primera pregunta que les facian era de palos é de porrazos, que les daban tantos é tan sin duelo que era maravilla, diciendoles, que sabian que era mandamiento del Señor, quando quiera que Embajadores fuesen é llegasen, les ficiesen toda honra, é les diesen todo lo que avian menester, que ellos eran alli llegados con aquellos Embajadores francos, é que non tenian aparejado lo que avian 131.
menester; pues que tan mal cumplian el mandamiento del Señor grande, que ellos de primero, y despues sus haciendas é el Concejo lo pagarian, asi que les convenia de adevinar quando Embajadores avian de llegar, si asi les facian como agora. E quando llegaban á alguna ciudad ó lugar, la primera cosa que facian los omes destos Caballeros que los dichos Embajadores llevaban, preguntaban por los Arrayz, que dicen ellos por los mayordomos: é el primer ome que fallaban [falllaban] por las calles, tomabanlo, é

какого встрѣчали на улицѣ, схватывали, навязывали ему на шею покрывало, снявши его съ головы, — они имѣли обыкновеніе носить покрывала на головѣ, — и сидя сами на лошадяхъ, тащили его пѣшкомъ и ударяли палками и кнутами, чтобъ онъ показалъ, гдѣ домъ старшины. Люди, которые видѣли ихъ по дорогѣ и узнавали, что это царскіе слуги, догадавшись, что они являлись съ какимъ нибудь приказаніемъ отъ царя, принимались бѣжать, точно будто дьяволъ гнался за ними; а тѣ, которые были въ своихъ палаткахъ и продавали свои товары, закрывали ихъ, тоже пускались бѣжать и запирались въ своихъ домахъ, а проходя говорили другъ другу: Ельчи, т. е. посланники, такъ какъ уже знали, что съ посланниками приходятъ для нихъ черные дни; и такъ бѣжали, точно дьяволъ гнался за ними. Пріѣзжая куда нибудь, всегда въѣзжали съ такимъ шумомъ и дѣлали такіе безжалостные поступки, что казалось точно вступало древнее войско; а когда находили старшинъ, вы подумаете, что они говорили съ ними кротко? Нѣтъ, они прежде бранили ихъ и били дубинами, потомъ заставляли ихъ бѣжать, приносить посланникамъ все что имъ было нужно, и стоять и служить имъ, и не позволяли имъ отлу-

ellos acostumbraban [acostumbran] traer unos alfaremes en las cabezas, é tirabanle el alfarme, é atabanselo al pescuezo, é ellos al caballo, é los otros á pie trocado, é dandoles palos é azotes los llevaban, que les mostrasen las casas de los Arrayz. E la gente que los vian asi ir y los conocian que era [eran] gente del Señor, sabiendo que venian con algun mandamiento del gran Señor, daban á foir que parescia que el diablo iba en pos dellos; y los que estaban tras sus tiendas vendiendo sus cosas, cer[38]rabanlas, e daban asi mesmo á foir, é encerrabanse en sus casas, é iban diciendo unos á otros Elchi, que quiere decir Embajadores, que ya sabian que con Embajadores tenian negro dia; é asi iban fuyendo que parescia que el diablo iba tras ellos. E quando á algun lugar llegaban, con tal ruido llegaban, é tales cosas facian é tan sin duelo, que parescia á la hueste antigua que entraba por él: y desque á los Arrayz fallaban, ¿ pensais que les fablaban manso «?» non, antes denostandolos é firiendolos con mazas, les facian ir corriendo ante sí, é les facian traer para los dichos Embajadores todas las cosas que avian menester, é que estoviesen delante alli sirviendo, é

чаться безъ спроса. Нужно знать, что посланники и посланникъ Вавилонскаго султана ѣхали все время вмѣстѣ, съ тѣхъ поръ какъ уѣхали отъ зятя царя. Такъ они дѣлаютъ не только для этихъ посланниковъ, но поступаютъ такъ же, когда кто нибудь ѣдетъ по царскому повелѣнію; потому что они говорятъ, что для исполненія царскаго приказанія они могутъ убивать и наказывать кого захотятъ, и что бы ни дѣлалъ тотъ, кто ѣдетъ по царскому повелѣнію, всякій долженъ молчать, а не противорѣчить, хотя бы даже и самый старшій изъ царскаго войска; отъ этого во всей землѣ такъ боятся царя и его слугъ, что на удивленье. Изъ этихъ палатокъ рыцарь приказалъ принести посланникамъ много варенаго мяса, много рису, молока и сметаны, и много дынь, которыя въ этой землѣ очень хороши и обильны. У этихъ людей, которые живутъ въ палаткахъ и другихъ жилищахъ, нѣтъ ничего кромѣ палатокъ, и они зимою и лѣтомъ ходятъ по полямъ; лѣтомъ они идутъ въ тѣ мѣста, гдѣ есть вода, и сѣютъ свои хлѣба, хлопокъ и дыни, которыхъ, я думаю, на всемъ свѣтѣ нѣтъ такихъ хорошихъ и въ такомъ

non se osaban de alli partir salvo con licencia. E sabed, que los dichos Embajadores, é el Embajador del Soldan de Babylonia fueron todavia en una compañia, desque partieron del yermo del Señor, é non tan solamente facian esto por los dichos Embajadores, mas quando alguno va con qualquiera mandado del Señor desta manera facen: ca dicen, que sobre el cumplir el mandamiento del Senor deben matar é penar á quien se quisier, é non ay quien se lo contradiga, salvo callar á qualquier cosa que
faga [fagan] aquel que con mandado del Señor va, aunque sea el mayor de 182.
la hueste del Señor: é con esto tenian tan grande miedo del Señor é de los suyos en toda la tierra, que era maravilla. E aqui en estas tiendas fizo [fize] el dicho Caballero traer mucha carne cocida ante los dichos Embajadores, é mucho arroz, é mucha leche é natas azedas, é muchos melones, que ha en esta tierra muchos y buenos; é esta gente destas tiendas é otras casas es una gente que non han otra cosa salvo estas tiendas, é andanse en hibierno [invierno] y en verano por los cam|pos; en verano vanse do están las aguas, e siembran sus panes é algodones é melones, que han los mas é los mejores que creo que en el mundo serán; é otrosi

изобилія какъ у нихъ; кромѣ того они сѣютъ много ячменю, потому что они любятъ его ѣсть вареный съ кислымъ молокомъ; а зимою идутъ въ жаркія мѣста. И царь со всѣмъ своимъ войскомъ, тоже ходитъ по полямъ лѣтомъ и зимою; и такъ какъ имъ не можетъ угрожать опасность, то не ходятъ всѣ вмѣстѣ, а такъ, что царь со своими рыцарями и приближенными, слугами и женами идетъ самъ по себѣ, а другіе идутъ въ разныя мѣста; и такъ они проводятъ жизнь. У нихъ много скота: барановъ, верблюдовъ и лошадей очень много, а коровъ мало. Эти люди, когда царь призываетъ ихъ, чтобъ идти на войну, идутъ сейчасъ же со всѣмъ своимъ имуществомъ, со стадами, съ женами и дѣтьми; и они продовольствуютъ войско и землю, куда приходятъ, скотомъ, именно баранами, верблюдами и лошадьми. Съ этимъ народомъ царь совершилъ много великихъ подвиговъ и одержалъ много побѣдъ; они люди трудолюбивые, хорошіе наѣздники, стрѣлки изъ лука и вообще народъ выносливый на войнѣ; такъ какъ если есть что ѣсть, они ѣдятъ; если нѣтъ, они обходятся безъ хлѣба съ однимъ молокомъ и мясомъ, и очень привыкли жить безъ мяса такъ же, какъ и съ мясомъ; холодъ и жаръ, голодъ и жажду тер-

siembran muchos mijos, que lo comen ellos mucho cocido con la leche azeda, é en hibierno [invierno] vanse á los lugares calientes. E el Señor con toda su hueste eso mesmo anda desta manera por los campos en verano y en hibierño [invierno]: é por quanto estan seguros, non andan todos juntos, salvo el Señor con sus Caballeros é privados, é servidores é mugeres á una parte, é los otros van á ciertos lugares, ó asi pasan su vida. E han muchos ganados asi como carneros è camellos é caballos muy muchos, é vacas ha pocas. E esta gente quando les el Señor manda llamar para ir en hueste, van luego con todo lo suyo, con ganados é facienda é muger é fijos; é estos bastecen la hueste é las tierras do llegan de muchos ganados, señaladamente de carneros y camellos· é caballos. E con estas gentes ha fecho el Señor grandes fechos é vencidas muchas batallas, é son gente de grande afan é cabalgadores, escarzadores de arcos, é son gente fuerte para [en] el campo: ca si han de comer, comen; é si non lo han, pasan con leche é carne sin pan: é muy bien acampados van asi con vianda, como sin ella, é sufren frio é sol é fambre, é sed mas que gente

пятъ они лучше чѣмъ всякій другой народъ въ мірѣ. Когда у нихъ есть мясо, они его ѣдятъ безъ мѣры, а когда нѣтъ, довольствуются кислымъ молокомъ вареным съ водой, котораго у нихъ много. Это кушанье они дѣлаютъ такимъ образомъ: берутъ большой котелъ съ водою, и когда вода станетъ горяча, берутъ кусокъ кислаго молока, въ родѣ сыру, кладутъ его въ кринку, разводятъ горячей водой и выливаютъ въ котелъ; оно такъ кисло, какъ уксусъ; потомъ они приготовляютъ тонкія мучныя лепешки, рѣжутъ ихъ очень мелко и кладутъ въ тотъ же котелъ; когда оно прокипитъ немного, снимаютъ съ огня. Съ одной кринкой этого кушанья безъ другого хлѣба и безъ мяса они обходятся очень хорошо; вообще это такое кушанье, котораго они каждый день ѣдятъ больше другихъ. Чтобъ варить это и все другое что они ѣдятъ, у нихъ нѣтъ дровъ, и они приготовляютъ ѣду съ помощью помета своего скота. Это кушанье, что я вамъ описалъ, называютъ *hax*.

XCVIII. Съ наступленіемъ утра посланники уѣхали оттуда, и съ ними тотъ рыцарь, котораго къ нимъ прислалъ царь; они шли всю ночь, и весь слѣдующій день, не встрѣтивши никакого жилища,

del mundo. E quando han carne comen desigual della; é quando non la han, son pagados con agua é leche azeda cocida en uno, que han ellos asaz della, é este manjar facen ellos desta manera: toman un grande caldero con agua, é desque es caliente [caliote] toman unos pedazos de leche azeda, que son como de queso, y echanlo en una escodilla, y deshacenlo con el agua caliente, y echanlo | en el caldero, é es tan azedo como vinagre; é de sí amasan unas tortas de harina muy delgadas, é cortanlas muy menudas é echanlas en el caldero; é quanto cuece un poco, 133.
sacanlo luego, é con una escodilla de aquello, sin otro pan nin carne pasan muy bien, é en comunal este es un manjar que de cada dia mas comen. E para cocer esto y todo lo otro que quieren comer, non han leña, salvo con el estiercol de las bestias y de los ganados guisan de comer, é á este manjar que vos he dicho llaman ellos hax.

XCVIII. E en amaneciendo los dichos Embajadores partieron de aqui, é con ellos el dicho Caballero que el Señor les envió, é anduvieron toda la noche, é otro dia luego siguiente, que non fallaron poblado ninguno, salvo una grande

кромѣ одного большого пустого дома, въ которомъ провели ночь и накормили лошадей; имъ сказали, что на слѣдующій день нужно будетъ пройдти двѣнадцать лигъ прежде чѣмъ встрѣтится жилье. Около двухъ часовъ ночи выѣхали они оттуда на хорошихъ, свѣжихъ лошадяхъ, которыхъ имъ дали, и шли всю ночь; было очень жарко, а по дорогѣ нигдѣ не было воды; также и слѣдующій день, понедѣльникъ, они шли до девятаго часа, не находя воды, чтобъ напиться. Въ эти сутки они прошли такъ много, что лошади были уже утомлены и не могли двигаться; они мучились отъ жара и отъ жажды, которая ихъ томила; дорога была песчаная, и люди умирали отъ жажды, а воды нельзя было достать. У слуги магистра была лошадь немного быстрѣе другихъ; онъ опередилъ насколько могъ и пріѣхалъ къ рѣкѣ. У него въ рукахъ была камиза; онъ обмочилъ ее въ воду и воротился съ нею какъ можно скорѣе, и тѣ, кому удалось, напились этой воды, потому что они были совершенно утомлены сильной жарой и жаждой, и уже не держались всѣ вмѣстѣ, а кто могъ, старался ѣхать скорѣе; конвоя уже не было и никто не хлопоталъ о посланникахъ. Немного раньше

casa despoblada donde esa noche estovieron, é ficieron dar cebada á los caballos, é dixeronles, que para otro dia fasta llegar al poblado avia doce leguas. E quanto á dos horas de la noche partieron de aqui en buenos caballos folgados que les [quales] alli dieron, é anduvieron toda la noche con gran calentura que facia é en todo este camino non avia agua: é eso mesmo anduvieron otro dia lunes fasta hora de nona, que non fallaron solamente agua que beber; é el andar desta noche y deste dia fué tan grande, tanto que los caballos eran ya cansados que los non podian mover, é ovieron de perecer del gran [grande] sol que facia, é de la gran sed que les afincaba [aincaba]; é el camino era arenal, é los omes eran en peligro de sed que non podian aver agua. E un mozo del dicho Maestro avia un caballo un poco mas recio que los otros, é fué adelante quanto pudo, y llegó á un rio, é unos camisones que llevaba en la mano mojóles en el agua, é tor|nó con ellos quanto mas pudo, é bebieron los que del agua dellos pudieron alcanzar, ca iban muy desmayados de la sed é del gran sol que facia; é ya non tenian unos con otros, que el que mas podia non facia si non andar, que non avia ya guardas, nin quien curase de los dichos Em-

захода солнца они пріѣхали въ одну долину, гдѣ было много Чакатайскихъ палатокъ, стоявшихъ на берегу большой рѣки, которая называется Морга. Въ томъ, что они прошли въ эти сутки, было добрыхъ двадцать Кастильскихъ лигъ, если не больше, и они остановились здѣсь на всю ночь. На слѣдующій день, во вторникъ, уѣхали оттуда, и лиги черезъ двѣ пріѣхали къ одному большому дому, въ родѣ гостинницы, который они называютъ каравансака; тутъ жили Чакатаи, которые берегли царскихъ лошадей. Здѣсь они пообѣдали и переждали жаркое время, а около вечерни отправились дальше на хорошихъ свѣжихъ лошадяхъ, которыхъ имъ тамъ дали. Около двухъ часовъ ночи пріѣхали на большую равнину, гдѣ стояли палатки войска Чакатаевъ; тутъ простояли всю ночь и весь слѣдующій день, среду. Въ четвергъ уѣхали оттуда; во время жара отдыхали около одного селенья, а ночевали эту ночь въ полѣ, около той самой рѣки. На другой день, въ пятницу, отправились дальше и останавливались на отдыхъ во время жара въ Чакатайскихъ палаткахъ; вечеромъ уѣхали оттуда на свѣжихъ царскихъ лошадяхъ и ночевали въ полѣ.

bajadores. E un poco antes que se pusiese el sol llegaron á un valle onde
estaban muchas tiendas de Chacatays, las quales estaban cerca de un rio
grande que es llamado Morga, é esta jornada que este dia é esta noche
ficieron, avia bien veinte leguas de Castilla, é mas, é estovieron aqui toda
la noche. E otro dia martes siguiente partieron de aqui, é fueron quanto
dos leguas dende á una grande casa como meson que ellos llaman Cara-
bansaca, é aqui estaban Chacatays que guardaban [guardan] caballos del Se-
ñor: é comieron aqui é estovieron la siesta, é á hora de vísperas partieron 134.
de aqui en buenos caballos folgados que les aqui dieron, é quanto dos horas
de la noche fueron en unos grandes llanos onde estaban tiendas de Chaca-
tays de la hueste, é aqui estovieron esta noche, é otro dia miercoles todo
el dia. E jueves partieron de aqui, é fueron tener la siesta acerca de
una [un] aldea, é fueron dormir esa noche en el campo cerca deste dicho
rio: é otro dia viernes partieron de aqui, y fueron tener la siesta á unas
tiendas de Chacatays, y en la tarde partieron de alli en caballos folgados
de los del Señor, é fueron dormir en el campo.

XCIX. Въ слѣдующую субботу, девятаго августа, они обѣдали въ одномъ мѣстѣ, которое называется Салугаръ-Суджасса. Это мѣсто принадлежало одному важному кашишу, что у нихъ значитъ что то въ родѣ прелата. Оно находилось въ долинѣ, на берегу рѣки, и по немъ проходило много каналовъ; оно было очень хорошо населено, а долина полна прекрасныхъ садовъ и виноградниковъ. Кашишь, владѣтель этого мѣста, уже умеръ и оставилъ двухъ маленькихъ сыновей. Тамурбекъ проходилъ здѣсь дней десять тому назадъ, не много больше или меньше, и взялъ сыновей этого кашиша, и увезъ ихъ съ собою, чтобъ воспитать ихъ, такъ какъ отецъ ихъ былъ изъ хорошаго рода. Этимъ мѣстомъ управляла мать этихъ мальчиковъ; она оказала большой почетъ посланникамъ, посѣтила ихъ, приказала принести имъ много мяса и всего что имъ было надо, и сама обѣдала съ ними. Съ наступленіемъ ночи они выѣхали оттуда на хорошихъ лошадяхъ и прошли всю ночь. На другой день, въ воскресенье, они обѣдали и отдыхали во время жара въ Чакатайскихъ палаткахъ и пробыли тамъ весь день. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, отправились очень рано и ночевали въ полѣ. Изъ па-

XCIX. E sabado siguiente, que fueron nueve dias de Agosto, fueron comer en un lugar que ha nombre Salugar Sujassa; é este lugar era de un grande Caxis, que dicen ellos como Perlado, é estaba en un valle cerca de un rio, é por el lugar pasa[39]ban muchas acequias de agua, y estaba bien poblado, é el valle lleno de huertas é viñas bien fermosas: é este Caxis, Señor deste lugar, era ya finado, é dexára dos fijos pequeños. E el Tamurbec pasára por aquel lugar podia aver fasta diez dias, poco mas ó menos, é que tomára aquellos fijos de aquel Caxis, é que los ficiera llevar consigo para los facer criar, por quanto su padre era ome de buen linage. E el dicho lugar gobernaba su madre destos mozos, la qual fizo mucha honra á los dichos Embajadores, é los vino ver, é les fizo traer mucha vianda, é todo lo que ovieron menester, é comió alli con ellos; é en anocheciendo partieron de aqui en buenos caballos, é anduvieron toda la noche. E otro dia domingo fueron á unas tiendas de Chacatays á comer y tener la siesta, é estovieron alli todo el dia: é otro dia lunes madrugaron y fueron dormir en el campo, y destas tiendas que asi fallaban les daban viandas é

латокъ, которыя они встрѣчали на пути, имъ приносили мясо и плоды, и все что имъ было нужно; и не смотря на то, что то были люди принадлежавшіе къ войску, ихъ заставляли приносить посланникамъ все нужное и давать сторожей, которые бы стерегли ихъ и ихъ лошадей день и ночь; выгоняли ихъ изъ ихъ палатокъ и отдавали ихъ посланникамъ. А когда нужно было проѣзжать черезъ какую нибудь пустыню, то оттуда заставляли доставлять мясо и овесъ и воду на ихъ же счетъ, хоть это имъ было трудно. На слѣдующій вторникъ, двѣнадцатаго числа августа мѣсяца, они обѣдали и отдыхали въ обширномъ полѣ, гдѣ стоялъ большой домъ, въ которомъ жили люди, стерегшіе царскихъ лошадей; а около вечерни сѣли на лошадей и поѣхали дальше.

C. Около вечерни поѣхали въ городъ, который называется Анкой; оттуда былъ родомъ тотъ рыцарь, который провожалъ посланниковъ. Этотъ городъ былъ уже внѣ Мидійской земли, въ землѣ, которая называется Таджикинія; языкъ ея нѣсколькими словами отличается отъ Персидскаго, но большею частью онъ Персидскій. Въ городѣ посланникамъ оказали большія почести, и они остались тамъ съ того вторника, когда прі-

frutas, y lo que avian menester; é non embargante que fuesen gente de la hueste, les facian traer á los dichos Embajadores todas las cosas que avian menester, é omes que los guardasen de dia y de noche á ellos é á sus caballos, y los echaban de sus tiendas, y las daban á los dichos Embajadores: é quando avian de pasar algun yermo, de alli les facian llevar viandas é cebada é agua é su costa dellos, aunque les pesaba. E martes
siguiente, doce dias del dicho mes de Agosto, fueron á comer y tener la 135.
siesta á un gran campo, en que estaba una grande casa donde estaban omes que guardaban caballos del Señor, é á hora de vísperas cabalgaron é partieron de aqui.

C. E á hora de vísperas fueron de | aqui en una ciudad que es llamada Ancoy, é de aqui era natural el Caballero que traía á los dichos Embajadores. E esta ciudad era yá fuera de tierra de Média, é era en una tierra que se llama Tagiquinia, é la lengua era apartada en algunos vocablos de la Persesca; pero lo mas della es [era] Persiana. E en la ciudad ficieron mucha honra á los dichos Embajadores, é estovieron aqui el dicho

ѣхали, до слѣдующаго четверга, четырнадцатаго числа августа мѣсяца; ихъ угостили здѣсь очень хорошо мясомъ и виномъ, котораго тамъ было очень много, и дали имъ камокановое платье и лошадь. Этотъ городъ стоитъ на равнинѣ и лиги на двѣ вокругъ него тянутся сады, виноградники, дома и водопроводы. Въ четвергъ вечеромъ они уѣхали оттуда и ночевали въ Чакатайскихъ палаткахъ, которыя стояли на равнинѣ на берегу рѣки. Эти Чакатаи имѣютъ особыя льготы отъ царя: они могутъ ходить вездѣ гдѣ хотятъ со своими стадами, пасти ихъ, сѣять, и жить гдѣ хотятъ и зимою и лѣтомъ; они свободны и не платятъ податей царю, потому что служатъ ему на войнѣ, когда онъ ихъ призоветъ. И не думайте, чтобъ они оставляли гдѣ нибудь своихъ женъ, дѣтей или стада; они берутъ съ собою все, что у нихъ есть, когда идутъ на войну или переходятъ съ мѣста на мѣсто. А тѣ женщины, у которыхъ есть маленькія дѣти, во время пути везутъ ихъ въ маленькихъ колыбелькахъ передъ собою на лошадяхъ; эти колыбельки перевязаны широкими тесьмами, которыя они надѣваютъ на себя и такъ они путешествуютъ со своими

dia martes que ahi llegaron, fasta el jueves siguiente, que fueron catorce dias del dicho mes de Agosto; é aqui fueron bien servidos de mucha vianda é vino asaz, que avia aqui mucho; é aqui dieron á los dichos Embajadores una ropa de camocan é un caballo. E esta ciudad está en un llano é quanto dos leguas al derredor della avia muchas huertas é viñas é casas, é muchas acequias de agua: é este dia jueves en la tarde partieron de aqui, é fueron dormir á unas tiendas de Chacatays, que estaban en un llano ribera de un rio. E estos Chacatays son previlegiados del Señor, que pueden ir do quisieren con sus ganados á pacer é sembrar, é estar asi en verano como en hibierno [invierno]; y son francos, que non pechan al Señor, por quanto lo van á servir por sus cuerpos á la guerra quando los llaman: é non creades que dexan en ningun lugar sus mugeres nin fijos, nin los ganados: mas todo quanto tienen llevan consigo, quando van en hueste, ó se mueven de un lugar á otro. E las mugeres que han fijos pequeños, quando se mueven llevanlos en unas cunas pequeñas ante sí en los caballos, é liadas aquellas cunas con unas cintas anchas que ellos llevan echadas al cuerpo; é asi con sus fijos andan sus caminos, é andan é corren

дѣтьми, и ѣздятъ и скачутъ верхомъ такъ же легко какъ и безъ нихъ. Бѣдные люди возятъ своихъ дѣтей и палатки на верблюдахъ, что очень неудобно для малютокъ, такъ какъ верблюды идутъ очень неловко. И не только тѣ, которые попадались по дорогѣ, кочуютъ по полямъ, а еще очень многіе кромѣ нихъ; потому что когда мы гдѣ нибудь, гдѣ проходили, встрѣчали ихъ, то съ одной стороны и съ другой видно было ихъ еще много, на цѣлую лигу или на двѣ, и намъ приходилось идти промежду этого народа сутки и больше, и все мы не могли выбраться изъ него. Возлѣ городовъ и мѣстностей гдѣ есть вода и луга мы тоже находили ихъ такъ много, и они были такіе загорѣлые, что казалось, точно они вышли изъ ада, и ихъ было такъ много, что не было видно конца. Эта земля была очень плоская и очень жаркая, и по этому войско, которое шло за царемъ, по большей части шло ночью; и отдохнувши нѣсколько дней въ какомъ нибудь мѣстѣ, гдѣ находило воду или траву, сейчасъ шло опять дальше за царемъ. Въ этихъ Чакатайскихъ палаткахъ посланники пробыли до ночи, а ночью уѣхали. На другой день въ пятницу около полудня они были у одного селенья,

en sus caballos tan ligeras como sin ellos. E las gentes pobres lle|van sus fijos y tiendas en camellos, que les es gran trabajo á los niños por el andar; que anda el camello muy alto. E non solamente son estos que á los caminos estaban, los que andan á facer sus vidas en los campos, mas otra muy gran gente dellos: ca quando algunos [dellos] fallamos en algun lugar por do pasabamos, otros muchos parescian á una parte é á otra, é
á una legua é á dos leguas, ibamos por entre esta gente una jornada y 136.
mas, que non podiamos dellos salir: é cerca de las ciudades é de los lugares, onde avia aguas é prados fallamos eso mesmo mucha gente dellos, tantos y tan feos andaban del sol, que parescian que del infierno salian, é tantos eran que parescian infinitos. E esta tierra era muy llana y muy caliente, é por esto esta gente de la hueste que tras el Señor iban, movian los mas dellos de noche á andar; y desque avian folgado algunos dias en algunos lugares donde fallaban agua [aguas] o hierbas, luego movian tras el Señor: é en estas tiendas de Chacatays estovieron los dichos Embajadores fasta la noche que partieron dende. E otro dia viernes á medio dia fueron

гдѣ пообѣдали и отдохнули во время жара; а ночевать пріѣхали въ одинъ большой городъ, имя котораго позабылось; это былъ большой городъ, съ обширною окружностью; прежде у него были стѣны, а теперь онѣ уже разрушились; большая часть его была пуста; въ немъ были большія зданія и мечети. Они пробыли въ этомъ городѣ тотъ день когда пріѣхали; а на другой день, въ субботу, посланникамъ дали камокановое платье и оказали имъ большія почести. Въ эту субботу они уѣхали оттуда на хорошихъ, свѣжихъ лошадяхъ, которыхъ имъ дали на дорогу и они остановились ночевать въ Чакатайскихъ палаткахъ. На другой день въ воскресенье уѣхали оттуда; и былъ такой сильный вѣтеръ, что людей едва не сбрасывало съ лошадей, и онъ былъ такой жаркій, точно огонь. Дорога шла по пескамъ и вѣтеръ поднималъ песокъ и несъ его съ одного мѣста на другое и заносилъ дорогу и людей. Въ этотъ день они нѣсколько разъ сбивались съ пути; и рыцарь, который ихъ провожалъ, послалъ назадъ въ палатки за человѣкомъ, который показалъ бы имъ дорогу. По волѣ Божьей они пріѣхали въ одно хорошее селенье, по имени Алибедъ, и тамъ пробыли все жаркое время, пока не утихъ вѣтеръ.

en una aldea, é comieron y tovieron la siesta: é en la noche fueron dormir á una gran ciudad que se olvidó el nombre della; pero esta ciudad era muy grande é de gran cerca, é otro tiempo fuera murada, pero agora tenía el muro caído, é lo mas della era despoblada, é en ella avia grandes edificios de casas é de mezquitas: é estovieron en esta ciudad el dia que alli llegaron: otro dia sabado en esta ciudad dieron á los dichos Embajadores una ropa de camocan, y les ficieron grande honra. E este sabado partieron de aqui en buenos caballos folgados que les aqui dieron en que fuesen, é | fueron dormir á unas tiendas de Chacatays. E otro dia domingo partieron de aqui, é fizo un tan grande viento, que á los omes queria derrocar de las bestias é era tan caliente que parescia fuego: é el camino era por unos arenales, é el viento llevaba el arena de un lugar á otro, é cegaba el camino é á los omes. E este dia perdieron el camino muchas veces, é el Caballero que les llevaba fizo tornar por un ome á las dichas tiendas que les mostrase el camino: é quiso Dios que llegaron á una buena aldea que avia nombre Alibed, é estovieron aqui toda la siesta

Къ ночи они пріѣхали въ другое селенье, которое называется Ушь, и когда лошади поѣли овса, отправились, и всю ночь были въ пути между маленькими селеньями и множествомъ садовъ.

CI. На другой день, въ понедѣльникъ, восемнадцатаго августа, они пріѣхали въ городъ, который называется Балхъ. Это очень большой городъ, окруженный очень широкимъ землянымъ валомъ, такъ что въ ширину вала было около тридцати шаговъ; но этотъ валъ былъ проломанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Городъ раздѣлялся на три отдѣленья валами, которые шли вдоль и пересѣкали его съ одного конца до другого. Первое отдѣленье, которое находилось между первымъ и вторымъ валомъ, было пустое и тамъ никто не жилъ; тамъ было посѣяно много хлопчатника; во второмъ отдѣленіи живутъ люди, но населеніе не очень густо; а въ третьемъ отдѣленіи очень много жителей; и хотя большая часть городовъ, которые мы встрѣчали, была безъ стѣнъ, у этого стѣны были очень хорошія. Въ этомъ городѣ посланникамъ оказали большія почести и принесли имъ много мяса

fasta que amansó el viento. E en la noche fueron dormir á otra aldea que llaman [llamaban] Ux, é quanto los caballos comieron cebada, partieron de aqui, é anduvieron toda la noche, é entre unas aldeas pequeñas é entre muchas huertas.

CI. E otro dia lunes siguiente, que fueron diez y ocho dias del mes de
Agosto, llegaron á una ciudad que es llamada Vaeq: é esta ciudad es muy 137.
grande, é era cercada de una cerca de tierra muy ancha, que avia en el muro en ancho treinta pasos; pero que esta cerca está aportillada en muchos lugares. E esta ciudad avia tres apartamientos de cercas que iban á la luenga, y atravesaban toda la ciudad de una parte á otra: é el primer apartamiento, que era entre la primera é segunda cerca, era despoblado, que non vivia en el ninguno, é estaban aqui sembrados muchos algodones: é en el segundo apartamiento mora gente: pero non estaba bien poblado: é el tercero estaba muy bien poblado de mucha gente: é como quiera que las mas ciudades que fasta aqui fallamos, fuesen sin muros, esta estaba bien abastada dellos. E en esta ciudad ficieron mucha honra á los dic[40]hos Embajadores, é aqui les dieron asaz vianda é mucho vino;

и вина и кромѣ того дали имъ камокановое платье и лошадь. Въ слѣдующій вторникъ они уѣхали оттуда и ночевали около одного селенья, въ среду обѣдали и отдыхали во время жара въ одномъ пригородѣ, а ночевали въ полѣ.

CII. Въ слѣдующій четвергъ, двадцать перваго числа августа мѣсяца, пріѣхали къ большой рѣкѣ, которая называется Віадме; это другая рѣка, которая выходитъ изъ рая, и она шириною будетъ около лиги. Она идетъ по очень ровной землѣ, но течетъ удивительно скоро, и все таки мутная; зимою она дѣлается меньше, потому что вода на горахъ замерзаетъ, и снѣгъ не таетъ; когда же наступаетъ апрѣль мѣсяцъ, она начинаетъ прибывать и четыре мѣсяца сряду прибываетъ; потомъ начинаетъ уменьшаться и возвращается къ обыкновенному своему состоянію; это отъ того, что весною таетъ и распускается снѣгъ. Прошлою весною, говорили намъ, она такъ прибыла, какъ никогда въ прежнее время не прибывала: дошла до одного селенья, которое лежитъ на разстояніи двухъ третей лиги отъ нея, вошла въ селенье, разрушила много домовъ и принесла много вреда. Эта рѣка спускается съ меньшей вершины горъ той

otrosi les dieron una ropa de camocan é un caballo: é martes siguiente partieron de aqui, é fueron dormir cerca de una aldea; é el miercoles fueron comer é tener la siesta á una villa, é fueron dormir en el campo.

CII. E jueves siguiente, que fueron veinte y un dias del dicho mes de Agosto, llegaron á un gran rio que es llamado Viadme, é este es el otro rio que sale del Parayso, é está ancho quanto una legua: y viene por una tierra muy llana, é va muy recio á maravilla, é viene turbio todavia; é quando él viene mas pequeño es en hibierno [inbierno], por quanto se yela el agua en las montañas, é las nieves estan que non se deshacen; é como viene el mes de Abril comienza á crecer, y crece quatro meses continuos, é de sí torna á deshacer fasta que torna en su estado: é esto es por quanto en verano se desyelan y deshacen las nieves: é este verano pasado nos decian que avia crescido mucho mas que non solia otros tiempos pasados crescer, ca cresció tanto que llegó á una [un] aldea que estaba allende del rio quanto dos tercios de legua, é entró por el aldea, é derrocó muchas casas, é fizo grande daño. E este grande rio desciende del aldina menor

страны и течетъ по степямъ Самаркандской земли, входитъ въ землю Татарскую и впадаетъ въ море Баку. Эта рѣка отдѣляетъ царство Самаркандское отъ Хорасанскаго.

CIII. Царь Тамурбекъ, покоривши царство Самаркандское, которое находится по ту сторону рѣки, захотѣлъ перейдти на эту сторону, чтобъ завоевать царство Хорасанское; и приказалъ сдѣлать на этой рѣкѣ большой деревянный мостъ на лодкахъ; когда онъ перешелъ черезъ него со своими людьми, онъ приказалъ разрушить этотъ мостъ; а теперь, воротившись въ Самаркандъ, опять велѣлъ сдѣлать его, чтобы перейдти со своимъ войскомъ; по этому мосту перешли и посланники. Говорятъ, что онъ приказалъ, какъ только перейдетъ его войско, сейчасъ разрушить мостъ. Этотъ мостъ не доходитъ съ одного берега до другого, а начинается съ одной стороны, идетъ довольно долго, до тѣхъ поръ пока лошади и стада могутъ перейдти въ бродъ, а оттуда дальше уже нѣтъ моста. Тамъ, возлѣ этой большой рѣки, на равнинѣ сражался Александръ съ Поромъ, царемъ Индійскимъ, когда разбилъ его. Въ этотъ четвергъ, когда посланники пріѣхали къ этой большой рѣкѣ, они

de las montañas della, é va por unas llanuras de tierra de Samarcante, é entra en tierra de Tartaria [Tartalia], é va al mar de Bacu: é este rio departe la tierra del Imperio de Samarcante, é del Imperio de Horazania.

CIII. E el señor Tamurbec desque ovo ganado el Imperio de Samarcante que es allende deste rio, quiso pasar desta otra parte por conquistar el Impe- 138.
rio de Horazania; é fizo facer á este rio una gran puente de madera sobre barcas; é desque él y su gente ovo pasado, fizo derrocar | esta puente: é agora quando tornó á Samarcante, mandó tornar á facer esta puente por do pasase él é su hueste, é por esta puente pasaron los dichos Embajadores; y decian que tenia mandado el Señor, que asi como oviese pasado su hueste, que la deshiciesen; é esta puente non llegaba de una parte del rio fasta la otra, mas comenzaba: de la una parte iba una gran pieza, fasta tanto que los caballos y bestias podian ir á pie, y de alli adelante non iba puente. E aqui cerca deste gran rio en una llanura ovo Alexandre su batalla con Poro Señor de la India, quando lo desbarató. E este dicho jueves que los dichos Embajadores llegaron á este gran rio, lo pasaron á otra parte. E este dicho dia jueves que los dichos Embajadores llegaron

переѣхали и на другой берегъ ея. И въ этотъ же самый четвергъ, когда они пріѣхали къ этой большой рѣкѣ, вечеромъ они были уже въ большомъ городѣ, который называется Термитъ; прежде онъ принадлежалъ къ Малой Индіи, а теперь принадлежитъ къ царству Самаркандскому, потому что его завоевалъ Тамурбекъ. За этой рѣкой начинается Самаркандское царство. Страна этого Самаркандскаго царства называется Могалія, а языкъ его называется Мугальскій; этого языка не понимаютъ на этой сторонѣ рѣки, потому что всѣ говорятъ по Персидски и понимаютъ другъ друга, такъ какъ между здѣшнимъ языкомъ и Персидскимъ мало разницы. Письменъ же, которыя употребляютъ Самаркандцы по ту сторону рѣки, не разбираютъ и не умѣютъ читать тѣ, которые живутъ по сю сторону; эти письмена называются Могали, и при царѣ есть нѣсколько писцовъ, которые читаютъ и умѣютъ писать этими письменами Могали. Земля этого царства Самаркандскаго очень населена и почва очень плодородна и всѣмъ богата. При этой большой рѣкѣ есть обычай, который царь приказываетъ соблюдать, что когда царь перейдетъ съ одного ея берега на другой, сейчасъ ломаютъ мостъ и послѣ него никто не смѣетъ пройдти

á este gran rio, en la tarde fueron en una gran ciudad que es llamada Termit, é esta solia ser de la India menor, é agora es del Imperio de Samarcante, que la ganó el Tamurbec. E deste rio adelante se empezaba el Imperio de Samarcante: é la tierra deste Imperio de Samarcante se llama tierra de Mogalia, é la su lengua se llama Mugalia; é non se entiende esta lengua quende el rio, porque fablan todos la lengua Persiana, por do se entienden todos en comunal, que desta lengua á la Persiana ay poco departimiento; pero la letra que sirven estos de Samarcante del rio allende, non la entienden nin saben leer los del rio aquende, é llaman á esta letra Mogali; é el Señor trae consigo ciertos Escribanos que leen é saben escrebir esta letra Mogali: é esta tierra deste Imperio de Samarcante es muy poblada, é tierra muy gruesa é abastada de todas las cosas. E la costumbre deste grande rio que el Señor face alli mantener es, que desque el Señor pasa aquel rio de | una parte á otra, han de quebrar aquella puente, é despues ninguno non puede pasar por ella; y en este rio andan unas barcas que pasan las gentes «de»

по этому мосту. Черезъ рѣку ѣздятъ лодки и перевозятъ народъ съ одной стороны на другую; но никто не смѣетъ и никого не пропускаютъ переѣзжать въ лодкахъ изъ Самаркандскаго царства сюда, кто не покажетъ грамоту съ обозначеніемъ откуда онъ и куда отправляется, хотя бы онъ былъ изъ сосѣдства; а кто хочетъ переѣхать въ царство Самаркандское, тотъ переѣзжаетъ не показывая никакихъ грамотъ. При этихъ лодкахъ царь опредѣлилъ большую стражу и она собираетъ большую пошлину съ переѣзжающихъ. Стража эта поставлена у рѣки вотъ для чего: царь перевезъ въ Самаркандскую землю много плѣнныхъ изо всѣхъ завоеванныхъ имъ странъ для того чтобъ населить ее, потому что онъ много дѣлаетъ чтобы ее хорошо населить и возвеличить; и (стража должна стеречь), чтобъ они не убѣгали и не ворочались въ свои земли. И даже въ то время какъ ѣхали посланники, они встрѣчали въ Персидской и Хорасанской землѣ людей, которые, по порученію царя, если находили гдѣ нибудь сиротъ и безродныхъ людей или бѣдныхъ мужчинъ и женщинъ, у которыхъ не было ни дома, ни имущества, сейчасъ силою брали ихъ и отводили въ Самаркандъ, чтобъ они поселились тамъ: кто вёлъ корову, кто ба-

una parte á otra, é ninguno non puede nin dexan pasar por estas barcas del Imperio é tierra de Samarcante acá, sin que muestre carta ó recado donde es, ó á donde va, aunque sea de los vecinos de la tierra; é si algu-
nos quieren pasar en tierra de Samarcante, pasanlo sin que muestre 139.
recabdo alguno. E en estas barcas tiene el Señor puesto gran guarda é recabdo, é llevan gran derecho de los que pasan por estas barcas: é esta guarda que en este rio está, es por quanto el Señor ha fecho llevar mucha gente á este Samarcante captiva para que pueblen aquella tierra, de quantas tierras ha conquistado, que face mucho por la poblar bien é ennoblecerla, é porque se non fuyan nin tornen á sus tierras. E aún agora quando los dichos Embajadores iban, fallaban gente del Señor por tierra de la Persia é de Horazania, que do quiera que fallaban omes huerfanos é sin padres; é otros omes é mugeres pobres que non avian casa [casas] nin facienda, tomabanlos por fuerza, y llevabanlos á Samarcante para que poblasen allá: é qual llevaba una vaca, é qual un asno, é qual un carnero ó dos ovejas, é cabras; é los Concejos do llegaban, les daban de comer

рана или двухъ овецъ, или козъ; а управленія тѣхъ мѣстъ, куда они приходили, кормили ихъ по приказанію царя; и такимъ образомъ, говорятъ, царь привелъ въ Самаркандъ добрыхъ сто тысячъ человѣкъ, если не больше. Этотъ городъ Термитъ, куда въ этотъ день пріѣхали посланники, былъ городъ большой и очень населенный; онъ не былъ окруженъ никакой оградой, и вокругъ него было много садовъ и воды. Больше ничего не могу сказать вамъ объ этомъ городѣ кромѣ того, что вошедши въ него, мы ѣхали такъ долго, что пріѣхали въ свое помѣщеніе совсѣмъ раздосадованные; и все время ѣхали по площадямъ и многолюднымъ улицамъ, гдѣ продавали разныя разности. Въ этомъ городѣ посланникамъ оказали много почестей, дали имъ все что нужно и поднесли платье изъ шелковой ткани. Въ этотъ городъ пріѣхалъ также одинъ царскій гонецъ, который былъ присланъ къ посланникамъ; онъ сказалъ имъ, что царь приказалъ привѣтствовать ихъ и прислалъ узнать, какъ они ѣдутъ, и каково имъ было въ дорогѣ, хорошо ли съ ними обходились, и скоро ли они будутъ. Когда этотъ гонецъ уѣзжалъ отъ нихъ, они дали ему камокановое платье; также дали флорентиновое платье тому рыцарю, котораго царь при-

por mandado del Señor: é desta manera decian que avia fecho el Señor llevar á Samarcante bien cien mil personas é mas. E esta dicha ciudad de Tremit, [Termit] onde los dichos Embajadores este dia llegaron, era muy grande é muy poblada, é non era murada nin avia cerca ninguna, é al derredor della avia muchas huertas y muchas aguas: é non vos puedo decir mas desta ciudad, salvo que desde que en ella en|tramos, que anduvimos á tan grande pieza, que eramos enojados quando á las posadas llegamos, é todavia ibamos por plazas é calles muy pobladas, en que vendian muchas cosas. E en esta ciudad ficieron mucha honra á los dichos Embajadores, é les dieron otrosi todas las cosas que ovieron menester; é asi mismo les dieron [otrosi] una ropa de un paño «de» seda. E á esta ciudad llegó otrosi un trotero del Señor que venia á los dichos Embajadores, el qual les dixo que el Señor les enviaba á saludar, y les enviaba á decir cómo venian, y cómo les avia ido por el camino, é si avian sido bien tratados, é si venian recios. E quando este trotero se partió dellos, dieronle una ropa de camocan [camoca]; é otrosi dieron una ropa de flo-

слалъ къ нимъ перваго и который ѣхалъ съ ними; такъ же сдѣлалъ и посланникъ Вавилонскаго султана, который ѣхалъ съ ними. Кромѣ того второму рыцарю, котораго прислалъ царь, они дали лошадь; потому что у нихъ есть обычай давать что нибудь въ честь царя тому, кто ѣдетъ куда нибудь отъ царя, и соблюдать обыкновеніе получать подарки; по количеству того, что даютъ въ честь царя, судятъ объ ихъ щедрости; и этимъ они очень хвалятся.

CIV. Въ слѣдующую пятницу, двадцать второго числа августа мѣсяца, послѣ обѣда посланники уѣхали оттуда и остановились ночевать въ полѣ около большого дома. На другой день въ субботу они шли по большимъ равнинамъ между многими и хорошо населенными селеньями, и пріѣхали въ одно селенье, гдѣ имъ подали все что имъ было нужно. Въ слѣдующее воскресенье они обѣдали въ большомъ домѣ, въ которомъ останавливается царь, когда проходитъ черезъ эти мѣста; тамъ имъ дали много мяса, плодовъ, вина и много дынь, которыя въ этой мѣстности очень велики, хороши и обильны. Обыкновенно, когда даютъ фрукты, то привозятъ ихъ множество

rentin al Caballero [Caballeros] que el Señor les envió primero, que con ellos iba; é otro tal fizo el Embajador del Soldan de Babylonia, que en uno iba: é otrosi dieron al segundo Caballero que les el Señor envió, un caballo, ca tal es su costumbre de qualquiera que de parte del Señor va á alguna parte, de le dar siempre algo por facer honor al Señor, é guardar 140.
la [su] costumbre que es rescebir presentes; é segun la cantidad de lo que por honor del Señor dan, asi [ansi] les é contado la su realeza, é de aquello se alaban mucho.

CIV. E viernes siguiente, que fueron veinte y dos dias del dicho mes de Agosto, despues de comer partieron de aqui los dichos Embajadores, é fueron dormir en el campo cerca de unas grandes casas. Otro dia sabado anduvieron por unos grandes llanos entre unas aldeas muchas é bien pobladas, y llegaron á una aldea onde fueron servidos de todo lo que ovieron menester. E domingo siguiente fueron comer á unas grandes casas onde el Señor [41] suele estar, quando por alli pasa, é alli les dieron mucha vianda é mucha fruta é mucho vino é muchos melones, que los ay

и бросаютъ на землю передъ посланниками. Въ тотъ же день они уѣхали оттуда и ночевали въ полѣ возлѣ одной рѣки. На другой день, въ понедѣльникъ они обѣдали у подошвы одной высокой горы, гдѣ былъ построенъ прекрасный домъ, сдѣланный крестообразно, украшенный очень хорошею работою изъ кирпичей, со множествомъ разводовъ и составленныхъ, и нарисованныхъ, и съ узорами изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ. Эта гора очень высокая, и въ этомъ мѣстѣ есть проходъ, которымъ можно пройдти сквозь гору по трещинѣ; и кажется точно онъ продѣланъ человѣческими руками; потому что съ обѣихъ сторонъ поднимаются очень высокія горы, а проходъ ровный и очень глубокій. Посреди этого горнаго прохода стоитъ селенье, а надъ нимъ очень высоко поднимается гора. Этотъ проходъ въ горахъ называется Желѣзныя ворота, и во всей этой цѣпи горъ нѣтъ другого прохода кромѣ этого; онъ защищаетъ Самаркандское царство, такъ какъ со стороны малой Индіи нѣтъ другого прохода кромѣ этого, чтобъ войдти въ царство Самаркандское; и точно такъ же жители Самаркандскаго царства не могутъ пройдти

en esta tierra muchos é buenos é muy grandes: é la costumbre es de quando dan fruta, de la traer á cargas, y echarla delante los Embajadores en el suelo. E este dia partieron de aqui, é fueron dormir en el campo cerca de un rio: é otro dia lunes fueron comer al pie de una alta sierra, donde estaba una fermosa casa fecha en cruz, labrada de muy buena obra de ladrillo, é en ella muchos lazos fechos é pintados, é pinturas de azulejos de muchas colores. E esta sierra es muy alta, é en aquel lugar está un paso por do se pasa esta montaña, por una quebrada que paresce que fue fendida é fecha á mano esta pasada, que las montañas desta parte é de la otra suben muy altas, é el paso es llano é muy fondo: é en medio desta pasada desta montaña está una [un] aldea, é la montaña muy alta encima; é este paso destas montañas se llama las puertas del Fierro; é en toda esta montaña non ay otro paso para la pasar salvo este, é este paso es guarda del Imperio de Samarcante é de su tierra, que de partes de la menor India non ay otro paso para pasar á tierra de Samarcante salvo este, nin eso mesmo los del Imperio de Samarcante non pueden pasar á tierra de la India salvo por este paso. E destas puertas del

въ Индію иначе какъ черезъ этотъ проходъ. Этими Желѣзными воротами владѣетъ Тамурбекъ, и они приносятъ ему большой доходъ, потому что черезъ нихъ проходятъ купцы, идущіе изъ Малой Индіи въ Самаркандское царство и въ земли ниже его. Тамурбекъ кромѣ того владѣетъ другими Желѣзными воротами, которые находятся возлѣ Дербента, въ концѣ провинціи Татаріи и ведутъ къ городу Кафѣ, который тоже находится въ проходѣ посреди высокихъ горъ, между провинціей Татаріей и землей Дербентской, на пути къ морю Баку или Персіи; и жителямъ провинціи Татаріи, когда они хотятъ пройдти въ Персію или въ эту землю къ Самарканду, нѣтъ другого прохода, кромѣ этого. Отъ однихъ Желѣзныхъ воротъ до другихъ будетъ тысяча пятьсотъ лигъ, если не больше. Посудите, какой великій царь тотъ, который владѣетъ, какъ Тамурбекъ, этими двумя Желѣзными воротами и всей землей, что находится между ними; потому что онъ владѣетъ и Дербентомъ, и Дербентскія Желѣзныя ворота приносятъ ему большой доходъ ежегодно. А Дербентъ очень большой городъ и къ нему принадлежитъ также очень обширная зем-

Fierro era Señor el Tamurbec, é| le rendia mucho de cada año, por quanto pasan por alli los mercaderes que vienen de la menor India para tierra del Imperio de Samarcante, é para las otras tierras que son ayuso dél. Otrosi el dicho Tamurbec era Señor de las otras puertas del Fierro, 141.
que son cerca de Darbante, en el | cabo de la provincia de Tartaria [Tartalia] fasta la ciudad de Cafa, que es asi mesmo en el paso de unas montañas muy atas [altas] que son entre el terreno de la provincia de Tartaria [Tartalia], é desta tierra de Darbante para venir fácia el mar del Bacu, é fácia la Persia; ca los de la provincia de Tartaria [Tartalia] que quieren venir en la Persia, ó en esta tierra de fácia Samarcante non han otro paso salvo este: é de las unas destas puertas del Fierro fasta las otras ha bien mil y quinientas leguas, é mas. Ved si es gran Señor el que señorea estas dos puertas del Fierro, é es Senor dellas é de todo el terreno, que es entre medio dellas, como lo es el Tamurbec; ca el Señor de Darbante, é de las sus puertas del Fierro le [lle] facia trebuto [tributo] en cada un año. E Darbante es una muy gran ciudad, que se cuenta su señorio con una grande tierra, é las primeras destas puertas que son mas cerca de nos,

ля. Первыя Желѣзныя ворота, которые ближе къ намъ, называются Желѣзными воротами у Дербента; а другія, дальнія называются Желѣзными воротами у Термита; они граничатъ съ землей Малой Индіей. Въ этомъ домѣ посланникамъ подарили лошадь; въ этой землѣ лошади очень славятся своей выносливостью. Горы, въ которыхъ находятся Желѣзныя ворота, не покрыты лѣсомъ; говорятъ, что прежде въ этомъ проходѣ отъ горы къ другой были ворота всѣ покрытыя желѣзомъ, и никто не смѣлъ пройдти въ нихъ безъ позволенія. Въ тотъ же день они уѣхали оттуда и ночевали на открытомъ воздухѣ, на верху холма. На слѣдующій день они обѣдали и отдыхали въ Чакатайскихъ палаткахъ, на берегу одной рѣки, а вечеромъ поѣхали и ночевали на верху цѣпи горъ; въ полночь они уѣхали оттуда и обѣдали и отдыхали въ одномъ селеньи; тутъ умеръ одинъ слуга магистра Фра Альфонса Паеса, который былъ боленъ.

CV. На другой день, въ четвергъ, двадцать осьмого числа августа мѣсяца, во время обѣдни пріѣхали къ большому городу, который называется Кешь. Этотъ городъ стоялъ на

se llaman las puertas del Fierro de cerca Darbante, é las otras postrimeras se llaman las puertas del Fierro cerca Termit, que confinan con el terreno de la India menor. E aqui en esta casa dieron á los dichos señores Embajadores en presente un caballo; en esta tierra son muy alabados los caballos della por de grande afan. E estas sobredichas montañas, do son las puertas del Fierro, son rasas sin montes; é en esto paso decian que solia aver otro tiempo de una montaña á otra unas puertas, que eran todas cubiertas de mucho fierro, é ninguno non podia pasar sin mandado. E este sobredicho dia partieron de aqui, é fueron dormir en el campo encima de una montaña. E otro dia siguiente fueron comer é tomar la siesta á unas tiendas de Chacatays ribera | de un rio; é en la tarde cabalgaron é fueron dormir encima de unas montañas de sierras, é partieron á media noche de alli, é fueron comer á una [un] aldea y tener la siesta: é aqui murió un ome del dicho Maestro Fray Alfonso Paez, que iba doliente.

CV. Otro dia jueves, que fueron veinte y ocho dias del dicho mes de Agosto, á hora de Misa fueron en una gran ciudad que se llama

равнинѣ; со всѣхъ сторонъ вокругъ него проходило много ручьевъ и каналовъ и онъ былъ окруженъ множествомъ садовъ и домовъ. Окрестности его были ровныя, многолюдныя, было видно много селеній, луговъ и воды, и казалось, что земля должна быть очень красива лѣтомъ; равнины были засѣяны хлѣбомъ, который орошался водою, и покрыты виноградниками, хлопчатниками, дынными огородами и множествомъ плодовыхъ садовъ. Городъ былъ окруженъ землянымъ валомъ и глубокимъ рвомъ, и при входахъ были подъемные мосты. Изъ этого города Кеша былъ родомъ царь Тамурбекъ, и отсюда же былъ и его отецъ. Въ этомъ городѣ было много большихъ домовъ и мечетей, въ особенности одна мечеть, построенная Тамурбекомъ, которая даже еще не была кончена; въ ней была большая часовня, въ которой былъ похороненъ отецъ Тамурбека; кромѣ того еще другая часовня, которую Тамурбекъ приказалъ построить для себя, чтобъ быть тамъ похороненнымъ; и она не была еще кончена. Говорятъ, что когда онъ проходилъ тамъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ остался недоволенъ этой часовней, потому что дверь была низка, и велѣлъ ее передѣлать; теперь надъ нею ра-

Quex: la qual ciudad estaba en un llano, é por todas partes della le pasaba muchos arroyos é acequias de agua, é avian muchas huertas é casas al derredor della; é cerca della era todo llano, en que parescieron 142.
muchas aldeas é tierra muy poblada, y de muchas aguas é prados, é tierra muy fermosa de verano; é por estos llanos avia muchos panes sembrados que se regaban, é muchas viñas é muchos algodones é melonares, é muy grandes arboledas de frutales: é esta ciudad era cercada de un muro de tierra, é avia cavas muy hondas, é á las puertas puentes levadizas. E desta ciudad de Quex era natural el señor Tamurbec, é de aqui fué su padre. E en ésta ciudad avia grandes edificios de casas é mezquitas, señaladamente avia una gran mezquita que el Tamurbec mandára facer, que aún non era acabada, é en ella estaba una gran capilla en que estaba enterrado el padre del Tamurbec: otrosi avia fecho otra muy gran capilla que el Tamurbec mandó facer para sí, para que se enterrase, é aun non era acabada; é decian, que agora quando pasára por alli, podia aver un mes que se non pagára el Señor de aquella capilla, diciendo, que la

ботаютъ мастера. Кромѣ того въ этой мечети былъ похороненъ первый сынъ Тамурбека, котораго звали Янгиръ. Эта мечеть и часовни ея очень богаты и великолѣпно отдѣланы золотомъ, лазурью и изразцами; при ней есть большой дворъ съ деревьями и водоемами. Въ эту мечеть по приказанію царя каждый день дается двадцать вареныхъ барановъ въ память душъ его отца и сына, которые лежатъ тамъ. Какъ только посланники пріѣхали въ этотъ городъ, сейчасъ ихъ повезли въ эту мечеть, принесли имъ туда много мяса, плодовъ и стали ихъ угощать; а когда они пообѣдали, повезли въ большой дворецъ, гдѣ имъ было назначено помѣщеніе. На другой день, въ пятницу, посланниковъ повезли смотрѣть большой дворецъ, который строился по приказанію царя; говорятъ, что уже двадцать лѣтъ въ немъ работали каждый день; и даже теперь работало много мастеровъ. Въ этомъ дворцѣ былъ очень длинный входъ и очень высокія ворота, и сейчасъ у входа по правую и по лѣвую руку были кирпичныя арки, покрытыя изразцами, разрисованными разными разводами. Подъ этими арками были въ родѣ маленькихъ комнатъ безъ дверей, и полъ въ нихъ по-

puerta era baxa, é mandóla alzar, é labraban en ella agora maestros. E otrosi estaba en esta mezquita enterrado el fijo prime|ro que el Tamurbec oviera, que avia nombre Ianguir: é esta mezquita é capillas era muy rica é muy bien obrada de oro é de azul é de azulejos; é en ella está un gran corral con arboles é albercas de agua: é en esta mezquita facia el Señor dar de cada dia veinte carneros cocidos por el alma de su padre é de su fijo que alli yacian. E luego como llegaron los dichos Embajadores á esta ciudad llevaronlos á esta mezquita, y alli les troxieron mucha vianda é mucha fruta [fructa], é ficieronles comer; é desque [deque] ovieron comido llevaronlos á unos grandes palacios en que posasen. E otro dia viernes llevaron á los dichos Embajadores á ver unos grandes palacios que el Señor mandaba facer, que decian que avia veinte años que labraba en ellos de cada dia, é aún hoy dia labraban en ellos muchos maestros; é estos palacios avian una entrada luenga, é una portada muy alta, é luego en la entrada estaban á la mano derecha y á la siniestra arcos de ladrillo cubiertos de azulejos fechos á muchos lazos; é so estos arcos estaban unas como cámaras pequeñas sin puertas, é el suelo cubierto

крытъ изразцами: это было сдѣлано для того, чтобъ тутъ сидѣли люди во время пребыванія царя. Сейчасъ за этимъ была другая дверь и за нею большой дворъ, вымощенный бѣлыми плитами и окруженный богато отдѣланными галереями. Посреди двора стоялъ большой водоемъ. Дворъ былъ шаговъ триста въ ширину, и черезъ него входили въ большой домъ, въ которомъ была очень высокая и широкая дверь, украшенная золотомъ, лазурью и изразцами, очень красивой работы. По срединѣ надъ дверью былъ изображенъ левъ, положенный на солнцѣ; по краямъ точно такое же изображеніе; это гербъ царя Самаркандскаго. И хотя говорятъ, что этотъ дворецъ строится по приказанію Тамурбека, однако я думаю, что его началъ строить прежній царь Самаркандскій; потому что этотъ гербъ, солнце и левъ, изображенный на немъ, есть гербъ царя Самаркандскаго; а гербъ Тамурбека — три круга въ родѣ O, расположенные такимъ образомъ:

oo
O

de azulejos; é esto era fecho para en «en» que se asentasen las gentes, quando alli estoviese el Señor. E luego delante desto estaba otra puerta, é
adelante della estaba un gran corral enlosado de losas blancas, é cercado 143.
todo de portales de obra bien rica; é en medio deste corral estaba una gran alberca de agua, é este corral era bien trecientos [300] pasos en ancho: é deste corral se entraba á un grande cuerpo de casas, en el qual avia una portada muy alta é muy ancha, é labrada de oro é de azul é de azulejos, fecho [fechos] de una obra bien fermosa: é encima de la portada en medio della estaba figurado un [42] leon metido en un sol; otrosi á los cabos otro tal figurado, é estas eran las armas del Señor de Samarcante. E como quiera que decian que el Tamurbec mandára facer aquellos palacios, tengo que él que fué Señor de Samarcante ante que él, los mandára facer; por quanto estas armas del sol y del leon que estaba metido en él, son del Señor de Samarcante: é las que el Tamurbec tiene son tres redondos asi como *oes*, fechas desta guisa.

oo
O

Это значитъ, что онъ царь трехъ частей свѣта. Этотъ гербъ онъ приказываетъ дѣлать на монетахъ и на всѣхъ вещахъ, которыя дѣлаются по его приказанію; и по этому я думаю, что другой царь прежде Тамурбека началъ строить этотъ дворецъ. Эти же круги въ родѣ O находятся на царскихъ печатяхъ, и онъ приказываетъ, чтобъ тѣ народы, съ которыхъ онъ беретъ дань, тоже выбивали ихъ на своихъ деньгахъ. Изъ этой двери входишь прямо въ пріемную комнату, построенную квадратомъ, стѣны которой были разрисованы золотомъ и лазурью и (отдѣланы) полированными изразцами; а потолокъ весь позолоченъ. Отсюда посланниковъ привели въ верхній этажъ, такъ какъ весь домъ былъ раззолоченъ, и тамъ показали имъ столько отдѣленій и покоевъ, что было бы очень долго разсказывать: въ нихъ отдѣлка была золотая, лазоревая и другихъ разныхъ цвѣтовъ, удивительной работы, и даже въ Парижѣ, гдѣ есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой. Потомъ имъ показали комнаты и покои, которые были назначены для пребыванія самого царя и женъ его; въ нихъ была необыкновенная и богатая отдѣлка на стѣнахъ, на потолкѣ и на полу. Надъ этимъ дворцомъ работало много разныхъ мастеровъ. Послѣ этого

E esto significa que era Señor de las tres partes del mundo: é esta devisa mandaba él facer en la moneda, é en todas sus cosas que él facia; é por tanto tengo que otro comenzó á facer estos palacios antes que el Tamurbec. Otrosi estas tres como *oes* redondas tenia el Señor en sus sellos, é mandaba otrosi que los que él atrebutaba, los poseyesen en la moneda de sus tierras. E desta puerta entró luego á un rescebimiento que era fecho como quadra, que avia las paredes pintadas de oro é de azul, é alisares de azulejos, é el cielo era todo dorado: é de aqui llevaron los Embajadores á unos sobrados, ca toda esta casa era dorada; é alli les mostraron tantas casas é apartamientos, que seria luengo [luengos] de contar: en los quales avia obras de oro é de azul, é de otras muchas colores fechas á muchas maravillas; é para dentro en París, onde son los maestros sotiles, seria fermosa obra de ver. E que les mostraron cámaras é apartamientos que el Señor tenia fechas para estar con sus mugeres, que avian estraña obra é rica, é asi en las paredes como en el cielo «y» en el suelo; y destos palacios estaban labrando muchos maestros de muchas maneras.

посланниковъ повели смотрѣть палату, которую царь назначилъ для того, чтобъ сидѣть и пировать со своими женами, очень обширную и роскошную; передъ нею былъ большой садъ со многими тѣнистыми и разными фруктовыми деревьями; въ немъ было много водоемовъ и искуственно расположенныхъ луговъ; и при входѣ въ этотъ садъ было такое обширное пространство, что много народу могло бы съ наслажденіемъ сидѣть тутъ въ лѣтнее время у воды и подъ тѣнью деревьевъ. Такъ роскошна работа этого дворца, что для того, чтобъ хорошо все описать, нужно ходить и осматривать все по немногу. Этотъ дворецъ и мечеть принадлежатъ къ самымъ великолѣпнымъ зданіямъ, какія царь до сихъ поръ построилъ. И онъ построилъ ихъ здѣсь въ честь своего отца, потому что его отецъ былъ здѣсь похороненъ и онъ самъ былъ родомъ отсюда. И хотя онъ родился въ этомъ городѣ, однако не принадлежалъ къ тому племени, которое здѣсь живетъ, а былъ изъ племени, называющагося Чакатаи; они по происхожденію Татары, и пришли въ эту землю изъ Татаріи, когда въ прежнее время Татары покорили ее и стали надъ нею властвовать, какъ

E despues desto llevaron [levaron] á los Embajadores á ver una quadra,
la qual el Señor tenia apartada para comer é estar con sus mugeres, la 144.
qual era muy ancha é de muy rica obra: é adelante desta quadra estaba una gran | huerta, en que avia muchos arboles de sombra, é arboles frutales de muchas maneras; é por ella avia muchas albercas de agua, é prados puestos á mano. E por do se andaba á esta huerta era tan grande, que podia en ella estar aposentada mucha gente en tiempo de verano con gran deleyte, cerca de agua, é á sombra de aquellos arboles: é tanta y tan rica era la obra destos palacios, que se non podria bien escrebir, si se non anduviese é mirase despacio. E esta mezquita é palacios era una de las cosas manificas que el Señor fizo é mandó facer fasta hoy: é estas obras mandó él facer aqui por honor de su padre, que yacia alli enterrado, é por quanto fué natural de aquella ciudad; é como quiera que él fuese natural desta ciudad, non era de la generacion de alli desta tierra; antes fué de una generacion que se llamaba Chacatays, que fueron Tartaros [Tartalos] de natura, que vinieron de Tartaria [Tartalia] á esta tierra, quando otra vez la conquistaron Tartaros [Tartalos], é la señore-

это будетъ вамъ послѣ разсказано; и отсюда они получили названіе Чакатаи.

CVI. Отецъ Тамурбека былъ знатный человѣкъ изъ рода этихъ Чакатаевъ, но онъ былъ не богатъ и у него было не больше трехъ или четырехъ всадниковъ, и жилъ онъ въ одномъ селеньи около этого города Кеша, потому что ихъ знатные люди больше любятъ жить въ селеньяхъ и въ полѣ, чѣмъ въ городахъ. У этого самого сына его въ началѣ было только столько, чтобъ содержать самого себя, да четырехъ или пятерыхъ всадниковъ. Это я вамъ пишу, какъ оно было разсказано посланникамъ въ этомъ городѣ и въ другихъ мѣстахъ съ ручательствомъ за вѣрность. Говорятъ, что онъ съ помощью своихъ четырехъ или пяти слугъ началъ отнимать у сосѣдей, одинъ день барана, другой день корову, и когда это ему удавалось, онъ пировалъ со своими людьми. Частью за это, частью за то, что онъ былъ человѣкъ храбрый и добраго сердца и хорошо дѣлился тѣмъ, что у него было, собрались къ нему другіе люди, такъ что наконецъ у него было уже триста всадниковъ. Когда ихъ набралось столько, онъ началъ ходить по

aron segun adelante vos será contado; é de aqui [de que] ovieron este nombre Chacatays.

CVI. Pero el padre del Tamurbec fué ome fidalgo, de linage destos Chacatays; pero fué de pequeño estado, de tres fasta quatros [quatro] omes de caballo; é vivia en un [una] aldea cerca desta ciudad de Quex [Quexa], ca los gentiles omes dellos mas se pagan de vivir en las aldeas é en los campos, que non en las ciudades: é eso mesmo su fijo luego en el comienzo fué ome que non alcanzaba mas que para sí, é para quatro ó cinco de á caballo. E esto vos escribo segun fué contado á los dichos Embajadores de certidumbre en esta ciudad, é en otras partes: é dicese, que él aviendo estos quatro ó cinco omes, que se metió un dia á tomar un carnero, é otro dia una vaca por fuerza á | los de la tierra. E quanto alcanzaba tanto comia con aquellos que lo aguardaban; é lo uno por esto, é lo otro porque era ome de buen esfuerzo é de buen corazon, é partia bien lo que tenia, llegaronse á él otros omes, fasta tanto que lo guardaban [aguardaban] trecientos de á caballo: é desque estos ovo, iba por las tierras á robar y furtar lo que podia, para sí é para ellos: otrosi iba á los caminos é robaba

землямъ и грабить и воровать все что могъ для себя и для нихъ; также выходилъ на дорогу и грабилъ купцовъ. Извѣстія о томъ, что онъ дѣлалъ, дошли до Самаркандскаго царя, который владѣлъ этой землей, и онъ приказалъ убить его, гдѣ бы его ни нашли. При дворѣ царя жило нѣсколько Чакатайскихъ рыцарей изъ его рода; они такъ хлопотали за него передъ царемъ, что онъ его простилъ и позволилъ привезти его и опредѣлить ко двору. Изъ этихъ рыцарей, которые выхлопотали ему прощенье, двое теперь живутъ у него; одного зовутъ Омаръ Тобаръ, а другого Каладай-Шекъ; онъ сдѣлалъ ихъ важными лицами и владѣтелями большихъ имѣній. Разсказываютъ, что въ то время какъ онъ жилъ у Самаркандскаго царя, царя такъ вооружили противъ него, что онъ хотѣлъ приказать убить его; но кто то предупредилъ его объ этомъ, и онъ бѣжалъ со всѣми своими людьми и принялся грабить по дорогамъ. Однажды онъ ограбилъ большой караванъ купцовъ и взялъ порядочную добычу. Послѣ этого онъ пошелъ въ одну землю, которая называется землей Систанской, и награбилъ тамъ барановъ, лошадей и всего что попалось, такъ какъ эта земля очень богата стадами; въ то время у него было уже около пяти-

á los mercaderes. E desto que él facia vinieron nuevas al Emperador de
Samarcante, que era Señor de aquella tierra, é mandólo matar do quiera 145.
que lo fallasen. E en casa del Emperador andaban unos Caballeros Chacatays del su linage, é estos ficieron tanto con el Emperador, á que lo ovo de perdonar; é lo troxieron [truxeron] á merced del Emperador que viviese con él; é destos Caballeros que le este perdon ganaron hoy dia viven dos dellos con él, é al uno dellos llaman Homar Tobar, é al otro Caladay-xeque, [Caladay-veque] e fizoles grandes Señores é de muy gran tierra. E dicen [dice], que él viviendo con el dicho Emperador de Samarcante que lo volvieran con él de tal manera, que el Emperador era despuesto de lo mandar matar: de lo qual ovo quien lo avisase en ello, é fuyó con su gente, é metióse á robar los caminos: é un dia que robára una gran caravana [caravaña] de mercaderes, en que alcanzára gran algo. E despues desto fué á una tierra que se llama tierra de Cistan, é robaba carneros é caballos, é quanto fallaba, que es tierra muy rica de ganados; é quando esto él facia, tenia consigo fasta quinientos omes de caballo: é

сотъ всадниковъ. Узнавши объ этомъ, жители Систана собрались противъ него. Въ одну ночь онъ напалъ на стадо барановъ, и въ это время пришли Систанцы, бросились на него и на его людей, многихъ убили, а его свалили съ лошади, ранили его въ правую ногу, отъ чего онъ остался хромымъ, также въ правую руку, отъ чего онъ лишился двухъ маленькихъ пальцевъ, и оставили его, считая мертвымъ. Онъ поднялся какъ могъ, и добрался до палатокъ какихъ то людей, которые кочевали въ полѣ. Оттуда онъ послѣ ушелъ, вылѣчился и снова сталъ собирать своихъ людей. Этого царя Самаркандскаго не любили его подданные, особенно простой народъ и горожане и нѣкоторые знатные люди. Стали говорить Тамурбеку, чтобъ онъ убилъ царя и что ему дадутъ власть, и дѣло дошло до того, что разъ, когда царь ѣхалъ въ одинъ городъ недалеко отъ Самарканда, Тамурбекъ бросился и напалъ на него; онъ убѣжалъ въ горы и просилъ одного человѣка, чтобъ тотъ его укрылъ и вылѣчилъ, обѣщая обогатить его за это, и сейчасъ же далъ ему кольцо, которое было у него на рукѣ, и которое стоило очень много. Этотъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ его

los desta tierra de Cistan desque esto supieron, ayuntaronse para él, é una noche salteó un hato de carneros: é ellos estando en esto llegó la gente de la tierra, é dieron sobre él y sobre los suyos, é mataron muchos dellos, é á él derrocaronlo del caballo, é firieronle en la pierna derecha, de que quedó coxo: é otrosi le firieron en la mano derecha, | de que quedó manco de los dos dedos pequeños é dexaronlo por muerto; é de alli se levantó como pudo, é fué á unas tiendas de gente que en el campo andaba, é de alli se fué, é guareció y tornó á juntar á sí su gente. E este Emperador de Samarcante era mal quisto de los suyos, señaladamente del pueblo menudo é de los comunes, é de otros omes grandes que lo querian mal. Fablaron al Tamurbec que él matase al Emperador, é que ellos se lo pornian en poder; é sus tratos fueron tales, que una vez yendo el Emperador á una ciudad que es cerca de Samarcante, el Tamurbec lo salteó é dió sobre él, é fuyó á una montaña, é llamó á un ome que lo encubriese y le ficiese guarecer, é que lo faria rico: é dióle luego unas sortijas que en la mano tenia, que valian gran algo: é aquel ome en lugar de lo encubrir, fuelo decir al Tamurbec, é él vino luego alli é matólo: é de sí

укрыть, сказалъ объ немъ Тамурбеку; а тотъ сейчасъ же пришелъ и убилъ его. Потомъ онъ пошелъ на городъ Самаркандъ, взялъ его, сдѣлался въ немъ царемъ и женился на женѣ царя. И теперь она считается его главной женой и называется Каньо, т. е. великая царица или великая императрица. Послѣ того онъ покорилъ царство Хорасанское, воспользовавшись враждой между двумя братьями, владѣвшими этимъ царствомъ и привлекши на свою сторону народъ. Такимъ образомъ онъ соединилъ два царства: Самаркандское и Хорасанское; съ этого онъ и началъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые присоединились къ Тамурбеку и помогали ему съ тѣхъ поръ, какъ только онъ началъ возвышаться, былъ Чакатай изъ его рода, и принадлежалъ къ самымъ доблестнымъ изъ его сподвижниковъ. Онъ женилъ его на своей сестрѣ и сдѣлалъ его важнымъ вельможей и поставилъ надъ многими. У него родился сынъ, который называется Янса Мирассà и который теперь самый приближенный у царя, владѣтель обширныхъ земель и многихъ людей, начальникъ царскаго войска, въ родѣ коннетабля, такъ что, кромѣ царя, никто не имѣетъ столько власти надъ войскомъ какъ онъ, и народъ и царское войско довольны имъ.

fué à la ciudad de Samarcante é tomóla, é apoderóse en ella; é tomó la 146.
muger del Emperador, é casóse con ella, é hoy dia la tiene por su muger mayor, é llamanla Caño, que quiere tanto decir como la gran Reyna, ó la gran Emperadora. E despues de aqui conquisto el Imperio de Horazania por discordia que avia entre dos hermanos, Señores que eran de aquel Imperio, é con maneras que traxo con los de la tierra. E desta manera ovo estos dos Imperios el de Samarcante é Horazania, é de aqui fué el su comienzo. E uno destos que se llegaron al Tamurbec, que le ficieron compañia de mientra encomenzó á ganar, era Chacatay de los de su linage, é era uno de los que mas valian de quantos con él andaban: casólo con una su hermana, é fizolo gran Señor de mucha gente, é ovo un fijo que llaman Ianza Mirassa, é es agora el mas privado [p̄rivado] ome que el Señor tenga, y es Señor de gran gente é de mucha tierra, é es Capitan de la hueste del Señor, como Condestable, [43] que fuera del Señor non ay quien tanto mande en la hueste como él, é toda la hueste é gente del Señor esta contento dél.

CVII. Причина, по которой Татары пришли въ эту землю и назвались Чакатаями, вотъ какая. Уже очень давно былъ въ Татаріи царь, родомъ изъ Татарскаго города по имени Дорганчо, т. е. сокровище міра. Этотъ царь владѣлъ обширною землею, которую завоевалъ, и, умирая, оставилъ четырехъ сыновей, которыхъ звали, одного Габуй, другаго Чакатай, третьяго Езбекъ, а четвертаго Чаркасъ; всѣ были сыновья одной матери. Передъ смертью отецъ раздѣлилъ свои земли и далъ каждому по части: сыну, котораго звали Чакатай, онъ оставилъ царство Самаркандское и еще другую землю. Онъ завѣщалъ всѣмъ четыремъ братьямъ быть за одно и не враждовать, говоря, что въ тотъ день, какъ между ними будетъ несогласіе, они погибнутъ. Этотъ Чакатай былъ человѣкъ горячій, храбрый и мужественный. Между братьями началась зависть, потомъ пошли несогласія и они принялись воевать другъ съ другомъ. Когда Самаркандцы узнали объ этомъ несогласіи, они возмутились противъ него, убили его и многихъ его людей и поставили царя изъ своего племени. Послѣ этого Чакатая осталось въ этой землѣ много людей, у которыхъ были

CVII. La razon porque estos Tartaros vinieron en esta tierra, é ovieron este nombre Chacatays, es esta. Gran tiempo ha, que fué un Emperador en Tartaria [Tartalia] que fué natural de una ciudad de Tartaria, [Tartalia] que es llamada Dorgancho, que quiere decir el tesoro del mundo: é este señoreó gran tierra que ganó, é al tiempo de su finamiento dexó quatro fijos, que ovo nombre el uno dellos Gabuy, é el otro Chacatay, é el otro Esbeque, é el otro Charcas, é fueron fijos de una madre; é quando el padre finó, dexóles partidas sus tierras á cada uno su parte, é al fijo que avia nombre Chacatay dexóle este Imperio de Samarcante con otra tierra: é mandóles a todos quatro hermanos que fuesen á uno, é que se non desaviniesen, si non que supiesen que el dia que oviese desconcordia entre ellos, serian perdidos. Este Chacatay fué ome recio é muy esforzado é de gran corazon: é entre estos hermanos ovo envidia, por que se ovieron de desavenir, é ficieronse guerra unos á otros; é quando los desta tierra de Samarcante vieron esta discordia alzaronse contra él y mataronlo, é mataron mucha de su gente, é ficieron un Emperador de los del
147. linage de la tierra: é deste Chacatay quedó mucha gente en esta tierra,

имѣнья и дома, гдѣ они жили. Когда ихъ царь былъ убитъ, то тамошніе люди стали называть этихъ оставшихся Татаръ Чакатаями; отсюда и получили они это имя. Изъ этого рода Татаръ Чакатаевъ, что остались тамъ, вышелъ Тамурбекъ и другіе Чакатаи, которые служатъ ему; и многіе жители Самаркандской земли, хоть они вовсе не Чакатаи, приняли теперь это имя, потому что Чакатаи стали теперь очень знамениты.

CVIII. Посланники остались въ этомъ городѣ Кешѣ тотъ четвергъ, когда туда пріѣхали, и пятницу до вечера; а вечеромъ отправились и ночевали въ одномъ селеньи. На другой день, въ субботу, тридцатаго числа августа мѣсяца, они обѣдали въ одномъ большомъ домѣ, принадлежавшемъ царю; этотъ домъ стоялъ на равнинѣ, на берегу рѣки, посреди большого и очень красиваго сада. Потомъ они уѣхали оттуда и ночевали въ одномъ большомъ селеньи, по имени Месеръ, отъ котораго оставалось еще полторы лиги до Самарканда. Рыцарь, который сопровождалъ посланниковъ, сказалъ имъ, что хоть они въ тотъ же день могутъ поѣхать въ городъ Самаркандъ, однако онъ не повезетъ ихъ туда,

que tenian algos é facienda en que vivir. E desque su señor fué muerto, todos los de la tierra llamaban á estos Tartaros [Tartalos], que alli quedaron, Chacatays, é de alli ovieron este nombre. E deste linage destos Tartaros Chacatays, que alli quedaron, vino el Tamurbec, y los otros Chacatays que con él andan; y muchos de los de la tierra de Samarcante han tomado agora este nombre de Chacatays, como quiera que lo non sean, por la gran nombradia que agora estos Chacatays han. |

CVIII. E los Embajadores estovieron en esta ciudad de Quex el dia jueves que ahí llegaron, é viernes fasta en la tarde que partieron de alli, y fueron dormir á una [un] aldea: é otro dia sabado, treinta dias de Agosto, fueron comer á una gran casa que el Señor avia: la qual casa estaba en un llano ribera de un rio, y en medio de una gran huerta é muy fermosa: é partieron de alli, é fueron dormir á una gran aldea que estaba legua é media de Samarcante, que avia nombre Mecer; é el Caballero que los llevaba dexó á los Embajadores, que como quiera que ese dia podian bien ir á la ciudad de Samarcante, dixo que los non llevaria allá fasta lo facer saber [a] al gran Señor, é que queria enviar un ome suyo á

не давши знать царю; что онъ пошлетъ къ нему своего человѣка, извѣстить его, что они прiѣхали; и въ ту же ночь его человѣкъ отправился съ этимъ извѣстiемъ. На другое утро онъ воротился съ приказомъ: царь велѣлъ рыцарю взять посланниковъ и посланника Вавилонскаго султана, который ѣхалъ вмѣстѣ съ ними, отвезти ихъ въ садъ, бывшiй возлѣ этого селенья и ждать тамъ, пока онъ пришлетъ сказать, что дѣлать.

CIX. Въ воскресенье утромъ, тридцать перваго числа августа мѣсяца, посланниковъ привезли въ этотъ садъ. Онъ былъ окруженъ глинянымъ валомъ и окружность его была вокругъ вала въ добрую лигу. Въ немъ было много фруктовыхъ деревьевъ разнаго рода кромѣ лимонныхъ и цитронныхъ; было въ немъ шесть водоемовъ, и по срединѣ шелъ потокъ воды, проходившiй по всему саду. Отъ этихъ водоемовъ отъ одного къ другому шли точно дороги изъ высокихъ, большихъ и тѣнистыхъ деревьевъ; посреди этихъ дорогъ поднимались точно ходы на возвышенiи, которые проходили по всему саду; отъ этихъ дорогъ шли другiя вкось, такъ что по нимъ можно было ходить и осматривать весь садъ; а

él, á le facer saber, como eran alli llegados: esta noche fué el su ome á lo facer saber al Señor. Otro dia en amaneciendo tornó con mandado, é el Señor envió á mandar al Caballero, que tomase á los Embajadores, é al Embajador del Soldan de Babylonia, que en uno iban, é los llevase á una huerta que junto á esta aldea estaba, é ahí los toviese fasta que él enviase á mandar como ficiesen.

CIX. E domingo en amaneciendo, que fueron treinta y un [31] dias del mes de Agosto, llevaron á los Embajadores á la dicha huerta, la qual era cercada de tapia, é podia boxar en derredor estas tapias una buena legua; é en ella avia muchos arboles frutales de todas maneras, salvo de cidras é limas; é en ella avia seis albercas de agua, é por medio della iba un gran golpe de agua que la atravesaba toda, é destas albercas iban unas como calles de una á otra, de unos arboles á otros altos y grandes que facian gran sombra [sombrada]: é por medio destas calles de arboles iban unos como andamios que atravesaban toda la huerta; é destas calles iban otras como comarcadas, que se podia por
148. ellas andar, é mirar toda la | huerta; é destas calles iban otras. Estaba-

отъ этихъ дорогъ шли еще другія. Былъ высокій земляной холмъ, насыпанный руками, ровный на верху, окруженный деревянными кольями. Посреди него стоялъ прекрасный дворецъ со множествомъ комнатъ, очень богато отдѣланныхъ золотомъ и лазурью и полированными изразцами. Этотъ холмъ, на которомъ стоялъ этотъ дворецъ, былъ окруженъ глубокимъ рвомъ, полнымъ водой, такъ какъ въ него постоянно падаетъ большой потокъ воды. Чтобы войдти на этотъ холмъ, гдѣ стоялъ этотъ дворецъ, было два моста, одинъ съ одной стороны, а другой съ другой; по ту сторону мостовъ было двѣ двери, а потомъ лѣстница, по которой поднимались на верхъ этого холма, такъ что этотъ домъ былъ крѣпостью. Въ этомъ саду были олени, которыхъ царь велѣлъ напустить туда, и много фазановъ. Изъ сада былъ входъ въ большой виноградникъ, тоже окруженный глинянымъ валомъ, такой же большой какъ и садъ; около вала вокругъ виноградника шелъ рядъ высокихъ деревьевъ, которыя казались очень красивы. Этотъ домъ съ садомъ называется Талисіа, а на ихъ языкѣ Кальбетъ. Въ этомъ саду посланникамъ было дано много мяса и всего что имъ было нужно. Они приказали поста-

un cerro alto de tierra, que fué echada alli á mano, é encima era llano; é era cercada toda en derredor de vergas de madero; é en medio dél estaban unos fermosos palacios con sus cumplimientos de cámaras muy ricamente obradas de obra de oro é de azul, é sus alisares labrados de azulejos. E este cerro, en que esta casa estaba, era cercado de unas cavas muy fondas que eran llenas de agua, que todavia cae en ellas un gran caño de agua: é para subir á este otero, onde esta casa estaba, avia dos puentes, una á la una parte, otra á la otra; é despues de las puentes pasadas estaban dos puertas, é luego una escalera por do subian encima del didicho cerro, tanto que esta casa era fortaleza. E en esta huerta andaban ciervos que el Señor fizo alli echar á mano, é muchos faysanes; é desta huerta entran á una gran viña, que era otrosi cercada de tapia, é era tan grande como la huerta; é junto con las tapias era cercada en derredor toda de unos arboles altos que parescian muy fermosos: é á esta huerta é casa llaman Talicia, é en su lengua dicen Calbet; é en esta huerta les fué dada mucha vianda, é lo que ovieron menester á los dichos Embajadores; é una tienda que llevaban ficieronla [ficieronle]

вить на лугу возлѣ водоема палатку, которую везли съ собою, и тамъ стали ждать.

Въ четвергъ, четвертаго числа сентября мѣсяца, пріѣхалъ въ этотъ садъ одинъ рыцарь, родственникъ царя, который сказалъ посланникамъ, что царь занятъ теперь отправленіемъ посланниковъ царя Тортамыша, и что по этому онъ еще не принялъ ихъ; но чтобъ они не скучали и могли разсѣяться, онъ посылаетъ его къ нимъ и къ посланнику султана, устроить праздникъ и дать пиръ въ тотъ же день. Привезли много барановъ, сварили ихъ и приготовили, изжарили лошадь, приготовили рисъ разнымъ способомъ, привезли много плодовъ, и подали имъ обѣдать; а когда они кончили, то рыцарь подарилъ посланникамъ двѣ лошади, камокановое платье и шапку. Посланники остались въ этомъ саду съ воскресенья, послѣдняго дня августа, до понедѣльника, восьмого числа сентября мѣсяца. Въ этотъ день царь прислалъ за ними, потому что, по своему обычаю, онъ принимаетъ посланниковъ только по прошествіи пяти или шести дней, и чѣмъ важнѣе посланники, которые къ нему пріѣзжаютъ, тѣмъ дольше онъ ихъ не принимаетъ.

armar en un prado cerca de una acequia de agua, é alli estovieron.

E jueves, que fueron quatro dias del mes de Septiembre vino alli á la dicha huerta un Caballero pariente del Señor: el qual dixo á los Embajadores, que el Señor estaba ocupado por despachar unos Embajadores del Emperador Tortamix [Totamix], é que por tanto non los avia visto, é que se non enojasen, é que porque oviesen algun refresco, que lo enviaba alli á ellos é al Embajador del Soldan, á les facer fiesta, | é dar de yantar aquel dia. E troxieron muchos carneros que cocieron é adobaron é un caballo que asaron, é ficieron arroz de muchas maneras, é troxieron mucha fruta, é dieronles á comer: é desque ovieron comido dió á los dichos Embajadores dos caballos é una ropa de camocan é un sombrero. E los dichos Embajadores estovieron en esta huerta desde el domingo postrimero dia
149. de Agosto, fasta lunes ocho dias del mes de Septiembre que el Señor envió por ellos que lo fuesen ver: ca su costumbre es de non ver á ningunos Embajadores que á él fuesen fasta cinco ó seis dias pasados, é mientras mayores eran los Embajadores que á él venian, mas tardaba en los ver.

CX. Въ этотъ день, въ понедѣльникъ осьмого сентября, посланники выѣхали изъ того сада и дома, гдѣ жили, и отправились въ городъ Самаркандъ. Оттуда до города шла равнина, покрытая садами, домами и площадями, гдѣ продавались разныя вещи. Около третьяго часа пріѣхали они въ большой садъ съ домомъ, гдѣ находился царь; это было внѣ города. Какъ только они пріѣхали, ихъ ввели въ одинъ домъ, который стоялъ внѣ того сада, и къ нимъ явились два рыцаря; сказали, чтобъ они дали тѣ подарки, что привезли царю, что они ихъ приведутъ въ порядокъ и передадутъ людямъ, которые отнесутъ ихъ къ царю; что таково приказаніе мирассъ, приближенныхъ къ царю. Посланники должны были дать привезенныя ими вещи этимъ двумъ рыцарямъ: тѣ передали ихъ на руки людямъ, которые должны были снести ихъ въ порядкѣ къ царю; и отдавши, они сами пошли съ ними. То же самое долженъ былъ сдѣлать и посланникъ султана съ подаркомъ, который онъ привезъ. Какъ только понесли эти вещи, посланниковъ взяли за руки и повели. Входная дверь въ этотъ садъ была очень широкая и высокая, превосходно отдѣланная зо-

CX. E este dicho dia lunes, ocho dias del mes de Septiembre [Setiembre], los dichos Embajadores partieron desta huerta é casa onde estaban, é fueron por la ciudad de Samarcante: é de alli fasta la ciudad era un llano de huertas é casas é plazas, onde venian [vendian] muchas cosas: é á hora de Tercia llegaron á una gran huerta é casa, onde el Señor estaba, que era fuera de la ciudad; é desque alli llegaron ficieronlos [ficieronlo] decender [dzir] en unas casas que ende estaban de fuera, é vinieron á ellos dos Caballeros que les dixeron, que aquellas cosas é presente que al Señor traian, que las diesen, é las ordenarian é darian á omes que las llevasen ante el Señor, é asi lo mandaban los Mirassaes privados del Señor: é ovieronlas de dar á aquellos dos Caballeros. E los Embajadores pusieron aquellas cosas que llevaban en brazos de omes que las llevasen [levasen] ante el Señor ordenadamente; é desque las ovieron dado, fueranse con ellas: é eso mesmo ficieron saber al Embajador del Soldan del presente que llevaba. E desque las cosas fueron llevadas, tomaron á los Embajadores por los brazos é llevaronlos. E la entrada de la puerta desta huerta era [44] muy grande é alta, labrada bien fermosamente de oro é de azul é de azulejos:

лотомъ, лазурью и изразцами; у этой двери стояло много привратниковъ, вооруженныхъ палицами, такъ что никто не смѣлъ подойдти къ двери, хотя бы было и много народу. Вошедши, посланники сейчасъ же увидали шесть слоновъ, на которыхъ были поставлены деревянныя бесѣдки съ двумя знаменами на каждомъ; на верху ихъ сидѣли люди, которые заставляли слоновъ дѣлать представленія передъ народомъ. Ихъ повели дальше и они увидали людей, которые несли тѣ вещи и подарки, что они дали, и держали ихъ на рукахъ хорошо разложенныя. Потомъ посланниковъ заставили пройдти въ передъ подарковъ и подождать немного; затѣмъ прислали сказать, чтобъ они шли. Все время они шли съ тѣми двумя рыцарями, которые вели ихъ подъ руки и съ ними же былъ и посланникъ, посланный отъ Тамурбека къ королю Кастиліи; надъ нимъ смѣялись всѣ, кто его видѣлъ, потому что онъ былъ одѣтъ по Кастильски. Ихъ привели къ одному старому рыцарю, который сидѣлъ на возвышеніи; это былъ сынъ сестры Тамурбека, и они поклонились ему; потомъ ихъ подвели къ маленькимъ мальчикамъ, которые сидѣли на возвышеніи; это были внуки царя, и имъ они

é a esta puerta estaban muchos porteros que guardaban, é avian mazas en las manos, que non osaba ninguno á la puerta llegar, como quiera que estoviese ahí mucha gente. E como los dichos Embajadores entraron, fallaron luego seis marfiles que tenian encima sendos castillos de madera con dos pendones en cada uno, é con omes encima dellos que los facian facer juegos con la gente: é llevaronlos adelante, é fallaron los omes que tenian en brazos las cosas é presente que les avian dado, que las tenian en los brazos bien puestas: é de sí ficieron á los dichos Embajadores pasar adelante del presente, é ficieronlos [ficieronles] estar aqui un poco; é enviaronles mandar que fuesen delante, é todavia iban con ellos dos Caballeros que los llevaban por los sobacos, é con ellos el Embajador que el Tamurbec enviaba al Señor Rey de Castilla, con el qual reían los que lo vian, por que iba vestido á la usanza de Castilla en aquella manera.
150. E llevaronlos á un Caballero viéjo que estaba sentado en un estrado llano: era fijo de una hermana del Tamurbec, é ficieronle reverencia: é de sí llevaronlos á unos mozos pequeños que estaban en un estrado sentados, que eran nietos del Señor, é ficieronles otrosi reverencia: é aqui les

тоже поклонились. Тутъ у нихъ спросили письмо, которое король посылалъ Тамурбеку, и они дали его; его взялъ одинъ изъ этихъ мальчиковъ, какъ сказали, сынъ Міаша̀ Мирассы̀, старшаго сына царя; эти три мальчика тотчасъ же встали и понесли письмо къ царю; потомъ сказали посланникамъ, чтобъ они шли. Царь находился точно какъ будто на крыльцѣ передъ входной дверью въ прекрасный домъ, тамъ стоявшій; онъ сидѣлъ на возвышеніи, поставленномъ на землѣ, и передъ нимъ былъ фонтанъ, который билъ вверхъ, а въ фонтанѣ были красныя яблоки. Царь сидѣлъ на маленькомъ матрасѣ изъ вышитой шелковой матеріи, а локтемъ опирался на круглую подушку. На немъ была надѣта одежда изъ шелковой матеріи, гладкой безъ рисунка, а на головѣ высокая бѣлая шапка съ рубиномъ на верху, съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Какъ только посланники увидѣли царя, они поклонились ему, преклонивши правое колѣно и сложивши руки крестомъ на груди; потомъ подошли ближе и поклонились снова; потомъ поклонились еще разъ и остались съ преклоненными колѣнами. Царь приказалъ имъ встать и подойти ближе. Рыцари, которые держали

demandaron la carta que el Señor Rey enviaba para el Tamurbec, é dieronla; é tomóla uno de aquellos mozos, é decian que era fijo de Miaxa Mirassa [Miassa Miraxa], fijo mayor del Señor: é estos tres mozos se levantaron luego y llevaron la carta al Señor, é de sí mandaron á los dichos Embajadores que fuesen adelante. E el Señor estaba en uno como portal, que estaba ante la puerta de la entrada de unas | fermosas casas que alli estaban, é estaba en un estrado llano en el suelo; é ante él estaba una fuente que lanzaba el agua alta fácia arriba, é en la fuente estaban unas manzanas coloradas: e el Señor estaba asentado en unos como almadraques pequeños de paños de seda broslados, é estaba asentado de codo sobre unas almoadas redondas, é tenia vestido una ropa de un paño de seda raso sin labores, é en la cabeza tenia un sombrero blanco alto con un balax encima, é con alxofar é piedras. E desque los dichos Embajadores vieron al Señor, ficieronle una reverencia, llegando el finojo derecho al suelo, é poniendo las manos en cruz ante los pechos: é de sí fueron adelante é ficieronle otra reverencia, é de sí ficieronle otra, é estovieron quedos los finojos en el suelo. E el Señor mandóles levantar, é

ихъ подъ руки, оставили ихъ, потому что сами не смѣли подойдти ближе; и три мирассы, стоявшіе у царскаго мѣста, самые приближенные изъ всѣхъ, которыхъ звали одного Шамелакъ Мирасса, другого Борундо Мирасса, а третьяго Норадинъ Мирасса, подошли, взяли посланниковъ подъ руки, подвели ихъ къ царю и поставили всѣхъ рядомъ на колѣна. Царь сказалъ, чтобъ они подвинулись ближе для того, чтобъ разсмотрѣть ихъ хорошенько, потому что онъ не хорошо видѣлъ и былъ уже такъ старъ, что почти не могъ поднять вѣки; онъ не далъ имъ поцѣловать руки, потому что у нихъ нѣтъ этого въ обычаѣ и они никакому великому царю не цѣлуютъ руки; а не дѣлаютъ этого оттого, что имѣютъ о себѣ очень высокое мнѣніе. Послѣ этого царь обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Какъ поживаетъ король мой сынъ? Каковы его дѣла? Здоровъ ли онъ»? Посланники отвѣчали ему и изъяснили вполнѣ свое посольство; и онъ выслушалъ все, что они хотѣли сказать. Когда они кончили, Тамурбекъ обратился къ рыцарямъ, сидѣвшимъ у ногъ его, изъ которыхъ одинъ былъ, говорятъ, сынъ царя Тохтамыша, бывшаго царемъ въ Татаріи; другой былъ

que llegasen adelante: é los Caballeros que los tenian por los brazos, dexaronlos, que non osaron llegar adelante é tres Mirassaes que ante el Señor estaban en pie, que eran los mas privados que él avia, que llamaban al uno Xamelac Mirassa, é al otro Borundo Mirassa, é al otro Noradin Mirassa, vinieron é tomaron á los dichos Embajadores por los brazos, é llevaronlos fasta que estoviesen todos juntos ante el Señor, é ficieronles fincar los finojos. E el Señor diciendo que llegasen adelante, é esto cuido que lo facia por los mirar mejor, ca non veía bien, ca tan viejo era que los párpados de los ojos tenía todos caídos; è non les dió la mano á besar, ca non lo han de costumbre que á ningun grande Señor
151 besen la mano, é esto teniendose en mucho lo facen; é de sí preguntóles por el señor Rey, diciendo: *¿ Cómo está mi fijo el Rey? é cómo le va?* | *é si era bien sano.* E los dichos Embajadores le respondieron, é dixeron su embajada bien cumplidamente, que los escuchó bien todo lo que quisieron decir; é desque ovieron dicho, el Tamurbec se volvió á unos Caballeros que estaban á sus pies asentados, que decian que era el uno dellos fijo del Emperador Totamix, Emperador que fué de Tartaria [Tar-

изъ рода царей Самаркандскихъ, а прочіе были важныя лица изъ рода самаго царя; и сказалъ имъ: «Посмотрите на этихъ посланниковъ, которыхъ посылаетъ мнѣ сынъ мой, король Испанскій, первый изъ всѣхъ королей, какіе есть у Франковъ, что живутъ на концѣ свѣта. Они въ самомъ дѣлѣ великій народъ; и я дамъ мое благословеніе королю моему сыну. Довольно было бы, еслибъ онъ прислалъ васъ только съ письмомъ, безъ подарковъ; потому что я такъ же радъ былъ бы узнать объ его здоровьи и состояніи, какъ и тому, что онъ присылаетъ мнѣ подарки». Письмо, которое король прислалъ ему, внукъ царя держалъ высоко передъ нимъ; магистръ Богословія сказалъ черезъ переводчика, что это письмо, которое ему прислалъ его сынъ король, никто не съумѣетъ прочесть кромѣ него, и что когда ему угодно будетъ прослушать его, онъ его прочтетъ. Тогда царь взялъ письмо изъ рукъ своего внука, развернулъ его и сказалъ, что̀ еслибъ онъ захотѣлъ прочитать его сейчасъ. Магистръ отвѣчалъ, что если его милости будетъ угодно (онъ готовъ). Царь сказалъ, что послѣ онъ пришлетъ за нимъ, что они будутъ тогда одни на досугѣ въ отдѣльной комнатѣ, и тамъ онъ прочтетъ и скажетъ, чего они хотятъ. Потомъ ихъ подняли, повели и

talia]; é otro que era del linage de los Emperadores de tierra de Samarcante, é otros omes grandes de su linage del Señor, é dixoles: *Catad aqui estos Embajadores que me envia mi fijo el Rey de España, que es el mayor Rey que ha en los Francos, que son en el un cabo del mundo; é son muy gran gente é de verdad; é yo le daré mi bendicion à mi fijo el Rey: é abastára farto que me enviára él á vosotros con su carta sin presente, ca tan contento fuera yo en saber de su salud y estado, como en me enviar presente.* E la carta que el dicho señor Rey le enviaba teniala en la mano aquel su nieto alta ante el Señor; é el Maestro en Theologia dixo por su Truximan, que dixese al Señor, que aquella carta que su fijo el Rey le enviára, non la sabia otro leer salvo él, é que quando su merced fuese de la oir, que él se la leeria. E el Señor tomó entonces la carta de mano de aquel su nieto é abrióla, é dixo que si luego la queria leer: é el Maestro dixo, que si la su merced fuese: é el Señor dixo, que él enviaria por él despues, é que estarian con él despacio en apartado, que alli la leeria é diria lo que quisiesen. E de sí levantaron-

посадили на возвышеніи, которое стояло по правую руку царя. Мирассы, которые вели ихъ подъ руки, посадили ихъ ниже посланника, присланнаго Тамурбеку царемъ Чаисханомъ, владѣтелемъ Катая, котораго онъ прислалъ для того, чтобъ требовать дани, что онъ ежегодно платилъ. Когда царь увидалъ, что посланники сидятъ ниже посланника Катайскаго царя, онъ приказалъ сказать, чтобъ ихъ посадили выше, а того ниже ихъ. Какъ только ихъ посадили, подошелъ одинъ изъ царскихъ мирассъ и сказалъ Катайскому посланнику, что царь приказываетъ, чтобъ посланники его сына, Испанскаго короля, который былъ его другомъ, сидѣли выше его, а онъ, посланникъ разбойника и злого врага его, чтобъ сидѣлъ ниже ихъ; что, если Богу будетъ угодно, онъ собирается скоро его повѣсить, чтобъ онъ не смѣлъ въ другой разъ являться съ такимъ посольствомъ. Съ этихъ поръ на всѣхъ праздникахъ и пирахъ, какіе давалъ царь, ихъ всегда усаживали въ этомъ порядкѣ. Объявивши это, сказали переводчику, чтобъ онъ передалъ посланникамъ, что царь дѣлаетъ для нихъ. Этотъ Ка-

los de alli, y llevaronlos á sentar á un estrado llano que estaba á la mano derecha del Señor, é los Mirassaes que los tenian por los brazos, asentaronlos debaxo de un Embajador que el Emperador Chayscan, Señor del Catay, enviára al Tamurbec: con el qual le [les] enviaba á demandar el trebuto [tributo] que de cada año le solia dar. E desque el Señor vido á los dichos Embajadores ser asentados baxo [baxos] del Embajador del Señor del Catay, envió mandar que asentasen los dichos Embajadores encima, é el otro debaxo dellos. E desque los ovieron asentado llegó uno de los Mirassaes del Señor, que dixo á aquel Embajador del Catay, que el Señor mandaba que aquellos que eran Embajadores del Rey de España
152. su fijo, que era su amigo, que estoviesen encima dél, é que á él que era Embajador del ladron mal ome su enemigo, que estoviese debaxo dellos; el qual, Dios queriendo, entendia muy cedo facer enforcar, porque non se atreviese otro á le venir con tal embajada: é de alli adelante en las fiestas y combites que el Señor fizo, siempre los asentaron é ordenaron asi. E desque esto le ovieron dicho, dixeron al Truximan que lo dixese á los dichos Embajadores lo que el Señor facia por ellos. E este Emperador del Catay se llama Chuyscan, que quiere decir

тайскій царь называется Чуйсханъ, т. е. царь девяти царствъ; а Чакатаи называютъ его въ насмѣшку Тангусъ, то есть царь Свинья. Онъ владѣетъ обширною землею, и прежде Тамурбекъ платилъ ему дань, а теперь не хочетъ больше платить. Когда усадили въ порядкѣ посланниковъ и многихъ другихъ посланниковъ, которые пріѣхали туда изъ разныхъ странъ, и много другихъ людей, подали баранину вареную, соленую и жареную и кромѣ того жареную конину. Эту конину и баранину когда приносили, клали на большія круглыя золоченыя кожи, съ ручками, за которыя ихъ собирали, чтобъ уносить. Когда царь потребовалъ мяса, слуги, которыхъ было много, потащили эти кожи къ нему, потому что нести ихъ нельзя было, и на нихъ было наложено столько мяса, что онѣ совершенно разрывались. Когда они были шагахъ въ двадцати отъ царя, явились рѣзатели, чтобъ разрѣзать мясо и стали на колѣна передъ кожами; на нихъ были надѣты передники, а на рукахъ кожаные рукава, чтобъ не запачкаться. Они взяли это мясо и начали рѣзать его на куски и класть въ чашки золотыя, серебряныя и даже глиняныя муравленыя, и еще въ

Emperador de nueve Imperios, é los Chacatays lo llaman Tangus, que han por denuesto, que quiere decir Emperador Puerco: é es Señor de muy gran tierra, é soliale el Tamurbec dar trebuto, é agora non se lo queria dar. E desque los dichos Embajadores fueron ordenados, é otrosi otros muchos Embajadores que ahí estaban de otras muchas partes é otra mucha gente, troxieron mucha vianda de carneros cocidos é adobados é asados, é otrosi caballos asados; é estos carneros é caballos que asi traían, ponianlos en unos cueros como de guadamacir [guadamaciles] redondos, muy grandes, y con asas de que travaba la gente para [45] los llevar. E desque el Señor demandó la vianda, troxieron [truxeron] aquellos cueros rastrando gente asaz que travaba dellos, que los non podian traer, é venian resgando, tanta era la vianda que en ellos estaba: é desque fueron cerca del Señor quanto veinte pasos, vinieron cortadores que cortasen, é fincaron los finojos ante los cueros, é traian ceñidos unos paños de labor, é en los brazos metidas unas mangas de cuero porque se non untasen; é echaron mano de aquella carne, é facian piezas della, é ponian en bacines, dellos de oro, y dellos de plata, é aún dellos de barro

другія, которыя называются фарфоровыми и очень цѣнятся и дорого стоятъ. Самое почетное блюдо, что они приготовили, было цѣлые лошадиные окорока отъ спины, но безъ ногъ; ихъ они наложили на десять золотыхъ и серебряныхъ блюдъ; туда же положили бараньи окорока съ верхними частями ноги, но безъ икръ; въ эти же блюда положили круглые куски лошадиныхъ почекъ величиною въ кулакъ и цѣлыя бараньи головы; потомъ такимъ же образомъ приготовили много другихъ блюдъ, и когда сдѣлали столько, что было довольно, поставили ихъ рядами одни передъ другими. Тогда пришли люди съ чашками бульону, положили въ него соли и дали ей распуститься, а потомъ налили его немного на каждое блюдо какъ соусъ; за тѣмъ взяли тонкія хлѣбныя лепешки и, сложивши въ четверо, положили сверхъ мяса на этихъ блюдахъ. Когда это было сдѣлано, мирассы и приближенные царя и другіе знатные люди, которые тамъ были, взяли эти блюда по двое и по трое, потому что одинъ человѣкъ не могъ бы ихъ снести, и поставили ихъ передъ царемъ, передъ посланниками и рыцарями, которые тамъ были; а царь прислалъ посланникамъ два блюда изъ тѣхъ, что были поставлены передъ нимъ, чтобъ сдѣлать

vedriado, é otros que llaman porcellanas, que son muy preciados é caros de aver. La mas honrada pieza que ellos facian eran las ancas del caballo enteras con el lomo sin piernas: é destos ficieron fasta diez tajadores de oro é de plata, é en ellos ponian eso mesmo lomos de carnero con sus piernas sin los jarretes; é en estos tajadores ponian pedazos de las tripas de los caballos redondos asi como el puño, é cabezas de carneros enteras; é de sí desta manera ficieron otros muchos tajadores; é desque ovieron fecho
153. [fechos] tantos que abastarian, pusieronlos en rengles unos ante otros; é luego vinieron omes con escodillas de caldo, é echaron de la sal en ello é desficieronla, é de sí echaba en cada tajador un poco como por salsa; é tomaban unas tortas de pan muy delgadas, é doblabanlas de quatro dobles, é ponianlas sobre la vianda de aquellos tajadores. E desque esto fué fecho, los Mirassaes é privados del Señor, é los mayores omes que ahí estaban, tomaban de aquellos tajadores de dos en dos, ó tres, ca un ome solo non lo podria llevar, é pusieron ante el Señor é ante los Embajadores é Caballeros que ahí | estaban: é el Señor envió á los dichos Emba-

имъ честь. Только что подали это мясо, сейчасъ же его приняли и подали другое. У нихъ есть такой обычай, чтобъ мясо, которое тутъ имъ подаютъ, отсылать къ нимъ домой, и если этого не сдѣлать, то это считается большимъ оскорбленіемъ; этого мяса принесли столько, что на удивленье. Кромѣ того есть обычай, когда принимаютъ мясо отъ посланниковъ, то отдаютъ его унести ихъ людямъ, и столько этого мяса наставили предъ людьми посланниковъ, что еслибъ они захотѣли взять его, имъ бы хватило на полъ-года. Когда вареное и жареное было убрано, подали много соленой баранины и сосисекъ и другихъ блюдъ, приготовленныхъ разнымъ образомъ. Послѣ того подали много плодовъ, дынь, винограду и персиковъ; и дали пить изъ золотыхъ и серебряныхъ кринокъ или кувшиновъ кобылье молоко съ сахаромъ, очень вкусное питье, которое они приготовляютъ на лѣтнее время. По окончаніи пира, передъ царемъ прошли люди, державшіе въ рукахъ подарки, которые ему прислалъ король, и также подарки, присланные Вавилонскимъ султаномъ; кромѣ того провели передъ царемъ почти триста лошадей, которыхъ онъ полу-

jadores dos tajadores de los que ante él estaban por les facer honra. E esta vianda non era puesta, quando era levantada é puesta otra; é su costumbre es que aquella vianda que alli les dan, de la facer llevar para sus posadas; é si non lo facen, hanlo por baldon: é desta vianda fué traida tanta, que fué maravilla. Otrosi es costumbre que quando alguna vianda quitan delante los dichos Embajadores, danla á sus omes para que lleven; é desta fué tanta puesta ante los omes de los dichos Embajadores, que si la llevar quisieran, les abastára para medio año. E desque lo cocido é asado fué levantado, troxieron muchos carneros adobados é albondigas, é otros fechos de muchas maneras: é despues desto troxieron mucha fruta [fructa] é melones é uvas é duraznos; é dieronles á beber con unas escodillas, ó aguamaniles de oro é de plata, leche de yeguas con azucar, que es un buen brebaje que ellos facen para en tiempo de verano. E acabado de comer, pasaron por ante el Senor los omes que tenian en brazos el presente que el Señor Rey le enviára; é eso mesmo el presente que el Soldan de Babylonia le envia: otrosi pasaron ante el Señor fasta trecientos caballos que aquel dia presentaron al

чилъ въ тотъ день въ подарокъ. Когда это было кончено, посланниковъ подняли и увели, и приставили къ нимъ рыцаря, чтобъ заботиться объ нихъ и стараться, чтобъ у нихъ было все что имъ нужно. Этотъ рыцарь былъ главный царскій привратникъ. Онъ отвезъ ихъ и посланника султана въ помѣщеніе, которое было близко отъ того дома, гдѣ жилъ царь и при которомъ былъ садъ и много воды въ немъ. Когда посланники уѣхали отъ царя, онъ приказалъ принести себѣ подарки, которые ему прислалъ король, принялъ ихъ и остался ими очень доволенъ. Ескарлатами онъ сейчасъ же раздѣлился со своими женами и особенно со своей главной женой, которую звали Каньо и которая была съ нимъ въ этомъ саду. Подарка же, который ему прислалъ султанъ, и другихъ, которые ему поднесли въ этотъ день, онъ не принялъ и ихъ возвратили тѣмъ людямъ, чтобъ они ихъ спрятали; они взяли и берегли ихъ три дня, пока царь не прислалъ взять ихъ; потому что такое у него обыкновеніе, чтобы не принимать подарковъ до третьяго дня. Этотъ домъ и садъ, гдѣ царь принялъ посланниковъ, называется Диликаша̀, и въ этомъ саду было поставлено

Señor. E desque esto fué fecho levantaron á los dichos Embajadores é llevaronlos fuera, é de sí dieronles un Caballero por guarda que los guardase, é les ficiese dar todo lo que oviesen menester: é este Caballero era portero· mayor del Senor, el qual les llevó á ellos é ál dicho Embajador del Soldan, á una posada que era cerca desta donde estaba el Señor, en la qual avia una huerta é mucha agua en ella. E como los dichos Em|bajadores se partieron del Señor, fizo traer el presente ante sí
154. que el señor Rey le enviára, é rescibiólo y tomólo, é ovo con él gran placer: é de las escarlatas partió luego con sus mugeres, señaladamente con la su muger mayor que llaman Caño [Gaño], que tenia en esta huerta consigo: é el presente que el Soldan le envió, y los otros que ese dia le presentaron, non los [lo] rescibió, mas tornaronlos á sus omes que los guardasen: los quales los rescibieron é tovieron tres dias fasta que el Señor los mandó tomar: ca tal es su costumbre de non rescebir presente fasta tercero dia. E esta huerta é casa, onde el Señor rescibió á los dichos Embajadores, ha nombre Dilicaxa, é en esta huerta estaban muchas tiendas armadas de paños de seda, é de otras maneras: é el Señor estovo en esta

много палатокъ, шелковыхъ и разныхъ другихъ. Царь остался тутъ въ этомъ домѣ съ садомъ до слѣдующей пятницы, а въ пятницу уѣхалъ оттуда и отправился въ другой очень богатый домъ съ садомъ, который онъ тогда строилъ, и который назывался Байгинаръ.

CXI. Въ слѣдующій понедѣльникъ, пятнадцатаго числа сентября мѣсяца, царь отправился изъ этого дома съ садомъ въ другой, который былъ чрезвычайно красивъ. У этого сада были высокія и красивыя ворота, сдѣланныя изъ кирпича и отдѣланныя изразцами, лазурью и золотомъ на разные лады. Въ этотъ день царь приказалъ устроить большой праздникъ и пригласить посланниковъ, много мужчинъ и женщинъ, его родственниковъ и другихъ гостей. Этотъ садъ очень великъ; въ немъ было много деревьевъ и плодовыхъ, и другихъ, которыя даютъ тѣнь; въ немъ были дорожки и ходы окруженные заборомъ, по которымъ ходили люди. Въ саду было раскинуто много палатокъ и навѣсовъ изъ цвѣтныхъ ковровъ и другихъ изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей, вышитыхъ вставленными кусками и другимъ обыкновеннымъ способомъ. Посреди сада стоялъ очень красивый домъ,

huerta é casa fasta el viernes siguiente que partió de aqui, é se fué á otra huerta é casa muy rica, qual mandaba agora facer, que avia nombre Bayginar.

CXI. E lunes siguiente, que fueron quince dias del dicho mes de Septiembre [Setiembre], el Señor se fué desta huerta é casa para otra que era muy fermosa: é esta huerta avia una portada muy alta é fermosa fecha de ladrillo, labrada de azulejos é de azul é oro á muchas maneras: é este dia mandó el Señor facer una gran fiesta, á la qual ordenó que viniesen los dichos Embajadores, é otrosi mucha gente de omes é mugeres, de sus parientes, é de otras gentes. E es esta huerta muy grande, é en ella avia muchos arboles é frutales, é de otros que facian sombra; é por ella avia unas calles é andenes cercados de madera, por do andaba la gente: é esta huerta avia muchas tiendas armadas, é sombras de tapete colorado, é de otras paños de seda | de muchas colores, dellas entretalladas, é de otras maneras llanas: é en medio desta dicha huerta estaba una muy fermosa casa fecha en cruz, la qual estaba muy ricamente guarnida de para-

построенный крестообразно и украшенный богатыми занавѣсями. Въ самомъ домѣ было три точно алькова, чтобъ поставить постели или возвышенія, и полъ и стѣны были покрыты изразцами; какъ входишь, прямо былъ самый большой изъ этихъ альковова и въ немъ стоялъ серебряный позолоченый столъ высотою въ человѣческій ростъ, а шириною локтя три; передъ нимъ стояла постель изъ маленькихъ матрасовъ изъ камокана и изъ другихъ шелковыхъ тканей, вышитыхъ золотомъ, положенныхъ одинъ на другой на полу; тутъ садился царь; стѣны были убраны занавѣсями изъ шелковой ткани розоваго цвѣта. Эти занавѣси были отдѣланы серебряными позолочеными бляхами съ изумрудами, жемчугомъ и другими каменьями очень хорошо вставленными. Съ верху ихъ висѣли внизъ куски шелковой ткани, шириною въ пальмо, доходившіе до низу, и отдѣланные такъ же какъ и занавѣси; а отъ этихъ кусковъ висѣли шелковыя разноцвѣтныя кисти, и когда ихъ касался вѣтеръ, онѣ качались въ разныя стороны, что было очень красиво. Передъ дверью въ этотъ альковъ, которая была въ формѣ арки, была такая же занавѣсь, такъ же отдѣланная, висѣвшая на палкахъ въ родѣ копій, а отъ нихъ висѣли шелко-

mentos, é luego en el cuerpo della avia tres como alhanias para facer camas ó estrados, é el suelo é las paredes eran de azulejos; é como ome entra, de frente estaba una de las dichas alhanias que era la mayor dellas, en la qual estaba un retablo de plata sobredorada tan alto como un ome, é tan ancho quanto tres brazas; é delante dél estaba una cama de almadraqués pequeños de camocan, é de otros paños de seda labrados de oro, puestos unos encima de otros en el suelo, é alli avia de estar el Señor: é las paredes estaban guarnidas de unos paramentos de paño de
155. seda de color rosado; é estos paramentos estaban guarnidos de unas chapas de plata sobredoradas, dellas engastonadas de esmeraldas é alxofar, é otras piedras bien puestas; é de encima de los paramentos colgaban ayuso unos pedazos de paño de seda, é tan anchos como un palmo que venian fasta ayuso, otrosi guarnidos segun los paramentos: é destos pedazos colgaban unas borlas de seda de muchas colores, é quando les daba el viento movianse á una parte é á otra, que parescia bien fermoso. E ante la puerta desta alhania, que era un gran arco, estaba otro tal paramento

вые шнурки съ большими кистями, которыя доходили до земли. Другiе альковы были убраны другими подобными занавѣсями, а на полу были ковры и рогожки. Посреди этого дома передъ дверью стояли два золотыхъ стола, каждый на четырехъ ножкахъ; и столы и ножки составляли одно цѣлое: они были длиною каждый пальмовъ въ пять, а шириною пальма въ три; на нихъ стояло семь золотыхъ кувшиновъ, два отдѣланы крупнымъ жемчугомъ, изумрудами и бирюзою, которые были вправлены въ нихъ съ внѣшней стороны, и у каждаго изъ нихъ возлѣ отверстiя былъ рубинъ. Кромѣ того было шесть круглыхъ золотыхъ чашекъ; одна изъ нихъ была отдѣлана съ внутренней стороны крупнымъ, круглымъ и свѣтлымъ жемчугомъ, а по рединѣ былъ вправленъ рубинъ, шириною въ два пальца и настоящаго хорошаго цвѣта. На этотъ праздникъ отъ имени царя были приглашены посланники. Когда ихъ прiѣхали приглашать туда, гдѣ они жили, съ ними не было ихъ переводчика и они стали ждать его; когда же прiѣхали, то царь уже пообѣдалъ, и приказалъ сказать имъ, что въ другой разъ, когда онъ будетъ приглашать ихъ, они

como este, é asi guarnido colgado de unas varas como de lanza, é destos paramentos colgaban unos cordones de seda con unas borlas bien grandes que venian fasta el suelo: é las otras dichas alhanias guarnidas con otros tales paramentos como estos, é asi guarnidos é por el suelo avia alhombras é esteras de juncos. Y en medio [46] desta casa ante la puerta estaban dos mesas de oro sobre quatro pies cada una, que era mesa y pies todo uno, é serian tan luengas como cinco palmos cada una, é tan anchas como tres palmos; é en ellas estaban siete redomas de oro, é las dos dellas guarnidas de alxofar bien grueso é de esmeraldas é turquesas, que en ellas de partes de fuera estaban engastonadas, é cada una dellas tenia cerca de la boca un balax. E otrosi avia seis tazas de oro redondas, é la una dellas estaba guarnida de partes de adentro de alxofar bien grueso y redondo y claro, y en medio avia un balax en fiesto tan ancho como dos dedos, é de buen color proprio. E á esta fiesta fueron de partes del Señor llamados los dichos Embajadores, é quando los fueron llamar onde posaban, non tenian consigo al [a] su Truximan [Trugiman], é detovieronse por lo esperar; é quando fueron, el Señor avia ya comido;. é el Señor les

должны пріѣхать сейчасъ же, а не ждать переводчика; что въ этотъ разъ онъ ихъ прощаетъ, потому что онъ дѣлаетъ этотъ праздникъ для нихъ, чтобъ они увидѣли его домъ и придворныхъ и любовались всѣмъ. Царь очень разгнѣвался на своихъ мирассъ за то, что посланники не поспѣли на праздникъ и за то, что переводчикъ не былъ съ ними и вмѣсто него не пришли мирассы, которые управляли его домомъ. Послали за переводчикомъ и сказали ему: «Вотъ изъ за тебя царь разгнѣвался и былъ недоволенъ, за то что ты не былъ съ посланниками Франковъ! Чтобъ ты исправился и научился быть всегда готовымъ къ дѣлу, мы приказываемъ проткнуть тебѣ ноздри, продернуть въ нихъ веревку и тащить тебя по всей ордѣ, чтобъ ты исправился». И не успѣли это сказать, какъ уже другіе люди держали его за ноздри чтобъ проткнуть; но рыцарь, который по приказанію царя привезъ посланниковъ, и который былъ тутъ, сталъ просить чтобъ его помиловали, и спасъ его отъ этого приговора. А царь послалъ сказать посланникамъ въ ихъ помѣщеніе гдѣ они жили, что такъ какъ они не были на праздникѣ, то онъ желаетъ, чтобъ они полу-

mandó decir, que otro dia quando les enviase á llamar, que fuesen luego, é se non detoviesen por el Truximan; é esta vez que los perdonaba, ca por ellos facia él aquellas fiestas, porque mirasen é viesen la su casa é gente della. E el Señor ovo gran saña de sus Mirassaes, porque non avian ido los dichos Embajadores á aquella fiesta, é porque el Truximan [Trugaman] non avia estado con ellos, é por su mengua non avian venido los Mirassaes del Señor que mandaban su casa; é enviaron por el Truximan [Trugaman]
156. é dixole: *¿ Cómo por tí es el Senor ensañado, é ha avido enojo? porque non estabas con los Embajadores de los Francos, é porque te castigues é estés todavia presto, mandamos que te foradan las narices, é te metan por ellas una cuerda, é te traygan por todo el Ordo, porque castigues.* E non lo avian | [bien] dicho, quando lo tenian por las narices otros omes por se las foradar; é el Caballero que avia llevado á los dichos Embajadores por mandado del Señor, que estaba alli, demandó merced por él, é escapó que non ficiesen dél justicia: é el Señor envió á decir á los dichos Embajadores á su posada donde estaban, que pues á la fiesta non avian estado, que queria que oviesen parte della: é envióles cinco

чили свою часть, и прислалъ имъ пять барановъ и два большихъ кувшина вина. На этотъ праздникъ собралось много народу, какъ женщинъ, такъ и важныхъ лицъ изъ свиты его и много другихъ людей. И хотя посланники не видали ни этого дворца, ни сада, ни комнатъ его, однако все это видѣли нѣкоторые изъ ихъ людей; потому что ихъ возили туда, чтобъ они могли все видѣть и всѣмъ любоваться.

CXII. Въ слѣдующій понедѣльникъ, двадцать втораго числа сентября мѣсяца, царь отправился изъ этого дворца въ другой, тоже дворецъ съ садомъ. Онъ былъ окруженъ высокой четыреугольной стѣной, и на каждомъ углу стояла высокая круглая башня; стѣна была очень высока и такой же работы, какъ и башни. По срединѣ стоялъ большой домъ, построенный крестообразно, съ большимъ водоемомъ передъ нимъ; домъ былъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ садахъ, которые они видѣли до тѣхъ поръ, и отдѣланъ богаче золотомъ и лазурью. Всѣ эти дворцы съ садами были внѣ города; этотъ назывался Багинò. Здѣсь царь устроилъ большой праздникъ, на который были позваны посланники и собралось много народу. И на этомъ пирѣ царь

carneros é dos jarres grandes de vino: é á esta fiesta se ayuntó mucha gente, asi de Dueñas, como de grandes Omes de los que con él andan, é otra gente asaz: é como quiera que los dichos Embajadores non vieron esta dicha casa nin huerta, nin los apartamientos della, vieronla algunos de sus omes, que les fué mostrada, é metidos en ella á que la viesen é mirasen.

CXII. E lunes siguiente, que fueron veinte y dos dias del dicho mes de Septiembre, el Señor se fué desta casa para otra, que era asi casa é huerta como esta, é era cercada de muro alto, é quadrada, é á cada canto della una torre redonda grande alta, é la cuerda era muy alta, fecha á la obra de que eran estas otras: é en medio avia una gran casa fecha en cruz, con una grande alberca de agua delante; é la casa era muy mayor que el de las otras huertas que fasta alli avian visto, é la obra mas rica de oro e de azul: é estas casas é huertas eran fuera de la ciudad, é esta huerta é casa avia nombre Bagino. E aqui ordenó el Senor una gran fiesta, á la qual fueron llamados los dichos Embajadores, é se ayuntó mucha

приказалъ, чтобъ пили вино, и пилъ его и самъ; такъ какъ они не смѣютъ пить его ни въ обществѣ, ни дома безъ его позволенія. Они даютъ вино прежде ѣды и подаютъ его столько разъ и такъ часто, что дѣлаются пьяны; и для нихъ праздникъ не въ праздникъ и веселье не въ веселье, если они не напьются пьяны. Тѣ, которые подаютъ, стоятъ на колѣнахъ, и какъ только кто нибудь выпилъ чашу, сейчасъ подаютъ ему другую; у нихъ нѣтъ другого дѣла, какъ только подавать еще, когда выпьютъ; когда одинъ устанетъ наливать, приходитъ другой, и только и дѣлаетъ, что наливаетъ; и не думайте, что одинъ подаетъ многимъ; нѣтъ, только одному или двумъ, для того чтобъ заставить ихъ пить больше. А если кто не хочетъ пить вина, тотъ, говорятъ, оскорбляетъ царя, потому что всѣ пьютъ по его желанію; даже дѣлаютъ больше: чаши наливаютъ полныя, и никто не смѣетъ недопить; если кто не допьетъ, то у него не берутъ чаши изъ руки и заставляютъ допить; и пьютъ изъ одной чаши по одному и по два раза. А если предложатъ выпить вино за здоровье царя, или станутъ заклинать головою царя, то тогда должно выпить все и не оставлять ни одной капли. Кто дѣлаетъ такъ и больше пьетъ вина,

gente: é en esta fiesta mandó el Señor, que bebiesen vino, é bebiólo él eso mesmo, ca non lo osan beber en público nin en escondido sin su licencia; é el vino dan | ellos antes de comer y dan á beber á tantas veces y tan amenudo, que face los omes beodos; é non ternian que seria alegria nin fiesta, si non se embeodasen: é los que sirven están los finojos fincados, é asi como han bebido una taza, luego dan otra; é otro oficio non tienen si non asi como acaban de beber una vez, luego dan
157. otra; é desque uno es enojado de dar á beber, viene otro, é non face ál salvo de partir é beber: é non pensedes que uno dé de beber á muchos, salvo á uno ó á dos, por les facer beber mas; é los que non quieren tomar el vino, dicen que lo facen en valdon del Señor, á cuyo ruego lo beben: é aún facen mas, las tazas danlas llenas, é non ha de dexar ninguno vino en ella; é si le dexa, non le quieren tomar la taza de la mano, ó facenle tornar á beber; é beben de una taza una ó dos veces, é si dixeren que beba aquel vino por amor del Señor, ó si le conjuraren por la cabeza del Señor, hanlo de beber todo, que una sola gota non

про того говорятъ, что онъ багадуръ, что у нихъ значитъ доблестный человѣкъ. А кто отказывается пить и говоритъ, что не хочетъ, того заставляютъ насильно, хотя бы онъ и не хотѣлъ. Въ этотъ день, прежде чѣмъ посланники пріѣхали къ царю, онъ прислалъ къ нимъ одного своего мирассу и съ нимъ прислалъ кувшинъ вина и велѣлъ сказать, что онъ ихъ проситъ выпить этого вина столько, чтобъ, когда они пріѣдутъ къ нему, быть веселыми. По пріѣздѣ къ царю, ихъ посадили такъ же какъ и въ первый разъ; питье продолжалось долго; потомъ принесли мясо; тутъ было много жареной конины и вареной и жареной баранины; потомъ соленое и много рису, приготовленнаго по ихъ обычаю разнымъ способомъ. Когда поѣли, одинъ изъ царскихъ мирассъ пришелъ съ серебряной чашей въ рукахъ, полной серебряныхъ монетъ, которыя они называютъ тага, и разсыпалъ ихъ надъ посланниками и надъ другими гостями; а разсыпавши сколько хотѣлъ, взялъ тѣ, что оставались въ чашѣ и бросилъ ихъ въ полы посланникамъ. Послѣ того царь приказалъ одѣть посланниковъ въ камокановыя платья; они преклонили предъ нимъ колѣна три раза по ихъ обычаю, и онъ при-

dexen. E el ome que esto face é mas vino bebe, dicen que es bahadur, que dicen ellos por ome recio; é el que refierta que non quiere beber, facenle beber, aunque non quiera. E este dia antes que al Señor entrasen los Embajadores, envióles el Señor un su Mirassae, con el qual les envió un cantaro de vino: é envióles decir, que les rogaba que bebiesen de aquel vino á tanto que quando ante él estoviesen, fuesen bien alegres: é despues que ante el Señor entraron, asentaronlos segun el dia de antes; é el beber duró una gran pieza, é de sí troxieron [trogeron] la vianda, que fueron muchos caballos asados, é carneros cocidos é asados, é despues lo adobado, é mucho arroz de muchas maneras segun su costumbre. E despues que ovieron | comido, uno de los Mirassaes del Señor vinose con un bacin de plata en la mano lleno de una su moneda de plata que llaman Tagaes, é derramó dellos sobre los dichos Embajadores, é sobre la otra gente que ahí estaba; é desque ovo echado dellos aquellos que quiso, tomó los que fincaban en el bacin, é echólos en las faldas de los dichos Embajadores. E de si el Señor fizo vestir á los dichos Embajadores sendas ropas de camocan, é fincaron los finojos ante él tres veces, como es

казалъ сказать, чтобы на слѣдующій день они пріѣхали обѣдать къ нему.

CXIII. На слѣдующій день, двадцать третьяго сентября мѣсяца, царь отправился въ другой дворецъ съ садомъ, который былъ недалеко отъ этого, что назывался Диликая. Здѣсь онъ далъ другой пиръ, на который собралисѣ многіе изъ его царскаго войска, которымъ онъ велѣлъ пріѣхать туда, такъ какъ они жили въ другихъ мѣстахъ. На этомъ праздникѣ были и посланники. Этотъ садъ и дворецъ были очень красивы, и царь на этомъ пиру былъ очень веселъ и пилъ вино, и онъ самъ, и всѣ, которые были при немъ. Мяса было очень много по ихъ обычаю, конины и баранины. Когда кончили обѣдать, царь приказалъ дать посланникамъ камокановыя платья, и потомъ они вернулись въ свое жилище, которое было очень близко отъ того мѣста, гдѣ находился царь. На этихъ праздникахъ собиралось столько народу, что, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ былъ царь, невозможно было бы идти, если бы тѣлохранители, которые были при посланникахъ, не расчищали для нихъ мѣсто; а пыли было такъ много, что лица и платья, все было одного цвѣта. Передъ этими садами были обширныя поля, и по

su costumbre; é mandóles decir, que otro dia siguiente viniesen á comer con él.

CXIII. E otro dia siguiente, que fueron veinte y tres dias del mes de Septiembre [Setiembre], el Senor se fué á otra casa é huerta que era cerca desta, que avia nombre Dilicaya: en la qual fizo otra gran fiesta, á la qual se ayuntó mucha gente de los de su hueste del Señor que mandó venir alli,
158. que eran aposentados á otras partes: á la qual fiesta fueron los dichos Embajadores; é esta dicha huerta é casa era bien fermosa: en la qual fiesta mostró el Señor gran alegria, é bebió vino él é quantos ante él estaban; é la vianda fué mucha de carneros é caballos, segun su costumbre. E desque ovieron comido, el Señor mandó dar á los dichos Embajadores sendas ropas de camocan, é de sí tornaronse á sus posadas, que era bien cerca de donde el Señor estaba: é á estas fiestas se ayuntaron tanta gente, que quando llegaban cerca de do estaba el Señor, non podian ir adelante, salvo por las guardas que los Embajadores llevaban que les facian lugar; é el polvo era tanto, que las caras é las ropas todo era

нимъ шла рѣка и много каналовъ; въ этихъ поляхъ царь приказалъ поставить много палатокъ для себя и для своихъ женъ, и приказалъ всему своему войску, которое было разсѣяно на станахъ и поляхъ его земли, собраться сюда, каждому на свое мѣсто, и поставить палатки, и прійдти со своими женами на тѣ праздники и свадьбы, которыя онъ хотѣлъ устроить. Когда были поставлены палатки царя, уже всякій зналъ, гдѣ долженъ поставить свою палатку; отъ старшаго до младшаго всякій знаетъ свое мѣсто, и все дѣлается въ порядкѣ и безъ шума; и не прошло трехъ или четырехъ дней, какъ вокругъ царскихъ палатокъ стояло уже почти двадцать тысячь, и каждый день то и дѣло что приходили съ разныхъ мѣстъ. Съ этой ордой его всегда идутъ мясники и повара, которые продаютъ вареное и жареное мясо, и другіе люди, которые продаютъ ячмень и плоды, и хлѣбники, которые ставятъ свои печи, мѣсятъ и продаютъ хлѣбъ. Всякихъ ремесленниковъ и мастеровъ какіе имъ нужны, можно найдти въ ордѣ, и всѣ распредѣлены по отдѣльнымъ улицамъ. Этого мало: они везутъ съ собою всюду, куда идетъ войско, бани и баньщиковъ,

un color. E ante estas dichas huertas estaba [esta] una gran llanura de unos campos, é por él venia un rio é otros muchos arroyos de agua: é [47] en este campo mandó el Señor armar muchas tiendas para sí é para sus mugeres, é mandó á toda su hueste, que estaban derramados por huestes é prados de la tierra, que se ayuntasen alli todos, cada uno en su lugar, é pusiesen sus tiendas, é viniesen alli con sus mugeres á estár alli en las fiestas é bodas que queria facer. E desque las tiendas del Señor fueron armadas, ya sabia cada uno onde avia de venir á poner sus tiendas, é á qual parte desde el mayor fasta el menor sabe su lugar, é lo tiene ya conocido, todos ordenadamente é sin ruido; é antes de tres ó quatro dias fueron armadas en derredor de las tiendas del Señor fasta veinte mil, é de cada dia non facian si non venir de todas partes. E en este su Ordo andan todavia carniceros é cocineros, que venden carne cocida é asada; é otros que venden cebada é fruta; é forneros que facen sus fornos é amasan é venden pan: é de todos los oficios é menesteres que les son necesarios, fallaredes por su Ordo, é todos ordenados por calles señaladas; é aún traen mas, por do quiera que van en hueste, baños é bañadores, los

которые ставятъ палатки, устраиваютъ дома для желѣзныхъ т. е. горячихъ бань, съ котлами внутри, въ которыхъ держатъ и грѣютъ воду, и все что нужно. Такимъ образомъ, когда кто приходилъ, то уже зналъ гдѣ ему быть. Царь приказалъ перевезти посланниковъ въ домъ съ садомъ, который былъ недалеко отъ его орды, чтобъ они были поближе; этотъ домъ съ садомъ принадлежалъ царю.

CXIV. Въ понедѣльникъ, двадцать девятаго числа сентября мѣсяца, царь отправился въ городъ Самаркандъ и остановился въ одномъ домѣ, который былъ у самаго входа въ городъ. Этотъ домъ царь устроилъ въ честь матери своей жены Каньо; эта мать жены его была похоронена въ часовнѣ, которая находилась внутри этого дома; этотъ домъ былъ очень богатъ и съ большимъ убранствомъ; они не имѣютъ обыкновенія дѣлать много убранства въ своихъ домахъ, но въ этомъ было много; онъ еще не былъ оконченъ, и въ немъ работали каждый день. Въ этотъ день царь приказалъ устроить большой пиръ и велѣлъ пригласить посланниковъ. Онъ приказалъ сдѣлать пиръ въ этотъ день, потому что хотѣлъ принять посланниковъ, пріѣхавшихъ къ нему изъ одной земли, кото-

qualos arman sus tiendas, é facen sus casas para los baños de fierros, que son calientes, y dentro sus calderas en que tienen é calientan su agua, é todo lo que han menester: é asi como cada uno venia, ya sabia do avia de estar. E el Señor mandó traer á los dichos Embajadores á una huerta é casa que cerca de su Ordo estaba, porque estoviese cerca, la qual casa é huerta era del Señor.

159. CXIV. Lunes, que fueron veinte y nueve dias del dicho mes de Septiembre, el Señor se vino á la ciudad de Samarcante, é fué posar á unas casas que eran luego á la entrada de la ciudad: las quales casas mandó el Señor fa|cer á honor de la madre de su muger Caño; é esta madre desta muger yacia enterrada en una capilla que dentro en estas casas estaba: é estas casas eran muy ricas é con muchos cumplimientos: é las sus casas non las acostumbra facer de muchos cumplimientos; pero en esta avia asaz, é aún non eran acabadas; pero de cada dia labraban en ellas. E el Señor mandó este dia facer una gran fiesta, é mandó que viniesen alli los dichos Embajadores: é esta fiesta mandó él

рая граничитъ съ царствомъ Катайскимъ и прежде принадлежала къ Катайскому царству. Эти посланники пріѣхали въ этотъ день туда и они были одѣты такимъ образомъ: на самомъ главномъ изъ нихъ было что то въ родѣ кафтана изъ мѣха, мѣхомъ вверхъ, и мѣхъ былъ скорѣе старый, чѣмъ новый; на головѣ у него была маленькая шапочка и шнурокъ на груди; шапочка была такъ мала, что съ трудомъ могла влѣзать ему на голову на столько, чтобъ не упасть съ головы. И всѣ, которые пріѣхали съ нимъ, были одѣты въ мѣха, иные мѣхомъ вверхъ, а другіе внутрь, и были такъ наряжены, что казались кузнецами, которые только что работали желѣзо. Они привезли царю въ подарокъ неотдѣланные мѣха куньи, собольи, бѣлые лисьи и соколовъ. Они были христіане въ родѣ Катайскихъ. Ихъ посольство было для того, чтобы просить у царя, чтобъ онъ далъ имъ въ правители и цари одного внука царя Тохтамыша, бывшаго царемъ въ Татаріи и находившагося при немъ. Царь въ этотъ день долго игралъ въ шахматы съ нѣкоторыми Заитами; Заитами называются люди, которые происходятъ изъ рода Магомета. Въ этотъ день онъ не

facer este dia, por quanto querian rescebir unos Embajadores que á él venian de una tierra que confina con tierra del señorio del Catay, é solia ser del señorio del Catay: los quales Embajadores vinieron este dia alli, é venian apostados desta manera: el mayor dellos traía vestido uno como tavardo de pellejos, el pelo á fuera; é eran estos pellejos mas viejos que nuevos: en la cabeza traía un sombrero pequeño, é un cordon en el peto; é el sombrero era tan pequeño, que por fuerza le entraba en la cabeza, porque se le non cayese el sombrero de la cabeza. E todos quantos con él venian traían vestidos de pellejos, dellos traían el pelo á fuera, é dellos a dentro; é tambien apostados, que parescian ferreros que salian de labrar fierro: é traían presente al Señor de pieles de martas por adobar, é de sebelinas, é de raposas blancas é falcones: é estos eran Christianos á la manera de los del Catay. E la su Embajada en que venian era, que demandaban al Señor que les diese por Gobernador é por Señor á un nieto del Emperador Totamix, Emperador que solia ser de Tartaria [Tartalia], que con él venia. E el Señor jugó este dia al alxedrez una gran pieza con unos Zaytes; é Zaytes llaman á unos omes que vienen del lina-

захотѣлъ принять подарки отъ этихъ посланниковъ, однако ихъ принесли къ нему и онъ ихъ посмотрѣлъ.

CXV. Въ четвергъ, второго октября, царь прислалъ къ посланникамъ въ садъ, гдѣ они жили, рыцаря, который былъ его главнымъ привратникомъ; онъ сказалъ имъ, что царь велѣлъ передать, что онъ знаетъ очень хорошо, что Франки пьютъ вино каждый день, но что теперь, передъ нимъ, они не пьютъ въ волю, когда онъ ихъ угощаетъ; поэтому онъ посылаетъ его къ нимъ, чтобъ онъ приготовилъ у нихъ пиръ и далъ вина, чтобъ они пили и ѣли въ волю; и для того посылаетъ имъ десять барановъ и лошадь для угощенья и мѣру вина. Когда кончился этотъ пиръ, и было выпито вино, посланниковъ одѣли въ камокановыя платья, рубашки и шапки, и привели имъ еще лошадей, присланныхъ имъ царемъ въ подарокъ.

CXVI. Въ понедѣльникъ, шестого числа октября мѣсяца, царь устроилъ большой праздникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его орда, какъ они называютъ станъ. Онъ приказалъ, чтобъ всѣ его родственники и жены, жены его сыновей и внуковъ, бывшихъ тамъ,

ge de Maho|mad. Este dia non les quiso tomar el presente á estos Embajadores; pero troxieronselo delante, é viólo.

CXV. E jueves, que fueron dos dias de Octubre, el Señor envió á los
dichos Embajadores á la huerta onde posaba un Caballero, que era su
portero mayor; el qual les dixo, que el Señor les enviaba á decir, que el
sabia bien que los Francos que bebian vino cada dia, é alli agora con él
160. que lo non bebian á su voluntad ante él, quando se lo mandaba dar, que
por eso se los enviaba á él á ellos alli, que les ficiese adobar de yantar é
dar á beber, porque comiesen é bebiesen á su voluntad; é que les enviaba
para ello diez carneros é un caballo para comer, é una carga de vino: é
desque el yantar fué comido, é el vino bebido, á los dichos Embajadores
vistieronles sendas ropas de camocan, é sendas camisas, é sendos sombreros, é les dieron mas sendos caballos que les el Señor enviaba.

CXVI. E lunes, que fueron seis dias del dicho mes de Octubre, el Señor mandó una gran fiesta, donde tenia su Ordo puesto en el campo, que dicen ellos por real; é alli ordenó é mandó, que sus parientes é mugeres,

его приближенные мирассы и всѣ его люди, которые были разсѣяны по полямъ, собрались и оставались тамъ, пока онъ прикажетъ. Въ этотъ день посланниковъ привезли туда, гдѣ стояла орда. Пріѣхавши, они увидали много прекрасныхъ палатокъ, изъ которыхъ большая часть стояла на берегу рѣки: онѣ были очень красивы на видъ и стояли очень близко одна къ другой. Посланниковъ повели по улицамъ, гдѣ продавались разныя вещи, необходимыя для войска, когда оно идетъ въ походъ. Когда они были уже близко отъ того мѣста, гдѣ находились царскія палатки, ихъ помѣстили подъ навѣсъ, сдѣланный изъ бѣлой льняной ткани, вышитой тканями другихъ цвѣтовъ; онъ былъ длинный и былъ поднятъ вверхъ на двухъ палкахъ и на шнуркахъ, на которые былъ натянутъ. По полю видно было много такихъ навѣсовъ; ихъ дѣлаютъ такими длинными и высокими, чтобъ заслонять отъ солнца и пропускать воздухъ. Недалеко отъ этихъ навѣсовъ стоялъ большой и высокій павильонъ, сдѣланный въ родѣ палатки, но только квадратный и такой высокій, какъ три копья, если не больше; бока его не доходили до земли почти на разстояніи копья;

é las mugeres de sus fijos é nietos que alli estaban, é sus Mirassaes privados, é toda su gente que estaban derramados por los campos, viniesen alli é estoviesen quando él mandase. E este dia fueron llevados los dichos Embajadores alli donde estaba el Ordo; é quando en él fueron, fallaron muchas tiendas é bien fermosas, é las mas dellas estaban ribera del rio, é bien parescian fermosas de ver, é estaban muy juntas unas con otras: é á los dichos Embajadores llevaron por unas calles donde estaban los que vendian las cosas que eran necessarias para gente que anda en hueste. E desque los dichos Embajadores | fueron cerca de donde estaban las tiendas del Señor, pusieronlos so una sombra: la qual era de un paño de lino blanco, entretallado de paña de otras colores, é era luenga, é enhiesta fasta arriba con dos maderos é cuerdas que la tiraban, é por el campo avia asaz destas sombras; é facenlas asi luengas é altas, porque tengan el sol é entre el ayre: é cerca destas sombras estaba un muy grande é alto pavellon, el qual era fecho como tienda, salvo que estaba quadrado, é era tan alto como tres lanzas de armas, é mas; las faldas dél non llegaban al suelo quanto podia ser una lanza, é avia en ancho fasta cien

въ ширину въ немъ было сто шаговъ; онъ былъ четырехугольный, а потолокъ былъ круглый, какъ сводъ, и опирался на двѣнадцать столбовъ, каждый толщиной въ грудь человѣка; онъ былъ разрисованъ лазурью и золотомъ и другими цвѣтами. Отъ угла до угла было три столба и каждый былъ сдѣланъ изъ трехъ кусковъ, скрѣпленныхъ въ одно; когда ихъ ставили, то поднимали съ помощію колесъ, какъ у телѣги, и ворота; въ разныхъ мѣстахъ ихъ скрѣпляли ободья, которые и помогали поднимать ихъ. Съ верхняго свода, гдѣ былъ потолокъ, до низу спускался кусокъ шелковой ткани по каждому столбу; эти куски привязывались къ столбамъ и когда они были прикрѣплены такимъ образомъ, то отъ одного конца къ другому образовывалась арка. Съ внѣшней стороны этого квадрата было точно крыльце, тоже четырехугольное и вверху соединенное съ самымъ павильономъ; это крыльце поддерживалось двадцатью четырьмя столбами, не такими толстыми, какъ тѣ, что въ срединѣ, такъ что всѣхъ столбовъ въ этомъ павильонѣ было тридцать шесть. Онъ натягивался навѣрное сотнями пятью цвѣтныхъ шнурковъ. Внутри онъ былъ покрытъ краснымъ ковромъ, а въ немъ были сдѣ-

pasos, é avia quatro esquinas, é el cielo dél era redondo como bobeda: é ármase sobre doce arboles, tan grueso cada uno como un ome en los pechos; é eran pintados de azul é oro, é de otras colores: é de esquina á
161. esquina iban de tres en tres estos arboles, é era cada uno fecho en tres pedazos, que se enxerian en uno; é quando los armaban, enfestabanlos con unas ruedas como de carreta, é con tornos é omes; han cintos que travaban en ciertos lugares, que los ayudaban á los enfestar: é desde la bobeda de arriba, do era el cielo, descendia fasta ayuso un paño de seda por cada uno destos arboles, é atabanlos á los dichos arboles; é desque eran atados faciase arco del un cabo al otro: é de fuera deste cuerpo desta quadra descendian unos como portales, que eran otrosi en quadra, é arriba era junto con el cuerpo de la quadra: é estos dichos portales sostenian los veinte y quatro mástiles, que non eran tan gruesos como los de en medio, asi que eran todos estos arboles treinta y seis que á este pavellon tenian. A este pavellon tiraban bien quinientas cuerdas coloradas, é eran de par[48]tes de dentro de un tapete cremesin, é en ella fechos

ланы вставки, разнообразно и красиво вшитыя изъ другихъ шелковыхъ тканей разныхъ цвѣтовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прошитыя золотыми нитками. Посреди потолка была самая богатая работа, а по четыремъ угламъ его были изображены четыре орла со сложенными крыльями. Съ внѣшней стороны этотъ павильонъ былъ покрытъ шелковой тканью съ бѣлыми, темными и желтыми полосами, похожей на сарсанъ; на каждомъ углу павильона поднимался вверхъ столбъ и на каждомъ столбѣ было мѣдное яблоко и надъ нимъ изображеніе луны. Надъ самымъ высокимъ мѣстомъ павильона поднимались другіе четыре столба выше первыхъ, и на нихъ были тоже яблоки и большія луны; а между этими столбами надъ павильономъ стояла башня съ разнообразными зубцами изъ шелковой ткани, съ дверью, черезъ которую можно было войдти въ нее. Когда вѣтеръ приводилъ въ безпорядокъ павильонъ и столбы, люди всходили на верхъ и шли по ней, куда было нужно; она была такъ высока, что издали казалась замкомъ. Такъ великъ, такъ высокъ и обширенъ былъ этотъ павильонъ, что на него нельзя было смотрѣть безъ удивленья, и красоты въ немъ было гораздо больше, чѣмъ возможно описать. Въ этомъ павильонѣ съ

muchos entretallamientos de muchas maneras bien fermosas de otros paños de seda de muchas colores, é en lugares broslado de filo de oro tirado. E en medio del cielo de la quadra está la mas rica obra que en todo ello avia; é á los quatro cantos della estaban figurados quatro aguilas con sus alas cubiertas; é este dicho pavellon era de partes de fuera aforrado de un paño de seda, vandado á vandas blancas é prietas é amarillas, que parescen sarsani: é á cada cabo deste pavellon salia un madero alto que sobia arriba, é en cada madero estaba una manzana de cobre, é una figura de luna encima. E encima de lo mas alto de la quadra salian otros quatro maderos que sobian mas altos, con otras sendas manzanas é lunas muy grandes: é encima deste pavellon entre estos dichos maderos estaba una torre con almenas de paño de seda de muchas maneras, con una puerta por do entraban á ella; é quando el viento desconcertaba este pavellon é los arboles dél, sobian omes encima della, é andaban á pies por ella á do querian, asi era tan alta que de lexos parescia un castillo; é tan grande, é tan alto, é tan ancho era este pavellon, que era una estraña

одной стороны было возвышеніе изъ ковровъ, и на нихъ положено три или четыре матраса одинъ на другой: это возвышеніе было для царя; по лѣвую руку стояло другое возвышеніе изъ ковровъ немного въ сторонѣ отъ перваго; а возлѣ него было еще одно пониже. Вокругъ этого павильона была ограда, какъ возлѣ города или замка, изъ шелковой разноцвѣтной ткани, вышитой вставками разнымъ образомъ, съ зубцами на верху и со шнурками съ внутренней и съ внѣшней стороны, которыми она сдерживалась; внутри же были столбы, поддерживавшіе ее. Эта ограда была круглая, около трехъ сотъ шаговъ ширины; а стѣна была высотою съ человѣка на лошади; въ ней былъ очень высокій входъ, сдѣланный въ видѣ арки, съ дверями внутрь и наружу той же самой работы какъ и ограда; и одна дверь запиралась. Надъ входомъ была четырехугольная башня съ зубцами, и хоть ограда эта была сдѣлана со многими узорами и переплетами, но дверь, арка и башня были еще лучшей работы, чѣмъ все другое. Эта ограда называется Салапарда. Внутри этой ограды было много палатокъ и навѣсовъ, разнообразно устроенныхъ. Между ними была одна

cosa de ver, é mucho mas de fermosura avia que se non podia escrebir. E so este pavellon estaba á la una parte puesto un estrado llano de alhombras, é en él puestos tres ó quatro almadraques uno sobre otro, é este estrado era para el Senor: é á la mano izquierda estaba otro estrado
162. llano de alhombras, que estaba un poco desviado del otro estrado: é cerca deste estaba otro mas baxo. E cerca deste dicho pavellon estaba una cerca asi como de villa ó de castillo, | de paño de seda de muchas colores, entretallados de muchas maneras con almenas encima, con cuerdas de partes de fuera é de dentro que la tiraban; é de dentro avia unos maderos que los tenian. E esta cerca era redonda, é podia ser tan ancha quanto trecientos pasos, y la pared tan alta quanto seria un ome á caballo; é avia una puerta bien alta fecha en arco, con puertas adentro é á fuera de la obra mesma, que era la cerca, que se cerraba la una; é encima de la portada estaba una torre quadrada con almenas: é como quiera que la dicha cerca era de muchos lazos é travamientos [travamentos] que en ella estaban fechos, la dicha portada, arco é torre era de muy mas fermosa obra que lo otro; é esta dicha cerca llaman ellos Zalaparda. E dentro desta

очень высокая палатка, которая не была натянута веревками; она была круглая и стѣны ея состояли изъ палокъ, толщиною въ копье или немного больше, которыя переплетались между собою какъ сѣть; надъ ними возвышался точно куполъ, тоже изъ палокъ, и очень высокій; стѣны и куполъ были связаны между собою лентами, шириною въ руку, которыя доходили до низу и тамъ были привязаны къ кольямъ, стоявшимъ возлѣ стѣнъ палатки. Эта палатка была такъ высока, что нельзя было не удивляться, что она держится только съ помощью этихъ лентъ. Сверху она была покрыта краснымъ ковромъ, а снизу подбита хлопчатой бумагой какъ одѣяло, чтобы солнце не могло проходить; на ней не было никакихъ вышивокъ, ни узоровъ, кромѣ того, что съ внѣшней стороны ее опоясывали бѣлыя полосы, которыя перекрещиваясь шли вокругъ нея; эти полосы были покрыты позолочеными серебряными бляхами величиною въ руку, въ которыя были вправлены разнымъ образомъ каменья; вокругъ всей палатки по срединѣ шла опоясывавшая ее полоса бѣлаго полотна, сложенная мелкими складками, какъ оборка на юбкѣ, и вышитая золотыми нитками;

cerca avia muchas tiendas, é sombras armadas de muchas maneras: entre las quales estaba una muy alta tienda, la qual non la tiraban cuerdas; é era redonda, é las paredes eran de varas tan gruesas como lanzas, poco mas, que se ponian atravesadas como red: é encima destas varas estaba uno como chapitel alto, otrosi de varas muy alto: é este chapitel é paredes de tienda se ataba uno con otro, con unas cintas tan anchas como la mano, é venian fasta ayuso, é atabanlas á unas estacas que junto con las paredes de la tienda estaban; é tan alta era, que era maravilla tenerse con aquellas cintas: é encima era cubierta de un paño de tapete cremesin [clemesin], é debaxo era embotido en algodon como colcha, porque la non pasase el sol: é ella non avia entretallamientos nin figuras ningunas, salvo que la ceñian por medio de partes de fuera unas vandas blancas que iban en cruz que la atravesaban toda en derredor: é estas vandas eran cubiertas de unas cha|pas de plata sobredoradas tan anchas como la mano, en que estaban engastonadas piedras de muchas maneras, é al derredor desta tienda, por medio della la ceñia un lienzo blanco, que la cenia en derredor, plegado de pliegues menudos como girones de saya, que era

когда дулъ вѣтеръ, складки этого полотна развѣвались въ разныя стороны, и это было очень красиво. Въ ней былъ высокій входъ съ дверью, сдѣланной изъ тоненькихъ палочекъ и покрытой краснымъ ковромъ. Возлѣ этой палатки была другая, очень богатой работы, натянутая веревками, изъ краснаго бархатнаго ковра. Тутъ же было еще четыре палатки, соединенныя одна съ другой, такъ что изъ одной можно было проходить въ другую, и между ними шла точно улица; сверху онѣ были покрыты. Внутри этой ограды было много другихъ разныхъ палатокъ. Какъ разъ возлѣ ограды была другая такая же большая изъ шелковой матеріи, сдѣланная такъ, что казалась точно изъ изразцевъ и въ ней были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окошки съ дверцами, но въ нихъ нельзя было войдти, потому что въ нихъ были сѣти, сдѣланныя изъ узенькихъ шелковыхъ ленточекъ. По срединѣ этой ограды была другая, очень высокая палатка, сдѣланная такъ же какъ и первая, изъ красной такой же ткани и съ такими же серебряными бляхами. Эти палатки были вышиною въ три копья, если не больше; на куполѣ, на самомъ верху палатки былъ сдѣланъ очень боль-

broslado de filo de oro tirado; é quando facia viento, movianse los pliegues deste dicho lienzo á una parte é á otra, que parescia muy fermosa:
163. é avia una puerta alta con puertas de unas cañas menudillas cubiertas de tapete colorado. E cerca desta dicha tienda estaba otra bien rica, que la tiraban cuerdas, é era un tapete colorado de velludo: é otrosi estaban luego otras quatro tiendas, juntas unas con otras, que se pasaba de una á otra, é iba como calle por medio dellas; eran cubiertas encima. E dentro desta cerca avia otras muchas tiendas de muchas maneras: é luego junto con esta cerca estaba otra tan grande de un paño de seda, fecho por tal manera, que parescia como asiler de azulejos; [e] é por él avia á trechos ventanas abiertas con sus puertas, é por las ventanas non podia entrar ome ninguno, ca tenian unas redes fechas de unas cintas de seda angostas: é en medio desta cerca estaba otra tienda muy alta, fecha segun la primera, de otro tal paño colorado, é con otras tales chapas de plata: é estas tiendas podian ser tan altas como tres lanzas de armas, y mas; é en el capitel en lo mas alto desta tienda estaba una aguila de plata sobredorada bien grande, que tenia las alas abiertas; é luego baxo della

шой серебряный позолоченый орелъ съ распущенными крыльями, а пониже его, на разстояніи полутора браса выходили изъ палатки три серебряные позолоченые сокола, одинъ съ одной стороны, а другой съ другой, правильно расположенные; у этихъ соколовъ были распущены крылья, какъ будто бы они хотѣли летѣть отъ орла; носами они были обращены къ орлу и крылья у нихъ были распущены; а орелъ точно хотѣлъ напасть на одного изъ нихъ; этотъ орелъ и сокола были очень хорошо сдѣланы и такъ поставлены, что представлялись прекраснымъ указаніемъ. Передъ дверью этой палатки былъ навѣсъ изъ шелковой разноцвѣтной ткани, который бросалъ тѣнь возлѣ двери и охранялъ ее отъ лучей солнца; и смотря по тому, куда шло солнце, туда же передвигался и навѣсъ, такъ что онъ постоянно защищалъ палатку отъ свѣта. Первая ограда и палатки принадлежали первой, главной женѣ царя, которую звали Каньо; а эта другая принадлежала второй женѣ, которую звали Кинчикано, то есть малая царица. Возлѣ этой ограды стояла другая изъ ткани другого рода съ многими палатками и навѣсами; по срединѣ ея стояла палатка, сдѣланная такъ же какъ тѣ, что я вамъ описалъ. Этихъ оградъ, которыя они называютъ

quanto una braza é media, salian del cuerpo de la tienda tres falcones de plata sobredorados, uno á la una parte, é otro á la otra, puestos ordenadamente: los quales falcones | tenian las alas abiertas como que querian [quiera] foir del aguila, é los rostros fácia ella, é las alas abiertas: é el aguila facía semblante que queria venir al uno dellos: é esta aguila é falcones eran muy bien fechos, é estaban asi ordenados que parescian una significanza fermosa. E ante la puerta desta tienda estaba una sombra de un paño de seda de muchas colores, que facia sombra ante la puerta, é le guardaba que le non diese el sol, é fácia do él andaba, fácia allá lo movia aquella sombra; de manera que todavia guardaba el sol que non diese en la tienda. E la dicha primera cerca é tiendas eran de la primera mayor muger del Señor, que llamaban Caño: é esta otra era de la segunda muger, que llaman Quinchicano, que quiere decir la señora pequeña. E cerca desta dicha cerca estaba otra de paño de otra manera con muchas tiendas é sombras en ella; é en medio estaba una alta tienda fecha segun las que vos he dicho: é unas juntas con otras estaban destas cer-

Калапарда, было одиннадцать, одна возлѣ другой, каждая своего цвѣта и своей отдѣлки; въ каждой изъ нихъ была большая палатка, не натянутая веревками, покрытая краснымъ ковромъ, и устроенная одна какъ другая; и въ каждой было много палатокъ и навѣсовъ. Отъ одной ограды до другой разстояніе было не шире улицы; онѣ всѣ стояли рядомъ, и это было очень красиво. Эти ограды принадлежали женамъ царя и женамъ внуковъ его; они и жены ихъ живутъ въ нихъ, какъ въ домахъ, и зимою и лѣтомъ. Около полудня царь вышелъ изъ одной изъ этихъ оградъ, вошелъ въ тотъ большой павильонъ и приказалъ войдти туда посланникамъ; тутъ онъ далъ имъ большой пиръ со множествомъ баранины и конины; а когда пиръ кончился, посланники отправились къ себѣ домой.

CXVII. Въ слѣдующій вторникъ, седьмого числа октября мѣсяца, царь приказалъ устроить другой большой праздникъ въ своей ордѣ; на этомъ праздникѣ были и посланники, и онъ былъ устроенъ въ одной изъ тѣхъ оградъ, о которыхъ вы слышали. Онъ приказалъ привести туда посланниковъ; они застали его въ большой палаткѣ, и онъ велѣлъ имъ войдти туда же, и по своему

cas, que ellas llaman Calaparda, once, cada una de su color, é de sus labores: é en cada una dellas avia una de las tiendas grandes que las
164. non tiran cuerdas, todas cubiertas de tapete colorado, fechas á una manera; é ha muchas tiendas é sombras en cada una dellas; é de una á otra destas cercas non avia mas espacio [spacio] de una como calle, é estaban puestas una cerca de otra, que parescia muy fermoso. E estas cercas eran de mugeres del Señor, é de mugeres de sus nietos, é estos han ellos é ellas asi como sus casas, que están en verano é en hibierno. E el Señor salió á hora de medio dia de una destas cercas, é vino so el dicho gran pavellon, é fizo venir alli dentro á los dichos Embajadores, é dióles alli una gran yan[49]tar de mucha vianda de carneros é caballos; é la yantar acabada, los dichos Embajadores se vinieron á sus posadas.

CXVII. E martes siguiente, siete dias del dicho mes de Octubre, el Señor mandó facer otra tan gran fiesta alli en su Ordo, é vinieron alli los dichos Embajadores: é la dicha fiesta fizo en una de aquellas cercas que aveis oido. E á los sobredichos señores Embajadores fizo llevar alli, é

обычаю далъ большой пиръ. Когда обѣдъ былъ конченъ, двое самыхъ приближенныхъ людей къ царю, которые управляли его домомъ и которыхъ звали одного Шамеликъ Мирасса̀, а другого Норадинъ Мирасса̀, сдѣлали царю подарокъ и поднесли его ему. Этотъ подарокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ серебряныхъ блюдъ на высокихъ ножкахъ, въ которыхъ были сласти, сахаръ, изюмъ, миндаль и фисташки; и на каждомъ блюдѣ былъ кусокъ шелковой ткани. Эти блюда были принесены по девяти; потому что по ихъ обычаю подарки царю дѣлаются такъ чтобы въ нихъ были девятки: всего по девяти вещей. Этимъ подаркомъ царь раздѣлился съ рыцарями, которые были при немъ; а посланникамъ приказалъ дать два блюда, изъ тѣхъ на которыхъ была шелковая ткань. Когда начали вставать, то стали бросать въ народъ серебряныя деньги и тоненькія золотыя бляшки съ бирюзой по срединѣ. Кончивши пиръ, всѣ разошлись по своимъ помѣщеньямъ.

На другой день, въ среду, царь приказалъ устроить другой праздникъ и пригласить на него посланниковъ. Въ этотъ день былъ сильный вѣтеръ и царь Тамурбекъ не вышелъ кушать

fallaronlo en la gran tienda, é dentro é consigo los fizo entrar en la dicha tienda, é dióles un gran yantar, segun la su usanza. E acabado de comer, dos privados los mayores que el Señor avia, que mandaban su casa, que llamaban al uno Xamelique Mirassa, é al otro Noradin Mirassa, dieron este dia al Señor un presente, é troxieronselo alli delante: el qual fué muchos tajadores de plata con pies altos, en que venian confites é azucar en panes, é pasas é almendras é alfostigos; é en cada tajador venia una pieza de paño de seda. E estos tajadores le troxieron de nueve en nueve; que tal es su costumbre del que face presente al Señor, en que sea novenas, de nueve en nueve cosas. E este presente repartió el Señor con los Caballeros que ante él estaban: é á los dichos Embajadores mandó dar dos tajadores de los en que venian dichos paños de seda. E quando se quisieron levantar, lanzaron por cima de la gente dineros de plata, entre ellos unas chapelinas de oro delgadas, é en medio dellas unas turquesas. E acabado de comer fuese la gente á sus posadas.

E otro dia miercoles siguiente, el Señor mandó facer otra fiesta, é mandó que viniesen allá los dichos Embajadores: é este dia fizo grande

на площадь, а приказалъ, чтобъ подали угощенье тѣмъ, кто захочетъ; посланники не пожелали угощенья и воротились къ себѣ домой.

CXVIII. Въ слѣдующій четвергъ, девятаго числа октября мѣсяца, Хансада, жена Мирассы Міаша̀, старшаго сына царя, устроила большой праздникъ и приказала пригласить на него посланниковъ; этотъ праздникъ она устроила въ очень красивой оградѣ, въ палаткахъ, которыя ей принадлежали. Когда посланники приблизились къ ея палаткамъ, они увидѣли, что на землѣ разставлено много кувшиновъ съ виномъ, длиннымъ рядомъ. Потомъ посланниковъ ввели внутрь, и когда они приблизились къ ней, она велѣла имъ сѣсть на возвышеніи, которое было поставлено передъ нею, подъ навѣсомъ. Эта Хансада и другія женщины, которыя были при ней, сидѣли у дверей большой палатки подъ навѣсомъ; она сидѣла на возвышеніи и передъ нею лежало три или четыре маленькихъ матраса, положенныхъ одинъ на другой, на которые она ложилась грудью, когда хотѣла. Въ этотъ день она справляла свадьбу одной своей родственницы. Ей казалось на

165. vien|to, é el señor Tamurbec non salió á comer fuera en la plaza, é mandó que diesen de comer á los que quisiesen: é los dichos Embajadores non quisieron comer, é fueronse á sus posadas.

CXVIII. E jueves siguiente, nueve dias del dicho mes de Octubre, Hausada, la muger de Mirassa Miaxa, el fijo mayor del Señor, fizo una gran fiesta, á la qual mandó llamar á los dichos Embajadores: é la fiesta fizo en una cerca é tiendas bien fermosas que ella tenia. E quando los Embajadores fueron cerca de las sus tiendas, fallaron por el suelo puestas muchas jarras de vino, que duraban una gran pieza: é de si metieron á los dichos Embajadores dentro; é desque fueron ante ella, mandóles asentar en un estrado llano, que ante ella estaba, so una sombra. E la dicha Hausada, é otras muchas Dueñas que con ella estaban, estaban asentadas á la puerta de una gran tienda so unas sombras; é alli estaba en un estrado llano, é ante ella tenia puestos unos tres ó quatro almadraques pequeños, uno encima de otro, en que se echaba de pechos quando queria. E este dia facia boda á una su parienta. E ella podia ser de edad de fasta quarenta [40] años, é era blanca é gruesa: é ante ella estaban muchas

видъ около сорока лѣтъ и она была бѣлая и полная. Передъ нею стояло много кувшиновъ съ виномъ и еще съ другимъ питьемъ, котораго они очень много пьютъ; оно называется босатъ и дѣлается изъ кобыльяго молока съ сахаромъ. При ней было также много рыцарей и родственниковъ царя Тамурбека. Кромѣ того при ней были музыканты, которые играли. Когда посланники прибыли туда, тамъ уже пили, и вотъ какимъ образомъ они производили это питье: одинъ старый рыцарь, родственникъ царя, и два маленькихъ мальчика его родственника, бывшіе тамъ, подавали чаши ей и другимъ женщинамъ такимъ способомъ. У нихъ въ рукахъ были бѣлые куски ткани какъ полотенца; тѣ, которые наливали вино, наполняли имъ маленькія золотыя чаши и ставили ихъ на маленькія плоскія золотыя блюдечки; тѣ, что подавали вино, шли впереди, а кравчіе сзади несли чаши на блюдечкахъ; когда они доходили до половины дороги, они преклоняли правое колѣно три раза, поднимая его и опуская, но не двигаясь съ мѣста; потомъ брали чаши съ блюдцами и подходили къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла; тамъ брали чаши полотенцами, чтобы не прикоснуться къ нимъ руками и пре-

jarras de vino, é otras que tenian un brebaje que ellos beben mucho, que llaman bosat, que es de leche de yeguas fecho con azucar. Otrosi estaban ante ella mucha gente de Caballeros é parientes del señor Tamurbec, é otrosi ante ella estaban juglares que tañian. E quando los dichos Embajadores alli llegaron, estaban bebiendo, é las maneras de su beber que alli facian, eran estas: un Caballero viejo pariente del Señor, é otros dos mozos pequeños sus parientes, que alli estaban, servian de copa ante ella, é ante las otras Dueñas en esta manera: avian en las manos sendos | paños blancos como suarios, é los que escanciaban el vino, echaban el vino en unas tazas pequeñas de oro, é ponianlas en sendos plateles pequeños de oro llaños; é aquellos que servian el vino iban delante, é los escanciadores atrás con sus tazas puestas en sus plateles; é quando eran á medio del camino fincaban el finojo derecho en tierra tres veces, alzandolo, é poniendolo sin se levantar de un lugar; é de sí tomaban las tazas con sus plateles, é llegaban fasta cerca de donde ella estaba, é alli tomaban las tazas con los suarios en las manos que non llegaban 166.
las manos á las tazas, é fincaban los finojos ante ella, é ante las otras

клоняли колѣна передъ нею и передъ другими женщинами бывшими тамъ, которыя должны были пить. Когда онѣ брали чаши, тѣ, которые принесли вино, оставались съ блюдцами въ рукахъ, вставали и шли назадъ, не поворачиваясь къ нимъ спиною; отошедши назадъ немного, они преклоняли правое колѣно, и оставались такъ; а когда женщины выпивали, они вставали, подходили къ нимъ, женщины ставили чаши на блюдца, которыя были въ рукахъ у служившихъ; и они возвращались, не поворачиваясь спиною. И не думайте, что это питье продолжалось не долго; оно тянулось долгое время, и при этомъ ничего не давали ѣсть. Иногда, когда служившіе стояли передъ ними съ чашами, имъ приказывали выпить; они отходили въ сторону, преклоняли колѣна, выпивали до дна, не оставляя ничего и переворачивали чашу, чтобъ она видѣла, что ничего не осталось; и тутъ каждый разсказывалъ о своихъ подвигахъ и дѣяньяхъ, чему всѣ смѣялись. На этомъ праздникѣ была и Каньо, жена царя Тамурбека. Пили то вино, то питье изъ молока. Когда угощеніе продолжалось уже довольно долго, она приказала позвать къ себѣ посланниковъ

Dueñas que alli estaban, que avian de beber. E desque ellos tomaban las tazas, los que llevaban el vino, quedaban con los plateles en las manos, é levantabanse [levantanse] é venian atrás andando, que non volvian las espaldas á ellas; é quando eran un poco arredrados dellas, fincaban el finojo derecho en tierra, é estaban asi quedos: é desque ellas avian bebido, levantabanse, é iban ante ellas, é ellas ponian las tazas en los plateles que los servidores llevaban en las manos, y tornabanse que non volvian las espaldas. E este beber non pensedes que les duró poco, mas un gran rato, é sin comer que les alli oviesen dado: é á las veces estando aquellos servidores ante ellas con sus tazas, mandabanles que bebiesen, é ellos quitabanse á fuera, é de sí fincaban los finojos, é bebian que non dexaban nada, é trastornaban la taza, porque viese ella que non quedaba nada; é alli se decian todas sus proezas é fazañas, de que réian todos. E á esta sobredicha fiesta vino Caño, la muger del Señor Tamurbec, é á las veces bebian vino, é á las veces de brebaje de leche: é desque el beber duró una gran pieza, fizo venir ante sí á los dichos señores Embajadores, é dióles á beber ella mesma con su propria mano del vino, é con el dicho·

и подала имъ вино изъ своихъ рукъ; и долго спорила съ Рюи Гонзалесомъ, чтобъ заставить его пить, потому что не хотѣла вѣрить, что онъ никогда не пьетъ вина. До того доходило это питье, что люди падали передъ нею пьяные, полумертвые; и это они считаютъ большимъ достоинствомъ, такъ какъ для нихъ не было бы ни удовольствія, ни веселья тамъ, гдѣ бы не было пьяныхъ. Сейчасъ послѣ этого принесли множество жареной конины и баранины, и другихъ кушаній, приготовленныхъ изъ соленаго мяса; они ѣли все это съ большимъ шумомъ, отнимали мясо другъ у друга и дѣлали изъ ѣды забаву. Это мясо подавалось очень быстро. Потомъ подали рисъ, приготовленный разнымъ образомъ, и хлѣбныя лепешки съ сахаромъ и зеленью; а кромѣ того мяса, что подавали въ чашкахъ, приносили еще мясо въ рукахъ на кожахъ тѣмъ, кто хотѣлъ. Эта Хансада, жена Міаша̀ Мирассы̀, та самая, что поссорила его съ отцемъ. Она происходила изъ царскаго рода и потому Тамурбекъ оказывалъ ей большой почетъ. Отъ этой Хансады у Міаша̀ Мирассы̀ есть сынъ по имени Кариль Солтанъ, которому около двадцати лѣтъ.

Ruy Gonzalez porfió una [muy] gran pieza por le facer beber vino, que non queria creer que nunca bebiera vino; é tanto fué el beber, que se caían delante della los omes beodos, sozabrados: é esto han ellos por muy gran nobleza, ca entenderian que non seria placer nin regocijo donde non oviese omes beodos. E juntamente tras esto troxieron mucha vianda en demasia de caballos asados é carneros, é otros manjares de carne adobada: é comieron todo esto con grande ruido, é unos á otros se arrebataban la carne, é facian juegos con este comer. E esta vianda se dió muy apriesa: é troxieron arroz de muchas maneras, é tortas de pan con azucar é con hierbas: é allende de la vianda que asi dieron en estos tajadores, dieron otra que troxieron [traxieron] en unos cueros con las manos, á los que la querian. E esta Hausada es muger de Miaxa Mirassa, é es la que volvió al dicho Miaxa Mirassa [Miassa Miraxa] con su padre. E esta muger vino de linage del Emperador, é por esta razon le facia grande honra el Tamurbec, é en esta Hausada tiene un fijo, á este Miaxa Mirassa 167.
[Miassa Miraxa], que llaman Caril Zoltan, que puede aver fasta veinte años.

CXIX. Въ четвергъ, девятаго числа октября мѣсяца, царь приказалъ устроить праздникъ одному своему внуку, который долженъ былъ справлять свадьбу, и пригласить посланниковъ. Этотъ праздникъ былъ данъ въ очень красивой оградѣ, наполненной множествомъ палатокъ; на него пришла Каньо, главная жена царя, и та Хансада, и другія важныя женщины и рыцари и много другихъ людей. Въ этотъ день было подано огромное количество конины и баранины, по ихъ обычаю; пили очень много вина и очень веселились; а женщины пили вино точно такъ же какъ пили его наканунѣ. Для большаго веселья царь велѣлъ объявить по всему городу Самарканду, чтобъ всѣ городскіе торговцы, мѣнялы, продавцы тканей также какъ и жемчугу и разныхъ другихъ вещей и всевозможныхъ товаровъ; повара, мясники, хлѣбники, портные и башмачники, и всякіе другіе ремесленники, какіе только были въ городѣ, собрались на поле, гдѣ стояла его орда; поставили свои палатки и продавали свои товары здѣсь, а не въ городѣ; и кромѣ того, чтобъ въ каждомъ ремеслѣ устроили игру и ходили съ нею по ордѣ, чтобъ забавлять народъ; и

CXIX. E jueves, nueve dias del dicho mes de Octubre, el Señor mandó facer una fiesta á un su nieto, que avia entonces de facer boda: á la qual mandó que fuesen los dichos señores Embajadores, la qual fiesta se fizo en una cerca muy fermosa guarnida de muchas tiendas: é á esta fiesta vino Caño, la mayor muger del Señor, é la dicha Hausada, é otras [50] grandes Dueñas é Caballeros, é otra muy mucha gente. E la vianda fué muy mucha en demasia este dia de caballos é carneros, segun su costumbre: é este dia bebieron muy mucho vino, é ficieron grande alegria; é las Dueñas bebieron asi mesmo su vino, de la manera que lo avian bebido el dia de antes. E por mayor alegria el Señor mandó pregonar por toda la ciudad de Samarcante, que todos oficiales de la ciudad, asi los que vendian paños como alxofar, é cambiadores, é todas las otras cosas é mercadurias, é cosas que podian ser; é cocineros é carniceros é panaderos é alfayates é zapateros, é todos los otros ministrales que en la dicha ciudad estaban, fuesen alli al campo donde él estaba con su Ordo, é pusiesen todas sus tiendas, é vendiesen alli lo que toviesen, é non en la ciudad. E otrosi que de cada un oficio ficiesen un juego, con que anduviesen por su Ordo,

чтобъ не смѣли уходить оттуда безъ его позволенія и приказанія. По этому объявленію всѣ торговцы вышли изъ города со всѣмъ своимъ товаромъ и съ работниками и расположились въ ордѣ, каждое ремесло въ отдѣльной улицѣ, которую раздѣлили по порядку; въ каждомъ ремеслѣ устроили свою игру, съ которой ходили по всей ордѣ и забавляли народъ. Тамъ же, гдѣ эти ремесленники поставили свои многочисленныя и разнообразныя палатки, царь велѣлъ поставить множество висѣлицъ, потому что, сказалъ онъ, онъ хотѣлъ показать на этихъ праздникахъ, что онъ умѣетъ однимъ дѣлать добро и оказывать милости, а другихъ вѣшать. Первый судъ, который онъ совершилъ, былъ надъ главнымъ алькадомъ, котораго они называютъ дина, и который былъ старшимъ человѣкомъ во всемъ Самаркандскомъ царствѣ. Онъ оставилъ его главнымъ алькадомъ въ этомъ городѣ, когда уѣзжалъ оттуда тому назадъ около шести лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ. Въ это время этотъ алькадъ, говорятъ, злоупотреблялъ своею властью. Онъ приказалъ привести его къ себѣ, и тотчасъ же велѣлъ его повѣсить и взять все, что ему принадлежало. Отъ этого суда надъ такимъ важнымъ человѣкомъ пришла въ ужасъ

porque las gentes tomasen placer, y que dende non partiesen sin su licencia é mandado: por el qual pregon salieron todos los oficiales de la ciudad, con todo lo que tenian de vender, é con sus menestriles, é poblaron el Ordo cada oficio de por sí por sus calles señaladas, que les dieron ordenadamente los de cada oficio á su parte: é de cada oficio traxeron su juego, con que andaban faciendo solaz por todo el Ordo. E á do estos dichos oficiales pusieron sus tiendas, que eran muchas é «de» diversas maneras, alli mandó el Señor facer muy muchas horcas, por quanto en aquellas fiestas que queria facer, dixo, que entendia á unos facer bien é merced, é á otros mandar enforcar. E la primera justicia que fizo fué en un su Alcal|de mayor, que ellos llaman Dina, que era el mayor ome que en todo aquel Imperio de Samarcante avia: el qual avia él dexado en aquella ciudad, quando dende partió, por su Alcalde mayor, podia aver 168.
seis años é once meses: en el qual tiempo aquel su Alcalde diz que usára mal del oficio, é mandólo venir ante sí, é luego subito mandólo enforcar, é tomar todo lo suyo. E con esta justicia deste gran ome fué toda la

вся страна, потому что этому человѣку онъ очень много довѣрялъ; тотъ же самый судъ приказалъ онъ совершить и надъ другимъ человѣкомъ, который просилъ за этого алькада. Одинъ приближенный царя, по имени Буродо Мирасса стал̀ъ просить прощенія ему и предлагалъ дать за него четыреста тысячь пезантовъ серебра, а каждый пезантъ равняется серебряному реалу. Царь согласился; но когда получилъ отъ него деньги, приказалъ пытать его, чтобъ онъ далъ еще; а когда наконецъ уже ничего не могъ взять съ него, приказалъ повѣсить его за ноги и умертвить. Кромѣ того онъ совершилъ судъ надъ однимъ важнымъ человѣкомъ, которому далъ на содержаніе три тысячи лошадей, когда уѣзжалъ изъ этой земли; а такъ какъ теперь онѣ были не всѣ въ цѣлости, то онъ приказалъ его повѣсить; и не обратилъ вниманія на то, что этотъ человѣкъ обѣщалъ возвратить ему не три тысячи, а шесть тысячь, если онъ дастъ ему время. За такое дѣло и за разныя другія царь приказалъ произвести судъ. Кромѣ того онъ велѣлъ судить нѣкоторыхъ торговцевъ за то, что до его пріѣзда они продавали мясо дороже, чѣмъ оно стоитъ. Потомъ судилъ нѣкоторыхъ башмачниковъ, сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ за то, что они продавали дорого свой товаръ, и прика-

tierra en gran espanto; por quanto era ome de quien él mucho fiaba: é otro que fablaba por este dicho Alcalde, mandó facer esa mesma justicia. E un privado del Senor, que llaman Burodo Mirassa, demandó merced al Señor por aquel, que lo perdonase, é que le daria quatrocientos mil pesantes de plata, que es cada pesante quanto un real de plata; é el Señor dixo que le placia: é desque ovo llevado [levado] dél la moneda, mandólo atormentar que diese mas; é al cabo desque non pudó dél mas aver, mandólo enforcar por las piernas fasta que murió. E otrosi fizo justicia de un gran ome, á quien dexó tres mil caballos en guarda, quando de aquella tierra partió; é porque agora non los tenia todos, mandólo enforcar: é non le valia que decia, que non tres mil, mas que le daria seis mil, si le diese espacio. E desto é de otras cosas mandó el Señor facer justicia. E otrosi mandó facer justicia de ciertos tenderos, porque avian vendido la vianda mas de quanto valia, de quando él alli llegó. Otrosi de zapateros, é borceguineros, é de otros oficiales, por quanto vendian caras

залъ взять съ нихъ деньги; горожане были этимъ очень недовольны и говорили, что онъ велѣлъ имъ выйдти изъ города со своими палатками только для того, чтобъ ихъ ограбить. У нихъ такое обыкновеніе, что когда нужно казнить знатнаго человѣка, его вѣшаютъ, а человѣку низкаго происхожденія отрубаютъ голову; и отрубить голову считаютъ они за большое зло и за оскорбленіе.

CXX. Въ слѣдующій понедѣльникъ, тринадцатаго числа октября мѣсяца, царь приказалъ устроить большой праздникъ и пригласить на него посланниковъ. Приблизившись къ тому большому павильону, куда царь выходилъ кушать и гдѣ онъ сидѣлъ съ гостями, посланники увидали, что возлѣ него стояло еще двѣ ограды съ палатками, такія же, какъ тѣ, что я вамъ описалъ, только и ограды, и палатки въ нихъ, и ткани на нихъ, все было гораздо богаче и драгоцѣннѣе, чѣмъ въ другихъ, которыя были поставлены прежде; и хотя и прежнія были окружены оградою, однако въ нихъ нечего было смотрѣть при этихъ. Одна изъ этихъ оградъ была изъ краснаго ковра вышитаго прекрасной вышивкой изъ золотыхъ нитокъ разными красивыми узорами и разводами; стѣна

las cosas, mandó llevar dellos cierta moneda, é por esto se rescelaban los de la ciudad, que non les avia fecho salir fuera con sus tiendas, si non por les mandar robar: é la su usanza dellos es de quando facen justicia de algun ome de honra | mandarlo [mandalo] enforcar, é del ome de baxo estado degollar; é quando alguno deguellan, tienenlo á gran mal, é á valdon lo han ellos.

CXX. E [el] lunes siguiente, que fueron trece dias del dicho mes de Octubre, el señor Tamurbec fizo una fiesta, é mandó llevar á los dichos señores Embajadores á ella; é quando los dichos señores Embajadores fueron cerca del gran pavellon donde el Señor salia á comer, é estaba con la gente, fallaron que acerca dél estaban armadas otras dos cercas con sus tiendas, como las otras que vos he contado, salvo que ellas é las tiendas que en ellas estaban, é los paños dellas eran muy ricos, é mas preciados que ninguna de las otras que antes estaban armadas. E como quiera que las de antes fuesen cercadas, non tenian que ver con estas; ca 169.
la una destas cercas era una de tapete cremesin [clemesin], é broslado de muy fermosas brosladuras de filo de oro tirado á muchos é muy fermosos

ограды была выше, чѣмъ въ тѣхъ, которыя были прежде поставлены; входъ былъ также выше и сдѣланъ аркой, со сводомъ и точно съ главой на верху арки; эта арка и глава были прекрасно вышиты золотомъ. На верху, надъ дверью, стояла четырехъугольная башня съ зубцами изъ такого же ковра и съ такой же отдѣлкой, какъ дверь; и вся ограда была кругомъ украшена зубцами изъ такого же ковра съ такою же вышивкой. Кромѣ того, на стѣнахъ были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы окна съ узорами, вышитыми по ткани шелковыми шнурками; эти окошки затворялись дверцами изъ такого же ковра. Внутри въ оградѣ было поставлено много богатыхъ, красивыхъ и разнообразныхъ палатокъ. Сейчасъ возлѣ этой ограды стояла другая изъ бѣлаго сетуни, безъ отдѣлки, также со входомъ и окошками, какъ и другая; а внутри въ ней были также разнообразныя палатки. Въ этихъ двухъ оградахъ были двери, чтобъ проходить изъ одной въ другую. Въ этотъ день посланники не входили осматривать эти ограды, потому что царь давалъ пиръ подъ большимъ павильономъ;

lazos é maneras bien fermosas de ver: é la pared desta cerca era mas alta que non eran las otras que de antes estaban armadas, é la portada era otrosí mas alta, é era fecha en arco, con una boveda é con uno como cabo encima del arco: é esto arco é cabo era broslado de fermosas maneras de filo de oro tirado, é las puertas eran otrosi de tapete, é broslado con el dicho filo de oro; é encima de la portada estaba una torre quadrada con almenas del dicho tapete; é de la obra mesma de la portada: é la dicha cerca era toda al derredor almenada con almenas otrosi del dicho tapete é brosladas. Otrosi en las paredes avia á trechos unas ventanas con lazos fechos en el dicho paño de unas cuerdas de seda; é las quales | ventanas tenian unas puertas, con que se cerraban, del dicho tapete: é dentro en esta dicha cerca avia tiendas armadas muy ricas é fermosas de muy muchas maneras. E luego junto con esta dicha cerca estaba otra que era de un paño de setuni blanco sin labores, otrosi con su portada é ventanas segun esta otra, é dentro en ella avia tiendas de muchas maneras; é estas dos cercas avian puertas que se pasaban la una á la otra. E este dicho dia los dichos señores Embajadores non entraron en estas dichas cercas á las ver, por quanto el Señor facia su fiesta so el

но на другой день имъ были показаны эти двѣ ограды, и палатки, и все, что въ нихъ было. Передъ этими двумя оградами былъ поставленъ большой павильонъ, такой же, какъ тотъ, въ которомъ царь обѣдалъ, изъ бѣлой шелковой ткани; внутри и снаружи его были разноцвѣтныя ткани съ разводами и завитками вышитыми на нихъ. Въ этотъ день посланниковъ помѣстили подъ навѣсомъ, вдали отъ большого павильона, возлѣ котораго онъ былъ поставленъ прежде. Поле возлѣ царскихъ палатокъ и павильона было окружено бочками вина, поставленными одна отъ другой на такомъ разстояніи, какъ можно бросить камень, и такъ шли онѣ вокругъ всего этого мѣста, на протяженіи полулиги. Ближе этихъ бочекъ никто не смѣлъ подойдти къ большому павильону; потому что тутъ ѣздили сторожа верхомъ съ луками, стрѣлами и дубинами въ рукахъ; и кто проходилъ за рядъ бочекъ, въ того пускали стрѣлы или били дубинами такъ, что нѣкоторыхъ пришлось вынести за ворота полумертвыми; и это дѣлали со всякимъ, кто бы онъ ни былъ. По всему полю стояло много народу и ждало, когда выйдетъ царь и пройдетъ къ боль-

gran pavellon; pero despues otro dia les fué mostrado estas dichas dos cercas, y las tiendas é cosas que en ellas estaban. E ante estas dichas dos cercas estaba armado un pavellon grande, segun el otro grande pavellon donde el Señor solia comer, é de un paño blanco de seda: lo de fuera dél é lo de dentro eran paños de muchas colores, é lazos é travamientos [travamentos] que en él eran fechos. E á los dichos Embajadores llevaron este dia so una sombra, que estaban lexos del pavellon grande, donde antes lo solian poner; é el campo, que era cerca de sus tiendas del Señor é pavellon, estaba cercado de tinajas de vino, que eran puestas á trecho una ante otra, quanto ome lanzaria una piedra, que cerraban todo el campo en derredor quanto media legua: é destas tinajas adelante fácia el gran pavellon non osaba ome pasar, ca andaban unos omes á caballo por guardas, que traían sus arcos é flechas con mazas en las manos; é 170.
si alguno pasaba de las tinajas adelante, lanzabanles con las flechas; ó con aquellas mazas que traían, dabanles tales golpes, que algunos dellos echaban [51] fuera por las puertas por muertos; é esto facian á qualquier persona que fuese; é por todo el campo estaba muy mucha gente espe-

шому павильону. Возлѣ этого павильона стояло много навѣсовъ и подъ каждымъ навѣсомъ была огромная бочка съ виномъ; эти бочки были такъ велики, что въ нихъ помѣстилось бы мѣръ пятнадцать вина. Когда посланники пробыли тутъ довольно долгое время, имъ велѣли встать и сказали, что они должны идти принести привѣтствіе одному царскому внуку, который наканунѣ пріѣхалъ изъ Малой Индіи, гдѣ, говорятъ, онъ былъ царемъ; Тамурбекъ посылалъ сказать, чтобъ онъ пріѣхалъ навѣстить его, такъ какъ уже прошло семь лѣтъ, что онъ его не видалъ. Этотъ внукъ царя былъ сынъ самагó старшаго сына его, перваго, какой у него былъ, уже умершаго, котораго звали Янгиръ; говорятъ, что онъ очень любилъ этого сына, и изъ-за него любилъ и внука; а внука этого звали Пиръ Магомадъ. Посланники отправились къ нему и застали его въ палаткѣ изъ краснаго сукна; онъ сидѣлъ на возвышеніи и передъ нимъ стояло много рыцарей и много народу. Когда посланники подошли къ палаткѣ, къ нимъ вышли двое изъ этихъ рыцарей, взяли ихъ за руки и заставили ихъ преклонить колѣна; потомъ провели ихъ немного дальше и снова

rando, quando el Señor saldria, é vernia so el gran pavellon. E acerca deste dicho pavellon estaban muy muchas sombras armadas, é so cada sombra estaba una muy gran tinaja de vino; las quales dichas tinajas podrian ser tan grandes que cabrian fasta quince cantaras de vino. Desque los dichos señores Embajadores estovieron asi una gran pieza, levantaronlos de donde estaban, é dixeronles que fuesen facer reverencia á un nieto del Señor, que un dia antes avia venido de la India menor, donde decian que era Señor que el dicho señor Tamurbec avia enviado por el, que lo viniese á ver, que avia siete años que lo non avia visto. E este sobredicho nieto del Señor era fijo del su fijo mayor el primero que ovo, que era muerto, que ovo nombre Ianguir; al qual diz que queria mucho, é á este su nieto queria mucho por amor del fijo: é este su nieto avia nombre Piyr Mahomad. E los dichos señores Embajadores fueronlo ver, é falláronlo en una tienda de un tapete colorado, é estaba sentado en un estrado llano, é ante él estaban muchos Caballeros é gente que estaba en pie. E desque los dichos Embajadores fueron cerca de la tienda, vinieron á ellos dos de aquellos Caballeros, é tomaronlos por los brazos, é ficieron-

заставили преклонить колѣна. Вошедши въ палатку, они принесли ему привѣтствіе, которое состояло въ томъ, чтобы склонить правое колѣно, сложить руки на груди крестомъ и наклонить голову; потомъ рыцари, которые привели ихъ, подняли ихъ, отошли немного въ сторону, и затѣмъ увели ихъ прочь. Этотъ царскій внукъ былъ одѣтъ очень нарядно по ихъ обычаю; на немъ было платье изъ голубого сетуни съ золотымъ шитьемъ въ родѣ колесъ: по колесу на плечахъ, на груди и на рукавахъ; шляпа на немъ была украшена крупнымъ жемчугомъ и каменьями, а на верху ея былъ очень яркій рубинъ. Народъ, который стоялъ передъ нимъ, приносилъ ему привѣтствія очень торжественно. Передъ нимъ стояло два борца, одѣтые въ кожаныя одежды, сдѣланныя какъ куртки безъ рукавовъ; они боролись и не могли повалить другъ друга. Онъ приказалъ сказать, чтобъ они непремѣнно повалили другъ друга; наконецъ одинъ изъ нихъ поборолъ другого, и поваливъ его, долго не давалъ подниматься; и всѣ говорили, что если онъ поднимется, то ему не зачтется то что онъ упалъ. Въ этотъ день всѣ посланники, которые тамъ были, приходили приносить привѣтствіе

les fincar los finojos en tierra, é llevaronlos un poco delante, é ficieronlos otra vez fincar los finojos: é desque fueron con él en la tienda, ficieronle su reverencia, que era esta, fincar el finojo derecho en tierra, é poner los brazos en cruz ante | los pechos, y enclinar la cabeza; é de sí los Caballeros que los llevaban, levantaronlos, é departieron un poco con ellos, de sí tornaronlos á fuera. E esto nieto del Señor estaba muy guarnido segun su usanza, tenia vestidos unos vestidos de setuni [seytuni] azul con unas brosladuras de oro como ruedas unas en las espaldas, é entre los pechos, é en las mangas; é tenia un sombrero que estaba guarnido de alxofar bien grueso é de piedras, é encima tenia un balax muy claro, é la gente que 171.
ante él estaba, le facian grandes reverencias é solemnidad; é ante él estaban dos omes luchando, los quales tenian vestidas sendas vestiduras de cuero, fechas como jubones sin mangas, de que se travaban, é non se podian derrocar el uno al otro: é mandóles que se derrocasen, ó qué facian; é derrocó el uno al otro; é desque lo derrocó, tovolo un gran rato que se non lelantó: é decian todos que si se levantára, que le non fuera contada la caída. E este dia vinieron todos los Embajadores que alli eran,

этому внуку Тамурбека. Ему было около двадцати двухъ лѣтъ, онъ былъ смуглый и безъ бороды. Говорятъ, что онъ называлъ себя царемъ малой Индіи, но это неправда; потому что тотъ, который теперь царь и настоящій владѣтель Индіи — христіанинъ и зовутъ его Н., какъ это было разсказано посланникамъ.

CXXI. У главнаго города Индіи, который называется Деліесте, между царемъ Индѣйскимъ и Тамурбекомъ было сраженіе, на которое Индѣйскій царь привелъ много войска и около пятидесяти вооруженныхъ слоновъ, которыхъ мы называемъ marfiles. Въ первой битвѣ Тамурбекъ былъ побѣжденъ царемъ Индѣйскимъ изъ за этихъ слоновъ. На слѣдующій день они снова начали сраженіе; царь Тамурбекъ велѣлъ привести много верблюдовъ, нагрузить ихъ сѣномъ и поставить противъ слоновъ; когда начали сражаться, онъ приказалъ зажечь солому, и слоны, увидавъ противъ себя горящихъ верблюдовъ, обратились въ бѣгство. Говорятъ, что слоны очень боятся огня, потому что у нихъ маленькіе глаза. Такимъ образомъ царь Индѣйскій былъ побѣжденъ. Тамурбекъ завоевалъ отъ этого царя Индѣйскаго всю

á facer reverencia á este sobredicho nieto del senor Tamurbec, el qual podia aver fasta veinte y dos años; é era bazo é sin barbas, é decian que se llamaba Señor de la India menor; é non decian verdad, ca el que agora es Rey é Señor natural de la India es Christiano, é ha nombre N. segun á los dichos Embajadores fué contado.

CXXI. E á la mayor ciudad de la India, que se llama Delieste, el Señor desta India é el Tamurbec ovieron en uno batalla: á la qual el Señor de la India troxo mucha gente, e traía fasta cincuenta elefantes armados, que nosotros decimos marfiles; é á la primera batalla el dicho Tamurbec fué vencido del Señor de la India por ocasion de sus marfiles. E otro dia siguiente tornaron á su batalla: é el Señor Tamurbec fizo tomar mucho camello, é cargólos de mucha hierba seca, é ponerlos en derecho de los marfiles; é quando fueron á pelear mandó poner fuego á la paja, é quando los marfiles veyeron contra sí los camellos ardiendo, foyeron. E diz que los marfiles han mucho miedo del fuego, por quanto han los ojos muy pequeños; é por esta ocasion fué el Señor de la India vencido. E el Tamurbec ganó de este Señor de la In-

плоскую землю, которою онъ владѣлъ и которая граничила съ царствомъ Самаркандскимъ. Большая часть Индѣйской земли гористая страна; однако, говорятъ, въ ней много большихъ городовъ и селеній и она очень богатая. Когда царь Индѣйскій былъ побѣжденъ, онъ бѣжалъ въ эти горы и собралъ новое войско; но Тамурбекъ не захотѣлъ его ждать, созвалъ свое войско и воротился на равнину; царь же Индѣйскій не захотѣлъ идти за нимъ. Этой равниной, которую тогда завоевалъ Тамурбекъ, теперь владѣетъ этотъ внукъ Тамурбека до самаго города Гормеса, большого и богатаго города; лучшая же и большая часть Индіи осталась во власти царя ея. Эта битва была между ними тому назадъ лѣтъ двѣнадцать, немного больше или меньше, и съ тѣхъ поръ ни Тамурбекъ, ни внукъ его уже не пытались вступать въ Индію. А Индѣйцы, царь Индѣйскій и большая часть жителей ея христіане Греческаго исповѣданія; между ними есть иные христіане, которые обозначаются огнемъ на лицѣ и имѣютъ не такія понятія, какъ другіе; но эти, которые обозначаются огнемъ, не такъ важны, какъ другіе; между ними

dia toda la tierra llana que él tenia, que comarcaba con el su Imperio de Samarcante, é la tierra de la India, é lo mas della es montaña é tierra muy fragosa; pero diz que es muy poblada de muchas ciudades grandes é de villas, é tierra muy rica. E desque el Señor de la India fué vencido, acogióse á aquellas montañas, é ayuntó otra vez hueste, é el Tamurbec non lo quiso esperar; antes diz que acogió su gente é tornose á los llanos, é el Señor de la India non quiso ir tras él; é desta tierra llana, que entonces le ganó, es Señor este nieto del Tamurbec, fasta en la ciudad de Hormes, que es una gran ciudad é rica; pero lo mas é mejor de la India 172.
quedó é tiene el Señor della. E esta batalla que en uno ovieron, decian que podia aver fasta doce años, poco mas ó menos; é que despues el dicho Tamurbec nin este su nieto nunca se trabajaron de entrar en esta India: y los desta India son Christianos, el Señor y los mas dellos, á la manera de los Griegos: é entre ellos ay otros Christianos que se señalan de fuego en el rostro, é han opinion otra que non los otros; pero estos que se asi señalan de fuego, son menos preciados que los otros: é entre ellos vi|ven

живутъ также Мавры и Іудеи, но они подчинены христіанамъ.

CXXII. Посланниковъ увели оттуда и посадили ихъ тамъ, гдѣ они сидѣли прежде. Тамъ они остались до полудня, когда царь вышелъ изъ своихъ палатокъ и пришелъ въ большой павильонъ. Онъ приказалъ привести къ себѣ посланниковъ и разныхъ своихъ родственниковъ, и другихъ многихъ бывшихъ тамъ посланниковъ, пріѣхавшихъ изъ различныхъ странъ; и они всѣ сѣли съ нимъ въ этомъ павильонѣ, какъ прежде. Въ этотъ день было устроено много разныхъ игръ; и кромѣ того раскрасили слоновъ, которые были у царя, зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ и на разные другіе лады, поставили на нихъ бесѣдки и дѣлали съ ними большія представленія. Частью отъ этихъ представленій, частью отъ барабановъ, на которыхъ играли во время ихъ, былъ такой шумъ, что на удивленье. Въ павильонѣ, гдѣ былъ царь, было также много музыкантовъ, которые играли. Кромѣ того, передъ царемъ стояло на землѣ около трехъ сотъ кувшиновъ съ виномъ; кромѣ этого, было два треножника, составленныхъ изъ трехъ красныхъ кольевъ, и на каждомъ изъ

Moros é Judios, pero son subjetos à los Christianos.

CXXII. E á los dichos señores Embajadores llevaron de aqui, é asentaronlos onde primero estaban, é estovieron alli fasta hora de medio dia que el Señor salió de sus tiendas, é vino so el gran pavellon: é fizo venir ante si á los dichos señores Embajadores, é á otra muy gran gente de sus parientes, é otros muchos que ahí estaban Embajadores de muchas partes que alli eran venidos; é asentaronse con él so el dicho pavellon, segun que antes solian: é este dia ficieron muchos juegos de muchas maneras: é otrosi los marfiles que alli tenia el Señor, pintaronlos verdes é colorados, é de otras muchas maneras, é con sus castillos, é ficieron grandes juegos con ellos; é lo uno de estos juegos, é lo otro de muchos atabales que tañian, facian á tan gran ruido, que era una gran maravilla: é so el pavellon, onde el dicho Señor estaba, avia muchos juglares que tañian. Otrosi ante el Señor estaban alli fasta trescientas jarras de vino puestas en el suelo: é otrosi avia dos como forcas de tres maderos colorados, é de cada uno dellos estaba un cuero muy grande lleno de natas è leche de yeguas, é omes con unas varas en las

нихъ были большія кожи, полныя кобыльяго молока и сливокъ; люди мѣшали это молоко палками и клали въ него куски сахару; это дѣлалось для того, чтобы пить въ этотъ день это молоко. Когда весь народъ былъ въ порядкѣ на своихъ мѣстахъ, изъ одной изъ оградъ, стоявшихъ около павильона, вышла Каньо, старшая жена царя, которая должна была прійдти на праздникъ къ царю. Она пришла одѣтая такимъ образомъ: на ней было платье изъ красной шелковой ткани, вышитой золотомъ, широкое и длинное, волочившееся по землѣ; въ немъ не было рукавовъ и никакихъ отверстій кромѣ того, въ которое проходила голова, и проймъ, сквозь которыя просовывались руки; оно было просторное и безъ всякаго вырѣза у пояса, а только очень широкое внизу; и подолъ его несли около пятнадцати женщинъ, поднимая его къ верху для того, чтобъ она могла идти. У нея на лицѣ было столько бѣлилъ и чего то другого бѣлаго, что оно казалось точно бумажное; это накладывается противъ солнца, и когда отправляются въ путь зимою или лѣтомъ, всѣ женщины что познатнѣе ѣдутъ съ такими лицами. Лице на ней было завѣшено тонкою бѣлою тканью; а на головѣ точно шлемъ изъ

manos que mecian aquella leche, é echaban en ella muchos panes de azucar; é esto facian ellos para beber aquel dia alli. E estando asi toda la gente muy ordenada, de una de las cercas, que cerca del dicho pavellon estaban, salió Caño [Cañon] la mayor muger del Señor, que avia de venir alli á la fiesta ante el Señor, é venia apostada desta manera: traía una vestidura de un paño de seda colorado con labores de oro, ancha é luenga que arrastraba por el suelo, [52] y non tenia mangas, nin avia otra abertura salvo por do metia la cabeza [babeza] é unas sobaqueras por do sacaba las manos, é era trasgolada, y non avia talle ninguno, salvo que era muy ancha 173.
ayuso, é de aquella vestimenta venian travadas fasta quince Dueñas, que se la alzaban fasta arriba, porque pudiese andar: é ella traía en la cara tanto albayalde, ó otra cosa blanca, que non parescia si non como un papel; é esto se pone por el sol, ca quando van camino en tiempo de hibierno é de verano, todas las Dueñas van tales las caras, aquellas que son grandes señores; é ante el rostro traía un paño blanco delgado, é en la cabeza traía una como cimera de un paño colorado, que parescia de las con que justan, que le descendia del paño un poco por las espaldas: é esta dicha

красной ткани, похожій на тѣ, въ которыхъ сражаются, и эта ткань спускалась ей немного на плечи; этотъ шлемъ былъ очень высокъ и на немъ было много крупнаго, свѣтлаго и круглаго жемчугу, много рубиновъ и бирюзы и разныхъ другихъ каменьевъ, очень красиво вставленныхъ; то, что спускалось на плечи, было вышито золотомъ, а на верху былъ очень красивый вѣнокъ изъ золота, въ которомъ было много каменьевъ и очень крупнаго жемчугу. Надъ шлемомъ была точно маленькая бесѣдка, и въ ней было вставлено три рубина, каждый шириною въ два пальца, можетъ быть не много больше или меньше, ясные и чрезвычайно красивые, съ сильнымъ блескомъ. На верху былъ бѣлый султанъ въ локоть вышиной, и съ этого султана нѣкоторыя перья спускались внизъ, иныя до лица, и доставали даже до самыхъ глазъ. Эти перья были связаны вмѣстѣ золотой ниткой, на концѣ которой была бѣлая кисть изъ птичьихъ перьевъ съ каменьями и жемчугомъ; и когда она шла, этотъ султанъ раскачивался въ разныя стороны. Ея волосы были распущены по плечамъ; они были очень черны, такъ какъ они цѣнятъ черные волосы выше всѣхъ другихъ и даже красятъ ихъ, чтобъ сдѣлать черными. Этотъ шлемъ поддер-

cimera era bien alta arriba, é en ella avia muy mucho alxofar muy grueso é claro redondo, é otrosi muchas piedras balaxes é turquesas, é otras muchas maneras bien puestas; é eran las faldas brosladas de filo de oro tirado, é encima della traía una fermosa guirnalda de oro, en que avia muy muchas piedras é alxofar muy grueso; é encima de la dicha cimera traía uno como castillejo, en que estaban tres balaxes tan anchos como dos dedos, poco mas ó menos cada uno, muy claros é fermosos que lucian mucho, é encima traía un plumage blanco tan alto como un codo; é deste plumage descendian plumas fácia ayuso, é las unas dellas descendian fácia el rostro, que le llegaban fasta en par de los ojos: é eran aquestas plumas atadas en uno con filos de oro, é al cabo avia una borla blanca de plumas de aves, en | que avia alxofar é piedras; é como andaba, meciase aquel plumage á una parte é á otra; é por las espaldas traía los cabellos esparcidos, é eran muy negros, ca ellos se pagan mucho de cabellos negros antes que de otra color, é tiñenlos por los facer negros: é á la dicha cimera le venian teniendo con las manos muchas Dueñas, é venian con el-

живало руками много женщинъ. Съ нею шло около трехъ сотъ женщинъ. Надъ нею несли навѣсъ, который держалъ одинъ человѣкъ на палкѣ въ родѣ копья; онъ былъ изъ бѣлой шелковой ткани, сдѣланъ точно верхушка круглой палатки и натянутъ на скругленномъ деревянномъ прутѣ; этотъ навѣсъ несли надъ нею, чтобъ ее не безпокоило солнце. Впереди ея и женщинъ, шедшихъ съ нею, шло много евнуховъ, т. е. кастратовъ, которые у нихъ смотрятъ за женами. Такимъ образомъ она пришла къ тому павильону, гдѣ находился царь, и сѣла на возвышеніи возлѣ царя Тамурбека, немного сзади него; передъ нею было нѣсколько матрасовъ, положенныхъ одинъ на другой; всѣ женщины, которыя сопровождали ее, сѣли за павильономъ. Тамъ гдѣ она сѣла, возлѣ нея стали три женщины, которыя поддерживали руками ея шлемъ, чтобы онъ не упалъ на какую нибудь сторону. Когда она сѣла, изъ другой ограды вышла другая жена царя; она была одѣта такъ же, какъ эта, въ такомъ же красномъ платьѣ, въ такомъ же шлемѣ; шла съ такой же обстановкой и съ такими же церемоніями какъ первая, и въ сопровожденіи множества женщинъ; она пришла въ царскій павильонъ и сѣла

la fasta trecientas; é encima della le traían una sombra, que llevaba un ome en un hasta como de lanza, é era de un paño de seda blanco, fecho como copa de tienda redonda, é faciala venir estendida un arco de madera redondo; é esta sombra se le traía encima, porque le non diese el sol. E delante della é de las Dueñas que con ella iban, venian muchos Eunucos, que son sus castrados que guardan las mugeres: è desta manera vino
so el dicho pavellon á do el Señor estaba, é fuese á sentar a cerca del 174.
Senor Tamurbec, un poco arredrada en un estrado llano; é delante della estaban unos almadraques puestos unos encima de otros, é todas las Dueñas que con ella iban, se asentaban tras el dicho pavellon: é alli do ella estaba asentada le tenian la sobredicha cimera tres Dueñas de aquellas con las manos, que se le non fuese á una parte nin á otra. E desque fué asentada, de otra de las dichas cercas salió otra muger de las del Señor: la qual venia apostada segun esta otra, con tales vestimentas coloradas, [e] con tal cimera: é con tales aparejos, é con tales cerimonias como la primera, é con ella muchas Dueñas; é de sí vino so el pavellon ante el Señor, é asentóse en un estrado un poco mas baxo [abaxo] que la otra: é á esta mu-

на возвышеніи, которое было немного ниже перваго; эту жену царя звали Кинчикано, и она была второй женой. Изъ другой ограды съ палатками вышла другая жена царя, точно такъ же, какъ первыя, и сѣла въ павильонѣ, немного пониже, чѣмъ вторая. Такимъ образомъ къ царю пришло девять женъ, всѣ одѣтыя и убранныя одна какъ другая; восемь изъ нихъ были жены его самого, а одна жена его внука. Жены царя назывались такими именами. Главная изъ нихъ называлась Каньо, т. е. великая царица или госпожа; эта Каньо была дочь царя, владѣвшаго Самаркандомъ и всей землей даже съ Дамаскомъ въ Персіи; его звали Ахинханъ; мать этого царя знали, а отца не знали; онъ былъ очень счастливъ въ войнахъ и сдѣлалъ много постановленій и законовъ, которыми еще и теперь управляется то царство. Другую жену звали Кинчикано, т. е. малая царица; она была дочь одного царя, по имени Туманга, который царствовалъ въ землѣ, называющейся Андрикоя. Третью жену звали Дилеольтагана; слѣдующую—Чольпамалага; потомъ Мундасага; еще одну—Венгарага, другую—Ропа Арбарага, а послѣднюю Яугуяга, что на ихъ языкѣ значитъ царица

ger del Señor decian Quinchicano [Quihicano], que era la | muger segunda. E de otra cerca é tiendas salió otra muger del Señor que venia segun las otras, é vino á sentarse so el pavellon, un poco mas baxo que la otra: é desta vinieron ante el Señor este dia nueve mugeres, asi guarnidas é vestidas las unas como las otras; é las ocho de estas eran mugeres dél, é la una de un su nieto. E las mugeres del Señor avian estos nombres: La mayor dellas avia nombre Caño [Cañon], que quiere decir Reyña, ó señora grande: é esta Caño fué fija de un Emperador, que fué Señor de Samarcante é de toda su tierra, con la Persia en Damasco, é avia nombre Ahincan: é á este Emperador supieronle madre, é non le supieron padre; é fué muy aventurado en batallas, é fizo muchos ordenamientos é leyes, por do hoy dia se rigen en este Imperio. E á la otra su muger decian Quinchicano, que quiere decir la señora pequeña: é fué fija de un Rey que decian Tumanga, Rey que fué de una tierra que dicen Andricoja. E á la otra decian Dileoltagana: é á la otra Cholpamalaga: é á la otra decian Mundasaga: é á la otra Vengaraga: é á la otra Ropa arbaraga: é á la otra Yauguyaga, que quiere decir en su lengua, Reyna del corazon; é con

сердца; на этой Тамурбекъ женился въ прошломъ мѣсяцѣ августѣ и далъ ей это имя. Когда всѣ усѣлись въ порядкѣ, начали пить, и это продолжалось довольно долго; царскимъ женамъ подавали вино и кобылье молоко, которое тутъ же приготовляли, такимъ же образомъ, какъ подавали въ палаткахъ когда Хансада давала пиръ, какъ я уже вамъ разсказывалъ. Въ этотъ день царь приказалъ позвать къ себѣ посланниковъ, взялъ въ руки чашу вина и подалъ магистру, потому что онъ уже зналъ, что Рюи Гонзалесъ не пьетъ вина. Тѣ, которые пили изъ рукъ царя, дѣлали такіе поклоны: прежде чѣмъ подойдти, склоняли одинъ разъ правое колѣно, потомъ подходили ближе, преклоняли предъ нимъ оба колѣна; брали изъ рукъ его чашу, вставали и отходили немного назадъ, но не поворачиваясь спиною; становились на колѣна и пили; и не должны были оставлять ничего въ чашѣ, потому что это считается неприличнымъ; выпивши, вставали и касались рукою лба. Каждаго изъ посланниковъ брали подъ руки два рыцаря и не оставляли ихъ, пока не приводили опять на то мѣсто, гдѣ они должны были стоять; а людей посланниковъ помѣстили подъ навѣсомъ, который

esta cazó el Tamurbec este mes de Agosto que agora pasó, é pusole este nombre. E desque fueron asentados todos ordenadamente, encomenzaron en el beber, que duró una gran pieza: é á las mugeres del Señor daban á beber del vino é de la leche de yeguas que alli adobaban, segun vos he dicho que le daban en las dichas tiendas, quando Hausada fizo el combi- 175.
te: é este dia el Señor fizo ir ante sí á los dichos Embajadores, é tomó una taza de vino en la mano, é dió á beber al Maestro, que ya sabia que Ruy Gonzalez non lo bebia; é los que | bebian de mano del Señor, facian estas reverencias: antes que ante él llegasen fincaban el finojo derecho en tierra una vez, é de sí iba adelante, é fincaban los finojos amos á dos ante él; é tomaban la taza de su mano, e levantabanse é tornaban atrás un poco, que non volvian las espaldas, e fincaban los finojos é bebian, que non avian de dexar nada en la taza, que lo han por mal; é desque avian bebido, levantabanse, é tocaban con la mano en la frente. E á los dichos Embajadores llevaban á cada uno dos Caballeros por los sobacos, que los non dexaban fasta que los tornaban alli donde avian de estár: é á los omes de los dichos Embajadores pusieron so una sombra que cerca del gran pavel-

былъ возлѣ большого павильона. Возлѣ этого павильона было кромѣ того поставлено много палатокъ и навѣсовъ, и въ нихъ были посланники, присланные къ царю, которые не имѣли права быть въ павильонѣ вмѣстѣ съ царемъ. Подъ каждымъ навѣсомъ стояла бочка вина, изъ которой пили тѣ, которые были тамъ; а людямъ посланниковъ царь приказалъ отнести два изъ тѣхъ кувшиновъ, что стояли передъ нимъ.

CXXIII. Передъ царемъ были поставлены столбы съ веревками, на которые люди лазили и дѣлали разныя представленія. Слоновъ у царя было четырнадцать; на каждомъ изъ нихъ была поставлена деревянная бесѣдка, покрытая шелковой тканью, съ четырьмя желтыми и зелеными флагами на каждой; въ бесѣдкахъ было по пяти и по шести человѣкъ, и кромѣ того на шеѣ у каждаго слона по человѣку съ желѣзнымъ прутомъ въ рукахъ, который заставлялъ его бѣгать и дѣлать представленія. Эти слоны чернаго цвѣта; на нихъ нѣтъ шерсти нигдѣ, кромѣ хвоста, а хвостъ у нихъ такой, какъ у верблюда, только съ нѣсколькими волосками. Они очень большого роста, какъ четыре или пять большихъ быковъ; нехорошо сложены, безъ всякаго пояса, точно

lon estaba. E otrosi cerca del gran pavellon estaban muchas tiendas armadas e sombras, en que estaban Embajadores que al Señor venian, que non eran pertenecientes para estar so el pavellon con el Señor: é so cada sombra estaba una tinaja de vino, de que bebian los que alli estaban; é de las jarras que ante el Señor estaban, mandó enviar dos dellas á los omes de los dichos Embajadores.

CXXIII. Ante el Señor avia unos maderos é cuerdas de que trepaban é facian juegos omes, é los marfiles que el Señor tenia, eran catorce, é traían cada uno un castillo de madera encima, que eran cubiertos de un paño de seda, é en cada uno quatro pendones amarillos é verdes, é en cada castillo cinco ó seis omes, é en el pescuezo de cada uno un ome con un focino en la mano, que les facia correr é facer juegos: é los dichos marfiles eran negros, é non han pelo ninguno salvo en la cola, la qual han como camello, con unas pocas de sedas, é eran grandes de cuerpo, que podian ser como qua[53]tro ó cinco toros grandes; é el cuerpo han mal fecho, sin talle como un gran costal que estoviese lleno, é las cintas han derrocadas

огромный мѣшокъ, наполненный чѣмъ-нибудь; нижняя часть ноги у нихъ раздѣленная, какъ у буйвола, ноги очень толстыя и прямыя, ступня круглая, мясистая, и на ней пять пальцевъ съ ногтями какъ у человѣка, только черными; шеи нѣтъ, а на самыхъ плечахъ, которыя у него очень велики, сидитъ голова; онъ не можетъ опустить голову внизъ и не можетъ достать ртомъ до земли; уши у него очень большія, круглыя и зубчатыя, а глаза маленькіе; за ушами сидитъ всадникъ, который правитъ имъ съ помощью желѣзнаго прута въ рукахъ и заставляетъ его идти, куда надо. Голова у него очень большая, похожая на ослиное вьючное сѣдло; на верху головы углубленіе; отъ головы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть носъ, идетъ внизъ хоботъ, очень широкій вверху и съуживающійся къ низу, похожій на рукавъ, который доходитъ до земли; этотъ хоботъ пустой внутри, и съ помощью его слонъ пьетъ: когда онъ хочетъ пить, онъ опускаетъ его въ воду и пьетъ имъ, и вода идетъ въ ротъ какъ черезъ ноздри: съ помощью этого же хобота онъ пасется, такъ какъ не можетъ доставать пищу ртомъ, потому что не можетъ опуститься; когда онъ хочетъ ѣсть, онъ наворачиваетъ траву на этотъ хоботъ, тянетъ и отрываетъ ее, какъ

facia ayuso como bufano, é las piernas muy gruesas é parejas, é el pie redondo todo carne, é tiene cinco dedos en cada uno con sus uñas como de ome negras, é non han pescuezo ninguno, salvo luego en las agujas, que las ha muy grandes; tiene la cabeza apegada, é non puede abajar la ca- 176.
beza ayuso, nin puede llegar la boca á tierra: è han las orejas muy grandes é redondas é farpadas, é los ojos pequeños: é tras las orejas va un ome caballero que lo guia con un focino en la mano, é le face andar á do quiere: é la cabeza ha muy grande, fecha como una albarda de asno pequeña, é encima de la cabeza ha un foyo, é de la cabeza se sigue ayuso, do ha de tener la nariz, una como trompa que es muy ancha arriba, é angosta ayuso todavia, mas como manga que le llegaba fasta el suelo; é esta trompa es foradada, é por ella bebe; quando ha gana, metela en el agua è bebe con ella, é vále el agua á la boca asi como si le fuese por las narices: otrosi con esta trompa pace, ca non puede con la boca, que se non puede abajar; é toma en esta trompa, quando quiere comer, é revuelvela á la hierba, è tira é siegala con ella, como si fuese un focino, é

ножемъ, потомъ набираетъ ее въ хоботъ, поворачиваетъ хоботъ, кладетъ ее въ ротъ и ѣстъ. Этимъ хоботомъ онъ поддерживается, и никогда не оставляетъ его въ покоѣ, а постояннно извиваетъ, какъ змѣю; этотъ же хоботъ онъ забрасываетъ на спину, и нѣтъ мѣста на его тѣлѣ, куда бы онъ не могъ достать имъ. Подъ хоботомъ находится ротъ; челюсти у него, какъ у свиньи или поросенка; въ этихъ челюстяхъ внизу два клыка, толщиной въ человѣческую ногу, а вышиной въ брасо. Когда его заставляютъ сражаться, то на эти клыки надѣваютъ желѣзныя кольца, и въ нихъ вдѣваютъ шпаги, сдѣланныя съ желобами, какъ военныя шпаги, и длиною не больше локтя. Это животное очень понятливо и исполняетъ тотчасъ же и съ быстротою то, что ему приказываетъ вожакъ. Вожакъ сидитъ верхомъ у него на шеѣ и ноги его приходятся за ушами слона, потому что шея его такъ коротка, что на ней только что можно помѣститься. У этого человѣка въ рукахъ желѣзный прутъ и имъ онъ царапаетъ его по головѣ и заставляетъ идти, куда хочетъ; и когда онъ укажетъ этимъ прутомъ куда идти, слонъ сейчасъ идетъ; а если онъ ему сдѣлаетъ знакъ, чтобы повернуться назадъ, слонъ сейчасъ же

de sí apañala con aquella trompa, é face un vulto, é revuelvela aquella, é metela en la boca, é de sí comela; é con esta trompa se mantiene, é nunca la tiene queda, salvo con ella faciendo vueltas como culebra; é esta trompa echala en el espinazo, é non dexa lugar en todo su cuerpo onde non llega con ella; é debaxo desta trompa tiene la boca, é las quixadas debaxo tienelas como de cochino, é como de | puerco: é en estas quixadas como debaxo tiene dos colmillos tan gruesos como la pierna de un ome, é tan altos como una brazada. E quando lo facen pelear, en estos colmillos trae unas argollas de fierro é en ellas le ponen unas espadas, que son fechas como espadas de armas encanalada, é non es mas luenga que el brazo. E es alimania muy entendida, que face muy aina é presto lo que le manda el ome que lo guia: é el ome que lo guia va caballero en el pescuezo, é las piernas tras las orejas ca non ha mas pescuezo de quanto ome puede alli ir: é este ome lleva un focino en la mano con que le rasca en la cabeza, é facelo ir á do él quiere, que asi como le señala con aquel focino fácia do vaya, luego va allá; ó le face señal que vuelva atrás luego

и очень быстро поворачивается на заднихъ ногахъ, какъ медвѣдь. Онъ ходитъ и бѣгаетъ похоже на медвѣдя. Когда онъ идетъ въ битву, то вожакъ надѣваетъ вооруженіе, и слона тоже вооружаютъ; онъ идетъ прыжками, какъ медвѣдь, и при каждомъ прыжкѣ наноситъ удары шпагами, поднимая голову вверхъ и опуская, когда подвигается впередъ. Когда хотятъ, чтобы слонъ шелъ скоро и сражался, то вожакъ ударяетъ его прутомъ по головѣ такъ, чтобы сдѣлать довольно большую рану; когда онъ почувствуетъ ударъ, онъ взреветъ, какъ кабанъ, откроетъ ротъ и быстро идетъ туда, куда его направляютъ. Эта рана заживаетъ въ ту же ночь, если его оставить на воздухѣ; а если его поставить подъ крышу, то онъ умретъ. Когда вожакъ приказываетъ ему взять что-нибудь съ земли, какъ бы оно ни было тяжело, то онъ беретъ этимъ хоботомъ, поднимаетъ вверхъ и даетъ тѣмъ людямъ, которые сидятъ на немъ въ бесѣдкѣ. Также, когда тѣ, которые сидятъ въ бесѣдкѣ, хотятъ спуститься, они приказываютъ ему нагнуться; онъ вытягиваетъ переднія ноги въ одну сторону, а заднія въ другую, и спускается такъ, что животомъ почти лежитъ на землѣ, а люди сходятъ по заднимъ ногамъ, держась за веревки, которыя при-

vuelve muy aina sobre los pies de atrás [trás] asi como oso, é el su andar é correr es asi como de oso: é quando pelea, aquel ome que lo guia va muy
armado, é el marfil eso mesmo; é el su andar es á saltos como oso, é á cada 177.
salto fiere con las espadas [espaldas] que á cada salto alza la cabeza fácia arriba, é fiere quanto falla delante: é quando quieren que peleen é vayan recio, el ome que lo guia, dale con aquel focino en la frente, que lo face una gran ferida; é quando él se siente ferido da un gran groñido como puerco, é la boca abrela é va muy recio á do lo guian, é la ferida que le dan, luego esa noche la sana, si lo dexan al sereno, ca si lo metiesen so techado, moriria. Otrosi quando el ome que lo guia, le manda tentar qualquiera cosa del suelo, por pesada que sea, revuelve aquella trompa á ella é alzala en peso, é dala á los omes que van en este castillo. Otrosi quando aquellos que son en el castillo, | quieren descender [descendir] dél, mandanle que se abaxe, é estiende las manos á una parte é los pies á otra, é abáxase tanto que quiere poner la barriga con el suelo, é por las corvas de tras descienden los omes teniendose á unas cuerdas que estan ata-

крѣплены къ бесѣдкѣ. Въ этотъ день дѣлали разныя представленія со слонами, заставляя ихъ бѣгать за лошадьми и за людьми; это было очень забавно; а когда всѣ бѣжали вмѣстѣ, то казалось, что земля дрожитъ. Ни лошадь, ни какое другое животное, за которымъ онъ побѣжитъ, не можетъ съ нимъ сравняться. Судя по тому, что я видѣлъ, я вѣрю, что на войнѣ каждый слонъ можетъ равняться тысячѣ человѣкъ; такъ они считаютъ, потому что когда слонъ идетъ промежду народа, онъ наноситъ удары по обѣимъ сторонамъ, а когда онъ самъ раненъ, то онъ идетъ скорѣе и не разбирая пути и сражается лучше; такъ какъ его клыки очень длинны, и ими можно наносить удары только на высотѣ, то ихъ притупляютъ и придѣлываютъ въ низу шпаги, для того чтобы они могли наносить удары ниже. День и два дня они могутъ быть безъ пищи, говорятъ даже, что и три дня они могутъ сражаться, не ѣвши.

CXXIV. Въ этотъ день, послѣ того какъ царь и жены его провели довольно долгое время за питьемъ, подали конину и цѣлыхъ барановъ жареныхъ въ шерсти и барановъ жареныхъ безъ кожи; это мясо подавали на большихъ круглыхъ позоло-

das al castillo. E con estos marfiles facian este dia muchos juegos, faciendolos correr tras caballos é tras la gente, que era gran placer: é quando todos corrian juntos en uno, parescia que la tierra facia mecer en aquel derecho; e non ha caballo nin alimania tras quien vaya, que le ose esperar. E tengo de verdad segun lo que en ellos vi, que en una batalla deben ser contados cada uno por mil omes; é asi los ponen ellos, ca desque son entre gente, el su andar non es si non ferir á una parte é á otra; é quando son feridos andan mas sin ojos é pelean mejor: é porque los colmillos han muy luengos, é non pueden con ellos ferir salvo alto, despuntanselos, é alli baxo les ponen las espadas, porque fieran baxo, é andan un dia ó dos sin comer; é aún decian que tres dias podian pelear sin comer.

CXXIV. E este dia desque el Señor y sus mugeres ovieron bebido una pieza grande, troxieron de comer muchos caballos é carneros enteros asados pelados, é muchos carneros desollados: la qual vianda traían en unos muy grandes cueros como de guadamacir [guadamacires] redondos, que los traian

ченыхъ кожахъ, на которыхъ люди тащили ихъ по полю; столько было этого мяса, что его несло человѣкъ триста, если не больше. Съ большимъ шумомъ приблизились они къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ царь; потомъ, по своему обычаю, наложили мясо на блюда и подали его, какъ обыкновенно, безъ хлѣба. Во все это время не переставали пріѣзжать телѣги, нагруженныя мясомъ и верблюды съ носилками, тоже полными мясомъ, которое складывали на землѣ, чтобъ раздавать народу; и какъ ни велики были кучи этого мяса, оно сейчасъ же было съѣдено. Когда это окончилось, принесли нѣсколько столовъ безъ скатертей, и на нихъ чашки съ соленымъ мясомъ и рисомъ, и разными другими кушаньями, лепешками и хлѣбомъ съ сахаромъ. Въ это время уже наступила ночь, и передъ царемъ поставили много зажженныхъ фонарей; тогда они начали ѣсть и пить еще скорѣе и съ большимъ весельемъ, женщины такъ же какъ и мужчины; а между тѣмъ все прибывало и народу, и мяса, такъ что было видно, что праздникъ долженъ былъ продолжаться всю ночь. Въ эту ночь царь выдавалъ одну свою родственницу за одного своего родственника. Когда посланники увидали, что это протянется на всю ночь и что тѣ,

rastrando por el campo omes; é tanta era la vianda, que en ellos venian travados trecientos omes, é mas; é con gran ruido llegaron acerca do el Señor estaba: de si pusieron de aquella vianda en sus tajadores, segun su costumbre, é dieronla segun solian sin pan: é en todo esto non cesaban de venir
carretas cargadas de carne, é camellos con unas como an|garillas otrosi llenas 178.
de carne, é ponianla en el suelo por dar á la otra gente: é por grandes montones que della ficieron, fué luego comida: é desque esto fué libre, troxieron muchas mesas sin manteles, en que traían escodillas de carne adobada é arroz, é otros manjares, é tortas é pan con azucar. E en esto era ya la noche, é troxieron ante el Señor muchas lanternas encendidas; é entonces [estonce] comenzaron su comer é beber mas de recio con grande alegria, asi las Dueñas como los omes, é todavia crescia la gente é las viandas, que toda la noche les avia de durar esta fiesta: é esta noche casaba el Señor una su parienta con un su pariente. E desque los dichos Embajadores vieron que esto avia de durar toda la noche, é se iban los que que-

которые хотѣли, уходили, то они отправились къ себѣ домой, а царь и жены его остались пировать и веселиться.

CXXV. Въ четвергъ, шестнадцатаго числа октября мѣсяца, царь далъ большой праздникъ, на который приказалъ просить посланниковъ; этотъ праздникъ былъ устроенъ въ одной изъ тѣхъ богатыхъ оградъ, которыя тамъ были поставлены, въ палаткѣ, стоявшей посреди ограды. Эта палатка была изъ числа большихъ, сдѣланныхъ безъ веревокъ и очень хорошо убрана; царь пригласилъ посланниковъ войдти въ нее вмѣстѣ съ нимъ. Въ этотъ день царь и бывшіе съ нимъ пили вино, а для того, чтобы скорѣе напиваться, онъ приказывалъ давать водку. Мяса подавали очень много, а пили столько, что многіе вышли изъ палатки пьяными; царь остался веселиться въ этой палаткѣ, а посланники отправились къ себѣ домой. Въ этотъ день питье и угощеніе продолжалось всю ночь.

CXXVI. На другой день, въ пятницу, семнадцатаго числа октября мѣсяца, Каньо, главная жена царя, устроила большой праздникъ, на который приказала просить посланниковъ. Этотъ праздникъ Каньо устроила въ богатой оградѣ и палаткахъ,

rian, fueronse para sus posadas: é el Señor é sus mugeres quedaron en su fiesta é alegria.

CXXV. E jueves, diez y seis dias del mes de Octubre, el Señor fizo una gran fiesta, á la qual mandó que viniesen los dichos Embajadores: la qual fizo en una de las cercas mas ricas que él tenia armadas, en una tienda que dentro desta cerca estaba, la qual tienda era de las grandes sin cuerdas, muy bien guarnida; é alli dentro fizo entrar consigo á los dichos Embajadores; é el Señor bebió este dia vino, é los que con él eran; é porque se embeodasen mas aina, dabales aguardiente. E la vianda deste dia fué mucha, y el beber fué tanto, que de aquella tienda salian muchos beodos; é el Señor con grande alegria quedó en esta tienda, é los Embajadores fueron á sus posadas: é este dia el comer é beber les duró fasta la noche toda.

CXXVI. E otro dia viernes siguiente, diez y siete dias del dicho mes de Octubre, Caño, la gran muger del Señor, [54] fizo una gran fiesta: á la qual envió rogar que quisiesen ir los dichos Embajadores: é la dicha Caño fizo en una cerca é tiendas muy ricas que ella tenia, á do fizo venir muy gran gente,

которыя ей принадлежали, и пригласила очень много гостей, какъ посланниковъ, съѣхавшихся съ разныхъ мѣстъ, такъ и своихъ приближенныхъ рыцарей и дамъ и разныхъ другихъ людей. Ограда, въ которой она жила и давала этотъ праздникъ, была украшена многими богатыми палатками; эта ограда была сдѣлана изъ бѣлой и разноцвѣтной матеріи, расшитой разнообразно и красиво различными узорами, вышивками и знаками. Когда посланники прибыли въ орду, то нѣсколько рыцарей, царскихъ родственниковъ, взяли ихъ, повели въ эту ограду и помѣстили въ одной палаткѣ, которая находилась у самáго входа въ ограду; эта палатка была покрыта яркимъ краснымъ ковромъ и въ ней было сдѣлано много вставокъ и вышивокъ изъ другого, бѣлаго ковра, какъ съ внутренней стороны, такъ и съ внѣшней; здѣсь они сѣли и имъ подали мясо и вино. Когда они покушали, Каньо приказала повести ихъ осмотрѣть ея палатки, находившіяся въ этой оградѣ. Тамъ было очень много богатыхъ палатокъ и между ними одна очень большая и высокая безъ веревокъ, покрытая превосходной красной шелковой тканью, по которой шли полосы

asi de Embajadores que alli eran venidos de muchas partes, como de Caballeros é Dueñas sus privados, é otras muchas gentes. E la cerca donde ella estaba é facia esta fiesta, era bien guarnida de muchas tiendas ricas; é la dicha cerca era de un paño de blanco de muchas colores, fecha á muchos lazos é entretallamientos é letras de muchas maneras bien fermo- 179.
sas. E desque los dichos Embajadores fueron en el Ordo, fueron tomados é llevados á esta dicha cerca por unos Caballeros parientes del Señor, é metieronlos [metieronles] en una tienda que luego á la entrada de la dicha cerca estaba: la qual tienda era de un tapete colorado cremesin [clemesin] é en ella fechos muchos entretallamientos de otro tapete blanco, asi de dentro como de fuera: é aqui en esta tienda fueron asentados, é troxieron mucha vianda é vino. E desque ovieron comido, la dicha Caño [Cañon] mandó que llevasen á los dichos Embajadores á ver sus tiendas que en esta cerca tenia: en la qual avia muchas tiendas ricas, entre las quales estaba una muy grande é muy alta de las que non han cuerdas, la qual era cubierta de un paño de seda colorado bien fermoso, é por ella unas vandas de chapas de plata sobredoradas, que descendian desde arriba fasta ayuso: é la dicha

изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляхъ, спускавшіяся съ верху до самаго низу; эта палатка была украшена очень красивыми вышивками. Въ ней было двое дверей, одни передъ другими; первыя двери изъ тоненькихъ красныхъ прутиковъ, соединенныхъ между собою какъ плетень, и покрытыхъ съ внѣшней стороны рѣдко-тканной шелковой тканью розоваго цвѣта; эта дверь была сдѣлана такъ для того, чтобы воздухъ могъ проходить сквозь нее, даже если она и заперта, и для того, чтобы тѣ, которые въ палаткѣ, могли видѣть то, что внѣ ея, а снаружи нельзя было бы видѣть ихъ. Передъ этой дверью была другая дверь такая высокая, что въ нее можно было бы въѣхать на лошади верхомъ, и покрытая позолоченнымъ серебромъ съ разными рисунками, эмалью и тонкой инкрустаціей изъ лазури и золота; эта работа была самая тонкая и самая лучшая, какую только можно встрѣтить въ этой землѣ и въ земляхъ христіанскихъ; на одной двери былъ изображенъ святой Петръ, а на другой святой Павелъ съ книгами въ рукахъ, покрытыми золотомъ. Эти двери, говорятъ, Тамурбекъ нашелъ въ Бурсѣ, когда разграбилъ казну Турецкую. Передъ этими дверьми,

tienda era de partes de fuera é de dentro muy fermoso [fermosa] de entretallamientos muy fermosos: é esta tienda avia dos puertas unas ante las otras, é las primeras puertas eran de unas varillas delgadas coloradas, juntas unas con otras como zarzo, é eran cubier|tas de partes de fuera de un paño de seda de color rosado, é era texido ralo: é estas puertas eran fechas asi, porque en caso que estoviesen cerradas, pudiese entrar el ayre por ellas, é los que estoviesen dentro pudiesen ver á los que de fuera estaban, é los de fuera non pudiesen ver á ellos. E ante estas puertas estaban otras que eran tan altas quanto un ome podria entrar por ellas á caballo, é eran cubiertas de plata sobredorada, fechas á muchos lazos é esmaltes, é entretallamientos de muchas maneras bien sotiles, en que avia azul é oro, é la obra dellas era tan sotil y tan bien fecha [fecho], quanto se podra facer en aquella tierra, nin en tierra de Christianos: é en la una puerta estaba figurado Sant Pedro, é en la otra Sant Pablo con sendos libros en las manos, que eran cubiertos de plata: é estas puertas decian que el Tamurbec fallára en Bursa, quando robó el tesoro del Turco. E delante des-

посреди палатки стоялъ ковчежецъ въ родѣ небольшого шкапа, въ которомъ сохранялось серебро и посуда; онъ былъ сдѣланъ изъ золота и богато украшенъ эмалевой отдѣлкой и разными другими; вышиною онъ былъ по грудь человѣка; съ верху онъ былъ плоскій и окруженъ маленькими зубчатыми зубчиками, покрытыми голубой и зеленой эмалью; въ нихъ были вставлены жемчугъ и каменья, а по срединѣ одной изъ стѣнокъ, между жемчугомъ и каменьями, было вдѣлано зерно, величиною въ маленькій орѣхъ, совершенно круглое, только не совсѣмъ ясное. Въ этомъ шкапѣ была маленькая дверца; внутри стояли чашки, а на верху стояло шесть золотыхъ кувшиновъ, украшенныхъ вставленными въ золото каменьями и жемчугомъ, кромѣ того также шесть золотыхъ круглыхъ чашь, также украшенныхъ жемчугомъ и каменьями. У подножія этого шкапа стоялъ маленькій золотой столикъ, вышиною въ два пальма; въ немъ было тоже вдѣлано много каменьевъ и очень крупнаго жемчугу; на верху его былъ вправленъ изумрудъ, очень яркій и хорошаго цвѣта, плоскій какъ доска; длиною онъ былъ около четырехъ пальмовъ и занималъ

tas puertas en medio de la dicha tienda estaba una como arca ó armario pequeño, que era fecho para aparador, en que tenia plata ó baxilla, era de oro fecho á muy rica obra de esmaltes, é de otras maneras; é era tan alto que daria un ome á los pechos: é encima era llano, é cercado al derredor de almenillas pequeñas, esmaltadas verdes é azules é farpadas, é por 180.
él estaban engastonadas muchas piedras é alxofar grueso; é en medio dél en una de las paredes, entre el alxofar é piedras que alli estaba, avia engastonado un grano que podia ser tan grueso como una nuez pequeña, é era bien redondo, salvo que non era muy claro: é este armario avia una puerta pequeña, é dentro en él avia una baxilla de tazas; é encima dél estaban seis redomas de oro | guarnidas, é engastonadas por ellas alxofar é piedras: é otrosi otras seis tazas de oro redondas otrosi guarnidas de mucho alxofar é piedras. E al pie deste armario estaba una mesa de oro pequeña, que podia ser tan alta como dos palmos: en la qual otrosi estaban engastonadas muchas piedras é alxofar muy grueso é mucho; é encima della estaba engastonada una esmeralda muy clara é propria en color,

всю длину стола, а въ ширину около полутора пальма. Передъ этимъ блюдомъ или столикомъ стояло золотое дерево, сдѣланное на подобіе дуба; стволъ его былъ толщиною въ человѣческую ногу; на немъ было много вѣтвей, съ листьями какъ у дуба, которыя выходили изъ него и расходились въ разныя стороны; вышиною оно было въ ростъ человѣка и росло надъ блюдомъ, которое стояло подлѣ него, а плоды его были изъ желтыхъ рубиновъ, изумрудовъ, бирюзы, красныхъ рубиновъ, сафировъ и удивительно крупныхъ жемчужинъ, ясныхъ и круглыхъ, отборныхъ; эти каменья были вдѣланы въ дерево въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того на этомъ деревѣ было много маленькихъ золотыхъ птичекъ, отдѣланныхъ разноцвѣтною эмалью; онѣ сидѣли на деревѣ, нѣкоторыя съ распущенными крыльями, нѣкоторыя сидѣли на листьяхъ такъ, какъ будто сейчасъ готовы были упасть, иныя точно ѣли плоды этого дерева и держали въ клювахъ рубины, бирюзу и другіе камни и жемчугъ, вставленные въ дерево. Противъ этого дерева, къ стѣнѣ палатки былъ приставленъ деревянный столъ, покрытый позолоченнымъ серебромъ; а передъ нимъ стояло ложе изъ матрасовъ,

que era llana como tabla, que podia ser tan luenga como quatro palmos, é atravesaba toda la mesa de luengo á luengo; é era tan ancha como un palmo é medio. E delante deste plato ó mesa estaba un arbol de oro fecho á semejanza de un roble, que avia el pie tan grueso como podrá ser la pierna de un ome, con muchas ramas que del salian, que iban á una parte é á otra, con sus fojas como de roble, é seria tan alto como un ome, é pujaba sobre el plato que cerca dél estaba: é la fruta que este dicho arbol tenia eran muchos balaxes, esmeraldas é turquesas, é robies é zafies, é alxofar muy grueso á maravilla, claros é redondos escogidos, é guarnidos en muchas partes por el arbol: otrosi por el dicho arbol avia muchos paxarillos de oro esmaltados, é fechos de muchos colores, é estaban asentados por el arbol, dellos las alas abiertas, é dellos asentados sobre las fojas del arbol como que se querian caer, é facian semejanza que querian comer de aquella fruta del arbol, é travaban con los picos de los balaxes é turquesas, é de las otras piedras é alxofar que por el dicho arbol estaban. E de frente deste dicho arbol arrimado á la pared de la tienda estaba un retablo de madera cubierto de plata dorado: é delante dél estaba una cama

сдѣланныхъ изъ шелковой ткани и вышитыхъ цвѣтками, дубовыми листьями и другими узорами; съ другой стороны палатки стоялъ другой такой же столъ съ такимъ же ложемъ; а на землѣ лежали шелковыя подушки, очень хорошей работы. Когда посланники осмотрѣли эту палатку, ихъ увели оттуда и повели въ описанную уже мною ограду изъ краснаго ковра, вышитаго золотыми нитками; тамъ былъ царь со своими мирассàми и приближенными рыцарями; они пировали и пили вино, потому что въ прошлую ночь одну внучку царя выдали замужъ за его внука, который также былъ въ этой оградѣ. При входѣ въ ограду, на правой рукѣ стояла большая палатка, сдѣланная въ родѣ военной, покрытая краснымъ ковромъ съ вышивками и вставками изъ бѣлаго ковра и другихъ разноцвѣтныхъ. Эта палатка была вся окружена сѣнями, которыя сообщались со внутренней стороны. Въ ней на нѣкоторыхъ разстояніяхъ были продѣланы окошки, одни сдѣланныя съ сѣтями, другія иначе изъ той же ткани; они были устроены для того, чтобъ люди могли смотрѣть изнутри. Потолокъ этихъ сѣней былъ соединенъ съ потолкомъ палатки, такъ что

de | almadraques solos de paño de seda, fechos muy bien, é broslados á fojas de roble é á florecillas, é á otras muchas maneras: é á la otra parte de la tienda estaba otro tal retablo con otra tal cama, é por el suelo avia alhombras de seda muy bien fechas. E desque esta tienda ovieron visto, 181.
sacaron á los dichos Embajadores é llevaronlos para la cerca que vos he dicho, que era de tapete colorado, broslado á filo de oro tirado: en la qual estaba el Señor con sus Mirassaes é privados é Caballeros bebiendo vino, é tenian fiesta, porque esa noche pasada avian dado una nieta del Señor á otro su nieto, que estaba otrosi en aquella cerca. E entrando por la puerta desta tienda, á mano derecha estaba una grande tienda fecha como alfaneque, la qual tienda avia el cuerpo de tapete colorado, é en ella fechas muchas maneras de brosladuras é entretallamientos de tapete blanco, é de otras colores: é esta dicha tienda era toda cercada al derredor de portales, los quales se mandaban de partes de dentro, é en ella [ellas] avia ventanas á trechos fechas como redes é de otras maneras del paño mesmo; las quales eran fechas para do mirasen las gentes que dentro estoviesen: é el cielo destos portales eran juntos arriba con la dicha tienda,

извнѣ онъ казался цѣлымъ. Посланниковъ ввели въ дверь этой палатки, которая была превосходно сдѣлана въ видѣ арки. Отъ двери впередъ шла точно улица, огороженная со всѣхъ сторонъ и сведенная сводомъ на верху; какъ войдешь, на правой сторонѣ была дверь, черезъ которую входили въ сѣни; противъ этой двери была другая, очень хорошо украшенная, которая вела въ самую палатку. Противъ входа, въ концѣ этой улицы, была другая палатка, также богато вышитая золотомъ, а на срединѣ улицы была еще одна палатка безъ веревокъ: въ ней сидѣлъ царь; тамъ пили вино и шумѣли. Эти палатки были соединены на верху съ сѣнями, окружавшими ихъ, и все было покрыто краснымъ ковромъ; здѣсь было столько богатой и прекрасно исполненной работы, что невозможно всего описать, а надо видѣть своими глазами. Изъ этой палатки посланниковъ повели въ деревянный домъ, находившійся въ этой же оградѣ; это былъ высокій домъ, въ который нужно было входить по лѣстницѣ; онъ былъ окруженъ деревянными сѣнями и галлереями, которыя шли вокругъ. Весь домъ былъ расписанъ красивыми узорами золотомъ и лазурью,

asi que de fuera parescia todo uno. E á los dichos Embajadores metieron por una puerta desta tienda, la qual puerta era en arco muy fermosamente obrada; é de la puerta adelante iba una como calle, que era cercada de todas partes, é arriba era como boveda: é luego como entraron á la mano derecha estaba una puerta por do entraron á los dichos portales; é delante desta puerta estaba otra que entraba á un cuerpo de tienda muy fermosa de mu[55]chas labores: é de frente de la entrada en cabo de la dicha calle estaba otro cuerpo de tienda otrosi muy rico de brosladuras de filo de oro; é en medio de la dicha calle estaba una gran tienda de las que non las tiraban cuerdas: en la qual estaba el Señor bebiendo vino, é tenian gran ruido. E estas dichas tiendas é portales que en derredor las cercaba, era todo junto en uno arriba, é todo era del dicho tapete colorado; é avia tanta obra, é tan rica é tan bien fecha, que se non podria bien contar por escrito, salvo si se non viese por los ojos. E desta tienda sacaron los dichos Embajadores, é llevaronlos [levaronlos] á una casa de madera que dentro en esta cerca estaba: la qual era alta, que sobian por escalones, é era cercada de portales de madera é andamios, que se andaban en derredor;

и былъ такъ устроенъ, что его можно было складывать и разбирать, когда угодно; это была мечеть, въ которой царь молился, и которую возилъ съ собою всюду куда отправлялся. Оттуда ихъ повели въ одну палатку, натянутую зелеными шнурками; съ внѣшней стороны она была покрыта бѣличьимъ сѣрымъ мѣхомъ, а съ внутренней бѣлымъ, и въ ней по обычаю стояло два ложа. Потомъ ихъ повели въ другую палатку, смежную съ этой, устроенную безъ веревокъ; она съ внѣшней стороны была покрыта красной тканью, расшитой тканью другихъ цвѣтовъ; а съ внутренней стороны отъ половины до низу въ ней была сдѣлана подкладка изъ собольяго мѣха, самаго цѣннаго, какой есть на свѣтѣ; эти мѣха такой же величины какъ куньи, но очень дороги, такъ какъ каждый мѣхъ, если онъ хорошъ, стоитъ четырнадцать и пятнадцать дукатовъ здѣсь, въ этой странѣ, а въ другихъ еще гораздо больше; выше, надъ соболями, подкладка этой палатки была изъ сѣрыхъ бѣлокъ. Передъ палаткой стоялъ навѣсъ, который защищалъ отъ солнца входъ въ нее; внутри онъ былъ подшитъ сѣрымъ бѣличьимъ мѣхомъ. Эти палатки были устроены у царя такимъ

la qual casa era pintada de fermosas pinturas de oro é de azul, é era asi 182.
fecha que se armaba é desarmaba, quando querian: é esta casa era mezquita en que el Señor facia oracion, é la llevaba [lleva] consigo onde quiera que iba; é de aqui los llevaron á una tienda que la tiraban cuerdas verdes; é era de partes de fuera cubierta de grises, é de partes de dentro era forrada de veros: en la qual estaban fechas dos camas segun su usanza. E desta tienda los llevaron [levaron] á otra que estaba junta con esta, que era de las que non han cuerdas: la qual era de parte de fuera cubierta de un paño colorado, é en ella fechos muchos entretallamientos de paño de otros colores; é de partes de dentro de la meytad ayuso era aforrada de una peña de sebelinas, que es una peña la mas preciada que en el mundo ha, é son asi como martas tan grandes; pero son de gran valor, que cada pieza dellas, si fina es, vale catorce ó | quince ducados aqui en esta tierra, é en otra vale mucho mas: é de las sebelinas arriba era esta tienda aforrada de grises. E delante desta tienda estaba una sombra que tenia el sol que non diese ante la puerta de la tienda, la qual sombra era forrada de dentro de grises: é estas tiendas avia el Señor asi guarnidas

образомъ для того, чтобы солнце не проникало въ нихъ ни лѣтомъ ни зимою. Посланниковъ повели изъ этихъ палатокъ и ограды въ другую ограду, которая была соединена съ этой, такъ что изъ одной можно было проходить въ другую. Она была сдѣлана изъ бѣлаго сетуни. Здѣсь посланникамъ показали много палатокъ и навѣсовъ изъ разныхъ шелковыхъ и другихъ тканей. И не только этихъ царскихъ оградъ было много въ ордѣ, но было также много и другихъ, принадлежавшихъ его приближеннымъ и мирассамъ, удивительныхъ по разнообразію; такъ что куда ни пойдешь, вездѣ были палатки и калапарды, какъ они называютъ ограды. Всего въ этой царской ордѣ было около сорока или пятидесяти тысячь палатокъ, что представляло прекрасное зрѣлище, и кромѣ этихъ палатокъ было поставлено еще много другихъ въ садахъ, на лугахъ, и у воды вокругъ всего города. На этотъ праздникъ царь велѣлъ собрать всѣхъ мирассъ и богатыхъ людей со всего Самаркандскаго царства. Въ числѣ ихъ пріѣхалъ владѣтель Балахіи, большого города, гдѣ добываются рубины, и привезъ съ собою много народу и рыцарей. Посланники про-

por el sol, que las non pasase en verano, nin otrosi en hibierno. E á los dichos Embajadores sacaron desta cerca é tiendas, é llevaronlos á otra cerca que era junta con esta, que se pasaba la una á la otra, que era de un paño de setuni blanco: en la qual les mostraron [monstraron] muchas tiendas é sombras ricas de muchas maneras de paño é de seda, é de otros paños: é non solamente avia en este Ordo del Señor estas cercas que el Señor avia, mas otras muchas de Mirassaes é privados suyos, de muchas maneras, que eran maravillosas de ver, que por todas partes que ome fuese, via asaz fermosas tiendas é calapardaes, que ellos dicen por las cercas. E en este Ordo que el Señor alli tenia, podia aver fasta quarenta ó cincuenta mil tiendas, que era una fermosa cosa de ver: é sin estas tiendas avia otras muchas que estaban por huertas é prados é aguas que cerca de la ciudad estaban. E á esta fiesta fizo el Señor venir quantos Mirassaes é Ricos omes avia en el Imperio é tierra de Samarcante: entre los quales vino el Señor de Balaxia, que es una gran ciudad onde se sacan los balaxes; é venia bien guarnido de gente
183. é de Caballeros. E los dichos Embajadores estovieron con este Señor de Balaxia, é preguntaronle cómo se fallaban los balaxes: é él dixo, que acerca

вели нѣсколько времени съ этимъ княземъ Балахскимъ и спрашивали его, какъ добываются рубины. Онъ разсказалъ, что недалеко отъ города Балахіи есть гора, откуда ихъ добываютъ, что каждый день отламываютъ кусокъ скалы, чтобъ ихъ искать, и когда находятъ руду, то умѣютъ отдѣлять ихъ очень чисто; берутъ камень, въ которомъ они находятся, и по немногу обламываютъ кругомъ долотомъ, пока не останется наружу самый рубинъ, и потомъ отдѣлываютъ ихъ на точильныхъ камняхъ; онъ разсказывалъ, что при работахъ надъ этими рубинами Тамурбекъ приставилъ большую стражу. Городъ Балахія находится на разстояніи десяти дней пути отъ Самарканда въ сторону малой Индіи. Кромѣ того пріѣхалъ туда князь, который правилъ за Тамурбека городомъ Акиви, гдѣ добываютъ лазурь; въ той скалѣ, изъ которой дѣлается лазурь, отыскиваютъ сафиры. Отъ города Акиви до Самарканда тоже десять дней пути, также по направленію къ малой Индіи; только Акиви ниже Балахіи.

Въ четвергъ, двадцать третьяго октября, царь устроилъ большой праздникъ въ ордѣ, на который пригласилъ посланниковъ. Этотъ праздникъ былъ данъ въ большомъ павильонѣ; на

de la ciudad de Balaxia avia una montaña donde los sacaban, é que de cada dia cataban é rompian | una peña por los buscar, é que quando fallaban la vena dellos, que la sabian sacar sotilmente; ca desque les daban la piedra donde estaba, quebraban poco á poco con escoplos, fasta que dexaban en salvo lo mas proprio dello, é despues en muelas adobanlos; é que en sacar estos balaxes avia gran guarda puesta por el señor Tamurbec: é esta ciudad de Balaxia es á diez jornadas de la ciudad de Samarcante fácia á la India menor. Otrosi fué alli venido otro Señor, que tenia por el Tamurbec la ciudad de Aquivi, que es adonde sacan el azul: é desta peña de que se face el [este] azul, se fallan los zafies. E desta ciudad de Aquivi fasta Samarcante avia otras diez jornadas, é era eso mesmo fácia la India, salvo que era mas baxo que Balaxia.

E jueves, que fueron veinte y tres dias del mes de Octubre, el Señor fizo una gran fiesta en el su Ordo, á la qual mandó venir á los dichos sus Embajadores: é fizo la dicha fiesta so el gran pavellon, á la qual se ayuntó mucha gente, é bebieron vino á la su fiesta; é en la que beben vino hanlo

него собралось много гостей, и пили вино: тотъ праздникъ считается болѣе важнымъ, на которомъ пьется вино. Тутъ было много забавъ и веселья; пришли жены царскія, одѣтыя такъ же какъ въ тотъ разъ, пировали вмѣстѣ съ нимъ и пиръ продолжался до ночи.

CXXVII. Въ четвергъ, тридцатаго октября, царь отправился изъ орды въ городъ и остановился въ домѣ съ мечетью, который онъ построилъ для того, чтобы похоронить своего внука, по имени Махомада Султана Мирассу̀, умершаго въ Турціи, когда Тамурбекъ побѣдилъ Турка; этотъ внукъ его самъ взялъ въ плѣнъ Турка, а потомъ заболѣлъ и умеръ. Царь очень любилъ его и потому приказалъ построить эту мечеть, домъ и гробницу. Въ этотъ день царь отправился туда, чтобъ устроить въ память его праздникъ въ родѣ поминокъ и пригласилъ на торжество посланниковъ. Когда они пріѣхали, имъ показали часовню и гробницу. Часовня была четырехъугольная, очень высокая, и какъ внутри, такъ и снаружи расписана золотомъ и лазурью и отдѣлана изразцами и стекломъ. Когда внукъ царя умеръ въ Турціи, царь прислалъ тѣло его въ Самаркандъ, чтобы похоронить, и приказалъ

ellos por gran honra: é en esta fiesta ovo gran alegria é juegos, é vinieron las mugeres del Señor á comer con él so el dicho pavellon, é vinieron guarnidas segun vinieron la otra vez, é la fiesta duró fasta la noche.

CXXVII. E jueves, que fueron treinta dias de Octubre, el Señor vino de su Ordo para la ciudad, é fué posar á unas casas é mezquita que él avia mandado facer para enterrar á un su nieto, que avia nombre Mahomad Zoltan Mirassa, el qual avia muerto en la Turquia, quando el Tamurbec venció al Turco: é este nieto avia él mesmo preso al Turco, é avia muerto de su dolencia. A este | nieto queria bien el Señor, é por eso le avia mandado facer aquella mezquita é casas é enterramiento. E el Señor vino aquel dia por le facer fiesta como vegilla: á la qual fiesta mandó que fuesen los dichos Embajadores. E desque alli fueron, mostraronles la dicha capilla é enterramiento: é la capilla era quadrada é muy alta, é en ella avia asi
184. dentro como de fuera fechas muchas pinturas de oro é de azul é de labor de azulejos é de geseria, é quando este nieto del Señor murió en la Turquia, enviólo aqui á Samarcante á lo enterrar, é envió mandar al Concejo

сказать городскому управленію, чтобъ построили эту мечеть и гробницу. Когда же царь самъ возвратился, онъ остался недоволенъ часовней, потому что, говорилъ онъ, она была слишкомъ низка; онъ приказалъ разломать ее и въ десять дней построить вновь подъ страхомъ строгаго наказанія; тутъ надо было такъ торопиться, что работали день и ночь. Онъ самъ пріѣзжалъ два раза въ городъ; а когда ему нужно было отправляться куда нибудь, онъ ѣздилъ на носилкахъ, потому что уже не могъ ѣхать верхомъ. Эта часовня была построена и окончена въ эти десять дней, и нельзя не удивляться, что такая большая работа совершена въ такое короткое время. Въ память и честь этого своего внука, царь устроилъ въ этотъ день праздникъ, на который собралось много народу. По ихъ обычаю было подано много угощенія. Когда кончился пиръ, одинъ изъ приближенныхъ царя, по имени Шамелакъ Мирассà, взялъ, увелъ посланниковъ оттуда, гдѣ былъ царь, и надѣлъ имъ камокановыя платья и еще одежду въ родѣ плащей, сдѣланную изъ шелковой ткани на подкладкѣ изъ звѣриной шкуры, которую они надѣваютъ когда холодно; около ворота съ наружной стороны на ней было двѣ куницы. На

que le ficiese aquella mezquita é enterramiento: é quando el Señor alli llegó, non se pagó de la capilla, que dixo que era baxa, é mandóla derrocar, é que la ficiesen en diez dias, so gran pena que les puso: en la qual ovo tan gran acucia, que labraban de dia y de noche; é él mesmo vino alli dos veces á la ciudad: é quando iba de una parte á otra, iba en andas, que ya non podia cabalgar. E aquella capilla fué fecha é acabada en los dichos diez dias, que es una maravilla tan grande obra como aquella acabasen en tan poco tiempo. E por honra é fiesta deste su nieto fizo el Señor este dia esta fiesta, que se juntó mucha gente, é ovo mucha vianda segun su costumbre: é desque lo ovieron comido, un privado del Señor que llamaban Xamelaque Mirassa, tomó á los dichos Embajadores, é sacólos fuera de alli do estaban ante el Señor, é vistióles sendas ropas de camocan, é cubrióles unas avergaduras como gavanes, que se ellos cubren, quando face frio, é que eran de un paño de seda forrados en cueros; é tenian á los pescuezos de partes de fuera cada uno dos martas; é[56]pusieronles sendos sombreros en las cabezas, é dióles un talegon en que avia mil y quinientas

головы имъ надѣли шапки, и онъ далъ имъ мѣшокъ, въ которомъ было тысяча пятьсотъ серебрянныхъ тангъ: это ихъ монета называется танга, и каждая танга равняется двумъ серебряннымъ реаламъ. Послѣ этого ихъ опять повели къ царю и они исполнили передъ нимъ обычные поклоны, и царь сказалъ, чтобъ они пришли къ нему на другой день, что онъ хочетъ переговорить съ ними и отпустить, чтобъ они возвращались въ добрый часъ къ королю, его сыну. Увидѣвши, что эта работа кончена, царь приказалъ начать другую работу въ городѣ, потому что онъ постоянно хочетъ украшать этотъ городъ Самаркандъ. Вотъ какая это была работа:

CXXVIII. Въ городѣ Самаркандѣ продается каждый годъ много различныхъ товаровъ, которые привозятся туда изъ Катая, изъ Индіи, изъ Татаріи, изъ разныхъ другихъ мѣстъ и изъ самого Самаркандскаго царства, которое очень богато; и такъ какъ въ немъ не было большого мѣста, гдѣ бы можно было продавать все въ порядкѣ, царь приказалъ провести черезъ городъ улицу, въ которой по обѣимъ сторонамъ были бы лавки и палатки для продажи товаровъ. Эта улица должна была начинаться въ одномъ концѣ города и, проходя сквозь весь городъ, доходить до другого конца.

tangas de plata, que es una su moneda que ellos llaman Tangaes, é cada tanga face como dos reales de plata: é de si tornaronlos ante el Señor, é ficieronle su reverencia segun su costumbre: é el Señor dixoles, que viniesen á él luego otro dia, que queria fablar con ellos é librarlos, para que se tornasen en hora buena para su fijo el Rey. E desque el Señor vido esta obra acabada, mandó facer otra en la ciudad, con voluntad que tenia de ennoblecer [enoblecer] á esta ciudad de Samarcante: la qual obra fué esta.

CXXVIII. [E] En esta ciudad de Samarcante se tratan de cada año muchas mercadurias [mercaderias] de muchas maneras que alli vienen del Catay é de la India de Tartaria [Tartalia], é de otras muchas partes, é de su tierra, que es abastada; é porque en ella non avia plaza solemne para en que se vendiesen ordenada é regladamente, mandó el Señor que fuese fecha por la ciudad una calle que oviese de una parte é de otra boticas en ella, é
185. tiendas para en que se vendiesen las mercadurias, é que esta calle comenzase de un cabo de la ciudad, é fuese fasta el otro, que atravesase toda la

Эту работу царь поручилъ двумъ своимъ мирассàмъ, давши имъ знать, что если они не приложатъ къ ней всего старанія, заставляя работать день и ночь, то заплатятъ головою. Мирассы̀ начали дѣло и принялись разрушать дома, которые встрѣчались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ царь велѣлъ провести улицу, чьи бы они ни были, не обращая вниманія на хозяевъ; такъ что хозяева, видя, что ихъ дома разрушались, собирали свое добро и все что у нихъ было и бѣжали. Какъ только одни работники кончали ломать, сейчасъ являлись другіе и продолжали работу. Улицу провели очень широкую, и по обѣимъ сторонамъ поставили палатки; передъ каждой палаткой были высокія скамейки, покрытыя бѣлыми камнями. Всѣ палатки были двойныя, а сверху вся улица была покрыта сводомъ съ окошками, въ которыя проходилъ свѣтъ. Какъ только оканчивалась работа въ палаткахъ, тотчасъ же помѣщали въ нихъ торговцевъ, которые продавали въ нихъ разныя вещи. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ на улицѣ были устроены водоемы. Народъ, работавшій здѣсь, получалъ плату отъ города; и работниковъ являлось сколько бы ни потребовали тѣ, которые завѣдывали этимъ дѣломъ. Работавшіе днемъ уходили

ciudad: la qual obra encomendó á dos Mirassaes suyos, faciendoles saber, que si non ponian en ello toda su diligencia, faciendo labrar de dia y de noche, que con sus cabezas lo contentarian. Los quales Mirassaes comenzaron su obra derrocando quantas casas fallaban por do el Señor mandaba ir la dicha calle, fuesen cuyas quisiesen, que non se cataban sus dueños, salvo quando les derrocaban las casas, é salian fuyendo con la ropa é quanto avian; ca asi como derrocaban unos, asi ve|nian los maestros labrando detrás: é ficieron una calle muy ancha, é de una parte é de otra tiendas; que avian ante sí poyos altos, que eran cubiertas de losas blancas; todas las tiendas eran dobladas; é la calle era cubierta de bovedas con ventanas, por do entraba la lumbre. Asi como eran acabadas de facer las tiendas, luego las facian poblar de omes que vendian en ellas algunas cosas; é á trechos en esta dicha calle avia fuentes, é la gente que esta labor facia pagaba la ciudad, é venia tanta gente á esta labor, quanta les demandaban aquellos que tenian cargo della; é los que labraban de dia, quando era de noche ibanse, é venianse otros tantos que labraban de noche:

когда наступала ночь, и приходили другіе работать ночью. Одни ломали дома, другіе уравнивали землю, третьи строили и всѣ они до того шумѣли день и ночь, что казалось точно тутъ черти. Прежде, чѣмъ прошло двадцать дней, было сдѣлано столько, что удивительно. Люди, которымъ принадлежали разрушенные дома, жаловались на это, но не смѣли ничего сказать царю; однако нѣкоторые собрались и пришли къ Кайрисамъ, которые были близки къ царю, прося ихъ поговорить съ царемъ; эти Кайрисы происходятъ изъ рода Магомета. Разъ, играя въ шахматы съ царемъ, одинъ изъ нихъ сказалъ, что такъ какъ ему угодно разрушать дома для устройства этого помѣщенія, то не заплатитъ ли онъ убытки. Говорятъ, царь разсердился за эти слова и сказалъ: «Этотъ городъ мой; я его купилъ на свои деньги; у меня есть на это грамоты и я покажу вамъ ихъ завтра. Если окажется справедливымъ, то я заплачу то, что вы требуете.» Это онъ сказалъ такимъ тономъ, что Кайрисы раскаялись, что заговорили и потомъ, говорятъ, даже удивлялись, какъ онъ не велѣлъ ихъ убить, и какъ они избавились отъ наказанія; говорятъ, что все что царь дѣлаетъ, хорошо, и его приказаніе должно быть исполнено.

é los unos á derrocar casas, é otros á allanar el suelo, é otros á facer, que facian tan gran ruido asi de dia como de noche, que parescian diablos. E antes de veinte dias fué fecha tan gran obra, que era maravilla; é las gentes, cuyas eran aquellas casas que derrocaban, quexabanse por ello, é non lo osaban decir al Señor; pero ayuntaronse algunos dellos, é fueron á unos Cayres, que eran privados del Señor, que se lo dixesen, é estos Cayres son del linage de Mahoma: é un dia que jugaban al axedrez con el Señor, dixole, que pues su merced era de les derrocar sus casas para facer aquella plaza, que les mandase facer alguna emienda [enmienda]: é diz que se ensañó, porque se lo dixeron, é que les dixera: *Esta ciudad es mia, é yo la compré por mis dineros, é tengo buenas cartas dello, é yo vos las mostraré mañana; é si fuere razon, pagaré lo que vos quisieredes.* E de tal son lo dixo él, que los Cayres fueron repisos: é aún decian
186. que se maravillaban [maravillaba] cómo los non mandaba matar, ó cómo escaparon sin | pena: dicen ellos que todo lo que el Señor face es bueno, é que debe ser cumplido su mandamiento.

CXXIX. Мечеть, которую царь приказалъ поставить въ честь матери своей жены Каньо, была самая важная во всемъ городѣ. Когда она была окончена, царь остался недоволенъ передней стѣною, которая была слишкомъ низка, и приказалъ ее сломать. Передъ нею сдѣлали двѣ ямы, чтобы черезъ нихъ вынимать фундаментъ, и чтобы дѣло шло скорѣе, царь сказалъ, что онъ берется наблюдать за одной частью, а приближеннымъ своимъ приказалъ взять на себя присмотръ за другою половиной, чтобъ увидѣть, кто скорѣе приготовитъ свою часть. Въ это время царь былъ уже боленъ и не могъ двигаться ни пѣшкомъ, ни верхомъ, а только въ носилкахъ; и онъ приказывалъ каждый день носить себя туда на носилкахъ и оставался тамъ часть дня, торопя работою. Потомъ онъ приказывалъ приносить туда вареннаго мяса и бросать его тѣмъ, которые работали въ ямѣ, точно какъ собакамъ; иногда онъ самъ своими руками бросалъ мясо и такъ возбуждалъ рабочихъ, что на удивленье; иногда же приказывалъ бросать въ ямы даже деньги. За этой постройкой также работали день и ночь; она прекратилась, также какъ и работы по проведенію улицы, отъ того, что началъ падать снѣгъ.

CXXIX. E la mezquita que el Señor mandó facer por honor de la madre de su muger Caño, [Cañon] era la mas honrada que en la ciudad avia; é desque fué acabada, non se pagó de la portada, que era baxa, é mandóla derrocar: é ficieron dos foyos ante ella para [por] do sacasen los cimientos; é porque fuese mas aina fecho, dixo que él mesmo queria tomar carga de acuciar la una parte, é mandó á dos privados suyos que tomasen cargo de la otra meytad, é que verian quien pornia mas aina su obra en salvo. E el Señor era ya flaco, non podia andar por su pie nin á caballo, salvo en andas; é faciase cada dia alli llevar en unas andas, é estaba ende una pieza del dia acuciando; é de sí mandaba traer mucha carne cocida, é echabansela á los que andaban en el foyo desde arriba, como quien la daba á perros, é aún él mesmo con su mano les echaba della, é daba tanta acucia [cucia] que era maravilla; é aún él Señor les facia á las veces echar dineros en aquel foyo. E en esta obra labraban asi de dia como de noche; é esta obra é la de la calle cesó por las nieves que comenzaban á caer.

CXXX. Въ пятницу, перваго числа ноября мѣсяца, посланники отправились къ царю, слѣдуя его приказанію и думая, что онъ ихъ отпуститъ. Они нашли его въ томъ домѣ съ мечетью, который онъ приказалъ построить и въ которомъ тогда шли работы; пробыли тамъ съ утра до самаго полудня, когда царь вышелъ изъ палатки и вошелъ на возвышеніе поставленное на площади. Туда принесли много мяса и плодовъ, и когда все это было съѣдено, онъ приказалъ сказать посланникамъ, чтобъ они отправлялись и извинили его, что онъ не можетъ переговорить съ ними въ этотъ день, такъ какъ долженъ проводить своего внука Пиръ Магомета, называвшагося царемъ Индѣйскимъ, и отослать его назадъ въ ту землю, откуда онъ его призвалъ. Въ этотъ день онъ подарилъ много лошадей, оружія и одеждъ и ему и рыцарямъ, пріѣхавшимъ въ свитѣ его.

На другой день, въ субботу, посланники опять поѣхали къ царю, какъ онъ приказалъ; но царь не вышелъ изъ палатки, потому что чувствовалъ себя нездоровымъ. Посланники остались тамъ до полудня, когда онъ по обыкновенію выходилъ на площадь; тогда одинъ изъ трехъ приближенныхъ царя вышелъ и сказалъ,

CXXX. E viernes primero dia de Noviembre los dichos Embajadores fueron ver al Señor, segun él les avia mandado, pensando que los libraria, é falaronlo en las casas é mezquita que él mandó facer, en que agora labraban: é estovieron alli desde la mañana fasta hora de medio dia, que el Señor salió de una tienda, é vino á un estrado que tenia puesto en «la» plaza; é troxieron mucha vianda é mucha fruta [fructa]; é desque ovieron comido, envióles decir que se fuesen ese dia, é que lo perdonasen, que les non podia fablar, por quanto | avia de despachar á su nieto Piyr Mahomad, el qual [que] se llamaba Rey de la India, é enviarlo á su tierra donde lo avia fecho venir: é este dia le dió muchos caballos é ropas é armas á él, é á otros Caballeros que con él venian.

E otro dia sabado siguiente los dichos Embajadores tornaron al Señor, como les avia mandado; é el Señor non salió fuera de sus tiendas, que se sentia mal. E los dichos Embajadores estovieron alli fasta medio dia, que
187. el Señor solia salir á plaza: é uno de los tres privados del Señor vino á
los dichos Embajadores, é dixoles que se fuesen, que non podian estar con

чтобъ они отправлялись, такъ какъ царя нельзя видѣть, и они возвратились домой.

Въ слѣдующее вокресенье посланники опять пріѣхали туда гдѣ былъ царь, узнать, не призоветъ ли онъ ихъ чтобъ отпустить, и остались тамъ довольно долго. Три мирассы̀, самые приближенные къ царю, увидѣвши посланниковъ, спросили, кто велѣлъ имъ пріѣхать, и сказали, чтобъ они отправлялись домой, потому что царя нельзя видѣть; затѣмъ они приказали привести того рыцаря, который былъ приставленъ къ посланникамъ, спросили его, зачѣмъ онъ привелъ ихъ, и хотѣли велѣть проткнуть ему ноздри; но онъ доказалъ, что не звалъ посланниковъ, и даже не видалъ въ тотъ день, и этимъ избавился отъ наказанія; ему дали только довольно много палокъ. Это дѣлали мирассы̀, потому что царь былъ очень боленъ, и весь его домъ, люди и жены были въ большомъ смятеніи; а тѣ мирассы̀, которые завѣдывали его домомъ и были чѣмъ то въ родѣ правленія, не могли сами рѣшать дѣла; они то и приказали сказать посланникамъ, чтобъ они отправлялись домой и оставались въ покоѣ пока ихъ не позовутъ.

CXXXI. Въ то время какъ посланники жили такимъ образомъ,

e Señor; é ellos vinieronse á sus posadas.

E domingo siguiente los dichos Embajadores tornaron alli do el Señor estaba, por ver si los mandaria llamar para los librar, é estovieron alli una gran pieza: é los tres Mirassaes, que eran privados del Señor, quando vieron los dichos Embajadores alli, dixeron que quién los mandára venir, que se fuesen á su posada, que el [al] Señor non lo podian ver: é mandaron traer ante sí al Caballero que los guardaba, é dixeronle, por qué los avia traído, é mandaronle foradar las narices; é él probó que los non llamára, nin los avia visto aquel dia, é por eso escapó; pero que le dieron asaz palos. E esto facian los Mirassaes, por quanto el Señor estaba muy flaco, é toda su casa, gente é mugeres andaban con gran revueta [revuelta]; é los sus Mirassaes que libraban su casa, asi como de Concejo, non se asentaban á librar: é los dichos Mirassaes mandaron á los dichos Embajadores que se fuesen á sus posadas, é estoviesen quedos fasta que les enviasen llamar

CXXXI. E los dichos Embajadores estan[57]do asi, que el Señor non en

что ни царь не посылалъ за ними, ни сами они не смѣли идти къ нему, явился къ нимъ одинъ Чакатай и объявилъ, что царскіе мирассы̀ велѣли сказать имъ, чтобъ они собрались къ отъѣзду на слѣдующее утро, и что онъ отправится съ ними, съ посланникомъ Вавилонскаго султана, съ Турецкими посланниками и съ посланникомъ Карва Томанъ Углана, которые тамъ были. Онъ сказалъ, что они поѣдутъ вмѣстѣ до Туриса и онъ будетъ заботиться, чтобъ имъ вездѣ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ до самаго Туриса, приносили кушанье и все что нужно, давали лошадей и всего по приказанію мирассъ; а тамъ ихъ отпуститъ Омаръ Мирассà, внукъ царя, и отошлетъ каждаго въ свою землю. Посланники возразили, что царь не давалъ имъ позволенія ѣхать и не далъ даже отвѣта ихъ государю королю: какъ же они могутъ поступить такъ; но онъ отвѣчалъ, что объ этомъ нечего говорить, такъ какъ мирассы̀ уже рѣшили это; чтобъ они приготовлялись, и что такъ же сдѣлаютъ и всѣ другіе посланники. Тогда посланники сейчасъ же отправились въ царскій дворецъ и явились къ мирассàмъ, говоря имъ, что вѣдь они знаютъ, что царь своими устами сказалъ имъ въ прошлый четвергъ, чтобъ они

viaba por ellos, nin ellos non osaban ir á él, vino á ellos un Chacatay, é dixoles que los Mirassaes del Señor, [que] les enviaban [enviaba] decir, que se aparejasen de andar para otro dia siguiente en la mañana, que él avia de ir con ellos, é con el Embajador del Soldan de Babylonia, é con los Embajadores de la Turquia, é con el de Carvo Toman Ulglan, que alli estaban, que avian de llevar un camino fasta en Turis [Toris], é que él les avia de facer dar viandas é todo lo que oviesen menester, é caballos, é todas las otras cosas que los Mirassaes avian ordenado que les diesen en las ciudades é lugares do los llevasen, fasta en Turis; é que alli los libraria Homar Mirassa, el nieto del Señor, é los enviaria á cada uno á su tierra. E los dichos Embajadores dixeron, que el Señor non los avia librado, nin dado respuesta para su Señor el Rey, que cómo podia ser aquello: é él les dixo, que sobre esto non dixesen mas, que ya era acordado por los Mirassaes, é que se aparejasen, que asi avian de facer los otros Embajadores. E los dichos Embajadores fueron luego al palacio del Señor, é estovieron con los dichos Mirassaes,
188. diciendoles, que bien sabian en como el Señor por su boca les avia dicho

пришли къ нему, такъ какъ онъ хочетъ переговорить съ ними и отпустить ихъ, а теперь къ нимъ пришелъ одинъ человѣкъ и передалъ отъ ихъ имени, чтобъ они приготовлялись къ отъѣзду на слѣдующее утро, чѣмъ они очень удивлены. Мирассы̀ отвѣчали имъ, что царя нельзя видѣть, нельзя быть у него, и что они должны уѣхать, какъ имъ было прислано сказать; что уже рѣшено ихъ отпустить. Это они дѣлали оттого, что царь былъ очень боленъ, лишился языка и былъ уже при смерти, какъ имъ сказали люди, знавшіе это навѣрное; и ихъ торопили для того, чтобъ они уѣхали прежде, чѣмъ станетъ извѣстно объ его смерти, и не разсказывали объ ней по тѣмъ землямъ, по которымъ поѣдутъ. И сколько посланники ни доказывали мирассàмъ, что имъ не слѣдуетъ ѣхать такъ, безъ всякаго отвѣта отъ царя къ королю ихъ государю, они отвѣчали, что объ этомъ нечего толковать, что во всякомъ случаѣ они должны отправляться, и что къ тому же назначенъ человѣкъ, который долженъ проводить ихъ. Такимъ образомъ они пробыли до понедѣльника, а во вторникъ, восемнадцатаго числа ноября мѣсяца, мирассы̀ прислали имъ съ тѣмъ Чака-

el jueves de antes, que viniesen á él, que queria fablar con ellos é librarlos é que agora avia ido á ellos un ome, que les dixera de su parte, que se aparejasen de andar de alli para otro dia, de lo qual eran maravillados. E los dichos Mirassaes les dixeron, que non podian ver al Señor, nin estar con él mas, é que les cumplia partir de alli segun les avian enviado á decir, que ya librado los avian de lo que era acordado. E esto facian ellos porque el Señor era muy flaco, é avia perdido la fabla, é estaba en punto de muerte, segun les fué dicho por omes que lo | sabian cierto; é que esta priesa les daban, porque estaba el Señor acerca de la muerte, é porque se fuesen [en] antes que se publicase la su muerte, nin lo publicasen por las tierras donde fuesen: é [ó] por muchas razones que los dichos Embajadores dixeron á los dichos Mirassaes de como se tornaban asi vagos sin respuesta del Señor para el Rey su Señor; ellos les respondieron, que sobre esto non fablasen mas, que de todo en todo les convenia partir de alli, é que el recado era aquel ome que con ellos avia de ir. E estovieron asi este dia lunes fasta martes, que fueron diez y ocho dias del mes de Noviembre, que los Mirassaes los enviaron quatro albalaes con aquel Chacatay

таемъ, что долженъ былъ ихъ провожать, четыре грамоты, по которымъ имъ должны были выдавать каждому по лошади въ тѣхъ четырехъ городахъ, черезъ какіе имъ надо было ѣхать. Этотъ Чакатай сказалъ имъ, что мирассы̀ велѣли имъ сейчасъ же уѣзжать; но они отвѣчали, что не поѣдутъ, не увидавши царя и не получивши отъ него письма; тогда онъ сказалъ, что если бы они и не хотѣли, то все таки волей неволей должны ѣхать. Такимъ образомъ въ этотъ день имъ пришлось выѣхать оттуда, гдѣ они жили, и они переѣхали въ одинъ садъ недалеко отъ города вмѣстѣ съ посланникомъ Вавилонскаго султана, такъ какъ онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, и со стражами, которые должны были ихъ сопровождать; тутъ они остановились, чтобъ подождать Турецкихъ посланниковъ. Они пробыли въ этомъ саду тотъ вторникъ когда пріѣхали, среду, четвергъ и пятницу; а въ пятницу двадцать перваго числа ноября мѣсяца, всѣ посланники собрались и выѣхали изъ Самарканда.

CXXXII. Теперь, разсказавши, что случилось съ посланниками въ городѣ Самаркандѣ, я опишу самый городъ и царство, и то что царь сдѣлалъ, чтобъ его возвеличить.

que les avia de llevar [levar]; por los quales les mandaba dar en quatro ciudades, en donde avian de llegar, á cada uno un caballo: el qual les dixo, que los Mirassaes les enviaban á mandar que partiesen luego de alli: é ellos les dixeron, que non partirian de alli sin ver al Señor, ó sin una carta suya: é él les dixo, que en caso que ellos non quisiesen, avian de partir con su grado, ó sin él. E este dia ovieron de partir de alli do posaban, é fueron posar en una huerta cerca de la ciudad é con ellos el Embajador del Soldan de Babylonia, que posaban en uno, é la guarda que los avia de llevar, é dixeron que descendiesen alli, é esperarian á los Embajadores de la Turquia. E estovieron en esta dicha huerta el dicho martes que alli llegaron, é miercoles é jueves é viernes, que fueron veinte é un dias del dicho mes de Noviembre, los dichos fueron juntos todos en uno, é partieron de aqui de Samarcante.

189. CXXXII. E agora [a hora] que vos he escrebido de lo que á los dichos Embajadores fué fecho en esta ciudad de Samarcante, escrebiré de la ciudad é de su tierra, é de las cosas que el Señor facia por la ennoblecer.

Городъ Самаркандъ лежитъ на равнинѣ и окруженъ земля-нымъ валомъ и глубокими рвами; онъ немного больше города Севильи; (т. е. то, что внутри вала), а внѣ города построено много домовъ, присоединяющихся къ нему какъ предмѣстья съ разныхъ сторонъ. Весь городъ окруженъ садами и виноградниками, которые тянутся въ иныхъ мѣстахъ на полторы лиги, а въ иныхъ на двѣ, и стоитъ посреди нихъ; промежду этими садами есть улицы и площади очень населенныя, гдѣ живетъ много народу и продается хлѣбъ, мясо и многое другое; такъ что то, что выстроено внѣ вала, гораздо больше того, что внутри. Въ этихъ садахъ, находящихся внѣ города, есть много большихъ и важныхъ домовъ, и у самого царя тамъ есть дворцы и главныя кладовыя. Кромѣ того у многихъ знатныхъ горожанъ есть въ этихъ садахъ дома и помѣщенія. Столько этихъ садовъ и виноградниковъ, что когда пріѣзжаешь къ городу, то видишь точно лѣсъ изъ высокихъ деревьевъ, и посреди его самый городъ. По городу и по садамъ идетъ много водопроводовъ. Промежду этими садами разведено много дынь и хлопка. Дыни въ этой стра-

La ciudad de Samarcante está asentada en un llano, é es cercada de un muro de tierra, é de cavas muy hondas, é es poco mas grande que la ciudad de Sevilla [lo que asi es cercado]; pero de fuera de la ciudad ay muy gran pueblo de casas, que son ayuntadas como barrios en muchas partes: ca la ciudad es toda en derredor cercada de muchas huertas é viñas, é duran estas huertas en lugar legua é media, é lugar dos leguas, é la ciudad en medio; é entre estas huertas ay calles y plazas muy pobladas, ca vive mucha gente, é venden pan y carne, y otras muchas cosas, asi que lo que es poblado de fuera de los muros, es muy mayor pueblo que lo que es cercado. E entre estas huertas que de fuera de la ciudad son, estan las grandes é honradas casas, é el Señor alli tenia los sus palacios é cavas honradas. Otrosi los Grandes omes de la ciudad las [la] sus estanzas é casas entre estas huertas las tenian; é tantas son estas huertas é viñas é cerca de la ciudad, que quando ome llega á la ciudad, non paresce si non una montaña de muy altos arboles, é la ciudad asentada en medio: é por la ciudad, é por entre estas dichas huertas iban muchas acequias de agua; é entre estas huertas avia mu-

нѣ очень хороши и обильны. Около Рождества у нихъ бываетъ столько дынь и винограду, что удивительно: каждый день пріѣзжаютъ верблюды, нагруженные дынями, въ такомъ количествѣ, что нельзя не изумляться, какъ онѣ продаются и потребляются; а въ селеньяхъ ихъ столько, что ихъ сушатъ и сохраняютъ какъ фиги, и держатъ ихъ до другого года. Сушатъ ихъ такимъ способомъ: рѣжутъ поперекъ большими кусками, срѣзаютъ кожу и кладутъ на солнцѣ; а когда высохнутъ, складываютъ ихъ вмѣстѣ, кладутъ въ мѣшки и такъ берегутъ до слѣдующаго года. Внѣ города есть большія равнины, на которыхъ находятся большія и многолюдныя селенья, гдѣ царь поселилъ людей, присланныхъ имъ изъ другихъ покоренныхъ имъ странъ.

CXXXIII. Эта земля богата всѣмъ, и хлѣбомъ, и виномъ, и плодами, и птицами, и разнымъ мясомъ; бараны тамъ очень большіе и съ большими хвостами: есть бараны съ хвостами вѣсомъ въ двадцать фунтовъ, столько сколько человѣкъ можетъ удержать въ рукѣ. И этихъ барановъ столько, и они такъ дешевы, что когда царь былъ тамъ со всѣмъ своимъ войскомъ, пара ихъ стоила

chos melonares é algodones, é los melones desta tierra son muchos y buenos; é por Navidad ay tantos melones é uvas, que es maravilla: é de cada dia vienen muchos camellos cargados de melones, tantos que es maravilla como se gastan é comen; é en las aldeas ay tantos dellos, que los pasan é facen dellos como de los figos, que los tienen de un año á otro; é pasanlos desta manera: cortanlos al través pedazos grandes, é quitanles las cortezas, é ponenlos al sol; é desque «son» secos, tuercenlos unos con otros, é | metenlos en unas seras, é alli los tienen de un año á otro. E fuera de la ciudad ay grandes llanuras, en que ay muchas aldeas y muy pobladas, que el Señor fizo poblar de la gente que alli enviaba de las otras tierras que conquistaba.

CXXXIII. E es tierra muy abastada de todas las cosas, asi de pan,
como de vino é de carnes, frutas é aves; é los carneros son muy gran-
des, é han las colas grandes; é carneros ay que han la cola tan grande
190. como veinte libras, quanto un ome ha que tener en la mano: é destos
carneros ay tantos é tan de mercado, que estando alli el Señor con toda
su hueste, valia un par dellos un ducado. Otrosi de mercado avia tan

дукатъ. Другіе товары были тоже такъ дешевы, что за одно мери, которое стоитъ полъ реала, давали полторы фанеги ячменю. Хлѣбъ такъ дешевъ какъ нельзя больше, а рису просто нѣтъ конца. Такъ изобиленъ и богатъ этотъ городъ и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться; и за это богатство онъ и былъ названъ Самаркандомъ. Настоящее имя его Симескинтъ, что значитъ богатое селенье, такъ какъ симесъ у нихъ значитъ большой, а кинтъ—селенье; и отсюда взялось имя Самаркандъ. Богатство его заключается не только въ продовольствіи, но и въ шелковыхъ тканяхъ, атласѣ, камоканѣ, сендалѣ, тафтѣ и терсеналѣ, которыхъ тамъ дѣлается очень много, въ подкладкахъ изъ мѣха и шелка, въ притираньяхъ, пряностяхъ, красках̂ъ золотой и лазоревой и въ разныхъ другихъ произведеніяхъ. По этому царь такъ хотѣлъ возвеличить этотъ городъ, и какія страны онъ ни завоевывалъ и ни покорялъ, отовсюду привозилъ людей, чтобы они населяли городъ и окрестную землю; особенно старался онъ собирать мастеровъ по разнымъ ремесламъ. Изъ Дамаска привезъ онъ всякихъ мастеровъ, какихъ только могъ найдти: такихъ, которые ткутъ разныя шелковыя ткани, такихъ, что дѣлаютъ луки для стрѣльбы и разное вооруженіе,

gran [grande] mercado, que por un meri, que es medio real, daban hanega y media de cebada; é de pan cocido ay tan gran mercado, que non podia ser mas; é de arroz ay tanto, que es infinito. E tan gruesa é abastada es esta dicha ciudad é su tierra, que es maravilla: é por este bastimento que en ella ay ovo este nombre Samarcante, é el su nombre proprio es Cimesquinte, que quiere decir aldea gruesa, e Cimes dicen por grueso, é Quinte por aldea; de aqui tomó nombre Samarcante. E el bastimento desta tierra non es solamente de viandas, mas de paños de seda setunis é camocanes é cendales é tafetaes é tercenales, que se facen alli muchos, é forraduras de peñas é seda, é tinturas é especeria, é colores de oro é de azul, é de otras maneras. Por lo qual el Señor avia tan gran voluntad de ennoblecer esta ciudad, ca en quantas tierras él fué é conquistó, de tantas fizo llevar gente que poblasen esta ciudad, é en su tierra, señaladamente de maestros de todas artes. De Damasco llevó [levó] los maestros que pudo aver, asi de paños de seda de todas maneras, [58] como los que facen arcos con que ellos tiran, é armeros, é los que labran el vidrio é barro, que

такихъ, что обработываютъ стекло и глину, которыя у нихъ самыя лучшія во всемъ свѣтѣ. Изъ Турціи привезъ онъ стрѣлковъ и другихъ ремесленниковъ, какихъ могъ найдти: каменьщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, сколько ихъ нашлось; и столько ихъ привезъ, что какихъ угодно мастеровъ и ремесленниковъ можно найдти въ этомъ городѣ. Кромѣ того онъ привезъ инженеровъ и бомбардировъ и тѣхъ, которые дѣлаютъ веревки для машинъ; они посѣяли коноплю и ленъ, которыхъ до тѣхъ поръ не было въ этой землѣ. Столько всякаго народу со всѣхъ земель собралъ онъ въ этотъ городъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, что всего, говорятъ, было больше полутораста тысячъ человѣкъ. Между ними было много разныхъ племенъ: Турокъ, Арабовъ и Мавровъ и другихъ народовъ, Армянскихъ Христіанъ, и Грековъ католиковъ, и Наскориновъ, и Якобитовъ, и тѣхъ Христіанъ, которые совершаютъ крещеніе огнемъ на лицѣ, и имѣютъ нѣкоторыя особыя понятія. Этого народу было столько, что онъ не могъ помѣститься ни въ городѣ, ни на площадяхъ, ни на улицахъ, ни въ селеньяхъ; и даже внѣ города, подъ деревьями и въ пещерахъ его было удивительно какъ много. Кромѣ этого городъ изобилуетъ разными

los avia alli los mejores del mundo. E de la Turquia llevó ballesteros, é otros de otras artes, quantos [quanto] alli falló, é albañis é plateros, quantos alli falló; é tantos destos llevó, que de todos los maestros é menestriles que quisieredes, fallariades en esta ciudad. Otrosi llevó maestros de ingenios é bombarderos, é los que facen las cuerdas para los ingenios: é estos sembraron cañamo é lino, que lo nunca ovo en esta tierra fasta agora. E tantas gentes fueron las que á esta ciudad fizo traer de todas naciones, asi omes como mugeres, que decian que eran mas de ciento y cincuenta mil personas: é en estas gentes, que alli asi llevó, avia muchas naciones, asi como Turcos é Alárabes é Moros, é de otras naciones, é Christianos Armenios, é Griegos Cathólicos, é Nascorinos é Jacobitas, é de
191. los que se bautizan con fuego en el rostro, que son Christianos de ciertas opiniones que en la ley han; é destas gentes avia tantas, que non podian caber en la ciudad, nin en las plazas, nin calles é aldeas; é de fuera de la ciudad so arboles é en cuevas avia tantos que era maravilla. E otrosi esta ciudad es muy abastada de muchas mercadurias [mercaderias] que á

товарами, которые привозятся въ него изъ другихъ странъ: изъ Руші и Татаріи приходятъ кожи и полотна, изъ Катая шелковыя ткани, которыя въ этой странѣ приготовляются всего лучше, особенно атласы, считающіеся лучшими въ мірѣ; а самые лучшіе тѣ, которые безъ узоровъ. Кромѣ того привозится мускусъ, котораго нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ кромѣ Катая; рубины и брильянты, такъ что большая часть тѣхъ, которые есть въ этой странѣ, привозится оттуда; жемчугъ, ревень и много разныхъ пряностей. То, что идетъ въ этотъ городъ изъ Катая, дороже и лучше всего, что привозятъ изъ другихъ странъ. Жители Катая считаютъ себя самыми искусными людьми во всемъ мірѣ; они говорятъ, что у нихъ два глаза, что Мавры слѣпые, а у Франковъ одинъ глазъ; и что во всемъ, что они дѣлаютъ, они превосходятъ всѣ народы въ свѣтѣ. Изъ Индіи въ этотъ городъ идутъ мелкія пряности, т. е. самый лучшій сортъ: мускатные орѣхи, гвоздика, мускатный цвѣтъ, корица, инбирь, цвѣтъ корицы, манна и разныя другія, которыя не отправляются въ Александрію. Въ городѣ есть много площадей, гдѣ продаютъ мясо, вареное и

ella vienen de otras partes, ca de Ruxia é de Tartaria [Tartalia] van cueros é lienzos, é del Catay paños de seda, que son los mejores que en aquella partida se facen, señaladamente los setunis, que dicen que son los mejores del mundo, é son los mejores los que son sin labores. Otrosi viene almizque, que non lo ay en el mundo salvo en el Catay, é otrosi balaxes é diamantes, que los mas que son en esta partida, de alli vienen, é alxofar é ruybarbo, é otras muchas | especias [aspecias]. E las cosas que del Catay á esta dicha ciudad vienen, son las mejores é mas preciadas de quantas alli vienen de otras partes; é los del Catay 'asi lo dicen, que ellos son las gentes mas sotiles que en el mundo ay: é dicen que ellos han dos ojos, é que los Moros son ciegos, é que los Francos han un ojo; é ellos llevan la ventaja en las cosas que facen, á todas las naciones del mundo. E de la India vienen á esta ciudad las especias menudas, que es la mejor suerte dellas, asi como nueces moscadas, é clavos de girofre, é macis, é flor de canela, é gengible é cinamomo é maná, é otras muchas especias que non van en Alexandria. E por la ciudad ay muchas plazas en que venden carne cocida é adobada de muy muchas maneras. é gallinas é aves muy limpia-

приготовленное разнымъ образомъ, и куръ и птицъ, очень чисто приготовленныхъ, также хлѣбъ и плоды, все въ большой чистотѣ; эти площади и днемъ и ночью полны и на нихъ идетъ постоянно большая торговля. Также есть много мясныхъ, гдѣ продаютъ мясо, и куръ, и куропатокъ, и фазановъ, и все это можно найдти днемъ и ночью. Въ концѣ города стоитъ замокъ, съ внѣшней стороны какъ будто на плоскомъ пространствѣ, но окруженный очень глубокимъ рвомъ, который образуется ручьемъ, и отъ этого рва замокъ дѣлается неприступнымъ. Въ немъ царь хранилъ свою казну, и туда не входилъ никто, кромѣ алькада и его людей; въ этомъ же замкѣ царь держалъ около тысячи плѣнныхъ мастеровъ, которые дѣлали латы, шлемы, луки и стрѣлы, и круглый годъ работали для него. Когда царь выѣхалъ изъ этого города воевать въ Турціи и разрушилъ Дамаскъ, онъ приказалъ, чтобы всѣ тѣ, которые должны были идти въ его войскѣ, взяли съ собою своихъ женъ; что если ихъ оставятъ, то онъ дастъ имъ позволеніе дѣлать что хотятъ. Это онъ сдѣлалъ потому, что намѣревался быть въ отсутствіи семь лѣтъ, воюя со своими врагами; и обѣщалъ и поклялся не вступать въ этотъ

mente adobadas, é otrosi pan é frutas muy limpiamente: é asi estan todas estas plazas, siempre asi compuestas de dia como de noche vendiendo muchas cosas. Otrosi ay muchas carnicerias de carne é de gallinas, é de perdices é faysanes, é fallabanlas de dia é de noche. E al un cabo de la ciudad estaba un castillo que era muy llano de partes de fuera; pero avia unas quebradas muy hondas en demasia, que un arroyo le face, asi que es fuerte el castillo por aquellas quebradas; é en este castillo tenia el Señor su tesoro, é non entraba ende ningun ome, salvo el Alcayde é sus omes: é en este castillo tenia el Señor fasta mil omes captivos, [cautivos], que eran maestros de fojas é de bacinetes, é de arcos é flechas, que todo el año labraban para el Señor. E quando el Señor partió desta
192. ciudad, que vino á facer guerra á la Turquia, é destruyó á Damasco, mandó que todos los | que con él avian de ir en hueste, [que] llevasen consigo sus mugeres; que si las dexasen, que les daba licencia que ficiesen de sí lo que quisiesen; é esto que lo facia, por quanto entendia estar fuera de aquella ciudad siete años faciendo guerra á sus enemigos; é juró é pro-

городъ, пока не пройдетъ семь лѣтъ. Теперь, когда онъ возвратился въ этотъ городъ, пріѣхали къ нему посланники отъ императора Катайскаго, сказать, что вѣдь ему извѣстно, что эта земля дана ему въ управленіе, и за это онъ долженъ платить дань каждый годъ; а теперь вотъ ужь семь лѣтъ онъ не платилъ, такъ не угодно ли ему заплатить. Онъ отвѣчалъ, что это правда и онъ заплатитъ дань, но не хочетъ отдавать ее имъ, чтобъ они не завладѣли ею дорогой, а самъ привезетъ ее; это онъ говорилъ шутя, потому что не имѣлъ намѣренія платить дань. И теперь уже около восьми лѣтъ, что она не плачена, и императоръ Катайскій не присылалъ за ней; а причина тому, что онъ за этой данью не присылалъ, вотъ какая.

CXXXIV. Императоръ Катайскій умеръ и оставилъ трехъ сыновей, которымъ отдалъ свои земли и владѣнія. Старшій захотѣлъ отнять земли у двухъ другихъ и убилъ младшаго, а средній началъ войну съ нимъ и побѣдилъ его. Старшій съ отчаянія, что потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ тѣмъ, который моложе его, поджегъ свой станъ и сгорѣлъ со множествомъ народу,

metió de non entrar en aquel castillo fasta que fuesen cumplidos los dichos siète años. E agora quando el Señor tornaba para esta ciudad, llegaronse unos Embajadores que el Emperador del Catay le enviaba, con los quales le envió á decir, que bien sabia en cómo tenia aquella tierra encomendada por él, que le daba trebuto [tributo] de cada año por ella, é que avia siete años que se lo non avia dado, que se lo quisiese dar; el qual le respondió, que era verdad, é que se lo querian dar, mas que lo non daria á ellos, porque se lo non tomasen en el camino, mas que él mesmo se lo queria llevar: é esto decia él en escarnio, ca non tenia en voluntad de se lo dar. E este trebuto [tributo] avia cerca de ocho años que se lo non diera, nin el Emperador del Catay enviára por ello; é la razon, porque el Emperador del Catay non enviára por este trebuto, es esta.

CXXXIV. El Emperador del Catay finó, é dexó tres fijos, á los quales dexó sus tierras é señorios; é el mayor dellos quisiera tomar el señorio é tierras á los otros dos, é mató al menor, é el mediano peleó con el mayor é venciólo; el mayor con desesperamiento que le iba mal todavia con el

а среднiй остался царемъ. Возстановивши спокойствiе во всей землѣ, онъ послалъ тѣхъ посланниковъ къ Тамурбеку, чтобъ онъ далъ ему дань, которую давалъ его отцу; этихъ то посланниковъ Тамурбекъ хотѣлъ повѣсить, какъ мы уже слышали, и не знаемъ, что теперь сдѣлаетъ царь Катайскiй, отвѣтитъ ли онъ на это оскорбленiе, или нѣтъ.

Отъ города Самарканда до главнаго города Катая, который называется Камбалекъ, самаго большого города во всемъ царствѣ, шесть мѣсяцевъ пути, и въ продолженiе двухъ мѣсяцевъ изъ этихъ шести не встрѣчается никакого поселенiя кромѣ пастуховъ, которые ходятъ по полю со стадами. Въ этотъ годъ, въ iюнѣ мѣсяцѣ, изъ Камбалека въ Самаркандъ пришло почти восемьсотъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами. И когда Тамурбекъ прiѣхалъ теперь въ Самаркандъ, то, разсердившись на то, что ему сказали Катайскiе посланники, онъ велѣлъ задержать этихъ верблюдовъ и не пускать ихъ. Наши посланники видѣлись съ людьми, которые пришли съ этими верблюдами, и они разсказывали имъ чудеса объ огромномъ множествѣ людей и земли, которыми владѣлъ царь Катайскiй. Больше всего видѣлись они

menor, fizo poner fuego á su real, é quemóse él é mucha de su gente, é el mediano quedó señor. E desque ovo puesto en sosiego toda la tierra, envió estos Embajadores al Tamurbec, que le diese el trebuto [tributo] que le solia dar á su padre: los quales Embajadores tenia el Tamurbec para enforcar, como ave|mos oido, é non sabemos lo que sobre esto se faga el Señor del Catay, si queria acolinar esta deshonra, ó non.

E desde la ciudad de Samarcante fasta la ciudad mayor del Catay, que llaman Cambalec, que es la mayor ciudad que en todo el Imperio ay, ha seis meses de andadura, é los dos meses dellos non han poblado ninguno, salvo de pastores [e de ganados] que andan en el campo con [sus] ganados. E este año avian [avia] venido de Camalec á esta ciudad de Samarcante en el mes de Junio fasta ochocientos camellos cargados de mer-
193. cadurias; é quando el Tamurbec agora esta vez alli llegó, con despecho de lo que los Embajadores del Catay le dixeron, mandó detener estos camellos que los non dexa ir, é con omes que vinieron de Cambalec con estos camellos, estovieron los dichos Embajadores; é contabanles maravil-

съ однимъ человѣкомъ, который разсказывалъ, что онъ прожилъ шесть мѣсяцевъ въ Камбалекѣ. Онъ говорилъ, что Камбалекъ стоитъ на берегу моря, и что онъ будетъ въ двадцать разъ больше Тауриса; (по этому можно судить, что) онъ больше всѣхъ городовъ на свѣтѣ, такъ какъ Таурисъ больше лиги въ длину, а онъ, значитъ, будетъ двадцать лигъ. Говорятъ, что у Катайскаго царя столько войска, что когда онъ его собиралъ, чтобъ идти на войну изъ своего царства, то кромѣ того, что отправлялось съ нимъ, оставалось охранять землю болѣе четырехъ сотъ тысячь всадниковъ. Кромѣ того разсказывали, что въ царствѣ Катайскомъ такой обычай, что только тотъ можетъ ѣздить верхомъ, у кого есть своихъ тысяча человѣкъ; и такихъ удивительно много. Такія и другія подобныя чудеса разсказывалъ онъ объ этомъ городѣ и объ этой странѣ. Этотъ Катайскій императоръ прежде былъ язычникомъ, а потомъ обратился въ христіанскую вѣру.

CXXXV. Въ то время какъ наши посланники были въ Самаркандѣ, совершилось семь лѣтъ, до истеченія которыхъ Тамурбекъ обѣщалъ не вступать въ замокъ Самаркандскій, гдѣ онъ хранилъ

las del gran poderio de gentes é de tierras que el Señor del Catay avia; é señaladamente estovieron con un ome que decia que estoviera seis meses en la ciudad de Cambalec, é decia que era acerca del mar, é que podia ser tan grande como veinte veces Tauris: es la mayor ciudad del mundo, ca Tauris ha en luengo una gran legua é mas; asi que avria veinte leguas en ella: é diz que el Señor del Catay avia tan gran gente, que quando ayuntaba gente para ir en hueste fuera de su señorio, sin los que iban con él, quedaban en guarda de la tierra quatrocientos mil omes á caballo, é mas que guardaban la tierra: é decia mas, que era costumbre del Señor del Catay, que ningun ome pudiese andar á caballo, salvo el que oviese mil omes de suyo, é destos que avia tantos que era maravilla; é estas otras maravillas contaba de aquella ciudad, é de aquella tierra.| [59] E este Emperador del Catay solia ser gentil, é fué convertido á la fé de los Christianos.

CXXXV. E estando los Embajadores en esta ciudad de Samarcante, cumpliase el tiempo de los siete años que el Tamurbec prometiera de non entrar en el castillo de Samarcante, donde tenia su tesoro; é entró

свою казну; и онъ вступилъ въ него съ такимъ торжествомъ и веселіемъ, что на удивленіе. Онъ приказалъ нести передъ собою все оружіе, которое сработали плѣнники послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ города. Въ числѣ этого оружія несли три тысячи паръ латъ, украшенныхъ краснымъ сукномъ, очень хорошо сдѣланныхъ; только они не дѣлаютъ ихъ довольно крѣпкими и не умѣютъ закалять желѣзо. Потомъ несли передъ нимъ много шлемовъ; и онъ въ этотъ день подѣлилъ и роздалъ эти шлемы и латы рыцарямъ и разнымъ другимъ особамъ. Ихъ шлемы круглые и высокіе, нѣкоторые до самаго верху [1]. Напереди передъ лицемъ противъ носа идетъ полоса шириною въ два пальца, которая доходитъ до бороды и можетъ подниматься и опускаться; она сдѣлана для того, чтобы защищать лице отъ удара поперекъ; а латы сдѣланы такъ же какъ наши, только у нихъ спускается полоса изъ другой ткани и видна изъ подъ латъ какъ рубашка.

CXXXVI. На разстояніи пятнадцати дней пути отъ Самарканда по направленію къ Катайской землѣ лежитъ земля, гдѣ жили амазонки. До сихъ поръ онѣ соблюдаютъ обычай не имѣть у себя

en él con gran alegria é fiesta, que fué una maravilla: é fizo traer ante sí todas las armas que aquellos sus captivos avian labrado desde que él partiera de la ciudad; entre las quales armas troxieron tres mil pares de fojas guarnidas en tapete colorado, bien fechas, salvo que las non facen fuertes, nin las saben templar el fierro. Otrosi le troxieron [troxeron] delante muchos bacinetes [bacines], é partió é dió este dia á los Caballeros é otras personas de aquellas fojas é bacinetes; é los sus bacinetes son redondos é altos, é algunos fácia arriba; é por delante el rostro en derecho de las narices les dice una chapa tan ancha como dos dedos, que llega fasta la barba, que se alza é baxa, é son por guardar el rostro de cuchillada de través; é las fojas son fechas como las nuestras, salvo que han unas fal-
194. das luengas de otro paño que salen debaxo de las fojas como camisas.

CXXXVI. E quince jornadas desta ciudad de Samarcante fácia la tierra del Catay, ay una tierra donde fueron las Amazonas, é hoy dia mantienen la

---

[1]) Вѣроятно здѣсь есть пропускъ.

мужчинъ; только когда приходитъ опредѣленное время года, ихъ старшія даютъ имъ отпускъ и онѣ отправляются со своими дочерьми въ сосѣднія земли и мѣста. Увидя ихъ, мужчины приглашаютъ ихъ къ себѣ, и онѣ идутъ съ тѣми, кто имъ больше нравится, пьютъ и ѣдятъ съ ними и остаются пировать у нихъ нѣкоторое время, а потомъ возвращаются въ свою землю. Если у нихъ родятся дочери, онѣ оставляютъ ихъ у себя, а если родятся сыновья, то онѣ посылаютъ ихъ туда, гдѣ ихъ отцы. Эти женщины живутъ во владѣніяхъ Тамурбека, а прежде ихъ земля принадлежала къ Катайскому царству. Онѣ Христіанки Греческаго вѣроисповѣданія и происходятъ отъ тѣхъ амазонокъ, которыя были въ Троѣ, когда ее разрушили Греки. Въ Троѣ было два рода амазонокъ: однѣ эти, а другія изъ Турецкой земли.

CXXXVII. Въ городѣ Самаркандѣ соблюдается справедливость, и ни одинъ человѣкъ не смѣетъ обидѣть другого или сдѣлать какое-нибудь насиліе безъ приказанія царя; а царь дѣлаетъ его столько, что съ нихъ довольно.

Царь всегда возитъ съ собою судей, которые распоряжают-

costumbre de non tener omes consigo, salvo quando viene un tiempo del año, han licencia [licenciae] de las mayores dellas, é toman sus fijas consigo, é vanse á las tierras é lugares que son mas cercanos; é quando los omes las ven, convidanlas, é ellas vanse con aquel que mas quieren, é comen é beben con ellos, é estanse alli un tiempo comiendo y bebiendo, é de sí tornanse para sus tierras. E si paren fijas, tienenlas con|sigo; é si paren fijos, envianlos al lugar donde son sus padres: é estas mugeres son so el señorio del Tamurbec, é solian ser del señorio del Catay, é son Christianas á la fé Griguesca; é estas fueron del linage de las Amazonas que se acaescieron en Troya, quando la destruyeron [estruyeron] los Griegos, ca en Troya se acaescieron dos linages destas Amazonas, las unas fueron de la tierra de la Turquia, é las otras son estas.

CXXXVII. E otrosi esta ciudad de Samarcante es mantenida en justicia, ca los de la tierra non osarian facer desafuero nin fuerza uno á otro salvo con mandado del Señor, é él las facia á tanto que abastaba asaz.

E el Señor trae consigo continuadamente jueces que libran en el su

ся его станомъ и домомъ, а когда они куда нибудь пріѣзжаютъ, то и всѣми людьми той страны, и ихъ всѣ слушаются. Эти судьи опредѣлены для разнаго рода дѣлъ такимъ образомъ: одни разрѣшаютъ важныя дѣла и ссоры, которыя случаются между ними; другіе ведутъ дѣла, касающіяся царской казны; нѣкоторые завѣдываютъ намѣстниками, управляющими въ разныхъ земляхъ и городахъ зависящихъ отъ царя; другіе посланниками; и когда становится станъ, они уже знаютъ, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ помѣститься и вести свои дѣла. Они ставятъ три палатки и тамъ выслушиваютъ тѣхъ, кто къ нимъ приходитъ, и разрѣшаютъ дѣла; оттуда идутъ и докладываютъ царю, а потомъ возвращаются и сдаютъ дѣла по шести и по четыре. Когда они приказываютъ дать какую нибудь бумагу, то тутъ же находятся ихъ писаря, которые составляютъ ее сейчасъ же и не очень распространяясь; когда она готова, ее заносятъ въ записную книгу, которая всегда находится при нихъ и тотчасъ ставятъ знакъ; потомъ ее даютъ оидору, чтобъ онъ выдалъ ее; онъ беретъ серебряную вырѣзанную печать, мажетъ ее черниломъ и отпечатываетъ на внутренней сторонѣ бумаги;

real é casa, é quando llegan á alguna tierra, á todos los de la tierra libran, é oyense ellos; los quales jueces son ordenados é libran en esta manera: los unos libran los grandes fechos é querellas de fuerzas que entre ellos acaescen; é otros libran en fechos del dinero del Señor, é otros despachan á los Procuradores de las tierras é ciudades que al Señor vienen, é otros á los Embajadores: é estos, quando el real está asentado, ya saben donde cada uno dellos se han de sentar á librar. E ponen las tres tiendas, é alli oyen é libran á los que ante ellos vienen, é de alli se levantan é van á facer relacion al Señor; é de sí tornan é libran de seis en seis, é dellos de quatro en quatro. E quando mandan dar alguna carta, sus escribanos estan alli que la facen luego, é non de mucha escriptura: é como es fecha, ponenla en su libro del registro, que traen ellos consigo, é facen luego una señal: é de sí dala al Oydor que la libre, é él toma luego un sello de plata ca|vado, é untalo con tinta, é de sí ponelo en la carta
195. de partes de dentro, é de sí tomala el otro é régistrala, é dala á su Se-

потомъ беретъ ее другой и записываетъ, отдаетъ своему начальнику и тотъ припечатываетъ черниломъ; когда сдѣлаютъ такъ трое или четверо, то по серединѣ прикладываютъ другую царскую печать, на которой написано буквами «правда», а посреди три знака такимъ образомъ:

oo
0

Такъ что у каждаго оидора свой писарь и своя книга. Когда такая бумага выдана, то стоитъ только показать на ней печати царя и мирассъ, какъ все исполняется по ней безъ малѣйшаго промедленія, въ тотъ же день и въ тотъ же часъ.

CXXXVIII. Теперь, описавъ вамъ городъ Самаркандъ и разсказавъ, что тамъ было съ посланниками и что случилось у нихъ съ царемъ, я разскажу, какъ Тамурбекъ побѣдилъ и разбилъ Тотамиша, могущественнаго и доблестнаго человѣка, который былъ императоромъ въ Татаріи и силою былъ даже больше Турка; и какъ въ Татаріи возвысился одинъ рыцарь, подвластный Тамурбеку, котораго зовутъ Едигуй: теперь же у Тамурбека нѣтъ врага больше этого Едигуя.

ñor, é sella con tinta; é desque ha librado tres ó quatro dellos, ponen en medio otro sello del Señor que es escripto de unas letras que dicen, «la verdad»; é tiene en medio tres señales como esta:

oo
0

Asi que cada Oydor tiene su escribano ó su registro. E esta carta tal desque es dada, é ven [ve] aquellos sellos de los Mirassaes, é el sello del Señor, quanto la [las] vean, luego sin otra luenga es ese dia é esa hora cumplida.

CXXXVIII. E pues vos he escrebido de la ciudad de Samarcante, é de lo que acaesció en ella á los dichos Embajadores, é lo que con el Señor les acaesció, escrebirvos he de cómo el Tamurbec venció é destruyó [estruyó] á Totamix, Emperador que fué de Tartaria [Tartalia], un poderoso é recio ome, que ovo muy mayor poder que el Turco: é de cómo se le alzó con el Imperio de Tartaria un Caballero que llamaban Ediguy [Edenguy], criado del Tamurbec; é el mayor enemigo que agora el Tamurbec ha, es este Ediguy [Edenguy].

Тому назадъ лѣтъ одиннадцать этотъ императоръ Татарскій Тотамишь, владѣтель большого царства и множества народа, выступилъ изъ Татаріи съ огромнымъ войскомъ, пошелъ на Персію, вошелъ во владѣнія Таурисскія и въ верхнюю Арменію, разграбилъ страну, взялъ много городовъ и замковъ и частью разрушилъ По той странѣ, которую онъ опустошилъ, посланники проѣзжали; это городъ Кольмаринъ, что въ Армянской землѣ; также городъ Сузаканія и вся его земля, и много другихъ мѣстъ. Окончивши весь этотъ грабежъ и больше еще въ той землѣ, въ которой царствовалъ Тамурбекъ, онъ пошелъ назадъ въ Татарію. Тамурбекъ узналъ объ этомъ и выступилъ со своимъ войскомъ, хотя войско Тотамиша было гораздо больше; погнался за нимъ и настигъ у большой рѣки, которая называется Тесина, уже не далеко отъ Татаріи. Тамурбекъ шелъ какъ можно скорѣе, чтобъ занять переходъ черезъ рѣку; потому что въ той странѣ гдѣ онъ шелъ, не было другого перехода черезъ эту рѣку кромѣ того, который онъ хотѣлъ занять. Когда Тамурбекъ пришелъ, царь Тотамишь уже переправился черезъ рѣку; и такъ какъ онъ зналъ, что Тамурбекъ догоняетъ его, то возвратился,

Puede aver once años que este Emperador de Tartaria [Tartalia] Totamix, siendo gran Señor, é aviendo muy gran gente, salió de Tartaria [Tartalia] con gran poderio de hueste, é vino en la Persia, é entró en tierra é señorio de Turis, é de Armenia la alta, é robó mucha tierra, é derrocó ciudades é castillos asaz, é destruyólos [estruyólos] para sí en parte. En la qual tierra que asi robó, los dichos Embajadores fueron por ella, é es esta la ciudad de Colmarin, que es en Armenia é en su tierra: é otrosi la ciudad de Susacania é toda su tierra, é otras muchas tierras. E desque fizo todo este robo é mas en esta tierra, siendo el Tamurbec Señor della, tornabanse para Tar|taria [Tartalia]; é el Tamurbec ovo sabiduria dél, é cabalgó con su hueste, como quiera que fuesen mucho mas los de Totamix; é fué en pos dél, é alcanzólo á un gran rio que es llamado Tesina, que era ya cerca de Tartaria [Tartalia]: é el Tamurbec anduvo quanto mas pudo por tomar aquel paso del rio; ca en aquella comarca donde el iba,
196. non avia en aquel rio salvo aquel paso que él pensaba tomar: é quando el Tamurbec llegó, el Emperador Totamix avia ya pasado el rio; é como

чтобы стеречь этотъ переходъ и заложилъ его лѣсомъ. Тамурбекъ, пришедши туда и увидѣвши, что Тотамишь защищаетъ переправу черезъ рѣку, послалъ сказать ему, что *онъ напрасно это дѣлаетъ, такъ какъ онъ, Тамурбекъ, не хочетъ съ нимъ воевать, а хочетъ быть его другомъ, и сохрани Богъ, чтобъ онъ когда нибудь желалъ ему зла.* Несмотря на это, императоръ остерегался его, такъ какъ зналъ, что онъ человѣкъ хитрый. На другой день Тамурбекъ выступилъ оттуда со своимъ войскомъ вверхъ по рѣкѣ; и Татарскій императоръ тоже двинулся со своимъ войскомъ по другому берегу рѣки; они шли такъ, одинъ по одной сторонѣ, а другой по другой, и гдѣ Тамурбекъ останавливался, тамъ останавливался на другой сторонѣ и Тотамишь. Такимъ образомъ они шли три дня, и ни одинъ не опередилъ другого. На третью ночь Тамурбекъ далъ приказъ по своему войску, чтобъ женщины надѣли на головы шлемы, чтобъ казаться мужчинами; а всѣмъ мужчинамъ приказалъ скакать какъ можно скорѣе и каждому взять двухъ лошадей: на одной ѣхать, а другую вести въ поводу; оставилъ станъ какъ онъ былъ, женщинъ, которыя казались мужчинами, и съ ними рабовъ и плѣнниковъ, а самъ воз-

supo que el Tamurbec iba en pos dél, tornó á guardar el paso del rio, é fizole cegar con madera: é como el Tamurbec llegó é falló que Totamix le guardaba el paso del rio, mandóle decir: *Que por qué facia aquello, que él non venia á pelear con él, que él su amigo era; é que Dios nunca quisiese que le mal buscase.* Con todo esto el Emperador guardabase dél, que sabia bien que era artero. E otro dia el Tamurbec partió de alli con su hueste el rio arriba, é el Emperador de Tartaria [Tartalia] movió eso mesmo con su hueste de la otra parte del rio; é fueronse asi el uno de la una parte, el otro de la otra; é do el Tamurbec asentó su hueste, alli asentó Totamix de la otra parte. E desta figura caminaron tres dias, que non andaba mas el uno que el otro: é al tercero dia en la noche el Tamurbec mandó por su hueste, que las mugeres se pusiesen alfaremes en las cabezas, porque paresciesen omes; é mandó que todos los omes cabalgasen prestamente, é que le llevase cada uno dellos dos caballos, uno en que fuese, é otro de la rienda; é dexó su real asentado, é las mugeres que parescian omes, é los captivos [cativos] é siervos dellos con ellas: é él tornó

вратился назадъ къ переправѣ; все, что прошелъ въ три дня, онъ снова проскакалъ въ эту ночь и переправился черезъ рѣку. Около третьяго часа онъ уже напалъ на станъ императора Тотамиша, разбилъ его, отнялъ все, что у него было, (а онъ везъ очень много), Тотамишъ же бѣжалъ. Это былъ великій и славный подвигъ, потому что у Тотамиша было большое войско, и одна изъ величайшихъ побѣдъ Тамурбека, даже важнѣе, говорятъ, чѣмъ надъ Туркомъ. Эта побѣда была большимъ позоромъ для Тотамиша, и онъ вновь собралъ большое войско, чтобъ идти на Тамурбека; а Тамурбекъ напалъ на него въ самой Татаріи, разбилъ и навелъ на народъ такой страхъ, что на удивленіе; и бѣжалъ императоръ Тотамишъ. Это привело въ уныніе всѣхъ Татаръ; они стали говорить, что у ихъ царя нѣтъ счастія, если его могли такъ побѣдить, и между ними начались несогласія. Одинъ рыцарь, служившій Тамурбеку, по имени Едигуй, замѣтивъ, что между Татарами было несогласіе, сговорился съ ними и обѣщалъ, что пойдетъ противъ Тамурбека и противъ всѣхъ, кто будетъ ихъ врагами. Они взяли его себѣ царемъ, и онъ возмутился противъ Тамурбека и сталъ

al paso del rio, é quanto avia andado los tres dias, tanto tornó à desandar aquella noche, é pasó él rio. E á hora de tercia [60] dió sobre el real del Emperador Totamix, é desbaratólo, é tomóles quanto llevaban, que iban muy ricos, é Totamix fuyó. E este fué un gran fecho é famoso, ca este Totamix traía muy gran hueste, é fué una de las grandes batallas que venció el Tamurbec, é decian que fué mayor que la del Turco. E este Emperador Totamix ovo muy gran deshonra deste vencimiento; é ayuntó otra vez muy gran hueste para venir sobre el Tamurbec, é esperólo, é fué sobre él á Tartaria [Tartalia], é desbaratólo; é puso tanto espanto en ellos, que fué maravilla, é fuyó el Emperador Totamix. E con esto los Tartaros [Tartalos] ovieron gran desmayo, é dixeron que el su Señor era deshecho é de corta ventura, pues que asi avia sido vencido; é ovo entre ellos desacuerdo. E un caballero criado del Tamurbec, que ha nombre Ediguy, desque vido el desacuerdo que entre los Tartaros [Tartalos] era,
197. traxo sus maneras con ellos, que seria contra el Tamurbec, é contra todas las gentes que contra ellos fuesen: é tomaronlo por Señor, é rebelose contra el Tamurbec, é trató como lo matase; porque él muerto, oviese la su

искать случая его убить, такъ какъ со смертью Тамурбека и его царство и Татарія перешли бы къ нему въ руки. Тамурбекъ узналъ объ этомъ и хотѣлъ схватить и убить его, но онъ убѣжалъ. Теперь царь Татарскій очень могущественный человѣкъ, и они большіе враги другъ другу. Разъ Тамурбекъ ходилъ на него съ войскомъ, но онъ не захотѣлъ дождаться его и убѣжалъ. Этотъ Едигуй водитъ постоянно въ своей ордѣ болѣе двухъ сотъ тысячь всадниковъ. Между тѣмъ Тотамишь, императоръ Татарскій, и Тамурбекъ помирились и стали вмѣстѣ стараться обмануть этого Эдигуя. Тамурбекъ послалъ сказать ему, *что вѣдь онъ знаетъ, что онъ въ его власти; что онъ его любитъ и прощаетъ, если онъ въ чемъ нибудь противъ него погрѣшилъ, и предлагаетъ дружбу*; *а чтобы между ними было родство, онъ предлагаетъ женить своего внука на его дочери*. Говорятъ, Едигуй отвѣчалъ ему, что *онъ прожилъ у него двадцать лѣтъ, и былъ изъ тѣхъ, кому Тамурбекъ больше всего довѣрялъ, что онъ знаетъ всѣ его уловки и что такими хитростями его не провести: онъ видитъ очень хорошо, что всѣ эти рѣчи для того только, чтобы обмануть его; если имъ дру-*

tierra é la Tartaria [Tartalia]. E el Tamurbec supolo, é quisieralo tomar para lo matar, é fuyóle. E agora el Señor de Tartaria [Tartalia] es muy poderoso ome, é es muy enemigo el uno del otro. E el Tamurbec fué una vez sobre él con su hueste, Ediguy [Edeguy] non lo quiso esperar, é fuyólo: é este Ediguy [Edeguy] trae de cada dia consigo en su Ordo mas de docientos mil omes á caballo. E Totamix, Emperador de Tartaria [Tartalia], é el Tamurbec ficieronse amigos, é trabajaron [trabajaronse] de engañar á este Ediguy [Edeguy]; é el Tamurbec envió á decir á este Ediguy [Edeguy]: *Que bien sabia en como era cosa suya*, *é que él que lo amaba*, *é perdonaba, si algun yerro le tenia fecho*, *é que él que fuese su amigo*;| *é que porque oviese debdo en su linage*, *que le daria un su nieto que casase con una su fija que él avia*. E diz que el dicho Ediguy [Edeguy] que le respondió; *Que él viviera con él veinte años*, *é que fuera él uno de los en quien él mas se fiaba*, *é que lo conoscia bien*, *é sabia todas sus maneras*, *é que con tal arte como aquella que él non lo podia engañar; que bien veía que aquellas razones non eran salvo seguro para lo engañar*, *é que si amigos avian de ser*, *que lo avian de ser en el campo*,

житься, такъ на полѣ, и со шпагою въ рукѣ. Такой отвѣтъ онъ далъ имъ. У императора Тотамиша былъ сынъ, котораго Едигуй выгналъ изъ его земли. Тотамишь бѣжалъ въ землю, которая недалеко отъ Самарканда, а сынъ въ Кафу, Генуезскій городъ, который граничитъ съ Татаріей. Едигуй напалъ на этотъ городъ Кафу, потому что сынъ Тотамиша оттуда воевалъ съ нимъ и нанесъ большой вредъ всей землѣ; жители города заключили миръ съ Едигуемъ, а сынъ Тотамиша бѣжалъ къ Тамурбеку. Этотъ Тотамишь и сыновья его живы и въ дружбѣ съ Тамурбекомъ. А Едигуй обратилъ и обращаетъ постоянно Татаръ въ магометанскую секту; еще недавно они не вѣрили ни въ ту вѣру ни въ другую, пока теперь не приняли магометанства.

CXXXIX. У царя есть войско, которое идетъ съ нимъ всегда и всюду въ такомъ порядкѣ. Оно раздѣлено между начальниками, и есть начальники надъ сотнею человѣкъ, надъ тысячею и надъ десятью тысячами и одинъ надъ всѣми какъ коннетабль. Когда онъ приказываетъ какому нибудь отряду идти куда нибудь, призываютъ этихъ начальниковъ и черезъ нихъ онъ узнаетъ и распредѣляетъ

é con el espada en la mano. E esta respuesta les dió: é este Emperador Totamix avia un fijo, é echólo de la tierra este Ediguy [Edeguy]; é Totamix fuyó á una tierra que es cerca de Samarcante, é el fijo fuése á Cafa, una ciudad de Genoyeses que confina con Tartaria [Tartalia]: el Ediguy [Edeguy] vino sobre esta ciudad de Cafa, por quanto el fijo de Totamix le facia guerra de alli de Cafa, é fizo gran daño en aquella tierra; é los de la ciudad ficieron paz con el dicho Ediguy [Edeguy], é el fijo de Totamix fuése para el Tamurbec. E este Totamix é sus fijos son vivos, é amigos del Tamurbec. E este Ediguy ha tornado y torna de cada dia á la seta de Mahomad á los Tartaros [Tartalos], que fasta poco tiempo ha non eran bien creyentes en una fé nin en otra, fasta agora que tomaron la seta de Mahomad.

CXXXIX. E el Señor tiene su gente é hueste que de cada dia anda con él ordenadamente en esta manera: tiene fechas Capitanias, é tiene Capitanes de cien omes, é otros de mil omes, é otros de diez mil omes, é uno sobre to-
198. dos como Condestable; é quando manda ir alguna gente á algun lugar, llaman estos Capitanes, é por ellos sabe, é reparte la gente que quiere.

войско какъ хочетъ. Тотъ, который теперь главный начальникъ, называется Джанса̀ Мирасса̀; это одинъ изъ тѣхъ, которые были за одно съ Тамурбекомъ при смерти Самаркандскаго императора; этому человѣку онъ оказалъ большія милости, подарилъ много земли и сдѣлалъ важнымъ вельможей. Кромѣ того Тамурбекъ отдаетъ своимъ рыцарямъ на сбереженіе своихъ лошадей и барановъ по всей землѣ, кому тысячу, кому десять тысячь; и если они не возвращаютъ, когда онъ требуетъ ихъ назадъ, или нѣсколькихъ не достаетъ, то онъ не соглашается ни на какую пеню, а беретъ у нихъ сколько есть, ихъ же самихъ убиваетъ.

CXL. Теперь, разсказавши все то, что вы слышали, я опишу возвращеніе посланниковъ и то, что съ ними случилось на пути. Въ томъ саду, гдѣ они остановились, къ нимъ присоединился посланникъ султана Вавилонскаго, потомъ братъ одного важнаго владѣтеля въ Турціи, по имени Аламанъ Олгланъ; потомъ одинъ изъ Сабастріи, другой изъ города Альтолого; третій изъ города который называется Палацiя, еще одинъ изъ города Альтолого, и всѣ они отправились оттуда вмѣстѣ; потому что мирассы̀, когда увидали, въ какомъ положеніи находился царь, рѣшили ото-

E este que agora es Capitan mayor, llaman Janza Mirassa, é fué uno de los que fueron en la muerte del Emperador de Samarcante con el | Tamurbec; é es ome á quien ha fecho mucha merced, é á quien ha dado mucha tierra, é le ha fecho gran Señor. Otrosi el Tamurbec tiene dados sus caballos á Caballeros, é carneros en guarda por las tierras, aquel mil, aquel diez mil; é si se los non dan, quando los demanda, ó le fallescen algunos dellos, non quiere otra paga salvo tomarles quantos tienen, encima matarlos.

CXL. E agora que he escrebido destas razones que avedes oido, escrebiré de la venida de los dichos Embajadores, é de lo que les acaesció en el camino. En su viage en esta hueste donde estaban, se ayuntaron con ellos el Embajador del Soldan de Babylonia, é otro que era hermano de un gran Señor de la Turquia, que ha nombre Alaman Olglan, é otro de Sabastria, é otro de la ciudad de Altologo, é otro de otra ciudad que es llamada Palatia, é otro de la dicha ciudad de Altologo, é todos partieron de aqui en una compañia; ca los Mirassaes desque vieron al Señor como estaba, acordaron de los enviar en uno; é non troxieron el camino que

слать ихъ всѣхъ за разъ. Они не пошли по тому пути, по которому прибыли, а по другому, лѣвѣе, ближе къ сторонѣ Татаріи.

Въ пятницу, двадцать перваго ноября, посланники выѣхали изъ Самарканда и вступили на хорошую, ровную и многолюдную дорогу. Шесть дней они шли по хорошо населенной дорогѣ, гдѣ имъ давали все, что имъ было нужно, и пищу и помѣщеніе.

Въ четвергъ, двадцать седьмого числа ноября мѣсяца, пріѣхали въ большой городъ, который называется Бояръ, стоитъ на большой равнинѣ и окруженъ землянымъ валомъ и глубокимъ рвомъ, полнымъ воды. На одномъ концѣ его была крѣпость, тоже изъ земляного вала, потому что въ этой странѣ нѣтъ камней, чтобъ строить стѣны и ограды; возлѣ крѣпости протекала рѣка. У этого города было большое предмѣстье и въ немъ большія зданія. Городъ богатъ хлѣбомъ, мясомъ и виномъ, разными другими вещами и многими товарами. Въ немъ посланники получили все, что имъ было нужно; имъ дали также и лошадей. Я не буду писать подробно обо всемъ, что случилось на дорогѣ, а только отъ города до города; потому что уже описалъ все подробно, когда

llevaban á la ida, salvo otro que era fácia la mano izquierda fácia la Tartaria [Tartalia].

E viernes, que fueron veinte y un dias de Noviembre, los dichos Embajadores partieron de aqui de Samarcante, é llevaron buen camino é llano é bien poblado, é anduvieron seis jornadas de camino bien habitado, donde les dieron todas las cosas que ovieron menester, asi como posadas é viandas.

E jueves, que fueron veinte y siete dias del dicho mes de Noviembre, llegaron á una gran ciudad que ha nombre Boyar, la qual ciudad está en un llano muy grande, é era cercada de una cerca de tapias de tierra, é avia unas cavas muy fondas | llenas de agua, é al un cabo della avia un castillo, que era otrosi de tapias de tierra, que en aquella tierra non ay piedras para de que pudiesen facer cerca nin muro; é junto con el castillo
199. pasaba un rio. E esta ciudad avia un gran arrabal, en que avia grandes edificios: é esta ciudad es muy abastada de pan é de carne é de vino, é todas las otras cosas, é de grandes mercadurias [mercaderias]. E en esta ciudad fueron los dichos Embajadores bien servidos de lo que ovieron menester, é les dieron sendos caballos: é non vos escribo largamente de las

они ѣхали туда. Въ этомъ городѣ они остались шесть дней, и пока они были тамъ, выпало много снѣгу.

CXLI. Въ пятницу, пятаго числа декабря мѣсяца, посланники выѣхали изъ этого города, шли три дня по равнинѣ, усѣянной селеньями, и пришли къ большой рѣкѣ Біамо, которую, какъ вы слышали, они переходили на пути въ Самаркандъ. Въ одномъ селеньи, стоявшемъ недалеко отъ нея, они запаслись пищей и ячменемъ, потому что должны были шесть дней идти по пустынѣ, и пробыли въ этомъ селеньи два дня.

Въ среду, десятаго декабря, переплыли черезъ большую рѣку Біамо на лодкахъ. На берегахъ этой рѣки были большіе пески и малѣйшій вѣтеръ переносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто и наносилъ кучами; на этихъ пескахъ были цѣлые холмы и долины, и когда вѣтеръ дулъ, онъ разбрасывалъ эти холмы и наносилъ ихъ въ другомъ мѣстѣ. Песокъ былъ очень мелкій и отъ вѣтра на немъ оставались знаки зыби, точно на камлотѣ; на него нельзя было смотрѣть, когда онъ былъ освѣщенъ солнцемъ. По этой дорогѣ можно идти только съ проводниками, которые узнають ее

cosas deste camino, salvo de ciudad en ciudad, porque á la ida fice relacion de todo largamente: é en esta ciudad estovieron siete dias, é cayó mucha nieve estando aqui.

CXLI. E viernes, cinco dias del mes de Diciembre [Deciembre], partieron desta ciudad los dichos Embajadores, é anduvieron tres jornadas por unos llanos bien poblados de muchas aldeas, é llegaron al gran rio de Biamo, que avedes oído que pasaron á la ida; é en una aldea que cerca dél estaba, ficieron provision de viandas é cebada para llevar, que avian de pasar un yermo de seis jornadas, é estovieron en esta aldea dos dias.

E miercoles, diez dias del dicho mes de Diciembre, [Deciembre], pasaron el gran rio de Biamo por barcas, en el qual rio avia grandes llanos de arenales, la qual arena movia el viento, por poco que fuese, de una parte á otra, é faciala monton: é en este arenal avia grandes valles é oteros, é él viento movia aquella arena de alli, é deshacia aquellos cerros donde estaban fechos, é facialos en otra parte, é el arena era menuda, e como la movia el viento, quedaban fechas ondas como de camelote [chamelote], é non podian tener los omes los ojos en ella, quando el sol le

по знакамъ, поставленнымъ на ней; и эти люди, которые знаютъ дороги, называются Анчи. Съ посланниками былъ одинъ такой человѣкъ, который ихъ велъ, и онъ нѣсколько разъ сбивался съ пути. По этой дорогѣ воды почти нѣтъ: она встрѣчается только разъ въ цѣлый день пути; въ пескѣ сдѣланы колодцы со сводами на верху, окруженные кирпичною стѣной: потому что еслибъ не было этихъ стѣнъ, песокъ занесъ бы ихъ. Вода въ эти колодцы собирается отъ дождей и снѣговъ. Въ послѣдній день они не нашли воды и прошли весь день и всю ночь; около обѣдни пришли къ одному колодцу, поѣли и напоили животныхъ, которыя въ этомъ очень нуждались.

Въ воскресенье, четырнадцатаго декабря, пріѣхали въ одно селенье и остались тамъ понедѣльникъ и вторникъ; а въ слѣдующую среду выѣхали оттуда и вступили въ другую пустыню, которая продолжалась добрыхъ пять дней; она была плоская и въ ней было больше воды чѣмъ въ первой; большую часть дороги росъ низкій кустарникъ; почва была песчаная и страна очень жаркая. Послѣдніе три перехода были очень большіе; шли

daba. E este ca[61]mino non lo pueden andar salvo con guia de omes que lo saben por señales que tienen puestas; é estos tales omes que saben estos caminos, llamanlos Anchies: é con los dichos Embajadores fué uno destos omes quo los [les] guiaba, é erró asaz de veces el camino. E en este camino non ay agua salvo de jornada en jornada, é son unos pozos fechos en el arena con bovedas, encima cercadas de pared de ladrillo al derredor; é si por aquellas tapias non fuese, el arena las cegaria; é el agua de aquellos pozos es de la que llueve, ó de las nieves: é la postrimera jornada non fallaron agua é anduvieron todo el dia y la noche, é á hora de Misas llegaron á unos pozos, é comieron é dieron agua á las bestias, que lo avian bien menester.

200. El domingo, catorce dias del mes de Diciembre [Deciembre], llegaron á una [un] aldea, é estovieron alli lunes é martes: é miercoles siguiente partieron de aqui, é entraron en otro yermo que duró cinco jornadas muy grandes, el qual era llano y de mas agua que el primero: é en lo mas del camino avia monte baxo, é era arenal, é es tierra muy caliente: é las tres jornadas postrimeras eran muy grandes, é anduvieron dias y noches,

день и ночь и останавливались только пока кормили лошадей и ѣли сами. Въ воскресенье, двадцать перваго числа декабря мѣсяца, пришли въ большой городъ, который называется Баубартель и находится уже въ землѣ Хорасанскаго императора. Этотъ городъ стоитъ у подножія высокой горы, покрытой снѣгомъ, и въ мѣстности очень холодной; городъ лежитъ плоско и не окруженъ оградой. Тутъ посланникамъ дали лошадей, мяса и всего, что имъ было нужно; и они пробыли здѣсь то воскресенье, когда пріѣхали, понедѣльникъ, вторникъ и среду.

CXLII. Въ четвергъ, двадцать пятаго декабря, въ праздникъ Пасхи, когда начался тысяча четыреста пятый годъ по Рождествѣ Христовѣ, они выѣхали оттуда. Путь ихъ лежалъ между высокими снѣжными горами и они шли среди нихъ пять дней; мѣстность была мало населена и очень холодная.

Въ четвергъ, перваго января, пріѣхали они въ одинъ очень большой городъ, стоявшій на равнинѣ внѣ этихъ горъ и называвшійся Кабрія; вокругъ него не было ограды. Тутъ они пробыли четвергъ и пятницу. Этотъ городъ уже въ Мидіи.

é non quedaban salvo quanto daban cebada é comian. E domingo, veinte y un dias del dicho mes de Diciembre [Deciembre], llegaron á una gran ciudad que es llamada Baubartel, es ya [en] tierra del Emperador de Horazania: la qual ciudad está al pie de unas sierras altas que eran cubiertas de nieve, é era lugar muy frio, é la ciudad estaba llana, é non avia cerca ninguna. E aqui dieron á los dichos Embajadores sendos caballos é viandas, é lo que ovieron menester: é estovieron en esta ciudad domingo que alli llegaron, é lunes | é martes é miercoles.

CXLII. E jueves, que fueron veinte y cinco de Diciembre [Deciembre], dia de Pasqua, que comenzó el año del Señor de mil y quatrocientos é cinco años, partieron de aqui; é el su camino fué entre unas sierras altas nevadas, e anduvieron por ellas cinco dias, é el camino era mal habitado, é de gran frio.

E jueves, primero dia de Enero, llegaron à una muy gran ciudad que estaba en unos llanos fuera de aquellas sierras, que avia nombre Cabria, é esta ciudad non avia cerca ninguna; é estovieron aqui jueves é viernes: é esta ciudad es en tierra de Média.

Въ слѣдующую субботу, третьяго января, уѣхали оттуда. Дорога ихъ шла по равнинѣ черезъ очень жаркую страну, гдѣ не было ни снѣгу, ни льду; по этой дорогѣ ѣхали они субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ, пятаго числа января мѣсяца, прибыли въ городъ, который называется Джагаро. На пути встрѣтилось имъ два селенья. У этого города не было ограды; онъ былъ уже на той дорогѣ, по которой посланники шли прежде. Тутъ они остались тотъ день, когда пріѣхали, и слѣдующій день, вторникъ.

Въ слѣдующую среду они уѣхали оттуда и вступили на прежній путь. Дорога была ровная и во весь день не встрѣтилось жилища. Ночевать остановились въ одномъ большомъ домѣ, стоявшемъ на дорогѣ возлѣ пустого замка; домъ этотъ былъ тоже пустой.

На другой день, въ четвергъ, выѣхали оттуда и шли весь день, не встрѣтивъ жилища; вечеромъ прибыли въ одно селенье. Дорога, по которой они шли въ эти два дня, лежала возлѣ красныхъ безснѣжныхъ горъ, и было очень жарко, потому что такая ужь это была страна.

Sabado siguiente, tres dias de Enero, partieron de aqui; é el su camino fué por unos llanos de tierra caliente, que en ella non avia nieve ninguna, nin yelos: é anduvieron el dicho dia sabado é domingo: é lunes cinco dias del dicho mes de Enero, llegaron á una ciudad que ha nombre Jagaro; é en el camino fallaron dos aldeas: é esta ciudad non avia cerca: é esta ciudad era ya en el camino que los Embajadores llevaron á la ida: é en esta ciudad estovieron el dia que llegaron, é otro dia martes.

Miercoles siguiente partieron de aqui, é entraron por su camino, que era llano, é anduvieron todo el dia sin fallar poblado, é en la noche
201. fueron dormir à una casa gran|de que en el camino estaba cerca de un castillo yermo, é la dicha casa estaba otrosi yerma.

E otro dia jueves partieron de aqui, é anduvieron todo el dia sin fallar poblado, é en la tarde llegaron á una [un] aldea: é el camino que estos dos dias troxieron, fué junto con una sierra bermeja sin nieve, é fizo calentura estos dias, ca la tierra era tal. |

Въ пятницу выѣхали оттуда и шли весь день, не встрѣчая жилища; въ субботу около вечерни пріѣхали въ большой городъ, который называется Бастанъ, и мимо котораго посланники шли прежде. На другой день въ воскресенье выѣхали оттуда. Въ понедѣльникъ пріѣхали въ городъ, который называется Дамогенъ. Когда они были въ верстѣ отъ города, поднялся сильный холодный вѣтеръ при ясной погодѣ; холодъ былъ удивительно какъ силенъ, такъ что люди и животныя едва могли его переносить. Пріѣхавши въ городъ, они спросили объ этомъ вѣтрѣ. Имъ сказали, что на горѣ, которая стояла надъ городомъ, былъ источникъ, и когда какое нибудь животное или что нибудь нечистое попадало туда, то поднимался удивительно рѣзкій вѣтеръ, и не переставалъ, пока не очищали источника. И на другой день народъ отправился туда съ палками и баграми; источникъ вычистили и вѣтеръ прекратился. Въ этомъ городѣ посланники останавливались, когда шли въ Самаркандъ, и теперь остановились на два дня.

Въ слѣдующую среду, пятнадцатаго января, выѣхали оттуда, оставили дорогу мимо замка Перескоте, по которой шли прежде,

E viernes partieron de aqui, é anduvieron este dia sin fallar poblado; é sabado á hora de vísperas llegaron á una ciudad grande que ha nombre Bastan, é por esta ciudad fueron los dichos Embajadores á la ida, é otro dia domingo partieron de aqui. E lunes llegaron á una ciudad que es llamada Damogen: é siendo quanto una legua desta ciudad, levantóse un viento grande é frio, siendo el dia claro; é tan grande era el frio, que era una gran maravilla, que los omes é las bestias non lo podian sofrir. E desque en la ciudad fueron, demandaron de aquel viento, é dixeron, que en una sierra que encima de la ciudad estaba, avia una fuente, é quando caía alguna alimania ó cosa sucia, venteaba tan recio que era maravilla, é que non cesaba fasta que limpiaban aquella fuente: é otro dia fué la gente con palos é garabatos, é limpiaron aquella fuente, é cesó el viento. E en esta ciudad estovieron los dichos Embajadores á la ida, é aqui estovieron dos dias.

E miercoles siguiente, quince dias del dicho mes de Enero, partieron de aqui, y dexaron el camino que á la ida avian llevado por el castillo

потому что она лежала между горами, гдѣ было много снѣгу, и пошли внѣ ихъ; прежняя дорога осталась на правой рукѣ, а они пошли лѣвѣе, по ровному пути. На ночь остановились въ большомъ домѣ, который стоялъ пустой. На другой день, въ четвергъ, шли, не встрѣчая жилища; въ пятницу тоже; въ субботу около вечерни пріѣхали къ большому городу, который называется Сенанъ; тутъ кончается земля Мидійская и начинается Персія. Этотъ городъ лежитъ на равнинѣ, у подножія высокой горы, не окруженъ оградой и населенъ очень густо. Тутъ они пробыли до понедѣльника; въ понедѣльникъ ночевали въ одномъ селеньи, а во вторникъ пріѣхали къ одному маленькому замку; по дорогѣ было много снѣгу. Выѣхавши оттуда, они поѣхали по ровной дорогѣ между горами, съ которыхъ текло много воды, только она была соленая. Такъ же ѣхали и въ четвергъ.

CXLIII. Въ пятницу, двадцать третьяго января, пріѣхали въ большой городъ, который называется Ватами; городъ былъ очень великъ, но не окруженъ стѣной и большая часть его была пуста. Эта земля называется Рей. Здѣсь жилъ одинъ знатный мирассà,

de Perescote, porque era entre sierras que avia mucha nieve, y fueron por de fuera dellas, é quedó aquel camino á la mano derecha, é fueron á la mano izquierda, é llevaron un camino llano. E en la noche fueron dormir á una gran casa que estaba despoblada: é otro dia jueves anduvieron sin fallar poblado, é viernes eso mesmo; é sabado á hora de vísperas llegaron á una gran ciudad que es llamada Cenan: é aqui se acaba tierra de Média, é comienza la Persia. E esta ciudad está en un llano baxo de una [un] alta sierra, é era muy poblada, é non avia cerca ninguna: é estovieron en esta ciudad fasta el lunes que fueron á dormir á un aldea: é el mar|tes llegaron á un castillo pequeño, é en el camino fallaron mucha nieve. E partieron de aqui, é anduvieron por unos llanos entre unas sierras que
202. descendian dellas muchas aguas, salvo que eran saladas; é eso mesmo anduvieron el jueves.

CXLIII. E viernes, que fueron veinte y tres dias de Enero, llegaron á una gran ciudad que se llama Vatami, la qual era muy grande, é lo mas della estaba deshabitado, é non avia cerca ninguna; é esta tierra se llama tierra de Rey. E en esta tierra estaba un gran Mirassa, que era yerno del señor

зять царя Тамурбека, женатый па его дочери; съ нимъ жилъ другой знатный рыцарь, котораго звали Башамбекъ, а зятя Тамурбека звали Кумалешà Мирассà. Они то взяли къ себѣ людей посланниковъ, которые были больны и остались; теперь посланники снова нашли ихъ, кромѣ двухъ, которые умерли; съ остальными, которые остались въ живыхъ, эти господа обращались очень хорошо и заботились, чтобъ у нихъ было все нужное. На другой день, въ воскресенье, посланники обѣдали у зятя царя; на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, у Башамбека. Имъ дали лошадей; во вторникъ они выѣхали, и на ночь остановились въ одномъ замкѣ.

Въ четвергъ, двадцать девятаго января, они ночевали въ городѣ, который называется Шахарика; въ этомъ городѣ они были, когда еще ѣхали въ Самаркандъ; отсюда воротились опять на прежнюю дорогу. Они шли пятницу, субботу, воскресенье и понедѣльникъ, и встрѣчали по дорогѣ большіе снѣга. Во вторникъ, третьяго февраля, пріѣхали въ большой городъ, который называется Касмониль и почти весь стоитъ въ развалинахъ. Въ этомъ городѣ было много зданій, и онъ былъ самый большой изъ всѣхъ

Tamurbec, casado con una su fija: é estaba con él otro Caballero grande que llaman Baxambec, é al yerno del Tamurbec llaman Cumalexa Mirassa. E estos eran los omes que tomaron los omes de los Embajadores que quedaron enfermos: los quales fallaron alli, salvo los dos dellos que eran finados; pero los que eran vivos fueron bien tratados destos Señores, que les ficieron dar siempre lo que menester ovieron. E otro dia domingo comieron con el yerno del Señor; é otro dia lunes comieron con Baxambec, e dieronles sendos caballos: é martes partieron de aqui, é fueron dormir à un castillo.

E jueves veinte y nueve dias de Enero fueron dormir á una ciudad que ha nombre Xaharica: é en esta ciudad estovieron los dichos Embajadores á la ida: é de aqui tomaron el camino que á la ida avian llevado. E viernes é sabado é domingo é lunes anduvieron, é fallaron grandes nieves en el camino: é martes tres dias de Hebrero llegaron á una gran ciudad que es llamada Casmonil, é estaba lo mas della derrocada: é en esta ciudad avia muchos edificios: é esta ciudad fué la mayor que en esta par-

городовъ, какіе мы встрѣчали въ этой странѣ, кромѣ Тауриса и Самарканда. Въ этомъ городѣ мы застали столько снѣгу, что невозможно было ходить по улицамъ, и люди и животныя то и дѣло вывозили его; его падало столько, что даже было опасно. Тотъ снѣгъ, что падалъ на дома, сбрасывали внизъ лопатами, чтобъ онъ не повредилъ домовъ. Въ этомъ городѣ они остановились и пробыли въ немъ тотъ вторникъ, когда пріѣхали, четвергъ и пятницу, потому что невозможно было ѣхать отъ множества снѣгу на дорогѣ. Имъ здѣсь дали много пищи и всего, что было надо, хотя и не было этого въ обычаѣ; потому что въ этой землѣ, если пріѣдутъ посланники и царскіе слуги и захотятъ остаться, то ихъ кормятъ три дня, а тѣхъ, которые принадлежатъ къ царскому роду, и людей ихъ кормятъ въ продолженіи девяти дней, и за это платитъ управленіе того мѣста, куда пріѣзжаютъ. Въ субботу посланники выѣхали оттуда; передъ ними шло около тридцати человѣкъ пѣшкомъ съ лопатами въ рукахъ, чтобы разчищать дорогу. Когда пріѣзжали въ какое нибудь селенье или замокъ, тѣ люди, что разчищали дорогу, возвращались, а оттуда шло столько же другихъ. Снѣгу было столько, что земля и

tida fallamos, á fuera de Tauris é Samarcante. E en esta ciudad falla[62]mos mucha nieve, que non podian andar por las calles, é omes é bestias non facian si non sacar nieve, é tanta caía, que estaban en peligro; é la que sobre las casas caía, echabanla con palas ayuso, porque les non derrocase las casas; é estovieron en esta ciudad: é estovieron el dia martes que ahí llegaron, é jueves é viernes, que non pudieron partir por la mucha nieve que en el camino avia. E aqui les dieron viandas asaz, é lo que ovieron menester, como quiera que lo non oviesen de costumbre; ca desta tierra es, que á los Embajadores é omes del Señor que les den de comer, do quiera que llegaren, tres dias, si alli quisiesen estar; é á los que son
203. del linage del Señor que les den de comer á él y á toda su gente nueve dias; é esto que lo paguen los Concejos donde llegáren. E sabado partieron de aqui, é ante ellos iban fasta treinta omes á pie con palas en las manos que abrian el camino. E los omes desta ciudad desque llegaban á alguna aldea ó cafallo, estos omes de pie que asi iban abriendo los caminos, tornabanse, é de alli iban otros tantos. E las nieves eran tantas, que el suelo

холмы, все было ровно и очень высоко покрыто имъ; земли совсѣмъ не было видно; люди и звѣри не могли ничего разбирать глазами и едва не ослѣпли, оттого что постоянно должны были смотрѣть на снѣгъ; невозможно было бы идти, еслибъ снѣгъ не смерзался. Пріѣзжая къ какому нибудь городу или селенью, его трудно было узнать, потому что все было покрыто снѣгомъ. Такимъ образомъ шли они до самаго города Султаніи; эта страна была очень богата и многолюдна. Въ пятницу, тринадцатаго февраля, пріѣхали въ городъ Султанію, и остались тамъ до субботы, двадцать перваго числа того же мѣсяца.

Я не разсказываю больше объ этомъ городѣ, потому что уже описалъ его, когда посланники останавливались въ немъ на пути въ Самаркандъ. Это одинъ изъ самыхъ большихъ и важныхъ городовъ Персіи. Онъ не окруженъ стѣнами; но въ немъ есть прекрасный замокъ на ровномъ мѣстѣ. Посланники провели восемь дней въ этомъ городѣ, потому что имъ слѣдовало непремѣнно ѣхать къ внуку царя, по имени Омару Мирассѣ, который былъ царемъ и владѣтелемъ Персіи и многихъ другихъ земель; онъ находился

é montañas todo era llano della é muy alto, asi que non parescia tierra ninguna, é los omes é las bestias non podian ver de los ojos, é eran ciegos de catar todavia en la nieve; é si non porque estaba elada, non se podia andar de mucha que era: é aún quando ome llegaba cerca de alguna ciudad ó villa, non la podia conoscer, ca era cubierta de nieve: é desta manera fueron fasta la ciudad de Soltania: é esta tierra era bien poblada é muy abastada. E viernes, que fueron trece dias del mes de Hebrero, llegaron á la ciudad de Soltania; é estovieron en ella fasta el sabado siguiente, que fueron veinte y un dias del dicho mes.

E non cuen|to mas desta ciudad, porque ya escrebi della, quando los dichos Embajadores estovieron en ella de ida; pero es una de las grandes ciudades é nobles de la Persia, é non es cercada, pero en ella está un fermoso castillo llano. E la su estada destos ocho dias que los dichos Embajadores aqui estovieron, fueron porque avian de ir por fuerza á ver un nieto del señor Tamurbec, que llaman Homar Mirassa, que era Señor y Emperador de la Persia, é de otras tierras asaz: el qual estaba en un

со своимъ войскомъ на полѣ, называвшемся Карабаке; тамъ онъ зимовалъ. Самая прямая дорога къ нему была черезъ этотъ городъ; но такъ какъ на высокихъ горахъ, которыя нужно было проходить, было очень много снѣгу, то они ждали пока онъ сойдетъ и можно будетъ идти. Въ это время они посовѣтовались между собою, не поѣхать ли въ городъ Турисъ, потому что оттуда можно было лучше пройдти въ Карабаке, минуя снѣга; такъ и сдѣлали.

Въ субботу, двадцать перваго февраля, выѣхали изъ города Султаніи и остановились на ночь въ городѣ, который называется Санга, и въ которомъ они останавливались и прежде. На другой день, въ воскресенье, ночевали въ большомъ домѣ, стоявшемъ на дорогѣ; на третій день, во вторникъ, ночевали въ селеньи, по имени Міана; на слѣдующій день въ среду, ночевали въ селеньи, которое называется Тунгларъ; а еще на слѣдующій день въ селеньи, которое называется Уганъ.

CXLIV. Въ субботу, въ послѣдній день февраля, пріѣхали въ городъ Турисъ, и ихъ помѣстили въ домѣ Армянскихъ Христіанъ и принесли имъ много кушанья. Въ слѣдующій вторникъ, третьяго марта, посланникамъ привели лошадей и сказали, что царь

campo que llaman Carabaque [Carabeque] con su hueste, que hibernára [imbernara] alli: é el camino mas derecho para ir alli do él estaba, era desde esta ciudad; é porque en unas sierras altas que avian de pasar, avia mucha nieve, esperaban que se abaxase, é pudiesen á él ir. E en esto ovieron su consejo de se ir á la ciudad de Turis, é que de alli podian mejor ir á Carabaque, é mas sin nieve, é ficieronlo asi.

Sabado veinte y un dias del mes de Hebrero partieron desta ciudad de Soltania, é fueron dormir á una ciudad que es llamada Sanga, en la qual estovieron á la ida: é otro dia domingo fueron dormir á una gran casa que en el camino estaba: é otro dia martes fueron dormir á otra aldea que llaman Miana, é otro dia miercoles fueron dormir á otra aldea
204. que llaman Tunglar: é otro dia fueron dormir á otra aldea que llaman Ugan.

CXLIV. Sabado postrero dia de Hebrero llegaron á la ciudad de Turis, é aposentaronlos [aposentaronles] en unas casas de Christianos Armenios, é troxieronles mucha vianda. E martes siguiente, tres dias de Marzo, dieron

Омаръ Мирассà находится въ Карабаке, гдѣ онъ проводилъ зиму со своимъ войскомъ. Это Карабаке ровное поле, покрытое богатою травою; земля тамъ очень жаркая и снѣгу не падаетъ никогда, а если и падаетъ, то сейчасъ же таетъ; по этой причинѣ царь каждый годъ проводитъ тамъ зиму; туда и они должны были идти, чтобъ его видѣть.

Въ четвергъ, пятаго марта, посланники выѣхали изъ Туриса; выѣхалъ также посланникъ Вавилонскаго султана и Турецкіе посланники; потому что они всѣ вмѣстѣ должны были ѣхать къ Омару Мирассѣ на поля Карабаке. Съ ними отправился и тотъ провожатый, который ѣхалъ при нихъ отъ самаго Самарканда и вездѣ, куда они пріѣзжали, распоряжался, чтобъ имъ доставлялось кушанье и все, что надо; такихъ людей называютъ шагаве. Посланники отправились на легкѣ, только съ нѣсколькими людьми, а все свое оставили въ Турисѣ, потому что должны были воротиться туда. Когда они отъѣхали отъ Туриса уже на разстояніе двухъ дней пути, съ ними встрѣтился гонецъ, котораго посылалъ къ нимъ Омаръ Мирассà; онъ сказалъ, что царь приказалъ имъ

á los dichos Embajadores sendos caballos; é dixeron que el señor Homar Mirassa estaba en Carabaque, donde avia hibernado [embernado] con su hueste. E este Carabaque son unos campos llanos, é de | mucha hierba, é es tierra muy caliente, é non ha nieve alli, é si cae deshacese luego; é por esta ocasion va el Señor alli á hibernar cada año, é que alli les convenia de lo ir á ver.

E jueves, cinco dias del mes de Marzo, los dichos Embajadores partieron desta ciudad de Turis, é eso mesmo el Embajador del Soldan de Babylonia, é los de la Turquia, que en uno venian para ir ver al dicho Homar Mirassa á los dichos campos de Carabaque, é con ellos la guia que los traxo desde Samarcante, que les facia dar en cada lugar, do llegaban, vianda y lo que avian menester: é á estos tales omes llaman ellos Xagave. E los dichos Embajadores iban aforrados con algunos de sus omes, é todo lo suyo quedaba en Turis, por quanto avian [avia] de tornar alli. E los dichos Embajadores siendo á dos jornadas desta ciudad de Turis, llegaronles un mandadero que el señor Homar Mirassa les enviaba: el qual les dixo, que el Señor les enviaba decir, que se tornasen para la ciudad de

воротиться въ Турисъ и отдохнуть тамъ нѣсколько дней, пока онъ пришлетъ за ними; такъ какъ тѣмъ, которые сдѣлали такое большое путешествіе, необходимо отдохнуть. Они должны были возвратиться; а царь приказалъ, чтобъ имъ дали алафу, что значитъ на ихъ языкѣ содержаніе. Они прожили въ этомъ городѣ до среды, восемнадцатаго числа марта мѣсяца; тогда онъ прислалъ за ними.

CXLV. Въ четвергъ, девятнадцатаго марта, посланники выѣхали оттуда, перешли черезъ высокую гору, которая стоитъ возлѣ Туриса, и вступили въ долину, усѣянную селеньями, садами и виноградниками; это страна очень красивая и очень жаркая, богатая разными плодами, которыхъ въ ней очень много. Посреди долины течетъ большая рѣка. По этой долинѣ промежду садовъ и селеній шли они четыре дня; по истеченіи четырехъ дней пришли на большую равнину, на которой было много поселеній и мѣстечекъ. Поля были засѣяны рисомъ, просомъ и маисомъ. Здѣсь родится много рису, а ни пшеницы, ни ячменя нѣтъ; рису же столько, что его даютъ даже лошадямъ. Тутъ на поляхъ жило много народу, принадлежавшаго къ войску царя, съ палатками и скотомъ.

Turis, é que folgasen alli algunos dias fasta que él enviase por ellos; ca omes que de tanto camino venian, menester avian de folgar; é ovieronse de tornar; é el Señor envió á mandar que les diesen su alafa, que ellos dicen por su mantenimiento. E estovieron en esta ciudad fasta miercoles diez y ocho dias de Marzo, que los envió á llamar que lo fuesen ver.

CXLV. Jueves, diez y nueve dias del dicho mes de Marzo, partieron de aqui los dichos Embajadores, é pasaron una [un] alta sierra que cerca de Turis está, é entraron en un valle muy poblado de aldeas, y de muchas huertas [guertas] é viñas; era tierra muy caliente é bien fermosa, é es tierra muy bien templada de frutas, que ha en él muchas: é por medio deste valle va
205. un | gran rio. E por este valle entre estas huertas [guertas] é aldeas anduvieron quatro jornadas, é al cabo de las quatro jornadas llegaron á unos grandes llanos, en que avia asaz lugares y pueblos: é en estos campos avia mucho arroz sembrado, é alcandigas é mijos: é desta tierra se bastecen muchas tierras de arroz; e non se coge aqui trigo nin cebada: é deste arroz ay tanto, que lo daban á los caballos. E por estos campos estaba asentada mucha gente con sus tiendas é ganados, que eran de la hueste del Señor.

Въ среду, двадцать пятаго числа марта мѣсяца, когда посланники ѣхали посреди этого войска и были въ двѣнадцати или десяти лигахъ отъ того мѣста, гдѣ жилъ царь, имъ встрѣтились на пути люди, которые сказали имъ, что тамъ, куда они идутъ, произошло возмущеніе въ царскомъ войскѣ, и имъ лучше возвратиться. Они спросили, какое возмущеніе; имъ отвѣчали, что Джансà Мирассà хотѣлъ убить Омара Мирассу̀; но что войско, другіе князья и рыцари напали на него, схватили, и царь приказалъ отрубить ему голову; тогда люди Джансà Мирассы̀ стали сражаться съ людьми царя, и съ обѣихъ сторонъ было много убито. Царь со своимъ войскомъ перешелъ на другую сторону рѣки и приказалъ сломать мостъ; и войско раздѣлилось на двѣ части. Больше они ничего не знали, кромѣ того, что въ войскѣ были большія несогласія. Посланники рѣшились ѣхать туда, потому что они уже были близко, и поѣхали.

На другой день, въ четвергъ, двадцать шестого числа марта мѣсяца, они пріѣхали въ орду, гдѣ находился царь, остановились и стали ждать царскаго приказанія. Въ войскѣ было боль-

Miercoles, veinte y cinco dias del mes de Marzo, los dichos Embajadores yendo por entre esta gente de la hueste, siendo quanto á diez ó doce leguas de donde el Señor estaba, fallaron en el camino unos omes que les [le] dixevon, que á dó iban, que en la hueste del Señor avia gran bollicio, é que seria bien que se tornasen: é ellos demandaron qué bollicio era; é los dichos omes les dixeron, que Janza Mirassa quisiera matar al señor Homar Mirassa; é que la gente de la hueste, é otros Señores «é» Caballeros que vinieron sobre él, é que lo prendieron, é que el Señor le mandára cortar la cabeza: é que la gente deste Janza Mirassa peleára con la del Señor, é que ovieron omes muertos de los unos é de los otros; é que el Señor se pasára con su hueste de la otra parte del rio, é que mandára quebrar la puente; é que alguna gente que iba á una parte é á otra: é que non sabia mas, salvo que avia en la hueste gran discordia. E los dichos Embajadores ovieron su consejo, pues que cerca estaban de ir adelante, é fueron.

E otro dia jueves, veinte y seis dias del dicho mes de Marzo, llegaron al Ordo donde el Señor estaba, é descendieron [descindieron], é esperaron

шое смятеніе, всѣ собирались и собирали свои стада. Когда посланники оставались въ ожиданіи, къ нимъ пріѣхалъ одинъ Чакатай и объявилъ, что у царя теперь очень много дѣла, и имъ нельзя его видѣть; что онъ проситъ ихъ возвратиться въ Турисъ и ждать тамъ его распоряженія; онъ же (т. е. этотъ Чакатай) долженъ былъ проводить ихъ назадъ и заботиться о томъ, чтобъ у нихъ было все, что имъ нужно; таково было приказаніе царя; онъ сказалъ имъ кромѣ того, чтобъ они ѣхали тотчасъ же; и они возвратились въ Турисъ. Этотъ императоръ находился со своимъ войскомъ на равнинѣ на берегу рѣки; и съ нимъ было около сорока пяти тысячь всадниковъ; хотя еще не все войско его было собрано, а часть оставалась въ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ Тамурбекъ зимовалъ каждый годъ въ этихъ поляхъ въ Карабаке, то онъ приказалъ построить здѣсь городъ, въ которомъ теперь болѣе двадцати тысячь домовъ.

CXLVI. Этотъ Джансà Мирассà, которому Омаръ Мирассà теперь приказалъ отрубить голову, былъ сынъ сестры Тамурбека, и былъ самый храбрый и доблестный человѣкъ во всей Тамурбековой роднѣ; онъ былъ очень уважаемъ, владѣлъ большими зем-

manda[63]do del Señor: é en la hueste avia gran bollicio, ca todos se ayuntaban en uno, é ayuntaban sus ganados. E estando alli los dichos Embajadores, llegó á ellos un Chacatay que les dixo, que el Señor tenia agora mucho de librar, é que le [les] non podian [podia] ver; é que les rogaba que se tornasen á Turis, é esperasen alli fasta que oviesen su mandamiento, é que él avia de tornar con ellos á les facer dar lo que oviesen menester, que asi era ordenado por el Señor; é dixoles que cabalgasen luego, é tornaronse á Turis. E este Emperador é su hueste estaban en unos
206. llanos ribera de un rio, é podia tener alli consigo fasta quarenta é cinco mil omes á caballo, como quiera que aún non tenia toda su gente é su hueste ayuntada, que estaba en otros lugares; é porque de cada año el Tamurbec venia á hibernar [imbernar] á estos campos de Carabaque, mandó facer una ciudad alli, en que ay veinte mil casas, é mas.

CXLVI. E este Janza Mirassa, que el dicho Homar Mirassa cortó agora la cabeza, era fijo de una hermana del Tamurbec, é era el mas valiente y mas recio ome que en todo el linage del Tamurbec avia, é el mas

лями и имѣлъ большое войско, которое вездѣ его сопровождало. Когда Тамурбекъ сдѣлалъ императоромъ своего внука Омара Мирассу, онъ назначилъ, чтобъ Джанса жилъ у него и управлялъ его домомъ и землями; и такимъ образомъ онъ управлялъ всей землей, какъ бы онъ самъ. А причина, по которой этотъ Джанса Мирасса теперь убитъ, вотъ какая. Объ этомъ говорили двоякимъ образомъ: одни разсказывали, что онъ (т. е. Омаръ Мирасса) приказалъ его убить, потому что опасался его, такъ какъ по смерти его дѣда онъ могъ бы искать его смерти или возмутиться противъ него со всѣмъ войскомъ, какъ съ войскомъ дѣда его Тамурбека, такъ и со всѣми Чакатаями, которые его любили и желали ему добра; и даже многіе говорили, что такъ какъ царь умеръ, то онъ достоинъ быть царемъ. Другіе же разсказывали, что когда этотъ Джанса узналъ о смерти Тамурбека, то собралъ нѣсколько вооруженныхъ людей и самъ вооружился и явился въ палатку, гдѣ засѣдалъ обыкновенно совѣтъ; тамъ онъ засталъ одного Молу, ученаго въ родѣ доктора, приближеннаго Омара Мирассы, который разрѣшалъ дѣла, случавшіяся въ станѣ; онъ его не любилъ за то, что когда онъ просилъ позволенія

honrado, é era Señor de mucha tierra, é avia mucha gente de hueste que de cada dia con él andan [andaban]. E quando el Tamurbec fizo Emperador á su nieto Homar Mirassa, dióle á este Janza que estoviese con él, y le rigiese su casa y su tierra: é asi era, que [lo que] él mandába en toda su tierra, [se facia] asi como él mesmo; é la razon que decian porque agora muriera este Janza Mirassa es esta: decianlo en dos maneras, los unos decian que le mandaba [mandara] matar, porque se rescelaba dél, que pues su avuelo era muerto, que él que le buscaria la muerte, ó se alzaria con|tra él con todas las gentes, asi las del Tamurbec su avuelo, como con todos los Chacatays, que lo amaban é querian gran bien: é aún todas las gentes decian, que pues el gran Señor era muerto, que él merescia ser Señor. E otros decian, que asi como supo este Janza la muerte del Tamurbec, que se armára él é cierta de su gente, é que se fuera á una tienda donde solian facer consejo, é aqui fallára dentro en ella á un Mola, que era como Doctor, é era muy privado de Homar Mirassa, que libraba los fechos que en la hueste acaescian; é que lo queria mal sobre

жениться на одной женщинѣ, то Омаръ Мирассà не позволилъ ему, а выдалъ ее за этого Молу; за это и еще по другимъ причинамъ онъ его не любилъ, и встрѣтивъ въ этой палаткѣ, убилъ его; затѣмъ самъ и люди его отправились въ палатку, гдѣ былъ царь, со шпагами въ рукахъ. Когда увидѣли это въ лагерѣ, то схватили оружіе и бросились къ царской палаткѣ; и по ордѣ пронесся слухъ, что Едигуй, императоръ Татарскій, и царь Сордъ напали на нихъ. Джансà Мирассà, увидѣвъ эту суматоху, пошелъ въ ту палатку, гдѣ находилось царское оружіе; когда онъ пришелъ туда, то засталъ тамъ много народу, и не допустилъ его до палатки; потомъ вернулся въ палатку царя, чтобъ его убить, но пришедши, нашелъ много людей, готовыхъ защищать его. Тогда, говорятъ, одинъ знатный рыцарь, вооруженный и со всей своей свитой, приблизился къ Джансà Мирассѐ, и спросилъ его, что это онъ дѣлаетъ. Джансà Мирассà просилъ его сказать правду Омару Мирассѐ, чтобъ тотъ ничего не боялся, потому что онъ сдѣлалъ это только для того, чтобы убить своего врага, Молу. Рыцарь пошелъ передать эти слова, засталъ царя въ большомъ страхѣ и уныніи и сказалъ

una muger que él demandára en su casamiento, é Homar Mirassa non se la quiso dar, é dióla «á» aquel Mola; é por esto y por otras cosas lo queria mal, é como lo falló en aquella tienda, matólo: é como lo ovo muerto, que se fué á la tienda donde estaba Homar Mirassa, é que él é los suyos que llevaban las espadas en las manos: é que quando vieron esto la gente del real, que tomaron sus armas, é fueron luego á la tienda donde el Señor estaba, é que se fizo por el Ordo un ruido, diciendo, que Ediguy [Edeguy] Emperador de Tartaria [Tartalia], é el Rey Sordo venia sobre ellos: é que el dicho Janza visto el alboroto feo, que se fué á la
207. tienda donde estaban las armas del Señor; é quando alli llegó, que fallo mucha gente, é que ge la defendió, é tornó á la tienda donde estaba el Señor por lo matar, é quando llegó, ya estaba mucha gente con él que lo defendieron: é diz que á un gran Caballero, que llegó armado con toda su gente con él al dicho Janza Mirassa, é que le dixo, que qué era aquello que facia: é que el sobredicho Janza Mirassa que le dixera verdad [ve di] al dicho Homar Mirassa, *que non aya ningun miedo, que yo he fecho esto* | *por matar al dicho Mola mi enemigo.* E el dicho Caballero

ему: «Государь, не бойся: если хочешь, я убью тебѣ этого Джансà Мирассу̀». И тотчасъ же пошелъ за нимъ съ сильнымъ отрядомъ и отрубилъ ему голову. Когда Джансà Мирассà былъ убитъ, все его войско обратилось въ бѣгство. А Омаръ Мирассà приказалъ взять голову Джансà Мирассы̀ и отправить ее къ отцу своему, Міашà Мирассѣ̀ и брату, Абобакеру Мирассѣ, которые жили въ Балдатѣ; и приказалъ сказать имъ, чтобъ они посмотрѣли на голову своего врага; и что такъ какъ дѣдъ его умеръ, то пріѣхали бы къ нему, и онъ приметъ его (т. е. отца), какъ царя; потомъ всѣ соберутся на поляхъ Віанскихъ возлѣ Туриса, и онъ со всѣми вельможами царства передастъ ему власть по правдѣ и праву. Говорятъ, что Міашà Мирассà, увидавъ голову Джансà Мирассы̀, сталъ бояться своего сына.

CXLVII. Когда Тамурбекъ умеръ,—а умеръ онъ въ городѣ Самаркандѣ,—то его мирассы̀ и приближенные скрыли его до тѣхъ поръ пока устроятъ порядокъ въ казнѣ и въ его владѣніяхъ, но не могли утаить такъ, чтобъ не узнали объ этомъ нѣкоторые царскіе люди и рыцари. Тамъ въ Самаркандѣ жилъ у Тамурбека,

fuégelo decir, é fallólo que estaba con grande miedo, mostrando poco esfuerzo; é que le dixo: *Señor, non ayas miedo, que si tú quieres, yo te mataré á este Jansa Mirassa.* E vino luego sobre él con poder, é cortóle la cabeza. E desque Janza Mirassa fué muerto, toda la su gente fuyó; é Homar Mirassa mandó tomar la cabeza del dicho Janza Mirassa, y llevarla á su padre Miaxa Mirassa [Mirassa Miraxa], é á su hermano Abobaquer Mirassa, que estaban en Baldat; é enviólos á decir, que viesen la cabeza de su enemigo: é que pues su avuelo era ya muerto, que se viniesen ver con él, é que alli lo rescibiria [rescebiria] por Señor, é se ayuntaria por los campos de Vian, cerca de Turis, é que él y los Grandes de sus tierras le darian el señorio, como era razon é derecho. E diz que vista la cabeza de Janza Mirassa, que el dicho Miaxa Mirassa [Mirassa Miraxa] que se resceló luego del fijo.

CXLVII. Desque el Tamurbec fué muerto, que murió en la ciudad de Samarcante, los Mirassaes é privados del Señor tovieronlo encerrado fasta que pusiesen recabdo [recaudo] en su tesoro, é en sus tierras; pero non lo pudieron tanto encelar, que lo non supieron algunos de los Caballeros

когда онъ умиралъ, внукъ его, сынъ Міаша̀ Мирассы̀, по имени Кариль Султанъ. Узнавши о смерти своего дѣда, онъ собралъ сколько могъ рыцарей и воиновъ, напалъ на тѣхъ трехъ мирассъ, которые управляли домомъ и имѣніемъ царя, и убилъ одного изъ нихъ по имени Бутудо Мирассу̀, сына того Джанса̀, которому Омаръ Мирасса̀ отрубилъ голову. Когда этотъ былъ убитъ, двое другихъ обратились въ бѣгство, и бѣжали къ сыну Тамурбека, по имени Харокъ Мирассѣ̀, который жилъ въ землѣ Хорасанской, въ большомъ городѣ, называвшемся Хелакъ. Кариль Султанъ, убивши приближеннаго своего дѣда, тотчасъ вступилъ въ замокъ, завладѣлъ казною и городомъ, взялъ тѣло дѣда и похоронилъ его; а завладѣвши, послалъ сказать Міаша̀ Мирассѣ̀, своему отцу, чтобъ онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Самаркандъ, и онъ передастъ ему казну. Если въ самомъ дѣлѣ его примутъ, то онъ навѣрное будетъ царемъ, какъ былъ его отецъ; потому что эта казна очень велика и если она будетъ въ его рукахъ, то всѣ Чакатаи присоединятся къ нему, такъ какъ они очень алчны, и онъ непремѣнно станетъ царемъ. Но эти люди говорили, что Міаша̀ Мирассѣ̀ можетъ помѣшать его жена, Хансада, которая поссо-

y gente del Señor. E alli en Samarcante estaba con el Tamurbec, quando murió, un su nieto, fijo de Miaxa Mirassa [Mirassa Miraxa], que ha nombre Caril Zoltan; el qual asi como supo la muerte de su avuelo, ayuntó á sí los Caballeros é gente que pudo, é fúe sobre los dichos tres Mirassaes que tenian la casa é facienda del Señor en poder, é mató al uno dellos que avia nombre Butudo Mirassa, fijo deste Janza que Homar Mirassa cortó la cabeza: é desque ovo aquel muerto, los otros dos fuyeron, é fue|ron para un fijo del Tamurbec que avia nombre Haroc Mirassa, que estaba en tierra de Hora-
208. zania en una gran ciudad que ha nombre Helac. E como este Caril Zoltan ovo muerto á este privado de su avuelo, fuése luego para el castillo, é apoderóse del tesoro é de la ciudad, é tomó á su avuelo é soterrólo: é apoderado, envió mandado á Miaxa Mirassa [Mirassa Miaxa] su padre, que fuese luego á Samarcante, é que le entregaria el tesoro; é si verdad es que lo acogen, será sin duda Señor, como lo su padre era; ca el tesoro que alli está es grande, y todos los Chacatays se ayuntarán á él, sí aquel tesoro oviere, ca son cobdiciosos [codiciosos], é por fuerza sera Señor; pero decian estas gen-

рила его съ Тамурбекомъ; она была мать Кариль Султана и жила вмѣстѣ съ нимъ въ Самаркандѣ; говорили, будто онъ не получитъ царства, потому что боится ея, а сдѣлаетъ такъ, чтобъ сыну его досталось и имя, и власть Самаркандскаго царя. Этотъ Кариль Султанъ молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, бѣлый, крѣпкаго тѣлосложенія и похожъ на отца; онъ оказывалъ большой почетъ посланникамъ, когда они были въ Самаркандѣ. Тамурбекъ уже два раза выдавалъ себя за покойника и распространялъ извѣстіе о своей смерти по своимъ землямъ, чтобъ увидѣть, кто возмутится; и кто возмущался, тѣхъ онъ сейчасъ схватывалъ и казнилъ. Оттого теперь никто не могъ повѣрить, что онъ умеръ, хоть это было вѣрно; и даже позже въ городѣ Турисѣ, гдѣ были посланники, распространилось извѣстіе, что онъ живъ и идетъ со своимъ войскомъ, чтобъ напасть на султана Вавилонскаго.

Міашà Мирассà, удостовѣрившись въ смерти своего отца Тамурбека, увидѣвши голову Джансà Мирассы, которую ему прислалъ сынъ, и получивъ извѣстіе, что сынъ проситъ его пріѣхать въ Віанъ, чтобъ увидѣться съ нимъ, выѣхалъ съ сыномъ своимъ

tes, que podia estorvar á Miaxa Mirassa [Mirassa Miaxa] Gansada la su muger, que lo volvió con el Tamurbec, que era madre deste Caril Zoltan, é estaba alli en Samarcante con su fijo; é que non oviese el señorio, por quanto se rescela dél, é que fará á su fijo que tome titulo de Señorio de aquel Imperio de Samarcante. E este Caril Zoltan es ome mancebo de edad de veinte y dos años, é es blanco é grueso en el cuerpo, é paresce á su padre: é este fizo mucha honra á los dichos Embajadores, quando en Samarcante estaban; é ya otras dos veces se avia el Tamurbec fecho muerto, é echó fama por sus tierras que era muerto, por ver quién se le rebelaria; é algunos que se le rebelaron, fué luego sobre ellos, é destroyólos [estroyólos]: é con esto non podian agora creer que era muerto, como quiera que fué cierto; é aún despues desto ovo nuevas en esta ciudad de Turis, donde estaban los dichos Embajadores, que era vivo, é que venia con su hueste, é iba sobre el Soldan de Babylonia.

Miaxa Mirassa [Mirassa Miraxa] desque supo cierto la muerte de su padre el [64] Tamurbec, é vista la cabeza de Janza Mirassa que su fijo le envió, é las razones que le envió á decir, que se fuese para Vian, é que se verian

Абобакеромъ Мирассòй изъ города Балдата. По дорогѣ узналъ онъ, что его сынъ Омаръ Мирассà собралъ гораздо больше войска, чѣмъ у него было прежде, и кромѣ того приказалъ, чтобъ города Турисъ и Султанія были готовы, когда онъ ихъ призоветъ. Услышавши объ этомъ, отецъ испугался, не захотѣлъ ѣхать къ сыну и послалъ узнать объ его намѣреніяхъ; сынъ отвѣчалъ, что онъ собираетъ войско только для того, чтобы дать знать о себѣ въ странѣ и на границахъ. Когда это узналъ Абобакеръ, другой сынъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, онъ сказалъ отцу, что пойдетъ къ брату, схватитъ его и во что бы то ни стало, приведетъ къ отцу; но отецъ совѣтовалъ ему не дѣлать этого, чтобъ не смутить страну. Эти Омаръ Мирассà и Абобакеръ Мирассà братья по отцу и по матери, и мать ихъ была тутъ же; она сейчасъ же отправилась къ сыну своему Омару Мирассѣ и сказала ему: «Сынъ, твой отецъ долженъ быть царемъ, и всѣ этого желаютъ; а ты ему мѣшаешь?».—Онъ отвѣчалъ, что избави Боже; что онъ готовъ исполнить все что отецъ ему прикажетъ. Мать возвратилась къ мужу и передала, о чемъ говорила съ нимъ; послѣ этого онъ согласился послать къ нему другого своего сына,

en uno; partió de la ciudad de Baldat donde estaba, é con él Abobaquer Mirassa su fijo. E antes que ahí llegase, supo en como Homar Mirassa su fijo avia ayuntado mucha mas gente de la que antes tenia: otrosi que enviára á las ciudades de Turis é «de» Soltania, que estoviesen aparejados para quando él por ellos enviase. E el padre desque esto supo rescelóse, y non quiso ir para el fijo, é envió saber su ardid: é el fijo envió á decir, que non ayuntaba él aquella gente salvo por poner recabdo en la tierra é en las fronteras. E desque esto oyó Abobaquer, el otro [su] fijo
209. con que él venia, dixo á su padre, que él iria á su hermano y lo tomaria, é lo traeria ante él, mal que le pesase; y el padre dixo, que lo non ficiese por non escandalizar la tierra. E este Homar Mirassa é Abobaquer Mirassa eran hermanos de padre y de madre, é su madre dellos estaba alli, é fué luego á su fijo Homar Mirassa, é dixole: *Fijo, tu padre debe ser Señor, é todos lo quieren, ¿ y tu estorvaslo?* E respondió: *Que lo Dios non quisiese, mas que estaba presto para facer é cumplir lo que le mandase.* E la madre tornó al marito, é dixole lo que con él fablára:

на легкѣ, безъ войска, чтобы братья устроили между собою, какъ передать царство отцу. Когда Омаръ Мирассà узналъ, что братъ идетъ къ нему, онъ рѣшилъ схватить его; и когда тотъ приблизился къ его палаткѣ, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу, взялъ его за руку и ввелъ въ палатку; а какъ только Абобакеръ вошелъ, онъ приказалъ его схватить. Пятьдесятъ всадниковъ, бывшіе при немъ, бѣжали къ отцу. Схвативши брата, онъ послалъ его въ замокъ Султанію и велѣлъ заковать въ оковы, самъ же пошелъ на отца, чтобы схватить и его. Тотъ обратился въ бѣгство и бѣжалъ въ землю Рей, гдѣ жилъ его зять, Кулемашà Мирассà, и другіе Чакатаи и рыцари. Мать этихъ Омара Мирассы̀ и Абобакера Мирассы̀, узнавши, что одинъ захватилъ другого, отправилась къ Омару Мирассѣ̀, разорвала на себѣ платье и съ обнаженной грудью пришла къ сыну, заливаясь слезами и говоря: «Я васъ родила, сынъ мой: а ты теперь хочешь убить своего брата, зная, что онъ твой родной братъ, и что всѣ его любятъ». Онъ отвѣчалъ, что онъ заключилъ своего брата только за то, что онъ былъ глупъ и дерзокъ и за тѣ рѣчи, которыя онъ говорилъ; но что онъ не желаетъ ничего лучше, какъ

sobre lo qual acordó de enviar á él otro su fijo, é que fuese aforrado sin gente; é que ambos hermanos ordenasen como diesen al padre el Señorio. E desque Homar Mirassa supo como venia su hermano, acordó de lo prender; é como llegó acerca de una tienda donde estaba, salió á él é tomólo por la mano, y metiólo en la tienda; é desque lo tuvo dentro, mandólo prender: é fa|sta quinientos omes de á caballo que con él iban, fuyeron para el padre. E asi como prendió al hermano, envió́lo para el castillo de Soltania, é poner en fierros; é movió contra el padre por lo tomar, eso mesmo fuyó, é fuése por tierra de Rey, donde estaba Culemaxa Mirassa su cuñado, é otras gentes de Chacatays é Caballeros. E la madre destos Homar Mirassa é Abobaquer Mirassa, desque supo que el uno avia prendido al otro, vino para el dicho Homar Mirassa, é rompióse las vestiduras, y las tetas de fuera, llegó al fijo diciendole, é llorando de los sus ojos, dixo: *Yo vos pari, fijo* [*fijos*], *¿ é agora quieres matar al tu hermano, sabiendo que es tu hermano verdadero, é ome á quien las gentes quieren bien?* E él respondió: *Que él non avia preso á su hermano, salvo porque*

чтобъ отецъ былъ царемъ. Схвативши своего брата, онъ думалъ, что тѣмъ только положитъ конецъ его дурнымъ намѣреніямъ, потому что онъ былъ доблестный человѣкъ, и Чакатаи его любили. Всѣ эти рѣчи онъ велъ для того, чтобы вѣрнѣе овладѣть отцемъ. Отецъ же отправился въ путь по дорогѣ въ Самаркандъ; сынъ за нимъ. Увидѣвши, что не удается схватить его, онъ заключилъ договоръ съ Шахарокомъ Мирассой, дядей своимъ, братомъ отца, чтобъ быть за одно, чтобъ онъ помогъ ему сладить съ отцемъ, а потомъ оба сдѣлались бы царями; это онъ устроилъ для того, что отцу надо было проходить черезъ страну Хоре, гдѣ онъ жилъ, и тамъ его могли задержать. Міашà Мирассà, узнавши, что его сынъ и братъ за одно, не посмѣлъ идти дальше и остался въ Хорасанской землѣ; они заключили между собою договоръ, но такой договоръ, что все таки отецъ не могъ довѣрять сыну. Омаръ Мирассà, взявши брата, взялъ и жену его, дочь императора Мердинскаго, и послалъ ее къ отцу. Въ это то время Омаръ Мирассà прислалъ письмо посланникамъ въ городъ Турисъ, гдѣ они жили, и въ письмѣ этомъ говорилъ, чтобъ они не досадовали, что

era loco é atrevido, é por las razones que decia; ca non queria ál, salvo que su padre fuese Señor. E desque á su hermano tovo preso, entendio que tenia acabada su mala voluntad, por quanto era ome muy esforzado, é que lo querian bien los Chacatays: é las buenas razones que decia asi [si], eran para asegurar al padre por lo tomar; y el padre tomó su camino para Samarcante, é el fijo en pos dél. E desque vido que lo non podia tomar, traxo tratos con Xaharoc Mirassa su tio, hermano de su padre, que fuesen en uno, y lo ayudase contra el padre, é que ambos serian
210. Señores: é esto facia, por quanto el padre avia de pasar por tierra de Hore, donde él estaba, é que alli lo podrian tomar. E desque este supo Miaxa Mirassa, que el hermano y el fijo suyo eran de un acuerdo, estuvo quedo en tierra de Horazania, que non osó ir adelante; é troxieron tratos, mas fueron tales que nunca el padre se fió del fijo. E desque Homar Mirassa tovo preso | á su hermano, tomóle la muger, que era fija del Emperador de Merdin, é envióla á su padre. E en este tiempo envió una carta Homar Mirassa á los dichos Embajadores, alli á la ciudad de Turis donde estaban, por la qual les envió á decir, que non tomasen enojo,

онъ замедляетъ ихъ отъѣздъ; что теперь онъ скоро устроитъ дѣло съ отцемъ и тогда сейчасъ же отпуститъ ихъ и отошлетъ домой.

CXLVIII. Послѣ этого во вторникъ, двадцать девятаго числа апрѣля мѣсяца, въ день св. Петра мученика, когда посланники были въ своемъ помѣщеніи, явился къ нимъ городской альгвазилъ, писецъ и съ ними много народу. Вошедши въ домъ, они взяли всѣ шпаги и все оружіе какое нашли, заперли двери и сказали посланникамъ, что царь приказалъ, чтобъ они выдали всѣ свои вещи, чтобъ отправить ихъ въ сохранное мѣсто. Посланники отвѣчали, что на это его воля, такъ какъ они находятся во власти его; но что король, ихъ государь, прислалъ ихъ къ царю Тамурбеку какъ къ другу, и они ожидали что съ ними будутъ обращаться иначе; впрочемъ, такъ какъ великій царь умеръ, то они могутъ дѣлать что хотятъ. Альгвазилъ сказалъ, что царь приказалъ это сдѣлать только для того, чтобъ ихъ лучше охранить, и что имъ не будетъ нанесено никакой обиды. Они вовсе не собирались поступать такъ какъ говорили, а совершенно напротивъ, какъ послѣ и поступили: взяли все, что у нихъ было, платья, деньги, лошадей,

porque se les alongaba su partida; mas que agora quando se aviniese con su padre, que seria muy aina, é los libraria é enviaria muy aina de alli.

CXLVIII. E despues desto, martes veinte y nueve dias del mes de Abril, dia de Sant Pedro Martir, estando los dichos Embajadores en su posada, llegó á ellos el Alguacil de la ciudad é un Escribano, é otra mucha gente con él; é como entraron en casa, tomaron las espadas y armas que ende fallaron, y cerraron las puertas, y dixeron á los dichos Embajadores: *Que el Señor enviaba á mandar, que todas las cosas que avian se las diesen y entregasen, porque las ellos pusiesen en recabdo.* E los dichos Embajadores dixeron: *Que les placia, pues que en su poder estaban* [*estaba*]; *pero que el Rey su señor les avia enviado al señor Tamurbec à lo visitar como á su amigo, é que entendian de otra mente ser tratados; mas que pues el gran Señor era muerto, que podian facer lo que quisiesen.* E el Alguacil les dixo: *Que lo non facia el Señor aquello, salvo porque estoviesen mas guardados, é les non fuese fecho enojo alguno.* E esto non lo entendia facer como lo decian, antes queria facer el contra-

сѣдла, все имущество; оставили имъ только что было на нихъ надѣто; а прочее помѣстили подъ стражей въ другомъ домѣ. То же самое сдѣлали съ Турецкими посланниками и съ посланникомъ султана, которые были тамъ же; и когда брали эти вещи, то тайкомъ и насиліемъ отняли у нихъ многое изъ ихъ собственности. Черезъ двадцать дней послѣ этого Омаръ Мирассà прислалъ имъ письмо, въ которомъ говорилъ, чтобъ они не досадовали на то, что онъ приказалъ имъ сдѣлать, но чтобы радовались и веселились, потому что онъ примирился съ отцемъ и собирается пріѣхать въ мѣстечко, называемое Ассарекъ, въ пяти лигахъ отъ Туриса; оттуда онъ пришлетъ за ними, повидается съ ними и отпуститъ. Это была неправда, потому что онъ еще не помирился съ отцемъ; онъ распространялъ эти и подобныя вѣсти по странѣ для того, чтобъ всѣ были покойны и не возмущались противъ него. Невозможно было также навѣрное узнать отъ Чакатаевъ и отъ воиновъ его, гдѣ находилось войско, что собирались дѣлать, или куда шли, потому что каждый говорилъ по своему: они народъ изобрѣтательный и хитрый и никогда не говорятъ правду. Такимъ образомъ

rio, como lo despues ficieron: y tomaronles quantas cosas tenian, asi ropas como dineros é caballos é sillas, é quanto tenian, que les non dexaron salvo las ropas que vestian, é pusieronlo en otra casa en guarda: é eso mesmo ficieron á los Embajadores del Soldan é á los de la Turquia, que ahí | estaban; é quando estas cosas les tomaron, les llevaron furtado y por fuerza mucho de lo suyo. E despues desto á cantia de veinte dias, envióles á decir el dicho Homar Mirassa una carta, por la qual les envió á decir, que non tomasen enojo por lo que les enviára á mandar é facer,
211. mas que se alegrasen é oviesen placer, que él era ya avenido con su padre, é que se venia á un lugar que se llama Assarec, que es cinco leguas de Turis, é que alli enviaria por ellos, é los veria é libraria: é non era esta la verdad, ca él non era avenido con su padre; mas estas nuevas y otras facia él echar por la tierra, por quanto todos estoviesen sosegados, é se non levantasen contra él. Otrosi de los Chacatays é gente de su hueste nunca podian saber verdad dónde estaba la hueste, nin qué querian facer, nin á do iban, que cada uno decia de su manera; é son gente engeniosa é sotil, y nunca dicen aquestos verdad. E desta guisa

посланники проводили время, ожидая, пока Омаръ Мирассà пріѣдетъ въ Ассарекъ.

CXLIX. Въ это время поднялся царь Гарганіи, о которомъ вы слышали, вступилъ въ земли Ауміанскую и Ассеронскую, которыя находятся въ великой Арменіи, дошелъ до земли Туриса и сжегъ и ограбилъ много городовъ и селеній, такъ что навелъ большой страхъ. Турисскіе Мавры думали, что царь пріѣдетъ въ ихъ землю; но онъ этого не сдѣлалъ, а приказалъ одному своему старому знатному рыцарю по имени Омаръ Тобану идти съ пятью тысячами всадниковъ въ эту страну на царя Гарганіи; кромѣ того приказалъ войскамъ Туриса и другихъ мѣстностей присоединиться къ нему. Всѣхъ ихъ набралось до пятнадцати тысячь всадниковъ. Они прошли черезъ городъ Турисъ съ большимъ спѣхомъ и стали на поляхъ, которыя называются Алатао, въ великой Арменіи. Царь Сорсъ, узнавъ объ этомъ, прискакалъ въ одну ночь съ пятью тысячами всадниковъ, напалъ на нихъ, разбилъ и многихъ перебилъ; тѣ, которые спаслись, прибѣжали въ Турисъ. Великій страхъ и смятеніе возникло между Маврами въ городѣ, потому

pasaron los dichos señores Embajadores, esperando quando el Señor Homar Mirassa venia alli «á» Assarec.

CXLIX. E en este tiempo levantóse el Rey de Garganía que avedes oído, é entró en tierra de Aumian é de Asseron, que es de Armenia la mayor, é llegó fasta tierra de Turis, é robó é quemó muchas aldeas é lugares, tanto que puso gran miedo, que los Moros de Turis por eso pensaron que el Señor vernia en aquella tierra, é non lo fizo; mas mando á un su gran Caballero viejo que avia nombre Homar Toban, que viniese con cinco mil omes á caballo, é está frontero en aquella partida deste Rey de Garganía: é mandó á cierta gente de Turis é de otras partes, que fuesen con ellos; los quales fueron por todos fasta quince [65] mil omes á caballo, é pasaron por esta ciudad de Turis con gran ofanía [ofana], é fueron tener su fronteria á unos campos que llaman Alatao, que es en Armenia la mayor. E el Rey Sorso supo dellos, é cabalgó con fasta cinco mil omes á caballo, é vino sobre ellos una noche, é desbaratòlos, é mató muchos dellos, é los que escaparon, fuyeron fasta en Turis; é el ruido é miedo fué grande en los Moros de la ciudad: é decian los Cafares vencer á los Muzalmanes [Mu-

что кафары побѣдили мусульманъ; кафарами называютъ они Христіанъ, и это значитъ люди безъ закона; а себя называютъ мусульманами, что на ихъ языкѣ значитъ люди избраннаго и хорошаго закона. Другіе говорили, что въ этомъ виноваты не они, а царь ихъ, у котораго не было удачи; что Тамурбеку все удавалось, да онъ уже умеръ.

CL. Когда Омаръ Мирассà не могъ ни взять въ плѣнъ своего отца, ни помириться съ нимъ, онъ возвратился въ городъ Султанію, гдѣ держалъ въ заключеніи своего брата, и приказалъ, чтобъ его отравили; а потомъ поѣхалъ въ Ассарекъ, устроить войско и отправить посланниковъ. По дорогѣ онъ получилъ извѣстіе, что во вторникъ, одиннадцатаго числа іюля мѣсяца того же года, его братъ Абобакеръ вырвался изъ темницы, убилъ того, кто его стерегъ, разграбилъ его казну и бѣжалъ. Онъ тотчасъ же воротился въ Султанію и послалъ въ погоню за братомъ, но его не могли настичь.

Омаръ Мирассà приказалъ, чтобы брата его умертвилъ тотъ, кто сторожилъ его, давши ему яду. Объ этомъ узнали нѣкоторые изъ его людей и увѣдомили Абобакера, потому что имъ жаль бы-

lazmanes]; é Cafares decian ellos por los Christianos, que quiere decir gente sin ley: é Muzalmanes se llaman ellos, que quiere decir en su lengua, los de la escogida y buena ley. E otros decian, que lo non facian ellos, salvo su Señor, que era sin ventura, que el aventurado [que] era el Señor Tamurbec, que era ya muerto.

CL. E desque Homar Mirassa non pudo tomar á su padre, nin se
212. pudo avenir con él, tornóse para la ciudad de Soltania, donde tenia á su hermano preso, é ordenó como lo matasen con ponzoña: é de sí partió de alli para se venir á Assarec [Sarec], por ordenar alli su gente, é por despachar á los dichos Embajadores. E viniendo su camino, llegaronle nuevas en como martes, que fueron once dias del mes de Julio del dicho año, su hermano Abobaquer se soltára de la prision, é matára al que lo guardára, é avia robado el tesoro dél, é se era ido; é tornó luego para la ciudad de Soltania, envió gente tras su hermano, é non lo pudieron alcanzar.

Homar Mirassa dexó ordenado como matase á su hermano aquel que lo guardaba, con ponzoña que le diese, é supieronlo algunos de sus

ло его. Онъ, получивши это извѣстіе, сговорился съ ними, чтобъ они ему помогли уйдти изъ темницы и обѣщалъ имъ милости. Они условились такимъ образомъ, что на другой день будутъ готовы ему лошади и оружіе, ему дадутъ шпагу, и когда войдетъ къ нему тотъ, кто стерегъ его, онъ его убьетъ, а они готовы будутъ помочь ему, и онъ освободится изъ темницы. Такъ и сдѣлали. Въ тотъ день утромъ вошелъ къ нему рыцарь, который охранялъ его, съ троими довѣренными людьми и сказалъ: «Государь, вашъ братъ прислалъ вамъ сказать, что онъ примирился съ вашимъ отцемъ и въ скоромъ времени освободитъ васъ отсюда и дастъ вамъ много денегъ и всего что бы вамъ было пріятно; онъ проситъ, чтобы вы были веселы и не досадовали. Приношу вамъ эти добрыя вѣсти и покорно прошу, не угодно ли вамъ сегодня выпить вина и откушать со мною». Онъ тотчасъ же принесъ съ собою вино и въ немъ тотъ ядъ, который долженъ былъ его умертвить. По ихъ обычаю пьютъ вино прежде ѣды. Рыцарь, стерегшій его, преклонилъ передъ нимъ колѣна, взялъ чашу въ руки и просилъ его выпить. Онъ отказался пить, приводя уважительныя

omes, é ficieronlo saber al dicho Abobaquer, por quanto les pesaba | de su muerte; é desque lo supo, trató con ellos cómo lo ayudasen á salír de alli, é prometióles que les faria mucha merced; é ordenaronlo desta manera: que otro dia estoviesen apercebidos de sus caballos é sus armas, é que le diesen á él una espada, é como entrase á él aquel que lo guardaba, que lo mataria, é que ellos fuesen prestos á lo ayudar, é que se libraria de aquella prision, é ficieronlo asi. E otro dia en la mañana entraron á él el Caballero que lo guardaba, é otros tres de quien él fiaba; é dixole: *Señor, vuestro hermano vos envia á decir, que él es avenido con vuestro padre, é que muy cedo vos sacará de aqui, é vos darà muchos dineros*, *é cosa con que seades contento: é enviavos á rogar, que tomedes placer, é non ayades enojo; é con estas buenas nuevas que vos traygo, vos demando en merced, que querades hoy beber vino, é comer comigo*. El qual vino traía luego consigo, é venia en él la ponzoña con que lo avia de matar; é la su costumbre es de beber el vino antes del comer: fincó los finojos ante él aquel Caballero que lo guardaba, é tomó la taza en la mano, è demandóle de merced que bebiese; é él escusóse de non beber

причины, и въ то же время схватилъ шпагу, ударилъ ею по головѣ подававшаго вино и убилъ, потомъ убилъ тѣхъ трехъ, которые пришли съ нимъ. По замку пронеслось смятеніе; тѣ, которые охраняли его и сговорились съ нимъ, пришли тотчасъ, разрубили его оковы, которыя были изъ серебра; онъ сѣлъ на лошадь и другіе вмѣстѣ съ нимъ, выѣхалъ изъ замка, пріѣхалъ на площадь, гдѣ собирали подати, и убилъ казначея, котораго тамъ встрѣтилъ. На шумъ къ нему собралось много народу и онъ приказалъ, чтобы ему привели всѣхъ хорошихъ лошадей, какихъ найдутъ, какъ купеческихъ, такъ и другихъ; и собралось почти пятьсотъ всадниковъ. Тогда онъ возвратился въ замокъ, одѣлилъ изъ казны тѣхъ, которые были съ нимъ, давши каждому столько сколько онъ могъ взять, велѣлъ нагрузить казною сто верблюдовъ и отправился къ отцу. Когда онъ пріѣхалъ, отецъ разсказалъ, что братъ его Шахарокъ Мирассà заграждалъ ему дорогу и не пускалъ его въ Самаркандъ; тогда онъ въ ту же ночь отправился съ людьми своего отца и со своими туда, гдѣ былъ братъ отца; взялъ его и много людей его въ плѣнъ и привелъ къ отцу; и

con buenas razones; é entonces metió mano al espada, é dió una ferida en la cabeza á aquel que le daba el vino, é matólo; é de si mató los otros tres que con él iban: é el ruido se fizo por el castillo: é los omes que lo guardaban, que tenian su fabla ante él, vinieron luego á él, é
213. cortaronle los fierros que tenia, que eran de plata, é cabalgó en un caballo, é otros con él, é salió del castillo, é fué á una plaza onde cogian el derecho, é mató á un tesorero que ahí falló. E á este ruido se llegó mucha gente á él, é mandó que do quiera que fallasen buenos caballos, que los tomasen, asi de mercaderes, como de otros: é llegaronse á él fasta | quinientos de á caballo: é tornó al castillo, é del tesoro que alli estaba dió á todos aquellos que con él eran quanto pudieron [le] llevar; é él fizo cargar cien camellos dello, é fuese para su padre. E quando á él llegó plógole mucho con él, é contóle como su hermano Xaharoc Mirassa le tenia el paso, que lo non dexaba ir á Samarcante; é él partió esa noche de alli con la gente del padre é con la suya, é fué do estaba el hermano de su padre; é prendiólo, é traxolo á su padre, é mucha gente del tio: é otros asaz se vinieron para él, desque supieron que era suelto.

много другихъ явилось къ нему, когда узнали, что онъ освободился. Кромѣ того каждый день уходили люди изъ войска Омара Мирассы̀, узнавъ, что его братъ освободился; и такъ какъ каждый день люди уходили отъ него, то онъ рѣшился заключить миръ съ отцемъ; и отецъ и братъ его уѣхали въ Самаркандъ.

Омаръ Мирасса̀ отправился изъ своего лагеря на поля Віанскія, въ десяти лигахъ отъ города Туриса, и послалъ въ города Турисъ и Султанію сказать, что онъ хочетъ устроить торжество и вигилію въ память своего дѣда, такъ для этого послали бы ему барановъ, хлѣба, вина и лошадей; кромѣ того прислали бы ему три тысячи камокановыхъ и тафтяныхъ платьевъ, которыя онъ хотѣлъ раздать своимъ рыцарямъ; и велѣлъ, чтобы посланникамъ возвратили все, что у нихъ было отнято.

CLI. Въ четвергъ, тринадцатаго числа августа мѣсяца, Омаръ Мирасса̀ прислалъ къ посланникамъ двухъ Чакатаевъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ ихъ пріѣхать къ нему. На другой день, въ пятницу, они выѣхали оттуда и остановились ночевать въ полѣ; а на слѣдующій день утромъ пріѣхали въ Віанъ, туда, гдѣ находился царь, и ихъ помѣстили возлѣ ручья, гдѣ они и поста-

Otrosi de cada dia se iba gente de la hueste de Homar Mirassa, sabiendo que su hermano era suelto: y como de cada dia se iba la gente para él, acordó de facer paz con su padre; é el dicho su padre é su hermano tomaron su camino para Samarcante.

E Homar Mirassa se vino de su hueste á los campos de Vian, que era á diez leguas de Turis, é envió á decir á la ciudad de Turis é de Soltania, que él queria facer alli una fiesta é vigilla por su avuelo, é que para ello que le enviasen ciertos carneros é pan é vino é caballos: é otrosi que le enviase tres mil ropas de camocan é de tafes, que alli queria dar á sus Caballeros: é envió á mandar que tornasen á los dichos Embajadores todo lo que les avian tomado.

CLI. E jueves, trece dias del mes de Agosto, Homar Mirassa envió á los dichos Embajadores dos Chacatays, con los quales una carta, en que les envió á decir que lo fuesen á ver. E otro dia viernes partieron dende [de], é fueron dormir al campo: é otro dia en amanesciendo fueron con el Señor alli en Vian, alli onde estaba, é aposentólos cerca de un | arroyo, é alli

вили свои палатки. На другой же день, въ субботу, въ день св. Маріи августовской, царь вышелъ изъ своихъ палатокъ, пришелъ въ большой павильонъ и послалъ за посланниками. Они явились въ тотъ большой павильонъ, гдѣ онъ былъ, и привѣтствовали его. Онъ принялъ ихъ хорошо, обратился къ нимъ съ добрыми рѣчами и потомъ приказалъ отвести ихъ подъ большой навѣсъ стоявшій передъ павильономъ, и тамъ имъ подали кушать. На другой день, въ воскресенье, онъ призвалъ посланниковъ въ свой павильонъ и устроилъ большой пиръ; передъ нимъ говорили хвалебныя рѣчи Тамурбеку; угощенія въ этотъ день было очень много. Посланники передали ему въ подарокъ платья изъ шерстяныхъ и шелковыхъ тканей и шпагу, очень хорошо отдѣланную, которая ему очень понравилась. У него такой обычай, что онъ не принимаетъ тѣхъ, которые ему ничего не привозятъ; и первое, что спросили у посланниковъ, когда они пріѣхали въ станъ, это—привезли ли они что нибудь для государя, и они должны были показать. Во вторникъ, семнадцатаго августа, онъ подарилъ посланникамъ платья и назначилъ человѣка сопровождать ихъ и Турецкихъ посланниковъ, а посланника Вавилонскаго султана приказалъ задер-

armaron sus tiendas. E luego otro dia sabado, dia de Sancta Maria de Agosto, el Señor salió de sus tiendas, é vino so un gran pavellon, é envió por los dichos Embajadores: é fueron so el pavellon onde él estaba, é ficieronle su reverencia, é rescibiólos bien, diciendoles buenas razones: é de sí
214. mandólos llevar so una sombra que ante el pavellon estaba, è comieron alli: é otro dia domingo fizo ir ante sí so aquel pavellon á los dichos Embajadores, é fizo una gran fiesta, é predicaron ante él loando aquel dia al Tamurbec; é la vianda fué mucha este dia. E los dichos Embajadores dieronle su presente de ropas de paño, de lana é de seda é una espada de una usanza bien guarnida, que él preció mucho. E su costumbre es, que non quiere ver al que le non lleva nada: é la primera cosa que á los dichos Embajadores preguntaron, como al real llegaron, fué, si traían algo para el Señor, é que se lo mostrasen. E martes, que fueron diez y siete dias del mes de Agosto, dió á los dichos Embajadores sendas ropas, é dióles un ome que les llevase é guiase á ellos, y á los Embajadores de la Turquia: é al Embajador del Soldan de Babylonia mandólo detener, é me-

жать и заключить въ темницу. Въ тотъ же день они выѣхали, а на другой день, въ среду, прибыли въ Турисъ, и стали вмѣстѣ съ Турками собираться въ путь, чтобъ отправиться поскорѣе, сговорившись, какою дорогой ѣхать.

CLII. Въ слѣдующую пятницу вечеромъ, когда они уже приготовились уѣзжать, явился городской деррогà, т. е. въ родѣ городского начальника и съ нимъ альгвазилы, и писаря, и много народу съ дубинами и палками. Они сказали посланникамъ, чтобъ тѣ приказали принести всѣ свои вещи, потому что они хотятъ ихъ видѣть; и сказали это такимъ голосомъ и такъ надменно, что надо было принести. Когда вещи были принесены, они взяли нѣсколько кусковъ китайскаго атласу и камокану, ескарлатовое платье и другія вещи; и сказали, что царь приказалъ взять эти вещи, потому что такихъ хорошихъ въ этой странѣ нѣтъ, и что онъ за нихъ заплатитъ; затѣмъ они сѣли на лошадей и уѣхали. Послѣ этого посланники посовѣтовались съ Турецкими посланниками и рѣшились уѣхать на другой же день; тѣ разсказали, что съ ними случилось то же самое и у нихъ отняли нѣсколько вещей; и они боялись, что если еще будутъ ждать, то можетъ дойдти и до худшаго.

ter en prision. E partieron de aqui este dia, é otro dia miercoles fueron á Turis, é pusieron por obra ellos y los Turcos de partir de alli aina, é ovieron su consejo del camino que avian de traer.

CLII. E viernes siguiente en anocheciendo, ellos estando aparejados para partír de aqui, vino el Derroga de la ciudad, que es como Regidor, é con él Alguaciles é Escribanos, é mucha gente que ante él venian con mazas y palos; é dixeron á los dichos Embajadores, que les ficie[66]sen traer ante sí todas las cosas que tenian, que las querian ver; é en tal son y con tal soberbia lo decian, que se lo ovieron de dar: é desque lo tovieron ante sí, tomaronles ciertos paños de setunis é camocanes del Catay, é una ropa de escarlata, é otras cosas; é dixeron que el Señor mandaba tomar aquello, por quanto lo non avia en aquella tierra tan bueno; pero se lo mandaria pagar: é como esto ovieron fecho, cabalgaron é fueronse. E sobre esto los dichos Embajadores ovieron su consejo con los Embajadores de la Turquia, é acordaron de partir luego otro dia de alli, é decian que eso mesmo avian á ellos fecho, é les avian tomado algunas cosas; é que si esperaban mas, que este fecho podia llegar á mas.

CLIII. На другой день, въ субботу двадцать второго августа, до разсвѣта наши и Турецкіе посланники выѣхали изъ города Туриса. Они пробыли въ этомъ городѣ пять мѣсяцевъ и двадцать два дня; такъ какъ пріѣхали перваго февраля, а выѣхали двадцать второго августа. Съ ними отправился Чакатай, который долженъ былъ ихъ сопровождать, и еще присоединился караванъ въ двѣсти лошадей, нагруженныхъ товарами, который шелъ въ Турцію, въ городъ Бурсу; они хотѣли идти вмѣстѣ, потому что боялись разбойниковъ. Шли субботу, въ которую выѣхали, и воскресенье; а въ понедѣльникъ утромъ прибыли въ городъ, называющійся Хой, въ которомъ останавливались на пути въ Самаркандъ. Здѣсь у этого города кончается Персія и начинается великая Арменія. Остановившись тамъ, они узнали новость, что одинъ Туркоманскій рыцарь, по имени Караотоманъ, бывшій вассаломъ Тамурбека, возмутился, выступилъ съ десятью тысячами всадниковъ и уже причинилъ много вреда и много награбилъ въ странѣ; потомъ пошелъ на городъ Арсингу и осадилъ ее; по этому посланники должны были оставить дорогу на Маку,

CLIII. E otro dia sabado, veinte y dos dias del mes de Agosto, antes que amaneciese los dichos señores Embajadores é los de la Turquia partieron desta ciudad de Turis: é él tiempo que en esta ciudad estovieron fué cin-
215. co meses y veinte y dos dias, que ellos llegaron primero dia de Hebrero, é partieron á veinte y dos dias de Agosto, é con ellos iba el Chacatay que los avia de guiar: é llegó á ellos una caravana de docientos caballos, que iban cargados de mercadurias, los quales iban á la Turquia á la ciudad de Bursa, por ir en su compañia, por rescelo que avian de ladrones; é anduvieron este dia sabado que partieron, é domingo: é lunes en amaneciendo llegaron á una ciudad que es llamada Hoy, é en esta ciudad estovieron á la ida: é en esta ciudad se acaba la Persia, é comienza Armenia la mayor. E estando aqui supieron por nuevas, que un Caballero Turcoman [Tarcoman], que se llamaba Caraotoman [Caraotoma], era revelado al Tamur|bec, que solia ser su vasallo, é que andaba en el camino con diez mil omes á caballo, y que avia robado y fecho mucho mal en la tierra; y que avia ido sobre la ciudad de Arsinga, é que la avia tenido cercada: por lo qual ovieron de dexar el camino de Macu, que era su camino derecho

прямой путь, по которому они прежде ѣхали, и взяли лѣвѣе, къ югу.

CLIV. На другой день, во вторникъ, около вечерни они выѣхали оттуда; ѣхали всю ночь, ѣхали среду; около полудня остановились въ полѣ кормить лошадей и опять проѣхали день и ночь. Въ слѣдующій четвергъ около вечерни пріѣхали въ одно селенье съ маленькимъ замкомъ, населенное Армянами; оно находилось уже въ Армянской землѣ и принадлежало Омару Мирассѣ; а отъ этого мѣста къ югу начинался Мавританскій народъ, который называется Турками, а земля ихъ Турдустанъ; онъ царствовалъ тоже и въ этой землѣ, и многіе изъ этого народа жили между этими Армянами. Земля эта очень обильна хлѣбомъ и мясомъ. Тутъ они получили извѣстіе, что Караотоманъ ушелъ отъ Арсинги и появился на той дорогѣ, по которой имъ нужно было ѣхать; и они послали верховаго впередъ узнать, гдѣ этотъ Караотоманъ. На другой день, въ пятницу, онъ вернулся уже вечеромъ и сказалъ, что дорога безопасна. Они выѣхали и на ночь остановились въ полѣ около одного селенья. Днемъ продолжали свой путь и

por do avian ido á la ida, é tomaron á la mano izquierda fácia medio dia.

CLIV. E otro dia martes á hora de vísperas partieron de aqui, é anduvieron toda la noche, é anduvieron miercoles, é á hora de medio dia dieron cebada en unos prados, é anduvieron todo el dia y la noche; é jueves siguiente á hora de vísperas llegaron á un aldea que avia un castillo pequeño, y era poblado de Armenios, y era en tierra de Armenia, é era de Homar Mirassa: é cerca deste lugar fácia medio dia comenzaba una gente de Moros que llaman Turcos, é á la tierra Turdustan; é este señoreaba esta tierra, é viven muchos dellos entre estos Armenios: esta tierra es muy abastada de pan y de viandas. Y estando aqui ovieron nuevas que Caraotoman se avia partido de sobre Arsinga, y estaba en el camino que ellos avian de llevar, y enviaron un ome de caballo que fuese delante á saber do era aquel Caraotoman. E otro dia viernes á la tarde tornó, é dixo, que aquel camino era seguro: é partieron dende, é fueron dormir en unos prados cerca de un aldea, é este dia llevaron su camino: é fallaron muchas aldeas bien pobladas de Armenios, é avia en ellas Iglesias bien fermosas,

встрѣтили многолюдныя селенья; въ нихъ были красивыя церкви и кладбища, на которыхъ надъ могилами и ямами стояли кресты въ ростъ человѣка, хорошо сдѣланные. По дорогѣ имъ сказали, что Караотоманъ оставался на мѣстѣ, а воины его дѣлали здѣсь набѣги; тогда они оставили эту дорогу и пошли еще лѣвѣе, къ югу; а чѣмъ больше они шли въ лѣво, тѣмъ больше удалялись отъ своего пути. По этой странѣ они шли до воскресенья, не встрѣчая жилища; и въ понедѣльникъ точно такъ же. Надо знать, что Христіане лишились Арменіи изъ за несогласія трехъ братьевъ.

CLV. Во вторникъ, перваго сентября, около третьяго часа пріѣхали въ большой городъ, почти весь пустой, со стѣной разрушенной, но бывшей прежде очень крѣпкою и широкою, строенной изъ камня. Въ одномъ концѣ стоялъ замокъ, поврежденный въ разныхъ мѣстахъ, и въ немъ жили люди. Этотъ городъ назывался Алескинеръ; въ немъ было много большихъ зданій и цѣлыя улицы каменныхъ домовъ. Посланники остановились здѣсь обѣдать и имъ разсказали, почему этотъ городъ былъ разрушенъ. Говорятъ, что въ великой Арменіи былъ могущественный царь Арменій,

é cimenterios con grandes cruces de piedra sobre las sepulturas é fuesas,
216. é estas cruces tan altas como un ome, é bien fechas: é en el camino que ellos llevaban|, les dixeron que Caraotoman estaba, é que gente suya avia alli llegado á correr, é dexaron aquel camino, é tomaron otro mas á la mano izquierda fácia medio dia, é quanto mas aquella mano iban, tanto se desviaban de su camino: é anduvieron por esta tierra fasta el domingo, que non fallaron habitacion; é el lunes eso mesmo; é es de saber, que perdieron los Christianos á Armenia la mayor, por desacuerdo de tres hermanos.

CLV. E martes, primero dia de Septiembre, á hora de tercia llegaron á una gran ciudad que estaba todo lo mas della [e] deshabitada, el muro avia derrocado, que fuera muy ancho é muy fuerte, é de piedra cal un cubo estaba un castillo aportellado en muchos lugares, é moraba en él gente: esta ciudad avia nombre Alesquiner, é en ella avia muy grandes edificios, é de ruas de casas fechas de piedras. E los dichos señores Embajadores comieron aqui, é contaron la razon porque fuera destruida esta ciudad. E decian que en esta Armenia la mayor ovo un gran Rey Armenio muy poderoso,

владѣвшій обширными землями. Умирая, онъ оставилъ трехъ сыновей и раздѣлилъ имъ землю такимъ образомъ: старшему сыну отдалъ этотъ городъ Алескинеръ съ другой землей; второму оставилъ городъ Ауміанъ, тоже съ опредѣленнымъ количествомъ земли, а третьему городъ Ассеронъ; всѣ эти три города были самые важные города Арменіи. Старшій, видя себя владѣтелемъ этого города Алескинера, который былъ очень крѣпокъ, захотѣлъ отнять всѣ три у своихъ братьевъ; они возстали другъ на друга и начали войну. Когда война разгорѣлась, каждый изъ нихъ привелъ къ себѣ на помощь чужой народъ. Тотъ, который владѣлъ Ассерономъ, привелъ къ себѣ на помощь Мавританскій народъ, который называется Туркоманами; то же самое сдѣлалъ царь Ауміанскій, и они напали на старшаго брата. Узнавши, что братья идутъ на него съ чужимъ войскомъ, онъ тоже послалъ за помощью и привелъ къ себѣ своихъ сосѣдей Мавританскаго племени, которые называются Турками. Эти сговорились съ Туркоманами, которыхъ привели другіе братья, и устроили такъ: убили царя, сдали и разрушили городъ; потомъ убили двухъ другихъ братьевъ и взяли города Ауміанъ и Ассеронъ съ ихъ землями; такимъ обра-

é de gran tierra Senor, é que al tiempo que murió dexó tres fijos, á los quales repartió la tierra desta [en esta] manera: al fijo mayor le dexó esta ciudad de Alesquiner con otra tierra, é al otro fijo dexó la ciudad de Aumian con otra tierra cierta, é al otro la ciudad de Asseron, que son las tres ciudades mayores que en Armenia avia. El mayor dellos, viendo que era Señor desta ciudad de Alesquiner, que era muy fuerte, quiso tomar las tres á los otros hermanos; é levantaronse unos contra otros, é ficieronse guerra; é desque la guerra arreció entre ellos, cada uno traxo gente estraña que lo ayu|dase: el que era Señor de Asseron traxo en su ayuda una gente de Moros que llaman [llamavan] Turcomanes, é eso mesmo fizo el otro hermano Señor de Aumian, é fueron sobre el hermano mayor; é quando supo que sus hermanos venian con gente estraña [straña], envió él eso mesmo por gente que lo ayudáse, é traxo [troxo] una gente de Moros que eran sus vecinos, que llaman Turcos: é estos troxieron su fabla con los Turcomanes que los otros hermanos traían, é fué de tal manera, que les dieron la ciudad, é mataron al Señor della, é destruyeronla [estruyeronla]: é otrosi

зомъ эти города погибли и перешли во власть Мавровъ, которые завладѣли всею Арменіею. Разрушивши городъ, эти люди убили всѣхъ Армянъ Христіанъ, которыхъ нашли, и населеніе уничтожилось. Остановившись здѣсь, посланники получили вѣрныя свѣдѣнія, что Караотоманъ стоитъ со своимъ войскомъ на той дорогѣ, по которой они шли. Они рѣшились тогда возвратиться на Ауміанскую дорогу; это рѣшеніе было выгодно для посланниковъ, и они тотчасъ же отправились въ путь и шли по пустынѣ четыре дня и четыре ночи. На четвертый день, въ субботу, пятаго числа сентября мѣсяца, пріѣхали въ городъ Ауміанъ; и въ слѣдующій понедѣльникъ поднялись въ замокъ, чтобъ увидаться съ сыномъ одного знатнаго рыцаря, который управлялъ этой землей вмѣсто своего отца. Онъ былъ Чакатай, и имя его было Толадайбекъ; эту землю ему далъ Тамурбекъ, когда завоевалъ ее. Пріѣхавши къ нему, они подарили ему камокановое платье по ихъ обычаю, и потомъ разсказали ему о своемъ дѣлѣ. Онъ сказалъ имъ, что Караотоманъ стоитъ въ землѣ Арсингской, черезъ которую имъ надо было идти, и тревожитъ страну; но что онъ ради короля, ихъ государя, и чтобъ услужить Тамурбеку,

mataron á los otros dos hermanos, é tomaron las ciudades de Aumian é de
217. Asseron, é sus tierras: é asi se perdieron estas ciudades, é fueron metidas en poder de los Moros, é se apoderaron de toda Armenia: quando esta gente destruyeron esta ciudad, mataron quantos Armenios Christianos fallaron, é nunca mas en ella habitaron. E estando aqui ovieron los Embajadores nuevas ciertas que Caraotoman estaba en su hueste en aquel camino que llevaban; é ovieron su acuerdo de tornar al camino de Aumian: é este consejo fué provechoso para los dichos señores Embajadores, é partieron luego de aqui: é anduvieron quatro dias é quatro noches de yermo: é al quarto dia, que fué sabado, á cinco dias del mes de Septiembre, llegaron á la ciudad de Aumian: é otro dia lunes subieron al castillo á ver «á» un fijo de un gran Caballero que tenia aquella tierra por su padre, y era Chacatay, é avia nombre Toladaybeque, é el señor Tamurbec le avia dado aquella tierra, quando la ganó. E desque fueron con él, dieronle una ropa de camocan, que tal es su costumbre; é de sí dixeronle su [67] negocio: é él les dixo, que Caraotoman estaba en tierra de Arsinga por do ellos avian

къ которому они пріѣзжали, проводитъ ихъ и велитъ показать имъ другую, безопасную дорогу; а Турецкихъ посланниковъ пошлетъ по другому пути. Этотъ Ауміанскій замокъ стоялъ неприступно на высокой скалѣ и былъ окруженъ тремя оградами, одной за другой. Внутри его былъ источникъ воды, и онъ былъ очень богато снабженъ всѣмъ и пользовался большими доходами.

CLVI. Во вторникъ, осьмого сентября, они уѣхали оттуда и съ ними одинъ Чакатай, который долженъ былъ ихъ проводить, по приказанію Ауміанскаго царя. Онъ повелъ ихъ черезъ Гурганію и они оставили на лѣвой рукѣ дорогу на Арсингу, по которой шли, когда еще отправлялись въ Самаркандъ. Въ эту ночь они ночевали въ одномъ селеньи, принадлежавшемъ Ауміанскому царю. На другой день встали очень рано и поѣхали черезъ очень высокую гору. Спустившись съ нея, на другой сторонѣ увидѣли замокъ, который стоялъ на высокой скалѣ, по имени Тарконъ; этотъ замокъ покорилъ и обложилъ данью Тамурбекъ, а принадлежитъ онъ къ Гурганіи. Ночевали въ одномъ селеньи около лиги оттуда. По этимъ горамъ шли два дня. Въ пятницу, двѣнадцатаго

de ir, é que andaba faciendo mal; mas que por honor del Rey su señor, é por servicio del Tamurbec, á quien ellos avian venido, que él los guiaria, é faria llevar por otro camino seguro; é que á los dichos Embajadores de la Turquia enviaba por otro camino. E este castillo de Aumian era muy fuerte en una peña muy alta, é avia tres cercas muy fuertes, una ante otra, é dentro en él avia agua de una fuente, é estaba muy bien bastecido de todo, é con muy gran recabdo.

CLVI. E martes, ocho dias de Septiembre partieron de aqui, é con ellos un Chacatay que los avia de llevar por mandado de aquel Señor de Aumian, é llevóles por el camino de Gurgania, é dexaron el camino de Arsinga á la mano izquierda, por el que avian ido á la ida: é esta noche fueron á dormir á un aldea que era deste Señor de Aumian. Y otro dia madrugaron, é fueron por una montaña muy alta; é desque fueron abaxo de la otra parte, fallaron un castillo que estaba en una peña alta, que avia nombre Tarcon: é este castillo combatió el señor Tamurbec, é le atrebutó, é es del
señorio de Gurgania. E fueron dormir á un aldea quanto una legua de alli; 218.
y anduvieron por estas montañas dos jornadas. E viernes, que fueron doce

числа сентября мѣсяца, пріѣхали къ одному замку, который называется Висеръ и принадлежитъ одному Мавританскому Молѣ: а Мола значитъ у нихъ докторъ или ученый; этотъ Мола принялъ ихъ съ почетомъ и они обѣдали у него. Вся эта страна была встревожена Караотоманомъ и другими племенами, которыя бѣжали черезъ нее со своими стадами. Они тотчасъ же уѣхали оттуда. Проводникъ, который велъ ихъ, сказалъ, что имъ необходимо заѣхать къ одному князю, который жилъ въ городѣ по имени Аспиръ, и что у него было письмо отъ его государя къ этому князю; и они должны были заѣхать. Дорога, по которой они ѣхали отъ Таркона до сихъ поръ, была гористая и усѣяна холмами. Князь этой земли называется Піахакабеа; и земля эта обильна мясомъ, не смотря на то, что покрыта горами.

На другой день, въ субботу, пріѣхали они къ этому князю и привезли ему въ подарокъ два камокановыя платья. Они у него обѣдали и онъ далъ имъ человѣка, который проводилъ бы ихъ и доставилъ до Трапезондскаго царства. Въ эту ночь они ночевали въ одномъ селеньи у подошвы горы.

CLVII. На другой день, въ воскресенье, поднялись на высокую

dias del mes de Septiembre, llegaron á un castillo que es llamado Vicer, el qual era de un Moro Mola, é Mola dicen por Doctor ó sabidor: é este Mola les fizo mucha honra, é comieron con él. E toda esta tierra estaba alborotada de Caraotoman, y de otras gentes que venian alli fuyendo con sus ganados; é partieron luego de aqui, y la | guia que los llevaba [lleva] les dixo, que era forzado que fuesen ver á un Señor, que estaba en una ciudad que llaman Aspir, é que él traía cartas de su Señor para él, é ovieronlo de ir ver: é el camino que fasta alli troxieron [troxeron] fué de montañas é sierras desde Torcon alli. E este Señor desta tierra avia nombre Piahacabea; é esta tierra era abastada de viandas, como quiera que fuesen montañas.

E otro dia sabado fueron ver este Señor, é llevaronle de presente dos ropas de camocan, é comieron con él, é dióles un ome que los llevase fasta ponerlos en la tierra del Imperio de Trapisonda; é fueron dormir este dia á un aldea al pie de la montaña.

CLVII. E otro dia domingo subieron á una muy alta sierra sin montes,

безлѣсную гору. Подъемъ продолжался четыре лиги и былъ такъ обрывистъ, что и люди, и животныя шли съ большимъ трудомъ. Въ этотъ день они вышли изъ Горганіи и вступили въ страну Арракіель. Горганы люди хорошаго тѣлосложенія и красивой наружности. Вѣра ихъ въ родѣ Греческой, а языкъ особый.

Въ слѣдующій понедѣльникъ обѣдали въ одномъ селеньи въ этой странѣ Арракіель, тотчасъ же уѣхали и ночевали въ другомъ селеньи. Причина, по которой этотъ Мавръ владѣетъ Аспиртеніей и этой страной Арракіель, вотъ какая. Жители этой страны были недовольны своимъ царемъ, котораго звали Арракіель, такъ же какъ и землю; они отправились къ этому князю Аспирскому, сказали ему, что сдѣлаютъ его своимъ княземъ, съ условіемъ чтобъ онъ ихъ защитилъ, и сдѣлали такъ: передались въ его власть, онъ принялъ и назначилъ вмѣсто себя одного Мавра, чтобъ управлять этой страной вмѣстѣ съ однимъ Христіаниномъ. Эта земля очень гористая; въ ней есть нѣсколько проходовъ, гдѣ не могутъ пройдти животныя; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ одной скалы на другую ведетъ мостъ точно изъ дерева. Большею частью по этой землѣ не могутъ идти навьюченныя животныя, и людямъ приходилось

que duraba quatro leguas la subida, é era tan fragosa, que las bestias y los omes la subieron con muy gran trabajo: é este dia salieron de tierra de Gorgania, é entraron en tierra de Arraquiel. E los Gorganos son omes de buenos cuerpos, é de fermosos gestos, é la su creencia es a la Griguesca, [Guirguiesca] é la su lengua es apartada.

E lunes siguiente fueron comer á un aldea desta tierra de Arraquiel, é partieron luego de alli, é fueron dormir á otra aldea; é la razon porque este Moro es Señor de Aspirtenia, é desta tierra de Arraquiel, es esta: los omes desta tierra eran mal contentos con su Señor que llamaban Arraquiel, asi como á la tierra: é fueron á este Señor de Aspir, é fablaron con él que le darian á su Señor, é que él que los defendiese; é ficieronlo asi, é metieronselo en poder, é prendió, é puso un Moro en su lugar en aquella tierra, para que la rigiese con un Christia|no. E esta tierra es muy fragosa de montaña, é en ella ay muy fuertes pasos que se non pueden andar de bestias, é en lugares ay que de una sierra á otra va una puente como de madero, é por esta tierra por lo mas della non pue- 219.

нести все на своихъ плечахъ. Въ ней мало хлѣба. Здѣсь посланникамъ угрожала большая опасность отъ жителей этой страны, потому что хоть они и Христіане Армянскіе, но народъ нехорошій и недобраго нрава, и не хотѣли пропустить посланниковъ, пока они не дали имъ кое чего изъ того, что везли съ собою. По этимъ горамъ они шли четыре дня и пришли къ одному дому стоявшему у моря, отъ котораго было еще шесть дней до Трапезонда Отсюда они шли дурной дорогой до мѣста, которое называется Ласурмена. Вся эта Трапезондская земля, которая идетъ по берегу, покрыта высокими горами и лѣсами. По каждому дереву въ лѣсу вьется виноградъ и изъ него дѣлаютъ вино и никогда не воздѣлываютъ и не ходятъ за нимъ. Въ этой странѣ живутъ куріями, что на ихъ языкѣ значитъ кучами; то есть по нѣскольку домовъ соединяются одни въ одномъ мѣстѣ, а другіе въ другомъ. На этой дорогѣ у нихъ погибли всѣ животныя, какія у нихъ были.

CLVIII. Въ четвергъ, семнадцатаго сентября, пріѣхали въ Трапезондъ. Пріѣхавши туда, они узнали, что одинъ корабль, нагруженный орѣхами, отправился въ Перу; но сдѣлался противный

den ir bestias cargadas, é omes llevan acuestas los cargos: é en esta tierra ay poco pan; é en esta tierra se vieron los dichos Embajadores en gran peligro con los desta tierra; é como quiera que sean Christianos Armenios, son mala gente, de mala condicion, é non dexaron salir á los dichos Embajadores desta tierra, fasta que les dieron algo de lo que llevaban: é anduvieron quatro jornadas por estas montañas, é llegaron á unas casas que eran á la mar, que avia de alli a Trapisonda seis jornadas: é de sí llevaron [levaron] un mal camino fasta un lugar que es llamado Lasurmena, é toda esta tierra de Trapisonda que es á la marina, es de muy altas sierras, é de montañas de arboles altos, é á cada arbol estaba una parra; é destas parras facen vino, é nunca las labran, é es todo poblado á curios, que ellos dicen por canterias, que son unas pocas de casas ayuntadas en uno, é otras á otras partes: é en este camino se perdieron todas quantas bestias llevaban.

CLVIII. E jueves diez y siete de Septiembre llegaron á Trapisonda, é quando ahi llegaron «fallaron» que una nave avia fecho vela para se ir en

вѣтеръ, и онъ возвратился въ портъ, по имени Платана, въ шести миляхъ отъ города. Посланники запаслись всѣмъ, что имъ было нужно, взяли лодку, поѣхали къ этому кораблю и взошли на него. Хозяинъ его былъ Генуезецъ, по имени Николосо Коханъ. Они отправились въ путь и пробыли въ дорогѣ до Перы двадцать пять дней.

Въ четвергъ, двадцать второго числа октября мѣсяца, пріѣхали въ городъ Перу къ ночи. Пріѣхавши туда, они нашли двѣ Генуезскія карраки, пришедшія изъ Кафы, которыя собирались идти въ Генуую. Посланники приготовились къ отъѣзду и отправились съ этими карраками въ среду четвертаго ноября; въ среду же пріѣхали въ Галиполи и нагрузились хлопкомъ; въ субботу выѣхали и пріѣхали на островъ Хіосъ.

CLIX. Въ понедѣльникъ, семнадцатаго ноября, выѣхали оттуда и подошли къ острову Сапіенсіи и къ мысу св. Ангела, и вступили во владѣнія Венеціи. Въ понедѣльникъ, въ послѣдній день ноября мѣсяца, подошли къ острову Сициліи и бросили якорь у города.

Pera, que era cargada de avellanas, é tovo tiempo contrario, é tornóse á un puerto que llaman Platana, que es á seis millas de la ciudad. E los dichos Embajadores bastecieron de lo que ovieron menester, y tomaron una barca y fueronse para la dicha nave, é entraron en ella, de la qual nave era patron un Genovés que se llamaba Nicoloso Cojan; é anduvie|ron su viage é estovieron en ir fasta Pera veinte y cinco dias.

E jueves veinte y dos dias del mes de Octubre, llegaron á la ciudad de Pera en anocheciendo; é como ahí llegaron, fallaron dos carracas de Genoveses que venian de Cafa, é iban á Génova: é ovieron los dichos Embajadores de se aparejar, é partieron con estas carracas miercoles, que fueron quatro dias del mes de Noviembre, é miercoles llegaron á Galipuli, é cargaron ahí algodones: é partieron luego sabado, é llegaron é la isla de Xio.

CLIX. E lunes, que fueron diez y siete dias del mes de Noviembre, partieron de aqui, y llegaron en par de la isla de Sapiencia, é del cabo de 220.
Sant Angelo, é entraron en el lugar de Venecia: é lunes, postrimero dia del mes de Noviembre, llegaron á la isla de Sicilia, é tomaron puerto en la ciudad.

Въ среду, второго декабря, выѣхали оттуда и вытерпѣли большую бурю, которая бросила ихъ къ городу Гаэтѣ, что въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Здѣсь они остались пять дней и когда выѣхали, снова началась буря, которая опять отбросила ихъ къ Гаэтѣ. Во вторникъ, двадцать второго декабря, выѣхали оттуда и ихъ застигла новая буря, которая отнесла ихъ къ Корсикѣ. Здѣсь они провели праздникъ Рождества; выѣхали, ихъ снова застигла буря, которая отнесла ихъ къ городу, по имени Гумбинъ; оттуда они отправились и въ слѣдующую субботу были у порта Веане.

Въ воскресенье, третьяго января, пріѣхали въ Генуезскій портъ. Генуезскій берегъ лигъ на шесть отъ города покрытъ красивыми домами, садами и цвѣтниками, что очень красиво на видъ. Городъ очень хорошо построенъ; въ немъ есть красивые дома, и почти въ каждомъ домѣ башня. Посланники отправились въ Саону, гдѣ былъ папа, потому что имъ нужно было кое что обсудить съ нимъ.

E miercoles, dos dias del mes de Diciembre, [Deciembre] partieron de aqui, é ovieron gran tormenta que los echó á la ciudad «de» Gaeta, que es del Reyno «de» Napoles, é estovieron aqui cinco dias; é partieron de aqui, y tomóles otra tormenta que los echó otra vez alli [alli otra vez] á Gaeta. E martes, veinte y dos dias del mes de Diciembre [Deciembre], partieron de aqui y tomóles otra tormenta que los echó á Córcega, é tovieron alli la Pasqua de Navidad; é partieron de alli, é tomóles otra tormenta que los echó á una villa que es llamada Gumbin, é partieron de aqui: é sabado siguiente fueron en par del puerto Veane.

E domingo, tres dias del mes de Enero, fueron en el puerto de Génova; y la ribera de Génova, con seis leguas antes que á la ciudad lleguen, es muy poblada de fermosas casas [68] é huertas é vergeles, que es muy fermosa cosa de ver. Otrosi la ciudad es bien poblada, é ha en ella fermosas casas, é en cada casa una torre en las mas dellas: é los dichos Embajadores fueron á Saona donde estaba el Papa, por quanto avian de ver con él algunas cosas.

Въ понедѣльникъ, перваго февраля, выѣхали изъ Генуи на кораблѣ, котораго хозяиномъ былъ мисеръ Біенбосо Барберо. Во время пути была буря и дурная погода, хуже которой они не испытали ни разу въ своемъ путешествіи. Они пробыли въ дорогѣ съ перваго февраля, когда выѣхали изъ Генуи, до воскресенья, перваго марта, когда прибыли въ Санъ Лукаръ, вышли на землю и оттуда отправились въ городъ Севилью. Въ понедѣльникъ, двадцать четвертаго марта тысяча четыреста шестого года по Рождествѣ Христовѣ, посланники явились къ государю королю Кастильскому, котораго застали въ Алькала де Генаресѣ.

E lunes, primero dia de Hebrero, partieron de aqui de Génova en una nave, «de» que era patron Micer Bienboso Barbero, é en el camino ovieron tormenta é mal tiempo, peor que lo nunca en este viage ovie|ron é duraron en este camino desde primero dia de Hebrero, que de Génova partieron, fasta domingo primero dia de Marzo, que llegaron á Sant Lucar, é tomaron tierra, é de alli tomaron camino para la ciudad de Sevilla. E lunes, veinte y quatro dias del mes de Marzo del año del Señor de mil y quatrocientos y seis años, los dichos señores Embajadores llegaron al dicho señor Rey de Castilla, é fallaronlo en Alcalá de Henares.

СЛАВА БОГУ.

КОНЕЦЪ ХРОНИКИ

ВЕЛИКАГО ТАМЕРЛАНА

и описанія путешествія, совершеннаго посланниками,
которыхъ послалъ свѣтлѣйшій король Енрике, про-
званный Больнымъ, съ отчетомъ о всемъ замѣ-
чательномъ и удивительномъ, что есть во
всей восточной сторонѣ. Печатано
въ Севильѣ, въ домѣ Андрея
Писціони. Года
1582.

[LAUS DEO.

FIN DE LA CHRONICA

DEL GRAN TAMORLAN, Y DEL

ytinerario del viaje, que los Embaxadores q̃ el serenissi-
mo Rey Enrique, llamado el Doliẽte, les em-
bio hizieron, con relaciõ delas cosas notables
y maravillosas que ay en toda la tierra
de Levante. Impresso en Sevi-
lla, en casa de Andrea
Piscioni. Año
1582.]

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

за Тюркское слово *кичикъ* — маленькій. Соединеніе словъ этихъ двухъ языковъ не было невозможно, потому что оба они господствовали во владѣніяхъ Тимура. Послѣднее подтверждаетъ между прочимъ и Клавихо. Имя этой жены Тимура было Туманъ-ага. См. Туманга. 275, 295, 296.

Кипрскій король. 16.

Кирилео Арбозита—Малоазійскій владѣтель. Въ другомъ мѣстѣ онъ названъ Кабазика. 124.

Кирманоли—Киръ Мануилъ, т. е. государь Мануилъ—Мануилъ Палеологъ, императоръ Византійскій (1391—1425). Супруга его называлась Елена или Ирина, а сыновья, присутствовавшіе при пріемѣ Испанскихъ посланниковъ, были: Іоаннъ, Ѳеодоръ и Андроникъ. Изображеніе всѣхъ этихъ пяти особъ императорскаго семейства находится въ рукописномъ сборникѣ трудовъ Діонисія Ареопагита, присланномъ императоромъ Мануиломъ во Францію въ монастырь св. Діонисія (Ducange, Famil. Byzan. 243). 84, 86.

Клавихо, Рюи Гонзалесъ де Клавихо. 4.

Компаньо.—Невозможно узнать, что разумѣетъ Клавихо подъ этимъ словомъ. 99.

Конецъ путей. (El Cabo de los Caminos).—Не тотъ же ли это замокъ, что выше названъ castillo de los Armenios? 47.

Консерва.—Такъ называлось судно, обязанное сопровождать другое, чтобы въ случаѣ надобности подать ему помощь. (Jal, Archéologie navale I. 369; II. 501). 26.

Константинополь 40, 45, 49, 50, 59, 74—76, 84, 87—89, 91, 93, 106, 139, 146. См. Гироль, Гипподромъ, Монастырь, Трапеа, Храмъ.

Константинопольская имперія. 38, 108.

Константинопольскій императоръ. 38, 39, 43, 50, 51, 76, 84, 108, 117, 145, 147.—Семейство его. 51.

Констанція, дочь Манфреда Кіарамонте. Неаполитанскій король Ланселотъ женился на ней по совѣту своей матери, но черезъ полтора года развелся, иные говорятъ, оттого что ея мать, вдова графа Кіарамонте, вела безпорядочную жизнь, другіе, просто оттого, что успѣлъ уже растратить все, что она принесла ему въ приданое и не видѣлъ въ ней больше никакой пользы. Въ послѣдствіи она вышла замужъ во второй разъ. 16.

Корамишь. Не Тохтамышь ли? 166.

Корила, древняя крѣпость Коралла, теперь въ развалинахъ. Мысъ Керели-Бурунъ. 115.

Коронъ, гор. на полуостровѣ Мореѣ. 23.

Коррасъ — рѣка Араксъ, Су-Аррасъ (Ханыковъ, Иранъ 588). Въ Русскомъ сказаніи о земляхъ за Араратомъ Араксъ названъ Курскою рѣкою (см. Срезневскій, Хоженіе Аѳан. Никит. стр. 5, 6). 152, 153.

Корсика. 10, 386.

Кофра.—Скатерть, по Татарски софра. 130.

Куарака. 37.

Кузакана. — Нынѣ Кусакюнанъ къ С. отъ Урміи по дорогѣ въ Тавризъ. 166.

Кулемашà мирассà, въ другомъ мѣстѣ Кумалешà мирассà. Вѣроятно Гуламанъ-шахъ мирза. 351, 365.

Кумалешà мирассà. См. Кулемашà мирассà.

Курды—Кл. Алабары.

Куріо, т. е. куча. 384.

Курчистанъ — Курдистанъ. 2, 180.

Кусакюнанъ—Кл. Кузакана.

ея имя было Севинъ-бей, а Ханъзадэ, что значитъ дочь царя, царевна, только прозваніе. Она съ начала была женою Джегангира, старшаго сына Тимура; а послѣ его смерти вышла за Миранъ-шаха, третьяго по числу, но старшаго изъ оставшихся въ живыхъ. (Histoire de Timur Bec. II. 11, 12, 13; V. 1; VI. 48). 183, 278, 281, 282, 297, 362.

Ханымъ—К. Каньо.

Харокъ мирасса—емиръ Шахъ-Рухъ, правитель Хорасана, младшій сынъ Тимура, въ родѣ котораго по смерти Тимура удержалась власть. Ему было 28 лѣтъ когда умеръ Тимуръ. 362. См. Шахарокъ мирассá.

Хашь (hax). — Вѣроятно «ашь», бульонъ, супъ; кушанье. (См. Словарь Будагова.) 215.

Хелакъ, городъ въ Хорасанѣ, вѣроятно Гератъ; такъ какъ Шахъ-Рухъ мирза, правитель Хорасана, жилъ въ этомъ городѣ. Гератъ былъ завоеванъ въ 1381 г. 362.

Херей—вѣроятно Гератъ, древн. Аріа. (См. Хелакъ). 207.

Хересъ. 5.

Хетеа. 47.

Химена. 6.

Хиніо — вѣроятно Уніе. 113.

Хіосъ остр. до сихъ поръ производитъ лучшую мастику, добываніемъ которой исключительно занимаются его жители. Она извлекается изъ pistaccia lentiscus, надрѣзываніемъ ствола дерева, изъ котораго она и вытекаетъ. 31, 35, 36, 45, 385.

Хой.—Извѣстный городъ въ Адербейджанѣ къ сѣверу отъ озера Урміи. 163, 376.

Хорасанъ-Сельтанъ, внукъ Магомета—Хусейнъ. 208.

Хорасанское царство. 206, 208, 209, 225, 227, 241, 362, 366.

Хорасанскій императоръ.—Правителемъ Хорасана былъ младшій сынъ Тимура Шахъ-Рухъ. 347.

Хоре (tierra de Hore).—По всей вѣроятности это владѣніе Гератское, которымъ управлялъ Шахъ-Рухъ мирза. 366. см. Хелакъ, Херей.

Храмъ св. Георгія въ Манганѣ былъ построенъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ и отличался великолѣпіемъ и обширностью. Въ немъ была похоронена Склерена Августа, наложница Константина. (Ducange, Constantinopolis Christiana. стр. 124). 73.

Храмъ и **монастырь св. Іоанна.** Не Студійскій ли это монастырь св. Іоанна Предтечи, прозванный такъ по имени его основателя патриція Студія? Это былъ обширный и богатый монастырь, въ которомъ жило до тысячи монаховъ. (Ducange, Constant. Christ. IV, стр. 103). 61, 62.

Храмъ св. Іоанна Крестителя (св. Іоаннъ каменный) долженъ быть тотъ самый, который Стефанъ Новгородецъ и дьякъ Александръ называютъ Иваномъ Богомъ богатымъ. Онъ находился близъ дворца Магнауры и церкви Влахернской Богородицы. Изъ Русскихъ путешественниковъ одинъ только іеродьяконъ Зосима упоминаетъ о хранящихся въ немъ «страстяхъ Господнихъ», которыя осматривалъ и Клавихо. Стефанъ Новгородецъ замѣчаетъ, что изъ числа его святынь руку св. Іоанна Ктитора ошибочно называютъ рукой Іоанна Предтечи, такъ какъ та находится въ Палестинѣ. Этотъ храмъ (по Дюканжу носившій прозваніе «in Hebdomo») былъ построенъ Өеодосіемъ Великимъ и отличался необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Украшеніемъ ему служила также цистерна, устроенная патриціемъ Бономъ, богато убранная колоннами. (Сказанія Русск. народа кн. VIII, стр. 57, 62, 72; Ducange, Constant.

Christ. I стр. 97, IV стр. 100; Gyll. к. IV гл. IV). Названіе «de la Piedra» не было-ли искажено изъ народнаго прозвища этой церкви «Продромъ»? Недалеко отъ Влахернскаго храма находился также монастырь, имя котораго могло дать начало названію «de la Piedra». Это монастырь св. Іоанна Крестителя in Petrio, тоже знаменитый въ свое время; но онъ былъ монастырь женскій (Const. Christ. IV стр. 102). 52—55, 77—81.

Храмъ Перибелико. — Храмъ и монастырь Перивлепты былъ основанъ императоромъ Романомъ Аргиромъ и посвященъ Пресвятой Богородицѣ. Въ немъ находилось изображеніе императора Михаила Палеолога, супруги его Θеодоры и сына ихъ Константина. (Ducange, Const. Christiana стр. 94; Famil. Bysant. 233). Это изображеніе существовало еще до пожара 1782 г. (Constantiniadae стр. 117). 55—61.

Храмъ св. Маріи Della Dessetria— храмъ Пр. Богородицы Одигитріи. Въ немъ находилась чудотворная икона Божіей Матери, по преданію писанная св. Евангелистомъ Лукой, которой присвоено было названіе Одигитріи. Храмъ этотъ былъ построенъ императрицей Пульхеріей, супругой императора Маркіана (Const. Christ. стр. 80). Торжество ношенія этой иконы и чудесная легкость ея поразили и Русскихъ паломниковъ. (Сказ. Русск. нар. кн. VIII. стр. 53, 61, 72.) 82—84.

Храмъ св. Маріи de la Cherne т. е. de Lacherne—церковь Пр. Богородицы во Влахернѣ, называвшаяся такъ по мѣсту гдѣ она стояла. Основаніе ея приписываютъ императрицѣ Пульхеріи Августѣ. Ея прямая форма (базилики) была въ послѣдствіи измѣнена на форму креста пристройкою двухъ апсидовъ по бокамъ. (Const. Christ. стр. 83). 76.

Храмъ св. Софіи былъ построенъ императоромъ Юстиніаномъ на мѣстѣ прежняго, основаннаго Константиномъ Великимъ и сдѣлавшагося жертвой пожара. Всѣ путешественники признаютъ его величественнѣйшимъ и богатѣйшимъ храмомъ въ мірѣ, богатымъ не только своими украшеніями, но и количествомъ доходовъ, ему присвоенныхъ. Размѣры храма были слѣдующіе: длина равнялась 241 ф., ширина 224 ф., высота подъ куполомъ 179 фут., до высочайшихъ точекъ сводовъ 140 ф., діаметръ купола 100 фут. Ширина боковыхъ частей церкви была около 50 ф., а ширина паперти 28 ф. (Const. Christ. кн. III; стр. 14, 15, 16, 29, 31). Возвышеніе посреди церкви, о которомъ говоритъ Клавихо, есть амвонъ, на который вели съ двухъ сторонъ ступени. Описаніе Клавихо подтверждаетъ предположеніе, что надъ амвономъ была сѣнь. (Const. Christ. кн. III; стр. 69). Въ числѣ многихъ мощей въ храмѣ находились мощи св. Патріарха Арсенія. (Сказ. Русск. нар. VIII. стр. 51, 60, 100); о нихъ то вѣроятно и упоминаетъ Клавихо. О чудотворномъ образѣ Богородицы говорятъ и Русскіе паломники (іерод. Зосима, дьяк. Игнатій), но едва ли это тотъ же самый, который описанъ въ Испанскомъ разсказѣ. О хорахъ Клавихо говоритъ, что они были 90 шаговъ въ ширину. Не ошибка ли 90 вмѣсто 20: боковыя части храма были около 50 ф. ширины. Ошибка легко могла произойдти, если въ рукописи число было написано цифрами. Водоемы, о которыхъ Клавихо сообщаетъ такія неправдоподобныя свѣдѣнія, поражали и Русскихъ путешественниковъ. Іерод. Зосима говоритъ, что въ св. Софіи семь кладязей, а подъ ними озеро (Сказ. Русск. нар. кн.

VIII стр. 52, 62, 100). Передъ храмомъ находился большой дворъ, (atrium), окруженный съ трехъ сторонъ портиками, которые примыкали къ паперти, замѣнявшей такимъ образомъ четвертый портикъ. Площадь, о которой говорятъ Клавихо, есть Августей, находившійся передъ входомъ въ св. Софію. Онъ былъ также окруженъ портиками и украшенъ великолѣпными зданіями. На него выходилъ и домъ патріарха. (Const. christ. кн. III, стр. 19, 22). Статуя императора Юстиніана на площади передъ храмомъ св. Софіи поставлена была имъ самимъ на мѣстѣ разрушившейся статуи Өеодосія Великаго. (Const. christ. кн. III, стр. 23). Объ ней съ удивленіемъ упоминаютъ Стефанъ Новгородецъ и Іерод. Зосима. 65—73, 84.

Христіана остр. 25.

Хуаръ — по всей вѣроятности Абхаръ или Авхаръ, между Султаніей и Сакизабадомъ, по дорогѣ въ Тегеранъ. 184.

Худжанъ — Уджанъ, селеніе по дорогѣ изъ Тавриза въ Міану. 172. См. Уганъ.

Цистерна Магомета отличалась необыкновенною красотою колоннъ. (Const. christ. I, стр. 98). 86.

Чакатай—Джагатай, третій изъ сыновей Чингисъ-хана. 242.

Чакатаи—Джагатаи, одинъ изъ родовъ Тюркскихъ, кочующій разсѣянно съ другими колѣнами того же племени. 4, 131, 140, 151, 163, 202, 209, 217, 218, 220—222, 232, 237—239, 241—243, 322, 324, 358, 359, 362, 365, 366, 368, 376, 380, 381.

Чансханъ, владѣтель Китая, въ друг. мѣстѣ Чуисханъ. Шерефеддинъ называетъ его Тангусъ-ханъ. (Hist. de Timur Bec. III. 70, 428). 252. См. Тангусъ.

Чапанлы — К. Чапени.

Чапени — Чапанлы, одинъ изъ родовъ Турецкихъ. 129.

Чаркасъ. 242. Сына этого имени у Чингисъ-хана не было.

Чаускадъ. 166.

Черите — К. Сетуль.

Четверть (quartillo) — четвертая часть azumbre. Нын. azumbre—мѣра жидкости нѣсколько болѣе двухъ литровъ. 137.

Чольпамалага, жена Тимура. Имя ея у Шерефеддина пишется Челпанъ-мюлькъ-ага. (Hist. de Timur Bec. V. 64, 80) 296.

Чуисханъ. 253. см. Чансханъ.

Шабега.—Ханыковъ объясняетъ это имя какъ Шахъ-Баги т. е. «Царскій Садъ.» (Иранъ 587). 149.

Шагаве — Шегаулъ, чиновникъ при Монгольскихъ и Тюркскихъ дворахъ, обязанный сопровождать гостей и заботиться объ нихъ; приставъ при иностранцахъ; то же что современные михмандары въ Персіи. 355.

Шамаха. 177.

Шамелакъ мирассà, Шамеликъ мирассà — Шахъ-Меликъ-мирза. 250, 277, 315.

Шатель Морате — Шатоморанъ (Châteaumorand), приближенный и помощникъ маршала Бусико. 75.

Шатоморанъ—К. Шатель Морате.

Шахарика.—Въ первый путь Клавихо встрѣтилъ Шахарканъ между Сакизабадомъ (Секезана) и Тегераномъ. На обратномъ пути онъ ночуетъ въ Шахарикѣ между Реемъ и Казвиномъ (Касмониль). Очевидно это одинъ и тотъ же городъ, находившійся на соединеніи двухъ дорогъ, ведущихъ изъ Султаніи въ Тегеранъ. Но что значитъ выраженіе: «отсюда воротились на прежнюю дорогу», когда ясно, что они изъ Шахарики воротились не по первой дорогѣ черезъ Абхаръ (Хуаръ), а черезъ Казвинъ? 351.

INDEX ET NOTES.

27*

de ce divorce fut, selon les uns, la vie désordonnée que menait la mère de Constance, veuve du comte Chiaramonte; selon les autres — Lancelot ne le demanda que parce qu'il avait dépensé tout ce que sa femme lui avait apporté en dot, et ne voyait plus aucun intérêt en elle. Plus tard elle se maria en secondes noces. 16.

Grecia. 24, 47—49, 95—97, 145, 147.

Griegos. 22, 34, 46—48, 89, 108, 120, 122, 138, 139.

Guilan — une des régions septentrionales de la Perse au SO. de la mer Caspienne sur le delta de Kisil-Ousène. Le Guilan fut soumis par Timour en 1386. 2, 177, 180.

Guirifonda — peut-être c'est le nom mal transcrit de Kerasonda ou Cuerasonda — Cerasonte. 115.

Guirol: el Guirol de la Grecia et el Guirol de la Turquia — châteaux, l'un sur la côte européenne, l'autre sur la côte asiatique de Bosphore. Les ruines de ces châteaux sont connues maintenant sous le nom des châteaux génois. Ils se trouvent dans la partie la plus étroite de Bosphore. Au temps des empereurs de Bysance ils défendaient le détroit. Près des ruines se trouvent à présent deux châteaux construits pour le même but par le sultan Mourad IV. Ils s'appellent Roumili-hissari et Anadolou-hissari. 96.

Gumbin. 386.

Gurgania, Gorgania, voy. Gargania.

Halap — Alep. 183.

Hanega — fanega, fanègue, mesure pour les grains et pour les terres, égale à $^3/_4$ d'un hectolitre environ. 327.

Haroc mirassa, aussi Xaharoc mirassa — Chah-Roukh, le plus jeune des fils de Timour, dont la famille hérita du pouvoir de son père. Il avait 28 ans au temps de la mort de Timour. 207, 208, 362, 366, 372.

Hasegur. 207.

Hausada, Gausada — Khan-zadè, bru de Timour, nièce du khan de Khoresm. Son nom véritable était Sevin-bey, et Khan-zadè, ce qui signifie fille du roi, n'était que le surnom. Elle était d'abord femme de Djehanguir, fils ainé de Timour; après sa mort elle épousa Miran-chah, troisième frère par naissance, mais l'ainé de ceux qui restaient en vie (Chéréfed. Histoire de Timur-Bec II. ch. 11, 12, 13; V. ch. 1; VI. ch. 43). 183, 278, 281, 282, 297, 363.

Hax — probablement «ache» — bouillon, soupe. (Boudagof, Сравнительный Словарь Турецко-Татарскихъ нарѣчій). 215.

Helac — peut-être Herat; car c'est à Herat que vivait Chah-Roukh mirza, gouverneur de Khorassan. 362. voy. Herey, Hore.

Henri III — Cl. Don Enrique.

Heraclée — Cl. Pontoraquia.

Herat — Cl. Helac, Herey, Hore.

Herey — probablement Herat, ancien Aria. 207. voy. Helac, Hore.

Hernan Sanchez de Palazuelas. 3.

Hinio — peut être Unieh. 113.

Hipodiamo. — L'Hippodrome de Constantinople, l'At-meidan de nos jours, occupait jadis une place énorme, mais maintenant est tellement couvert de constructions qu'il ne renferme que 250 pas en longueur et 150 en largeur. (Hammer, Constantinople I. p. 128). La colonne dont parle Clavijo, est un obélisque fait d'un seul bloc de granit, couvert d'hiéroglyphes. Il fut placé par l'ordre de l'empereur Théodose le Grand,

Iazan miraxa — probablement le même Djehan-chah. 161.
Ibiza — une des îles Baléares. 8.
Iesse. 60.
Iglesia:
1) **Sant Jorge**—l'église de St. Georges à Mangane, construite par l'empereur Constantin Monomaque et qui se distinguait par sa grandeur et sa magnificence. L'impératrice dont parle Clavijo fut la concubine de Constantin, Scléréna Augusta, qui y fut enterrée. (Ducange, Constant. christ. IV. p. 124). 73.
2) **Sant Juan**.—N'est-ce pas l'église et le monastère de St. Jean Baptiste qui s'appelait «Studium» du nom de son fondateur le patricien Studius. C'était un monastère vaste et riche qui donnait asyle à plus d'un millier de moines. (Ducange, Constant. christ. IV. p. 103). 61.
3) **Sant Juan Baptista (Sant Juan de la Piedra)** — doit être la même église que Etienne le Novgorodien et le diaque Alexandre nomment «Ivan riche en Dieu». Elle se trouvait près du palais de Magnaura et de l'église de la Sainte Vierge à Blachernes. Parmi les voyageurs russes il n'y a que l'hiérodiacre Sosime qui mentionne «les reliques de Jésus Christ» qu'elle renferme et dont parle Clavijo. Etienne le Novgorodien remarque que parmi ces reliques se trouve un bras de St. Jean le Trésorier que l'on attribue avec erreur à St. Jean Baptiste, tandis que le bras de celui-ci se trouve en Palestine. Cette église (qui, selon Ducange, avait le surnom «in Hebdomo») fut fondée par Théodose le Grand et se distinguait par une magnificence extraordinaire. Parmi ses ornements se trouvait une citerne, construite par le patricien Bonus et entourée de belles colonnes (Сказанія Русскаго народа VIII. p. 57, 62, 72; Ducange, Constantin. christ. I. p. 97, IV. p. 100; Gyllius, IV. ch. IV).
Le surnom «de la Piedra n'est-il pas une défiguration de l'appellation populaire de cette église, «Prodrome»? Non loin de l'église de Blachernes se trouvait encore un autre monastère, dont le nom a pu donner naissance à «de la Piedra»: c'est le monastère de St. Jean Baptiste in Petrio, aussi fort connu; mais c'était un monastère de femmes (Ducange, Constant. christ. IV. p. 102). 52—55, 77—81.
4) **Peribelico**—l'église de la Sainte Vierge Périblèpte, fondée par l'empereur Romain Argyre. Elle renfermait un portrait de l'empereur Michel Paléologue, de son épouse Théodore et de leur fils Constantin. (Ducange, Const. christ. p. 94; Fam. Bysant. 233. Ce portrait a existé jusqu'à l'incendie de 1782 (Constantiniadae p. 117). 55—61.
5) **Sancta Maria de la Dessetria** — église de la Sainte Vierge Hodéguétria. Elle renfermait une image miraculeuse de la Sainte Vierge, peinte selon la tradition par St. Luc l'Evangéliste, à laquelle était attribué le nom de Hodéguétria. Cette église fut fondée par l'impératrice Pulchérie, épouse de l'empereur Marcien. (Ducange, Const. christ. p. 80). La procession solennelle et la légèreté miraculeuse de cette image ont aussi frappé les pélerins russes. (Сказанія Русскаго народа VIII. p. 53, 61, 72). 82—84.

6) **Sancta Maria de la Cherne** = de Lacherne—église de la Sainte Vierge à Blachernes, qui s'appelait ainsi à cause de l'endroit où elle était située. On en attribue la fondation à l'impératrice Pulchérie Auguste. Sa forme de basilique fut plus tard changée en forme de croix par l'addition de deux absides aux deux côtés. (Ducange, Constant. christ. p. 83). 76.

7) **Sancta Sophia.**—La Sainte Sophie de Constantinople fut fondée par l'empereur Justinien sur l'emplacement de l'ancienne église, construite sous Constantin le Grand, qui fut la proie d'un incendie. Tous les voyageurs s'accordent à la reconnaître comme le temple le plus majestueux et le plus riche du monde, riche non seulement par ses ornements mais par la quantité de ses revenus.

Les dimensions de la Sainte Sophie sont ainsi qu'il suit: sa longueur est égale à 241 pieds, sa largeur à 224 p., la hauteur de la coupole à 179 p., les points les plus élevés des voûtes sont à 140 p.; le diamètre de la coupole 100 pieds; la largeur des nefs latérales est de 50 p., et celle du narthex—28 pieds. (Ducange, Const. christ. III. p. 14, 15, 16, 29, 31). Clavijo dit que la tribune avait 90 pas de largeur; mais n'est-ce point une faute d'impression au lieu de 20 pas, puisque les nefs latérales n'avaient que 50 p. de largeur. Cette faute s'explique facilement si 90 était ecrit en chiffres dans le manuscrit.

L'élévation au milieu de l'église, dont parle Clavijo, était l'ambon auquel on montait par des degrès établis des deux côtés. La description qu'en donne Clavijo confirme la supposition que l'ambon était couvert d'un pavillon. (Ducange, Const. christ. III. p. 69). Parmi les nombreuses reliques qui s'y trouvaient, il y avait celles du patriarche Arsène (Сказ. Русск. нар. VIII. p. 51, 60, 100); et ce sont probablement les mêmes dont parle Clavijo. L'image miraculeuse de la Sainte Vierge est mentionnée aussi par les pélerins russes (Hiérodiacre Sosime, diacre Ignace) mais il semble que ce ne soit pas la même qui est décrite dans le récit espagnol. Les fontaines sur lesquelles Clavijo donne des notions si peu vraisemblables, frappèrent aussi les voyageurs russes. L'hiérodiacre Sosime dit qu'il y a dans l'église de Sainte Sophie sept puits et un lac au dessous. (Сказанія Русскаго народа VIII. p. 52, 62, 100).

Au devant de l'église se trouvait une grande cour (atrium) entourée de trois côtés de portiques se joignant au narthex, qui formait ainsi le quatrième portique. La place dont parle Clavijo est l'Augustée qui se trouvait devant l'entrée de Sainte Sophie. Elle était aussi entourée de portiques et ornée de constructions magnifiques, parmi lesquelles se trouvait la maison du patriarche. La statue de l'empereur Justinien fut placée par lui-même au lieu de celle de l'empereur Théodose le Grand, quand celle-ci fut tombée en ruines. Etienne le Novgorodien et l'hiérodiacre Sosime en parlent avec admiration. (Сказанія Русск. народа; Ducange, Constantinopolis christiana III. p. 19, 22, 23). 65—73, 84.

Ilario — Hilaire Doria, patricien de Gênes, époux de Zamria, fille

Yauguyaga, une des femmes de Timour. Peut-être ce nom veut-il dire: Djouguer-aga, «Dame bijou». 296.

Yesen — Iémén peut-être? 178.

Youssouf-Ali — Cl. Subail.

Zabrain. — Il existe encore à l'ouest de Nichabour une ville nommée Safrani ou Safranlou, avec un caravanseraï auquel Khanykof attribue une antiquité éloignée. (Khanykof, Mémoires sur la partie méridionale de l'Asie Centrale). 203.

Zafa. — N'est ce pas Cafa, c'est à dire Théodosie actuelle? 177.

Zalaparda ou Calaparda — sérapердé, «rideau». (Histoire de Timur-Bec VI. ch. 25, p. 183). 272.

Zaratan, seigneur d'Erzinghian. — Chéréfeddin le nomme Taharten. L'écrivain arménien Toma Mezopezi, contemporain de Clavijo, lui donne le nom de Tahratan. 135, 136, 139—141, 145.

Zaydana — probablement Saïdabad, ville sur la route de Tebriz vers Mianè, à 35 verstes de Tebriz. Nous remarquons le même changement de la terminaison «bad» en «na» dans le mot Cequesana=Saquisabad. 172.

Zaytes — Seïds, seigneurs. Tous ceux qui se croient descendants de Mahomet sont appelés par les musulmans «Seïds = seigneurs, nobles». Le mot Seïd équivaut au mot espagnol «Cid». 267.

Zayten — Santon, hermite. En Europe on donne le nom de Santons aux derviches. Serait-ce une abréviation de l'italien «santo uomo»? 170.

Zendjan ou **Zengan** — Cl. Sanga.

Zoltan Hamet mirassa. 189.

Zuleman mirassa — voy. Culemaxa Mirassa. 189, 190.

Перечень главъ дневника Клавихо съ обозначеніемъ ихъ содержанія.

СТРАН.

СТРАН.

Перечень мѣстъ, черезъ которыя лежалъ путь Клавихо, съ обозначеніемъ времени его посѣщенія [1]).

1403. Мая 21. П. Портъ св. Маріи.
22. Вт. Портъ de las Muelas.
Ср. Мысъ Деспартель.
Ч. Тангаръ, горы Берберскія, Тарифа, Химена, Септа, Альгезира, Гибралтаръ, Марбелья, горы de la Fi.
25. Пят. Малага.
29 (30). Ср. Велесъ Малага, Альмуньекаръ, Сьерра Невада.
Ч. Мысъ Палосъ.
Пят. Мысъ Мартинъ.
Суб. Форментера.
Іюня 5. Вт. Ивиса.
13. Ср. Отъѣздъ изъ Ивисы.
18 (16). Суб. Майорка.
В. Кабрера.
Ср. Минорка, Ліонскій заливъ.
24. В. Линера.
П. Проливъ Бонифаціо, Корсика, зам. Бонифаціо, Сардинія, зам. Луенгосардо.
Вт. Понса, гора Монтекарсель, зам. Сант-Фелисесъ, Тарасена.
Іюн. 27 (28). Ч. Гаета.
Іюл. 13. Пят. Отъѣздъ изъ Гаеты.
Суб. Искіа, Прочида, Трапе, мысъ Минервы, Мальфа.
В. Арку, Фируку, Странголь, Липаръ.
П. Салинасъ, Странголинъ, Болькани, Паранеа, Панаринъ.
Пят. Сицилія: Мессина, Фаро.
Іюл. 22 (23) П. Монджибле, Реголь, Венеціанскій заливъ.
Пят. Мондонъ, Сапіенсіа, Бенетико, Серне, мысъ Гало, Коронъ.
Суб. Мысъ Марія Матапанъ, мысъ Сант-Анджело, Сетуль, Лобо, скалы Tres, Dos y As.
Іюл. 29. В. Секило.
П. Нилло, Антенилло.
Ч. Мо, Сентуріона, Христіана, Нехія.
Авг. 3. Пят. Каламо, Ланго, Низари, Лукріо, Пископія, Сант-Николао де Каркини, Пимія, Родосъ.
31. Пят. Отъѣздъ съ Родоса.
Сент. 5. Ср. Ланго.
7. Пят. Островъ de las Bestias.
В. Каламо.
П. Новая Палація.
Вт. Берро.
Пят. Мадреа, Форно, Татанисъ.
15. Суб. Самосъ, Микареа.
П. Мысъ Кабосанто.
Вт. Хіосъ.
30. В. Отъѣздъ изъ Хіоса.
П. Метелла, Пихара и Антипихара, мысъ св. Маріи, Мерди.
Вт. Метеллинъ, замки Молленосъ и Куарака.
Окт. 6. Суб. Отъѣздъ съ Метеллина.
В. Теніо, Нембро, Троя, Монтестонъ.
22 (17) Ср. Отъѣздъ съ Теніо, Мамбре.

---

[1]) Числа мѣсяца и дни, записанные Клавихо, не всегда совпадаютъ между собою: въ такихъ случахъ поставлено въ скобкахъ число, дѣйствительно приходившееся въ обозначенный день.

		Пят.	Boca de Romania, зам. El cabo de los caminos. Хетеа, Дюбекъ, башня Витуперіо.
		Суб.	Галиполи, замки Саторадо и Ехамилле мысъ Кинизико.
		В.	Мармара, Редеа, Калонимо, заливъ Трилла.
	24.	Ср.	Пера.
	28.	В.	Константинополь.
	Ноябр. 14	Ср.	Отъѣздъ изъ Перы, Трапеа, Гироль Греческій, Гироль Турецкій.
		Ч.	Зам. Секелло, Финогія.
		В.	Карпи.
	22.	Ч.	Возвращеніе въ Перу.
1404.	Март. 20.	Ч.	Отъѣздъ изъ Перы.
		Пят.	Секель.
		Суб.	Финогія.
		В.	Понторакія.
	25.	Вт.	Ріо.
		Ср.	Партенъ, Самастро.
	Страстная	Пят.	Dos Castellos.
		Суб.	Нинополи.
	Свѣтл.	В.	Киноли.
		П.	Синополи.
	Апр. 5.	Суб.	Отъѣздъ изъ Синопа.
		В.	Симисо.
		П.	Хиніо.
		Вт.	Леона, Санкто Нисіо.
		Ср.	Гирифонда, Трипиль, Корила, Віополи.
		Ч.	Санфока, Платана.
	11.	Пят.	Трапезондъ.
	27.	В.	Отъѣздъ изъ Трапезонда, р. Пексикъ.
		П.	Пиломасука.
		Вт.	Сигана.
		Ср.	Кадака, Дориле.
		Пят.	Отъѣздъ изъ Дориле, Алангогаса.
	Мая 4.	В.	Арсинга.
	15.	Ч.	Отъѣздъ изъ Арсинги, Шабега.
		Суб.	Пагаррихъ.
		Вт.	Асеронъ.
	22.	Ч.	Партиръ Джуанъ.
		Пят.	Исчу.
		В.	Делуларкентъ.
	26.	П.	Р. Коррасъ.
		Вт.	Науджуа.
	29.	Ч.	Кальмаринъ.
		Пят.	Егида.
	13 (31)	Суб.	Отъѣздъ изъ Егиды, Баязетъ.
	Іюня 1.	В.	Маку.
	2.	П.	Алинга.
	5.	Ч.	Хой.
	8.	В.	Отъѣздъ изъ Хоя.
		П.	Каза, Кусаканъ.
		Вт.	Чаускадъ.
	11.	Ср.	Тавризъ.
	20.	Пят.	Отъѣздъ изъ Тавриза, Сайдана.
		Суб.	Худжанъ.
		В.	Сантгелана, Туселаръ.
		П.	Міана.
		Ср.	Санга.
	26.	Ч.	Султанія.
	29.	В.	Отъѣздъ изъ Султаніи, Атенгала.
		П.	Хуаръ.
		Вт.	Секезана.
	Іюл. 3.	Ч.	Шахарканъ.
	6.	В.	Тегеранъ.
		Вт.	Шахарипрей.
		Ср.	Ланаса.
	14.	П.	Перескоте.
	17.	Ч.	Дамоганъ.
	20.	В.	Васкаль.
	22.	Вт.	Ягаро.
	Вт.	(Ч.)	Забраинъ.
	Іюл. 26.	Суб.	Нишаоръ.
		П.	Ферріоръ.
		Вт.	Хазегуръ.
	30.	Ср.	Оджаджанъ, Мешхедъ.
	31.	Ч.	Буело.
	Авг. 4.	П.	Р. Морга.
	9.	С.	Салугаръ-Суджасса.
	12.	Вт.	Андхуй.
		В.	Алибедъ, Ушь.
	18.	П.	Балхъ.
	21.	Ч.	Р. Аму Термитъ.
		П.	Желѣзные ворота.
	28.	Ч.	Кешь.
	30.	Суб.	Месеръ.
	31.	В.	Садъ Талисіа или Кальбетъ.
	Сент.		Самаркандъ.
	Ноябр. 21.	Пят.	Отъѣздъ изъ Самарканда.
	27.	Ч.	Бояръ.
	Дек. 10.	Ср.	Р. Аму.
	21.	В.	Баубартель.
1405.	Янв. 1.	Ч.	Кабрія.
	5.	П.	Джагаро.
		Суб.	Бастанъ.
		П.	Дамганъ.
	15 (14)	Ср.	Отъѣздъ изъ Дамгана.
		Суб.	Сенанъ.
	23.	Пят.	Ватами.
	29.	Ч.	Шахарика.
	Февр. 3.	Вт.	Касмониль.
	13.	Пят.	Султанія.
	21.	Суб.	Санга.
		Вт.	Міана.
		Ср.	Тунгларъ.
		Ч.	Уганъ.

28.	Суб.	Тавризъ.
Март. 19.	Ч.	Отъѣздъ изъ Тавриза.
26.	Ч.	Кочевье Омара.
Авг. 22.	Суб.	Вторичный отъѣздъ изъ Тавриза.
	П.	Хой.
Сент. 1.	Вт.	Алескинаръ.
5.	Суб.	Аумiанъ.
	Ср.	Тарконъ.
12 (11)	Пят.	Висеръ.
	Суб.	Аспиръ.
	В.	Земля Арракiель. Ласурмена.
17.	Ч.	Трапезондъ.
Окт. 22.	Ч.	Пера.

Ноябр. 4.	Ср.	Галиполи.
17 (18)	П.	Мысъ Анджело. Сапiенсiа.
30.	П.	Сицилiя.
Дек. 2.	Ср.	Отъѣздъ изъ Сицилiи. Гаета.
22.	Вт.	Отъѣздъ изъ Гаеты, Корсика, Гумбинъ.
	Суб.	Портъ Веане.
1406. Янв. 3.	В.	Генуя, Саона.
Февр. 1.	П.	Отъѣздъ изъ Генуи.
(Февр. 28) или Март. 1	В. (П.)	Санъ Лукаръ.
Марта (22) или 24	П. (Ср.)	Алькала де Генаресъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXVIII, № 2.

РАЗЫСКАНІЯ

въ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

III—V.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

III.

АЛАТЫРЬ ВЪ МѢСТНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ ПАЛЕСТИНЫ И ЛЕГЕНДЫ О ГРАЛѢ.

Посв. **И. В. Ягичу.**

Проф. Тихонравовъ [1]) и Ягичъ [2]) коснулись въ своихъ изслѣдованіяхъ источниковъ русскаго духовнаго стиха о Голубиной Книгѣ; на перепутьи между работами того и другаго явились мои замѣтки, касающіяся того-же памятника, вызванныя спеціальной задачей, которая меня занимала: вопросомъ о Соломоновскихъ сказаніяхъ и ихъ отраженіи въ народной литературѣ [3]). Послѣдующія занятія въ области народной поэзіи приводили меня не разъ къ вопросу о составѣ загадочнаго стиха, къ исправленію или измѣненію своихъ и чужихъ взглядовъ. Нѣкоторые изъ результатовъ, полученныхъ путемъ этихъ повторительныхъ наблюденій, я думаю сообщить въ настоящей главѣ.

---

[1]) Разборъ книги Безсонова «Калѣки перехожіе» въ 33-мъ присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ.

[2]) Die christlich mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv für slav. Philologie I.

[3]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 165—180, 187, 215—216, 257—8 и прим. 4 на стр. 257—8 (стр. 257 строка 6 сверху и 2-ая снизу: вм. Бесѣды трехъ святителей чит.: Бесѣда Іерусалимская.

Планъ стиха извѣстенъ: Голубиная книга выпадаетъ близъ Іерусалима на гору, которая въ нѣкоторыхъ пересказахъ (Безс. Кал. № 80, 84; Варенцовъ стр. 20 и 30) названа Өаворской; въ послѣдующемъ изложеніи стиха Өаворъ, гора Преображенія, является «всѣмъ горамъ мати»; если въ одной рецензіи духовной пѣсни вмѣсто нея названъ Сіонъ, то опять-же потому, «что преображался на ней самъ Исусъ Христосъ» (Безс. Кал. № 85). Это преобладающее значеніе Өавора, видѣніе исполинской книги, элементъ вопросовъ и отвѣтовъ — повели меня къ предположенію, что однимъ изъ источниковъ стиха были апокрифическіе Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Өаворской [1]). Но синкретическій образъ Өавора, притянувшій къ себѣ и загадочный алатырь, и воспоминанія Голгоөы (Адамову главу), и чуденъ крестъ Леванитовъ [2]) — требуетъ еще особаго объясненія. Съ другой стороны представляется вѣроятнымъ, что когда въ извѣстномъ памятникѣ народной словесности дается особое значеніе какой нибудь подробности, это могло совершиться на счетъ другихъ, забытыхъ или затертыхъ Что въ одной редакціи стиха горой Преображенія названъ Сіонъ (Безс. Кал. № 85) — легко истолковать позднѣйшимъ смѣшеніемъ пѣсни; но въ иныхъ ея пересказахъ на вопросъ: «Отчего стоитъ Сіонъ гора?» дается отвѣтъ: оттого «что благоволилъ нашъ Господь жить на ней» (Безс. № 91, Варенцовъ стр. 16—17); въ Іерусалимской Бесѣдѣ «гора горамъ мать Фаворская да Сионская» [3]), и самое дѣйствіе статьи, являющейся прозаическимъ пересказомъ стиха о Голубиной книгѣ [4]) перенесено на Сіонскую гору [5]).

---

[1]) l. c. стр. 165.

[2]) Сл. Безс. № 80 и Варенцевъ стр. 233: на Өаворѣ распятъ былъ Христосъ.

[3]) Памятн. стар. русск. лит. II, стр. 308, b.

[4]) Соломонъ и Китоврасъ стр. 179, прим. 1.

[5]) Рыбниковъ, Пѣсни III стр. 294. Въ текстѣ Памятниковъ «на синайстей горѣ» поставлено, очевидно, по ошибкѣ вмѣсто «сіонстей». Отрывокъ Іерусалимской Бесѣды, всего въ нѣсколько строкъ, см. въ

Такое-же чередованіе Өавора, Сіона и голгоөскихъ воспоминаній представляетъ эпизодъ о смерти Василья Буслаева въ былинахъ о хожденіи этого древняго новгородскаго паломника, искупившаго безвременной кончиной свою прирожденную заносчивость и незнающую мѣры отвагу. Былины разработали этотъ сюжетъ въ восходящей линіи: мальчикомъ Василій буянитъ, выросши дерется съ новгородцами, не щадитъ своего крестоваго батюшки; въ Іерусалимѣ, куда онъ ѣдетъ со своей дружиной, его заносчивость переходитъ въ глумленіе надъ святыней: онъ пренебрегаетъ заповѣдью — не купаться нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ; находитъ на горѣ человѣческій черепъ — несомнѣнно Адамову голову [1]), и пихаетъ её ногою (голова вѣщаетъ ему кончину); скачетъ черезъ заповѣдный камень — и убивается до смерти.

Гдѣ локализованы тотъ черепъ и этотъ камень? Черепъ — *не доѣзжая каменя Латыря и той церкви соборной на Өаворѣ,*

Которая стоитъ со двѣнадцатью престолами
У того камени у Латыря,
На которомъ камени преобразился самъ І. Христосъ.

Камень лежитъ не доѣзжая церкви (Рыбн. I, № 60). У Рыбникова II, № 33: камень на *Өаворъ-горѣ*, головы нѣтъ; у него-же III, № 40 = Гильфердингъ № 141 послѣдовательность такая: голову Василій видитъ на *Сіонъ-горѣ;* слѣдуетъ его купанье въ Іорданѣ, послѣ чего онъ съ дружиной снова ѣдетъ на *Сіонъ-гору:*

Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень.

Двоякая поѣздка на Сіонъ могла-бы повести къ предположенію, что въ основной пѣснѣ и голова и камень размѣщены были от-

---

Описаніи слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. библіотеки, составл. А. Ө. Бычковымъ, стр. 332: сборникъ № LXIV.

[1]) Соломонъ и Китоврасъ стр. 174; Ягичъ l. c. стр. 102.

дѣльно; что камень очутился именно на мѣстѣ головы знаетъ и № 54 Гильфердинга, но здѣсь восточная локализація забыта, какъ и въ №№ 259 и 284. У Кирши № XVIII и Гильф. № 44 и черепъ и камень находятся на Сорочинской горѣ.

Я попытаюсь внести нѣсколько свѣту въ путаную географію пѣсни и духовнаго стиха — разборомъ мѣстныхъ палестинскихъ легендъ, на первый разъ — Сіонскихъ. Можетъ быть, намъ удастся набрести по пути и на загадочный камень алатырь.

I.

Остановлюсь на легендахъ о святыхъ сіонскихъ камняхъ. Онѣ распадаются на нѣсколько группъ, которыя я разсмотрю особо, пользуясь, главнымъ образомъ, матеріаломъ, собраннымъ западными путешественниками.

1. *Краеугольный камень на Сіонѣ.* Преданіе о немъ привязалось къ текстамъ Ис. 28, 16: «ἰδοὺ ἐγὼ ἐμβάλλω εἰς τὰ θεμέλια Σιὼν λίθον πολυτελῆ ἐκλεκτὸν ἀκρογωνιαῖον ἔντιμον, εἰς τὰ θεμέλια αὐτῆς, καὶ ὁ πιστεύων οὐ μὴ καταισχυνθῇ» (сл. Ис. 8, 14)—и Пс. 118, 22 (сл. Ев. отъ Матѳея 21, 42), соединеннымъ въ извѣстномъ мѣстѣ посланія ап. Петра A, II, 6—9: «ἰδοὺ τίθημι ἐν Σιὼν λίθον ἀκρογωνιαῖον ἐκλεκτὸν ἔντιμον, καὶ ὁ πιστεύων ἐν αὐτῷ οὐ μὴ καταισχυνθῇ. ὑμὶν οὖν ἡ τιμὴ τοῖς πιστεύουσιν· ἀπιστοῦσιν δέ, λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτοςἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας καὶ λίθος προσκόμματος καὶ πέτρα σκανδάλου, οἳ προσκόπτουσιν τῷ λόγῳ ἀπειθοῦντες, εἰς ὃ καὶ ἐτέθησαν.—Этотъ-то краеугольный камень видѣлъ въ Іерусалимѣ Бордосскій паломникъ (ок. 333 г.): «et ibi est angulus turris excelsissime, ubi Dominus ascendit, et dixit ei, qui tentabat eum: Si filius Dei es, mitte te deorsum. Et ait ei Dominus: Non tentabis Dominum Deum tuum, sed illi soli servies. *Ibi est lapis angularis magnus, de quo dictum est: Lapidem quem reprobave-*

runt aedificantes, hic factus est ad caput anguli» [1]). — Тотъ-же камень пріуроченъ въ разсказѣ Антонина (ок. 570 г.) къ Сіонской базиликѣ, основанной, будто-бы, на мѣстѣ дома св. Іакова, тогда какъ другія извѣстныя намъ сказанія говорятъ по этому поводу о домѣ ап. Іоанна и даже Марка (Θеодосій).

Привожу самое легенду [2]): Deinde venimus in basilicam Sanctam Sion, ubi sunt mirabilia multa, inter que est, quod legitur *de lapide angulare, qui reprobatus est ab edificantibus.* Ingressus Dominus in ipsam ecclesiam, que fuit domus Sancti Jacobi, invenit *lapidem istum deformem,* in medio jacentem, tenuit eum et *posuit in angulum:* quem tenes et levas in manibus tuis et ponis aurem in angulo ipso, et sonabit in auribus tuis quasi multorum hominum murmuratio. — Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей храма упоминается и «calix apostolorum, in quo post resurrectionem Domini missas celebrabant» [3]).

Разсказъ Антонина даетъ реальныя черты болѣе древнему вѣрованію: объ основаніи Сіонской церкви апостолами или даже Христомъ и его апостолами. Оттуда ея названіе: *апостольской, матери церквей.* Такъ уже у Кирилла Іерусалимскаго [4]): ἐν τῇ ἀνωτέρᾳ τῶν ἀποστόλων ἐκκλησίᾳ въ Іерусалимѣ, безъ обозначенія мѣстности, которую слѣдующія свидѣтельства положительно привязываютъ къ Сіону: Эвхерій (ок. 440 г.): que... ut fertur, *ab apostolis fundata* pro loci resurrectionis (sic) dominice reve-

---

[1]) T. Tobler, Itinera et Descriptiones terrae sanctae lingua latina s. IV—XI exarata. 1877, p. 17. — Далѣе цитуется: Itin.

[2]) Itin. p. 103—4.

[3]) Память объ этомъ краеугольномъ камнѣ сохранялась въ XV вѣкѣ: на мѣстѣ хора дневней Сіонской базилики Fabri (1480 и 1483) видѣлъ «unum quadratum lapidem, qui de fundamento antiqui chori pro parte prominet, alia parte adhuc muro vetusto conjuncta est». Восточнымъ христіанамъ онъ служилъ предметомъ суевѣрныхъ гаданій (utuntur in superstitiosa sortizatione). Сл. Fratris Felicis Fabri Evagatorium ed. Hassler v. I, p. 255—256.

[4]) Cyrilli Cateches. 16, у Migne'я Patrol. graecae t. XXXIII, p. 924.

rentia: ob quod promissum quondam per Dominum paracleto repleti sunt spiritu [1]); Θеодосій (ок. 530 г.): (Sancta Sion) que est *mater omnium ecclesiarum... quam Dominus noster Iesus Christus cum apostolis fundavit.* Ipsa fuit domus sancti Marci Evangeliste [2]); Аркульфъ (ок. 670 г.): *apostolica ecclesia* [3]); Беда: perhibent, *ab apostolis fundatam* [4]). Эти названія упрочиваются за нею у позднѣйшихъ византійскихъ и западныхъ писателей: ἡ ἁγία Σιών, ἡ μήτηρ τῶν ἐκκλησιῶν [5]); ἐκκλησιῶν ἡ μήτηρ [6]); *primitiva et ecclesiarum matre S. Syon* [7]) и проч.

2. *Сіонскій алтарный камень.* Къ этой «матери церквей», апостольской, привязывается цѣлый рядъ воспоминаній, которыя плодятся и разнообразятся съ теченіемъ времени: укажу лишь на богатое ихъ сопоставленіе въ путешествіи Фабри. Здѣсь показывали мѣсто, гдѣ совершилось Сошествіе св. Духа на апостоловъ, Тайная Вечеря, омовеніе ногъ; отсюда Спаситель, наставивъ своихъ учениковъ, отправилъ ихъ въ міръ съ проповѣдью благовѣстія. Локализацію Тайной Вечери на Сіонѣ мы находимъ уже у Эвода [8]), Епифанія [9]), Іеронима [10]), въ Breviarius de Hierosolyma (ок. 530 г.), Θеодосія, Аркульфа [11]) и др., въ спеціальномъ пріуроченіи къ Сіонской церкви. — Оттуда одно изъ ея названій: *Coenaculum*, арабск. El-A-schâ (вечеря) [12]). «Hoc

---

1) Itin. p. 52.

2) l. c. p. 64—5.

3) l. c. p. 160.

4) l. c. p. 218.

5) Фока (1185) у Аллація Συμμίκτα § XIV, стр. 19.

6) Пердикка (ок. 1250 г.) l. c. стр. 74.

7) Guill. Tyrius l. XV, c. IV.

8) Nic. Callist. Hist. eccles. l. II, c. 3.

9) Epiphanius De ponderibus et mensuris у Migne'я, Patrol. graecae t. XLIII («ὑπερῷον», «ἐν τῷ μέρει Σιών»). Ср. T. Tobler, Zwei Bücher Topographie von Jerusalem II, p. 100, прим. 1. Цитуется далѣе: Topogr.

10) Opera ed. Martianay t. IV, p. 573.

11) Itin. p. 58, 65, 160.

12) Topogr. II, p. 99.

coenaculum in monte Sion est inventum, говоритъ Іоаннъ Вюрцбургскій (1160—70), in eo loco, in quo Salomon quondam egregium dicitur construxisse edificium, de quo in Cantico Canticorum: Ferculum fecit sibi rex Salomon [1]). Въ XII—XIII вв. [2]) показывали тамъ трапезу, за которой Спаситель совершилъ тайную вечерю, къ которой каждый четвергъ приходили на поклоненіе христіане и прикладывались набожные странники; Ricoldo da Monte Croce (1294) называетъ её прямо алтаремъ: et ibi est altare, ubi ordinavit sacramentum eucharistie [3]).

Я полагаю, что къ этому-то алтарю-трапезѣ относится легенда о синайскомъ камнѣ, сообщенная какимъ-то Филиппомъ (между 1285 и 1291 гг.)[4]), повторенная у Санута (ок. 1310 г.)[5]) и Одорика

---

[1]) T. Tobler, Descriptiones Terrae sanctae ex saec. VIII, IX, XII et XV. Leipzig, 1874 (цитуется далѣе: Descript.) p. 135. Съ Ferculum Іоанна Вюрцбургскаго сл. Innominatus I (ок. 1098 г.) у Tobler'a, Theodorici libellus de locis sanctis p. 116—117: mons Sion, ibique est ecclesia a Salomone facta. Ibi Dominus Jesus coenavit cum suis discipulis etc.— и Ἀπόδειξις у Аллація, Συμμίκτα p. 84: ὁποῦ ἔκτησεν ο Σαλωμών (ок. 1400 г.).

[2]) Сл. Topogr. II, p. 108, прим. 2 и p. 113, прим. 7, съ ссылками на El-Êdrisi (1153), Othmar'a (ок. 1165), Vinsauf'a (ок. 1191). Сл. еще Innominatus VII (Descript. p. 103), Innominatus II (Tobler, Theod. lib. p. 122); Anonymus (у Vogüe, Les églises de la terre Sainte p. 413: ок. 1150 г.); Willebrandus (у Laurent, Peregrinatores medii aevi quatuor, Leipz. 1864, p. 188; цитуется далѣе: Peregr.); аббатъ Николай (Antiqu. russes II, p. 413: ok staðr þar enn borð þat er hann mataðist á), Мандевилль и др.

[3]) Per. p. 108; сл. Innominatus V (ок. 1180 г.) у Neumann'a, Drei mittelalterliche Pilgerschriften, въ Oesterreichische Vierteljahrsschrift für kathol. Theologie, V[er] Jahrg. 2[es] Heft, p. 239: ibi est altare, ubi cenavit cum discipulis suis.

[4]) Philippi Descriptio Terrae Sanctae ed. Neumann (Wien, 1872, Separatabdruck aus der Vierteljahrsschrift f. kathol. Theologie, XI[er] Jahrg., 1—2 Heft, p. 9 и 39—40).

[5]) Secreta Fidelium crucis l. III, pars XIV, c. VIII, у Bongars, Gesta Dei per Francos.

(ок. 1320 г.)[1]) — у всѣхъ въ пріуроченіи къ *церкви св. Іоанна на Сіонѣ*, которая отдѣляется отъ мѣста Тайной Вечери. — Привожу разсказъ Филиппа: Deinde vadit homo ad cellam quandam in qua beata Virgo Maria morabatur XIIII annis post ascensionem filii sui ad celum. Et ibi prope est alia cella in qua ipsa benedicta virgo migravit ex hoc seculo. *Est eciam ibi ecclesia S. Johannis evangeliste que fuit — ut dicitur — prima ecclesia in hoc mundo; in qua idem S. Johannes ew. in conspectu beate Marie missam celebravit quamdiu vixit in hoc seculo. Et adhuc est ibi lapis quidam rubeus qui erat pro altari, et idem lapis transportatus fuit de monte Synai per manus angelorum ad preces b. Thomae de India revertentis*[2]). Est eciam alia capella in monte Syon, in qua est locus, ubi Dominus noster cenavit cum discipulis suis et ibi communicavit eos dicens: Accipite et manducate etc. Est et alius locus ibi, ubi Dominus noster cum surrexisset a cena, lavit pedes discipulorum suorum» и т. д. — Тѣ-же свѣдѣнія, и большею частью въ тѣхъ-же самыхъ либо сходныхъ выраженіяхъ, у Сануто и Одорика, у перваго съ замѣткой: et ostenduntur loca haec ab invicem separata.

Къ объясненію топографіи этой легенды слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: древніе апокрифы объ успеніи Богородицы говорятъ объ ея пребываніи, по вознесеніи Господнемъ, на Сіонѣ, гдѣ и совершилось ея успеніе[3]), пріурочиваемое къ этой мѣстности и палестинскими путешественниками, начиная съ Аркульфа[4]). По нѣкоторымъ редакціямъ того-же апокрифа Богородица жила

---

[1]) Peregr. p. 150.

[2]) Согласно съ этимъ и съ Сануто слѣдуетъ исправить чтеніе въ текстѣ Одорика: de Judea; исправленіе, указанное, впрочемъ, и отреченными актами ап. Ѳомы и апокрифами объ Успеніи Богородицы.

[3]) Tischendorf, Apocalypses apocryphae, Prol. p. LXIII и Transitus Mariae A, p. 118: Corpus Sanctum de monte Sion ferebant. Тоже въ арабскомъ текстѣ апокрифа, изданномъ Энгеромъ.

[4]) Itin. p. 160.

въ домѣ ап. Іоанна, согласно съ свидѣтельствомъ Эвода, епископа александрійскаго, опредѣляющаго это пребываніе одиннадцатилѣтнимъ срокомъ [1]). Въ концѣ XII вѣка (1185) монахъ Фока помѣщаетъ по лѣвую сторону Сіонской церкви домъ Іоанна Богослова, гдѣ жила и преставилась Богородица [2]); впослѣдствіи показывали на Сіонѣ мѣсто, гдѣ онъ литургисалъ въ ея присутствіи, но Фабри видѣлъ лишь развалины капеллы и камень съ выдолбленнымъ въ немъ углубленіемъ, гдѣ апостолъ будто-бы хранилъ свой потиръ [3]). — Древнѣйшая сіонская базилика заключала въ своихъ стѣнахъ, судя по плану, приложенному къ путешествію Аркульфа («hic S. Maria obiit»), многія изъ тѣхъ воспоминаній, которыя впослѣдствіи локализировались отдѣльно («ab invicem separata» у Сануто) — и еще являются соединенными въ представленіи паломника Даніила, ставящаго на мѣсто дома ап. Іоанна — всю Сіонскую церковь съ ея преданіями о тайной вечерѣ, омовеніи ногъ, сошествіи Св. Духа, пребываніи и успеніи Пресвя-

---

[1]) Сл. Nic. Callist. Hist. Eccles. II, c. 3 (у Migne, Patrol. graecae t. CXLV, p. 757—758: «καὶ μετὰ τὴν σταύρωσιν ἐν τῇ τοῦ Ἰωάννου οἰκίᾳ ἔτη διετέλεσεν ια΄.... ἐν δὲ τῇ εἰρημένῃ οἰκίᾳ τοῦ Ἰωάννου τὸ πρῶτον τοῦ Πάσχα μυστήριον ὁ Κύριος σὺν τοῖς μαθηταῖς πράσσει. Ἐκεῖθεν ὑμνήσαντες ἐξῆλθον εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν εἰς χωρίον Γεθσεμανή. Ἐκεῖ διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων περιεκλείοντο. Ἐκεῖ τῶν θυρῶν κεκλεισμένων, ἀναστὰς ὤφθη τοῖς μαθηταῖς καὶ εἰς πρόσωπον αὐτῶν ἐμφυσᾷ, καὶ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον δίδωσιν. Ἐκεῖ τῇ ὀγδόῃ ἡμέρᾳ τὰ κατὰ τὸν Θωμᾶν ἐπιστοῦτο. Ἐκεῖ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐν εἴδει γλωσσῶν κατὰ τὴν Πεντηκοστὴν ἐπεδήμησεν. Ἐκεῖ καὶ τὸν δίκαιον Ἰάκωβον πρῶτον ἐπίσκοπον τῶν Ἱεροσολύμων ἐχειροτόνησαν, καὶ Στέφανον καὶ τοὺς ἓξ διακόνους προυβάλοντο». Никифоръ прибавляетъ, что тотъ домъ (οἶκον ἐν Ἱεροσολύμοις ἐν τῇ λεγομένῃ ἁγίᾳ Σιών) пріобрѣтенъ былъ ап. Іоанномъ по смерти его отца Зеведея, и что въ немъ Богородица пребыла до своего успенія.— Сл. Tischendorf, l. c. Prol. p. XL и p. 125: Transitus Mariae B.

[2]) Allatii, Συμμίκτα p. 19—20.

[3]) Fabri l. c. I, p. 270—1. О мѣстоположеніи дома Богородицы и ап. Іоанна на Сіонѣ см. Topogr. II, p. 111, прим. 3; p. 115, прим. 1; p. 131—2.

той Дѣвы. — Такъ объясняются названія Сіонской церкви, *Coenaculum*, очевидно колебавшіяся въ теченіи времени, въ связи съ памятями, къ ней привязавшимися: *церковь св. Маріи, св. Духа* — и *церковь ап. Іоанна*, на которую Филиппъ переноситъ опредѣленіе древнѣйшей базилики: prima ecclesia in hoc mundo (Sanuto: prima omnium ecclesiarum) [1]. — Легенда Филиппа, Сануто и Одорико о синайскомъ камнѣ-алтарѣ, которую свидѣтельство Даніила позволяетъ возвести по крайней мѣрѣ къ XI вѣку, — не удаляетъ насъ отъ апостольской базилики на Сіонѣ.

Другіе разсказы о синайскомъ камнѣ или камняхъ, повидимому, не связаны съ идеей алтаря. Это—черноватый, пестрый камень, въ обхватъ человѣку [2]; камень, снесенный ангелами съ Синая и служившій изголовьемъ Богородицѣ: такъ разсказываетъ Frescobaldi (1384) въ связи съ сообщеніемъ о мѣстѣ, гдѣ ап. Іоаннъ служилъ обѣдню въ присутствіи Пресвятой Дѣвы, и о мѣстѣ ея успенія [3]. Въ 1310 году доминиканскій монахъ Франческо Pipino сообщаетъ легенду, повторенную позднѣе Симономъ Sigoli [4]: «Item fui in monte Syon *in loco cenaculi*, ubi dominus fecit cenam cum discipulis suis.... Item fui in loco ubi *beata dei genetrix habebat suum proprium oratorium in supradicto cenacolo. Vidi tres lapides magnos in monte Syon, quos angelus dicitur attulisse beate Virgini de monte Sinay.* Habet enim fidelium relatio quod ipsa dum sancta visitaret loca per que ambulaverat filius, desideravit videre montem Sinay, ubi lex data fuerat filijs Israhel. Angelus autem missus a domino ei tres (?) de monte Sinay attulit lapides, dicens ut his contenta non disce-

---

[1]) Сл. Topogr. II, p. 107 и 114.

[2]) Anonymus у Аллація, Συμμίκτα p. 84: καὶ ἡ ὄχρα τῆς πέτρας εἶναι κυνωπῆ πλουμιστῆ (?); nigricans, versicolor въ переводѣ Аллація.

[3]) C. Gargiolli, Viaggi in Terra Santa di L. Frescobaldi e d'altri del secolo XIV, p. 112.

[4]) Gargiolli l. c. p. 236.

deret a Jherusalem»[1]). Fabri[2]) помѣщаетъ эти камни въ армянскомъ монастырѣ на Сіонѣ, на мѣстѣ, гдѣ усѣченъ былъ братъ ап. Іоанна, Іаковъ: «in muro ecclesiae ab extra juxta ostium est foramen vel fenestra non perspicua, aut reservatorium, in quo jacent *duo* magni rotundi lapides, qui sunt apportati de monte Synai, et dicunt, quod angeli eos b. Virgini portaverunt, pro ejus spirituali solatio, ut quia ad tantum spatium peregrinari virginem conveniens non erat, nec a Jerusalem recedere, montem istum sanctum Synai in lapidibus istis veneraretur».

Отношенія этого преданія къ сіонскому камню-алтарю выяснятся намъ впослѣдствіи.

3. *Камни въ скиніи Давидовой.* Особо отъ предъидущихъ стоитъ разсказъ о камнѣ или камняхъ въ Сіонской церкви, на которыхъ пребывалъ Христосъ и Богородица. Въ XIV-мъ вѣкѣ онъ встрѣчается у Фрескобальди и Сиголи[3]): «ed è ivi la pietra in su che e' (G. Cristo) salì a predicare, ed un' altra in su che sedette la vergine Maria, quando predicava»; «apresso si è il luogo dove Cristo Gesù istette a sedere quand'egli predicava, ed evvi il luogo dove la vergine Maria sedeva ascoltando le prediche del suo Figliuolo». — Подробнѣе у Полонера (1420): «Item in cimiterio ejusdem ecclesiae (sc. ecclesiae montis Sion), versus aquilonem, est locus signatus, ubi ipse Dominus Jesus die ascensionis praedicavit et, increpata dementia discipulorum, misit eos in mundum, sed prius ivit cum eis in montem Olivarum; benedicens eis, ascendit in coelum. *A scripto lapide* XII pedibus est *alter lapis* terrae affixus, ubi beata Virgo audivit predicationem Filii»[4]). — Въ концѣ XV-го вѣка тотъ-же разсказъ повторяютъ Тухеръ и Fabri; послѣдній помѣщаетъ камни въ хорѣ

---

[1]) Topogr. II, p. 115, прим 1. Сл. Tobler, Dritte Wanderung, p. 403 и 406.

[2]) l. c. p. 267.

[3]) Gargiolli l. c. стр. 112 и 236.

[4]) Descript. p. 241—2.

древней Сіонской базилики: «locus illius chori est omnibus sacrae Bibliae credentibus venerabilis. Judaei multum eum venerantur, quia credunt, sicut et nos, *quod ibi fuit oratorium David, sive tabernaculum*, in quo ipse et universus Israel duxerunt arcam Dei cum canticis et instrumentis musicis in magno jubilo, ut habetur 2 Regum 6. *In hoc loco accepit etiam promissionem de Christo nascituro de semine suo*, ut dicitur 2 Regum 7. Hic locus etiam templo constructo mansit semper celebris et populo dilectus. Unde Dominus Jesus in hoc loco frequenter solebat praedicare. Ideo *in medio pavimenti sunt duo lapides* altrinsecus positi: unus jacet in loco, in quo Dominus stans praedicavit; alter est in loco, in quo beata Virgo sermones Filii audire consuevit» [1]). — Въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же камни у Anshelm'a (1508)[2]) и Juan'a de la Encina: послѣднему ихъ показывали у Сіонской церкви, обращенной въ мечеть:

Bien cerca a la puerta de aquella mezquita
De dos ciertas piedras que alli habemos visto
Una dicen, que es do se asentó Christo
Hablando a la virgen su madre bendita [3]).

Мы найдемъ ихъ и у русскихъ паломниковъ.

II.

Переходя къ свидѣтельствамъ послѣднихъ мы думаемъ выбрать тѣ изъ нихъ, которыя могутъ служить къ освѣщенію приведенныхъ нами западныхъ и сами нерѣдко получаютъ объясненіе, будучи поставлены въ этой связи. Начнемъ съ показаній Даніила [4]).

---

[1]) Fabri l. c. p. 255.

[2]) Topogr. II, p. 132 прим. 3.

[3]) Норовъ, Путешествіе игумена Даніила стр. 75—6.

[4]) Норовъ, l. c.

«Ту-же былъ и домъ святаго Іоанна Богослова на той горѣ Сіонстѣй, и на томъ мѣстѣ създана была церковь велика.... У тоя церкви, за олтаремъ, есть храмина; въ той храминѣ *умылъ Христосъ нозѣ ученикомъ своимъ.* И отъ тоя храмины, поидучи мало, възлѣсти яко по степенемъ на горницю, ту есть храмъ красенъ създанъ на столпьи, верхъ ему мусіею исписанъ и помощенъ красно, олтарь же яко церкви имать на востокъ лицемъ: *то есть была келіа Іоанна Богослова, въ той келіи вечерялъ Христосъ съ ученикы своими;* ту-же Іоаннъ возлегъ на перси Его и рече: Господи, и кто есть предаяй Тя? И на томъ же мѣстѣ было сшествіе Святаго Духа на Святыя Апостолы въ день Пятьдесятный. И въ той-же церкви есть другая храмина долѣ на земли низко: въ ту убо храмину пріиде Христосъ по воскресеніи своемъ къ ученикомъ своимъ, и дверемъ затвореннымъ, и ставъ посредѣ ихъ и глагола имъ: миръ вамъ! *И ту-же и Ѳому увѣривъ (въ) 8 день. И ту-же есть камень святый, ангеломъ принесенъ бысть отъ горы Синайскыя.* На другой же странѣ тоя церкве, къ западу лиць, есть другая храмина, низко, тѣмъ же образомъ, и въ той храминѣ *преставися Святая Богородица. И то все дѣялося въ дому святаго Іоанна Богослова».*

Выше мы видѣли, что топографія Даніила вноситъ извѣстную цѣльность въ показанія Филиппа и др., которыя, въ свою очередь поясняютъ отрывочныя фразы русскаго паломника: «ту-же и Ѳому увѣривъ.... ту-же есть камень святый». Камень этотъ снесенъ былъ съ Синая по моленію св. Ѳомы.

Кое какія соображенія вызываетъ описаніе Сіонской церкви у діакона Игнатія (1391) [1]:

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, VIII, стр. 106—107; Архим. Леонидъ въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Истор. и Древн. 1871, I, р. 14—16. Тексты Даніила и другихъ русскихъ паломниковъ еще ожидаютъ критическаго изданія, которое, быть можетъ, измѣнитъ нашъ взглядъ на принадлежность того или другаго іерусалимскаго преданія тому лицу, съ именемъ котораго мы принуждены пока его цитовать.

«*На Сіонѣ горѣ, въ своей кельѣ, Пречистая Богородица преставись;* тамо-же на Сіонѣ горѣ былъ Аннинъ дворъ архіереевъ, тамо Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ темницѣ сидѣлъ, и нынѣ та темница въ церкви Арменстей, тамо монастырь Арменскій. Въ той церкви Арменстей великій камень, что лежалъ на гробѣ Господнемъ, содѣланъ престоломъ.... *И на той горѣ монастырь дивенъ зѣло Ѳрязскій*, держатъ его Ѳрязове и живутъ въ немъ Ѳрязскіе чернцы, глаголютъ-же сице: *яко тамо Христосъ самъ обѣдню служилъ* [1]) *и научилъ по плоти брата своего Іакова обѣдню служити и предалъ ему таинство священныхъ и божественныхъ служеній....* Тамо жъ, въ той церкви, во время вольнаго и спасеннаго распятія Христова, завѣса раздрася на двое; въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ Пречистая Богородица поклоны клала; *тамо жъ въ той церкви два камени, на которыхъ Христосъ сиживалъ часто.* Отсюду же близко мѣсто есть, гдѣ Стефана архидіакона убили Іудеи, а кровь его и нынѣ на камени знати есть. *Тамо жъ у церкви близъ келія Пречистыя Богородицы, гдѣ Пречистая жила у Іоанна Богослова*».

Подробности, сообщенныя Игнатіемъ, подтверждаются либо исправляются показаніями другихъ путешественниковъ. Такъ разсказъ объ армянской церкви съ камнемъ отъ гроба Господня (собственно отъ пещеры, гдѣ положено было тѣло Христово) обыкновенно пріурочивается къ церкви Спасителя въ армянскомъ-же монастырѣ, но не на мѣстѣ Аннина двора, а на мѣстѣ дома Кайафы, гдѣ при Ѳеодосіи (ок. 530) стояла церковь св. Петра [2]).— Локализація мученія св. Стефана на Сіонѣ, встрѣчающаяся и у

---

[1]) Нап. Сах.: служитъ.

[2]) Itin. стр. 65; сл. ib. Breviarius стр. 52. Объ іерусалимскихъ храмахъ ап. Петру см. Innominatus II, у Tobler, Theodorici lib. p. 122; о сіонской церкви св. Петра Topogr. II, 156 слѣд.; 164 и 174 слѣд. Вопросъ о ней довольно запутанъ. Съ одной стороны является смѣшеніе дома Кайафы съ Аннинымъ (Euthymius, см. Topogr. II 156 прим. 6),

другихъ путешественниковъ, основана на недоразумѣніи, которое легко объяснить: тѣло святаго, замученнаго между Дамасскими и Яффскими воротами, было, по преданію, перенесено на Сіонъ, гдѣ и оставалось нѣкоторое время до вторичнаго перенесенія въ Римъ. — Легенда о камняхъ, на которыхъ возсѣдалъ Спаситель, восходитъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ, къ XIV-му вѣку. — Преданіе о пребываніи Богородицы на Сіонѣ въ домѣ ап. Іоанна Игнатій раздѣляетъ съ Даніиломъ; русскіе Вопросы и Отвѣты опредѣляютъ не согласно съ Эводомъ: «Колико лѣтъ бысть Святая Богородица въ дому Іоанна Богослова? — Отвѣтъ: .ді. лѣтъ и .й. мци» [1]); такъ у Филиппа, Одорика, Полонера и др.: 14 лѣтъ [2]). — Съ точки зрѣнія Даніила

что объясняетъ особую локализацію Игнатія, тогда какъ Fabri l. c. стр. 261 и 264—5 ставитъ на мѣсто Аннина двора армянскій монастырь во имя св. Ангеловъ, а на мѣсто Кайафина — армянскій-же монастырь съ церковью ad Sanctum Salvatorem и священнымъ камнемъ (тоже въ путешествіи Kiechel'я 1585—9 г., изд. Haszler'омъ, Stuttg., 1866, p. 298—9); армянскій монастырь на мѣстѣ Кайафина дома, но безъ камня, знаетъ и Игнатій. Замѣтимъ, что у Пипина (Tobler, Dritte Wanderung nach Palästina стр. 405) камень находится даже не въ церкви, а «ad criptam illam in pede montis Syon». — Съ другой стороны домъ Кайафы смѣшанъ былъ съ преторіей Пилата (Topogr. II, стр. 159, прим. 7), чего еще нѣтъ у древнихъ путешественниковъ: въ Бревіаріи (Itin. стр. 59) базилика св. Петра возвышается на мѣстѣ дома Кайафы (по смѣшенію Kaiphas съ Kephas, полагаетъ Sepp, Jerusalem und das heilige Land I, стр. 196): «deinde vadis ad domum Pilati, ubi tradidit Dominum flagellatum Judeis: ubi est basilica grandis, et est ibi cubiculum, ubi expoliaverunt eum, et flagellatus est, et vocatur *Sancta Sophia*». Тоже у Өеодосія (Itin. p. 65) и Антонина (l. c. стр. 104), ничего не знающаго о церкви св. Петра (сл. Topogr. I, 220 слѣд.). Въ эпоху крестовыхъ походовъ послѣднюю указывали на мѣстѣ преторіи (l. c. I, стр. 224—5).

[1]) Тихонравовъ, Памятники II, 440, 445.

[2]) Philippus ed. Neumann l. c.; Per. p. 150; Descr. p. 242. Сл. Topogr. II, p. 131, прим. 5. — Въ статьѣ Эпифанія мниха «ѡ знаменыихъ нрава, ѡбраза же и възрааста прѣсватыѧ владычице наше Богородице»

въ домѣ Іоанна Богослова, гдѣ стала впослѣдствіи Сіонская церковь, совершена была и тайная вечеря, таинство Евхаристіи, совершена самимъ Христомъ: «тамо Христосъ обѣдню служилъ», говоритъ Игнатій. Послѣ него продолжали тамъ-же литургисать и апостолы — такъ въ показаніи Антонина. Извѣстно, что съ именами нѣкоторыхъ апостоловъ сохранились особые чины литургіи, происхожденіе которыхъ легенда могла привязывать къ «матери церквей» на Сіонѣ. У Одорика и другихъ [1]) совершалъ её въ присутствіи Богородицы Іоаннъ Богословъ — и сохранился древній чинъ литургіи его имени. У Игнатія Господь передаетъ «таинство священныхъ и божественныхъ служеній» брату своему по плоти Іакову, литургія котораго извѣстна въ греческихъ и сирійскихъ текстахъ. Вспомнимъ, что на Сіонѣ указывали мѣсто, гдѣ св. Іаковъ былъ рукоположенъ изъ апостоловъ въ епископы Іерусалима [2]) — и мы поймемъ, быть можетъ, причины, вслѣдствіе которыхъ измѣнялась мѣстная легенда: рядомъ съ преданіемъ, что Христосъ совершилъ таинство Евхаристіи въ домѣ ап. Іоанна, могло стать другое, помѣщавшее Сіонскую церковь на мѣстѣ дома ап. Іакова (Антонинъ) [3]).

говорится: «И по вьзнесении Господьни вь домоу Іωана Богословьца прѣбысть .кд. лѣть, доньдеже престави сѧ» (Jagič, Opisi i izvodi, I, стр. 61).

[1]) Сл. Topogr. II, стр. 131, прим. 5.

[1]) Сл., кромѣ древняго свидѣтельства Эвода, между прочимъ: Одорика (Per. p. 150), Полонера (Descr. p. 242), Fabri (l. c. p. 237) и Topogr. II, p. 133, прим. 2.

[3]) Сл. Бесѣду трехъ святителей у Тихонравова, Памятн. отреч. русск. лит. II, 430: (вопросъ): что сѧ слышаше дина, *идѣже Господь вечерѧ?* — (Отвѣтъ) *Іаковъ* братъ Господень по плоти. — Иначе въ «Приче Іωана златоустаго ω протльковании» (у Ягича, Opisi i izvodi I, стр. 70): рече господь (т. е. своимь оученикомь, апостоломь)· идѣта къ Дине и рьцѣта емоу· учитель ти глаголеть· времѧ мое приближи сѧ, у тебѣ сьтворѫ паскѫ сь ученикы своимьи. — Ѡтвѣть: что есть Дина? Адамь; а паска? мѫчение Христово. — Дина = δεῖνα Matth. 26, 18: ὑπάγετε εἰς τὴν πόλιν πρὸς τὸν δεῖνα.

Я не иначе понимаю разнорѣчивое показаніе Ѳеодосія: что Сіонскій храмъ сооруженъ на мѣстѣ дома евангелиста Марка, именемъ котораго также отмѣченъ особый чинъ литургіи [1]).

Зосима (1420) видѣлъ на Сіонѣ ту-же Фряжскую церковь, о которой говоритъ Игнатій; во время Коробейникова и Грекова Сіонъ, «мати всѣмъ церквамъ, Божіе жилище», который когда-то держали «Венеціане», уже попалъ въ руки Турковъ [2]). Зосима успѣлъ еще собрать о немъ нѣсколько свѣдѣній, драгоцѣнныхъ для исторіи легенды [3]).

«И оттолѣ поидохъ на гору Сіонскую, и ту стоитъ церковь святый Сіонъ, *мати всѣмъ церквамъ*. Глаголетъ бо писаніе, яко *сія убо первая церковь стася по распятіи Христовѣ во Іерусалимѣ;* ту жила Святая Богородица, по вознесеніи Сына своего на небеса, и ту молилася Сыну своему, и донынѣ знати мѣсто то, идѣже клала поклоны на мраморѣ; и ту разболѣся, [Сах. и ту духъ свой предасть], и ту Христосъ ей явися, и ту на Апостолы Святый Свой Духъ посла; и ту есть гробъ царя Давида и сына его Соломона; и ту есть служба Фряжская; и ту есть гробъ первомученика Стефана; *и ту лежатъ* (Л. лежало) *два камени, иже Пречистая восхотѣла видѣти тѣ камени, на чемъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстѣй; и принесе Ангелъ два камени* (Л. отъ мѣста) [4]), *еже ся зоветъ Купина Неопалимая*.... И мало поступя, видно мѣсто, гдѣ Жидове первомученика Стефана убили.... и ту есть палата Ивана Богослова, идучи къ святому Сіону».

Важенъ въ показаніяхъ Зосимы его разсказъ о «синайскихъ

[1]) Сл. О оучені вѣры, изд. Качановскимъ въ Starine XII, стр. 245: «Мар'кь же вь четврьтоѥ (по десѣти лѣтѣхь) лѣ҃ пи҃ (отъ Петра научивсѧ) [въ Римѣ самь, вь ѡбразь тельчь, се ѥсть блжнны ѥрсмлинь, идѣже ѥсть Гь҃ вечероу сь оученикы своими, да ѥже вь ѡбразь тельчь, сам' Гь҃ иде на вольное мчние, акы агне не злобиво»].

[2]) Сахаровъ, l. c. стр. 144; Леонидъ, l. c. стр. 50.

[3]) l. c. стр. 64—5; Леонидъ p. 21.

[4]) Въ скобкахъ у Леонида.

камняхъ», напоминающій ту-же легенду у Пипина, Сиголи и Фабри, съ новыми чертами, останавливающими вниманіе. Я разумѣю прежде всего сопоставленіе камней съ «неопалимой купиной». Въ текстѣ Сахарова это — *ихъ названіе;* у Леонида они принесены *отъ мѣста, такъ названнаго.* Въ первомъ случаѣ «неопалимый» былъ бы эпитетомъ камня: несгараемый, ἄσβεστος, ἄφλεκτος; не въ этомъ-ли смыслѣ слѣдуетъ понять русское обозначеніе алатыря: бѣлъ горючъ? горящій (до бѣла), но не сгараемый, не горючъ? — Другое толкованіе подтверждается косвенно путешествіемъ Коробейникова и Грекова: въ синайскомъ монастырѣ, въ церкви Преображенія «за алтаремъ придѣлъ надъ Неопалимой Купиною, гдѣ Моисей видѣлъ Святую Богородицу, со младенцемъ во огнѣ стоящу неопалиму.... и видѣхомъ мѣсто покрыто каменемъ мраморянымъ, камень полсажени на 4 углы; надъ тѣмъ каменемъ престолъ стоитъ и служба совершается; *въ немъ же вдѣланы два камени велики, что опалила Неопалимая Купина»* [1]). Въ христіанской символикѣ неопалимая купина — Богородица-Дѣва: «какъ огонь былія не сожже, такъ Божіе слово неистлѣнно сохрани ю по рождствѣ дѣвицею»; какъ «купина не сгараше опаляема, такъ Дѣва родила еси и Дѣва пребыла еси» [2]); «предочистимся и мы божественно въ Дусѣ и въ горы Синайскія вѣрою взыдемъ, да видимъ тамо купину огненосную Дѣвыя провозвѣщающія рождество», поетъ церковная пѣснь. Событіе, совершившееся на Хоривѣ, переносимо было на Синай, по сопоставленію Исх. 19, 18 и Второзак. 5, 2,— и далѣе истолковывалось по требованіямъ символическаго параллелизма: что прообразованное въ Ветхомъ Завѣтѣ исполнилось въ Новомъ. Оттого въ миніатюрѣ ватиканской рукописи, содержащей Палею и Псалтырь, Моисей идетъ по горѣ (Синаю), чтобы принять отъ десницы Божіей заповѣди, тогда какъ на право видна купина, горящая и не сгорающая, а въ миніатюрѣ

---

[1]) Сахаровъ l. c. 152; Леонидъ 105.

[2]) Успенскій, Толковая Палея стр. 90.

къ гомиліямъ Іакова самая купина перенесена на Синай [1]); оттуда отождествленіе: «гора Синайская — Богородица, а коупина — утроба дѣвыя» [2]). Въ византійской иконографіи купина изображалась то дикимъ, покрытымъ цвѣтами терновникомъ, объятымъ пламенемъ, изъ котораго выходитъ въ медальонѣ изображеніе Эммануила-младенца; то въ видѣ сосуда съ огнемъ. По замѣчанію проф. Кондакова это — либо σκεῦος ἀμίαντος Кирилла Александрійскаго, символически изображающій Дѣву-мать, тогда какъ огонь — Христосъ; либо образъ чаши, символъ страданія Христа и Евхаристіи: въ одной миніатюрѣ такой-же сосудъ названъ θυσιαστήριον, алтаремъ. Алтарь является однимъ изъ символовъ Богородицы у Андрея Критскаго [3]) — и въ древне-славянской статьѣ [4]), собравшей цѣлый рядъ иносказательныхъ обозначеній для Богородицы, среди которыхъ мы встрѣтимъ всю символику разобранныхъ нами сіонскихъ преданій: *купина*, *камень* («ѡтсечеса камень ѡтъ горы кромѣ рукь»), *прѣстолъ* («видѣхъ Господа Саваѡѳа сѣдяща на прѣстолѣ высоцѣ и прѣвознесеннѣ и исполнь храмъ славы его»), *Сіонъ* («придетъ ѡтъ Сиона възывал и ѡтвратить нечьстие ѡтъ Іакова»), *гора Господня, трапеза святая, скрижаль завѣта, носило Соломоново* («носило сотвори себѣ цр҃ь Соломонь ѿ дрѣвесъ ливановѣхъ») и т. д. [5]).

---

[1]) Кондаковъ, Исторія византійскаго искусства (Одесса, 1876), стр. 159, 225.

[2]) Тихонравовъ, Памятники II, стр. 321 (статья о двѣнадцати пятницахъ).

[3]) Кондаковъ l. с. стр. 94 прим. 3 и стр. 225 прим. 2; сл. стр. 228 прим. 1.

[4]) Тихонравовъ l. с. II стр. 339—44: Семьдесятъ именъ Богу.

[5]) Источникомъ славянской статьи, по отношенію къ символическимъ эпитетамъ Богородицы, была, быть можетъ, четвертая гомилія св. Андрея Критскаго на рождество Богородицы (сл. у Migne, Patrologiae graecae t. 97, p. 866 sqq.). Въ какихъ отношеніяхъ находится первая половина статьи (имена Богу) къ λόγος τέταρτος περὶ θεωνυμίας Θεο-

На верху Синайской горы Коробейниковъ и Грековъ посѣтили другую церковь Преображенія: «и въ той церкви, возлѣ алтаря, лежитъ камень великъ. Егда Богъ сниде къ Моисею на святый верхъ, и ста Моисей при томъ камени, и камень Моисея пустилъ къ себѣ и покры главу его, и подъ тѣмъ каменіемъ глагола Моисей съ Богомъ и законъ отъ Бога пріятъ — скрижали каменны, написаны перстомъ Божіимъ» [1]). — Зосима соединяетъ камни отъ «неопалимой купины» съ тѣми, которые Коробейниковъ и Грековъ видѣли на верху Синая, и говоритъ о первыхъ, что на нихъ именно «Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстей». Подставивъ вмѣсто Христа первое лицо Св. Троицы, мы придемъ къ слѣдующему тексту Исхода 24, 9: Καὶ ἀνέβη Μωυσῆς καὶ Ἀαρὼν καὶ Ναδὰβ καὶ Ἀβιοὺδ καὶ ἑβδομήκοντα τῆς γερουσίας Ἰσραήλ, καὶ εἶδον τὸν τόπον οὗ εἱστήκει ὁ θεὸς τοῦ Ἰσραήλ· καὶ τὰ ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ ὡσεὶ ἔργον πλίνθου σαπφείρου καὶ ὥσπερ εἶδος στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ τῇ καθαριότητι.... καὶ εἶπε κύριος πρὸς Μωυσῆν· Ἀνάβηθι πρός μέ εἰς τὸ ὄρος καὶ ἴσθι ἐκεῖ· καὶ δώσω σοι τὰ πυξία τὰ λίθινα, τὸν νόμον καὶ τὰς ἐντολὰς ἃς ἔγραψα νομοθετῆσαι αὐτοῖς. Καὶ ἀναστὰς Μωυσῆς καὶ Ἰησοῦς ὁ παρεστηκὼς αὐτῷ ἀνέβησαν εἰς τὸ ὄρος τοῦ θεοῦ, гдѣ Господь наставляетъ Моисея, какъ устроить ковчегъ и скинію и даетъ ему двѣ скрижали каменныя, скрижали откровенія. — Связывая Исх. 24, 10 съ 32, 16, талмудическое преданіе заключаетъ, что *обѣ скрижали были изъ сапфира, на которомъ стоялъ Господь, бесѣдуя съ Моисеемъ*, почему арамей-

---

дора Дуки Ласкариса (у Migne, Patrol. graec. t. 140, p. 764—770) — я не изслѣдовалъ. Сл. Pitra, Spicilegium Solesmense III, p. 449—451: Rhythmus ad Deum ex Dei nominibus; De nominibus beatae Mariae virginis.

[1]) Сахаровъ l. c. p. 153; Леонидъ p. 106. Сл. у Sigoli l. c. p. 250: e Iddio comandò a quel petrone che si levasse; incontanente la parte dinanzi si levò e stette sospesa, e ancora si sta così, sicchè per comandamento di Dio Moisè stette sotto il detto petrone, e Iddio stava sopra il detto petrone».

ская духовная пѣсня на Пятидесятницу поетъ: «Выруби себѣ, о Моисей, *двѣ дски изъ сапфира* подъ престоломъ Бога жива»[1]). То-же у Свиды (Μωυσῆς): τὰς πλάκας σαπφείρῳ λίθῳ δακτύλῳ Θεοῦ γραφείσας; въ статьѣ Епифанія Кипрскаго о 12 драгоцѣнныхъ камняхъ говорится лишь, что «что на горѣ же даный Мωуси законъ на камыцѣ сапъѳирѣ глеться бывъ[2]).

Синайскій камень или камни, перенесенные на Сіонъ, получаютъ смыслъ при свѣтѣ указаннаго нами сопоставленія: они — сапфирные, скрижали ветхаго завѣта, которые Христосъ положилъ въ основаніе новаго Сіона; mons. Sina et Sion duo Testamenti significant (Hieronym. epist. CXXIII); изъ Синайскаго камня (lapis rubeus; сл. σάπφειρας πορφυρίζων Епифанія), принесеннаго ангеломъ, сотворенъ на Сіонѣ алтарь, какъ о храмѣ св. Граля на Munsalvaesche [3]) говорится:

Got selb in eim saphire Môysi mit schrift was gebende
áller sünden fîre, swer nâch der selben lêre noch waer lebende,
al diu gebot, der fümfiu sint gezweiet:
sus vil der hôhen tugende sich an dem saphîre mangerleiet.

Durch das di altersteine über ál saphîre wâren [4]).

Всѣ легенды христіанскаго Сіона, разсмотрѣнныя нами, коренятся въ такого рода ветхозавѣтныхъ воспоминаніяхъ: скрижали Синая, краеугольный камень Сіона, скинія Давида [5]).

---

[1]) Сл. Zarncke, Graaltempel стр. 481 прим. къ строфѣ 21, 1.

[2]) Буслаевъ, Ист. христом. р. 263 (Сборн. Свят. 1073 г.); въ греч.: ἐπὶ λίθου σαπφείρου πεφυκέναι λέγεται.

[3]) У Вольфрама: Munsalvaesche, Munsalvâtsche, Salvâche ah muntane; страна, въ которой лежитъ замокъ, зовется: Terre de Salvaesche. Обычная этимологія: salvatge, sauvage, silvaticus, за которой — для Вольфрама — можно предположить другую: Mons, terra salvationis, salutis.

[4]) Zarncke l. c. стр. 44, строфы 21 и 22.

[5]) Укажу кстати на параллелизмъ сказаній: Давидъ переноситъ на

Имя Соломона, играющее столь важную роль въ исторіи символическаго параллелизма ветхозавѣтныхъ и евангельскихъ событій, также притянуто было въ эту связь: I. Христосъ — истинный Соломонъ [1]), Богородица — мать Соломона [2]); она — носило Соломоново, о которомъ сказано въ Пѣснѣ Пѣсней III, 9: φορεῖον ἐποίησεν ἑαυτῷ ὁ βασιλεὺς Σαλωμὼν ἀπὸ ξύλων τοῦ Λιβάνου; греческому φορεῖον, ferculum Вульгаты, отвѣчаетъ въ еврейскомъ текстѣ: thalamus sponsarum, въ арабскомъ umbraculum, въ эѳіопскомъ lectus, въ сирійскомъ solium, въ халдейской парафразѣ: *templum sanctuarii*. Къ этому толкованію: φορεῖον = templum привязываются показанія тѣхъ средневѣковыхъ палестинскихъ путешественниковъ, которые ставятъ позднѣйшую Сіонскую базилику на мѣсто Соломоновскаго сооруженія [3]) — и слово о трехъ крестныхъ древахъ, приписанное Григорію Богослову, гдѣ домъ Божій, созидаемый Соломономъ, названъ святымъ Сіономъ [4]). Распространенное сказаніе о крестномъ древѣ, въ связи съ построеніемъ Святыя Святыхъ и пророчествомъ Сивиллы, вовлекло имя Соломона въ глубь христіанской символики; надпись (на еврейскомъ, самарянскомъ и греческомъ языкахъ) на Соломоновой чашѣ, будто-бы служившей потиромъ въ

Сіонъ, въ скинію, имъ устроенную, ковчегъ завѣта; Оза, протянувшій къ нему руку, падаетъ мертвымъ (Цар. II, 7). Въ апокрифѣ объ успеніи Богородицы на Сіонѣ Іефонія схватывается за одръ, на которомъ лежало тѣло Пресвятой Дѣвы, и ангелъ Господень отсѣкаетъ ему руки.

[1]) Conrad von Würzburg, Goldene Schmiede v. 1726 sqq.; сл. v. 1745.

[2]) Les joies nostre Dame ed. Reinsch въ Zeitschr. f. roman. Phil. III, 2, p. 216 sqq.; сл. p. 224 v. 961: La mere au rei Salomon.

[3]) Сл. выше стр. 7, прим. 1.

[4]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит. I p. 310 (изъ србск. рки. XV); Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по ркп. соловецкой библіотеки (Спб. 1877), стр. 97, 217 (сл. 219); Поповъ, Первое приложеніе къ описанію ркп. и т. д. Хлудова, стр. 64 слѣд.

цареградской Софіи, прорицала о рождествѣ Спасителя, его тайной вечери и крестной смерти [1]).

Граль западной легенды, какъ-бы ни разнообразилось его внѣшнее представленіе, несомнѣнно символизируетъ высшее христіанское таинство, тайну евхаристіи. Когда Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ ссылается, какъ на (посредственный) первоисточникъ своихъ свѣдѣній о Гралѣ, на книгу какого-то Flegetanis'а [2]), изъ *Соломонова рода* (453—4) — я могу усумниться въ имени и въ показаніи источника, не въ характерѣ его символическаго параллелизма [3]).

III.

Собранныя нами мѣстныя Сіонскія преданія помогутъ намъ разъяснить нѣкоторыя черты двухъ произведеній народной русской поэзіи, раскрывъ за позднѣйшими наслоеніями, пѣсенными и иными, черты первичной легенды.

Преданіе о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви; о камнѣ, снесенномъ съ Синая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той-же церкви, матери всѣхъ церквей; память о трапезѣ Христа въ сіонскомъ Coenaculum, за которой Спаситель возлежалъ съ апостолами, установилъ таинство Евхаристіи и, наставивъ тому учениковъ, послалъ ихъ

---

1) Сл. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки и т. д. № XL, стр. 96; Порфирьевъ l. c. p. 240—1.

2) Сл. съ именемъ Flegetanis'а — Flégétine въ такъ называемомъ Grand St. Graal.

3) Въ эпизодѣ втораго Титуреля о созданіи храма Граля упоминается разсказъ о томъ, какъ Соломонъ построилъ храмъ Господу безъ употребленія орудій: grôz noch kleine — wart meizel hamer noch ander wâpen erklenget — nie zu halbem nagele (Zarncke l. c. стр. 447, строфа 39). Объ источникѣ этой легенды, не указанной Царнке, см. Соломонъ и Китоврасъ стр. 105 и слѣд.

въ міръ возвѣстить новое Откровеніе: таковы были матеріалы мѣстной легенды. Стоило было поработать надъ ними народной фантазіи, чтобы найти въ нихъ символическій центръ: *алтарный камень, алтарь,* на которомъ впервые была принесена безкровная жертва, установлено высшее таинство христіанства. Въ русской народной поэзіи этотъ *алтарь*, црквнослав. *олтарь*, сталъ *камнемъ алатыремъ* (вм. алатарь), латыремъ. Такъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ царь небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всёй земли.

(Безсоновъ, Калики I, стр. 291, № 80; сл. № 81; Варенцовъ стр. 18—19, 27, 37—8).

Когда объ этомъ камнѣ говорится, что изъ подъ него текутъ рѣки

Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе

(Безс. № 84, стр. 313), то это не удаляетъ насъ отъ указанной символики, какъ и выраженіе, что алатырь-камень — всѣмъ «камнямъ отецъ». Тѣ рѣки — воды, текущія на спасеніе пьющихъ изъ скалы-церкви, изъ скалы Христа[1]). «Ἀπὸ λίθου δὲ τὸ θυσιαστήριον, объясняетъ Симеонъ Солунскій[2]), ὅτι Χριστὸν εἰκονίζει, ὅς καὶ πέτρα ὡς θεμέλιος ἡμῶν, καὶ κεφαλὴ γωνίας, καὶ λίθος ἀκρόγωνος, καὶ ὅτι πέτρα πάλαι ταύτην

---

1) Сл. Кондаковъ l. c. стр. 123 и прим. 1.

2) Symeonis Thessalonicensis archiepiscopi opera omnia, y Migne, Patrol. series graeca, t. CLV: Expositio de divino templo p. 705, § 273; сл. ib. p. 313, § 118, κεφαλ. ρζ: De sacro templo.

ἐμιμεῖτο τὴν τράπεζαν, ἡ τὸν πάλαι ποτίζουσα Ἰσραήλ. Νῦν δ' αὕτη τὸν νέον ἡμᾶς ποτίζει, οὐχ ὕδωρ, ἀλλὰ ζωῆς αἰωνίου παρέχουσα νάματα, τὸ ζῶν αἷμα τοῦ Λόγου»· Сл. также отвѣтъ на вопросъ древне-русской статьи: «Како бысть Господь Июдѣемъ, и(же) камыкъ ношахоу его и исъхожахоу изъ него .ві. рѣкъ и напоиша дванадесять царствъ?» Отвѣтъ: «Камень есть Христосъ, .ві. рѣкъ апостоли суть, судящи двеманадесять колѣнома израилевыма; яко рѣки напояху родъ еврейскій, тако и апостоли проповѣдаша новый законъ» [1]).

Дальнѣйшее развитіе этого образа въ русской народной поэзіи и суевѣріи насъ здѣсь не интересуетъ: тамъ онъ претворился до неузнаваемости, до разнообразныхъ проявленій, связанныхъ другъ съ другомъ однимъ лишь общимъ понятіемъ— какой-то чудной силы, сверхъестественныхъ качествъ. Пользоваться позднѣйшими искаженіями и приложеніями этого образа, съ цѣлью опредѣлить его первичныя формы — едва-ли возможно. Если предложенныя мною параллели подошли къ этому опредѣленію, и алатырь ничто иное, какъ алтарь, понятый какъ символическое выраженіе христіанскаго таинства, то въ поэзіи средневѣковаго и еще современнаго народнаго христіанства онъ стоитъ не одиноко. Я напомню олицетвореніе Отче Нашъ въ англосаксонскомъ діалогѣ Соломона и Сатурна: олицетвореніе, которому придаются чудодѣйственныя качества. Какъ въ сициліанскомъ суевѣріи таинство Евхаристіи явилось святой Vittuvagghia (ит. Vettovaglia, т. е. victualia), помощницей при родахъ, такъ изъ сходныхъ элементовъ развилось мистическое представленіе о Гралѣ, являющемся то *чашей* тайной вечери, то чудеснымъ *камнемъ*, снесеннымъ съ неба ангелами. О камнѣ говоритъ Wolfram von Eschenbach, Parcival 454:

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. II, стр. 455—6. Сл. въ словѣ Кирилла Туровскаго «въ новую недѣлю по Пасцѣ»: «ныня рѣки апостольскыя наводняються».

Ein schar in ûf der erden liez:
diu fuor ûf über die sterne hôch.
op die in unschult wider zôch,
sît muoz sîn pflegn getouftiu fruht.

Камень этотъ зовется: lapsit exillis (469).

Извѣстно, что французское преданіе, на сколько оно выразилось у De-Borron'a [1]), представляло себѣ Граль въ образѣ чаши, въ которой Спаситель совершилъ тайную вечерю въ домѣ Симона, которая впослѣдствіи найдена была тамъ какимъ-то Евреемъ и отдана Пилату; затѣмъ Пилатъ подарилъ её Іосифу Аримаѳейскому, и тотъ собралъ въ неё кровь, истекшую изъ ранъ Спасителя. Когда Евреи заключили Іосифа въ темницу, Христосъ явился ему съ той-же чашей въ рукахъ, наполненной божественною кровью, напомнилъ ему о тайной вечерѣ, объ установленіи таинства. Помнишь-ли ты мою трапезу съ учениками у Симона?

896 Le pein, le vin y benëi [2])
Et leur dis que ma char menjoient
Ou pein, ou vin mon sanc buvoient:
Aussi sera representee
Cele taule en meinte contree;
Ce que tu de la crouiz m'ostas
Et ou sepulchre me couchas,
C'est l'auteus seur quoi me metrunt
Cil qui me sacrefierunt;

---

[1]) Сл. Fr. Michel, Le roman du St. Graal (Bordeaux 1841) и прозаическій текстъ у Hucher, Le Saint Graal I, p. 209 слѣд.

[2]) Въ началѣ романа разсказывается лишь объ омовеніи ногъ апостоламъ, v. 332 слѣд., что дало P. Paris'y, Les romans de la Table ronde I, стр. 127, прим. 2 заключить, что составители легенды о Гралѣ знали одно лишь евангеліе отъ Іоанна (такъ и у меня: Соломонъ и Китоврасъ стр. 191). Но далѣе говорится о сосудѣ, ou Criz feisoit son sacrement (v. 396); отрывокъ (v. 896 слѣд.), приведенный въ текстѣ, поясняетъ его значеніе.

Li dras ou fui envolepez,
Sera corporaus apelez;
Cist vaissiaus ou men sanc mëis,
Quant de men cors le requeillis,
Calices apelez sera;
La platine ki sus girra
Iert la pierre senefiee
Qui fu deseur moï seelee
Quant ou sepuchre m'ëus mis.

Символика этого описанія ясна сама собою: трапеза — гробница, corporale (corporaus)—платъ, которымъ обвито было тѣло Спасителя, потиръ съ дарами — тѣло и кровь Христовы, дискосъ— камень отъ гроба. «Ἡ αγία τράπεζά ἐστιν ἀντὶ τοῦ τόπου τῆς ταφῆς, ἐν ᾗ ἐτέθη ὁ Χριστὸς, ἐν ᾗ πρόκειται ὁ ἀληθινὸς καὶ οὐράνιος ἄρτος, ἡ μυστικὴ καὶ ἀναίμακτος θυσία»; «τὸ εἰλητὸν σημαίνει τὴν σινδόνα, ἐν ᾗ ἐνειλήθη τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ, ἐκ τοῦ σταυροῦ καταβὰν καὶ ἐν μνήματι τεθέν. Καὶ ἡ ἐπάνω κάλυψις τοῦ δίσκου εμφαίνει τὴν σινδόνα, ᾗ εἵλιξαν τὸ σῶμα τοῦ Κυρίου. Τὸ δὲ δισκοκάλυμμά ἐστιν ἀντὶ τοῦ σουδαρίου τοῦ ὄντος ἐπὶ τοῦ προσώπου περικαλύπτοντος αὐτὸ ἐν τῷ τάφῳ. Τὸ καταπέτασμα ἤτουν ὁ ἀὴρ ἐστι καὶ λέγεται ἀντὶ τοῦ λίθου οὗ ἠσφαλίσατο τὸ μνημεῖον ὁ Ἰωσήφ». Если къ этимъ толкованіямъ патріарха Германа [1]) присоединить и Гонорія изъ Autun, Gemma Animae, l. I c. XLVII: patena lapidem designat [2]), — то мы нашли всѣ черты де-Борроновской символики, отправляющейся отъ отождествленія: sepulchre = auteus [3]). Символъ алтаря — но не гробницы, а алтарятрапезы развивается и далѣе: Христосъ наказываетъ Іосифу въ память трапезы у Симона сотворить другую, на ней будетъ по-

[1]) Germani, archiepiscopi constantinopolitani Historia ecclesiastica et mystica contemplatio у Migne, Patr. graec. t. 98 p. 388, 399.—Германъ былъ патріархомъ Константинополя съ 715 г.

[2]) Migne, Patrol. lat. t. 172, p. 558.

[3]) Иначе Birch-Hirschfeld, Die Sage vom Gral (Lpz. 1877), стр. 221, прим. 1.

ставленъ святой потиръ и рыба, которую поймаетъ зять Іосифа, Hebron (или Bron). Рыба—древне-христіанскій символъ Христа, являющійся въ изображеніяхъ Тайной Вечери на столѣ, въ чашѣ, къ которой прикасается Спаситель, либо въ блюдѣ, которое сносить съ неба ангелъ [1]).

2503.... pren ten veissel et le mest
Sus la table, la u mieuz te plest,
Meis qu'il soit tout droit emmi liu;
Et la endroit te serras tu,
Et le cuevre d'une touaille.
Quant auras ce feit sanz faille,
Adonc repenras le poisson
Que t'avera peschie Hebron,
D'autre part le mest bien et bel
Tout droit encontre ten veissel.

За этой трапезой будетъ пустое мѣсто, мѣсто Іюды-предателя: его займетъ безнаказанно лишь внукъ Hebron'a.

О всей этой символикѣ Граля Вольфрамъ ничего не знаетъ и самъ не даетъ своему Гралю никакого опредѣленнаго образа. Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей этой легенды, открывая зависимость Вольфрама отъ Chrestien de Troies и вмѣстѣ съ тѣмъ несогласіе ихъ представленій о Гралѣ, пришелъ къ неожиданному заключенію: Chrestiens никогда не употребляетъ для понятія чаши Граля описательныхъ: vaisseau или écuelle, а исключительно—graal; этого слова не понялъ, будто-бы, Вольфрамъ, вотъ почему вмѣсто чаши у него является — камень [2])! Вольфрамъ не умѣлъ читать и самъ сознается въ недостаточномъ знаніи французскаго языка; но это не помѣшало ему овладѣть пришлымъ сюжетомъ и значительно углубить лежавшую въ немъ идею. Граль играетъ въ его поэмѣ выдающуюся роль, такъ какъ внутренній ростъ Парциваля обусловленъ именно его иска-

[1]) Кондаковъ l. c. стр. 80, 133, 246.
[2]) Birch-Hirschfeld l. c. стр. 274.

ніемъ. Что Вольфрамъ не постарался уяснить себѣ его значеніе, хотя-бы путемъ разспросовъ, когда легенда о Гралѣ не могла не быть извѣстна въ Германіи — просто немыслимо. То-же слѣдуетъ сказать о Генрихѣ vom Türlin: въ своей Krone онъ явился подражателемъ современника своего Wolfram'а, и въ то-же время источникомъ ему служилъ Conte du Graal Chrestien'а; между тѣмъ и у него Граль, по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ— не vaisseau и не écuelle, а нѣчто въ родѣ раки съ мощами, какія ставятъ на алтаряхъ:

29384 Gestein was ez und goldes rîch,
Einer kefsen was ez glîch,
Diu ûf einem alter stêt.

Заключать изъ этого, что и Генрихъ не понялъ образа чаши у Chrestien'а [1]), невозможно, потому что въ другомъ мѣстѣ она оказывается ему извѣстной: Гавейнъ видитъ её въ замкѣ Граля, гдѣ древній старецъ, одѣтый въ бѣлоснѣжныя одежды, покоится на ложѣ, и совершается таинственное шествіе: четыре дѣвы, въ вѣнцахъ, несутъ свѣточи:

14754 Nâch disen vier meiden
Gieng ein magt gezieret baz,
Diu truoc vor ir ein schoenez vaz
Von einer cristalle,
Daz was vol mit alle
Vil gar vrisches bluotes;
Rôtes goldes unde guotes
Dar inne ein schoene roere lac [2]).

Онѣ подходятъ къ старцу, пятая колѣнопреклоняется передъ нимъ и подаетъ ему трость,

---

[1]) Birch-Hirschfeld p. 285—288.

[2]) Diu Crône von Heinrich von dem Türlin, hrsg. von Scholl. Stuttg. 1852.

14777 Dâ mite tranc er daz bluot rôt
Uz der cristallen, die sie truoc.

Слѣдуетъ предположить, что Генриху знакомы были два представленія о Гралѣ: ракой и чашей, которыя онъ не примирилъ между собою, какъ то сдѣлалъ авторъ втораго Титуреля, очевидно сплотившій легенду о чашѣ съ преданіемъ о камнѣ, найденнымъ у Вольфрама: чаша явилась у него сдѣланной изъ камня, снесеннаго ангелами на землю:

Ein Schar den gral uf erde bî alten zîten brahte,
Ein Stein in hohem werde, man ein schüzzel dar uz wurken dahte [1]).

Я заключаю изъ этого, что не непониманіемъ обычнаго сказанія, а особой его редакціей слѣдуетъ объяснить у Вольфрама его представленіе о Гралѣ. Былъ-ли его источникомъ загадочный провансалецъ Kyôt, или кто другой, для насъ это безразлично [2]); ясно одно, — что образъ Граля-камня вышелъ не изъ легенды о потирѣ, а изъ другаго, равносильнаго ей преданія. Камень-Граль, снесенный ангелами, напоминаетъ мнѣ сіонское сказаніе о камнѣ, также принесенномъ ангеломъ, камнѣ-алтарѣ, трапезѣ. Что lapsit Вольфрама искажено изъ lapis — въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться; рукописи читаютъ: lapsit, jaspis, lapis и exillis, exilis, erillis, exilix (оттуда во второмъ Титурелѣ: jaspis et cilix!). San Marte предлагаетъ читать: lapis herilis = господень камень; Martin: ex celis, упавшій съ неба [3]). То и другое

---

[1]) Изд. Hahn'a, v. 6172 sqq.

[2]) Такой источникъ, отличный отъ Conte du Graal Chrestien'a, принимаетъ теперь Martin (Zur Gralsage, Strassburg. 1880, p. 18—19, 26—27), не только для Вольфрама, но и для Генриха vom Türlin. Главная цѣль брошюры Мартина — снова привязать сказаніе о Гралѣ къ кельтской сагѣ, кажется мнѣ недостигнутой. — Разумѣется, и моя попытка (Соломонъ и Китоврасъ, стр. 189—199) пріурочить эту легенду къ средневѣковымъ дуалистическимъ толкамъ представляется мнѣ нынѣ неудачной.

[3]) Martin, l. c. стр. 39.

чтеніе можно опереть на варіантахъ текста, то и другое соединимо со смысломъ легенды, почему я и не пытаюсь защитить обычное: exilis, сблизивъ его съ lapidem istum *deformem* Антонина.

Снесеніе съ неба камня-алтаря, трапезы, встрѣчаетъ параллель въ слѣдующемъ преданіи Корана [1]), несомнѣнно выражающемъ установленіе таинства Евхаристіи.

«Вотъ апостолы сказали: Іисусъ, сынъ Маріи, Господь твой можетъ-ли ниспослать намъ съ неба трапезу? — Онъ сказалъ: Бойтесь Бога, если вы вѣрующіе. — Они сказали: Хотимъ вкусить отъ нея, чтобы успокоились сердца наши и мы знали-бы, что говоришь намъ истину, и мы были-бы свидѣтелями ея.— Іисусъ, сынъ Маріи сказалъ: Боже, Господи нашъ, ниспошли намъ съ неба трапезу: она будетъ праздникомъ намъ, первому изъ насъ и послѣднему изъ насъ, будетъ знаменіемъ отъ тебя; напитай насъ, потому что ты наилучшій питатель.—Я ниспошлю её вамъ, но кто изъ васъ послѣ того будетъ невѣрующимъ, того накажу я наказаніемъ, какимъ не наказывалъ никого изъ другихъ міровъ».

Другія мусульманскія легенды разсказываютъ о дѣйствительномъ сосланіи трапезы, уставленной яствами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ рыба — какъ на трапезѣ Граля у de Borron'a. Трапеза эта была впослѣдствіи взята на небо, когда люди согрѣшили, — какъ во второмъ Титурелѣ людскіе грѣхи заставляютъ Граль удалиться на востокъ, въ Индію. Вотъ самая легенда, сообщенная мнѣ барономъ Розеномъ въ переводѣ изъ комментаріевъ Бейдави († 1286) [2]).

«Разсказываютъ, что красная скатерть спустилась между двухъ облаковъ, и они (ученики Іисуса) глядѣли на неё, пока

[1]) Коранъ, гл. 5 («Трапеза»), стихи 112—115, переводъ Саблукова. Казань, 1878 г. стр. 106—112.

[2]) Beidhavii Comm. in Coranum ed. Fleischer, p. 280 ad Sur. 5 v. 115.

она не спустилась на землю передъ ними. И заплакалъ Іисусъ и сказалъ: Господи! сдѣлай меня благодарнымъ! Господи! сдѣлай её (т. е. скатерть) благодатью (для нихъ), а не дѣлай её напастью и наказаніемъ! — Потомъ онъ всталъ и совершилъ омовеніе и поплакалъ; затѣмъ снялъ (со скатерти) платъ и сказалъ: Во имя Бога, лучшаго изъ дарующихъ пищу!—И вотъ (на скатерти очутилась) жареная рыба безъ чешуи и безъ костей, плавающая въ жирѣ своемъ; у головы ея (стояла) соль, у хвоста уксусъ, а вокругъ нея разная зелень кромѣ лука. И (были тамъ) пять плоскихъ хлѣбовъ: на одномъ было деревянное масло, на другомъ — медъ, на третьемъ — масло, на четвертомъ — сыръ, на пятомъ сушеное мясо.—И сказалъ Симонъ: О Духъ Божій! [1]) этого-ли міра эти яства или-же будущаго? — Іисусъ отвѣтилъ: Они ни того, ни другаго. Господь Богъ, слава ему, сотворилъ ихъ своею силою (нарочно для этого случая). Кушайте то, о чемъ просили, и благодарите! И поддержитъ васъ Богъ и пошлетъ вамъ еще больше своихъ милостей. — Тогда они сказали: О Духъ Божій! О если-бы ты намъ показалъ еще чудо въ этомъ чудѣ! — И сказалъ онъ: О рыба! стань живой по повелѣнію Бога! — И она стала живой. Потомъ онъ сказалъ ей: Вернись къ прежнему состоянію! — И она опять стала жареной [2]). —

---

[1]) Одно изъ именъ Іисуса у Мусульманъ.

[2]) Оживленіе рыбы напоминаетъ апокрифическую басню объ оживленіи жаренаго пѣтуха, являющуюся въ иныхъ рукописяхъ Никодимова Евангелія введеніемъ къ нему (въ разсказѣ объ Іюдѣ), извѣстную и отдѣльно (сл. напр. легенду объ оживленной курицѣ въ Пам. стар. русск. лит. I, стр. 217 и Mussafia, Sulla leggenda del legno della Croce p. 206, прим. 1; Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 179—80, къ № 197). Ея связь съ мусульманскимъ преданіемъ о трапезѣ устанавливается при помощи коптской легенды: будто-бы за послѣдней *вечерей* Христа былъ подань жареный пѣтухъ; когда Іюда ушелъ съ вечери, чтобы предать Христа, пѣтухъ, по повелѣнію Господа, ожилъ и послѣдовалъ за предателемъ, объ умыслѣ котораго и повѣдалъ Христу. Сл. Thevenot, Voyages liv. II, c. 75.

Затѣмъ трапеза улетѣла. — Впослѣдствіи они согрѣшили и были обращены въ свиней и обезьянъ.

«Другіе говорятъ: она (трапеза) приходила къ нимъ въ теченіи 40 дней, черезъ день; къ ней собирались бѣдные и богатые, малые и великіе, и ѣли. А когда тѣнь (послѣ полудня) склонялась къ востоку, она улетала, и они глядѣли (ей въ слѣдъ?), въ тѣни ея. И когда бѣднякъ вкушалъ отъ нея, то становился богачемъ на всю остальную жизнь, и больной выздоравливалъ и больше уже не заболѣвалъ. Потомъ Богъ ниспослалъ Іисусу откровеніе: Устрой трапезу эту для бѣдныхъ и больныхъ, исключивъ богатыхъ и здоровыхъ. — И заволновались люди изъ за этого, вслѣдствіе чего 83 человѣка были превращены (въ свиней и проч.).

«Еще другіе говорятъ: когда Богъ обѣщалъ посылать её (трапезу) подъ такимъ условіемъ, люди сами просили избавить ихъ отъ нея и говорили: Мы не хотимъ ея. — И она больше не нисходила».

Сообщенныя нами легенды могутъ вызвать не одно сближеніе съ западно-европейскими представленіями о Гралѣ; намъ эти легенды важны въ данномъ случаѣ лишь по ихъ связи съ символикой сіонскаго камня-алтаря [2]), алатыря, вмѣстѣ съ которымъ мы снова вернемся къ стиху о Голубиной книгѣ.

---

[2]) Не могу не припомнить, въ связи съ сіонскимъ преданіемъ о камнѣ, другаго, однороднаго съ нимъ, о которомъ мнѣ приходилось говорить при другомъ случаѣ (сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II: Берта, Анастасія и Пятница: II Эпистолія о недѣлѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. Мартъ, стр. 50 слѣд.; сл. тамъ же 1877 г. Май, стр. 121—123 и относящуюся сюда главу въ прекрасномъ трудѣ Hăsdeu, Cărtile poporane ale romănilor in secolul XVI, 1880 г. стр. 21 слѣд.). Я имѣю въ виду отреченную статью о посланіи съ неба или Эпистолію о недѣлѣ, извѣстную по крайней мѣрѣ съ VI вѣка, и именно тѣ ея редакціи, въ которыхъ посланіе падаетъ съ неба въ камнѣ (въ греч. и русскихъ текстахъ), либо начертано на дскѣ или дскахъ, снесенныхъ ангеломъ (сирійская эпистолія и флагеллантскіе тексты той-же

IV.

Если мы вѣрно поняли значеніе алатыря, поставивъ его въ связь съ преданіями древняго Сіонскаго храма, то въ первичномъ составѣ стиха на вопросъ:

И которая церковь церквамъ мати?

статьи). Оно объявляется то въ Іерусалимѣ, то въ Римѣ; въ письмѣ карѳагенскаго эпископа Лициніана къ эпископу Винценцію (ок. 584 г.) говорится, что эпистолія de coelo descendit super altare Christi in memoria S. Petri apostoli (sc. exstructum), т. е. на Христовъ алтарь въ церкви св. Петра. Фабриції толкуетъ, согласно съ нѣкоторыми текстами посланія: sc. in templo in memoriam S. Petri *Romae* exstructo. Такъ-ли именно было въ подлинникѣ статьи — мы не знаемъ; редакція ея, осужденная на Ахенскомъ соборѣ 745 г., говоритъ о небесномъ посланіи, упавшемъ въ Іерусалимѣ и лишь позднѣе отправленномъ въ Римъ «ad locum sepulcri Sancti Petri»; флагеллантскіе тексты пріурочиваютъ появленіе эпистоліи прямо *къ Іерусалиму и алтарю св. Петра.* Можетъ быть, здѣсь произошло смѣшеніе двухъ локализацій; напомню, во всякомъ случаѣ, церковь ап. Петра на Сіонѣ. Къ ап. Петру обращено и самое посланіе въ текстахъ Амадуччи и чешскомъ. Не здѣсь-ли объясненіе одного эпизода въ романѣ De-Borron'a: письмо съ неба объявляется при Гралѣ и вручено какому-то Петру, который несетъ его въ далекія страны запада?

Въ эпистоліи о недѣлѣ, приведенной Рожеромъ de Hovedene подъ 1200 г., посланіе «de coelo venit in Jerusalem, et inventum est super altare Sancti Symeonis, quod est in Golgotha, ubi Christus crucifixus est pro peccatis mundi». Церковь св. Симеона на Голгоѳѣ мнѣ неизвѣстна; если она является въ двухъ анонимныхъ старосѣверныхъ описаніяхъ Іерусалимскихъ святынь, то, вѣроятно, подъ вліяніемъ отреченной статьи: на Голгоѳѣ «*er altari sancti Simeonis;* þar kom ofan brefit gullritna»; «þar staðr Simeons kirkja, ok þar er varðveitt *handleggr* hans yfir altari; ok þar com ofan brèf, þat er sjálfr Drottinn ritaði sínum höndum gullstöfum um hinn helga sunnudag» (Antiquités russes II, p. 417 и 421). Замѣтимъ, что «le bras saint Simeon» находилась въ числѣ святынь, будто-бы подаренныхъ константинопольскимъ патріархомъ Карлу Великому (сл.

отвѣтъ могъ быть такой: Сіонская, первая, апостольская, мать всѣхъ церквей. — Стихъ отвѣчаетъ:

Во святомъ во градѣ въ Ерусáлимѣ
Стоитъ церковь сааборная
Сааборная, богомольная;
Во святой церкви въ соборныя
А стоитъ гробница бѣлокаменная,
Почиваютъ ризы самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго.
. . . .
Потому церковь всѣмъ церквамъ мати

(Безсоновъ, Калѣки I, стр. 271, № 76). Такъ и въ другихъ пересказахъ: въ № 80 l. c. церковь названа:

церковь соборная
Святой Святыни Богородицы
. . . .
Пребываетъ въ церкви Господень гробъ,
На воздусѣхъ стоитъ онъ вознесенъ,
Ѳиміамъ, ладонъ курятся,
Свѣщи горятъ неугасимыя.

Charlemagne ed. Fr. Michel, v. 163; id. въ изданіи Koschwitz'a). — Церковь св. Симеона упоминаетъ на Сіонѣ Бернардъ, помѣщающій въ ней, въ числѣ другихъ воспоминаній, обыкновенно пріурочиваемыхъ къ Сіонской церкви, и омовеніе ногъ и успеніе Богородицы. Tobler (Topogr. II, стр. 106; сл. стр. 174 и прим. 7) предположилъ, что названіе церкви могло пойти отъ Симона-Петра, перваго, обратившагося съ рѣчью къ Спасителю во время омовенія ногъ; позднѣе (Descr. p. 93 и прим. 407) онъ предложилъ читать въ текстѣ Бернарда: Sancta Sion вм. Sancti Simeonis. Сближеніе послѣдняго имени съ воспоминаніями древняго Coenaculum даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ сопоставленіямъ: въ одной миніатюрѣ (IX вѣка) къ рѣчи Григорія Богослова на *Пасху* представленъ *домъ Симеона*, съ Маріей Магдалиной, *символической рыбой* въ сосудѣ на столѣ и Іюдой, сидящимъ отдѣльно, задомъ къ зрителю (Кондаковъ l. c. стр. 178), — а въ романѣ De-Borron'a событія омовенія ногъ и тайной вечери съ Маріей Магдалиной и Іюдой перенесены въ *домъ Симона прокаженнаго*.

Иначе — это церковь *Святой Святыхъ Богородицы* — и Христова Воскресенія (l. c. № 81), или *Соборъ-церковь*, гдѣ на престолѣ на Божественномъ, въ бѣлокаменной гробницѣ, почиваютъ Господни ризы (ib. №№ 82, 87), либо въ ней

Висятъ мощи на воздусіи
Самого Христа царя небеснаго,
Потому церьква всѣмъ церквамъ отецъ:
Отъ той церкви отъ соборныя,
Отъ соборныя, богомольныя,
Отъ её службы всѣ служутся,
По усей землѣ, по всей вселенныя
По всему міру на умоленіе (l. c. № 84).

№ 89 сообщаетъ, что церковь, церквамъ мать,

Святая Святыхъ Іерусалимская:
Потому что стоитъ въ ней гробъ Господень,
А длина той церкви поперекъ пятьдесятъ сажёнъ,
И сто въ ней престоловъ [1]).

Упоминаніе Гроба Господня, встрѣчающееся во всѣхъ пересказахъ стиха, можетъ повести къ предположенію, что дѣло идетъ о церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ, либо что стихъ отразилъ впечатлѣніе ходившихъ о ней фантастическихъ разсказовъ — если въ образѣ гробницы «на воздусяхъ» не отразилось представленіе о подвѣшенномъ циборіи съ дарами. — Не отрицая возможности указаннаго вліянія, я полагаю, тѣмъ не менѣе, что въ описаніе Соборъ-церкви примѣшалась и апостольская церковь на Сіонѣ, мать церквамъ, съ извѣстными намъ

[1]) Особо стоитъ показаніе Іерусалимской Бесѣды: «а церковь церквамъ мать соборная София Премудрость Божия, да в той ли церкви стоитъ гробъ Господень» (Пам. стар. русск. лит. II, 308). Но ранѣе (ib. 307): въ Іерусалимѣ «будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия о седмидесяти верхахъ, сирѣчь *Святая Святыхъ*».

воспоминаніями о тайной вечери, успеніи Богородицы, ап. Іоаннѣ. Къ этому ведетъ меня и то соображеніе, что описаніе духовнаго стиха отвѣчаетъ на вопросъ: *какая церковь церквамъ мати*, и въ отвѣтъ говорится, что отъ нея *«служатся службы по всей земль»*; и названіе церкви *Соборомъ* и *Богородичной*. Первое отвѣчаетъ старому наименованію Сіонской *базилики*, второе тому, которое утверждается за нею въ эпоху крестовыхъ походовъ: *церковь Св. Маріи* — и выразилось въ символическихъ изображеніяхъ Сіона скалистой горой, на которой стоитъ домъ съ Богородицей и Младенцемъ, либо горой, на вершинѣ которой въ медальонѣ помѣщена икона Знаменія Божьей Матери: на медальонъ исходитъ сіяніе, въ которомъ изображенъ Духъ Святой въ видѣ голубя; послѣднее изображеніе встрѣчается при текстѣ: Избра колѣно Іюдово, Гору Сіоню юже възлюби. Пс. 77 [1]).

Затрудненіе при этомъ толкованіи представляетъ гробница Господня, стоящая въ этой церкви, на алтарѣ, на воздусяхъ, съ ризами, мощами Господа. Но это тотъ-же образъ, что и въ духовномъ стихѣ, распространенномъ въ разнообразныхъ варіантахъ: о Сіонской церкви съ тремя стоящими въ ней гробами:

---

[1]) Буслаевъ, Очерки II, стр. 210—211. Я выберу изъ книги проф. Кондакова (стр. 123, 196, 243) изображенія Сіона въ миніатюрахъ рукописей: онъ представляется въ видѣ высокой башни, въ окнѣ которой видѣнъ Христосъ, либо скалистой горой, на которой домъ съ Богородицей и Младенцемъ, или же съ иконою Знаменія; подъ горой изображаются Давидъ, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ или даже Самуилъ, помазающій Давида; или-же самъ Христосъ стоитъ передъ зданіемъ на Сіонѣ, а въ окнѣ видна царица Сіона, и гора эта утверждена надъ адомъ съ низверженнымъ діаволомъ. Эта-же гора становится и тою скалою, изъ которой Моисей извелъ воду, ибо на ней въ сценѣ изведенія изображенъ сидящимъ Христосъ, а надпись одной миніатюры гласитъ: ἡ δὲ πέτρα ἦν ὁ Χριστός.—Рядомъ съ Сіономъ, съ изображеніемъ Эммануила и сонма ангеловъ, — стоитъ столпъ Вавилонскій; онъ валится, а отъ него въ четыре края свѣта расходятся четыре группы народовъ. — Иначе Сіонъ изображается въ видѣ коробовой трехнефной церкви съ тремя абсидами и иконою Знаменія надъ дверью.

На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ
Стояла церковь апостольская,
Въ той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Въ первомъ гробѣ Святая Дѣва,
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ.
Надъ Святою Дѣвою цвѣты разцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Поютъ пѣсни архангельскія;
Надъ Іоанномъ Богословомъ поютъ ангелы,
Поютъ ангелы, все архангелы;
Надъ Іисусомъ Христомъ свѣчи теплятся [1]).

Варіанты этого стиха связываютъ его образы съ «хожденіемъ» Богородицы, ищущей Христа, съ построеніемъ Сіонской соборъ-церкви. Всѣ они перешли въ малорусскія и галицкія колядки.

Какъ создалось такое причудливое представленіе Сіонской церкви?

Образъ гробницы І. Христа я объясняю себѣ изъ символики престола, алтаря сіонскихъ преданій, понятаго не какъ βῆμα, а какъ τράπεζα, алтарная плита, алатырь древне-русскаго повѣрья. Престолъ — это трапеза тайной вечери, на которой впервые были принесены въ жертву тѣло и кровь Христовы; вмѣстѣ съ тѣмъ — это гробница Христа, «σεβάσμιον μνῆμα», изображающая «τὸν Χριστὸν ἐσφαγμένον καὶ ζῶντα καὶ νοητῶς ἐκεῖσε θυόμενον κείμενον καὶ ἀπαύστως ἱερουργούμενον»; «τὸ μνῆμα Χριστοῦ δηλοῦσα, καὶ τὸ διὰ τοῦ πάθους μυστήριον, ἐν ᾧ καὶ ἡ παγκόσμιος καὶ ζῶσα τελουμένη θυσία· καὶ ὡς Θεὸς μὲν ἀναπαυόμενος ὁ Σωτήρ, ὡς ἄνθρωπος δὲ θυόμενος, καὶ διὰ τοῦτο μέσον

---

1) Безсоновъ, Кал. II, стр. 248, № 400; сл. варіанты къ этому мотиву ib. стр. 238 слѣд. и мою замѣтку: Объ одномъ мотивѣ Рождественскихъ колядокъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февраль, стр. 248—52.

πᾶσι προκείμενος εἴς τε θεωρίαν καὶ ἀπόλαυσιν τῶν οἰκείων»[1]).— Эти символическія отношенія, понятыя въ чертахъ реальности, могли вызвать представленіе о *гробѣ* съ тѣломъ Господа (какъ въ потирѣ Граля присутствовала Его пречистая кровь); къ такому-же образу сводилась и память объ успеніи Богородицы на Сіонѣ: успеніе смѣшано съ погребеніемъ въ Іосафатовой долинѣ, какъ, наоборотъ, въ русскихъ стихахъ о снѣ Богородицы оно понято, какъ ея сонъ, на престолѣ или за престоломъ, въ «апостольской церкви»,

Въ городѣ Ерусалимѣ
На камнѣ на Сіонѣ.

(Безсоновъ, Кал. II, № 619 и 617) [2]). — Что Іоаннъ Богословъ явился третьимъ въ этой связи — понятно на почвѣ сіонскаго преданія.

Такъ объясняются, по моему мнѣнію, и три гроба Духовной пѣсни, и гробница Спасителя въ Соборъ-церкви русскаго стиха, и, быть можетъ, *сіонская* локализація повѣрья, о которомъ говоритъ Фабри[3]); оно привязалось къ колодцу у нынѣшней мечети, откуда, по преданію, разошлись апостолы, и къ стѣнѣ, окружавшей когда-то, въ пору франкскаго владычества, Сіонскій храмъ: магометане и восточные христіане связывали суевѣрныя представленія съ фиговымъ деревомъ и грудой камней, которые тамъ находились. Каждый день приходили туда Сарацинскія жены, жгли ладонъ и зарывали хлѣбы, потому что гробница Христа находилась, будто-бы, въ этомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ поставленъ храмъ Гроба Господня: «imo eandem ecclesiam et sepul-

---

[1]) Symeon Thessalonicensis l. c. De sacra liturgia cap. XCVIII, p. 292, 293; ib. De sacro templo c. CXXXII, p. 340; сл. ib. Expositio de divino templo c. 14, p. 706.

[2]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, Апрѣль: Сонъ Богородицы и сводныя редакціи эпистоліи.

[3]) l. c. стр. 275; сл. Topogr. II, стр. 134, прим. 7.

chrum in ea spernunt et non ibi, sed hic Jesu sepulchrum quaerunt, dicentes: quod ille quidem inferius sepultus fuit, qui crucem sustinuit, quem Judaei aestimabant esse Jesum, qui tamen non erat, sed alius pro eo captus et occisus fuit, ipso evadente, cum esset filius Dei et Virginis, et posset evadere. Et hic moriens cum pace in hoc loco sepultus fuit, ibi ejus adjutorium advocant».

Я могъ-бы припомнить, по этому поводу, за Одорикомъ, Игнатіемъ и другими, другую церковь на Сіонѣ, съ камнемъ отъ пещеры *Гроба Господня*, служившимъ вмѣсто престола. Но я полагаю, что не это именно реальная черта вызвала представленіе чудеснаго алатыря — и гробницы съ ризами или мощами Господа, вышедшія изъ одного и того-же круга идей и мирно ужившіяся въ энциклопедіи Стиха о Голубиной Книгѣ. Алатырь и Граль принадлежатъ одному кругу символическихъ «воплощеній», которыми богата была фантазія средневѣковаго христіанина: алатырь вышелъ изъ символики алтаря-трапезы, Граль изъ символики чаши — и алтаря, если я вѣрно истолковалъ представленіе о немъ у Вольфрама von Eschenbach. Образъ Граля нашелъ условія развитія, которыя довели его до поэтической и мистической апоѳеозы; алатырю не посчастливилось, и отъ христіанскаго представленія онъ понемногу спускается къ фетишу. Современные русскіе заговоры разскажутъ намъ его исторію: въ началѣ онъ еще близокъ къ алатырю-алтарю, еще лежитъ *на Сіонской горѣ*, а на немъ соборная, *апостольская церковь* [1]; далѣе онъ очутился на островѣ, — но это островъ Божій, и на алатырѣ стоитъ золотая, *апостольская церковь* съ золотымъ престоломъ, а на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ-архангелъ, Иванъ Богословъ и т. п.; либо на камени на латырѣ стоитъ Мати пречистая Богородица, Илья пророкъ, сила небесная. Позднѣе остается болѣе или менѣе обстановка (поле, болото, океанъ и т. п.), но

[1]) Майковъ, Великорусскія заклинанія № 211.

лица являются другія: Матерь Божія съ двумя сестрицами, бабушка Соломонія, царица Ирода царя — Соломія, три брата родимые, либо два орла орловича, два брата родные; невѣдомый стрѣлецъ и красная дѣвица; мужъ желѣзенъ царь; наконецъ — самъ Сатана; алатырь попадаетъ въ заговоръ отъ змѣинаго укуса и въ повѣрье, что змѣи лижутъ его и отъ того бываютъ и сыты и сильны и т. д.

Церковь на Сіонской горѣ также подверглась превращеніямъ: моравская пѣснь замѣнила её монастыремъ, онъ стоитъ на (въ?) бѣломъ камнѣ (бѣлъ-горючь камень Алатырь?), но въ немъ еще находятся три гроба и прежнія лица упоминаются, часто заслоняемыя, впрочемъ, другими:

Šel jsem, našel sem kamýnek bílý,
A v têm kamýnku klášter stavený,
A v tem klášteře tři lože stojí:
Na prvním loži sám pán Bůh leží,
Na druhém loži Maria leží,
Na třetím loži svatý Ján leží.
Nad pánem Bohem anděli hrajú,
Nad pannú Marjú svíce hořijú,
Nad svatým Jánem růže rozkvetá,
A z tey růžečky vtáček vylítá.
To není vtáček, to je syn Boží
Co v celém světě každý lid stvořil [1]).

Это — послѣдніе отголоски сіонскаго преданія.

---

[1]) Sušil, Moravské národní písně № 40, стр. 47.— Птичка, вылетающая изъ розы, встрѣчается, какъ извѣстно, и въ бѣлорусскихъ, малорусскихъ и польскихъ колядкахъ того-же содержанія. (Объ одномъ мотивѣ рожественскихъ колядокъ l. c. p. 248—9). Каково значеніе этого образа? Символъ-ли это воскресенія (вознесенія), возможный въ колядкахъ, или рождества? Въ саду одного изъ волхвовъ, Валтасара, *при рожденіи Спасителя*, голубь вылетѣлъ изъ цвѣтка, что былъ прекраснѣе розы. Heinr. v. Neustadt, Apollonius etc. ed. Strobl, p. 141. — Сл. въ Vita B. Mariae Virginis et Salvatoris metrica (XII—XIII) пятнадцатое знаменіе, бывшее о Рождествѣ Спасителя: изъ ствола бальзама выростаетъ голубь.

V.

Остается сказать нѣсколько словъ объ алатырѣ на Ѳаворѣ, куда помѣщаютъ его нѣкоторые пересказы стиха о Голубиной Книгѣ и былины о Васильѣ Буслаевѣ — тамъ и здѣсь съ Адамовой головой. Можно усмотрѣть въ этомъ обстоятельствѣ — позднее пѣсенное смѣшеніе, если бы не показалось удовлетворительнымъ слѣдующее толкованіе, объясняющее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и образъ креста на Ѳаворѣ Голубиной книги.

Мельхиседекъ, священникъ Бога Вышняго, является въ Новомъ Завѣтѣ прообразомъ первосвященника Христа, принесенная имъ безкровная жертва — прообразомъ таинства Евхаристіи. Эвтихій Александрійскій разсказываетъ, что Ной, умирая, завѣщалъ сыну своему Симу тайно взять изъ ковчега тѣло Адамово, взять въ дорогу хлѣба и вина, пригласить съ собою Мельхиседека и вмѣстѣ отправиться подъ руководствомъ ангела къ мѣсту, гдѣ они должны будутъ похоронить Адама: это мѣсто — средина земли, т. е. *Голгоѳа*[1]). Здѣсь поселяется Мельхиседекъ; по завѣту Ноя онъ не имѣлъ жены, всю жизнь проводилъ въ благочестіи, не строилъ себѣ дома, не проливалъ въ томъ мѣстѣ крови животнаго и не приносилъ Богу никакой другой жертвы, кромѣ хлѣба и вина. — Здѣсь онъ встрѣтилъ Авраама и благословилъ его; — такъ и у Антонина; — здѣсь-же совершилось, по преданію, восходящему къ блажен. Іерониму (Augustini Sermo 71 de tempore) и перешедшему въ древніе путевые разсказы

---

[1]) Преданіе о томъ, что Іерусалимъ и, спеціальнѣе, Голгоѳа, лежитъ въ средоточіи земли, довольно древнее, встрѣчающееся у Кирилла Іерусалимскаго, Эвтихія и др. Иногда въ томъ-же значеніи называютъ Сіонъ (Dante, Purg. IV, v. 67 sqq.; cл. Inf. XXXIV v. 112 sqq.), или даже Сіонскую гору, «che in mezzo al mondo appunto si divisa» (Dittamondo, l. VI, cap. VII).

(Breviarius, Өеодосій[1]), Антонинъ, Аркульфъ, Даніилъ, Saewulf),— другое ветхозавѣтное прообразованіе крестной жертвы: принесеніе въ жертву Исаака Авраамомъ: Kootwyc (1596) помѣщаетъ послѣднее событіе у Голгоөы рядомъ съ *алтаремъ* Мельхиседека[2]); гробъ Мельхиседека и главу Адамову видѣлъ у Голгоөы русскій купецъ Василій (1466 г.)[3]).

Рядомъ съ этимъ пріуроченіемъ существовало другое: пребываніе Мельхиседека и встрѣча его съ Авраамомъ отнесены въ сказаніи, приписанномъ Аөанасію Александрійскому, извѣстному и въ славянскомъ переводѣ — на *Өаворъ*. Здѣсь Мельхиседекъ пробылъ семь лѣтъ въ лѣсной чащѣ, сюда Господь послалъ къ нему Авраама, которому Мельхиседекъ подалъ «чашу нерастворенную и предложилъ отломокъ хлѣба...., почему и нынѣ онъ уподобляется Сыну Божію, не по благодати, а потому, что первый былъ образомъ приношенія безкровной жертвы»[4]). — Память объ этомъ событіи встрѣчается у палестинскихъ путешественниковъ; Іоаннъ Вюрцбургскій[5]) говоритъ, по поводу Өавора, о томъ, что здѣсь Мельхиседекъ предложилъ Аврааму «panem et vinum, quod figurat altare Christi sub gratia»; Даніилъ[6]) упоминаетъ на верху Өавора малую островерхую горку, на которой преобразился І. Христосъ и гдѣ создана была впослѣдствіи церковь Преображенія: «и то есть была первая епис-

---

[1]) Itin. p. 63: *mons Calvaric*, ubi Abraham obtulit filium suum in holocaustum; сл. p. 64: monticulus, *Moria* dictus, in quo Abraham immolavit Isaac.

[2]) Itinerarium Hierosolymitanum et Syriacum 186.

[3]) Буслаевъ, Истор. христоматія, стр. 751; сл. Пономарева, Іерусалимъ и Палестина, стр. 5.

[4]) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 105 слѣд.; сл. стр. 108—109 и 118; сл. его-же: Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по ркп. Соловецкой библ. р. 181—5.

[5]) Descr. p. 112; сл. Burchard'a, Ricold'a, Санута и др.

[6]) Норовъ, l. c. стр. 127—9.

koniа»; «in hac quoque primitus missae officium fertur celebratum», говоритъ Теодорихъ, перенося на Θаворскую церковь (въ связи съ памятью о Мельхиседекѣ), что обыкновенно разсказывалось о Сіонской [1]). На Θаворѣ-же Даніилъ видѣлъ пещеру, на днѣ которой «святая трапеза стоитъ, на ней-же Мелхиседекъ царь *жрътву сътворяеть* Богови хлѣбомъ и виномъ», здѣсь онъ жилъ и навѣщенъ былъ Авраамомъ, «и изнесе хлѣбъ и вино и създа *жрътовникъ* Богови въ печерѣ той, и сътвори жрътву Мелхиседекъ, царь Салимскій, Богови хлѣбомъ и виномъ, и абіе взятся жрътва на небо къ Богу.... и есть до днешняго дни *трапеза та святая* въ печерѣ той, и нынѣ ту *приходитъ* святый Мелхиседекъ и *литургисаетъ* въ печерѣ той святой на той трапезѣ» [2]).

Этотъ алтарь-трапеза, можетъ быть, послужитъ къ объясненію Θаворскаго алатыря; мертвая голова указываетъ, вѣроятно, на сближеніе Θаворскаго и Голгоѳскаго преданій о Мель-

---

[1]) Tobler, Theodorici libellus de locis sanctis, ed. circa A. D. 1172, p. 103.

[2]) Въ «Стязаніи съ Латиною», приписанномъ кіевскому митрополиту Георгію (ок. 1062—1079 г.), вслѣдъ за обвиненіемъ Латинянъ, что они «ни чьтять *святаго олтаря* болѣ, яко же пріяхомъ и научихомся отъ святыхъ, а прибожьнокъ придверіе въ иномъ чину имѣемъ...; а ти *святый олтарь* тако именують, яко и прибожьникъ» — стоятъ непосредственно слова: «о сей бо древней божественнѣй святѣй службѣ Богоотець Давидъ Духомъ Святымъ предзря, рече: Ты еси іерей во вѣкы по чину Мелхиседекову». А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ (М. 1875) стр. 90 находитъ въ послѣднихъ словахъ — обвиненіе противъ Латинянъ въ употребленіи ими, при таинствѣ Евхаристіи, опрѣсноковъ, и, такъ какъ въ «Стязаніи» говорилось о томъ-же выше, заключаетъ, что упоминаніе Мельхиседека вставлено позднѣйшими переписчиками изъ Толковой Палеи. Оно, дѣйствительно, не вяжется съ предъидущимъ — идеей опрѣсноковъ; но связь могла быть другая, затемненная въ крайне испорченномъ текстѣ (стр. 82): память о Мельхиседекѣ могла быть вызвана словами: «не чьтять святаго олтаря».

хиседекѣ [2]); леванитовъ крестъ на Ѳаворѣ въ стихѣ о Голубиной книгѣ можно-бы сблизить съ крестнымъ древомъ, которое по нѣкоторымъ западнымъ легендамъ именно тамъ посажено было Моисеемъ; тамъ-же, наконецъ, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, искать и заповѣдный камень, черезъ который скачетъ Василій Буслаевъ. Та редакція былины, которая переноситъ ея развязку на Сіонъ, встрѣчаетъ поддержку въ сіонскомъ камнѣ «претыканія» (λίθος προσκόμματος), о который претыкаются невѣрующіе, какъ то сталось съ Васильемъ: не вѣрилъ онъ «ни въ сонъ, ни въ чохъ», а вѣрилъ лишь «въ свой червленой вязъ» (Кирша Даниловъ № XVIII).

---

[2]) Апокрифическія легенды объ Адамѣ, распространенныя въ славянской писменности, не говорятъ о погребеніи его тѣла Мельхиседекомъ, но согласны съ голгоѳской локализаціей. Въ Словѣ о трехъ крестныхъ древахъ, приписанномъ Григорію Богослову, Адамову главу находитъ *Соломонъ* и ставитъ её «посреди града», т. е. вѣроятно вблизи Голгоѳы, согласно съ представленіемъ Іерусалима, а въ немъ Голгоѳы, какъ средоточія земли. (Сл. Тихонравовъ, Пам. I, стр. 307, сл. 312). Тоже въ сводѣ апокрифическихъ легендъ, напечатанномъ Ягичемъ (Opisi i izvodi I, стр. 88—89) и А. Поповымъ (Первое прибавленіе къ Описанію ркп. и т. д. библіотеки А. И. Хлудова, стр. 37), гдѣ *І. Христосъ* находитъ Адамову главу, которую воды Іордана вынесли изъ его гроба «прѣмо раю» (въ текстѣ Ягича; «при мори» у Попова), и велитъ погрести ее на Голгоѳѣ. Первое погребеніе Адама «прѣмо раю» отвѣчаетъ эпизоду Слова о крестномъ древѣ («въ едемѣ великомъ» Тихонравовъ 311; сл. Порфирьевъ, Апокр. сказ. Солов. библ. стр. 98; Поповъ 63, 65); въ Исповѣданіи Еввы (Тихонравовъ l. с. I, 303) Адамъ погребенъ на мѣстѣ рекомомъ «герусии блато» (εἰς τὴν ἀχέρουσαν λίμνην), но въ греч. текстѣ Апокалипсиса Моисея тамъ лишь омыто тѣло Адамово, похороненное потомъ «εἰς τὰ μέρη τοῦ παραδείσου».

Замѣтка къ стр. 17—21. Мозаика въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины на Сіонѣ, недавно описанная С. А. Усовымъ (Москва, 1879) и относимая имъ къ 527 году, представляетъ одно изъ древнѣйшихъ символическихъ соединеній Синайскаго и Хоривскаго событій: справа Моисей, получающій скрижали отъ Десницы Божіей, слѣва — онъ-же передъ Купиной, на которую указываетъ рука Божія, не правая, а лѣвая. Оба изображенія, занимающія верхъ синайской мозаики, раздѣлены другъ отъ друга окнами, но поняты какъ цѣлое: руки принадлежатъ одному и тому-же, не изображенному далѣе, лицу.— Слѣдующая живописная подробность еще тѣснѣе связываетъ оба эпизода: передъ Купиной, представленной въ видѣ куста съ разбросанными по немъ розовыми пятнами, стоитъ Моисей и разувается, поставивъ ногу на камень; за его спиною скала, «которую по странной забывчивости художника *не довелъ до земли*, и между ногъ Моисея просто золотой фонъ», замѣчаетъ г. Усовъ. Причина недописанности, вѣроятно, другая: извѣстно преданіе, что когда Моисей бесѣдовалъ съ Господомъ на Синаѣ, камень поднялся на воздухъ, такъ что покрылъ Моисею голову (сл. выше стр. 20 и прим. 1). Этотъ моментъ и изображенъ на мозаикѣ; важно то, что художнику онъ припомнился по поводу Неопалимой Купины, не въ связи съ событіемъ на Синаѣ, которое онъ-же представилъ рядомъ. Это — живописный комментарій къ зосимовымъ камнямъ, принесеннымъ «отъ мѣста, еже ся зоветъ Купина Неопалимая».

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

IV.

СОНЪ О ДЕРЕВѢ ВЪ ПОВѢСТИ ГРАДА ІЕРУСАЛИМА И СТИХѢ О ГОЛУБИНОЙ КНИГѢ.

I.

Русскія былины разсказываютъ о невиданной роскоши, которой хвастаетъ при дворѣ Владиміра, взапуски съ Чурилой, пріѣзжій богатырь Дюкъ Степановичъ. Роскошь является въ формахъ фантастическихъ; извѣстно описаніе пуговицъ на драгоцѣнной одеждѣ Дюка:

Въ петелки-ты вплетано по красноей по дѣвушкѣ
А и въ пуговки-ты вливано по доброму по молодцу.
Какъ застёнутся, такъ и обоймутся,
А й ростёнутся, такъ поцѣлуются

(Гильф. № 85, стр. 527; сл. Рыбн. I, № 48, стр. 290).

Въ былинѣ, вѣроятно по обмолвкѣ пѣвца, тѣ-же диковинныя пуговицы приписаны и Дюку и Чурилѣ. Вѣрнѣе у Рыбн. IV, № 10, стр. 55: у Чурилы «Въ пуговкахъ вплетены добрые молодцы, Въ петелкахъ красныя дѣвушки, А у молода боярина Дюка Степановича Въ пуговкахъ-то звѣри лютые, Въ петелкахъ-то змѣи лютыя». (Сл. Гильф. № 225, стр. 1076).

Чурила соперничаетъ съ Дюкомъ:

Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки,
Плыветъ Змѣище-Горынчище.

Дюкъ дѣлаетъ тоже, съ еще болѣе чудеснымъ результатомъ:

Вдругъ запѣли птицы пѣвуціи,
Закричали звѣрки вси рыкуціи.

(Рыбн. I № 49, стр. 303—4; сл. Гильф. № 9, стр. 88—9; № 152, р. 780—1; № 159, стр. 823—4); либо отъ пуговицъ идетъ «стонъ змѣиный» (сл. Рыбн. I сказку, стр. 311); иначе:

Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
Во пуговки-то было влито по лютому звѣрю,
По петелкамъ какъ поведетъ,
Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову,
По пуговкамъ какъ поведетъ,
Тутъ всѣ люты звѣрья закрычатъ во всю голову.

(Рыбн. II, № 30, стр. 179; сл. III, № 29, стр. 159)

Какъ поведетъ по пуговкамъ,
Такъ заграютъ черные вороны
И закукуютъ малыя пташечки,
Сѣрыя уточки невеличушки (ib. III, стр. 187).

Всѣ эти образы могутъ показаться результатомъ народной амплификаціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны быть древними по своей основѣ. Средневѣковыя нѣмецкія поэмы полны такихъ диковинокъ [1]). На *шлемѣ* Laurin'а искусственныя, хитро сдѣланныя птицы поютъ точно живыя [2]); еще хитрѣе шлемъ, описанный въ Оренделѣ:

[1]) Сл. сопоставленіе ихъ въ статьѣ Zingerle, Der goldene Baum in mittelhochdeutschen Gedichten, въ Germania VII, p. 101—110. Сл. Zarncke, Der Graltempel, p. 493—5, прим. къ str. 104 sqq.

[2]) Laurin въ Deutsches Heldenbuch I, v. 219—224.

Dar uf swebte also schon
ein güldine kron.
Dar in was gegozzen ein linden dolde
von schonem reinen golde.
An der linden was manig bletlin,
dar an swebte ein güldin veglin.
da was mit zouber gewürkt dar in
ein blasbalk mit sehs rören güldin.
Wan der rise den blasbalk tranc,
do horte man der vogel sanc
reht als ob si lebten
und in den lüften swebten.
In der linden was gewürkt ein rat,
also uns dis buch noch sagt,
mit tusent güldinen schellin vin.
Was mochte kluger do gesin!
Wan der wint von dem blasbalk wat
und das rat umbe trat
und die schellen klungen
und die vogel sungen,
wer do gewesen aller seiten spil,
so kund es dem nit glichen zil.
Under der linden ouch gestrecket lac
ein löuwe und ein trac,
ein ber und ein eberswin,
was möhte kluger do gesin!
Dar an stunt der wilde man,
für wor ich uch das sagen kan,
von golde, reht als er lebte
und gegen den lüften strebte [1]).

Въ той-же поэмѣ [2]) описывается чудесное *копье*, съ поющими въ немъ птицами, которое мы встрѣчаемъ и въ Virginal'ѣ [3]) вмѣ-

---

[1]) Orendel ed. Hagen s. 36, цит. у Zingerle l. c. 104—5.

[2]) ed. Hagen s. 29, у Zingerle l. c. 105.

[3]) Virginal ed. Zupitza въ Deutsches Heldenbuch V, str. 6 и 33. Ср. Zingerle l. c. 106 = Dietrich und seine Gesellen.

стѣ съ описаніемъ wâfenroc, напоминающимъ поющія петелки и пуговки русскихъ былинъ:

str. 34 Sîn wâfenroc der ist sô guot,
daz er wol ahzec marke tuot,
von arâbîneme golde.
er ist mit sîden wol durchnât:
manc rîlich berte dar ûf stât,
daz nie kein keiser solde
vüeren alsô rîche wât
als dâ der heiden vüeret,
diu sîme lîbe wol an stât.
Swâ er die este rüeret,
daz erklinget und gît liehten schîn:
swâ er des waldes hin gerît,
dâ êrnt in alliu vögelîn.

str. 36 . . . .
sîn gezierde ist manecvalt.
swâ er die este rüeret,
daz erklinget als ein glocke tuot,
die man des nahtes schellen hoert. . . . . .

На щитѣ (wâfen?), описанномъ въ Crône Генриха von dem Türlin (v. 10542 sqq.), находился золотой левъ, точно живой, готовящійся сдѣлать прыжокъ, съ зіяющей пастью, откуда слышится ревъ при дуновеніи вѣтра [1]).

Особенно любимымъ въ средневѣковой романтикѣ былъ образъ искусно сдѣланнаго дерева съ поющими на его вѣткахъ механическими птицами. Онъ встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ Wolfdietrich'a и въ большемъ Rosengarten'ѣ [2]). Я приведу выдержки изъ первыхъ [3]):

---

[1]) Цит. Zingerle l. c. 106—7.

[2]) Zingerle l. c. 101—2, 104.

[3]) Deutsches Heldenbuch III, p. 250 (Wolfdietrich B); IV, p. 79 (Wolfdietrich D); III, p. 155 (дрезденская ркп. K).

str. 555 Si nam in bî der hende und wîst in in einen sal,
der was von marmelsteine, und lûchte über al.
dar inne stuont ein linde, diu was guldîn gar,
als si der heiden freissam hete gezoubert dar.

556 Wol zwêne und sibenzic este nam er an der linden war,
die vogel, die dar ûf stuonden, die wâren guldîn gar,
sie wârn gemacht mit listen und wâren innen hol:
als sie der wint durchwâte, ir stimme diu sanc wol (Wlfd. B).

Дрезденскій текстъ K str. 263 говоритъ лишь о двадцати четырехъ вѣткахъ дерева; подробнѣе D:

str. 48 Ein linde was gegozzen ûf dem palas rîch:
obenan saz in den schozzen manec vogel minneclîch,
die wârn ergraben waehe mit manegem edeln gestein.
das werc was alsô spaehe mit edelen berlîn klein.

49 Durch den stam veste manec rôr von silber gienc
ûf bis an die este, daz ie ein vogel gevienc.
daz was alsô gerihtet: zwên blâsbelg wâren dar
mit meisterschaft gerihtet mit wîzem silber klâr.

50 Als man die belge ruorte bî der linden rîch,
den wint sie balde fuorten in die roeren wünneclîch:
der begunde danne dringen durch die roeren hol
und die vogele twingen daz sie alle sungen wol.

51 Under der linden schoene sach man ein tavel stân,
die man sol billîch kroenen: diu was sô wol getân
von wîzem helfenbeine. ein sidel gerihtet was
von rôtem marmelsteine, dâr ûf wol tûsent ritter saz.

52 Alsô ze hôchgezîten Beliân ze tische gie
in dem palas wîte, der heiden niht enlie,
er hiez zwên ritter freche die belge ziehen zehant:
dô dienten im ze tische die vogele alle sant.

Въ основѣ подобныхъ описаній могли лежать дѣйствительныя чудеса средневѣковой механики, быстро ставшія предметомъ ле-

генды, которая, въ свою очередь могла давать краски для ихъ изображенія. При дворѣ халифовъ красовалось дерево, сдѣланное изъ золота и серебра и расходившееся на 18 вѣтвей; на нихъ и среди серебряной и золотой листвы сидѣли птицы, изъ того-же металла, внутренній механизмъ заставлялъ ихъ пѣть, а вѣтви колебаться [1]). Рядомъ съ этимъ описаніемъ, помѣщеннымъ въ разсказѣ объ аудіенціи 916 года — другое, легендарное: объ арабскомъ властителѣ Египта, Açrûsch, поставившемъ на берегу Нила башню изъ желтой мѣди и вокругъ нея серебряныхъ и золотыхъ птицъ, пѣвшихъ на разные лады при дуновеніи вѣтра [2]), какъ въ среднегреческомъ романѣ о Белөандрѣ и Хризанцѣ [3]) такія-же птицы сидятъ вокругъ водоема въ замкѣ Эрота:

Γύρωθεν δὲ τοῦ στέμματος ἐκείνης τῆς φλισκίνας
Πουλήτζια ἐκάθηντο γένη χρυσὰ παντοῖα,
Καὶ τὸ καθένα ἐξ αὐτῶν ὡς ἔθος ἐκελάδη
Τὴν ἰδικήν του τὴν φωνὴν πάνθ' ὅμοια νὰ εἶπες,
Καὶ ὥσπερ ζῶντα ἵσταντο ἐκεῖνα τὰ πουλήτζια,
Τὰ ἄνω καὶ τὰ κάτωθεν καὶ ὅσα τὰ τριγύρου.

Что средневѣковая легенда разсказывала о башнѣ, престолѣ и другихъ затѣяхъ Хосроя, назначенныхъ произвесть впечатлѣніе нечеловѣческаго могущества, почти божественнаго величія [4]), то-же или сходное могли передавать и о византійскомъ императорѣ. Во дворцѣ Hugon'а Карлъ Великій и его витязи видятъ сто мраморныхъ колоннъ:

---

[1]) Flügel, Gesch. der Araber, Lpz. 1840, II, 211.

[2]) Wüstenfeld, Die älteste Aegyptische Geschichte nach den Zauber- und Wundererzählungen der Araber, въ Orient und Occident I, p. 332—3; сл. ib. III: Liebrecht, Arabische Sagen über Aegypten, p. 361.

[3]) Ellissen, Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, V, p. 66.

[4]) Сл. Massmann, Eraclius 496 sqq. и Kaiserchronik III, 889 sqq. Сл. эпизодъ о Хосроѣ въ староанглійскихъ крестныхъ легендахъ, изданныхъ Morris'омъ, Legends of the holy rood p. 48 sqq., 101, 123—4.

v. 351 Cascune est a fin or neielee devant,
Desur (i) out de cuivre treejetet dous enfanz,
Cascuns tient en sa buche un corn de ivurie blanc.
Si galerne eist de mer, bise ne altre venz
Ki fierent al palais (de) devers occident,
Il le funt turn(ei)er e menut e suvent
Cume roe de car ki a tere descent.
Cil corn sunent et buglent e sunent ensement
Cum taburs u tuneires u grant cloche qui pent.
Li uns erguardet l'altre ensi cum en riant,
Ke ço vus fust viarie que tuit fussent vivant.
. . . .
376 Ço'st avis, ki l'asculte, k'il seit en parais,
La u li angele cantent (e) suef e serit [1]).

Ближе къ западнымъ разсказамъ о деревѣ, приведеннымъ выше, свидѣтельство очевидца, Ліутпранда, посѣтившаго Константинополь въ 948 году: я обращаю вниманіе на сосѣдство чудеснаго дерева и престола, совершенно какъ въ Вольфдитрихѣ D. «Aerea sed deaurata quaedam arbor ante imperatoris sedile stabat, cujus ramos itidem aereae diversi generis deaurataeque aves replebant, quae secundum species suas diversarum avium voces emittebant. Imperatoris vero solium hujusmodi erat arte compositum, ut in momento humile, excelsius modo, quam mox videretur sublime; quod inmensae magnitudinis, incertum utrum aerei an lignei, verum auro tecti leones quasi custodiebant, qui cauda terram percutientes, aperto ore, linguisque mobilibus rugitum emitte-

[1]) Charlemagne ed. Fr. Michel p. 14—15; Koschwitz, Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel (Heilbronn, 1880) v. 351 sqq., 376—377. Текстъ сообщается по послѣднему изданію; относительно v. 352 сл. прим. на стр. 109. — Для моей статьи: Croissans-Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, стр. 29, я еще не могъ воспользоваться текстомъ Кошвица, противъ котораго я долженъ удержать принятое Мишелемъ и мною чтеніе рукописи v. 367 Nen out *Crisans de Rome* ki tanz honurs bastit; Кошвицъ пишетъ вм. Crisans — Cesars (сл. у него-же p. 29).

bant». Ліутпрандъ предупрежденъ былъ объ этихъ диковинкахъ; оттого онъ говоритъ о себѣ: nullo sum terrore, nulla admiratione commotus; очевидно то и другое было разсчитано — возбудить удивленіе и страхъ: когда послѣ третьяго преклоненія передъ императоромъ Ліутпрандъ поднялъ на него глаза, «quem prius moderata mensura a terra elevatum sedere vidi, mox aliis indutum vestibus poenes domus laquear sedere prospexi; quod qualiter fieret, cogitare non potui, nisi forte ac sit subvectus argalío, quo torcularium arbores subvehuntur» [1]).

Древо, о которомъ говоритъ Ліутпрандъ, очевидно, тождественно съ тѣмъ, которое, по свидѣтельству Амартола, велѣлъ устроить императоръ Θеофилъ. «Φιλόκοσμος δὲ ὢν ὁ αὐτὸς Θεόφιλος κατεσκεύασε διὰ τοῦ ἄρχοντος τοῦ χρυσοχοείου, λογιωτάτου πάνυ ὄντος καὶ συγγενοῦς Ἀντωνίου πατριάρχου, τό τε πενταπύργιον καὶ τὰ δύο μέγιστα ὄργανα ὁλόχρυσα διαφόροις λίθοις καὶ ὑελίοις καλλύνας αὐτά, δένδρον δὲ χρυσοῦν, ἐν ᾧ στρουθοί ἐψεζόμενοι διὰ μηχανῆς τινος μουσικῶς ἐκελάδουν» [2]). Сопоставленіе органовъ съ поющимъ деревомъ указываетъ на значеніе послѣдняго, какъ и тѣхъ причудливыхъ лозъ и дерева, которыя помѣщаетъ въ храмѣ Гралѣ авторъ втораго Титуреля: золотыя лозы поднимаются надъ хоромъ вверхъ по сводамъ, сплетаясь въ высотѣ; на вѣткахъ сидятъ птицы и ангелы, движущіеся, точно живые, когда по листьямъ пройдетъ вѣтеръ, заставляя ихъ звучать такъ мелодично,

77 rêht als ob sich tûsent valken swüngen
in einer schar gelîche und schellen klein von golde an in erklüngen [3]).

Такое-же золотое дерево упоминается по поводу органа: на вѣткахъ тѣ-же птицы, поющія на разные тоны, когда приведутъ

---

[1]) Pertz, Scr. III, 338.
[2]) Georgii monachi, dicti Hamartoli, Chronicon, ed. De Muralto p. 702.
[3]) Сл. Zarncke, der Graaltempel, p. 458—460, str. 72—78 и прим.

въ движеніе мѣхи, и четыре ангела, каждый съ золотою трубою, изъ которой они извлекаютъ громкіе звуки, показывая рукою на изображеніе страшнаго суда и какъ будто призывая усопшихъ къ воскресенію [1]).

II.

Въ разсказѣ Глики древо Θеофила очутилось — деревьями, устроенными для императора Львомъ философомъ; къ нимъ присоединились и механическіе львы, сотворенные на страхъ языкамъ; но всѣ эти чудеса, которые Ліутпрандъ описываетъ, какъ существующія, въ половинѣ X-го вѣка, оказываются разрушенными — цѣлымъ столѣтіемъ раньше, при наслѣдникѣ Θеофила, Михаилѣ III. «Ἀλλὰ καὶ χρυσᾶ κατεσκεύασε δένδρα, говорится о Θеофилѣ, ἐν οἷς παντοδαποὶ στρουθοὶ καθήμενοι μελῴδημα μελιτόεν ἐξέχεον.... Οὗτος ὁ Μιχαὴλ χρημάτων ἀπορήσας καὶ τὰς χρυσᾶς ἐκείνας πλατάνους, ἃς ὁ φιλόσοφος κατεσκεύασε Λέων, ὡς ἄνωθεν ἔφημεν, ἐν αἷς στρουθοὶ καθήμενοι διὰ μηχανῆς ἐκελάδουν, ὡσαύτως δὲ καὶ τοὺς λέοντας, ἃ πρὸς ἔκπληξιν τῶν ἐθνῶν μεμηχάνηται (καὶ οὗτοι γάρ ἔστιν ὅτε βρυχώμενοι ἐθαυμάζοντο), κατακόψας ἀνάλωσεν» [2]).

Показаніе Глики интересно намъ послѣднимъ именемъ.

Въ русскихъ рукописяхъ сохранилось сказаніе о золотомъ древѣ въ Византіи, съ птицами, поющими на разные голоса, пріуроченное къ царю Михаилу. Судя по тому, что сказаніе о немъ является иногда въ соединеніи съ библейской повѣстью о Валтасарѣ (Левтасарѣ), будто-бы его наслѣдникѣ [3]) (Амартолъ

---

[1]) l. c. p. 469, str. 105—107 и прим.

[2]) Glycae Annal. Pars. IV, ed. Bonn. p. 537 и 543.

[3]) Такъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погод. № 1776 л. 9 и слѣд. — Въ другомъ рукописномъ сборникѣ, бывшемъ у меня подъ рукою, повѣсть о Михаилѣ стоитъ отдѣльно, но въ текстѣ сходномъ съ предъ

о Θеофилѣ: ὁ νέος Βαλτάσορ καὶ παραβάτης καὶ θεομισὴς καὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων ὑβριστὴς καὶ καθαιρέτης καὶ βέβηλος) [1]), можно колебаться между Михаиломъ III (Глика) и Михаиломъ II. Михаилъ русской легенды — благочестивый и богобоязненный, строитель церквей, нищелюбивый, обладаетъ златымъ древомъ: «на златомъ древѣ птицы златыя и сребреныя, а поютъ различными гласами». Услышали о томъ другіе цари и шлютъ къ Михаилу пословъ съ дарами, посмотрѣть на то древо, дабы таковое же сотворить въ своихъ царствахъ. Еще разъ посылаютъ они иныхъ пословъ съ порученіемъ — купить то древо «на царства и на города, на злато и на сребро довольно». Но Михаилъ отказываетъ въ этомъ и велитъ сказать царямъ: видно они считаютъ себя многоразумными и многомысленными, а его неразумнымъ, что сулятъ ему царства, и города, и злато, и сребро — когда у него Царьградъ изобилуетъ дарами и самъ онъ царь надъ царями, а тѣ царства, которыя они нарицаютъ своими — его царства.

Златое дерево въ нашей повѣсти о Михаилѣ едва-ли не является символомъ царской власти, осѣняющей всѣ другія, ей служебныя. Такъ понятъ образъ дерева въ загадкѣ, предлагаемой Давидомъ Соломону въ разсказѣ о Дѣтствѣ послѣдняго: Поконецъ моего царства стоитъ древо златолиственное; на верху того древа было яблоко, златомъ украшено, аки солнце (мѣсяцъ) сіяетъ; вѣтви самосвѣтныя, на нихъ каменіе драгое; кругомъ древа пшеница бѣлоярая, а около нея выросла рожь въ полѣ сильна. Соломонъ толкуетъ: древо златолиственное — то твое государство; а верхъ у него сіяетъ паче солнца (мѣсяца)— то самъ царь праведнымъ судомъ сіяетъ; а что у того древа вѣтвіе самосвѣтное, то окольніи царства подъ твоею державой; каменія драгія—то цареви ближніе пріятели, князи и бояре; а что

идущимъ. Къ сожалѣнію и тотъ и другой не на столько удовлетворительны, чтобы заслужить изданіе.

[1]) Hamartoli Chron. l. c. p. 699—700.

у коренія пшеница бѣлоярая, то его воинство; рожь — христіанство православное [1]).

Въ интерполяціяхъ къ тексту посланія пресвитера Іоанна встрѣчаются два эпизода о чудесныхъ деревьяхъ [2]). Одинъ изъ нихъ (tt—vv) относится къ тому роду баснословныхъ разсказовъ, которые были разсмотрѣны въ предъидущей главѣ: «In aula huius palacii (quod fuit Pori, regis Indorum) sunt XX magnae statuae aureae, et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut lucernae lucidissimae lucentes, in quibus resident omnia genera avium aurearum, et unaquaeque habet colorem secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod quando Porus rex volebat, omnes simul cantabant secundum suam naturam, aut unaquaeque per se singulariter. Similiter praedictae statuae musicae ita sunt aptatae, quod ad voluntatem regis dulcius et suavius, quam credi potest, cantabant. Et, quod mirabilius est omni mirabili, more histrionum videntur modis diversis iocari et hin inde torqueri. Quas nempe statuas et aves tam in yeme quam in aestate, quando placet nostrae celsitudini, facimus cantare et iocari, dulcedo et suavitas cuius cantilenae talis et tanta est, quod auditores incontinenter obdormire facit et quodammodo extra mentes efficiuntur».

Другой эпизодъ (kk—pp) открываетъ намъ иной, политическій символизмъ чуднаго дерева, въ параллель къ загадкѣ Давида.

«Habemus siquidem arborem [magnam], in summitate cuius est quaedam virga cum pomo superius; изъ этого дерева исте-

---

[1]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 59; Буслаевъ, Повѣсть града Іерусалима, у Тихонравова, Лѣтописи русской литер. и древности, 1859, кн. III, Смѣсь и библіографія стр. 37—38.

[2]) Сл. Zarncke, De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur. Lipsiae, 1874, p. 46, tt—vv и kk—pp. Сл. тотъ-же текстъ въ сочиненіи того-же автора: Der Priester Johannes, erste Abhandlung, enthaltend Capitel I—III, въ Abhandlungen der philol. hist. Cl. der kön. Sächs. Gesellschaft der Wiss. VII B. (1879) стр. 922—3.

каетъ смола (gumma), называемая strutocothim (strucohm, stintochim), изъ которой, пока она не окрѣпла, дѣлаютъ все, что угодно: сосуды, щиты, копья, мечи, свѣтящіеся днемъ и ночью. Она съѣдаетъ желѣзо; находясь на кораблѣ, раздѣляетъ воду, такъ что по дну можно пройти какъ по суху. — Я не сомнѣваюсь, что подъ struthocothim слѣдуетъ разумѣть тамиръ талмудическаго преданія о Соломонѣ, thamir, thamur, samyr, tannir, tanni европейскихъ пересказовъ, который находятъ въ гнѣздѣ страуса, *struthio;* его разрѣшающія свойства тѣ-же[1]). — Я продолжаю выписку изъ эпистоліи: «Indorum quidam sapientes dicunt praedictam arborem nostram personam significare, quia, sicut illa arbor alias superat fructu et odore, ita nostra persona in hoc mundo non habet similem neque parem. Virgam, quae est in summitate huius arboris, dicunt potenciam nostram significare, quia, sicut illa alta est et fortissima, ita nostra potencia est [alta, immo est] altissima et ita fortis, quod a nemine aliquo modo potest superari. Pomum vero, quod est in capite virgae, similiter asserunt nostram iusticiam designare; quia, sicut suavitate eius odoris infirmi sanantur, lapsi recreantur, famelici et sitibundi saturantur, ita et iusticia nostra. Et, quod plus est, ea homines amplius et diutius vivunt. Alii autem dicunt [praedictam] arborem mundum significare: per virgam namque nostram assignant [pariter] personam, quia, sicut arbor virgae, ita universus [orbis seu] mundus nostrae subiacet personae; pomum vero, ut dictum est, nostram iusticiam significat».

Еще одно дерево помѣщается въ царствѣ пресвитера — не по эпистоліи, ему приписанной, а въ одной латинской повѣсти, напечатанной Царнке по рукописи XIV вѣка[2]): это—arbor sicca, arbor Seth крестной легенды, проникшее изъ нея въ разсказы

---

[1]) Соломонъ и Китоврасъ, p. 109—212, 213, 260—1.

[2]) Zarncke, Der Priester Johannes, 2e Abhandlung, enthaltend Cap. IV, V und VI, въ 8-мъ томѣ der Abhandlungen der philol. histor. Cl. der Kön. sächs. Gesellsch. der W. (Leipz. 1876) стр. 127—8.

восточныхъ паломниковъ, и въ географію средневѣковаго романа, гдѣ arbre sec, arbre qui fent является такимъ-же далекимъ терминомъ на востокѣ, какъ баснословное Durесté или Durestant; и въ повѣрья о возвращающемся императорѣ, имѣющемъ повѣсить свой щитъ на сухое древо, подъ которымъ произойдетъ послѣдняя, роковая битва народовъ [1]).

III.

«Alii autem dicunt *arborem mundum significare*». Христіанское міросозерцаніе усвоило себѣ этотъ образъ. Сл. въ древнерусскихъ вопросахъ и отвѣтахъ — вопросъ: «Рече Господь: боудетъ дрѣво, яко прити птицамъ небеснымъ и вселитися въ вѣтвяхъ его?—Отвѣтъ: *Доубъ есть миръ*, вѣтви языки, а птици апостоли, иже по всемоу мироу и въ всѣхъ языцѣхъ проповѣдаша слово Божіе» [2]). Сл. S. Gregorii Magni Formulae spirituales CCLXXXIV: «Simile est regnum coelorum grano sinapis, quod homo misit in hortum suum, et crevit, et factus est in arborem magnam, et volucres coeli insederunt in ramis ejus» (Luc. XIII, 19). Ipse est granum sinapis, qui in horti sepultura plantatus, arbor magna surrexit. Granum namque fuit, quum moreretur; arbor, quum resurgeret. In ramis ergo ejus volucres requiescunt, quia sanctae animae quae quibusdam virtutum pennis aeterna cogitatione se sublevant, in eorum dictis atque consolationibus ab hujus vitae fatigatione respirant» [3]). На извѣстномъ

---

[1]) Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: I Откровенія Меѳодія и византійско-германская императорская сага; II Легенды о возвращающемся императорѣ; III Легенды о скрывающемся императорѣ, passim, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., Апрѣль и Май.

[2]) Сл. Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рук. XV вѣка, въ приложеніи къ XXXIV т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 2 (1879 г.) стр. 37.

[3]) Pitra, Spicilegium Solesmense, III, p. 415.

рутвелльскомъ крестѣ [1]) тонкое дерево проходитъ снизу вверхъ по обѣимъ сторонамъ обелиска, выпуская различные цвѣты и ростки, а на сгибахъ его сидятъ птицы и животныя четвероногія и ѣдятъ его плоды. Это — тотъ-же образъ мироваго древа-креста, стоящаго въ вертоградѣ *христіанства*, съ птицами, поющими на его вѣтвяхъ, какой представляется въ Wartburger-Krieg [2]):

Ein edel boum gewahsen ist
in eime garten, der ist gemach[e]t mit hôher list,
Sîn wurzel kan den helle grunt erlangen,
Sîn zol der rüeret an den trôn
da der süeze Got bescheidet vriunde lôn,
sîne este breit hânt al die werlt bevangen.
Der boum an ganzer zierde stât unde ist geloubet schoene,
dar ûfe sizzent vogelîn,
süezes sanges wîse nach in stimme vîn,
nach maniger kunst sô halten sie ir gedoene.

Въ одной группѣ западныхъ крестныхъ легендъ [3]) разсказывается, что Сиѳу, посланному Адамомъ въ рай за «елеемъ милосердія», ангелъ дозволяетъ заглянуть въ прекрасный вертоградъ Эдема. Посрединѣ его — источникъ, изъ котораго изливаются четыре (райскихъ) рѣки; рядомъ — исполинское вѣтвистое дерево, безъ коры и листьевъ; вокругъ него обвилась змѣя; вершина поднимается въ небо, и на ней плачущее дитя; корни спускаются въ преисподнюю, гдѣ Сиѳъ видитъ душу своего брата Авеля (либо Каина). Ангелъ объясняетъ Сиѳу, что тотъ ребенокъ, — сынъ Божій, обѣщанный Адаму елей милосердія.

---

[1]) Сл. Dietrich, De cruce Ruthvellensi. Marburgi, 1865.

[2]) V. d. Hagen, Minnesinger 3, 181, b.

[3]) У Mussafia, Sulla leggenda del legno della croce p. 179 sqq.: вторая группа, съ главными подраздѣленіями C и D. Сл. также староанглійскія легенды, изданныя Morris'омъ, въ Legends of the holy rood, № II и III и Introduction § 4, p. XIV—V.

Въ романахъ круглаго стола мы встрѣчаемъ то-же символическое дерево-крестъ, съ образомъ ребенка, только его размѣры сокращены и значеніе иногда затемнено обстановкой рыцарскаго сюжета. Такое дерево, съ зажженными и потухшими свѣтильниками и младенцемъ Іисусомъ на вершинѣ, находитъ на своемъ пути Durmars li Galois [1]):

1512 Sachies, que cis arbres estoit
Tos chargies de cleres chandoilles
Ausi luisans ke sunt estoiles.
Des le pie desi au copier
Ne poist nus sa main tochier
Fors desor chandoilles ardans
Dont la fores est reluisans.
. . . .
1522 Dosore le copier de l'arbre
Vit un enfançon trestot nu
Qui plus clers et plus luisans fu
Que les chandoilles par verte.

Впослѣдствіи папа объяснилъ Дюрмару значеніе этого видѣнія:

15819 Li arbres que tu vëis la
Trestot le mont senefia,
Et les chandoilles voirement
Senefient tote la gent.
Celes qui clerement ardoient
Sachies, qu'eles senefioient
Ceauz qui sunt par lor dignite
Del saint esperit alume,
Celes qui vers terre clinoient
Et qui laide flanbe jetoient
Senefient les outrageuz
Et les chaitis luxurieuz
Qui sunt espirs de mavais fu
Dont li pecheor sunt perdu;
Et li enfenchons qui saignoit

---

[1]) Li romans de Durmart le Galois, ed. E. Stengel. Stuttg. 1873.

Et qui pardeles lui metoit
Les cleres chandoilles a destre
Et les autres devers senestre
Ce senefie Jhesu Crist,

пострадавшаго на крестѣ, имѣющаго явиться въ концѣ дней и поставить одесную и ошуюю праведниковъ и грѣшниковъ, яркіе и тусклые свѣточи.

Gautier de Doulens, одинъ изъ продолжателей Chrestiens de Troies, разсказываетъ о такихъ же встрѣчахъ Персеваля [1]): дерево; на его вѣткѣ, на разстояніи копейнаго древка отъ земли, прекрасный, роскошно одѣтый ребенокъ, съ яблокомъ въ рукѣ (En sa main tenoit une pome); онъ не отвѣчаетъ на вопросы Персеваля и затѣмъ, поднимаясь съ вѣтки на вѣтку до вершины дерева, исчезаетъ изъ глазъ. — Дерево съ свѣточами, исчезающими по мѣрѣ его приближенія, Персеваль видитъ впослѣдствіи, особо отъ предъидущаго видѣнія, смыслъ котораго такъ объясняетъ въ замкѣ Граля царь-рыбарь: ребенокъ не отвѣчалъ Персевалю—за его великія прегрѣшенія; что онъ поднимался вверхъ по дереву — толкуется иносказательно: Господь одному лишь человѣку сотворилъ лицо, обращенное къ небу, дабы онъ могъ созерцать величіе творенія и помнилъ творца, создавшаго его по своему подобію. Но человѣкъ забылъ заповѣди Божіи и погрязъ во грѣхахъ.

34819 Li enfes qui de l'arbre ala
K'enviers le ciel amont monta,
Vos monstre par senefiance
Que haut el ciel, sans atendance,
Deves penser au creator,
Que le vostre arme, al cief del cor,
Mece dedens son paradis;
Car longement, biaus dous amis,
Vous iestes melles de folie и т. д.

---

[1]) Perceval le Gallois ou le Conte du Graal, publié par Ch. Potvin, v. V, v. 33765 sqq.; v. 34415 sqq.; v. 34663 sqq.; v. 34783 sqq.

Особый пересказъ «хожденія Сиѳа въ рай» представляетъ старофранцузская поэтическая парафраза Св. Писанія, отрывокъ которой былъ недавно изданъ Graf'омъ [1]). Сиѳъ видитъ въ раю древо жизни

Plus grans des autres bien resambloit sapins [2]),
Tous fu brisies et entour et emmi.
Par desus l'aubre a .I. bel nit coisi;
.I. pellicans se seoit droit enmi;
C'est li prumiers oisiaus que Dex fesist;
Dex ne fist plume que cis la nen eüst.
Compares fu il meïsmes a li
D'estre sages et dous et bien amanevis,
Courtois et larges et destre, a point hardis,
Ne pour sa vie de noient ne mesprist.

Его самка умерла; не находя въ раю, оскудѣвшемъ со времени изгнанія Адама, чѣмъ прокормить своихъ птенцовъ, онъ растерзалъ свою грудь клювомъ и напоилъ ихъ кровью своего сердца.

Et li chieus oeuvre, l'angles en descendi,
L'oisiel emporte lasus em paradis (?),
Si le couronnnt les chelui qui le fist.
Adont coumenche la noise eu paradis
D'angle contre autre dont i a plus de .M.;
La ont jugiet le roi de paradis:
S'il voet droiture user et maintenir
Et voet ravoir les siens certains amis,
Que telle guise li convenra tenir.
Apres la noise qui fu em paradis
Une grant raie dou solaill descendi
Ens ou vergier, s'en est entre[e]s ou nit;
Or li aporte le saintisme esperit,

[1]) Arturo Graf, La leggenda del paradiso terrestre (Loescher 1878) p. 69—87.

[2]) Далѣе это дерево является фиговымъ (figier d'euriant, p. 83), что согласно съ преданіемъ; впрочемъ контекстъ едва-ли не требуетъ и въ этомъ мѣстѣ вм. figier — vergier, какъ стр. 85: vergier d'euriant.

En guise estoit d'un enfanchon petit,
Qui d'un blanc gant le peuïst on couvrir.
Adont coumenche et la joie et li ris:
Chil oisel chantent, de terre son parti,
Les iaves sourdent, li pre sont raverdi,
Et toute riens dou mont se resjoï.
Qui que fait joie, l'enfes jeta .I. cri:
Adan regraite com ja poires oïr.

Слѣдуетъ сѣтованіе объ Адамѣ. Сиѳъ спрашиваетъ Ангела, чей это голосъ съ вершины дерева, озаренной такимъ свѣтомъ? Тотъ отвѣчаетъ:

Chou est li fis de la grant majeste,
Ch'est ses espir[s], ses sens et sa bontes
Et sa grans force et sa grans dingnite[s].
. . . .
Grasse et saveur et seve vos ferà en trespassant
L'enfes qui en cest nit pleure si doucement:
Çou est li fis de dieu le roi dou firmament.

Райскій вертоградъ преобразился, Сиѳъ видитъ его въ новомъ блескѣ: стѣны кажутся ему точно изъ драгоцѣнныхъ камней востока, золотая труба спускается съ неба, изъ нея сочится вода въ «источникъ юности», находящійся подъ райскимъ деревомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ старофранцузской парафразы,— либо его источникъ — руководился одною изъ распространенныхъ легендъ о хожденіи Сиѳа, съ образомъ древа и на немъ *младенца Христа*, и что онъ слилъ эту символику съ родственными представленіями средневѣковаго физіолога о *Христѣ-пеликанѣ*. Оттуда двойственность и вмѣстѣ спутанность его изображеній. Приведу выдержку изъ греческаго физіолога [1]):

«Ὁ Φυσιολόγος ἔλεξε περὶ τοῦ πελεκάνου· ὅτι φιλότεκνός ἐστι πάνυ· ἐὰν γεννήσῃ τοὺς νεοσσούς, καὶ ὀλίγον αὐξηθῶσι, ῥαπίζουσιν εἰς τὸ πρόσωπον τῶν γονέων. οἱ δὲ γονεῖς κολαφίζουσιν αὐτὰ καὶ

1) Pitra l. c. III, стр. 343—4, c. VI: περὶ τοῦ πελεκάνου.

ἀποκτείνουσιν. Εἶτα σπλαγχνιζόμενοι πενθοῦσι τρεῖς ἡμέρας τὰ τέκνα αὐτῶν. Τῇ οὖν τρίτῃ ἡμέρᾳ ἔρχεται ἡ τούτων μήτηρ, καὶ ῥήσσει τὴν ἑαυτῆς πλευρὰν, καὶ τὰ αἵματα αὐτῆς στάζουσα ἐπὶ τὰ νεκρὰ σώματα τῶν νεοσσῶν, ἐγείρει αὐτά. — Ἑρμηνεία· Οὕτως καὶ ὁ Κύριος ἡμῶν ἐν τῷ Ἡσαΐᾳ εἶπεν· «Υἱοὺς ἐγέννησα καὶ ὕψωσα, αὐτοὶ δέ με ἠθέτησαν». Ὁ δημιουργὸς ἡμᾶς ἐγέννησε, καὶ ἐτύψαμεν αὐτόν· ἐλατρεύσαμεν τῇ κτίσει παρὰ τὸν κτίσαντα. Ἐλθὼν οὖν ἐπὶ τὸ ὕψωμα τοῦ σταυροῦ, ἀνοίξας τὴν ἑαυτοῦ πλευρὰν, ἔσταξε τὸ αἷμα καὶ τὸ ὕδωρ, εἰς σωτηρίαν καὶ ζωὴν αἰώνιον.... Ἑτέρα· Ὁ πελεκάνος οὗτος ὄρνεον ἐστίν· ὁ δὲ ὄφις πολὺ ἐχθρεύει αὐτοῦ τὸν νεοσσόν. Οὗτος δὲ ὁ πελεκὰν τί μηχανᾶται; εἰς ὕψος πήγνυσι τὴν καλιὰν αὐτοῦ, πανταχόθεν περιφράττων αὐτὴν διὰ τὸν ὄφιν. Ὁ δὲ ὄφις, ὁ κακομήχανος, τί ποιεῖ; περισκοπεῖ ὅθεν πνεύει ὁ ἄνεμος, κἀκεῖθεν ἐμφυσήσας τὸν ἰὸν αὐτοῦ τοῖς νεοσσοῖς, καὶ τελευτῶσιν αὐτοῦ τὰ τέκνα. Ἔρχεται οὖν ὁ πελεκὰν καὶ θεωρεῖ ὅτι ἀπέθανον αὐτοῦ τὰ τέκνα, καὶ σκοπεῖ νεφέλην, καὶ πέταται εἰς ὕψος, καὶ μετὰ τῶν πτερῶν αὐτοῦ τύπτει αὐτοῦ τὰς πλευρὰς, καὶ ἐξέρχεται αἷμα, καὶ διὰ τῆς νεφέλης ἐπιστάζει αὐτοῖς τὸ αἷμα, καὶ ἐγείρονται αὐτοῦ τὰ τέκνα. — Ἑρμηνεία. Λαμβάνεται δὲ ὁ πελεκὰν εἰς τὸν Κύριον, τὰ δὲ παιδία αὐτοῦ ἐστὶν ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα, καὶ ἡ ἡμετέρα φύσις· ἡ δε καλιὰ αὐτοῦ ἐστὶν ὁ παράδεισος. Ἐνέφυσε γὰρ ὁ ἀρχέκακος ὁ ὄφις διὰ τῆς παρακοῆς τοῖς πρωτοπλάστοις, καὶ γεγόνασι νεκροὶ τῇ ἁμαρτίᾳ. Ὁ οὖν Κύριος ἡμῶν καὶ Θεὸς, διὰ τὴν πρὸς ἡμᾶς ἀγάπην, ὑψοῦται ἐπὶ τοῦ τιμίου σταυροῦ, καὶ νυγεὶς τὴν πλευρὰν, διὰ τῆς νεφέλης τοῦ ἁγίου Πνεύματος, ζωὴν ἡμῖν ἐδωρήσατο τὴν αἰώνιον».

Первая статья греческаго Физіолога повторяется во всѣхъ западныхъ его отраженіяхъ; образы второй встрѣчаются, видоизмѣненные, въ слѣдующемъ стихотвореніи Тибò Наваррскаго:

Diex est ensi, come li Pelicans,
Qui fait son nit el plus haut arbre sus;
Et li mauvais oiseaus, qui vient de jus,
Les oseillons ocist, tant est puans;

Li pere vient, destrois et angosseus,
Dou bec s'ocist; de son sanc dolereus
Vivre refait tantot les oseillons.
Dieus fist autel, quant vint sa passions,
De son doux sanc racheta ses enfans
Du deauble, qui tant par est poissans [1]).

Символъ пеликана — Христа извѣстенъ въ средневѣковомъ искусствѣ: мы встрѣчаемъ его на соборныхъ витраляхъ, въ формѣ церковнаго аналоя, въ изображеніи Воскресенія, въ русскомъ духовномъ стихѣ югозападнаго происхожденія:

Радуйсе, Царице,
Наша заступнице,
Небеснаго пеликана
Маткою названа!

(Безсоновъ, Калѣки II, № 433) и т. п. Представленіе его на вершинѣ крестнаго древа могло явиться въ ряду другихъ символическихъ, то обобщавшихъ въ образѣ креста и его аттрибутовъ идеи вселенной, христіанства, церкви, то олицетворявшихъ самое древо распятія. Такъ въ англосаксонскомъ Снѣ: обернутое золотомъ, украшенное драгоцѣнными камнями, то цвѣтущее, то покрывавшееся влагой и кровью, истекавшими изъ его праваго бока (hit....ongan svaetan on þâ svîðran healfe v. 19—20) [2]), оно самое вѣщаетъ о своемъ прошломъ.

Соберемъ нѣкоторыя внѣшнія черты, съ которыми оно представлялось намъ въ предъидущихъ легендахъ: міровое дерево высится до неба, корень спускается въ адъ; кругомъ ствола обвился змѣй, на вершинѣ символическая птица, непріязненная тому змѣю; на вѣтвяхъ — птицы, четвероногія, питающіяся отъ

[1]) Цитата изъ изданія Lévesque de la Ravallière, t. II, p. 158 взята у Gidel, Nouvelles études sur la littérature grecque moderne (Paris, 1878), p. 423. Изданія Tarbé у меня не было подъ руками.

[2]) Grein, Bibliothek der angelsächsischen Poesie II, p. 143 sqq.

его плодовъ; съ боку — рана, откуда сочится влага; у подошвы — райскій источникъ, источникъ юности. — Это напоминаетъ Иггдразилъ сѣверныхъ преданій: его вѣтви осѣняютъ весь міръ; одинъ изъ его корней спускается въ Niflheim, гдѣ его гложетъ змѣй Nidhöggr, другой — въ царствѣ Азовъ или людей, подъ нимъ источникъ Урды, вода котораго обновляетъ и молодитъ. На вершинѣ возсѣдаетъ орелъ; четыре оленя гложутъ его молодые побѣги, а *сбоку* оно гніетъ. Если вѣроятно воздѣйствіе христіанскихъ представленій на миѳологію Эдды [1]), то причины сходства будутъ ясны, отличія вмѣнятся искаженію. Олени Иггдразила восходятъ, быть можетъ, къ христіанскому символу: оленя, жаждущаго источника водъ, враждебнаго змѣю и т. п.; три корня напоминаютъ триипостасное дерево крестныхъ легендъ, сросшееся изъ трехъ стволовъ, вѣтвей.

IV.

Въ той группѣ западныхъ сказаній, которой мы пользовались въ предъидущей главѣ, крестное древо принесено въ Іерусалимъ не Соломономъ, а Давидомъ. Ангелъ является ему въ сновидѣніи и указываетъ на тріединую лозу отъ райскаго древа, посаженную Моисеемъ за Іорданомъ, либо у подошвы Ѳавора и т. п. Царь отправляется ихъ искать, либо находитъ ихъ, пробудившись отъ сна, стоящими у его ложа. Тріединое дерево выростаетъ въ его саду: сидя подъ его тѣнью Давидъ совершаетъ свои молитвы, слагаетъ псалмы, кается въ своемъ проступкѣ

[1]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Легенды о скрывающемся императорѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, Май, стр. 128.

противъ Уріи—и задумываетъ построить храмъ Господу. Здѣсь было ему небесное откровеніе: свѣтлый ангелъ спускается съ неба и, усѣвшись на вѣткѣ дерева, вѣщаетъ, что не Давиду предназначено, волей Божіей, создать храмъ, а сыну его Соломону [1]).

Славянскія легенды о крестѣ не знаютъ о древѣ въ вертоградѣ Давида, но также говорятъ о его видѣніи, «ꙗко въсхыщенѣ бысть доуши ѥго ѿ аггела, и показа ѥму образъ црьковны

[1]) Сл. Mussafia, l. c. 181—182; Cursor Mundi, ed. Richard Morris II, p. 460—1 sqq.—Крестное древо въ саду Давида напоминаетъ то-же древо въ вертоградѣ Авраама, въ легендѣ объ императорѣ Фанунлѣ, на которую обращали слишкомъ мало вниманія въ работахъ, посвященныхъ крестному сказанію (объ этой легендѣ см. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго въ 22-мъ присужденіи уваровскихъ премій, стр. 12—17). — Къ баснословной исторіи райской флоры укажу еще на эпизодъ Gaufrey (ed. Guessard, p. 118—121): жена Grifon'a излѣчиваетъ смертельно раненаго Robastre'a чудесной травой, которую разсерженный Грифонъ бросаетъ въ море: она пошла ко дну и показывается на поверхности лишь въ Ивановъ день. Корень этой травы остался въ раю:

.I. oisel la porta qui fu bien apenses,
En sarrazinois est Darginas apelez,
Et si est en francheis aussi Grifon nommes.
Il avoit faonne en l'isle Josues;

его птенцы убиты, онъ оживляетъ ихъ при помощи цѣлебной травы, которую тогда-же достаетъ (сл. въ Талмудѣ и его отраженіяхъ легенду о Нагартурѣ, страусѣ, кокотѣ и т. п., о шамирѣ, разрывъ-травѣ и т. д., и народныя сказки и пѣсни о змѣѣ, оживившемъ убитыхъ змѣенышей какой-то травою). О ней говорится далѣе:

Che est la premiere herbe, che(n) dient li letres,
Que Damedieu[s] planta quant il fu devales,
Quant li angre se furent contre li reveles,
Dont furent en enfer leidement devales.

вь небесехь и глаголаше емоу глаголь: сице да бѫдеть домь богови вь Ероусалимѣ». Обо всемъ видѣнномъ онъ повѣдалъ Соломону: «слыши, Соломуне, и не ослоушай ѡтьца твоего. Азь же сътворѫ цръкьвь вь ньже ѡбьразь видѣхь, и тыи тькьмо дрьзаи и не ѡтврьзы наказаниꙗ моего. Азь бо разоумѣхь, ꙗко ты искоусиши Бога вь хытрости рѫкоу своею и вь умѣ своемь. — И повѣле Давидь царь ѡтрокомь своимь принести по .р҃. свѣщь коемуждо ихь. И егда бысть повѣление царево, и приемь Давидь все свѣще и сьтвори црьковь малѫ и показа Соломоуну и рече: виждь, како стѣни, како стльпи, како гради, како врьхь, како ѡснование еꙗ, како камари и како свръшение еѫ» [1]).

По этому небесному плану и строитъ Соломонъ Святая Святыхъ, на созданіе которой понадобилось, по разсказу легенды, крестное древо. Отсюда легко было явиться отождествленію: *крестнаго древа* — кипариса, певги, оливы, виноградной лозы [2]) и т. п. — и Соломонова храма, *церкви* вообще; первое могло являться символической замѣной второй, какъ въ малорусскихъ колядкахъ церковь представляется вырубленной изъ того дерева: Богородица

знайшла *деревце*.
Съ того деревца стала *церковия*.

На крутій горі
Кедрово *древо*,
А съ того древа
Хрести рубають,
Церкву будують.

---

[1]) Jagić, Opisi I, Слово похваленне Моисеѡво стр. 85—86. = А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію рукописей и т. д. библіотеки А. И. Хлудова, стр. 34. Сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рки. Соловецкой библіотеки, стр. 238.

[2]) Сл. символъ виноградника-церкви, съ стоящимъ посреди распятіемъ, на мозаикѣ Св. Климента въ Римѣ.

А на той горі *дерево* лежало,
А съ того дерева *крижа* робили,
А на томъ крижі Христа мучено,
Де кровка кане, тамъ *церковъ* стане [1]).

Таково въ сущности представленіе Повѣсти града Іерусалима [2]) и Стиха о Голубиной книгѣ; стоитъ только возстановить символизмъ, запутанный въ дошедшихъ до насъ текстахъ перваго памятника, неполный во второмъ. Остановлюсь на относящемся къ нашему вопросу эпизодѣ Повѣсти:

«И рече царь Волотъ: А мнѣ ночесь много видѣлось . . . . Съ тое страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторускую, а в другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебреное корение, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у нево колокольчикъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать?» Толкуетъ его Давидъ: «Во второмъ на десять году у меня царя Давыда родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ нѣтъ. А что съ тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начяльныі; і в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия, о седмидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ. А что с тое страны полуденныя выросътало древо кипарисъ, корение сребреное, то у меня будетъ

[1]) Труды этнограф. статист. экспед. въ западно-русскій край, снаряженной Имп. русск. геогр. Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. III: Народный Дневникъ, колядки №№ 74, 82 В, щедривка № 110.

[2]) Буслаевъ, Повѣсть града Іерусалима l. c. p. 41 sqq. = Пам. стар. русск. лит. II, стр. 307—8.

сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожиждетъ Святая Святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что у кречета колокольчикъ золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ».

Послѣдовательность текста, очевидно, спутана, и вмѣстѣ пострадала прозрачность символики. То и другое отчасти возстановимо: «А что с тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начяльныі; а что с тое страны полуденныя выросътало древо кипарисъ, корение сребреное, [*то*] в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софіі Премудрости Божия, о седмидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ. [*А что поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлый*], то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожиждетъ Святая Святыхъ....; а что у кречета колокольчикъ золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида» и т. д.

Неяснымъ остается въ этомъ параллелизмѣ крестнаго древа — церкви — толкованіе кречета и колокольчика, очевидно не гармонирующее съ иносказательнымъ смысломъ цѣлаго. Символическую птицу — Христа мы видѣли въ одномъ пересказѣ Сиѳова хожденія; съ другой стороны въ описаніи механической лозы въ храмѣ Граля — встрѣтили уподобленіе мелодіи, издаваемой ея листвою — рѣящимъ соколамъ, къ ногамъ которыхъ привязаны золотые колокольцы. Сокола, ястреба съ колокольцомъ на ногѣ обычны въ среднихъ вѣкахъ: ein mûzerspärwaere.... *ein guldin schelle* dran erklanc (Parzival 163); isparvier mio, ch'io t'avea nodrito, *Sonaglio d'oro* ti facea portare, Perchè nell'uccellar fossi più ardito (Trucchi, Poesie italiane inedite, I, p. 54) и т. п. — Всё это не разъясняетъ уподобленія кречета Соломону, колокольца Соломонидѣ. Можетъ быть, въ Снѣ о де-

ревѣ слѣдуетъ предположить — агломерацію нѣсколькихъ значеній, не связанныхъ между собою внутренне, а послѣдовательно пріуроченныхъ къ одному и тому-же образу, что стало возможнымъ лишь при забвеніи первоначальной символики.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

V.

НОВЫЯ ДАННЫЯ КЪ ИСТОРІИ СОЛОМОНОВСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Соломоновская сага не проникла глубоко въ народный стихъ; пѣсня о Василіи Окульевичѣ, пѣсня-побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ — становятся чѣмъ-то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности. Ближе подошелъ-бы къ его стилю стихъ о царѣ Давидѣ, его дочери Оленѣ и сынѣ Соломонѣ, еслибы этотъ однажды записанный памятникъ дѣйствительно удалось объяснить изъ соломоновской легенды. Что тѣснѣе привязываетъ её къ области духовнаго стиха, это — ея слѣды въ Голубиной книгѣ, въ нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отраженіяхъ крестныхъ сказаній, наконецъ — самое качество матеріала, отдѣляющее её отъ эпическихъ сюжетовъ, дававшихъ содержанія былевымъ пѣснямъ. Въ этомъ смыслѣ я нашелъ возможнымъ удѣлить въ моихъ Разысканіяхъ мѣсто для нѣкоторыхъ вопросовъ, вызванныхъ новыми, моими и чужими, изслѣдованіями о соломоновской сагѣ.

Семдесятъ два года спустя послѣ перваго изданія фонъ-деръ-Гагеномъ старонѣмецкихъ стихотвореній о Соломонѣ и Морольфѣ явилась недавно первая попытка критически обрабо-

тать ихъ текстъ, согласно съ требованіями современной филологіи. Попытка эта принадлежитъ Фогту (Fridrich Vogt, Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf. 1er Band: Salman und Morolf. Halle, Niemeyer 1880). На первый разъ издана нѣмецкая строфическая поэма о Соломонѣ и Морольфѣ, при чемъ, по поводу критики преданія, привлеченъ къ сравненію и короткій пересказъ того-же сюжета, присоединенный къ Діалогамъ Соломона и его загадочнаго совопросника. Слѣдующій томъ предложитъ намъ критическій текстъ этого памятника, и, вѣроятно, разъяснитъ подробнѣе взглядъ издателя на соотношенія Морольфа Діалоговъ къ Морольфу эпическаго разсказа.

Изъ западныхъ изслѣдователей соломоновской саги Фогтъ полнѣе другихъ воспользовался важнымъ, въ критическомъ отношеніи, славяно-русскимъ матеріаломъ. Проф. Ягичъ познакомилъ его съ относящимися сюда текстами, сообщилъ выдержки изъ моей диссертаціи [1]), содержаніе которой близко касалось вопроса, занимавшаго Фогта. Сближая общія положенія моей книги съ выводами нѣмецкаго изслѣдователя, я пришелъ къ заключенію, что мы не далеко разошлись другъ съ другомъ. «Мои взгляды на развитіе Соломоно-Морольфовской саги, говоритъ Фогтъ, часто и въ существенныхъ чертахъ сходятся со взглядами Веселовскаго, хотя онъ и пришелъ къ своимъ результатамъ другими, чѣмъ я, путями» (p. XLI, прим. 2).

I.

Фогтъ дѣйствительно сходится со мною въ бо̀льшей части существенныхъ вопросовъ, касающихся сказаній о Соломонѣ и Морольфѣ, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда его соображенія, очевидно самостоятельныя, согласны съ моими, но и въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ я разошелся — съ положеніями моей

---

[1]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, Спб. 1872.

книги, написанной восемь лѣтъ тому назадъ. Это обстоятельство и даетъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ по поводу труда Фогта; я стану называть 1-мъ Морольфомъ — короткій разсказъ объ увозѣ соломоновой жены, помѣщенный въ концѣ Діалоговъ Соломона и Морольфа; 2-мъ Морольфомъ — строфическую поэму, изданную Фогтомъ.

Разбирая генезисъ сказанія Фогтъ исходитъ изъ талмудической легенды объ Асмодеѣ и соотвѣтствующаго эпизода русской Палеи [1]), и, подобно мнѣ, устанавливаетъ уравненіе: Асмодей — Китоврасъ — Сатурнъ — Морольфъ (р. LV). Изъ талмудическаго зародыша пошло то разнообразіе европейскихъ повѣстей, въ которыхъ имя Асмодея замѣнилось другими, но имя Соломона осталось, какъ показатель библейско-талмудическаго источника, который, въ свою очередь, могъ воспринять въ себя другіе инородные, какъ я предположилъ, индійскіе. Рѣшающимъ для меня было — посредство талмудической повѣсти: «главные пути историческаго перехода легенды съ востока на западъ опредѣлены заранѣе самымъ именемъ Соломона», говорилъ я: «главная посредствующая редакція предполагаетъ вліяніе библіи» (Соломонъ и Китоврасъ стр. 50). Послѣ этого мнѣ не совсѣмъ понятна такая замѣтка Фогта (l. с. стр. L, прим. 1): «на (талмудическій) разсказъ объ изгнаніи Соломона демономъ повліяли, по мнѣнію Веселовскаго и Бенфея, индійскія сказанія, въ которыхъ мотивъ принятія чужаго образа (демонъ въ образѣ Соломона) встрѣчается въ разнообразнѣйшихъ видахъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ, на сколько бо̀льшая древность индійскаго преданія доказана; но и допустивъ её, мы не опровергнемъ положенія, что идея сверженія именно Соломона коренится въ приведенныхъ цитатахъ Библіи и въ ихъ талмудическомъ истолкованіи». — Но это и есть мое мнѣніе, которое Фогтъ только развилъ, указавъ (стр. IL—LI; сл. LIX прим. 1)

[1]) Оба сказанія сообщаются Фогтомъ въ переводѣ. См. Anhang, p. 213—217.

на библейскіе мотивы талмудической легенды и ея дальнѣйшихъ развѣтвленій, и возводя вмѣстѣ съ Шаумбергомъ имя Morolf'а, Marcolf'а — къ еврейскому Markolis, который далѣе отождествляется съ Сатурномъ англосаксонской статьи (p. LV). На выраженіе «ab oriente nuper venerat» латинскихъ діалоговъ и я обратилъ вниманіе (С. и К. стр. 265; Vogt, LVII), какъ и на marculfes eard англосаксонскаго памятника (С. К. p. 254; Vogt l. c.), но послѣднее указаніе теряетъ свою доказательность именно въ связи съ отождествленіемъ Сатурна = Markolis.

Талмудическое сказаніе объ Асмодеѣ — Китоврасѣ распадается на два эпизода 1) поимка Асмодея—Китовраса; его разговоры съ Бенаей и Соломономъ; 2) сверженіе Соломона демономъ. Если изъ послѣдняго эпизода развились разсказы объ увозѣ Соломоновой жены, то въ первомъ, именно въ элементѣ разговоровъ, я усмотрѣлъ прототипъ діалоговъ Соломона и Сатурна, Соломона и Морольфа. Отъ Сатурна къ Морольфу стиль діалоговъ понизился, изъ серьознаго сталъ площаднымъ, но рамка, фабула остались. Соединеніе двухъ эпизодовъ талмудической легенды, казалось мнѣ, бросало свѣтъ на отношенія Діалоговъ Соломона и Морольфа къ слѣдующему за ними пересказу повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены. Я имѣю въ виду составъ перваго Морольфа, т. е. вѣрнѣе, его источника. О Діалогахъ Фогтъ обѣщаетъ поговорить подробно во второмъ томѣ своего изслѣдованія; то, что высказано имъ пока, предполагаетъ большую случайность. «*Markolf-Morolf* діалоговъ, говоритъ онъ, *совсѣмъ иное лицо, чѣмъ Морольфъ, братъ Соломона въ эпическомъ разсказѣ* (объ увозѣ Соломоновой жены); *выйдя изъ общей точки отправленія, изъ преданія о демоническомъ противникѣ Соломона, оба мотива, разсказъ объ увозѣ и діалоги, развивались далѣе отдѣльно* другъ отъ друга..... *но имя Маркольфа необходимо возвести еще къ начальному преданію,* потому что иначе было-бы непонятно, какимъ образомъ то и другое лицо было названо однимъ и тѣмъ-же именемъ позже, когда ихъ *внутренняя связь* была уже забыта» (p. LVI). И такъ между Мороль-

фомъ Діалоговъ и Морольфомъ Увоза была связь имени и внутренняя связь, восходящая къ древнему преданію о Соломонѣ и его противникѣ. — Такъ предположилъ и я. — Далѣе оба типа разошлись и — соединились случайно, внѣшнимъ образомъ, благодаря лишь сходству именъ, въ такъ называемомъ первомъ Морольфѣ.—Таково предположеніе Фогта (стр. CXXII); случайность тѣмъ болѣе поразительная, что она отвѣчаетъ комбинаціи первичнаго, талмудическаго преданія: о демоническомъ совопросникѣ — и противникѣ Соломона. Слѣдуетъ ожидать, что этотъ вопросъ будетъ снова поднятъ Фогтомъ во второй части его труда.

Обратимся къ сказаніямъ объ увозѣ Соломоновой жены. Славянорусскія повѣсти, съ содержаніемъ которыхъ Фогтъ познакомился, должны были привести его къ заключенію, что такъ называемый первый Морольфъ сохранилъ содержаніе древняго разсказа въ большей чистотѣ, чѣмъ строфическая поэма, развитая посторонними эпизодами. На главный источникъ распространенія было мною указано въ свое время (С. и К. р. 287): на группу сказаній—о Вальтерѣ въ хроникѣ Богухвала, De Rasone et ejus uxore, Der Nussberg и т. п. Я нахожу тѣ-же соображенія и у Фогта (стр. LXV sqq.). Этимъ привнесеніемъ новыхъ подробностей объясняется появленіе въ строфической поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ новаго типа: сестры похитителя, и обусловленное ею измѣненіе эпической фабулы. Фогтъ отвѣтилъ, по моему, очень удачно на вопросъ, чѣмъ мотивировалось введеніе новаго лица: оно существовало, въ зародышѣ, уже въ первичномъ разсказѣ; Соломонъ, явившись въ Китоврасово царство, *встрѣченъ* тамъ прислужницей царицы, его бывшей жены, которая и узнаетъ отъ нея о пришельцѣ — мужѣ (p. LXX). Къ этому образу легко было привязать позднѣйшее распространеніе: прислужница стала сестрой похитителя. Новые матеріалы, по Соломоновской сагѣ, явившіеся въ послѣднее время, даютъ возможность отнести къ значительно-древней формѣ сказанія эпизодъ о *встрѣчѣ* Соломона, засвидѣтельствованный до-

томъ лишь русскою повѣстью о Соломонѣ и Китоврасѣ. Вотъ какъ разсказывается въ послѣдней о встрѣчѣ Соломона съ царициной прислужницей (С. и К. 221): «И пріиде Соломонъ во царство Китоврасово, аки прохожей старецъ милостыню сбирать, и пріиде въ садъ, гдѣ черпаютъ воду Китоврасу царю, и выиде дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ, и рече Соломонъ: «дай-же ми, дѣвица, изъ сего кубца испити». И рече ему дѣвка: «какъ ты, старецъ, хощешь пити изъ царскаго сего кубца: аще кто увидитъ и скажетъ царю, и онъ велитъ за то насъ обѣихъ казнить». Соломонъ рече: «дай-же, дѣвка, испити: никто у насъ сего не увидитъ» — и *дастъ ей за то колечко злато*, и она даде ему испити, и поиде дѣвка съ водою радуяся и скажи госпожѣ своей такъ: «азъ его нашла на пути». И (нѣкто) увидѣ у нее нѣ въ которое время то колечко Соломонова жена, а Китоврасова царица, и опозна его, что то колечко ее обручальное, и рече ей: «скажи, дѣвка, кто ти далъ сіе колцо?» Рече дѣвка: «далъ ми, госпожа, старецъ захожей». Она-же рече: «не старцу быть, но мужу моему Соломону». И скоро разосла многихъ людей своихъ по граду и повелѣ сыскати».

Тотъ-же эпизодъ встрѣчается въ двухъ португальскихъ пересказахъ Соломоновской легенды, воспринятыхъ въ Livros de linhagens (XIV вѣка) и только подновившихъ имена въ древней сагѣ объ увозѣ Соломоновой жены [1]). Ramiro отправляется добывать жену свою, увезенную маврскимъ королемъ Abencadão (во 2-мъ текстѣ: Alboazare Alboçadam); послѣдняго не было дома, a Ramiro «foice estar a huma *fonte* que estava perto do costello; . . . . e huma donzella que servia a rainha levantouce pela menhã que lhe fosse pela agoa para as mãos, e aquella donzella havia nome Ortiga (во 2-мъ текстѣ Perona; наоборотъ Artiga'ой названа сестра мавританскаго короля, похищенная Рамиро); e ella na fonte achou jazendo rey Ramiro, e nom o conheceo, e el *pe-*

---

[1]) Romania № 35: G. Paris, La femme de Salomon p. 436—443 (№ I и II); сл. p. 438, 440—1.

diolhe d'agoa pela aravia, e ella deulha por hum autre, e el meteo hum *camafeo* na boca, *o qual camafeo havia partido com sa molher a rainha pela meadade;* el deuse a beber, e deitou e anel no autre, e a donzella foice, e deo agoa a rainha, e cahiolhe o anel na mão, e conheceo o ella logo: a rainha perguntou quem achara na fonte; ella respondeu qua não era hi ninguem: ella dice que mentia e que lhe non negace, ca lhe faria por ende bem e mercê; e a donzela lhe disse entom que achara hum mouro doente e lazarado, e que lhe pedira d'agoa que bebece, e ella que lha dera; e entonce lhe disse a rainha que lhe fosse por el, e se hi o achasse que lho adusese».

Согласіе португальской легенды съ русской, при вѣроятномъ отличіи ихъ непосредственныхъ источниковъ, указываетъ на значительную древность разсказа о кольцѣ въ легендѣ объ увозѣ и позволяетъ возстановить въ ней черту, утратившуюся въ нѣмецкихъ пересказахъ: Соломонъ даритъ дѣвушкѣ кольцо, очевидно, не въ награду за то, что она позволила ему напиться изъ царскаго кубка: то кольцо обручальное, и Соломонъ даритъ его съ умысломъ, разсчитывая, что по перстню жена узнаетъ о его присутствіи. Если въ русской повѣсти эта умышленность высказывается не ясно, то португальскія устраняютъ всякое сомнѣніе: здѣсь Ramiro-Соломонъ, попросивъ у дѣвушки напиться, опускаетъ въ кубокъ «половину камня (печати? перстня?), который подѣлилъ съ женою». Перстень или половина перстня, опущенная въ кубокъ, — излюбленное общее мѣсто народной эпики: такъ обыкновенно даетъ о себѣ знать женѣ мужъ, вернувшійся изъ отлучки (сл. пѣсни о Гильдебрандѣ и Добрынѣ, о Möringer и Генрихѣ Львѣ, герцогѣ Брауншвейгскомъ и др.) [1] Для насъ ясно, что въ общемъ, отдаленномъ оригиналѣ русскаго и порту-

---

[1]) Сл. Müller въ: Die Fahrt in den Osten въ Schambach. u. Müller, Niedersächsische Sagen und Märchen; R. Köhler въ Eberts Jahrb. f. rom. u. engl. Literatur VIII, p. 356—9; Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ, p. 523—32; Bartsch, Herzog Ernst, p. CX sqq. — Эпизодъ съ кольцомъ,

гальскихъ разсказовъ Соломонъ не подозрѣвалъ, что жена его увезена по своей волѣ, либо слюбилась съ похитителемъ — иначе посылка перстня была-бы не умѣстна. Въ португальской повѣсти на вопросъ царицы, что привело его сюда, Ramiro-Соломонъ отвѣчаетъ: любовь къ тебѣ, а она говоритъ ему, что онъ пришелъ за своей смертью. Въ русскомъ сказаніи о Соломонѣ и Китоврасѣ эти отношенія уже забыты: царица спрашиваетъ: «Соломане, ты пошто еси сюды пришелъ? И рече Соломанъ: пришелъ убо я по твою главу? И рече ему жена его Соломанова: самъ ты, Соломанъ, пришелъ на смерть» (С. и К. 221). Въ другихъ пересказахъ русской повѣсти, гдѣ вмѣсто Китовраса названъ Поръ (или похититель не названъ), отвѣтъ Соломона, понятый впослѣдствіи, быть можетъ, иронически, сохранилъ, тѣмъ не менѣе, слѣды древнихъ отношеній: «али ты меня [не] знаешь, что я пришелъ за твоею красотою и за дорогимъ умомъ и смысломъ?» (С. и К. 235). Такъ, и на этотъ разъ серьозно, въ одномъ, пока не изданномъ текстѣ сказанія, — принадлежащемъ г. Сырку — гдѣ похитителемъ Соломоновой жены названъ царь Кипрскій. «И выпроси его царица: что зде хощеши, Соломоне? Соломонъ рече: ты знаеши, колику любовь имахъ съ тобою, да зрящи лица твоего умру».

Объ источникахъ другихъ амплификацій, которымъ подверглось въ строфической поэмѣ основное сказаніе — я говорить не стану. Мнѣніе Фогта, что вторая половина поэмы, повторяющая, съ новыми именами (Princian) и нѣкоторыми отличіями, содержаніе первой — можетъ быть, основана на какой-нибудь особой версіи Соломоновской повѣсти (сл. стр. LXXIV—VI) — кажется мнѣ невѣроятнымъ и натянутымъ. Разсказъ о Принціанѣ представляется мнѣ и теперь (сл. С. и К. 286) такимъ-же

брошеннымъ въ кубокъ, изъ котораго пьетъ царица, встрѣчается въ одной изъ поэмъ Moallakat, что побудило Брагу приписать португальскимъ повѣстямъ въ Livros de linhagens — арабское происхожденіе. Сл. Romania I. c. p. 437.

эпическимъ дублетомъ, какихъ много въ поэмѣ; явленіе, побуждающее меня усумниться, чтобы поэма, въ такомъ именно составѣ, могла быть отнесена къ прототипу XII вѣка. Прежде (С. и К. стр. 264) я принималъ это опредѣленіе, какъ ходячее (Lachmann, Haupt, Rückert и др.), на вѣру, не имѣя въ виду провѣрить его критической работой надъ текстами, что лежало за предѣлами моей задачи. Теперь, когда работа эта сдѣлана Фогтомъ, у меня явились сомнѣнія, которыя разъяснитъ со временемъ какой-нибудь германистъ: я встрѣчаю ихъ и въ отзывѣ Paul'я о разбираемой нами книгѣ [1]). Генеалогія текстовъ, предлагаемая Фогтомъ (сл. стр. CVI, CVII, CVIII, CX—XI, CXII—CXV, CXVII—VIII, CLVII), довольно сложная; я сообщу её въ восходящемъ порядкѣ: дошедшіе до насъ тексты поэмы (одинъ изъ нихъ S, вѣроятно, XIV вѣка) восходятъ къ общему типу X, относимому ко времени около 1300 г.; между ними и X предполагается еще посредствующая степень преданія: Y. Такія-же степени отдѣляютъ X отъ древняго его оригинала: ближе къ послѣднему по времени слѣдуетъ отнести тѣ измѣненія основнаго текста, которыя обогатили его новымъ содержаніемъ (введеніе сестры Фора, эпизодъ объ Изольтѣ), далѣе — тѣ, которыя относятся къ разряду интерполяцій и искаженій. — Древній оригиналъ, обнимавшій съ исторіей Фора и разсказъ о Принціанѣ, относится къ послѣднему десятилѣтію XII вѣка, точнѣе, ко времени послѣ 1191 года, такъ какъ авторъ, какъ видно, зналъ о вторичномъ взятіи Акки христіанами; цитаты, на которыхъ основаны эти заключенія, взяты изъ второй части поэмы, т. е. изъ разсказа о Принціанѣ, въ предположеніи, что въ упоминаніяхъ Акки скрываются дѣйствительно-историческіе факты (стр. CXII). Можно ожидать, что въ текстѣ, фабула котораго пришла съ византійскаго востока, встрѣтятся соотвѣтствующія географическія обозначенія, удержанныя изъ подлинника, не навѣянныя перескащику современными ему событіями. Еслибы

[1]) Literaturblatt f. germ. u. roman. Phil. 1881, № 1, p. 9.

Акка встрѣтилась намъ въ одной изъ русскихъ повѣстей о Соломонѣ, заключенія Фогта устранились-бы сами собою. Какое значеніе имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, для хронологіи повѣсти упоминаніе Кипра и названіе города, гдѣ Соломонъ ставитъ свою рать въ засадѣ, «еже наричется Афь», находящіяся въ упомянутомъ выше текстѣ г. Сырку?

Въ заключенія остается еще одинъ открытый вопросъ, который, какъ кажется (сл. p. LXV), вовсе не представился Фогту. Предполагаемый имъ оригиналъ нѣмецкой поэмы, XII вѣка, является распространеніемъ болѣе древняго и простаго эпическаго *преданія* (Tradition), отразившагося, съ другой стороны, въ большей чистотѣ, въ короткомъ пересказѣ при Діалогахъ. Какъ понимать это «преданіе»? Устное или записанное и, въ послѣднемъ случаѣ, латинское или нѣмецкое? Можно допустить для XII вѣка существованіе древней поэмы съ содержаніемъ, отвѣчавшимъ пересказу при Діалогахъ, но нельзя надѣяться выдѣлить её изъ дошедшей до насъ строфической поэмы, если уже въ оригиналѣ послѣдней разсказъ о Принціанѣ сплоченъ былъ тѣсно съ болѣе древними частями саги (p. XLI).

Что преданіе объ увозѣ Соломоновой жены принадлежало къ распространеннымъ въ средневѣковой Европѣ — тому доказательствомъ служитъ разнообразіе его редакцій, частныя отличія которыхъ, при общемъ сходствѣ содержанія, указываютъ на значительную древность основнаго разсказа. Древнѣйшее свидѣтельство объ извѣстности нашей саги въ европейскихъ литературахъ встрѣтилось пока въ одномъ текстѣ XIII вѣка, что приближаетъ насъ ко времени предположенной нами древненѣмецкой поэмы, т. е. къ XII столѣтію. Въ chanson de geste объ Élie de Saint Gille, извѣстной мнѣ дотолѣ лишь по статьѣ въ Histoire littéraire de la France (t. XXII, p. 421; сл. С. и К. p. 294—5) и нынѣ изданной [1]), Elies такъ отвѣчаетъ на предложенія

[1]) Aiol et Mirabel und Elie de Saint Gille, hrsg. v. W. Foerster Heilbronn 1876: Elie de Saint Gille v. 1792—1798.

Rosamonde:

v. 1792 Dame, che dist Elies, ne sui pas a aprendre.
Salemons si prist feme dont souent me ramenbre,
.IIII. iors se fist morte en son palais meisme,
Que onques ne crola ne puing ne pie ne menbre;
Puis en fist .i. vasaus toute sa consienche.
Par le foi que nous doi, fole cose est de feme,
Certes c'om plus le garde, donques le pert on senpre.

Къ этой прямой иллюзіи на невѣрность Соломоновой жены G. Paris присоединилъ недавно и еще одно указаніе, хотя и не столь опредѣленное: въ одной старофранцузской сатирѣ на женщинъ говорится между прочимъ:

N'est pas sage qui femme croit,
Morte ou vive, qui qu'ele soit,
Car li sages reis Salomon,
Qui de sen out si grant renon
Que plus sage de li ne fu,
Fut par sa femme deceu [1]).

Славяно-русскія повѣсти о Соломонѣ, сохранившіяся лишь въ позднихъ спискахъ, при всей своей архаичности, не могутъ служить прямымъ доказательствомъ древней извѣстности саги. Но я обращаю вниманіе на одинъ аргументъ въ пользу этой древности, на который уже указано въ моемъ изслѣдованіи (С. и К. p. 223—4): на изображеніе Талмудической легенды о Соломонѣ и Асмодеѣ-Китоврасѣ на Васильевскихъ вратахъ новгородскаго Софійскаго собора, относимыхъ къ XIV вѣку. «На первомъ полѣ исполинская крылатая фигура Кентавра-Китовраса держитъ въ одной рукѣ небольшую фигуру въ зубчатой коронѣ, очевидно Соломона, котораго онъ сбирается забросить. Вдали такая-же фигура сидитъ на престолѣ; это — опять-же Соломонъ передъ тѣмъ, какъ Китоврасъ схватилъ его: такія удвоен-

[1]) Romania № 35, p. 436—7 и сл. прим. 1 на стр. 437.

ныя изображенія одного и того-же лица въ разныхъ положеніяхъ довольно обычны въ старинныхъ миніатюрахъ. Или это Китоврасъ, принявшій, по разсказу Талмуда, образъ изгнаннаго царя и возсѣвшій на его престолъ. Надпись къ этому изображенію не вся сохранилась или не вполнѣ записана: «(Ки)товрасъ меце *братомъ своимъ* на обѣтованную землю зр(ѧ?)». Онъ, стало быть, бросилъ его въ другую сторону, отъ себя, или надо читать съ Палеей: *на конецъ;* подъ *братомъ разумѣется Соломонъ, но такимъ, какъ извѣстно, онъ является только въ легендѣ о похищеніи.* Въ Палеѣ Китоврасъ — темное, демоническое существо, въ легендѣ онъ — царь, почему на софійскихъ вратахъ изображенъ въ коронѣ, и, кромѣ того, — *«по родству братъ царю Соломону»*. Ясно, что обѣ редакціи сказаній о Китоврасѣ уже существовали совмѣстно».

Къ XIV же вѣку относится запись двухъ, упомянутыхъ выше, португальскихъ повѣстей. Къ нимъ мы еще вернемся; онѣ во всякомъ случаѣ могутъ служить лишь косвеннымъ доказательствомъ древности соломоновскаго сказанія въ Европѣ, такъ какъ, воспроизводя нѣкоторыя изъ его основныхъ данныхъ, замѣняютъ традиціонныя имена другими, мѣстными, почему возможенъ вопросъ: насколько общее между ними и соломоновской легендой въ самомъ дѣлѣ является ея отраженіемъ.— Тоже слѣдуетъ сказать о поэмѣ о Ротерѣ, содержаніе которой не разъ сближали съ соломоновской сагой, и о chanson de geste o Bastard de Buillon, на которую недавно указалъ G. Paris [1]). Такъ какъ на сюжетъ послѣдней, на сколько онъ касается интересующаго насъ преданія, лишь въ послѣднее время обращено было вниманіе, я сообщу его въ короткомъ пересказѣ [2]). L'amulainne d'Orbrie просваталъ свою дочь, красавицу Ludie, за любимаго ею Corsabrin (сл. v. 4638, 4916), но li bastars de Buillons, Бодуэнъ, овладѣваетъ ею и женится на ней противъ ея воли.

---

[1]) Romania № 27, p. 461—2.

[2]) Li Bastars de Buillon, ed. A. Scheler. Bruxelles, 1877, v. 4503 sqq.

Пока онъ сражается подъ Вавилономъ, Ludie (Ludyane), оставшись въ Orbrie, убѣгаетъ оттуда на кораблѣ къ своему милому Corsabrin, въ Mont Oscur. Вернувшись и узнавъ о бѣгствѣ жены, li bastars въ горѣ, но онъ любитъ Ludie, увѣренъ

5804 se mes corps le ravoit,
Que jamais a nul jour elle ne mesferoit.

Вмѣстѣ съ Huon de Tabarie онъ направляется къ Mont Oscur, проникаетъ туда, переодѣтый угольщикомъ, когда Corsabrin'a не было дома (v. 5908: Ales fu en riviere assaier un faucon), и открывается женѣ, которая принимаетъ его съ притворною радостью, кается въ своемъ проступкѣ и только проситъ не корить её. Она велитъ приготовить ему баню, а сама шлетъ за Корсабриномъ, который является съ вооруженными людьми. Ludie хвалится: она сдѣлала болѣе, чѣмъ всѣ сарацины, когда одна съумѣла захватить въ плѣнъ Бодуэна. Стыдно будетъ, если его убьютъ въ банѣ, говоритъ онъ Корсабрину; но тотъ рѣшилъ подвергнуть его суду и казнить постыдной смертью, и Ludie укрѣпляетъ его въ этомъ намѣреніи. Бодуэна одѣли въ царскія одежды, а Корсабринъ предлагаетъ ему вопросъ: Чтобы онъ съ нимъ сдѣлалъ, еслибъ залучилъ его въ свои руки?—Повелъ-бы въ лѣсъ

5993 Et au plus tres haut arbre que je i trouveroie,
Je vous ai en couvent, pendre vous i feroie;
Enchois tous un et un eslire les iroie.

Корсабринъ рѣшаетъ такъ именно поступить съ плѣнникомъ. Уже Бодуэна втащили на дерево и накинули на него петлю, а помощи всё нѣтъ. Онъ пускается на хитрость: проситъ, чтобы его казнили «si com faisons morir un gentilhonme franc» (6062). На вопросъ Корсабрина, какъ это дѣлается, онъ отвѣчаетъ:

v. 6065 «Sire, ou leur baille un cors ains qu'ils voisent mourant,
La cornent quatre fois ou cinq en un tenant;

Li cornemens qu'ils font, ch'est en senefiant
Qu'il acornent les angeles du trosne reluisant,
Qu'il vienent querre l'ame, s'on moert en repentant;
Apres che cornement a il d'espasse tant
Qu'il die une priere a Dieu le tout poissant,
Et apres l'orison on le va estranlant,
Ou on li va le chief d'une espee trenchant».

Корсабринъ соглашается на эту просьбу, Бодуэну даютъ рогъ, и онъ принимается трубить такъ громко и жалобно, что Hues услышалъ его и понялъ, что его другъ въ опасности. Онъ является на выручку во время; Корсабринъ убитъ въ слѣдующей за тѣмъ свалкѣ, Mont Oscur взятъ; Huon проситъ Бодуэна — исполнить одно его желаніе, и, когда тотъ выразилъ согласіе, требуетъ, чтобы судьба Ludie была предоставлена ему. Лишь-бы ты не поступилъ съ ней жестоко, говоритъ Бодуэнъ, полагая, что её можно-бы помѣстить въ монастырь. Мы и помѣстимъ её въ монастырь — изъ дерева и угольевъ, отвѣчаетъ Hues; Ludie сожжена.

Развязка этого эпизода, начиная съ появленія Бодуэна въ Mont Oscur, близко отвѣчаетъ такой-же развязкѣ соломоновской повѣсти, на сколько она извѣстна изъ нѣмецкихъ и русскихъ пересказовъ. Въ Ротерѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же очертанія разсказа, но нѣкоторыя характерныя подробности затушеваны: Ротеръ, стоя подъ висѣлицей, собирается трубить (v. 4183), чтобы призвать на помощь Аспріана, — когда въ сущности онъ уже внѣ опасности, потому что графъ Арнольдъ поспѣлъ къ нему на выручку; забывчивостью автора слѣдуетъ объяснить, что трубитъ на самомъ дѣлѣ не Ротеръ, а одинъ изъ его вассаловъ, Luppolt von Meylân (v. 4197—8). — Съ точки зрѣнія соломоновской фабулы, призывный звукъ трубы долженъ быть раздасться передъ появленіемъ Арнольда и его дружины, которые такъ начинаютъ расправлятьси съ язычниками, что

die dâr wâren schadehaft,
si jâhen iz dâde die godes kraft.

Потому-ли, что язычники видѣли вообще въ побѣдѣ христіанъ непосредственную помощь Божію (Rückert), или въ воспоминаніе той engelische diet (Salman u. Morolf str. 495), les engeles du trosne reluisant, о которыхъ иносказательно говоритъ Соломонъ и Бодуэнъ?

Сцена подъ висѣлицей, съ звукомъ рожка и выжидающей его засадой, нерѣдко встрѣчается отдѣльно (въ русской и нѣмецкой сказкѣ, въ балладѣ о Робинъ-Гудѣ, въ Cent nouvelles nouvelles № LXXV и т. п. Сл. С. и К. p. 297) и сама по себѣ еще не даетъ повода привязать подобнаго рода сказанія къ соломоновской сагѣ. Если далѣе я приведу отрывокъ болгарской пѣсни[1]) съ тѣмъ-же мотивомъ, то единственно съ цѣлью указать на его существованіе и на славянскомъ югѣ, можетъ быть, внѣ всякой связи съ разбираемымъ нами цикломъ. — Паша завлекаетъ къ себѣ юнака Радана обѣщаніемъ сдѣлать его байрактаромъ; вмѣсто того онъ сбирается его казнить:

На края сѫ го извели,
извели, щѫт го посѣкут.
Радан гавази думаше:
гавази, верни пашенци,
кръв-та си халал да сторѭ,
молба щѫ ви са помолѭ,
догдѣ не сте ма затрили,
със свирка да-си посвирѭ,
да чуѥ мало голѣмо
какво си Радан загинва.
Гавази го сѫ пуснѫли,
Радан със свирка засвири,
та сѫ гори-те писнѫли.
Радоя дума дружина:
дружина, млади юнаци,
тъзи ѥ свирка вуйчова,
що-ли ми жално тъй свири?
скочѣте, верна дружина,

---

[1]) Dozon, Български народни пѣсни № 23.

да идем вуйчу на ярдам.
Радан си свирка изкара,
тамам му очи преврѣзват.
Радой с юнаци довтаса,
гавази от край разтира,
вуйча си на грѣб задигнѫ,
та го въ гора-та занесе.

II.

Отъ вопроса о древности соломоновскаго преданія въ Европѣ перейдемъ къ другому, не менѣе интересному: каково могло быть его древнѣйшее содержаніе? Русскіе пересказы сохранили его, вѣроятно, въ значительной чистотѣ; они не знаютъ тѣхъ измѣненій, которыя внесъ въ него авторъ строфической поэмы; одинъ изъ нихъ называетъ похитителя жены Соломона — его братомъ, Китоврасомъ, что̀ бросаетъ неожиданный свѣтъ на первоначальное значеніе Морольфа, являющагося въ поэмѣ также братомъ Соломона, но уже его пособникомъ. — На основаніи этихъ данныхъ Фогтъ попытался (p. LVIII—IX) возстановить общія очертанія той византійской повѣсти, изъ которой произошли какъ русскія, такъ, на болѣе поздней степени развитія, и нѣмецкія ея редакціи. Я думаю, что возстановленіе такого удаленнаго типа едва-ли возможно при односторонности данныхъ, такъ какъ братство Соломона и похитителя засвидѣтельствовано пока одной лишь группой славяно-русскихъ повѣстей.

На сколько схема г. Фогта касается вообще разсказовъ объ увозѣ Соломоновой жены, я предложу къ ней нѣсколько замѣчаній, съ точки зрѣнія славяно-русскихъ редакцій. Такихъ извѣстно мнѣ было двѣ: 1) неполная, съ похитителемъ *Китоврасомъ;* недостающій въ ней эпизодъ находится въ текстѣ, изданномъ съ тѣхъ поръ Обществомъ Любителей древней писменности, № XV. (Китовр.); 2) полная, напечатанная по нѣсколькимъ текстамъ, съ *Поромъ* или безыменнымъ царемъ (Поръ). Къ этимъ

редакціямъ можно присоединить теперь и 3) находящаяся въ рукописи XVI в., вывезенной изъ Филиппополя г. Сырку, и въ ркп. Имп. Публ. библ. Пог. № 1606, XVII в.[1]): похитителемъ является *Кипрскій царь* (Кипр.).

Царь, противникъ Соломона, посылающій пословъ къ его женѣ, увозитъ её съ ея собственнаго согласія. Фогтъ вноситъ эту подробность въ свою схему—изъ нѣмецкаго преданія, которому, будто-бы, не отвѣчаютъ славянскія (сл. р. LXIV). Это не совсѣмъ такъ. Для редакціи съ Китоврасомъ, которой я могъ пользоваться лишь въ текстѣ Пыпина, неполномъ въ эпизодѣ объ увозѣ, предположеніе Фогта подтверждается. Иначе въ текстахъ съ Поромъ и Кипрскимъ царемъ. Увозъ жены посломъ Китовраса такъ разсказанъ въ текстѣ Общ. Люб. Древн. Писменности: волхвъ, посланный Китоврасомъ, является въ Соломоново царство въ образѣ купца; Соломонъ прельщается царской порфирой, выставленной имъ на показъ, «и повеле еѧ в'зати к' себе в' казну и приказалъ за неѧ денги выдать. И рече Соломонъ гс̑тю: купче, будь заутра ѿобѣдать. Волхвъ удари челомъ ц҃рю и поиде на карабль радуѧсѧ; — утру-же день пріиде волхвъ же тои ко ц҃рю Соломону ко ѡбеду (пріиде); ц҃рь же Соломонъ повеле посадити в' честне месте и даѧ ему великую честь. *Волхвъ же той пирова у ц҃рѧ Соломона и ѡмрачи его и всѧ люди его и поиде во ц҃ревы полаты и напусти на жену его сонъ великъ и на всехъ пр̑естоѧщихъ ту и в'зѧ еѧ ц҃рицу на руки и ѿнесе еѧ въ корабль свой*, и принесши еѧ ц҃рцу и положи в' корабли. И скоро ѿидоша волхвъ во свой гр̑а. *Во утриже пробудисѧ ц҃рца уже в' корабле спѧща и нача еѧ утешати лукавыми своими словесы.* И пріиде волхвъ ко ц҃рю Китоврасу и даѧ ему Соломонову жену; ц҃рь-же Китоврасъ нача волхва чтити и дарити. И в'скоре уведа ц҃рь Соломонъ, что жена его въ Лукорье у ц҃рѧ Китовраса, и собра ц҃рь Соломонъ войско свое великое и поиде на ц҃рѧ Китовраса и пріиде близъ его цр̑тва и нача разъ-

---

[1]) Текстъ послѣдней печатается нами въ Приложеніи № 1.

мышлати себе: Аще поиду на цр҃А Китовраса, и онъ во граде своемъ запре҃сѦ; и умысливъ тако во уме своемъ цр҃ь Соломонъ снѦ гуню, со старца нища, и поиде цр҃ь Соломонъ во гра҃ нищенскимъ образомъ милостины збирати и взѦ с' собою малую трубку (на поляхъ: рожекъ ѡвенъ) и приказа войску своему: Храбры мои юноши, слушайте гласа моего: аще-ли Ѧ заиграю в' трубку, и вы будите вси воѡружены; аще-ли во вторый Ѧ вострублю и т. д. [1]).

Иначе разсказанъ увозъ царицы въ редакціяхъ не знающихъ Китовраса; здѣсь онъ развитъ подробно и съ нѣкоторыми новыми чертами, обличающими общій источникъ. Я приведу для сравненія отрывки текстовъ второй и третьей редакцій. Посланникъ царя *соблазняетъ жену Соломона* подарками. Она спрашиваетъ его:

«Есть-ли у вашего царя царица? — И посланникъ рече: «нашь царь Поръ пытаетъ себѣ царицы, и мѣсто ей уготованно на вѣтренномъ обходѣ царствовати и *звѣзды на небѣ считати* и мѣсяцъ переводити въ нашемъ царствѣ». И рече царица Соломонова: «азъ иду за вашего царя Пора премудраго» (Поръ. Сл. С. и К. р. 232).

«Да царица вашего царя каково рухо носить? Исполинъ рече: Нашь царь царицу не имать, понеже не обрѣтаеть тоговѣ красотѣ прилика, нь аще пойметь царицу, оуготоваль есть полатоу *да съ звѣздами играеть.* Царица въ тайнѣ рече ему: Да хотѣль ли бы менѣ вьзети?» (Кипр. по ркп. Сырку).

Въ нѣмецкихъ пересказахъ царь подсылаетъ къ Соломоновой женѣ шпильмана или двухъ шпильмановъ; въ русскихъ текстахъ редакціи съ Поромъ: княженецкаго слугу, пословъ, либо гостя Пашу съ царевымъ бояриномъ (С. и К. 231). Иначе въ по-

---

[1]) Далѣе оба текста совпадаютъ. Попытка (С. и К. 221) восполнить пробѣлъ текста, напечатаннаго Пыпинымъ, при помощи сходныхъ повѣстей о Порѣ, симъ устраняется.

вѣсти о Китоврасѣ: здѣсь посланнымъ является какой-то *волхвъ*, и я полагаю, что такъ могло быть и въ первоисточникѣ редакціи съ Кипрскимъ царемъ: въ подлинникѣ могло стоять *влъхвъ*, что ближайшій перепищикъ исказилъ въ *волотъ*, а слѣдующій перевелъ *исполиномъ*. Такъ именно въ разсказѣ филиппопольской рукописи (и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ петербургскаго списка) «и обрѣтеся исполинъ ѐдинъ и вьзеть многоцѣнное каменіе и бисерь.... и принесе вь землю Соломоновоу». — О шпильманахъ говорится въ короткомъ пересказѣ Діалоговъ, что они знали «die kunst von czauberien» (v. d. Hagen 1630); въ строфической поэмѣ волхву отвѣчаетъ дядя короля Фора:

93 Ein heiden der hiez Elias,
der zouberliste ein meister was,
Fôre was sîn ôheim;
er wirkt mit zouberlisten
in ein vingerlîn einen stein,

и кольцо это посылаетъ Фору, находившемуся въ плѣну у Соломона; имъ онъ и склоняетъ царицу къ любви. Если мы припомнимъ, что плѣнъ Фора въ строфической поэмѣ — черта поздняя, и что въ ея источникѣ Форъ оставался у себя и дѣйствовалъ посредствомъ посла, такимъ могъ являться волхвъ Илія, отвѣчающій волхву нашихъ повѣстей. Память о такой именно его роли, можетъ быть, сохранилась въ новомъ составѣ поэмы: когда Fôre подошелъ съ войскомъ къ Іерусалиму съ требованіемъ отдать ему Соломею, онъ посылаетъ къ Соломону *посла*, герцога *Eliân'а*. Eliân дифференцированъ изъ Elias, посольство перенесено въ другой эпизодъ поэмы, новаго происхожденія: походъ подъ Іерусалимъ долженъ былъ приготовить плѣнъ Фора у Соломона.

Въ пересказѣ Діалоговъ Морольфъ испытываетъ точно-ли умерла царица, погруженная въ волшебный сонъ, и съ этой цѣлью льетъ ей на руку растопленный свинецъ. Отправляясь на поиски, онъ одѣвается купцомъ:

Eme wart eyn karin, als er hatte geseyt,
Von hentschuwen und kramgewant,
Damydde er fur yn dem land (v. s. Hagen v. 1722—4).

Царица приходитъ посмотрѣть на его товаръ:

Da sie die hentschuwe begunde sehen,
Daruff begonde Morolff spehen,
Da ging ir das loch durch die hant,
Das yr das bly hatte gebrant (l. c. 1755—8).

Морольфъ доволенъ этимъ открытіемъ, онъ распродаетъ свой товаръ по дешевой цѣнѣ и тотчасъ-же возвращается къ Соломону.

Тѣ-же подробности въ русскихъ повѣстяхъ съ Поромъ: тоже прожженіе руки царицы, — испытаніе, которому подвергаетъ её самъ Соломонъ, дѣйствующій такъ иногда по совѣту Давида, недовѣрявшаго снохѣ. Когда царица увезена, Соломонъ снаряжаетъ пословъ во всѣ окрестные грады и страны; онъ даетъ имъ драгоцѣнныя руковицы, «узорочье на нихъ златомъ и сребромъ сотворено хитро»; онъ зналъ, что царица до нихъ великая охотница. Или онъ прямо шлетъ посла въ царство Порово и даетъ ему съ собою «златъ вѣнокъ жемчюгомъ усаженъ и золотъ рукавокъ [съ] самоцвѣтнымъ каменемъ». Этотъ рукавокъ или вѣнокъ доставляетъ посланнику Соломона, который выдаетъ себя прохожимъ человѣкомъ, доступъ къ царицѣ; онъ её тотчасъ-же призналъ по прожженному знаку на рукѣ, и, вернувшись, сообщаетъ обо всемъ Соломону (С. и К. 232—4).

Основной типъ разсказа былъ очевидно такой: посланникъ Соломона отправлялся на поиски въ образѣ купца; рукавицы взяты имъ съ умысломъ, потому что, примѣряя ихъ, царица обнаружила бы извѣстный знакъ на рукѣ. Если въ русскихъ повѣстяхъ (Поръ) драгоцѣнныя руковицы являются уже въ числѣ диковинокъ, которыми посолъ Пора соблазняетъ Соломонову жену, то здѣсь произошло простое перенесеніе подробностей: въ редакціи съ Китоврасомъ его посолъ — волхвъ, являющійся въ Іерусалимъ въ образѣ купца, кажетъ царицѣ царскую пор-

иру (С. и К. 232 и 220).— Далѣе пошло искаженіе основнаго сказанія въ нѣмецкой строфической поэмѣ: тоже испытаніе обмершей царицы (Морольфъ льетъ ей на руку растопленное золото, str. 133); она увезена, и Морольфъ, отправившись за нею, встрѣчается съ нею впервые въ образѣ паломника (str. 185; сл. 204) [1]), играетъ съ ней въ шахматы (str. 225 sqq.): эпизодъ, насильственно введенный въ поэму и полный противорѣчій. Его очевидная цѣль — дать Морольфу возможность признать царицу по знаку на рукѣ,— достигается послѣ цѣлаго ряда совсѣмъ не нужныхъ подробностей, и, что всего интереснѣе, редакторъ поэмы случайно сохранилъ въ своемъ разсказѣ одну черту, обличающую его первоисточникъ. Морольфъ давно играетъ съ царицей,

247 Allerêrst sach er ir durch die hant,
dâ er sie [mit dem golde] hette durch gebrant;
da die sunne durch den hentschůch schein,
allerêrst bekante er si rechte.
er slug ir noch einen stein.

Перчатка относится, очевидно, къ Морольфу, переодѣтому купцомъ: эпизоду, который авторъ поэмы замѣнилъ, довольно нескладно, другимъ. Что до Морольфа, являющагося торговцемъ (krêmer str. 708 sqq.) въ отдѣлѣ, посвященномъ Принціану, то онъ едва-ли имѣетъ традиціонное значеніе.

Еще одна подробность въ схемѣ Фогта обращаетъ на себя вниманіе. Византійская повѣсть, предположенная имъ, кончалась повѣшеніемъ похитителя и невѣрной жены на той самой висѣлицѣ, которая предназначалась Соломону. Если въ строфической поэмѣ повѣшеннымъ является лишь царь Pharo, то потому, вѣроятно, что авторъ сберегъ Соломею для новой невѣрности и казнь ея отсрочилъ. Но эта казнь другая: Соломонъ велитъ приготовить баню, куда ввели Соломею, и исполнителемъ казни является Морольфъ:

---

[1]) Съ стр. 185 vv. 4—5 сл. стр. 666 vv. 3—4. Обличаетъ-ли такое дословное повтореніе одного автора обѣихъ частей поэмы?

777 Dar în ging die frowe wolgetân,
fur sie kniete der listige man,
an der riemenâdern er ir lie,
er drukte sie sô lîse,
daz ir die sêle ûz gie.

Сравненіе съ пересказомъ Діалоговъ даетъ право заключить, что введеніе въ поэму эпизода о Принціанѣ разставило по разнымъ мѣстамъ обѣ казни, слѣдовавшія непосредственно другъ за другомъ. Въ пересказѣ Діалоговъ царь похититель погибаетъ вмѣстѣ съ другими подъ висѣлицей; не говорится, что онъ самъ повѣшенъ, можетъ быть, единственно благодаря краткому изложенію текста; Соломонова жена отправлена въ Іудейскую землю:

Man liesz ir in eyme bade;
Morolff das begade,
Das sie in dem bade starb:
Ir wart gelonet darnoch sie warb (v. d. Hagen v. 1845 sqq.).

Противъ этого согласія нѣмецкихъ сказаній русскія, дотолѣ извѣстныя, представляли иную редакцію смерти: въ текстѣ съ Китоврасомъ Соломонъ велитъ повѣсить его, невѣрную жену и волхва; въ текстѣ съ Поромъ повѣшенъ онъ самъ, царица и палачъ (пилатъ); либо Поръ, жена и ихъ дѣтище; въ одномъ пересказѣ повѣшены: царь, его послы (бояринъ и гость Паша), а царица размыкана жеребцомъ, къ которому её привязали (С. и К. 223, 236—7 и прим. 1 на стр. 237). Фогтъ (p. LXIII) находитъ въ казни Саломеи, какъ передаютъ её нѣмецкіе разсказы, неудачную попытку смягчить суровое наказаніе повѣшеніемъ, стоявшее въ древней сагѣ. Интересно замѣтить, что это смягченіе не принадлежитъ спеціально нѣмецкимъ текстамъ, а находилось, вѣроятно, уже въ ихъ оригиналѣ. Въ повѣсти Кипр., вообще вносящей новыя данныя въ вопросъ о соломоновской сагѣ, эпизодъ о казни разсказывается такимъ образомъ: Соломонъ проситъ повѣсить его на «дъбѣ велицѣ» (см. дерево вмѣсто висѣлицы въ соотвѣтствующемъ отрывкѣ Bastard de Buillon); ему позволяютъ потрубить, даютъ «трубу осмогласну», и онъ трубитъ

десять (?) разъ. Слѣдуетъ появленіе Соломонова войска и расправа съ виновными. «Царь рече: «Ей, Господи, даждь мнѣ сладкую смерть!» *И тако поусти ему кръвь* (т. е. Соломонъ) *на вьсехъ жилахъ его и оумрѣ сладко. А царицоу свеза фаріамъ за ноѕѣ и растръзахоу ею*» (ркп. Сыркоу) [1]).

Предъидущія замѣчанія убѣдили, какъ мнѣ кажется, что прежде чѣмъ пытаться возстановлять схему древнѣйшей византійской повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены, полезно было-бы разобраться въ дошедшихъ до насъ текстахъ сказанія, преимущественно славяно-русскихъ, свести ихъ къ нѣсколькимъ группамъ и затѣмъ попытаться опредѣлить ихъ ближайшіе типы. Эти типы дали-бы, быть можетъ, матеріалъ для построенія генеалогическаго древа, въ корнѣ котораго мы нашли-бы искомую византійскую повѣсть — или нѣсколько повѣстей, въ чемъ я не увѣренъ. Во всякомъ случаѣ такая работа выяснила-бы кое-что изъ исторіи Соломоновской легенды, *непосредственно* лежащей за сохранившимися до насъ текстами. Я попытаюсь указать на небольшомъ количествѣ фактовъ, что ожидать такого результата возможно, и болѣе прочнаго, чѣмъ тотъ, который я пока въ состояніи предложить лишь въ видѣ догадки.

Въ нѣмецкой строфической поэмѣ Соломонъ увлекаетъ себѣ жену насильно: она родомъ изъ Индіи (von Endiân str. 2),

3. *Ir vater hiez Cypriân.*
Salmân si im uber sînen danc nam,
er fůrte si uber den wilden sê,
er hete si gewalticlîche
ûf der gůten burg zů Jerusalê.

[1]) Текстъ Кипрской легенды въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погод. № 1606, вообще сходный съ филиппопольскимъ и лишь подновляющій его языкъ (бѣлѣгъ — знамя, прѣбѣгъ — воинъ и т. п.) расходится съ нимъ послѣ разсказа о казни царя («пусти ему кровь изо всѣхъ жилъ, и тако мало страдавъ и умре»): тогда какъ филиппопольскій текстъ говоритъ въ двухъ словахъ о смерти царицы, растерзанной конями, погодинскій замѣняетъ эту казнь повѣшеніемъ и вводитъ передъ тѣмъ разговоръ Соломона съ его женою.

Славяно-русскія повѣсти совершенно не знають о такомъ насильственномъ увозѣ у отца. Въ Палеѣ есть эпизодъ, который я пытался объяснить въ другой связи (сл. С. и К. прим. 1 на стр. 217—220 и 350): *Соломонъ проситъ руки царевны*, «*и не даше за него.* И рече Соломонь бѣсомъ: Идите и возмите царицю ту и приведите ю къ мнѣ. Бѣси-же шедше похитиша ю на переходѣ, идущю отъ полатъ отъ матери, и всадиша ю въ сан'далъ *и помчаша ю по морю*». На пути она видитъ разныя диковинки: мужа, бродящаго въ водѣ и просящаго напиться, двухъ козловъ, ходящихъ за косцемъ и поѣдающихъ всё, что онъ ни накоситъ и т. п. Иносказательное толкованіе этимъ видѣніямъ даетъ Соломонъ уже по пріѣздѣ къ нему царевны. «И такъ бысть ему жена».

Cyprîân еще разъ является въ поэмѣ (str. 32—34): когда Fôre собрался на Іерусалимъ съ цѣлью достать Саломею, Cyprîân жалуется ему на насильственное похищеніе своей дочери Соломономъ и обѣщаетъ Фору военную помощь. — Такъ какъ походъ Фора, по всей вѣроятности, введенъ впервые въ разсказъ авторомъ строфической поэмы, то ставится вопросъ, въ какой роли являлся *Cyprîân* въ ея источникѣ? Его имя едва-ли слѣдуетъ отдѣлять отъ *Кипрскаго царя*, являющагося въ текстѣ Кипр. въ роли похитителя соломоновой жены: на сценѣ «царь *Купрьски*» или «Кипрскій», «*Купръ*», «*земля Купръская*», гдѣ стоитъ городъ Аѳь (только въ текстѣ Сырку); раздѣлавшись съ похитителемъ, Соломонъ «*прье землю Кыпрьскую*». Cyprîân = кипрскій царь бросаетъ свѣтъ на географическую подробность одного русскаго пѣсеннаго пересказа объ увозѣ Соломоновой жены[1]), гдѣ въ роли

[1]) Рыбниковъ, Пѣсни, II, № 53. Къ литературѣ такихъ народныхъ, пѣсенныхъ и прозаическихъ пересказовъ, приведенной въ моей книгѣ, слѣдуетъ прибавить: Рыбн. Пѣсни IV, № 18 (варіанты къ III, № 56); Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи, р. 21—25 (Старина про Василья Окульева); Драгомановъ, Малор. народн. преданія и разсказы стр. 103—5 (царь Соломонъ и жена его).

Пора-Fôre является прекрасный царь Василій Окульевичъ, царящій въ поганомъ царствѣ *Кудріанскомъ*, за славнымъ за синимъ моремъ. Эпитетъ *Кудріанскій*, встрѣтившійся мнѣ лишь въ этомъ мѣстѣ, имя царя мучителя св. Георгія въ нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ стихахъ: *Кудріанище*, *Кудрянище* [1]) — можетъ быть, ни что иное, какъ народное пріуроченіе менѣе понятныхъ: *куприянинъ*, *купранинъ*, *купраньскъ* (сл. сирианьскъ). Сл. Cyprîan.

Для послѣдующаго важно введеніе къ легендѣ Кипр., которое мы сообщаемъ въ текстѣ г. Сырку. «Бѣше Соломонъ царь прѣмудрь, сынъ Давида царя и пророка Господня, и обладаше вьсу землю, имаше веліа дѣла о себѣ, *хождаше яко единь прѣбѣгь строющисе къ вьсѣмъ царемъ и бледоваше съ женами цреверми й възимаше бѣлѣгь ѡтъ царицу, и егда отхаждаше въ свою землю, поущаше имь бѣлѣгь, иже възимаше отъ жены ихъ.* И тако твораше вьсѣмъ царемь и ругашеся имь. Давидь црь рече: О Соломоне, поими себѣ жену, не твори тако. Соломонъ рече: Аще не обрѣщу себѣ прилику, иноу не поимоу. И ѡбрѣте женоу вь Пер'сихъ вьсего свѣта лѣпшую. И (е)гда приведе ю вь домь свои, и виде ю Давидь царь и рече Соломоноу: Вь истыну сіа лѣпота много скан'далоу оучинить! Соломонъ рече: Отче, какову скандалу оучинить? где обрещеть подобра отъ мене? Азъ есмь царемь (царь?), азь мудрь отъ вьсего свѣта, азъ лѣпши. — Давидь рече: О сыну Соломоне, коа лѣпота нѣсть прилична кь людемъ, то дѣла неприлична сътворить». Слѣдуетъ непосредственно разсказъ о томъ, какъ Кипрскій царь задумалъ взять себѣ Соломонову жену. О какихъ-бы то ни было предъидущихъ отношеніяхъ между ними нѣтъ рѣчи, и не видно также, чтобъ Соломонъ увлекъ свою жену насильно. Разсказывается, что передъ тѣмъ онъ являлся къ разнымъ царямъ, *«яко единъ прѣбѣгь»*, transfuga, αὐτόμολος, соблазнялъ ихъ женъ, и, взявши отъ нихъ какое нибудь

[1]) Безсоновъ, Калѣки I, стр. 468 sqq. № 107.

знаменіе, *бълтъ*, посылалъ его потомъ ихъ мужьямъ, глумяся надъ ними.

Эти подробности важны въ связи съ другими, являющимися въ русскихъ повѣстяхъ о Соломонѣ и Порѣ; въ моемъ изслѣдованіи (С. и К. 230) я обратилъ на нихъ слишкомъ мало вниманія. Въ одномъ пересказѣ (Тихонравовъ № II), соединяющемъ повѣсть объ увозѣ съ разсказомъ о дѣтствѣ Соломона, царевичъ, заброшенный по проискамъ своей матери, возрастаетъ среди крестьянскихъ дѣтей, проявляя свой рѣдкій разумъ мудрыми судами; оттого его и зовутъ Разумникомъ. Онъ является въ Индію богатую, къ царю Пору, и говоритъ: «азъ изъ (за) теплаго моря крестьянскія вѣси сынъ дворянскій, а имя мое — Разумникъ нарицаюся. — И царь Поръ, видя красоту лица его и мудрость, и повелѣ ему быти у царицы своей въ кравчихъ. И царица, видя Соломонову мудрость и красоту лица его, и нача его любити.... И даде ему перстень златой мужа своего, Пора царя. Взя Соломонъ перстень у царицы, сотвори съ нею грѣхъ и живяше по своей воли.... Устрои корабль тайно и поѣде кораблемъ на теплое море, а царицѣ велѣлъ ожидать себя вскорѣ».—Перстень далѣе забытъ; позднѣе Соломонъ, по совѣту Давида, женится на дочери цареградскаго царя Вотоломона (вар. ркп. Барсова: Волотономона; Волотъ бесѣды Іерусалимской; Волотъ, Волотоманъ, Волонтоманъ, Молотоминъ и т. д. духовнаго стиха о Голубиной книгѣ), Соломонихѣ (Соломонида въ Іерусал. Бесѣдѣ; Саламидія, Саломонидія, въ дух. стихѣ о Голуб. кн.), которую увозитъ не Поръ, а «нѣкій царь», за котораго супруга Соломона «желала прежде замужъ, [когда] *ей бывшей дѣвицей сущей*».

Значеніе перстня выясняется изъ другаго пересказа повѣсти (Тихонравовъ № I; сл. текстъ Пыпина): Соломонову царицу увозитъ Поръ, который самъ извѣщаетъ о томъ Соломона: «Нѣвъ кое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и *перстень златой въ дарѣхъ и съ царицею моею пребылъ* [*и*] *въ моемъ царствѣ;* а нынѣ я съ твоею царицею пребываю: твоя царица у меня нынѣ увезена, у царя Пора въ царствѣ». — Сличеніе съ № II

Тихонрав. позволяетъ возстановить слѣдующимъ образомъ разсказъ о перстнѣ: Соломонъ, явившись скитальцемъ, бѣглецомъ (прѣбѣгъ) въ Порово царство, соблазняетъ его жену, беретъ у нея перстень, подаренный ей мужемъ, и вернувшись въ Іерусалимъ, посылаетъ этотъ перстень Пору, какъ знаменіе, *бълъгъ* своего пребыванія съ царицей [1]). Не этимъ-ли мотивировался увозъ Соломоновой жены именно Поромъ? Или Поръ первоначально былъ заинтересованъ въ мести лишь на столько, на сколько Cyprian, дочь котораго увлекъ Соломонъ, а похитителемъ являлся другой царь, за котораго первоначально желала выйти Соломонова жена? Въ Bastars de Buillon Ludie любитъ и просватана за Корсабрина, у котораго Бодуэнъ = Соломонъ отбиваетъ невѣсту; этимъ объясняется невѣрность Ludie, убѣгающей къ Корсабрину; бѣгство могло подставиться позднѣе на мѣсто увоза.

Разсмотримъ въ заключеніи тѣ португальскія повѣсти, № I—II, которыя недавно были привлечены къ изученію Соломоновскаго сказанія. Ихъ взаимныя отношенія я понимаю такъ, что № I сохранилъ лишь вторую половину сказанія, которую № II представляетъ въ цѣломъ составѣ, и, вѣроятно, съ измѣненіями.

1. (№ II) Король Рамиро (= Соломонъ) похищаетъ (будучи уже женатымъ) прекрасную сестру мавританскаго царя Alboazare Alboçadam (№ 1: Abencadão), съ помощію своего астролога Aaman'a. Онъ окрестилъ её и далъ ей имя Artiga, «que queria tanto dizer naquell tempo castigada e emsinada e comprida de todollos beens». — № 1, не знающій этого эпизода, даетъ имя Ortiga'и дѣвушкѣ, съ которой встрѣчается у колодца Ramiro,

[1]) Эпизодъ о перстнѣ въ нѣмецкой поэмѣ, въ отдѣлѣ Принціана, имѣетъ лишь отдаленное сходство съ разобраннымъ нами: Соломея отдаетъ Принціану перстень, подаренный ей мужемъ; Принціанъ даритъ его Морольфу, который и приноситъ его Соломону въ доказательство невѣрности его жены.

явившійся за своей женой; въ № II имя этой дѣвушки Perona; мнѣ представляется вѣроятнымъ, что имя Ortiga=Artiga зашло въ № I изъ болѣе полнаго сказанія, и попало не въ свое мѣсто.— Въ отместку за этотъ увозъ

2. (II и I) маврскій король похищаетъ жену Рамиро, который отправляется добывать её на галерахъ, покрытыхъ зеленою тканью, чтобы легче было укрыть ихъ у зеленыхъ береговъ. Его войско должно поджидать его въ лѣсу и выйти къ нему не иначе, какъ услушавъ призывный звукъ его рога. Самъ же онъ отправляется впередъ — и происходитъ та сцена у колодца и разговоръ съ женою, которые сообщены были выше. Царица велитъ запереть его въ особый покой, пока не явится мавръ, который спрашиваетъ плѣнника, что-бы онъ сдѣлалъ съ нимъ, еслибы онъ попался въ его руки. Отвѣтъ Ramiro въ № I ближе къ типу соломоновскихъ повѣстей, чѣмъ въ № II: eu. . . . abrera portas do meu curral e faria chamar todas as minhas gentes que viessem ver como morrias, e faria te sobir a um padrão e faria te tanger o corno atè que te hi sahice o folego. Въ № II Ramiro говоритъ, что самъ пришелъ отдаться въ руки врага и проситъ позорной смерти, по совѣту духовника, которому покаялся въ своемъ проступкѣ: что увезъ сестру человѣка, съ которымъ держалъ дружбу. Что жена настаиваетъ на смерти Рамиро (№ II) — несомнѣнно древняя черта. Мавръ соглашается казнить Ramiro, какъ онъ самъ того пожелалъ; Ramiro принимается трубить, и его войско спѣшитъ къ нему на помощь. Происходитъ общее избіеніе мавровъ, а царицу Ramiro беретъ съ собою на корабль и, привязавъ ей на шею жерновъ, бросаетъ въ море.

Соображая все сказанное на предъидущихъ страницахъ, я считаю возможнымъ предположить за нѣмецкой строфической поэмой и русскими повѣстями (о Порѣ и Кипрскомъ царѣ) такую редакцію Соломоновскаго сказанія:

1. Соломонъ увозитъ невѣсту (русск.; Bast. de Buillon), дочь (нѣм. поэма), сестру (португ.) другаго (соблазнилъ жену, русск.).

2. Его собственная жена похищена царемъ-язычникомъ.

3. Онъ отправляется за нею и добываетъ её. Сцена подъ висѣлицей.

При близкомъ сходствѣ содержанія, какое представляется между соломоновской повѣстью и нѣмецкой поэмой о королѣ Ротерѣ, можно допустить, что на основу послѣдней (сл. пересказъ Тидрексаги) повліяла подобная-же эпическая схема, въ которой я удержалъ имена поэмы:

1. Дочь константинопольскаго императора просватана за какого-то царя (Базилистія).

2. Ротеръ её увозитъ.

3. Ея отецъ (и женихъ) похищаютъ её у Ротера, который

4. Отправляется добывать её. Сцена подъ висѣлицей.

Если внести въ это содержаніе ту черту, что будущая жена похитителя увезена имъ съ ея собственнаго согласія и по любви (Тидрексага), схема по необходимости измѣнится — въ смыслѣ извѣстной намъ поэмы о Ротерѣ: она начнется съ № 2 (увозъ дѣвушки Ротеромъ) и 3-го (обратное похищеніе, устроенное отцемъ); № 1 пріурочится далѣе такимъ образомъ, что отецъ, дотолѣ не желавшій выдавать дочери и даже убивавшій всѣхъ сватовъ (v. 83, 328 sqq.), *теперь именно* принужденъ просватать её за другаго (Базилистія); № 4 останется на мѣстѣ. При такой (предполагаемой) перетасовкѣ содержанія становится понятнымъ, что Ротеръ еще не знаетъ своей будущей жены и поэма открывается совѣтомъ дружины

v. 27 daz er ein wîp nême,
de ime zû vrouwen gezême.

Нѣмецкія и русскія сказанія, сохранившія лишь отрывочныя памяти о предъидущей исторіи Соломеи, могли начинать съ того-же: какъ Fôre совѣтуется съ своими, какъ достать себѣ жену красавицу и сверстницу (str. 24—5), такъ и «красный и наличный царь» въ № III у Тихонравова и во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ пѣсенныхъ пересказахъ, становящихся особо отъ прозаиче-

скихъ повѣстей именемъ царя-похитителя: Василій Окульевичъ, Окуловичъ. Рукописныхъ текстовъ съ этимъ именемъ я не встрѣчалъ; Василій обыкновенно называется «*прекраснымъ* царемъ»; «не было.... на красоту Василья царя Окульева», говорится въ одномъ пересказѣ (Ефименко). Сл. начало Тихонр. III: «Бысть въ нѣкоемъ царьствѣ царь славенъ зѣло, величаше себе славою, называя себе *красный и наличный царь*»; замѣтимъ, что этотъ текстъ также начинается совѣщаніемъ царя о невѣстѣ. Можетъ быть, Василій былъ выведенъ изъ нарицательнаго *царь*: βασιλεύς, какъ въ другихъ случаяхъ имя Василида отразилось нарицательнымъ: царь [1]). — Отчество Окульевичъ я объяснить не рѣшаюсь; очень вѣроятно, что и оно привело бы насъ къ предположенію далекаго византійскаго оригинала.

Сказанія объ увозѣ Соломоновой жены, доселѣ разсмотрѣнныя, могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ типамъ, ближайшее генеалогическое соотношеніе которыхъ еще предстоитъ опредѣлить.

1. Какой-то царь похищаетъ Соломонову жену: братъ Соломона? (Соломонъ и Китоврасъ).

2. *Соломонъ самъ похищаетъ жену; обратный увозъ представлялся отместкой; похититель былъ раньше знакомъ съ Соломоновой женой. — Указанія на существованіе подобной редакціи собраны выше; къ ней примыкаютъ

3. русскія повѣсти о Порѣ и нѣмецкая строфическая поэма, въ которой раннее знакомство Fôre съ Соломеей выражено новымъ эпизодомъ: плѣномъ Fôre.

4. На послѣдней степени развитія являются русскія пѣсни о прекрасномъ царѣ и ихъ предполагаемый источникъ.

---

[1]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 142.

III.

Особо отъ повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены сохранилась въ европейскихъ пересказахъ и талмудическая сага о Соломонѣ и демонѣ, относительно которой легенды объ увозѣ стоятъ уже на второй степени развитія. Я разумѣю распространенные въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и пріуроченіяхъ разсказы о царѣ, наказанномъ за свою гордость, типомъ которыхъ служитъ обыкновенно повѣсть Римскихъ Дѣяній о цесарѣ Іовиніанѣ [1]). Я не знаю, почему Бенфей [2]) считаетъ нужнымъ предположить между талмудической сагой и ея европейскими отраженіями посредство мусульманскаго пересказа. Это едва-ли нужно, а для одной славянской разновидности сказанія, о которой будетъ рѣчь далѣе, даже невозможно.

Мнѣ извѣстны два пересказа талмудической легенды о Соломонѣ и Асмодеѣ [3]), которые отличаются другъ отъ друга одной эпизодическою подробностью. Соломонъ хочетъ испытать силу плѣннаго демона, который отвѣчаетъ ему: «Сними съ меня цѣпь и дай твой перстень, и я покажу тебѣ мое могущество и возвеличу надъ всѣми людьми». Только что Соломонъ исполнилъ его желаніе, какъ Асмодей выросъ исполиномъ, одно крыло (или нога) упирается въ небо, другое въ землю. Онъ проглотилъ Соломона и извергнулъ за 400 парасанговъ отъ себя: тамъ Соломонъ осужденъ нищенствовать три года, никѣмъ не узнанный, *въ наказаніе за гордость и роскошь и нарушеніе трехъ обѣтовъ*, ибо сказано: «да не умножитъ себѣ коней.... и да не умножитъ себѣ женъ, да не превратится сердце его: и сребра и злата да не умножитъ

---

[1]) Объ ея до-талмудическихъ источникахъ см. С. и К. p. 40—49.

[2]) Pantschatantra, I, 130.

[3]) С. и К. 105—111; сл. тамъ-же библіографію; мусульманская легенда ib. 131—133.

себѣ зѣло» (Второз. 17 ст. 16, 17). Между тѣмъ Асмодей, принявъ образъ Соломона, возсѣлъ на его престолѣ и царствуетъ, пока не возбудилъ сомнѣнія въ членахъ Синедріона, которые, разыскавъ царя, отдали ему перстень и цѣпь, похищенные у демона; увидѣвъ ихъ въ рукахъ Соломона, Асмодей улетѣлъ [1]).

По другому талмудическому преданію Асмодей забросилъ Соломона далеко въ землю язычниковъ, а его перстень кинулъ въ море. По прошествіи трехъ лѣтъ Господь смиловался надъ Соломономъ ради отца его Давида и для того, чтобы отъ Наамы, дочери царя Аммонитовъ, могъ родиться Мессія: онъ направилъ Соломона въ столицу Аммонитскаго царства, гдѣ онъ поступаетъ на царскую кухню и слюбился съ царской дочерью, Наамой. Связь открыта и влюбленные изгнаны въ пустыню; отправившись добывать себѣ пищу, Соломонъ купилъ рыбу, въ которой нашелъ свой перстень. Затѣмъ уже онъ идетъ въ Іерусалимъ и изгоняетъ Асмодея.

Какая-нибудь разновидность послѣдняго сказанія легла въ основу мусульманской легенды: о Соломонѣ и Сахрѣ (= Асмодеѣ). Причиной наказанія является — *идолопоклонство*, которое поселила съ собою во дворцѣ супруга Соломона, Джарада.

Европейскія повѣсти о гордомъ царѣ [2]) забыли имя Соломона, которое замѣняютъ другими: Іовиньянъ, Робертъ, Gorneus, Немвродъ (Anibrotto у Sercambi) и др.; наказаніе царя понято всюду, какъ его испытаніе, но демонъ замѣненъ ангеломъ и разсказу дана христіанская окраска. Въ Gesta Romanorum Іови-

---

[1]) Нѣсколько другой переводъ того-же талмудическаго разсказа см. у Vogt'a l. c. p. 216—7; редакція Палея (приведенная тамъ-же въ переводѣ) сильно его сократила.

[2]) См. библіографію у Oesterley, Gesta Romanorum къ № 59; D'Ancona, Novelle di Giovanni Sercambi p. 293—8 (къ novella X); R. Köhler въ Jahrb. f. rom. und engl. Lit. XII, 407 sqq.; D'Ancona, Sacre Rappresentazioni III, 175 sqq. — Разсказъ Herrand'a von Wildonie недавно изданъ Kummer'омъ, Die poetischen Erzählungen des Herrand von Wildonie. (Wien, Hölder, 1880), p. 148—167.

ньянъ покаранъ за гордость, приведшую его къ кощунству: exaltatum est cor ejus ultra, quam credi potest, et in corde suo dixit: *Estne aliquis alius deus quam ego?* Въ одной группѣ примыкающихъ сюда сказаній (Stricker, Jehans de Condé, Sercambi, Robert of Cysille) вина царя опредѣлена ближе: за вечерней, когда пѣли псаломъ: Magnificat, его поразили слова: Deposuit potentes de sede et exaltavit humiles; онъ не можетъ помириться съ этой мыслью и запрещаетъ пѣть тотъ стихъ въ церкви, либо объявляетъ его неразумнымъ, какъ въ пересказѣ Herrand'a von Wildonie императоръ Горней обзываетъ лживымъ Евангеліе отъ Луки 14, 11: ὅτι πᾶς ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, καὶ ὁ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται.

У Jehan de Condé, Stricker'a, Herrand von Wildonie, въ одной сѣверной легендѣ [1]) наказаніе постигаетъ царя при одинаковыхъ условіяхъ: онъ беретъ ванну, тогда ангелъ облекается въ его одежды и принимаетъ его образъ; иногда эта подробность мотивируется раскащиками (Herrand v. Wildonie, Sercambi), но такъ, что настоящее значеніе ея имъ самимъ, очевидно, представлялось загадочнымъ; у Sercambi и въ одной итальянской легендѣ XIV вѣка [2]), вѣроятно, подъ вліяніемъ Gesta, царь (Немвродъ у Sercambi) *ѣдетъ* съ большой свитой на купанье, присовѣтованное ему врачами.

R. Köhler [3]) сближаетъ съ этой чертой нѣкоторыя восточныя повѣсти, въ которыхъ, впрочемъ, эпизодъ о банѣ является въ нѣсколько иномъ значеніи. Можно предположить, что въ источникѣ указанной группы европейскихъ разсказовъ означенная подробность имѣла мѣсто. Преслѣдуя мысль, что такимъ источникомъ могла быть какая-нибудь Соломоновская легенда,

---

[1]) O. Cederschiöld, Eine alte Sammlung isländischer Aefintýri, въ Germania XXV, p. 132, № 7.

[2]) Due novelle morali d'autore anonimo del secolo XIV, ed. Zambrini. Bologna, Romagnoli p. 15 sqq.

[3]) R. Köhler, Der nackte König, въ Pfeiffer's Germania II: Der nackte König; сл. p. 432—4.

я указалъ при другомъ случаѣ (С. и К. 132 прим. 3) на апокрифическое сказаніе о Перстнѣ Соломона: царь обронилъ его, *когда купался въ Іорданѣ;* перстень проглотила рыба, рыбакъ принесъ её царю, который нашелъ въ ея желудкѣ потерянную драгоцѣнность. *Тогда къ нему снова вернулась его сила и мудрость*, оставившая его съ потерей перстня. Была-ли соединена съ этимъ и потеря образа, какъ въ легендѣ объ Асмодеѣ — я не знаю[1]), но это представляется вѣроятнымъ.

Предъидущіе разсказы сближаются въ одну группу своей завязкой: *баней*, не слѣдующими за тѣмъ подробностями, на столько расходящимися, что ихъ трудно привести къ одной общей всѣмъ схемѣ. — Отдѣльно отъ этой группы, по своей завязкѣ, стоитъ разсказъ Gesta Romanorum: императоръ отправляется на *охоту;* его одолѣлъ жаръ; увидѣвъ издали озеро (aquam latam), онъ велитъ своимъ спутникамъ обождать его, пока онъ *искупается*, а самъ скачетъ впередъ, раздѣлся на берегу и вошелъ въ воду. Въ это время подошелъ какой-то человѣкъ, во всемъ на него похожій, облекся въ его платье, сѣлъ на его коня и былъ принятъ свитой за императора, тогда какъ настоящаго никто болѣе не узнаетъ; его испытаніе началось.

Русская повѣсть о гордомъ царѣ, встрѣчающаяся въ спискахъ XVII вѣка, также привязываетъ наказаніе царя къ эпизоду охоты и купанья, но въ остальныхъ подробностяхъ представляетъ самостоятельный пересказъ преданія, отношенія котораго интересно изучить[2]).

Царь Аггей (Агей) царствуетъ во градѣ Филуменѣ (Филунѣ, Филуянѣ, -анѣ); однажды, когда онъ стоялъ въ церкви на литургіи и іерей прочелъ евангельскія слова: «богатіи обнищаша и

---

[1]) Содержаніе апокрифическаго разсказа изложено у Migne, Dictionnaire des apocryphes, II, p. 844, безъ указанія источника.

[2]) Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 196—197; Аѳанасьевъ, Народныя русскія легенды № 24 и прим. Въ приложеніи мы печатаемъ повѣсть объ Аггеѣ по списку XVII в. (Публ. библ. XVII, Q 79).

нищіи обогатѣша», царь разъярился и сказалъ: Писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда. Азъ есмь богатъ зѣло и славенъ, — како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Онъ велитъ выдрать тотъ листъ изъ евангелія, іерея посадить въ темницу, а самъ идетъ «въ домъ свой, и нача пити и ясти и веселитися». — Въ это время показался въ полѣ красивый олень, и царь бросается за нимъ, взявъ съ собою своихъ юношей: «Царь-же рече отрокомъ своимъ: Стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя. И погна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: Уплы олень за рѣку — и поѣде съ юношами во градъ свой ко царицѣ. — Царь-же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаетъ; и ста нагъ и весьма задумался».

Онъ встрѣчаетъ пастуховъ, у которыхъ спрашиваетъ, не видали-ли они его коня и платья, и когда назвалъ себя царемъ Аггеемъ, жестоко побитъ ими. — Торговые люди, увидя его нагаго, даютъ ему худую, разодранную одежду. Добравшись до своего города, онъ попросился ночевать у одной вдовы и разспрашиваетъ её, кто у нихъ царемъ; та отвѣчаетъ, что Аггей и что царствуетъ 35 лѣтъ. «Онъ-же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою; онъ-же написася мужемъ ея, царемъ Аггеемъ». Та велитъ бить его кнутомъ нещадно, безъ царскаго вѣдома. «Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ-же поиде изъ града, плача и рыдая и воспоминая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а нищіи обогатѣютъ, и каяся о томъ [попу], какъ похули святое евангеліе и како іерея въ темницу посадилъ». Между тѣмъ царица говоритъ «являющемуся во образѣ царя ангелу: Ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не növориши; како мнѣ пребы-

вати мимо тебя? — Царь-же рече ей: Обѣщаніе далъ Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить; — отыде отъ нея въ царскую свою палату».

А царь Аггей пришелъ въ незнаемый градъ, гдѣ нанялся работать къ крестьянину, который вскорѣ отказываетъ ему за его неумѣлость; присталъ къ нищимъ и дѣлаетъ на нихъ черную работу. Вмѣстѣ съ ними онъ является въ градъ Филуменъ, на царскій дворъ милостыни просить. «И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И како пиръ у царя разшелся, и бояра и гости всѣ разыдошася, ангелъ въ образѣ Аггея царя пріиде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь.... обѣдаетъ. «Вѣдаеши-ли ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть». — Другіе списки досказываютъ: Аггей «почалъ царствовать по прежнему и зѣло милостивъ былъ ко всякому человѣку и благоугодно жилъ»; «царь Аггей опять сѣлъ на царство, разсказалъ свое похожденіе и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и взалкаютъ».

Вступительная сцена нашей повѣсти — глумленіе надъ словами Евангелія — сближаетъ её съ той группой разсказовъ, которые начинаются эпизодомъ *о банѣ;* слѣдующая за тѣмъ подробность: *объ охотѣ и купаньѣ* относитъ насъ, наоборотъ, къ типу Gesta Romanorum. Я не думаю, чтобы въ данномъ случаѣ слѣдовало предположить вліяніе переводныхъ Дѣяній, хотя въ рукописяхъ повѣсть объ Аггеѣ, по аналогіи съ разсказомъ объ Іовиньянѣ (G. R. № 59), встрѣчается иногда озаглавленной: «выписано изъ книги Римскихъ дѣлъ» (т. е. дѣй). Быть можетъ, сказаніе объ Аггеѣ вѣрнѣе сохранило въ своемъ планѣ (кощунство царя, купанье на охотѣ и слѣдующее за тѣмъ превращеніе) распорядокъ первоначальнаго оригинала, чѣмъ европейскіе пере-

сказы, подѣлившіе между собой его вступительные эпизоды (купанье на охотѣ — и баню). Въ такомъ случаѣ восточная параллель къ первой группѣ европейскихъ повѣстей («баня»), указанная Кёлеромъ, получила-бы значеніе аналогіи, не указанія на восточный подлинникъ этой именно разновидности саги.—Мы увидимъ, впрочемъ, далѣе, что существовало, по всей вѣроятности, еще одно типическое начало нашей повѣсти: баня — охота.

Въ слѣдующихъ подробностяхъ повѣсть объ Аггеѣ представляетъ болѣе сходства съ группой «баня», чѣмъ съ Gesta Romanorum. Царица спрашиваетъ въ нашемъ текстѣ у царя-ангела, почему онъ не сожительствуетъ съ нею, и тотъ отвѣчаетъ, что далъ на три года обѣтъ воздержанія. У Sercambi Anibrotto беретъ ванны, «perchè da'maestri li erano stati lodati, perchè di nuovo avea preso donna una jovana bella, lodandoli il bagno esser atto a far generare». Когда царь-ангелъ возвращается съ купанья, царица говоритъ ему: «Messere, voi siete omai stato tanto tempo al bagno, e solo per aver di me figliuoli, et io aspettatavi; che facciamo? — Lo re novello dice che i medici hanno detto che alcuno die aspettare si vuole, perchè il corpo sia d'ogni umidità purgato». — Важнѣе совпаденіе заключительной сцены русской повѣсти съ Dit du Magnificat. Аггей приходитъ съ нищими на царскій дворъ, гдѣ въ то время былъ великій пиръ; царь-ангелъ велитъ накормить ихъ, а мѣхоношу-Аггея посадить въ особую палату, куда является къ нему самъ, чтобы услышать отъ него его покаянное признаніе. Такъ и у Jehan de Condé: царь-нищій прибылъ въ толпѣ другихъ на царскій дворъ; царь-ангелъ зоветъ къ себѣ своего «aumonnier»;

v. 302 «Vois-tu», fait il, «ce poure la?
Du relief ne li donne rien,
Je li voel faire grignour bien,
Si le m'amainne ca par main,
Car donner li voel de ma main
Pour le plus mesaisie qu'i voie».

Бесѣдой ангела съ покаявшимся царемъ кончается легенда.

Заключительная сцена повѣсти объ Аггеѣ дала мнѣ поводъ (С. и К. 48—9 и 43—4) припомнить тѣ восточные разсказы о людяхъ, утратившихъ свой образъ, воспринятый другимъ лицомъ, — въ ряду которыхъ становится талмудическая легенда и ея отраженія. Въ Панчатантрѣ разсказывается о царѣ Мукундѣ, неотлучно державшемъ при себѣ горбатаго мужа. Министръ, приходившій къ нему на тайное совѣщаніе, заставалъ тамъ непремѣнно и горбатаго. Напрасно напоминалъ онъ царю мудрое изреченіе: что слышало шесть ушей, то не сохранится въ тайнѣ. Царь обыкновенно отвѣчалъ на это: Совсѣмъ нѣтъ — если при томъ былъ горбатый. Одинъ святой мужъ научаетъ царя заговору, силой котораго онъ могъ переселяться душою въ чужія тѣла. Вмѣстѣ съ царемъ научился ему и бывшій при немъ любимецъ. Однажды, когда оба были на охотѣ, они увидѣли въ лѣсу мертвое тѣло брахмана; царь пробуетъ надъ нимъ силу заговора, а горбатый улучаетъ время, чтобы войти въ тѣло царя, покинутое его душею. Такъ царь очутился брахманомъ, а горбатый царемъ. За него онъ и принятъ, когда вернулся домой, а брахманъ пошелъ себѣ странствовать. Между тѣмъ несвязныя рѣчи мнимаго царя возбуждаютъ въ царицѣ сомнѣнія, которыя она и сообщаетъ старику-министру. Онъ придумалъ средство, какъ разъискать истину: *начинаетъ кормить странную братію*, каждому умоетъ ноги и проговоритъ половину стиха: «Что слышало шесть ушей, не сохранится въ тайнѣ. Напротивъ, если при томъ былъ горбатый». — *Въ числѣ прочихъ странниковъ нашелся и бывшій царь — брахманъ;* на половину стиха, которую проговорилъ министръ, онъ отвѣчалъ второй половиной: «Горбатый становится царемъ, *царь — нищимъ и бродягой*». Такъ они узнали другъ друга. — Я не сообщаю развязку разсказа, насъ далѣе не интересующаго; укажу лишь на мотивъ кормленія странной братіи, что даетъ поводъ узнать царя; мотивъ, встрѣчающійся въ сказкѣ 1001 ночи (Weil', II, 311) и, вѣроятно, находившійся въ томъ отдаленномъ оригиналѣ, изъ котораго пошли, разными путями, Li Dis du Magnificat и русская повѣсть объ Аггеѣ.

Откуда взялось это имя? Сближая Аггея съ царемъ Асой слѣдующаго старо-славянскаго сказанія, я предположилъ [1]), что первое могло поставиться вмѣсто втораго, находившагося въ какой-нибудь южно-славянской легендѣ сходнаго содержанія. Въ самомъ дѣлѣ: Аггей русской притчи ничего не напоминаетъ, Аса — полонъ историческаго смысла и могъ явиться въ нашей притчѣ съ такимъ-же правомъ, съ какимъ фигурируетъ въ повѣсти, изданной Даничичемъ и являющейся особой редакціей притчи о гордомъ царѣ. Повѣсть эта сохранилась въ сербской рукописи начала XVI вѣка; ея оригиналъ предполагается болгарскій [2]).

«Бысть же по вьнѥгда сконьчати се Авїи цароу Їоудиноу, прѣеть царьство сынь его Аса, и толико ревьнитель показа се по законоу господьню и по прѣданїю Мѡѵсеовоу, ꙗко прѣвьзыде добродѣтѣльми Давида прѣотьца свѡего, ꙗкоже обрѣштешти вь книѕѣ царьстьвьной, ꙗко никтоже бысть ни прѣжде ни по томь вь Ісраилы ꙗко сь Аса царь, ꙗко и матерь свою Аньноу, дьштерь же авесаломлю, злочьствовавьшоу сьжеже ѡгьнѥмь, ревьноуе по законоу господьню, ꙗкоже вь царьстьвьной книѕѣ обрѣштеши. *и сь Аса царь вьсь сьвѣть женскы оумысли изети и небытїю прѣдати, ꙗкоже рече: вьса злоба на земли ѡть жень прозебѣ, и мнѡѕи ѡть сильныихь жень падоше, ини же прѣльстише се, ꙗкоже Саѱонь великыи и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломѡнь и по сихь мнѡѕи.* и сь Аса царь прочьть Аньны книгы матере Самоуила пророка, и ѡбрѣть идѣже бѣ писано: да не хвалит се прѣмоудрыи прѣмоудростїю своею, и да не хвалит се богаты бога(ть)ствѡмь своимь, и да не хвалит се силны силою своею; и прочьть насмїа се, *за нѥ бѣше вь малѣ неискоусань*, и повелѣ симь срокѡмь тремь не стихологисати се вь цркьвы,

[1]) Разысканія въ области русск. духовн. стиха II: св. Георгій и т. д. стр. 133—4.

[2]) Сл. Starine, кн. IV, Daničić, Tri stare priče, p. 63 sqq.; нашу повѣсть см. на стр. 75—80.

ꙗко ѡть жени соуть писаны, прирекь и се: Како бо моштьно есть не хвалит(и) се моудромоу о разоуме своемь или богатомоу о богатствѣ своемь или сильномоу о силѣ своеи? и пакы колико можеть неразоумьнаго вѣшть сь моудрымь и неразоумныимь? или колико можеть оубогы сь богатыимь, или немоштны сь сыльнымь? — И оумысли царь Аса сїе срокы тры изети ѡть сьборнаго писанїа». — Господь не хочетъ дать ему «погибноути вь коньць, Давида (sic) ради отьца его», и навелъ на него «за три сроке три дьни измѣнкнїе. И бысть вь нкгда вьзлѣшти цароу Асѣ на царьскыхь одрохь вь шести часъ ношти, вь нкгда бѣ обычаи їереѡмь до свѣта сьврьшити слоужьбы црьковные, бѣ бо и празникь потьченїе сѣньниць, и бѣ потьштанїе царево велико ѡ приготовлкныихь вь жрьтвыхь и на питенїе оубогыхь страньныихь и на всесьжеженїа. Царь же Аса обрѣт(е) се вь шестый часъ нѡштїи вьнѣ града на гноишти поврьжень, ничтоже имы на себе тьчїю долноую ризу платьненьноу до колѣнь; и видѣвь себе тако рече: что се? еда сьнь есть? И вьзлѣгь пакы ꙗко да заспить, и не вьзможе заспати до свѣта».

Насталъ день, и никто не признаетъ его, не обращается къ нему съ вопросомъ; самъ онъ стыдится спросить: кто царемъ въ этомъ городѣ? и не можетъ никуда пойти, стыдясь наготы своей. Онъ рѣшился остаться на гноищѣ, «доньдеже виждоу, боудет-ли приношенїе црьковьно и боудет-ли троубы їерейскые, ꙗкоже обычаи есть троубити їереѡмь на приношенїе и ꙗко бѣзь цара не могоуть се сьтворити. И абые вьстроубише троубы їереискїе, и приношенїе разда се по обычаю, и останкыи раздѣлише се ништимь и страньнымь, и идѣ кьждо вь домь свои, и оубоѕы и страньныи вь своꙗ, и царь вь царьскаа отиде, Аса же царь оста единь на гноишти прѣмоу градоу и царскыихь полатахь. И абые вьстроубише царьскые троубы, сѣд(е) бо царь по обычаю царьскомоу на обѣд(ѣ); царь же Аса рече: нинꙗ разоумѣхь ꙗко (вь) мь(чь)тани(и) царь быль есьмь, и инь есть царь вь градѣ семь; азь что есьмь?».

Голодъ побуждаетъ его попросить хлѣба у «плетоплюта»,

который удивляется, что онъ просидѣлъ весь день на гноищѣ и не пошелъ въ городъ принять отъ рукъ іереевъ странническую пищу. Онъ спрашиваетъ Асу, откуда онъ и какимъ дѣломъ занимается, и когда тотъ не знаетъ, что отвѣтить, принимается его бить и хочетъ вести его въ темницу; царскіе слуги, шедшіе мимо, освободили его, признавъ въ немъ не иноплеменника и не «сходьника ѿтъ тоуждыихь странь», а Еврея, вѣроятно, проигравшагося: пусть идетъ и впредь ведетъ себя честно. — Аса вернулся на гноище, гдѣ и заночевалъ. На другой день, по шестому часу, когда трубы возвѣстили, что царь сидитъ за обѣдомъ, Аса отправляется на царскій дворъ, чтобы увидѣть, «кто царь есть сѣд(е)и на столе». Царя онъ не призналъ, а его самого не признали слуги; но бывшій архимагеръ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ, «кто есть сь царь сѣдеи на прѣстолѣ и како име емоу», отвѣчаетъ ему ударами, приговаривая: «проигравь ризы свое пришьль еси вь царьскаа, испитоуе кто есть царь вь Іер(о)с(о)лимѣ дьньсь!». — Аса снова идетъ на гноище, гдѣ провелъ два дня и двѣ ночи, страдая отъ голода, жажды и побоевъ. — Онъ рѣшается наняться къ усмошвецу, которому говоритъ, что его господинъ покинулъ его въ городѣ, больнаго, и теперь онъ, оставшись безъ одежды и пищи, желаетъ заработывать хлѣбъ свой. Усмошвецъ относится къ нему подозрительно («мнит ми се проиграль се еси вь игралишти и ризы свое погоуб(и)ль»), но принимаетъ его и велитъ женѣ накормить его вдоволь. Аса съѣдаетъ хлѣбъ въ восемь литръ вѣсомъ, чего хватило-бы на нѣсколько человѣкъ, и глядитъ по сторонамъ, нѣтъ-ли еще. Хозяйку пугаетъ такой аппетитъ работника и она убѣждаетъ мужа прогнать его. Призвавъ къ себѣ Асу, онъ еще разъ ставитъ ему вопросъ: откуда онъ пришелъ? ты не изъ нашихъ, а изъ чужихъ, «хоштеши навести намь обидоу», «навести на насъ крьвь». Аса ничего не отвѣчаетъ и снова подвергается ударамъ и изгнанію. Въ третій разъ идетъ онъ на гноище, предполагая на другой день пойти въ жилище прокаженныхъ и показать имъ свои раны: они примутъ меня. Насытившись у усмо-

швеца онъ могъ заснуть на этотъ разъ; «и вь шести часъ ноштїи вьстроубывьшимь троубамь їереискиимь вь црьковь по обычаю црьковьномоу, вьспреноувь и Аса царь, на гноишти вьнѣ града заспавь, и обрѣт(е) се вь царьскыихь ложницахь. ѡ чюдо! и бывь за тры дьни вьнѣ царьствїа изьврьжень и вь малыхь искоушенїихь трїи дьни за три срокы пророчьскые искоушаемь ꙗвѣ ꙗко не помѣноу бога ни прослави». Прославивъ Господа Аса идетъ въ церковь, гдѣ церковникъ готовился стихологисать: да не хвалит се прѣмудрїи и т. д., но, увидѣвъ царя, замолкъ. Но Аса велитъ ему продолжать безъ боязни и подтверждаетъ истину пророческихъ словъ, которыя онъ самъ запретилъ произносить въ церкви; всѣ вверженные въ темницу за противленіе этой царской волѣ — освобождены. Плетоплотъ, царскіе слуги, архимагеръ и усмошвецъ, призванные царемъ, разсказываютъ тѣ эпизоды его испытанія, въ которыхъ они являлись участниками. «И рече Аса царь: Господи Саваѡѳ(е), Господи, вьса прѣмоудростїю сьтвориль еси, и ꙗко вьзвеличише се дѣла твоꙗ. вь истиноу есть реченьное: да не хвалит се прѣмоудрїи прѣмоудростїю своею и т. д. И рече Аса царь принести емоу харьтїю и чрьнило, и седь вь црькви написа вьса сїа иже пострада за .г. дьны.... на прочитанїе и слышанїе и польѕоу вьсакомоу чловѣкоу богомь сьзданьномоу».

Повѣсть о царѣ Асѣ представляетъ значительныя отличія отъ обычныхъ пересказовъ притчи о гордомъ царѣ. Нѣтъ ни «бани», ни «охоты», а прямо начинается испытаніе на гноищѣ; ангелъ не является въ концѣ дѣйствія, и вообще не названъ, хотя его необходимо слѣдуетъ разумѣть подъ образомъ царя-двойника, замѣнившаго Асу. Кормленіе нищей братіи, являющееся въ развязкѣ повѣсти объ Аггеѣ и въ Dit du Magnificat, введено въ нашъ разсказъ какъ эпизодъ, въ которомъ Аса не принимаетъ участія. Кощунство царя мотивировано не обычнымъ текстомъ (Magnificat), а другимъ, находящимся «въ книгѣ» Анны, матери пророка Самуила, т. е. во 1-й книгѣ Царствъ, II, 10: μὴ καυχάσϑω ὁ φρόνιμος ἐν τῇ φρονήσει αὐτοῦ, καὶ μὴ καυ-

χάσθω ὁ δυνατὸς ἐν τῇ δυνάμει αὐτοῦ, καὶ μὴ καυχάσθω ὁ πλούσιος ἐν τῷ πλούτῳ αὐτοῦ. Царь издѣвается надъ этими словами, не только потому, что считаетъ ихъ невѣрными, но и потому еще, «іако ѡть жены соуть писаны» — а «вьса злоба на земли ѡть женъ проѕебѣ», онѣ были причиной паденія сильныхъ и мудрыхъ, Сампсона и Соломона, почему царь Аса «вьсь сьвѣть женскы оумысли изети и небытїю прѣдати». Упоминаніе Соломона въ этой связи, вѣроятно, случайное, и случайной является, быть можетъ, обмолвка, что Господь не хочетъ дать Асѣ «погибноути вь коньць *Давида ради отьца его*»; т. е. мы не поспѣшимъ заключеніемъ, что въ первоначальной легендѣ роль Асы предоставлена была Соломону. Тѣмъ не менѣе важно для исторіи легенды, что повѣсть объ Асѣ поставлена цѣликомъ въ библейскія отношенія, заставляющія искать ея отдаленный источникъ скорѣе въ талмудическомъ преданіи, чѣмъ въ какомъ-нибудь мусульманскомъ пересказѣ.

Легенда о гордомъ царѣ, нашедшая отраженіе въ циклѣ европейскихъ разсказовъ, которые позволено озаглавить такимъ образомъ, могла сохраниться и въ другихъ примѣненіяхъ, подъ иными именами. На нѣкоторые относящіеся сюда факты я думаю обратить вниманіе.

Въ Libro de los enxemplos c. 43 [1]) разсказывается о жестокостяхъ Теодориха готскаго, раззорившаго Испанію, умертвившаго Боэція и Симмаха, заточившаго папу Іоанна, отчего тотъ умеръ. Тотчасъ по кончинѣ папы Теодориха постигла Божья кара. У него было обыкновеніе ночью ходить по Риму и наблюдать за стражами: кого онъ находилъ спящимъ онъ велѣлъ предавать смерти. Во время одного изъ такихъ обходовъ онъ окликнулъ одного стража, Cariolo, и не получивъ отвѣта, говоритъ ему: Morirás, Cariolo, ca te fallé dormiendo. — El dijo:

---

[1]) Сл. R. Köhler, Eine Sage von Theodorichs Ende in dem «Libro de los Enxemplos, Germania XVIII, p. 147—152; A. Wesselofsky, Sagenstoffe aus dem Kandjur, Russ. Revue V, 288—291.

Non dormia, ante pensaba. — El rey dijo: Que pensabas? — Dijo: Pensaba que la picaza tenie tantas penullas blancas como negras. — Dijo el rey: Si non fuere verdad, morirás. — É fué fallado que era verdad. — Въ другой разъ такой же разговоръ Теодориха съ Cariolo; Cariolo размышлялъ о томъ, «que la raposa tenie tantas nudos en el rabo como en el spinazo», что также оказалось вѣрнымъ. «É la tercera vegada vino el rey de noche, é llamó á Cariolo, commo solie, é non le respondió, é mandólo matar. El dijo, que non dormie, mas pensaba cosas negras é de gran duelo. Dijo el rey: Declara lo que pensabas. É respondió Cariolo: Yo pensaba, é verdaderamente es así, que tú eres homme del diablo, é que él es tu sennor, é te levará hoy vivo de entre los hommes, é si esto non fuere verdad, quiero luego morir. — El rey de que esto oyó, luego fuése é dióle tregua é término que aquel dia non muriese; é ese mesmo dia Teodorico, stando en el baño á deshora, fué turbado é comenzó de dar muy grandes voces: «Ven, diablo, ven é llévame». É luego vino un caballero escuro é tenebroso encima de un caballo muy negro, é lanzaba por la boca é por las narices llamas de fuego. É dijo al rey que le llamaba: Vésme aquí, que me llamaste, pues sube é llevaréte. É él con gran furia é muy gran saña, embriago é ciego, salió del banno desnuyo, é de su propia voluntad subió en el caballo, é ansí fué llevado al fuego de los diablos, á los cuales siempre servirá».

Второй эпизодъ этой легенды такъ разсказанъ въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (с. 438): Когда однажды Тидрекъ бралъ ванну въ томъ мѣстѣ, что нынѣ зовется Банями Тидрека, одинъ изъ его конюшихъ закричалъ: Вонъ бѣжитъ олень, такой большой и красивый, какого я никогда не видалъ! Услышавъ это, Тидрекъ выскочилъ, завернутый въ простыню, и потребовалъ, чтобы ему привели его коня и собакъ; но, боясь упустить быстро бѣжавшаго звѣря, не дождавшись своего коня, вскочилъ на другаго, тутъ-же стоявшаго, осѣдланнаго, чернаго какъ воронъ, который помчалъ его быстрѣе птицы. Догадался Тидрекъ, что

это—не конь, а что-то другое, хочетъ соскочить, но не можетъ, его ноги точно приросли. Его конюшій, гнавшійся за нимъ, кричитъ ему въ слѣдъ: Когда ты вернешься съ твоей стремительной поѣздки? — Плоха моя поѣздка, отвѣчаетъ Тидрекъ, подо мной, видно, дьяволъ! А вернусь я, когда соизволитъ Господь и Св. Марія. — Тутъ конюшій отсталъ отъ него, и Тидрекъ исчезъ у него изъ глазъ. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего болѣе не слыхали, и никто не можетъ сказать, что съ нимъ сталось.

Нѣтъ сомнѣнія, что трагическій исходъ Теодориха-Тидрека внушенъ былъ, подобно другимъ легендамъ о его конечной судьбѣ, церковными антипатіями къ еретику-аріанину. Въ сагѣ этотъ мотивъ исчезъ, но въ испанскомъ разсказѣ онъ еще ощущается ясно: Теодорихъ казнилъ Боэція, Симмаха, *заточилъ папу Іоанна;* вскорѣ послѣ послѣдняго событія его и постигаетъ наказаніе. Въ Etzels Hofhaltung (str. 131—132) оно представляется эпитиміей (got thet jm pus zu geben), наложенной на него за высокомѣрныя слова:

eyns tags er sich verjache
zu Peren in der stat,
von red dasselb geschache,
das was des teuffels rat (131).

Въ одной легендѣ Gesta Romanorum (Oesterley № 190) императоръ *Симмахъ* (по другому тексту Антіохъ), желая отнять у нѣкоего Leuncius'а землю, даетъ ему трудныя задачи: достать ему въ недѣльный срокъ чернаго пса, воронуя лошадь, черныхъ — сокола и рогъ. Какой-то старецъ помогаетъ Леунцію исполнить эти порученія. Когда услышалъ о томъ императоръ, возрадовался; черезъ нѣкоторое время, когда онъ сидѣлъ (cum *sic* sederet—можетъ быть: in balneo?), услышалъ собачій лай, и ему доложили, что въ лѣсу показался олень. Тогда онъ вскочилъ на воронаго коня, взялъ въ руки чернаго сокола и рогъ, черный песъ побѣжалъ за нимъ; императоръ поскакалъ за оленемъ, который прямой дорогой привелъ его — въ адъ. Съ тѣхъ поръ императора не видѣли.

Если, какъ полагаетъ Моне [1]), имя Симмаха подставилось здѣсь на мѣсто Теодориха (по смѣшенію съ Симмахомъ, казненнымъ Теодорихомъ?), то для легенды о послѣднемъ важны слова, которыми начинается разсказъ Gesta, хотя въ немъ самомъ они остались безъ приложенія: Symachus regnavit prudens valde quantum ad temporalia, *sed stultus quantum ad spiritualia* [2]). Это возвращаетъ насъ къ церковной оцѣнкѣ Теодориха, отразившейся и въ легендѣ о его кончинѣ, являвшейся то поѣздкой въ адъ, то испытаніемъ: демонскій конь занесъ его

in die wust Rumeney:
mit wurmen mus er streiden
pis uns der jungstag wont pey (Etzels Hofh. 132).

Got hilfft im noch aus peyne,
Mit sterck wont er im pey (ib. 133).

Оттого его иногда видѣли: въ 1197 году онъ явился верхомъ на ворономъ конѣ нѣкоторымъ прохожимъ и, возвѣстивъ имъ о бѣдствіяхъ, имѣющихъ постигнуть римскую имперію, переѣхалъ рѣку и исчезъ изъ виду [3]).

Обратимся къ первой части испанской повѣсти: къ бесѣдѣ Теодориха съ Cariolo. Въ Канджурѣ ей отвѣчаетъ разсказъ о царѣ Прадйотѣ, страдавшемъ безсонницей и обходившемъ ночью стражей: кто не откликался ему въ первый и второй разъ — тому онъ прощалъ; кто не подавалъ голоса на третій окликъ — тому отрубали голову. Какой-то Гандхарецъ берется за деньги стать на стражѣ вмѣсто другаго, на котораго пала очередь и который побоялся строгости царя. Между Прадйотой и Гандхарцемъ завязывается рядъ разговоровъ; на первый и второй окликъ Гандхарецъ не отвѣчаетъ и называетъ себя лишь по третьему разу. — О чемъ ты думаешь? спрашиваетъ Прадйота. —

---

1) У Raszmann, Die Deutsche Heldensage, II, 688.
2) Сл. въ повѣсти объ Асѣ: за нк бѣше въ мѣлѣ не искоусанъ.
3) Raszmann, l. c. II, 688.

О томъ, что думаетъ свѣтъ. — А что свѣтъ думаетъ? — Думаетъ, что живая сова въ перьяхъ и ощипанная вѣсятъ одинаково; либо: что въ крылѣ куропатки столько-же бѣлыхъ, сколько черныхъ перьевъ (wie viel des Rebhuhns Flügel scheckig ist, ebensoviel ist er auch nicht scheckig) и т. п.

Нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ, какъ и вся сцена между Прадйотой и Гандхарцемъ, отвѣчаютъ такимъ-же чертамъ испанской повѣсти и, какъ было ранѣе замѣчено, Діалоговъ Соломона и Морольфа, съ той разницей, что въ послѣднемъ случаѣ мотивъ является другой: не тираннія Теодориха, не безсонница Прадйоты, а просто фантазія Соломона: «Si in hac nocte non ita bene vigilaveris sicut ego, in crastino de capite tuo non poteris confidere», предупреждаетъ онъ Морольфа, съ которымъ вступаетъ далѣе въ разговоръ: Dormis, Marcolphe? — Non dormio, sed penso. — Quid pensas? и т. д. Сатирическій характеръ Діалоговъ повелъ, вѣроятно, къ измѣненію первоначальнаго положенія и типовъ: въ оригиналѣ Морольфъ могъ являться не съ характеромъ потѣшника, а съ такимъ-же демоническимъ, какой остался при Cariolo, вѣщающемъ Теодориху, что въ этотъ день онъ взятъ будетъ дьяволомъ. Припомнимъ праисторію Морольфа: она восходитъ къ Асмодею-Китоврасу, демону, плѣннику Соломона, бесѣдующему съ мудрымъ царемъ, котораго потомъ забрасываетъ, когда съ перстнемъ къ нему вернулась его демоническая сила. — Послѣдній эпизодъ отразился, какъ мы видѣли, въ европейскихъ разсказахъ о гордомъ царѣ, съ разными схемами, среди которыхъ я предполагаю возможной и такую: царь, погрѣшившій кощунствомъ, сидитъ въ банѣ, когда ему возвѣщаютъ о появленіи чуднаго оленя; онъ бросается на коня и скачетъ за оленемъ не вѣсть куда. Въ повѣстяхъ о гордомъ царѣ испытывающимъ его является ангелъ; ближе къ преданію объ Асмодеѣ была-бы фигура демона; я подозрѣваю его въ Cariolo; конь, увлекающій Теодориха — демонскій. Что испытанія Теодориха не кончаются его возвращеніемъ на царство, — это отличіе опредѣлилось на столько-же историческимъ характеромъ

лица, къ которому привязалась легенда, на сколько церковными къ нему антипатіями.

Не слѣдуетъ-ли искать въ повѣсти о гордомъ царѣ объясненія и того загадочнаго Agnolo или Agnolo Michele, Anzelo Michaele, о которомъ говорятъ il Libro di Fioravante и Reali di Francia: li rois Angelo франко-италіанской компиляціи ven. XIII; ангелъ французской гесты de Pepin et de l'Angre? — Reali и парижскій текстъ Fioravante даютъ своему Agnolo или Anzelo Michaele въ сыновья — Пипина, противъ флорентійскаго Fioravante, который дѣлаетъ Пипина — сыномъ сенешаля бездѣтнаго короля Ангела. Ясно въ первомъ случаѣ желаніе привязать начальника новаго королевскаго рода къ послѣднему представителю перваго, константиновскаго. Это сопоставленіе Пипина и Ангела дало мнѣ поводъ [1]) къ такому предположительному объясненію послѣдняго: Agnolo = Agnolo Michele въ Libro di Fioravante, носилъ, по показанію Reali, еще другое имя, потомъ забытое: Константинъ. Послѣднимъ римскимъ императоромъ долженствовалъ быть, по византійскимъ пророчествамъ, Константинъ, Constans въ Vaticinatio Sibyllae; съ другой стороны интерполированный русскій текстъ пророчества псевдо-Меѳодія называетъ послѣдняго римскаго императора передъ пришествіемъ Антихриста — Михаиломъ и даже «Архангеломъ Михаиломъ». Я полагалъ возможнымъ перенесеніе этого эсхатологическаго образа и связаннаго съ нимъ имени на — послѣдняго представителя извѣстнаго властительнаго рода, имѣющаго смѣниться другимъ. Въ этомъ смыслѣ получалъ для меня смыслъ царь Ангелъ или Ангелъ-Михаилъ, наслѣдникомъ котораго являлся Пипинъ. — Слѣдуетъ замѣтить, что мое построеніе основано было на одномъ лишь русскомъ текстѣ псевдо-меѳодіевскаго откровенія и что я упустилъ изъ виду другую связь, въ которой является царь Ангелъ въ представленіи Reali и Libro di Fioravante: онъ сынъ

[1]) Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. II Легенда о возвращающемся императорѣ стр. 79 sqq.

Gisberto (Zilberto) Fier Visaggio (al Fiero Visaggio, dal Fero Vixo), къ которому относятся слѣдующія указанія въ поэмѣ о Gaydon, какъ то сдѣлалъ вѣроятнымъ G. Paris [1]):

812 Vueuls tu sambler un Girbert qui ja fu,
Qui guerroia contre le roi Jhesu?
. . . .
823 Resambler vueuls Girbert le desraé
Qui guerroia contre meisme Dé?
Et quant Jhesus le vit si asoté,
Ne li laissa ne chastel ne cité,
Ne borc ne ville, donjon ne fermeté,
El crues d'un fust la le fist il entrer,
Puis l'en gieta par si grant poesté,
Par une foudre qu'il le fist avuengler.

О своемъ Gisberto или Zilberto Il Libro di Fioravante разсказываетъ слѣдующее [2]): онъ возгордился черезъ мѣру и, однажды, подойдя къ распятію, сказалъ: «Ay Dio! io non te temo ora may più, che non so io alchuna persona che me podesse ora may fare descendere de così granda altura e grandeze como io son». Et ello non l'ave così tosto dito ni complito de dire ch'el vene tuto levroxo. E quando Zilberto se vito così leproso, a mantinente se pentite e chiamòse in colpa e tornò sulo palaxio, e per tuti li medixi li meiori che fosseno in quella parte fice mandare. E tuti li medisi dissenno che quella maladia era incurabile, e altro cha Dio non la porave guarire — Alora Zilberto fice venire davanti Rizero e disse: «Rizero, io te lasso in guarda lo mio regname che tu lo guarde e che tu lo tegnia per lo mio fiolo, zoè Michele (иначе: Anzelo Michaele), in fina che lo sera da portare arme e la corona, e mantene justicia e raxone così al povero como al richo;

---

[1]) Romania II, p. 355—6.

[2]) Я цитую по парижскому тексту, напечатанному у Darmesteter, De Floovante vetustiore gallico poemate (Paris, 1877) p. 181.

che io voio andare perchazando da fare penitencia per lo mondo, e de zo che voyo fare a Dio per li mei peccati en voyo aver paciencia». Ay Dio! como pianzea e assay altri baroni quando vitene partire Zilberto so signore. Ora dice lo conto como Zilberto se partì de Parixe, solo, senza compagnia e mise se andare per grandi deserti; e si como Zilberto zonse in una grande deserto e foresta, et ello stete un tempo grande intro a far penitencia de quello ch'elo disse contra Dio, e non manzava altro che herbe crude e radixe de herbe, e se bevea dell'aqua chi correva per lo diserto, e tanto g'è stato che in dosso no gie romase niente, si ch'elo romase nudo. E tanto fo le pregere che fe Zilberto in lo deserto a Dio omnipotente (che) per la soa gran misericordia e pietade lo sanò perfectamente». Онъ возвращается въ Парижъ, гдѣ воцаряется снова; за нимъ слѣдуетъ его сынъ, Anzelo Michaele, о которомъ не сообщается ни какихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что его наслѣдникомъ былъ Пипинъ.

Соображая отношенія намековъ въ Gaydon къ выписанному выше разсказу, я полагаю въ основѣ обоихъ такую версію сказанія: Gisbert — гордый царь, наказанный Богомъ за кощунственныя рѣчи, принужденъ скитаться въ пустынѣ, скрываться въ дуплѣ деревьевъ; онъ — Girbert li desraés, li fols rois въ Dit du Magnificat (v. 298). Господь лишилъ его царства, и въ его отсутствіи имъ правитъ царь-ангелъ, li rois angles въ Dit du Magnificat (m. v. 175, 297, 338). Что этотъ царь-ангелъ названъ сыномъ Gisbert'а — кажется мнѣ позднѣйшей генеалогической выдумкой. Имя этого царя-ангела — Михаилъ, можетъ быть, не случайное: драма Rodrigo de Herrera, Del cielo viene el buen rey, разработала сюжетъ повѣсти о гордомъ царѣ (Фридрихѣ Сицилійскомъ), который подвергается обычнымъ испытаніямъ, тогда какъ его мѣсто занялъ другой, царствующій праведно: Архангелъ Михаилъ (въ сѣверной легендѣ: Гавріилъ).

Если эти соображенія покажутся вѣроятными, легенда о Гисбертѣ въ меровингской сагѣ окажется на столь-же мало на-

родной, какъ и другое сказаніе, открывающее такъ называемый меровингскій циклъ: поэма о Флоовантѣ [1]).

[1]) Въ этомъ не разубѣдило меня даже прекрасное изслѣдованіе Darmesteter'a, на которое указано мною выше. Развивая и исправляя сказанное мною по этому поводу при другомъ случаѣ (см. мою статью, цитованную выше, стр. 79 sqq.), я полагаю, что основное сказаніе говорило о племянникѣ (Il libro di Fioravante, Floventssaga) либо сынѣ (Reali) Константина, убившемъ, въ присутствіи императора, надменнаго вельможу и бѣжавшемъ во Францію, гдѣ онъ становится первымъ христіанскимъ королемъ. Сага составилась во Франціи, вѣроятно, довольно рано, и представляется вѣроятнымъ, что легенда о Дагобертѣ повліяла на ея сюжетъ. Имена, съ которыми является этотъ первый христіанскій властитель Франціи: Fiovo (флорент. Lib. Fior.; Reali), Flovent (Floventssaga; отрывки голландскаго пересказа), либо Fiorio (пар. Libr. Fior.), Floriven (Bertran de Paris); я полагаю, что, возведенные къ французской формѣ, Fiovo, Fiorio указываютъ на Flavius (сл. Floevant = Flavius во франц. легендѣ о St. Gire), Florius, a Flovent, Floriven относятся къ первымъ, какъ косвенные падежи; сл. Floures, Fleuriant въ Продолженіи къ туринскому Huon de Bordeaux; Moïses, Moïsant и т. п. — Позднѣйшій труверъ, знавшій, что первымъ христіанскимъ королемъ Франціи былъ не племянникъ Константина, а Хлодвигъ, перенесъ на сына этого короля, что разсказывалось о немъ самомъ, немного измѣнивъ содержаніе саги. Такъ у автора французской поэмы о Floovant и въ отрывкахъ голландскаго Flovent: тамъ и здѣсь Floovant-Flovent оказывается сыномъ Clovis'a. Обратное предположеніе (высказанное G. Paris'омъ и подтвержденное Darmesteter'омъ), что Floovant = Floovinc = Hlothovinc, т. е. сынъ Clovis-Hlothovich'a, долженъ быть древнѣе въ сагѣ, чѣмъ Flovent, сынъ Константина, не подтверждается для меня уже тѣмъ обстоятельствомъ, что и во французской поэмѣ и въ голландскихъ отрывкахъ отецъ названъ Clovis, сынъ — Floovant, Flovent, хотя существуетъ для перваго форма: Floovis, а для втораго легко предположить Cloovent и т. п. Это фонетическое отличіе несомнѣнно указываетъ, что Clovis и Floovant попали въ поэму не одновременно. — Что до автора итальянской компиляціи, то онъ уже зналъ сагу раздвоившеюся: сказаніе о первомъ христіанскомъ королѣ Франціи, племянникѣ Константина, Fiovo, Fiorio, и сходное, перенесенное на сына этого короля: Fioravante (сл. Floriven Бертрана), и то и другое свелъ вмѣстѣ механически (Fiovo, *Fiorello*, Fioravante).

IV.

Женщина, женская злоба (malitia) играютъ выдающуюся роль въ средневѣковыхъ сказаніяхъ о Соломонѣ, къ которымъ мы думаемъ вернуться еще разъ. Жена Соломона стала типомъ коварной, измѣнницы (сл. Li romans des sept sages ed. Keller, v. 426); рядомъ съ нею, въ небольшомъ циклѣ сказаній, извѣстныхъ пока изъ русскихъ текстовъ, становилась съ такимъ-же типомъ и его мать. Въ моемъ изслѣдованіи я не занялся однимъ относящимся сюда русскимъ сказаніемъ, потому что оно сохранилось лишь въ отрывкѣ, безъ конца. Привожу его здѣсь [1], чтобы обратить на него вниманіе знатоковъ нашей рукописной литературы.

Соломонъ, желая показать свою премудрость передъ великими царями, пошелъ съ философами своими «во страну далную, ко царю Индѣйскому, во царствѣ же своемъ остави матерь свою съ боляры своими и со слугами. Умѣшкавъ же во Индѣи лѣта многа у царя индѣйскаго, потомъ преслыся во Іерусалимѣ, яко умеръ Соломанъ у царя индѣйскаго. Слышавъ же то мати его и боляре и вси домашни его, яко умеръ Соломанъ, и плакашеся велми, и вси еросалимненя тужиша, поминаючи его великую мудрость; и много лѣтъ вси плакашеся. И минувшимъ лѣтомъ многимъ, уже не начаевшимся его жива быти, мати же его ужь забыла, и тѣшасъ со иными людми любимыми ея, а о сынѣ своемъ Соломонѣ никакожъ помышляше, понеже млада и лѣта (лѣпа?), всегда веселящеся, играше съ боляры своими и велможи великими потѣхами разными, пищали моавитскими и цынбалы и прегудники, и дѣвицъ красныхъ плясаніемъ и честнымъ ядeніемъ и меды сладкими, а о Соломанѣ и памяти рекли: умеръ! Да потомъ

---

[1]) Памятники старинной русской литературы III, 62—63. Сказаніе примыкаетъ непосредственно къ пренію Соломона съ царицей Южской.

же мати Соломанова помысли итти замужъ, хотя приняти къ себѣ царя изъ Персиды, а ни въ очи его видяше. Послаше къ нему послы своя и гостинцы многія, и написа на листу своемъ сице: «Слышахъ, царь, что ты жены не имѣешь у себя; и ты прійди сѣмо ко мнѣ и ко славному великому граду Еросалиму, кой стоитъ среди велик(аго) свѣта, а тамо свою украйну прикажи иному царю; да пришедъ, поими мя и возми царство сына моего Соломана, и многими грады обладаешь, а мнѣ будешь государь; а имѣнія у меня, злата и сребра много, а каменія и бисера многоцѣннаго толико много, елико у себя не имѣешь»....

Особенно рельефно выставлена мать Соломона въ русскихъ повѣстяхъ о его дѣтствѣ, которыя я разбиралъ подробно при другомъ случаѣ, указывая на параллели и аналогіи въ индійскихъ повѣстяхъ о дѣтствѣ Викрамадитьи [1]). Изъ соотвѣтствующихъ разсказовъ о Соломонѣ я выберу въ настоящее время лишь черты, касающія его матери и дающія поводъ къ нѣкоторымъ новымъ сопоставленіямъ и вопросамъ о вліяніи.

Соломонъ — сынъ Давида и Вирсавіи, самой любимой изъ 30-ти женъ царя. Ему было девять недѣль, когда онъ такъ гадательно предупреждаетъ царя о связи своей матери съ какимъ-то Евреиномъ: «Въ нѣкоемъ градѣ бысть [вельми] царь славенъ зѣло, и бысть у него въ полатѣ 30 птицъ павлиновъ златоперыхъ: изъ тѣхъ павлиновъ по одной бралъ и съ ними потѣшался у себя въ полатѣ своей; изъ тѣхъ птицъ едина птица зѣло царю полубилась и мила, и та птица златоперая пава не восхотѣ съ павлиномъ совокупитися и потопталася съ невѣжливою мякин(н)ою птицею з гусемъ». Однажды, когда ребенокъ-Соломонъ лежалъ въ колыбели, пришелъ тотъ Евреинъ къ его матери: люба ты мнѣ и мила, говоритъ онъ ей, только боюсь я царевича Соломона; та отвѣчаетъ, что готова отравить сына, лишь бы сохранить любовника. А Соломонъ выскочилъ изъ колыбели и кричитъ на того человѣка: «не по себѣ [еси] ты виноградъ щиплешь и садъ ба-

[1]) С. и К. стр. 51—104.

тюшкинъ царской крадешь и чужую ниву орешь и на краденой кобылѣ ѣздишь». Еще разъ предупреждаетъ онъ отца: «Отче мой, государь царь Давиде! что сіе бысть тому винограду, зѣло цвѣтущу всякими цвѣти различными? всѣ древеса цвѣтоша винограда того, а плода отъ нихъ никогда не было; въ томъ-же садѣ бысть древо вельми украшенно паче всѣхъ тѣхъ виноградныхъ древъ, и берегъ его царь вельми; и то древо принесе ему плодъ — едино червленно яблоко, и царь положи его на златое блюдо и зритъ на него и тѣмъ себя утѣшалъ. И единымъ днемъ царь тѣшился самъ яблокомъ и положи въ златый ларецъ до утра; и во едино время учинися въ виноградѣ томъ, и стражемъ винограда того уснувшимъ, и внезапу вскочи въ виноградъ той смердящій скотъ козелъ и погрызе у винограда любимое древо и оскверни его слинами вонучими?» — Давидъ, какъ и въ первый разъ, не понимаетъ загадочныхъ намековъ сына, обѣщающаго истолковать ихъ ему въ будущемъ. «И бысть Соломонъ возраста своего трехъ лѣтъ; играющу ему со отроки, боярскими дѣтьми, и нача изъ древа вѣски дѣлати, и положи на одинъ вѣсокъ на блюдѣ серебряномъ злато, а на другой вѣсокъ на блюдѣ калъ песій...., и перетянулъ калъ тремя златники тяжеле злата. И вопросила его мати его: «Почто, сыне мой Соломоне, тако твориши?». И рече ей царевичъ Соломонъ: «Азъ [есть] сіе тако творю: что на блюдѣ злато, то есть всякія жены разумъ таковъ легокъ, что худже и песія калу; у всякіи жены власъ долгъ, а умъ коротокъ». И мать ему противъ тѣхъ рѣчей ничего не отповѣдала, только аки звѣрь лютый скрыхнула зубы своими и поиде ко царю въ полату».

Она рѣшилась извести сына: подмѣнила его другимъ, похожимъ на него мальчикомъ; дядькѣ Соломона, Ачкилу, велитъ отвести его къ морю, убить и тѣло бросить въ воду, а сердце испечь и принести ей на снѣдь. По совѣту Соломона, Ачкило отпускаетъ его самого на волю, а матери представляетъ сердце пса. Между тѣмъ Соломонъ бредетъ по берегу моря, поселяется съ крестьянами, среди которыхъ судитъ и рядитъ, рѣшая мудреныя загадки

и вопросы: онъ не даромъ назвался «Разумникомъ»[1]).— Давидъ, узнавшій тѣмъ временемъ что тотъ, кого выдаютъ ему за сына, не его сынъ, и добившійся признанія отъ Ачкила, посылаетъ его разыскивать Соломона. Посланный находитъ въ одной веси пастуха, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и удивляется его разумнымъ рѣчамъ, но не признаетъ его. Вернувшись назадъ, онъ сообщаетъ о томъ Давиду, который, догадавшись по «мудрымъ словесамъ», что это и есть его сынъ Соломонъ, еще разъ шлетъ за нимъ. Ачкило присутствуетъ при судахъ царевича-пастуха и подаетъ ему грамоту отъ Давида: царь писалъ ему какъ сыну; если онъ дѣйствительно его сынъ — пусть проявитъ свою мудрость разрѣшеніемъ прилагаемой загадки. Соломонъ толкуетъ её, а Давиду велитъ сказать, что его сынъ «въ третіе лѣто» будетъ передъ нимъ втайнѣ, а пока не поѣдетъ къ нему. Онъ, дѣйствительно, отправляется въ Порово царство, и слѣдуетъ разсказъ, на который я уже обратилъ вниманіе при разборѣ легендъ объ «увозѣ»: Соломонъ слюбился съ женой Пора и получаетъ отъ нея въ подарокъ перстень и три самоцвѣтныхъ камня, горящихъ ночью какъ свѣчи, днемъ, что солнце. — Мы знаемъ, что въ легендѣ объ увозѣ этотъ перстень играетъ роль: Соломонъ отослалъ его впослѣдствіи Пору, чтобы поглумиться надъ нимъ; въ Повѣсти о дѣтствѣ весь этотъ эпизодъ съ Поровой женой приготовляетъ насъ къ развязкѣ разсказа, проникнутаго одной идеей: женской слабости и податливости.

Уже изъ Индіи Соломонъ возвращается въ Іерусалимъ и сталъ на кораблѣ передъ городомъ, выдавая себя за богатаго гостя заморянина. Царица Вирсавія посылаетъ къ нему смотрѣть товаровъ; ей разсказываютъ о самоцвѣтныхъ камняхъ, и

---

[1]) Сл. у Тихонравова, Пам. отреч. русск. литературы II: Вопросы отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, № 1: «сь богомь починаѥмь *Разумникь*, сіе ѥсть *оучитель* вьсемь словомь Господа Бога и Спаса нашего І҃са Х҃ра». — «И нарече его (Соломона) крестьянинъ въ дому своемъ быти *наставникомъ*», говорится въ Повѣсти о Дѣтствѣ.

она сама желаетъ видѣть Соломона. Она спрашиваетъ его о камняхъ. «И рече ей Соломонъ: Есть, государыня, благородная царица, у меня три каменія: единъ камень поднести царю Давиду, а други камень отдать за нимъ въ приданыя, а третій камень про себя держать въ кораблѣ для свѣту». — Продать одинъ изъ нихъ онъ отказывается: «аще кто со мною переспитъ нощь сію, тому и камень отдамъ». Царица соглашается тотчасъ. — Въ одномъ текстѣ Повѣсти (Тихонр. № 1) Соломонъ проситъ ее погодить: «Царица! дай мнѣ сроку царю Давыду камень отдать, и къ тебѣ принесу и съ тобою пребуду ночь». Онъ идетъ къ царскому столу, и — слѣдуетъ эпизодъ о кошкѣ, держащей свѣчу и скляницу съ виномъ передъ царемъ, эпизодъ, въ которомъ Соломонъ играетъ роль Морольфа Діалоговъ (vv. 873—905), доказывающаго, что «Die Natur ge vor Gewonheit» [1]).

Въ содержаніи дальнѣйшаго разсказа тексты сходятся: Соломонъ идетъ къ матери, которая ведетъ его къ одру. «И царевичъ Соломонъ убояся суда божія и ста предъ одромъ, изумѣся, како бы матери своей изобличитися безгрѣшно. И рече царица Соломону: «Гость заморянинъ! поиди смѣло ко одру моему, чего боишися? Или тебя скупость объяла, каменя ради, что неидешь сѣмо?» И рече ей царевичъ Соломонъ: «Государыня, благородная царица Вирсавіе! ты меня зовеши на свою постелю, да одѣяло царское страшитъ мя». — И царица его ухвати за шею и поцѣ-

---

[1]) Библіографію этого разсказа см. у Oesterley, Wendunmuth von Hans W. Kirchhof, Buch VII, № 140 и Buch IV, № 168; Kurz, Esopus von Burkhard Waldis II Buch, XXII Fabel (съ ссылкой на Маркольфа и Соломона); R. Köhler въ Jahrbuch f. rom. u. engl. Sprache u. Liter. XIV, 432—434.— Разсказъ о Соломоновой кошкѣ находится и у Vintler'a, Pluemen der Tugend, ed. Zingerle v. 6754 sqq. Сл. Leroux de Lincy, Le livre des proverbes français II, Appendice II: Proverbes del vilain, p. 469: L'em puet ben par usage — Feire le chat si sage — Que il tent chaundeille ardaunt.—Jà n'iert si ben apris,—S'il veit une soriz,— Qu'il n'i aut maintenant. — Meuz vaut nature ke noreture, — Ceo dist le vilain.

лова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила ее на перси своемъ и рекла ему: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Симъ воскормленъ, то есть мое сахарное кушанье». И царица подвигнула соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ, въ томъ есть теремѣ азъ опочивалъ». И царица подвигнула соломонову руку подъ свой ср. . ъ и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ». И царица, изжидая отъ него времени похотнаго и рече ему: «Како ты премудръ и скупъ еси и не хощешь воли моей сотворити, каменя ради». И вскочи Соломонъ со одра своего и падъ на землю и лежа на земли, аки мертвъ, не долгъ часъ».—Теперь только онъ открывается матери: онъ тотъ самый Соломонъ, котораго она послала на погубленіе. «Во истину ты мати моя, родившая мя — а *напредъ* глаголахъ тебе: у *всякія жены волосы долги, да умъ коротокъ*. И услышавъ [сіе] царица Вирсавія глаголы царевича Соломона, и *бысть аки мертва*, зря на него и не могуща отнюдь провѣщати. И охапи Соломонъ матерь свою и нача ея любезно цѣловати и умильно отвѣщати». Слѣдуетъ за тѣмъ взаимное признаніе Соломона и Давида.

Послѣдній эпизодъ, которымъ кончается Повѣсть о дѣтствѣ[1]), особенно возбуждаетъ вопросъ объ его источникѣ. Въ моемъ

[1]) Въ предыдущемъ ея изложеніи я избѣгалъ пользоваться ея народными, иногда отрывочными, передѣлками, недавно записанными съ народныхъ устъ, потому что ихъ, нерѣдко интересныя, особенности могутъ быть объясняемы позднѣйшею примѣсью посторонняго сказочнаго матеріала, не особымъ характеромъ ихъ письменнаго источника. Такой источникъ можно предположить для Рыбн. II, № 54, гдѣ Соломонъ и его мать привлечены къ древней новеллѣ о женѣ слѣпаго (сл. Die Vierzig Veziere ed. Behrnauer, 31 Tag, Erz. d. 31 Veziers; — Bahar Danush c. XII, v. 2, p. 64 ed. Scott. — Th. Wright, Latin stories from mss. of the XIII and XIV centuries, p. 78 и 174. — Comoedia Lidie Matthieu

изслѣдованіи я упустилъ изъ виду замѣчательное сходство всего разсказа объ испытаніи Соломономъ матери — съ леген-

Вандомскаго въ Hist. Litt. de la France t. XXII, p. 62—64 и у Édélestand Du Méril, Poésies inédites du moyen âge, p. 353—373.—Decamerone VII, 9. — Chaucer, Canterb. Tales, The Merchants tale. Сл. также v. der Hagen, Gesammtabent. II, № 38, стр. 261 и Marie de France, Dou vilains v. II, p. 206): извѣстная сцена въ саду совершается на глазахъ Давида и его жены, стоящихъ на балконѣ. Что-бы сдѣлалъ слѣпой съ своей женой, еслибы прозрѣлъ теперь? говоритъ Давидъ, а царица отвѣчаетъ: «На то были-бы у моей сестры отверточки». — А сынъ въ чревѣ заговорилъ: Баба по бабьи и судъ судитъ! — Мать говоритъ что «Я чего нибудь выпью — И тебя во чревѣ употреблю». — А сынъ сказалъ, что «Я выломлю боку,—Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»— Слѣпой прозрѣваетъ по волѣ Божьей, но когда жена успѣла убѣдить его, что она и блудъ-то совершила съ цѣлью, чтобы Господь далъ ему глаза, Давидъ говоритъ: Чтò сей мужь ничего со своей женой сдѣлалъ, такъ не что ему и съ глазами дѣлать». И тотъ человѣкъ ослѣпъ снова.

Къ народнымъ пересказамъ повѣсти о дѣтствѣ присоединились въ послѣднее время два новыхъ: сл. Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и разсказы стр. 99—103 (Премудрый Соломонъ) и 105—108 (Премудрый Соломонъ и злая мать его). Послѣдній стоитъ на переходѣ въ сказку и сильно искаженъ новыми приставками; первый сохранился лучше и представляетъ нѣсколько интересныхъ подробностей, сближающихъ его, по плану, съ сербской сказкой у Вука № 43. Мать Соломона скрываетъ у себя жену, прятавшуюся отъ мужа, и когда тотъ справляется о ней, отвѣчаетъ что ея у ней не было — а Соломонъ, которымъ царица въ то время была беременна, вѣщаетъ изъ ея чрева: Не слухай, каже, моеї мами, бо і мама така сама як и твоя жинка. (Сл. выше побывальщину у Рыбн. II, № 54). — Трехлѣтній Соломонъ вѣситъ на вѣсахъ материнъ чепецъ и горсть охлопья и смѣется; на вопросъ матери онъ отвѣчаетъ: что женскій умъ не вѣситъ и этой горсти. Та озлилась на сына: велитъ слугамъ занести его въ лѣсъ и убить, а ей принести его сердце и мизинецъ; слуги отрѣзали у него палецъ, который и показываютъ матери вмѣстѣ съ сердцемъ собаки, а Соломона пустили жить. Здѣсь слѣдуетъ эпизодъ, не встрѣчавшійся мнѣ въ другихъ пересказахъ: «але што вже то помагало Соломонові, коли ёму і такъ назначено було тілько три роки жити? Сів бідний Соломон тай плаче, а святі з неба.

дарной біографіей философа Секунда, распространенной въ средневѣковыхъ литературахъ, извѣстной въ арабскомъ, эѳіопскомъ,

---

дивляться тай собі плачуть. Де то такі розумні дитині тай не дати жити! От вони і просять Бога, щоби Бог позволив ёму хоч трохи прожити. І вблагався Господь тай каже до святих: Коли вам так хочеться, щоб Соломон прожив ёще на світі, то йдіть ви на землю, та просіть людей, щоб ёму своїх літ уділили. — Ото святиї і зійшли на землю, ходять, просять, — ніхто не уступае. Аж приходять до їдної старої баби, що вже сто літ прожила, а ёще сто літ прожити мала. Бабуню, кажуть, змилуйся над Соломоном, уділи ёму хоч півкопи своїх літ! — Ото баба послухала їх тай уділила, і Соломон зачав жити бабиними літами». — Соломонъ является домой купцомъ, и слѣдуетъ то-же испытаніе царицы, что и въ Повѣсти, и съ сходными подробностями; только что мать заснула, Соломонъ удаляется, написавъ на стѣнѣ: Правда, що жіночий розум не варт і жмені клоча, коли рідная мати з своїмъ сином спала.— По этимъ словамъ Давидъ узнаетъ сына и посылаетъ его искать; эпизодъ, отвѣчающій такому-же Повѣсти, помѣстившей его, какъ мы видѣли, ранѣе. «То такъ і умер Давид, а не відпитав Соломона». Ставъ царемъ, Соломонъ пытаетъ высоту неба и глубину морскую; зная, что ему не долго осталось жить, и желая избѣжать смерти, онъ направляется къ «*безсмертной горѣ*». Подъ той горою жили чернецы, которымъ Господь велитъ сдѣлать гробъ, потому что къ нимъ придетъ умирать Соломонъ. Что вы тутъ дѣлаете? спрашиваетъ онъ чернецовъ. — Гробъ на Соломона. — Видитъ онъ, что отъ смерти не уйти. — А взяли вы съ него мѣрку? спрашиваетъ онъ далѣе и, узнавъ, что нѣтъ, предлагаетъ снять мѣрку съ него: Соломонъ того-же роста. Легъ въ гробъ, и гробъ по немъ пришелся. — А нука, опустите въ яму! — Опустили. — Теперь засыпайте: я и есть Соломонъ.

Безсмертная гора малорусской легенды, вѣроятно, стоитъ въ связи съ городомъ *Lus* въ странѣ Гетитовъ, городомъ безсмертія, куда Соломонъ отправляетъ двухъ юношей, обреченныхъ ангелу смерти, который настигаетъ ихъ — у входа въ Lus (сл. Tendlau, Das Buch der Sagen und Legenden jüdischer Vorzeit, № XXV; сл. ib. № XXIV).

Сравненіе малорусской легенды съ сербской (Караджичъ, № 43) указываетъ на пробѣлы послѣдней. «Премудри Соломун једноћ у разговору рече пред матером својом да се свака жена може преварити. Мати га за то врло искара говорећи му да то није истина. *Послије*

сирійскомъ, греческомъ, латинскихъ, испанскомъ, итальянскомъ, старо-сѣверномъ [1]), нѣмецкомъ и другихъ пересказахъ [2]). Вотъ

тога негђе Соломун матери својој некако докаже да је и она као и остале жене». Сказка не говоритъ, какъ это сталось и продолжаетъ: «Мати се његова за то врло росрди па га прокуне да не умре док не види морске дубине к небеске висине». Разсказъ объ этомъ наполняетъ всю сказку. «Тако је вињео и небеске висине и послије је умръо». — Я позволю себѣ заключить изъ нашей сказки, что существовала и въ сербскомъ преданіи повѣсть о томъ, какъ Соломонъ доказалъ матери, что и она не лучше другихъ женщинъ, т. е. Повѣсть о дѣтствѣ, какъ извѣстна была и легенда объ увозѣ (Караджичъ, № 42), вышедшая изъ писменнаго источника, сходнаго съ сохранившимися въ русскихъ рукописяхъ. Въ сербской сказкѣ Соломонъ ѣдетъ на висѣлицу въ колымагѣ и смѣется; спрошенный о причинѣ смѣха, онъ отвѣчаетъ: «Смијем се гледајући, како једна гобела у као а друга из кала». Сходно въ русской повѣсти о Порѣ: переднія колеса кони везутъ, а заднія камо спѣшатъ?

Для полноты обзора укажу еще на одиноко пока стоящій русскій духовный стихъ о царѣ Давидѣ, его дочери Олёнѣ и сынѣ Соломонѣ (Безс. Калѣки I, стр. 718—719, № 171): Олёну хотятъ выдать замужъ за Соломона, не помогаютъ ея просьбы отцу, матери, наконецъ брату; по ея молитвѣ лютые звѣри и вороны растерзали ея тѣло, а душа пошла къ Господу. Стихъ напоминаетъ сказку о Данилѣ-Говорилѣ (Аѳанасьевъ, № 65); откуда-же взялись библейскія имена — я не знаю.

[1]) Сл. Cederschiöld, Germania XXV, p. 136—7, № 24 (Секундъ—сынъ французскаго рыцаря; Адріанъ замѣненъ константинопольскимъ императоромъ).

[2]) На сказанія о Секундѣ обратилъ вниманіе Knust въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Jahrb. f. rom. und engl. Litteratur, vol. X и XI, о рукописныхъ сокровищахъ Эскуріала (сл. тамъ же, vol. XI и XII, замѣтки по этому поводу Gildemeister'a и Steinschneider'a). Съ тѣхъ поръ явилась работа Revillout, Vie et sentences de Secundus, Paris 1873, и Knust снова вернулся къ испанскому тексту статьи въ своей книгѣ: Mittheilungen aus dem Eskurial. 1879. (Litter. Verein in Stuttgart. 141[e] Publication), p. 498—506 (текстъ), 602—612 (примѣчанія); сл. стр. 655 прим. къ стр. 611. Сл. Strauch, Secundus въ Zs. für deutsches Alterthum XXII B. p. 389 sqq. — Русскаго житія Секунда я не знаю; въ

содержаніе житія: Секундъ — философъ, жившій при императорѣ Адріанѣ. Мальчикомъ его отправили въ школу, гдѣ онъ оставался долгое время, пока самъ не сталъ великимъ мудрецомъ. Изъ школы онъ вынесъ ученіе, что нѣтъ на свѣтѣ честной женщины. Вернувшись домой возмужалый, обросши бородою, никѣмъ не узнанный, онъ желаетъ испытать справедливость того, что ему говорили о женщинахъ, и прельщаетъ деньгами служанку, которая берется устроить ему любовное свиданіе съ своей хозяйкой, т. е. съ его собственной матерью. Свиданіе состоялось. Мать ожидаетъ, что странникъ будетъ съ ней «любовь творити», а онъ кладетъ голову на ея грудь и въ этомъ положеніи проспалъ всю ночь. Когда утромъ онъ собирался уйти, мать останавливаетъ его вопросомъ: Не желалъ-ли онъ испытать её такимъ образомъ дѣйствія? — Не слѣдъ мнѣ осквернять сосудъ, изъ котораго я вышелъ на свѣтъ, отвѣчаетъ Секундъ и объявляетъ себя ея сыномъ. Это откровеніе такъ подѣйствовало на мать, что, не перенеся стыда, она тутъ-же упала мертвой.

Сходство съ приведеннымъ выше эпизодомъ Соломоновской повѣсти несомнѣнно; главная разница въ томъ, что мать Соломона не умираетъ, а только *бысть аки мертва*. Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа мать Соломона, во всякомъ случаѣ, не упоминается болѣе.

Опечаленный смертью матери, причиной которой онъ считалъ себя, Секундъ налагаетъ на себя эпитимію: обѣтъ постояннаго молчанія. Услышалъ о томъ императоръ Адріанъ, и велѣвъ привести къ себѣ Секунда, пытался вызвать его на бесѣду, но на-

---

Пчелѣ встрѣчается съ его именемъ ригористическій отзывъ о женахъ и другой — біографическаго характера: «Въ трехъ нужахъ былъ есмь: в граматикии, въ оубожии, оу люты жены, да двою нужю оубѣжахъ, а злы жены не могохъ утечи». Въ другомъ изводѣ Пчелы это изреченіе приписано Сократу. — Въ передачѣ біографіи я выбиралъ общее ея восточнымъ и западнымъ текстамъ; лишь свиданіе съ матерью разсказано ближе къ послѣднимъ — въ цѣляхъ слѣдующаго сравненія.

прасно. Тогда онъ думаетъ заставить его заговорить — подъ страхомъ смерти: велитъ отвести его на казнь, а исполнителю наказываетъ стороною, что если Секундъ заговоритъ подъ вліяніемъ страха, пусть казнитъ его, коли нѣтъ, пусть приведетъ его обратно. Но Секундъ не проронилъ ни слова; снова приведенный къ Адріану, онъ повинуется его желанію — отвѣтить ему, по крайней мѣрѣ писменно, и пишетъ на дощечкѣ: Адріанъ, я не боюсь тебя, потому что ты похожъ на князя міра сего; ты можешь умертвить меня, но ничто не заставитъ меня говорить. Императоръ предлагаетъ ему рядъ вопросовъ общаго содержанія: что такое свѣтъ, великое море, Богъ, солнце, луна; другъ, богатство; желчь, поцѣлуй и т. д., на которые Секундъ даетъ такіе-же молчаливые отвѣты. Это и составляетъ содержаніе Бесѣды *Секунда съ Адріаномъ*, играющимъ роль совопросника еще въ другихъ подобныхъ преніяхъ: извѣстно Altercatio *Hadriani et Epicteti*, *Адріана и Риѳея* (Ritheus), входящіе въ одинъ рядъ съ Діалогами Соломона и Сатурна и т. п.

Это возвращаетъ насъ снова къ Соломоновскимъ сказаніямъ русской Палеи, въ которыхъ является какой-то царь *Адаріанъ* (въ Палеѣ 1494 г.), Даріанъ, Дарій (Палея XVI в.): *онъ велитъ боярамъ своимъ звать себя богомъ;* разсказъ объ этомъ вложенъ въ уста Соломона; затѣмъ слѣдуетъ другой — о загадкѣ, посланной тѣмъ-же царемъ Соломону и имъ разрѣшенной при помощи криваго бѣса, которому онъ обѣщалъ награду, а потомъ обдѣлилъ [1]). Я сравнивалъ Адаріана, звавшаго себя Богомъ, съ царемъ Nubara, отцемъ Djarada'ы мусульманской легенды, съ Адріаномъ и Александромъ Македонскимъ талмудическихъ сказаній [2]), къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще и

---

[1]) Объ этой загадкѣ и относящейся къ ней литературѣ см. С. и К. 91—95; объ Адарьянѣ тамъ же, стр. 92—93 прим. 1 на стр. 92; сл. прим. 1 на стр. 217—220.

[2]) Сл. Tendlau, Fellmeiers Abende 1856, p. 218—220 и примѣч. къ стр. 218; Wendunmuth IV Buch, №№ 23 и 24.

сказаніе о царѣ Hiram'ѣ [1]). Сравненіе талмудической легенды объ Адріанѣ съ повѣстью русской Палеи объ Адарьянѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ послѣднемъ имени скрывается первое: тамъ и здѣсь то-же содержаніе и тотъ-же ходъ дѣйствія. Остается заключить, что эпизодъ объ *Адріанѣ-Адарьянѣ* въ Палеѣ (и, можетъ быть, и въ ея источникѣ?) позднѣе основныхъ очертаній Соломоновской саги [2]) и что, быть можетъ, подобнымъже литературнымъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить внесеніе въ Повѣсть о дѣтствѣ отрывка изъ вопрошаній *Адріана Секунду*. Соломонъ Повѣсти такой-же мизогинъ, какъ Секундъ, и ему естественно было выступить въ его роли.

Такія перенесенія не рѣдки въ исторіи соломоновскихъ сказаній. Укажу лишь на немногое. Въ первой (по западному счету третьей) книгѣ Эздры гл. III—IV трое юныхъ стражей царя Дарія спорятъ въ присутствіи его и его двора о томъ, что всего сильнѣе: одинъ утверждаетъ, что вино, другой, что царь, третій говоритъ: сильнѣе ихъ женщины, всѣхъ же сильнѣе — истина. Имя послѣдняго — Зоровавель.

Въ Book of Leinster, недавно изданной Atkinson'омъ (Dublin 1880; сл. стр. 65), роль Дарія перенесена на Соломона, жена котораго явилась на мѣсто даріевой наложницы, Апамины.

Однажды на пиру у Соломона подпившіе собесѣдники заспорили о томъ, что всего сильнѣе на свѣтѣ: Римлянинъ утверждалъ, что вино, Грекъ — что царь, еврей Nemiasserus — что женщина. Жена Соломона, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, сбила съ его головы вѣнецъ (helmet), который и скатился на землю. Царь не только допустилъ это сдѣлать, но даже улыбнулся; тогда Nemiasserus снова повторилъ свое положеніе, съ которымъ согласился и Соломонъ [3]).

---

[1]) Jellinek, Bet-ha-midrasch, 5er Theil, стр. XXXIII—V.

[2]) Я не отрицаю, чтобы за Адарьяномъ — Адріаномъ не стоялъ первоначально другой, традиціонный образъ, оттѣсненный новымъ. Я упоминалъ уже о Нубарѣ, отцѣ Djarada'ы.

[3]) Ἔσδρας α', 4, 29—31. Говоритъ Зоровавель: ἐθεώρουν αὐτὸν (царя)

Особое вниманіе обращаетъ на себя преданіе о невѣрной женѣ Соломона, внесенное въ своеобразный пересказъ легенды о крестномъ древѣ. Я разумѣю эпизодъ о nef Salemon въ такъ называемомъ Grand Saint Graal [1]).

Западныя и особенно славянскія сказанія о крестѣ [2]) повѣствуютъ о райскомъ тричастномъ деревѣ, исторія котораго ведется отъ Адама и Евы, рядомъ ветхозавѣтныхъ прообразованій, до Соломона и далѣе. Но Соломонъ стоитъ въ ея центрѣ: Давидъ завѣщаетъ ему построить домъ Божій по подобію видѣннаго имъ въ откровеніи; ангелъ является къ нему и вручаетъ ему перстень «имѣе писание страшное»; «Соломуноу же единомоу вѣдѧщоу ꙗкоже научень быс(ть) ѡтъ аггела, еже бѣ написано вь прьстенѣ томь» [3]), онъ приступаетъ къ построенію храма, для котораго понадобилось и крестное дерево, которое Соломонъ велитъ срубить и привлечь въ Іерусалимъ съ великимъ трудомъ.

καὶ Ἀπάμην τὴν θυγατέρα Βαρτάκου τοῦ θαυμαστοῦ τὴν παλλακὴν τοῦ βασιλέως καθημένην ἐν δεξιᾷ τοῦ βασιλέως, καὶ ἀφαιροῦσαν τὸ διάδημα ἀπὸ τῆς κεφαλῆς τοῦ βασιλέως καὶ ἐπιτιθοῦσαν ἑαυτῇ, καὶ ἐρράπιζε τὸν βασιλέα τῇ ἀριστερᾷ. καὶ πρὸς τούτοις ὁ βασιλεὺς χάσκων τὸ στόμα ἐθεώρει αὐτὴν· καὶ ἐὰν προσγελάσῃ αὐτῷ, γελᾷ. ἐὰν δὲ πικρανθῇ ἐπ᾽ αὐτόν, κολακεύει αὐτὴν ὅπως διαλλαγῇ αὐτῷ.

[1]) Объ этомъ эпизодѣ см. С. и К. стр. 295—6, прим. 2 на стр. 295. Сл. Hucher, Le Saint Graal II, p. 443—484.

[2]) О нихъ см. С. и К. 170—174; Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I Откровенія Меѳодія и византійско-германская императорская сага: I легенда о послѣднемъ императорѣ 317—331; II Легенда о возвращающемся императорѣ стр. 93 слѣд.; III Легенда о скрывающемся императорѣ стр. 125 слѣд. — II Берта, Анастасія и Пятница I: Сивилла-Самовила — reine Pédauque: Берта — въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, Апрѣль и Май; 1876, Февраль, passim; Altslavische Kreuz- und Rebensagen въ Russ. Revue 1878, VII, 8es Heft, стр. 130 sqq. Славянскіе тексты сказанія о крестномъ древѣ заслуживаютъ критическаго изученія, которое прольетъ новый свѣтъ и на западные пересказы того-же сюжета.

[3]) Симъ исправляется сказанное мною въ прим. 1, стр. 172 С. и К.: что ангелъ не объясняетъ Соломону значеніе надписи. Сл. текстъ,

Но напрасны были усилія положить его въ храмѣ, какъ ни примѣряли его; пришлось оставить его внѣ храма. — Другая легенда, приписываемая Григорію Богослову и разсказывающая исторію трехъ крестныхъ древъ, на которыхъ распятъ былъ Спаситель и два разбойника, говоритъ, что всѣ три дерева были принесены въ Іерусалимъ, съ цѣлью — употребить ихъ на постройку, но съ такимъ-же малымъ успѣхомъ; мѣсто нахожденія третьяго изъ нихъ, древа, на которомъ имѣлъ быть распятъ Спаситель, указано Соломону демонами, которые говорятъ о немъ со страхомъ и трепетомъ, но доставляютъ его царю, побужденные къ тому «печатію господнею», т. е., вѣроятно, перстнемъ, принесеннымъ ангеломъ.—Какъ видно, это—христіанизованное сказаніе о построеніи Святая Святыхъ, съ демономъ Асмодеемъ и перстнемъ. — Къ древу распятія, разъисканному Соломономъ, привязывается въ легендахъ о крестѣ извѣстное появленіе Сивиллы.

Въ Grand St. Graal эти разсказы о крестномъ древѣ получили особую обработку. Оно выростаетъ изъ вѣтки древа познанія добра и зла, которую Ева вынесла изъ рая: оно — бѣлое какъ снѣгъ и роскошно разрослось. Подъ нимъ зачатъ былъ Авель, и оно стало тогда ярко-зеленымъ, тогда какъ другія, отъ него разросшіяся ранѣе, сохранили свой цвѣтъ. Когда подъ нимъ убитъ былъ Авель, то оно сдѣлалось краснымъ, но его отпрыски остались зелеными. Эти деревья свято хранились потомствомъ прародителей, пережили, неизмѣненныя, разрушительное дѣйствіе потопа, сохранились въ прежней красотѣ и до временъ Давида и Соломона.

Соломона Господь одарилъ великою мудростью и знаніемъ, «et nepourkant par biautet de femme fu-il si soupris et décéus, qu'il en fist tant de coses contre Diu que à honte li pot-on

---

напечатанный впослѣдствіи Ягичемъ (Opisi i izvodi, I, p. 86) и А. Поповымъ, Первое прибавленіе къ Описанію рукописей и т. д. Хлудова, стр. 35.

atourner. — Sa femme ki o lui estoit, si se penoit d'engignier lui et décevoir au plus que ele pooit, et il l'amoit tant que il ne pooit nule riens tant amer. Il se gardoit au plus que il pooit, jà si ne si séust garder, et chou ne doit-on pas tenir à mierveille, kar sans faille puis que femme velt metre son cuer et s'entension en engin, nus sens d'oume mortel ne s'i puet prendre, si ne coumenche pas à nous, mais à nostre première lingnie. Qant Salemons vit que il ne s'en pot garder contre l'engin de sa femme, si s'esmerveilla moult que çou pooit iestre, si fu assés couroucíés; mais plus n'en osoit faire, dont il dist en son livre que on apièle Paraboles: «Jou ai, fist il, avirounet le monde et alet en tel manière comme sens mortex le pooit encerkier, ne en toute cele incerquité ne poi trouver une boine femme» [1]). Cheste parole dist-il par chou que il ne s'en pooit gaitier contre l'engin de sa feme, si s'esmierveilloit moult, dont chou pooit (estre) et dont çou venoit que femme estoit si soutive et curieuse en malisse, tant que il coumencha moult à despire femme et dist que femme ne estoit mie esperitex cose, mais anemis drois. Une nuit gisoit en son lit moult pensis et disoit moult dolans: «Hom caitis, plains de misère [plains], viex piersoune et soufroitouse, dont puet chou venir?» En dementiers que il estoit en tel esror, si oï une vois qui li dist: «Hom caitis, plains de misère, piersone viex et soufroitouse, ne t'esmierveille pas se femme t'a mis en duel et en esrour. Kar nostre première femme, no mère, ne fina onques devant chou que ele fu gietée de paradis dou délit, si que ele de là ù ele estoit ne fina onques devant chou que ele fu de paradis gietée huers et ù ele estoit en toute buenne éurté, se mist-ele huers et entra en toute maléurtet dont tout li hoir qui de lui descendirent se sentent encore si durement que il en manguent lour pain en dolour et en chaitivetet moult grant». Et encore li

---

[1]) См. на эту тему разсказъ о Соломонѣ въ Палеѣ С. и К. 86 sqq. и въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, Апрѣль: О талмудическомъ источникѣ одной Соломоновской повѣсти въ русской Палеѣ.

dist la vois: «Salemon! n'aies pas femme en tel despit: kar se par femme vint à houme courous premièrement, en liu d'icele femme venra une autre qui aportera à houme joie gregnour que li courous n'ait estet, et ensi amendera femme çou que femme mesfist; et chele feme istra de ton lignage».

Соломонъ раскаивается въ своихъ словахъ, и принявшись изучать священное Писаніе, узнаетъ о грядущемъ явленіи Богородицы-Дѣвы и о томъ, что изъ его рода имѣетъ явиться въ далекомъ будущемъ рыцарь, который превзойдетъ храбростью и благородствомъ всѣхъ, когда-либо жившихъ. Соломонъ его не увидитъ, а ему хотѣлось бы оповѣстить отдаленнаго потомка, что онъ зналъ напередъ о его пришествіи. Эта мысль не даетъ ему покоя; жена Соломона замѣтила это и пристаетъ къ нему съ разспросами. Соломонъ, «qui le savoit plus soutive en mal et en engien que nus hom ne poroit iestre, pensa que se cuers mortex pooit metre conseil à chou que il pensoit, ele en vienroit bien à chief», — открываетъ ей свои тайныя мысли. Жена совѣтуетъ ему какъ поступить въ данномъ случаѣ, и Соломонъ слѣдуетъ ея совѣту.

Плотники, созванные со всего царства, строятъ корабль, на столько прочный, чтобъ онъ могъ продержаться на водѣ, не портясь, въ теченіи 4000 лѣтъ. Въ немъ на богатомъ одрѣ положенъ былъ — въ изголовьи золотой вѣнецъ, въ ногахъ мечъ царя Давида, назначенный для грядущаго воителя; въ продольныя рамки ложа были вдѣланы по срединѣ двѣ вертикальныя жерди, другъ противъ друга, одна бѣлая, другая зеленая, соединенныя между собою третьей, поперечной, краснаго цвѣта. Эти жерди вырублены были изъ краснаго, бѣлаго и зеленаго древа жизни; рабочіе на то не рѣшались, но царица настояла; когда ихъ рубили, изъ нихъ истекли капли крови[1]), и плотники ослѣпли. Кто посмотритъ на

[1]) Та-же подробность въ Auto sacramental: El arbol del mejor fruto. Сл. Mussafia, Sulla leggenda del legno della croce, въ Sitzungsber. d. philos. hist. Cl. der kais. Akad. d. W. Wien 1870, 63 B. p. 191—2.

эти жерди, говоритъ царица, вспомнитъ о смерти Авеля, а Соломонъ кладетъ въ корабль посланіе къ своему будущему потомку: «Os-tu, chevalier bons éureus qui seras fins de mon lignage, se tu viex estre em paix et hom sages sour toutes choses, te garde d'engien de feme, et, se tu ne le crois, sens ne prouèce ne cevalerie ne te garandira que tu ne soies en la fin hounis». На бортѣ корабля надпись [1]): «Os-tu, hom qui dedens moi viex entrer, qui que tu soies, si gardes que tu n'i entres, si tu n'ies plains de foit: kar il n'a en moi se foi non et créanche, et pour chou saches-tu, se tu guenchis à créance ne qant ne qant, jou te guencirai en tel manière que tu n'auras de moi ne soustenance ne aide en quel liu que tu seras atains à mercréance». Въ ночь, передъ тѣмъ какъ корабль унесло въ море, кто-то спустился съ неба, окруженный сонмомъ ангеловъ, освятилъ и окропилъ сооруженіе, говоря: «Ceste nef est fiance de ma nouviele maison». Соломонъ хочетъ самъ вступить въ него, но небесный голосъ и надпись на борту его останавливаютъ; а между тѣмъ поднялся вѣтеръ и унесъ корабль изъ глазъ Соломона и его супруги.

Крестныя легенды приводятъ къ сооруженію Соломонова храма, къ которому привлечены крестныя деревья, оказывающіяся негодными въ постройку; легенда въ Grand Saint Graal переходитъ отъ разсказа объ этихъ деревьяхъ къ построенію корабля, древнему символа церкви, но церкви будущаго, Христовой, почему въ ней у мѣста и жерди, вырубленныя изъ крестныхъ деревьевъ. Что таково именно значеніе корабля, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія надпись на бортѣ и слова, сказанныя при его освященіи. — Одръ, въ немъ стоящій, слѣдуетъ понять въ символическомъ значеніи: κλίνη ἐστὶ Δεσποτικὴ ὁ σταυρός, ἣν οὐχὶ δάκρυσι, κατὰ τὸν Δαυὶδ, ἀλλ' αἵμασιν ἔλουσεν ὁ ἐκ Δαυὶδ τὸ κατὰ σάρκα Χριστός· οὐχὶ τὸ ἑαυτοῦ ἐκπλύνων ἁμάρτημα, . . . ἀλλὰ καταίρων τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου τὴν ἐκ τοῦ ξύλου ἀνα-

[1]) Hucher l. c. p. 483; та-же надпись, съ отличіями, на стр. 444.

φυεῖσαν.... ἐν ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ ὁ σταυρὸς εἰκονίζεται· καὶ ἦν τοῦτο προχάραγμα τοῦ ἐν τῷ Δεσποτικῷ αἵματι ἐπιχρωσθέντος αὐτῷ ἐρυθήματος. — Тоже въ другой проповѣди по поводу толкованія Пѣсни Пѣсней III, 7 (ἡ κλίνη Σαλομών): Κλίνη δὲ τούτου τοῦ Σαλομὼν ὁ σταυρὸς, ἐν ᾧ ἐκοιμήθη, καὶ ὕπνωσε τὸν φυσίζωον ὕπνον, καὶ τοῦ πεσόντος Ἀδὰμ ἀναστάσιμον, ἐπικλίνας αὐτῷ κεφαλὴν ἐκουσίως [1]). При такомъ ложѣ понятны жерди, подѣланныя изъ крестныхъ деревьевъ, хотя прозрачность символа не выгадываетъ отъ такого наслоенія. Можно предположить, что мы имѣемъ дѣло именно съ наслоеніемъ: крестъ — ложе Христа; это отождествленіе переводится образомъ ложа, къ которому вторично пристроилась память о крестныхъ деревьяхъ. — Замѣтимъ, впрочемъ, что у Готфрида изъ Витербо древо распятія достаетъ не Соломонъ, а Давидъ, который хранитъ его въ своемъ *thalamus* (?), а въ нѣкоторыхъ легендахъ, относящихся къ той-же группѣ крестныхъ сказаній, Давиду является въ сновидѣніи ангелъ, вѣщающій ему о райскихъ лозахъ, посаженныхъ Моисеемъ; проснувшись, царь находитъ ихъ стоящими *вокругъ своего ложа;* посаженныя, онѣ чудесно сростаются — какъ въ романѣ о св. Гралѣ жерди изъ крестныхъ деревьевъ, придѣланныя къ одру, являются искуственно соединенными между собою.

Роль невѣрной жены Соломона выясняется: она — дочь Евы, оттуда ея слабости и порочныя увлеченія, не съ нею впервые явившіяся въ свѣтъ: ихъ корень въ проступкѣ праматери. Но отсюда еще не слѣдуетъ осуждать женщину вообще: въ чемъ одна согрѣшила, то восполнитъ другая съ лихвою, сотретъ первородный грѣхъ. — Я полагаю, что такова въ сущности основная идея введенія къ легендѣ о царѣ Асѣ: вся злоба на землѣ отъ женъ, говоритъ онъ, желалъ бы всѣхъ ихъ «небытію предать» и глумится надъ словами Писанія потому, между прочимъ, что они писаны были женщиной. Далѣе

---

[1]) Germani II Constantinop. patriarchae Contra Bogomilos, у Migne, Patrol. gr. t. 140, p. 640; 644.

это грѣшное отрицаніе женщины не играетъ роли въ легендѣ; въ Grand Saint Graal оно осуждено съ точки зрѣнія христіанства. Въ особенности развитіе культа Богородицы должно было смягчать мизогинію, такъ ярко сказывающуюся въ отповѣдяхъ Морольфа, въ Повѣсти о Дѣтствѣ, наконецъ въ сказаніяхъ объ увозѣ Соломоновой жены.

I.

О премудрости Соломоней и женѣ его.

(По ркп. Имп. Публ. библ. Пог. № 1606, л. 238 лиц. и слѣд.)

Бяше Соломонь премудръ и сынъ Давида царѧ и пророка Господня, обладаше всею землею, имѧше велика дѣла о себѣ и строящеся мудростію его яко единъ воинъ. Имяше Соломонъ красоту велику, гдѣ чюѧше другаго царѧ лѣпу царицу, прихождаше и лежаше со царицею и взимаше перстень, и егда отхожьдаше в землю свою, и пущаше ко царю тому, повѣдаше ему знамя и всѣмъ царемъ тако творяще. Отець же его рече: Сыну мой Соломоне, почто не поимеши себѣ жену? Соломонъ же рече: Аще [не] изобращу паче всего свѣта красну жену и лѣпу якоже есмь азъ, то возму. Давидь же рече: Жена красна престолъ Сотонинъ есть. Соломонъ же обрѣте жену вь Персѣхь лепѣйшу всего свѣта. Егда же приведе ю въ домъ, видѣвь-же ю Давидь царь и рече: Во истинну сия лѣпота много соблазна сотворитъ. Гдѣ обрящемъ только добра отъ мене?[1]). Соломонъ же рече: Отче, каковъ соблазнъ сотворитъ? азъ есмь царь царемъ, азъ есмь премудрь, лѣпее всего свѣта. Давидъ же рече: О сыну мой Соломоне, тая лѣпота нѣсть приключна, и людемъ то дѣла не при-

---

[1]) Фраза, очевидно, попавшая не въ свое мѣсто — изъ отвѣта Соломона. См. выше, стр. 97, отрывокъ изъ текста Сырку.

ключна сотворитъ. Слышавъ же Кип'рскій царь яко понялъ еси себѣ Соломонъ жену вельми красну и лѣпу и рече вельможамъ своимъ: Аще бы мнѣ кто сотворилъ тако шедъ во Ерусалимъ да взялъ бы мнѣ жену Соломонову, понялъ бы себѣ царицю, далъ бы ему имѣния много. Тогда же нѣхто отъ бояръ его, человѣкъ исполинъ именемъ, глагола ему: Азъ сотворю тебѣ тако, яко тебѣ угодно будетъ. Царь же вельми возрадовася о словесѣхъ его. Исполинже взялъ с собою камение безцѣнное и бисеръ и злато и сотвори мантию и руху царьское вельми мудро, и отиде в землю Соломонову и приде во Ирусалимъ и продаваше ако единъ купецъ. І видѣвьше людие Іерусалимстіи и почюдишаса вси и повѣдаша ѡ томъ царицѣ. Царица же повелѣ его призвати к себѣ. Пришедъже ему ко царицы, ѡна же видѣвше ѡдежду и ужасъша и воспроси его: Что есть тому цена? Исполинъ же рече: Госпоже царицы, тоѣ не подобаетъ тебѣ купити. И рече ему царица: По что тако глаголеши, ѡ брате исполине? Исполинъ же царицы рече: Такову руху въ нашеи землѣ рабы ни носятъ. Царица же рече: Да вашего царя царица какову рухуноситъ? Исполинъ же рече: Госпоже царице, нашъ царь царицы не имѣетъ, понеже не иматъ изобразъ противъ красоты лица своего; аще изберетъ, то уготоваетъ еи полату со звѣздами, да играетъ въ неи. Царица же рече ему в таи: Да хощетъ ли мене царь вашъ взяти? Онже рече: Во истинну вельми бы ся веселилъ ѡ тебѣ и ѡ твоей красотѣ. Она же взя его к себя таино и рече ему: Да како мя приведеши к нему? Онже рече ей: Укради ми ключи цр'квныя и даи ихъ мнѣ. Онаже украде и дасть ему. Исполинже дасть еи забытное зелие. Она же напився и умре. И пѡвѣдаша Соломону ѡ смр'ти ея; Соломонъ же се слышавъ и почюдися и рече: То моя царицы напрасная смр'ть. И повелѣ еі проньзнути длани: да не сотворитъ великаго скандалства, яко же рече ѡтець мой Давидь. И тако прожгоша еи длани. И повелѣ еа вложити во гробницу и внѣ руку ѡставити: да егда прихожу и зрю на ню, понеже ми была мила. И сотвориша тако. Исполинъ же пришедъ нощію и украде ю и паки напои ю бы-

лиемъ и оживи ю и влѣзъ вь корабль и пріиде ко царю Кипрскому. Видѣвъ же ея царицы и подивися красотѣ ея и лѣпоты, и радъ бысть ѡ неи вельми и імѣаше ю себе женою. Соломонъ же (....) видѣти ея и не ѡбрете еа во гробницы и пріиде и рече: Истинну глагола ми отець мой Давидь: красная жена великое скандалство воздвигнеть. И посла ея распытовати по всеи земли, и ни ѡбрѣтоша ея. Тогда же пріиде человѣкъ и повѣда Соломону: Пришла есть жена твоя въ Кипрь. Соломонъ-же рече: Да како увѣмъ, что моя есть жена? Единъ же человѣкь сотвори рукавицы и украси ихъ маргаритомъ и камениемъ безцѣннымъ и отъиде вь Кипрь продаяти іхь. Царица же увѣдавши повелѣ призвати человѣка того хотящи у него рукавицы купити. Пришедчю же ему ко царицы, ѡна же埋 веземъ полагаше ихъ на руцѣ свои и подивися красотѣ ихъ. Купець же видѣ знамя на руцѣхъ ея, иже бѣ длани прозжены, и позна ю и пришедъ во Ерусалимъ и повѣда Соломону. Соломонъ въстужи вельми и собравъ воя пятдесятъ храбрыхъ и вооруженъныхъ, и поиде въ Кипр'скую землю и творяше яко того града людие, и постави ихь отъ града за два поприща и заповѣда имъ по обычаю во градъ внити, самъ же сотворися ако единъ странникъ и вниде во градъ исхождаше (?) Царица же видѣ Соломона и позна его и рече ему: Что ходиши, человѣче? всуе трудишися. Соломонъ же рече: Не вѣси-ли, царице, яко велику любовь имѣхъ к тебѣ? тако пріидохъ да вижу красоту твою. А воемъ своимъ заповѣдалъ тако: Вы же около града почивайте, аще услушите трубу, скоро пригоните, до третияго потрубленія да обрящетеся. И пришедъ царь Кипрскій и пріимъ царицу за плещи и взыграя съ нею, и рече к нему царица: Аще бы еси видѣлъ Соломонъ, что съ мною играеши, что бы рекьль? Царь же рече къ ней: Что бы рекль онъ? Царь же и азъ есми и ѡнъ брать мой, понежи ѡба есми цари, и азъ тебя взялъ не ратію, но сама пришла еси ко мнѣ. Что-бы мнѣ Соломонъ реклъ? Царица же рече: Хощеши ли да видиши Соломона? С гъ же рече: Почто тако глаголеши? Она же рече: Аще ли покажу-ти Соломона, ничто с нимъ глаголавь да погуби его, аще

ли съ нимъ хоти едино слово молвиши, то онъ тебя погубилъ. И изведши же царѧ Соломона и показа ему. Царь же Кипрскій рече: Здравъ ли еси Соломонъ? Соломонъ же рече: Здравъ ли еси ты, царь, здрава ли есть жена твоя? Царь же Кипрьскій рече: Соломоне, аще хто здравствуетъ тебѣ за жену твою, что ему сотвориши? Соломонъ-же рече ему: Всадилъ бы его в темницу да седитъ три д҆ни. Царь же Кипрскій всади Соломона въ темницу; по трехъ днехъ изведе его ис темницы и рече къ нему царь: О Соломоне, се азъ царѧ имѣю, да что ему сотворити? Соломонъ же рече: Подобаетъ погубити его. Царь же рече ему: Да какова ему смрть дати? Молю ти ся о семъ, брате мои Соломане, рцы ми. Соломонъ же рече ему: Слышу царю, азъ за жену хощу погибнути, а азъ есми великій царь, но даи ми почетную смерть царскую, иниктоже вѣровати хощетъ о мнѣ яко азъ погибль есть: изведи мя на поле и повѣси мя на велицемъ дубѣ, да всякъ человѣкъ видитъ мя и хощетъ вѣровати, что есмь былъ царь царемъ. Тогда же царь повелѣ Соломона возложити на колесницу и повезоша его на поле. Соломонъ же тогда вельми разсмѣѧлся. И рече ему царь Кипрскій: О Соломоне, азъ тебя веду на смерть, а ты смѣешися. Соломонъ же рече: Чуждуся о семъ, какъ коло на коло идетъ. Царь же почюдися, и приведоша его к дубу. Соломонъ же рече: Азъ хощу за жену погибнути, дай ми, царю, трубу, да натрублю на смерти своей, понеже такова есть наука моя. Царь же дасть трубу. Соломонъ же веземъ трубу и потруби. Воя его седлаша кони своя. И потруби второй, и воя его вьседоша на кони своя. И тако третіѣ потруби, и воя его скоро пригнаша и яша царя и царицу. Соломонъ же рече къ нему: Сего ради и смеяхся, какъ коло на коло идетъ. Соломанъ же царю Кипрскому дасть сладкую смерть: пусти ему кровь изо всѣхъ жилъ, и тако мало страдавъ и умре. Царица же прискочивши къ Соломону и нача ему ласкати и льстити. И рече ему: Господине мой царю Соломане, вѣси-ли яко отъ руки моей въдасться тебѣ ц҆рьство Кипрское, и злодѣя моего царя Кипрскаго погубилъ еси, и рада есми вельми тебѣ свѣта своего осмотривши.

И много ему глагола льстивыми словесы. Соломонъ же царицы рече: Вѣси-ли, царице, понеже ми еси была вельми мила за красоту лица твоего и за твои за доброй обычай, а нынѣ ми еси милѣе паче прежьдняго и люблю тя паче всего имѣнія своего и воздамъ ти честь превеликую, якоже нигдѣ таковыя чести нѣтъ, твоего ради добраго нрава и обычая, понеже не обрелъ есмь себѣ царицы таковыя во всемъ свѣте, яко же ты красотою и лѣпотою, и возведу тя на высокій теремъ во златоверхій и украшу тя красотоу червленою и возвеселю тя веселіемъ великимъ, якоже и азъ возвеселихся о тебѣ и о твоей красотѣ. А нынѣ възлѣзи на высокъ теремъ и посмотри милаго своего царя Кипрскаго, утѣшающаго красными утѣхами, яко же и тебѣ подобаетъ съ нимъ тако утѣшатися. И тако возведоша ю на высокъ теремъ и на высокій дубъ, и повелѣ ей веревку шелкову проннзнути склозе длани ея, и повѣсиша ю на велицемъ дубе, и повелѣ воемъ своимъ всякому ударити ея по трижды стрѣлою. И тако злѣ скончася. Тогда же Соломонъ прия и Кипрское цр҃ьство.

II.

Повесть преславна и душеполезна зѣло о царѣ Аггеѣ, како пострада гордости ради.

(По ркп. Публ. Библ. XVII, Q, 79, XVII вѣка, л. 460—2 и Погод. 1773).

Бысть во градѣ Ѳилумени царь имянемъ Аггей славенъ зѣло. И стоящу ему в церкви во время божественнаго пѣния, чтущу іерѣю святое евангелие, егда доиде до строки в ней же написано: Богатиі обнищаютъ а нищие обогатѣютъ, слышавъ же сиа царь рекъ со яростию: Ложь есть сие писано въ евангилие, понеже

азъ есмь царь, славенъ есмь на земли и богатъ зѣло, како мнѣ обнищати а нищему обогатѣти противъ меня? Егдаже ѡтслужи иереі божественную литургию, и повелѣ его царь всадити в темницу, а листъ тои изъ евангилия выдрати повѣле, и отъиде в домъ свои начатъ пити и ясти и веселитися. Видевъ же нѣцыі юноши еленя в концы поля и пришедши сказаша царю. Царь же поятъ с собою юноши и погнаша еленя хотя его уловити. Бѣ же елень тои видѣниемъ красенъ зѣло и томенъ. Царь же рече отрокомъ своимъ: Стоитѣ вы здѣ, азъ же единъ уловлю еленя. И погна его в следъ. Елень же побежа за реку, царь же привяза коня своего и совлече с себѧ ѡдежду свою и поплы за реку. Преплыі реку і абие елень не видимъ бысть. Ангелъ же господень вседъ на коня его и явися во образъ царя Аггѣѧ и приѣхавъ сказа юношамъ, что утече елень. Царь же Аггѣі возвратися въспятъ и преплы реку и абие не виде ни коня ни платьѧ своего и ставъ нагъ задумався, и поиде ко граду Ѳилумени и виде пастуха волы пасуща і вопроси его: Пастуше брате, гдѣ еси виделъ коня моего и платие? Пастухъ же вопроси его: Кто еси ты? Онъ-же рече: Азъ есмь царь вашъ Агѣі. Пастухъ-же рече ему: Ѡкаянне, како смѣеши царемъ нашимъ нарещися, поneже азъ нынѣ видехъ царя Аггѣѧ, нынѣ проѣхалъ во градъ сь юношами своимі? И нача его бити кнутомъ и трубою. Царь же нача плакати и поиде во градъ нагъ. И сретоша его торговые люди града того і вопросиша его: Человѣче, почто еси нагъ и гдѣ твоя одежда? Онъ же рече не смѣя царемъ нарещися и сказа имъ: Одежду мою разбоиницы похитиша. Они же даша ему худую одежду. Онъ-же внемъ и поиде ко граду и вьспроси сѧ к нѣкоей женѣ ночевать и нача ея роспрашивать: Кто есть у васъ нынѣ царь? Она-же рече: Али еси не нашия земли человѣкъ? И сказа ему: Царь есть у насъ Аггѣй. Онъ же вопроси: Колико лѣтъ царьствуетъ? Она же сказа ему: .ле. лѣтъ Онъ же написа писан(і)е своею рукою къ царице своеи, что у него было с нею таинаѧ мысль, и повеле нѣкоеи женѣ понести царицѣ. Царица же взятъ грамотку и повеле чести предъ собою. Онъ же

написа ся мужемъ ея царемъ Аггѣемъ. І нападе на нее страхъ великъ и по страсе томъ начатъ глаголати: Како сіи меня убогіи человѣкъ нарицаетъ себѣ женою? аще увѣдаетъ царь то, велитъ меня казнити. И повеле его бити кнутомъ нещадно безъ царьскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша его едва жива суща. Ѡнъ же поиде изъ града плача и рыдая и воспоминая евангильское слово, что богатіи обнищаютъ а нищіи обогатѣютъ, и каяся, како похули святое евангилие и како всади в темницу іерея, и поиде незнаемымъ путемъ. Царица же рече царю, явившемуся во образѣ царя Аггѣа: Что ты со мною дру́гой годъ не пребываешь? Царь же рече: Обѣщание ми есть на три лѣта с тобою не сходитися. И отъидѣ отъ нея вь царьские полаты. Аггѣй же царь прииде въ незнаемый градъ и нанялся у крестьянина работати на лѣто и ничего работати не умѣетъ. Крестьянинъ же ему отказалъ; ѡнъ же начатъ плакати и поиде путемъ отъ града того, и срѣтоша его на пути томъ нищие. Онъ же рече имъ: Поимите меня с собою, понеже человѣкъ убогъ есмь, работати не умѣю и просити стыжуся. Что мнѣ велите, и я у васъ учну тружатися. Они же поимъ его с собою и даша ему суму носить. Егдаже приидоша к ночлѣгу ночевать и повелеша ему баню топить і воду носити и постелю слати. Ѡнъ же восплакався горко и жалостно зѣло и начатъ глаголати: Увы мнѣ окаянному, что сие сотворихъ? Бога прогнѣвахъ, самъ же царьства лишихся и царицы остахся, погибель себѣ сотворихъ и все пострадахъ за слово Божие; истинное то а не ложно есть божественное писание. — Заутраже возташа нищие и поидоша ко граду Ѳилуменю; егдаже до града доидоша и пришедъ на царьской дворъ нищие и начаша милостыни просить. Бѣ же в то время у царя пиръ великъ, и повелѣ нищихъ вести в гостинницу кормити довольно, а мехоношю взяти к себѣ вь царьские полаты. И учивъ его много и наказавъ еже не хулити Слово Божие, иерейскій чинъ чтити и кротку быти до всякаго человѣка и милостиву и тиху, и даде ему скипетръ в руцѣ его царьскій и царьствие дарова ему по прежнему, царице же не повѣле ничего по-

вѣдати, миръ давъ ему и абие невидимъ бысть. Онъ же приимъ скипетръ отъ руки ангеловы (и) царьство порученное ему и начатъ царьствовати по прежнему и зѣло милостивъ бысть ко всакому человѣку и благоугодно поживше хваля и славя Бога вседержителя, ему-же слава всегда и нынѣ и во вѣки вѣковъ аминь.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXVIII, № 3.

БОГАТЫРСКОЕ СЛОВО

ВЪ СПИСКѢ НАЧАЛА XVII ВѢКА

ОТКРЫТОЕ

Е. В. Барсовымъ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ВЕСЕЛОВСКОМУ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Издавая предлагаемую «Былину», какъ «Историко-литературный памятникъ», мы считаемъ излишнимъ обставлять ее своими личными взглядами на былевое народное творчество: это прямая задача критики и спеціальныхъ изслѣдованій. Мы ограничиваемся при этомъ лишь немногими замѣчаніями, самыми необходимыми для уясненія и надлежащей оцѣнки этого драгоцѣннѣйшаго письменнаго памятника народнаго былеваго творчества.

Самыми существенными вопросами являются здѣсь слѣдующіе: 1) въ какой литературной обстановкѣ является эта былина; 2) въ какой мѣстности она записана; 3) когда именно записана; и, наконецъ, 4) какое особенное значеніе получаетъ она въ исторіи русской литературы.

1) Былина эта помѣщена въ принадлежащемъ намъ «Сборникѣ» въ 8°, писанномъ разными руками и почерками XVII вѣка на 267 листахъ. Вотъ статьи входящія въ составъ этого «Сборника».

Л. 1. Путешествіе на востокъ Трифона Коробейникова (перваго листа не достаетъ). Языкъ этого «путника» отличается отъ книжнаго языка другихъ списковъ и приближается къ языку народному.

Л. 98. Сказаніе ѡ кѣевски[х] богатыре[х], какъ ходили во цр҃ь-градъ и какъ побили цр҃еградцкихъ богатырей, ѹчинили себѣ чт҃ь. (Издаваемый списокъ).

Л. 121 об. Слово ѡ дмитреѣ кѹпьцѣ и ѡ мѹдры[х] словесе[х] сн҃а єво борзосмысла.

Всѣ эти три статьи писаны одной рукой и однимъ скорописнымъ почеркомъ.

Далѣе слѣдуетъ:

Л. 141. Повѣсть ѡ сильномъ богатырѣ Самсонѣ. Нач. «Бысть му[ж] ѡ[т] колѣна данова, имя єму маное». Повѣсть эта писана, сравнительно съ предъидущими статьями, болѣе позднимъ скорописнымъ почеркомъ.

Л. 156. Притча сказаєма ѡ тѣле чл҃чье и ѡ дш҃е и о воскрсенїи мртвы[х]. Нач. Ч҃лкъ нѣкто добра родѹ насади виногра[д]. Писана полууставомъ 2-й половины XVII вѣка.

Л. 164. Слово ст҃го григория Бг҃ослова ѡ стѣй Бж҃тве[н]нѣй литоргии. Нач. Егда начне[т] иерей Бж҃естве[н]нѹю слѹжбѹ: «Бл҃гви вл҃ко».... Извѣстный апокрифъ; писанъ скорописью 2-й половины XVII вѣка.

Л. 170. Списания с толкомъ. о ѹскомъ пѹти, вѣдущимъ в жизнь вѣчнѹю, и ѡ широкомъ пѹти, вѣдущимъ в мѹкѹ вѣчнѹю. Нач. Бѣ нѣки[й] црь славе[н] ѕѣло, имѣя гра[д] до верхѹ горы.... Такого же письма и того же времени, что и предъидущая статья.

Л. 186 об. Ѡ смертномъ житиї члвчестємъ и ѡ тѣ[х] поѹчениѧ[х], еже ко христиѧнъскомѹ и[з]бавлению потребно. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Нач. (В.) Чесо ра[ди] сотворе[н] есть чл҃вкъ. ѡ[т]вѣтъ.... Сего ради сотворе[н] єсть чл҃вкъ.

Л. 196. Ѡ пр҃чевы[х] крилѣ[х] (въ вопросахъ и отвѣтахъ).

Л. 196 об. Ѡ црквнѣмъ пѣнии свтыми ап҃лы и ст҃ыми ѡ[т]цы ѹзаконено (о часахъ, павечерницѣ и полунощницѣ).

Л. 197 об. О крс҃тѣ Гд҃ни. Нач. Что ради пишетсѧ ѹ кр҃та по[д]ножиє.

Л. 199. О дузє нбн҃еи свт҃го Генадия патриарха Констя[н]тина града. Нач. Дуга єс҃ть ѡ[б]ра[з] бж҃твена[г] подобия.

Л. 202. Повѣсть о нѣкоемъ царѣ. Нач. Цр҃ь убо нѣкиї бы҃ть ѕѣло славенъ.... Исчисленіе царскаго штата и содержанія эпарховъ и рабовъ.

Л. 204. Слово ѡ иконѣ прчтыѧ Бцы во иверейскомъ граде, како яви свое чюдо ѡб юноше. Нач. Бѣ нѣки купецъ во иверскомъ граде богат зѣло....

Л. 213 об. Слово стых оцъ ко хрестияном, хто ѡставит женꙋ и дѣти ідет в мнстрь. Нач. Глаголю вамъ любовно братие.

Л. 217. Мца октябрѧ въ кв днь. Житие стго Аверкия Еропольскаго чюдотворца. Нач. В Ярополи бяше еписком малъ тѣлом....

Л. 222. О начале иноческом. прпбънаго ѡца нашего нила пꙋстынника. и тои назнаменꙋет инокъ. Нач. Инокъ есть испохнитель и всѣх заповѣдей Хрвых....

Л. 229. Слово иѡанна златаустаго ѡ злых женах. Нач. Ничтоже подобно на земли злобе женстѣй.

Л. 234. Поꙋчение ѿца дховнагѡ к детемъ дховнымъ на полезная. Нач. Еже написꙋю вамъ воспоминати по Гднеи заповедн. Поученіе русское и весьма важное для характеристики нравовъ и церковнаго быта древней Руси.

Л. 253 об. Поꙋчение стго Ѳотѣя митрополита киевскаго ї всея Рꙋси кь епискꙋпомъ. и ко анхимаритом. и ко игꙋменомъ и къ попомъ. и диакономъ и ко всѣмъ православнымъ хртианомъ, какъ ходити по законꙋ хрстиянскому.

Л. 264. Выписки изъ «Пчелы». Всѣ исчисленныя статьи писаны скорописью во 2-й половинѣ XVII вѣка.

Такова литературная обстановка, въ которой встрѣчаемъ издаваемую былину.

Разсмотрѣніе этого Сборника показываетъ, что первоначальный его составъ представляли лишь первыя три статьи, именно: «Путникъ Трифона Коробейникова», «Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ» и «Слово о кіевскомъ купцѣ Борзосмыслѣ». Всѣ остальныя статьи присоединены впослѣдствіи и составляютъ лишь дополненіе къ его первоначальному типу.

Въ данномъ случаѣ для насъ всего важнѣе то, что статьи, входящія въ составъ этого основнаго типа, представляютъ въ себѣ нѣкоторую однородность своего содержанія; именно указываютъ

на путешествія русскихъ людей на Востокъ. Въ силу этой однородности и весь Сборникъ получилъ названіе «Странника», хотя большая его половина состоитъ изъ статей, къ коимъ не можетъ относиться это названіе.

Въ записяхъ, сдѣланныхъ разными его владѣльцами, даже позднѣйшими, читаемъ: «сія книга глемая Странникъ». На нижней коркѣ не разъ написано: «Книга странникъ, странникъ».

Въ силу той же особенности своего первоначальнаго типа, Сборникъ этотъ получилъ особенное значеніе и для «странствующихъ благочестія ради», или бѣгствующихъ старообрядцевъ. На л. 201 читаемъ: «Сия книга глемая бегуне[м] научения, а грѣшны[м] дше на спасение, а всѣ[м] крестьяномъ пра[во]съсла[в]нымъ послушания».

Этимъ же самымъ типомъ отчасти объясняется и то, какъ случилось, что древне-русскій книжникъ счелъ нужнымъ записать народную былину. Повидимому, запись эта обусловливалась именно «Путникомъ Трифона Коробейникова». Переписавъ это путешествіе на Востокъ,—книжникъ припомнилъ, что бывали подобныя путешествія и въ старое время, какъ поется въ «старинахъ», при кіевскомъ князѣ Владимірѣ, — и къ «Путнику Коробейникова» приписалъ эту былину, какъ ее зналъ и какъ припоминалъ, озаглавивъ ее «сказаніемъ о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во црьградъ».... За тѣмъ онъ дополнилъ эти сказанія «Словомъ» о кіевскомъ купцѣ Борзосмыслѣ, который отплылъ изъ Кіева на кораблѣ, поплылъ по морю и попалъ въ страну, гдѣ народъ исповѣдывалъ вѣру православную, а царь—вѣру Еллинскую, поганую: для книжника это путешествіе — было путешествіемъ въ тѣже цареградскіе, восточные края.

Если это такъ, то историкъ русской литературы въ разсматриваемомъ Сборникѣ встрѣчается съ тремя любопытными фактами: прежде всего здѣсь усматривается первая попытка сдѣлать собраніе древне-русскихъ путешествій на Востокъ; далѣе видно, что древне-русскій человѣкъ народную былину трактовалъ, какъ

историческое сказаніе и, наконецъ слѣдуетъ, что древне-русскій книжникъ зналъ народныя былины и грамотность уживалась съ народной поэзіей.

2) Въ какой мѣстности записана была издаваемая былина, на это отыскиваемъ указаніе въ томъ же Сборникѣ, гдѣ она помѣщена. Такъ, по листамъ (начиная съ л. 15) читаемъ запись: «кнїга тѹрчасовца посаⷣкого чл҃вка аѳонасья Іванова сына каменева подписывалъ своею рукою ,аѱкд году». На об. 195 л. читаемъ слѣдующія записи: «книга странникъ Івана Елиѕарова Каменева, поⷣписалъ по єво велѣнью.... рпи года февралия....» На об. 155 л.: «Сє аⷥ тѹрчасовецъ Алешка Елизароⷡ рѹкѹ прил....» На об. 155 л. кромѣ приведенныхъ записей еще читается: «сия книга турчасовца Елизара».

Изъ всѣхъ этихъ записей видно, что разсматриваемый Сборникъ принадлежалъ сыну, отцу и дѣду — Каменевымъ; онъ былъ наслѣдственнымъ достояніемъ цѣлаго рода Турчасовскихъ жителей: принадлежалъ сначала Елизару Каменеву, за тѣмъ перешелъ къ его дѣтямъ Ивану и Алешкѣ Елизаровымъ—и за тѣмъ былъ во владѣніи его внука Аѳанасья Иванова. Жизнь старѣйшаго владѣльца изъ рода Каменевыхъ можетъ совпадать съ временемъ написанія первоначальнаго типа этого Сборника.

Можно предполагать, что если составленіе его и не принадлежитъ предку Каменевыхъ, то во всякомъ случаѣ оно возникло въ Турчасовскихъ предѣлахъ.

Турчасовская волость находится въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи. Въ силу особенныхъ обстоятельствъ здѣсь именно должно было обратить на себя вниманіе путешествіе на Востокъ Трифона Коробейникова. Въ нашемъ рукописномъ собраніи есть между прочимъ списокъ челобитной Печниковской и Турчасовской волостей царю Ивану Васильевичу Грозному о томъ, чтобы онъ пожаловалъ ихъ, далъ имъ такой же самосудъ, какой далъ онъ городу Каргополю. Самосудъ этотъ былъ имъ данъ и потому естественно, что здѣсь съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что относилось къ имени этого царя—

ихъ милостивца. Путешествіе Трифона Коробейникова уже потому должно было пользоваться здѣсь особеннымъ сочувствіемъ, что Коробейниковъ былъ посланъ въ восточные монастыри тѣмъ же царемъ — ихъ благодѣтелемъ — для раздачи поминковъ по своемъ сынѣ, убитомъ царскимъ гнѣвомъ. Не въ одномъ, вѣроятно, родѣ Каменевыхъ «Путникъ» Коробейникова считался здѣсь завѣтной наслѣдственной книгой. Само собою разумѣется, что имѣлъ при этомъ свое значеніе и интересъ къ святымъ мѣстамъ, описаннымъ въ этомъ путешествіи.

Едва ли поэтому можетъ казаться страннымъ предположеніе, что разсматриваемый Сборникъ, бывшій достояніемъ цѣлаго Турчасовскаго рода, и составленъ въ той же Турчасовской волости. Путникъ Коробейникова не могъ остаться здѣсь незамѣченнымъ; переписывая же его книжникъ, какъ мы выше сказали, легко могъ припомнить и приложить къ нему былину, какъ кіевскіе богатыри ходили въ тотъ же Царьградъ. За знаніемъ же былинъ здѣсь дѣло не стало. А если такъ, то исторія русской литературы и первую древнѣйшую записанную былину получаетъ изъ того же сѣвернаго края, гдѣ собраны богатства живаго былеваго творчества Рыбниковымъ, Гильфердингомъ и отчасти нами [1]).

3) Выше мы сказали, что первоначальный типъ разсматриваемаго Сборника написанъ гораздо раньше, чѣмъ вторая наибольшая его половина. На послѣднемъ листѣ этого Сборника читается слѣдующая едва замѣтная запись: «сия книга гл́емая «Странникъ» зрнѳ году» (1651 г.). На об. 267 л. другая весьма четкая запись: «рна г году (1642) октя[б]ря въ ді де за два мца до Хвтва рожества написано». Но обѣ эти записи могутъ быть отнесены лишь ко 2-й половинѣ «Сборника»; первая же относится

---

[1]) Записанныя нами «былины» напечатаны въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ; разсмотрѣны и оцѣнены Ор. Ѳ. Миллеромъ въ отдѣлѣ критики Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1868 г. Приносимъ ему здѣсь спасибо съ благодарностію за доброе слово.

къ самому началу XVII столѣтія; на это указываютъ и бумажныя клейма и характеръ скорописи, рѣзко отличающейся отъ письма, коимъ писаны всѣ дальнѣйшія статьи, присоединенныя къ Страннику во второй половинѣ XVII столѣтія.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, есть ли этотъ, такъ называемый, Странникъ, та оригинальная рукопись, въ которую впервые внесена разсматриваемая былина, или же весь этотъ Странникъ представляетъ копію съ болѣе древняго оригинала, и, стало быть, разсматриваемая былина была записана еще ранѣе этого Сборника.

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего обращаемся къ «Путнику Коробейникова», которымъ начинается этотъ Странникъ, и въ зависимость отъ котораго мы ставимъ записаніе самой былины. Оказывается, что этотъ «Путникъ» представляетъ не позднѣйшую, болѣе обработанную книжную редакцію; напротивъ, онъ приближается къ болѣе древнему типу статейнаго списка и отличается языкомъ болѣе простымъ, живымъ и народнымъ. А это, по нашему мнѣнію, служитъ нагляднымъ указаніемъ, что онъ переписанъ въ нашъ Сборникъ съ болѣе древняго оригинала, съ оригинала XVI вѣка, такъ какъ въ спискахъ XVII вѣка текстъ его получилъ уже книжную обработку.

Съ другой стороны, въ самой былинѣ, помѣщенной въ томъ же Сборникѣ встрѣчаемъ такого рода описки, которыя указываютъ, что книжникъ, переписавшій «Путникъ» Коробейникова въ началѣ XVII вѣка, списывалъ съ рукописнаго оригинала и самую былину, и что не ему принадлежитъ первоначальная запись этой былины. Такъ напримѣръ: вмѣсто о^{н} писецъ написалъ здѣсь на; вмѣсто увидѣ^{л} написалъ удя^{л}; вмѣсто: не во всѣхъ ^{ли} ордахъ, написалъ просто «не во всѣхъ ордахъ», въ нарушеніе смысла.

Эти ошибки, говоримъ, показываютъ, что нашъ Сборникъ, или точнѣе, Странникъ, написанный въ началѣ XVII вѣка, представляетъ настоящую былину не въ первоначальной ея записи, а лишь въ копіи, снятой съ болѣе древней рукописи, что не тотъ

Турчасовецъ, который въ XVII вѣкѣ переписывалъ «Путникъ» Коробейникова припомнилъ и приписалъ къ нему настоящую былину, а что это сдѣлано было еще ранѣе, въ XVI вѣкѣ кѣмъ нибудь изъ жителей Турчасовской волости.

4) Наконецъ, намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ значеніи, какое получаетъ издаваемый списокъ былины въ исторіи русскаго эпоса.

Почти 300 лѣтъ прошло, какъ записана эта былина! Уже одна эта древность записи говоритъ о томъ, какой драгоцѣнный кладъ представляетъ этотъ списокъ для исторіи русской литературы.

И при такой древности списокъ этотъ сохраняетъ еще не только общее построеніе, пріемы и складъ былеваго творчества, но въ большинствѣ случаевъ удерживаетъ даже и самый стихъ былинный.

Въ виду такой сохранности списокъ этотъ получаетъ значеніе пробнаго камня для критики, какъ живой былины, такъ и позднѣйшихъ письменныхъ ея пересказовъ.

Издавая его, какъ «памятникъ историко-литературный», мы находимъ, какъ замѣтили выше, неумѣстнымъ въ предисловіи къ подобному изданію входить въ подробности историко-сравнительнаго его изученія: это, говоримъ, дѣло критики и спеціальныхъ изслѣдованій.

Однако не можемъ не замѣтить, что въ живомъ народномъ творчествѣ издаваемая былина, какъ цѣлое, уже совершенно распалась: она является здѣсь въ обломкахъ и входитъ эпизодомъ въ другія былины кіевскаго дружиннаго цикла: здѣсь виденъ лишь только слѣдъ, напоминающій о существованіи особой былины, какъ самостоятельнаго цѣлаго. Издаваемый списокъ возстановляетъ для насъ это цѣлое и притомъ почти съ свѣжестію живаго народнаго творчества.

Точно также незамѣнимъ издаваемый списокъ и для оцѣнки позднѣйшаго письменнаго пересказа той же былины. Пересказъ этотъ находится въ Сборникѣ XVIII вѣка, принадлежащемъ

Ѳ. И. Буслаеву, и изданъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы» А. Н. Пыпинымъ и Н. И. Костомаровымъ [1]).

Издаваемый нами списокъ служитъ мѣриломъ того, какую переработку получила эта былина въ рукахъ позднѣйшихъ книжниковъ; здѣсь, въ спискѣ XVIII вѣка, строго-былинный укладъ ея почти совершенно забылся; она уже является здѣсь со вставками и излишними распространеніями; хотя въ ней значительно сквозятъ еще былевые образы и блещутъ поэтическія выраженія, но по своей формѣ она приближается уже къ характеру сказки.

Наконецъ, не въ смыслѣ только относительномъ представляетъ важное значеніе издаваемая былина; она драгоцѣнна для насъ и сама по себѣ.

Подобно тому какъ «Слово о полку Игоревѣ», свивая въ себѣ двѣ историческія эпохи, стоитъ, такъ сказать, на грани двухъ литературныхъ направленій, и служа выраженіемъ строго историческаго дружиннаго эпоса, въ тоже время даетъ намъ понятіе и о предшествовавшемъ періодѣ о старыхъ словесахъ и творческихъ замышленіяхъ въ историческихъ изображеніяхъ: точно также и издаваемая былина сосредоточиваетъ въ себѣ, на взглядъ нашъ, двѣ эпохи. Съ одной стороны, она относится къ былевому циклу—борьбы кіевской Руси со степью, и въ этомъ смыслѣ она тѣсно связана съ общими типами кіевскаго богатырства и съ славнымъ богатыремъ Ильей Муромцемъ со товарищи: герои—хотятъ «острастить всѣ орды», борются съ погаными въ чистомъ полѣ—и рубятъ «силу татарскую»: все это характерныя черты народнаго эпоса, относящагося, очевидно, къ эпохѣ борьбы кіевской Руси со «степью».

Но съ другой стороны и, что всего важнѣе, издаваемая былина, по основной своей мысли, принадлежитъ циклу народнаго

---

[1]) Издатели невѣрно отнесли списокъ Ѳ. И. Буслаева къ XVII вѣку; несомнѣнно, что онъ принадлежитъ къ первой половинѣ XVIII вѣка.

эпоса, относящагося къ наступательному періоду Кіева на Византію.

Государи, естя мои товарищи! взываетъ Илья Муромецъ: Чѣмъ тѣхъ богатырей ждати на себя х Кіеву, мы поѣдемъ въ стрѣчу къ нимъ и тамъ съ ними свидимся, и сказываютъ, что удалы добрѣ, не по обычаю: мы станемъ Богу молитися, чтобы намъ Богъ помощь послалъ на Цареградскихъ бога́тырей».

Такъ характерно здѣсь выражено наступательное дѣйствіе Кіева на Византію.

Вывѣдываніе цареградскихъ вѣстей, цареградскихъ стремленій и цареградской силы—происходитъ при посредствѣ убожества—чрезъ кіевскихъ дружинниковъ, переодѣтыхъ въ платье «калѣкъ перехожихъ»,—о которыхъ говорятъ тамъ «по рѣчамъ, кажись, русь пришла».

Побѣда кіевскихъ богатырей надъ богатырями цареградскими завершается договоромъ и возвратомъ плѣнныхъ, подъ условіемъ, чтобы «не бывать имъ на Русь — вѣкъ по вѣку».

Все это черты—историческія—относящіяся къ эпохѣ наступательнаго дѣйствія Кіева на Византію.

Предвидимъ возраженіе, что походы на Византію были морскіе, а по нашей былинѣ борьба съ нею происходитъ въ чистомъ полѣ. Но не нужно забывать того, что преданіе объ этихъ походахъ здѣсь слито уже съ богатырствомъ той эпохи, когда «степь» перегораживала Кіевъ отъ моря и когда въ средѣ кіевскихъ героевъ считалось буйствомъ даже подумать, чтобы дойти только до Лукоморья. Но важно уже то, что преданіе объ этихъ походахъ не забылось въ народномъ творчествѣ, и дошедшая до насъ издаваемая былина служитъ указаніемъ, что и эпоха, предшествовавшая борьбѣ Кіева со степью, эпоха наступательнаго дѣйствія его на Византію—была также нѣкогда воспѣта въ былинахъ, но циклъ этихъ былинъ затмился для позднѣйшихъ поколѣній подъ натискомъ степной силы и вытѣсненъ изъ народнаго сознанія богатырствомъ позднѣйшихъ историческихъ эпохъ.

Въ виду такой важности этого историко-литературнаго памятника, мы издаемъ его въ букву—съ удержаніемъ даже правописанія оригинала. Все, что мы дозволили себѣ въ отношеніи къ тексту издаваемой былины, это—разложить ее на стихи и выставить ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, сообразно народному сѣверному говору и былевому пѣнію.

Москва. 1880 г.
30 ноября.

Сказание ѡ Кѣевских богатырех какъ ходили во црьгра и как побили црегращких богатырей учинили себѣ чть.

Во столном славнем граде—киеве
Говорит княз владимер всеславич Киевской
Своим богатыремь
Илье муромцу с товарыщи:
Іли то вамь не свѣдомо богатырем.
Что ѡтпущает на меня црь Константин
Из црягpада м҃в богатырей,
А велит имь Кѣевь изгубити;
І выб ннеча никудъı не розъежалися,
Берегли бы естя града киева
І всеѣ моей вотчины.
Бьют в столѣ з҃ богатырей:
Гдрь кнзь владимер кие'ско' всеславичь:
Ѡтпусти нас в чистое поле,
Мы тебѣ гдрю прямыя вѣсти ѡтвѣдаем
І приведем тебѣ гдрю языка добраго,
Тебѣ гдрю славу великую учинимь,
І себя гдрь в чест в'ведемь
І всему твоему гдрству похвалу великую учиним
І многия ѡрдъı ѡстртимь.

А взговрят богатыри таково слово:
Гдрь княз владимер киевско'!
Сторожем' мы в' земле не извадилим жить
Не доведетца нам сторожами слыть.

Імєна богатырємь:

а҃. бога́тыр илья м(ꙋр(ом)єць, сн҃ъ Івановичь
і҃. бага́тырь до́брыня никитини
г҃ бг҃а́тырь дворяни залѣшани
Сєрая свита, злачєныє пꙋгвицы.
д҃ бога́тырь ѡлєша попови
є҃. бо... щата єлиѕыничь
ѕ҃. бг҃атырь Сꙋха доместьянови
з҃ богатырь—Бѣлая па́лица
Красны золото ꙋкрашєна,
Четьи жемчюгомь ꙋнизана;
Посрєдє тоѣї палицы камєнь—
Самоцвѣтной пламєнь

Да говорятъ бога́тыри таково слово:
Гдрь кнзь владимєр києвской всєславич!
Нє иѕвадили мы сторожємь стєрєчи
Токо мы иѕвадили в чисто полє ѣздит,
Побивать поки татарскиє;
Ѡтпꙋсти нас гдрь в чистоє полє,
Мы тебѣ гдрю прямыє вѣсти ѡтвѣдаєм
Іли тобѣ привєдєм языка добраго.

Втговорит княз владимєр києвскои:
Ой, естя бога́тыри!
Илья мꙋромєць с товарыщи!
Нє пригож вамь в тѣ поры проч ѡтъѣхати,
А мєня вамъ гдря покинꙋти
Ѡдиново в Києвє.
А я ждꙋ тѣх бога́тырєй с часꙋ на час
Борзо х києвꙋ.
Пригожє вам моєя вотчины побєрєчи.
Тут богатыри закрꙋчинилися,
Ідуть к своим добрымь конямь,

Ударя челом великому кн҃зю владимерꙋ всеславичю;
Учали на них класти седла черкаскиє,
Подтягивают подпрꙋги шелкꙋ бѣлово,
Ꙋ всѣх пряжи бꙋлатныє,
Красного бꙋлатꙋ перепꙋскнаго;
Да кладꙋт на собя доспехи крѣпкия,
Емлють с собою палицы бꙋлатныя,
Того бꙋлатꙋ перепꙋскнаго,
І всю свою здбрꙋю б҃гатырьскоую;
І всѣ на кони, про҃ поѣхали — из кѣєва,
Заложили копья булатныє — вострыя,
Поѣхали в' чистоє полє.
Ѣдꙋт по чистому полю,
Взговорят про меж собою
Таковꙋ пословицꙋ:
«Лꙋтчє бы мы тоѣ срамоты великия нє слыхали,
«Нєжєли мы ѡт кн҃зя в очи такоє слово слышали,
«Хотяб мы людей нє дородились,
«Да были бы мы богатыри нє добрыя,
«І нас бы в кѣєвє
«Сторожи стєрєчи нє заставливали.
Говорить илья мꙋромєць
Своимь товарыщємь:
«Г҃дри естя мой товарыщи!
«Чѣмь тѣх богатырей на собя ждати х києвꙋ
«Мы поѣдємь в стрѣчю — к ним
«І там с ними свидимся.
«А сказывают, что удалы добрей — нє по ѡбычєю,
«Мы станем б҃гу молитися,
«Чтобы намъ б҃гъ помощь послалъ.
«На ц҃рєградцких богатырей.
А прямо идꙋт ко ц҃рюграда.
Какъ бꙋдꙋт .вı. поприщь до града,
Перєѣзжаючи смꙋгрю рєкꙋ,

Ажно има на встрѣчю
Идꙋᵀ ві члвкь
Црєграцкиˣ богáтырє́,
А на ниˣ платьє калицкоє.
Прїѣхаˣ к нимь ѡлєша поповичъ,
Да говориᵀ имь таково слово:
«Братия вы милая,
«Калики перехожия,
«Да́тє вы наᴹ
«Своє платьє каличноє
«А ꙋ наᶜ воᶻмитє
«Ншє платьє свѣᵀлоє.
Говориᵀ калика таково слово:
«— Ѡй, еси алєша попови́,
— Али мєня нє знаєшь,
— Или имєни моє́ нє вѣдаєшь,
— Каᶜ мєня зовꙋᵀ?
— Зовꙋᵀ мєня по имєни никита ївановичъ,
— Родомъ є́ми Карачєвєцъ.»
А на каликаˣ гꙋни голꙋбà скорлатꙋ,
А тєᴾки на ниˣ камкѝ вєнєцкиє,
А палицы ꙋ ниˣ вязовыє,
С коⁿца в конєць свиⁿцꙋ нáлитꙋ;
А Никиты палица — вся вязолая.
Приѣхаᶜ к нимь ільа мꙋромєць,
Да говориᵀ имь таково слово:
«За то наᴹ никита браниᵀᶜся нє ѡ чеᴹ,
«А ваᴹ стояᵀ нѣ-за-што,
«Вото ваᴹ платьє свѣтлоє,
«Дайтє намь своє платьє калицкоє.
Взговорѝᵀ никита таково слово:
— Гдрь илья мꙋромє́!
— Стояᵀ нє-за-што,
— І спорꙋ чинить нє́-ѡ-чємъ.

Даю^т (с) собя платье калицкое,
Они даю^т с себя платье свѣтлое.
Взговори^т добрыня никитичь таково слово:
«Почто вы, Никита, ходи^ли во црьгоро^д?
Говори^т никита таково слово:
— Гдрь добрына никити^ч!
— Ходи^ли-мы прямы^х вестей о^твѣдывать,
— Е^сти (ли) столко црегра^дцкихъ богатыре^й,
— І^ти ли им^ в кѣевъ горо^д?
— І вѣсти прямые неизмѣ^нные:
При црѣ богатыри похваляю^тца,
Хотя^т кѣевъ горо^д на шити [1]) взяти,
И великого кнзя с великою кнгнею [2]) въ поло^н вести,
А удалы^х богатырей, ста^ны^х людий, по^д мечь всѣхъ приклонити,
А злато и среброо покатить телѣгами.
Говорить в^ тѣ поры илья муромець:
«Слышите^ли мои товарыщи,
«За то хочю голову сложить —
«За гдрву чашу і молитвы
«И за ево хлѣ^б-соль великую.
Оставливаю^т свои до^брыя коня
На смугре рекѣ
І всѣ сво^и сряды богаты^рския,
По о^но^ емлю^т себе
По булатной палицы
Красного булату перепуськного
І тые несу^т по^д гунями булатными;
Да говоря^т ме^ж собою пословицу:
«Бга ради бгатыри
«Бу^дте к тата^рски^м рече^й сте^рпивы.

[1]) на щиты.
[2]) княгинею

Говори[т] дворяни[н] залѣшани[н]:
«Все[х] ѹ на[с] пѹще ѡлеша попови[ч],
«Что ѡ[н] де пья[н] їли не пья[н],
«Изо всѣ[х] на[с] ѡхочь бранитися:
«Тотъ ѹ на[с] бага́тырь крѹчи́нова[т].
Пошли бога́тыри во цр҃ьгоро[д]
А в' тѣ поры ѹ цр҃я столъ,
А в столѣ подають по́ѣсти.
Пришли бога́тыри на цр҃въ дво[р],
І ста[ли] на землѣ пере[д] красны[м] ѡкно[м]
І ѹча́ли проси[ти] м[ил]тины
Проти[в]ѹ ѡкна громки[м] голосо[м].
Каличные слыша[т] гласы:
Скаӡали самомѹ цр҃ю.
И слыша цр҃ь косьтян[ин]ти[н]
Гласы каличные,
Да говори[т] тѹгаринѹ ӡмиевичю:
«Вели поӡва[т] каликъ тѣ[х],
«По рѣчамь кабы рѹсь пришла,
«Попытай и[х] ѡ вестя[х] ѡ киевскихъ
«Што бѹде[т] свої ведаю[т].
Поӡвали кали[к] ко цр҃ю;
Цр҃ь ѹча[л] каликъ спрашивать:
«Скажите вы калики перехожия».
Ѹча́ль їлья мѹроме[ц] го́ворит[ь]:
— Ходи[м] мы г[о]с[у]д[а]рь ѿ великого кн҃зя владимера всеславича киевско[г].
Проти[в] цр҃я сидя[т] ідо[л] скоропѣевичь б[о]г[а]тырь,
А ростом до́бре не по ѡбычею,
Ме[ж] ѡчима ѹ него̀ стрѣла ладится,
Ме[ж] пле[ч]ми ѹ него̀ болшая саже[н],
Ѡчи ѹ него, какъ чаши,
А голова у него, какъ пивно̀' коте[л]
Посмо[т]рить на него — ѹстраши[т]ся.

Говорить црю костя"тину таково слово:
«Гдрь црь! во"но члвкь попытати,
«О вестя" — ω кие"ски" богатыре",
«Сколко у великого кнзя владимера богатыре',
«І каковы ωнѣ росто", прытостью.
Црь уча" каликъ спрашива":
«Скажите вы калики перехожия
«Про кѣевскихъ богатыри?
Говори" їлья муромець снъ івановичь:
— В кѣеве Гдрь лв богатыря,
— Да удалы не по ωбычею.
Говори" идо" бгатырь:
«Есть ли у ва" славно' богатырь илья муроме",
«Како" ωнъ рожàе"
«Ї како" вели" росто"?
— Посмотрить же на него — устрашитца
«Ї вы посмо"рите наши" бгатыремъ.
Говори" илья муромецъ:
— Ї ты Гдрь смотри..... на меня.
Взговори" багаты" идо" скоропѣеви":
«Црь Гдрь костя"ти",
«Не мешка' Гдрь службою багатырьскою:
«Ѡ"пуща' Гдрь на" на русь
«Борзо х' кїеву
«Х кнзю владимеру
«Ї буде" токо-то не со"(яно) [1])
«Но што в киеве удалы бгатыри,
«Ї мы тебѣ Гдрю приведемь (в' полонъ)
«Кнзя владимера с великою княинею [2])
. . . .
. . . .

---

[1]) Здѣсь листокъ оборванъ; обозначенное въ скобкахъ приписано въ позднѣйшее время.
[2]) За этими словами трехъ или четырехъ стиховъ возстановить не возможно.

«Богатыремь и ꙋдалыи молоⷣцоⷨ
«Поⷣ мечь поклонитымь (?)
«Ї всѣⷨ в киеве ꙋчиниⷨ сѣчю великꙋю,
«А злато и среⷠро покатимь телѣгами.
«Тебѣ гдрю прибыⷧ и славꙋ добрꙋю во вся ѡⷬды
«А себя в честь введеⷨ.
Взяла крꙋчина молодà ѡлешꙋ поповича,
Да говориⷮ ѡлеша поповичь таково слово:
«Коⷢ вы багáтыри приѣдите х киеву
«Тогды не ꙋзнаете дороги,
«Кꙋды ваⷨ бѣжаⷮ.
«А станете лоⷣцевъ кѣевскиⷯ
«Ї ꙋчинете сѣчь великꙋю,
«А покатяⷮца гóловы татаⷬския,
«А пролеⷮца кровь горячая багáтыре
«Цреграⷣскиⷯ бгатыре.
«Не пять ꙋ наⷭ члвкь в кѣеве,
«Еⷭть близко десяⷮка члвкъ.
«Їдоль на него розкрꙋчиниⷭся.
Говоритъ дворании залѣшании:
«С твоего гдрь меⷩ ѡпиⷭся.
Говориⷮ дворяниⷩ залѣшаниⷩ ѡлеше поповичю:
«Ꙋйми свое срце багатыⷬское,
«Не-мошно намь тебя нажюрить, ни нагóворить.
Говориⷮ ѡлеша попови:
— А ѡⷩ нпиⷯ богáтыре ни во что ставиⷮ,
— Ї великого кнзя хꙋлиⷮ
— Ї иⷨе посмѣхаеⷮца.
Ї идоⷧ на него роⷥкрꙋчинился.
Говориⷮ дворяниⷩ залѣшаниⷩ:
«Из ꙋма Гдрь ѡⷩ вышиваеⷮца.
Говориⷮ идоⷧ бгатырь:
— Скажите калики про кѣевскиⷯ бгáтыре
— И каковы ꙋ ниⷯ лошади ꙋдаⷧ?

Ї с нимь говори̑т дворяни̑н залѣшани̑н
«По вся дни г҃дрь вѣдае̑м
«И лоша̑дх б҃гатырские зна̑ем.
Говори̑т идо̑л б҃гатырь:
«Ц҃рь г҃дрь, волно̀ ч҃лвкь после роз'прошать.
«Вели г҃дрь показать имь сво̑' лошади ц҃рьския.
Ц҃рь велѣ̑л вывести свои лоша̑дх ц҃ркия.
Говоря̑т калики перехожия:
«Л8тче тѣ̑х шка̑п в кѣеве і простые лоша̑дх,
«А на б҃гаты̑рские лошади пристрашно посмо̑трить.
Говори̑т идо̑л богаты̑р:
«Вели ц҃рь г҃дрь показать имь н҃ши лоша̑дх б҃гатырские.
Ц҃рь велѣ̑л вывести лоша̑дх б҃гаты̑рские:
а҃ю лоша̑д вед8̑т идола богатыря скоропеевича
на в҃і чепя̑х на зо́лоты̑х,
в҃ю вед8̑т лоша̑д молода̀ т8гарина змиевича
на а҃і чепя̑х сребряныхъ.
За тѣми вед8̑т сорока дв8 богатыре̑',
А всѣ тѣ кони 8далы̀ до̑брѣ не по ѡбычею;
Калика̑м полюбилися
Ї̑здалеча калики 8видели,
Что добры̀ не по ѡбычею.
Говори̑т дворяни̑н залѣшани̑н:
«Све̑рху Г҃дрь не мо̑чи мѣти̑ и 8смо̑три̑т,
«И ка̑к г҃дрь ц҃рь смѣти̑м,
«И мы тебѣ г҃дрю скаже̑м
«Про наши̑х б҃га́тыре̑' ї про коне̑'
Ї и̑х храбость ѡкаже̑м.
Ї ц҃рь повелѣ̑л имь вы̑ти.
Пошли калики во̑н ѿ ц҃ря лошаде̑' смо̑трить,
И ка̑к б8д8̑т посре̑дх двора ц҃рва и лошаде̑',
В'зговорили б҃га́тыри проме̑ж собою таков8 пословиц8:
«Смо̑трите г҃дри товарыщи коней, да вы́сма̑трива̑'те,

«Гораздо былоб нам, что про наших коне црю
сказат.
— Да ум ли калики высмотрили?
Взговорят калики:
«Тепервo гдрь высмотрили.
Взговорит илья мꙋромецъ своимъ товарыщем:
«Теперво нам, братцы, строка пришла.
«Ѡтимайте лошади багатырские,
«Ꙋбейте татар без милости,
«Садитеся на кони без — сѣде
«На-кони багатырския на добрыя.
Пришли бгатыри х конемъ.
Не птички соловьи рано в дꙋброве просвистали,
Свиснꙋли, гаркнꙋли багатри бгтырским голосом,
Да свиснꙋли палицы бꙋлатные
Ꙋ ильи мꙋромца с товарыщи;
Послетали головы татарския,
Ѡтняли себѣ по добрꙋ коню,
Ї всѣх на кони прот изъ града поѣхали до смꙋгры реки.
Добрых коней един ꙋ цря ѡстался на дворе
Ї тот ѡлеше поповичю.
Воротился алеша пѣшь во црь-город,
А коня покинꙋх на смꙋгре рекѣ.
Да говорит алеша поповичъ
Црю костянтинꙋ таково слово:
«Потомꙋ мы црь ꙋ тебя лошадей не всѣ емлем,
«Что хотим мы с твоими бгатри
В чистом поле свидетися.
Ї их прытоть ꙋвидети,
Ї бꙋдем мы ѡпять с твоими богатыри во црѣ-граде.
Ї изговоря ѡлеша,
Поѣхали Бгтри к смꙋгре рекѣ;
Да кладꙋт на собя доспѣхи крѣпкия
Ї всю збрꙋю багатырскꙋю,

Емлют с собою палицы бꙋлатныя
Ї копья вострыя,
Ажно скачют из цря града богатыри
С великою поганою силою.
Говорит ѡлєша поповичъ:
«Гдри мой товарыщи!
«Потєрпитє малєхонко,
«Дайтє мнѣ поправит
«Своє сердцє богатырскоє.
«Бгатырскоє срцє нє стєрпчиво,
«Хочєт ї послѣднюю ѡрдꙋ побить, похвалꙋ доспѣть.
Свиснꙋл, крикнꙋл бгатырским голосом:
«Потєрпи(те) малєхонко,
«Даитє мнѣ тєпєрво
«С ними ѡдномꙋ поправить ся:
«Хочю сєбѣ похвалꙋ доспѣти
«Чтоб у(ви)дял црь костянтин
Ї дошлаб наша похвала
До кнзя Владимєра.
Ї какъ съѣжаютца с злыми по҃ки татарскими,
Ї сороки двꙋ богатыри црєградцкими,
Свиснꙋли, крикнꙋли бгатыри
Бгатырьскым голосом;
Ѡт свистꙋ ї ѡт крикꙋ
Лєсъ росьзтилаєтца,
Трава постилаєтца,
Добрыє кони на ѡкарашки падают,
Худыя кони ї живы нє бывали.
Нє птичкы соловьи в дꙋбровє просвистали,
Свиснꙋли, гаркнꙋли рꙋския богатыри
Илья мꙋромєц с товарыщи.
Говорит црєградцкой багатырь їдол скоропѣєвичь:
«Гдри мои товарыщи:
«Срцє ся ꙋ мєня ꙋжаснꙋло, трєпєщєтся,

«Ї голова вкрꙋг ѡбходит,
«И ѡчима не мощно на свѣт глядѣть:
«Болшое намь быти побитым всѣм.
В'зговорит тꙋгарин змиевичь:
«Болшое нам товарыщи,
«Колиб смрти минꙋти,
«Ли ся храбрость наша
«Преложися на тихость;
«Не мощно рꙋки поднять,
«Скоро нас стрть взяла:
«Бо(х)шо' илья мꙋромець сам пришель.
Напꙋстих илья мꙋромець встрѣчю црѣгра(д)цким богатырем
Ѡт своих товарыщев в полꙋверстѣ,
Ї всѣ товарыщи скоро поѣхали за нимь.
Ї ударилися крѣпко на копья бꙋлатныя
Ї ꙋчалися твердо бить ї непо(д)вижно;
Колды-копья ꙋ них бꙋлатные приломалися
Ї доспѣхи крѣпкие.
Збих илья мꙋромец з добра коня
Идола скоропеевича,
А тꙋгарина рꙋками взялъ.
А ѡбѣих богатыре' идола и тꙋгарина живых вз(я)ли
Ї всю силꙋ татарскꙋю побили
Ї тѣх сорока богатыре' побил
А идола богатыря
И тꙋгарина богатыря —
Живых ведꙋт их во црьгород.
И ставя(т)ца перед црвою полатою.
Говорит илья мꙋромець своимы товарыщи таково слово:
«Тебѣ црю вѣдомо было,
«Что твоих мв богатырей побили
«Ї всю силꙋ татарскꙋю поганꙋю побили,
«А твоихъ лꙋтчих богатырей
«Идола скоропѣевича

«Да тугарина змиевича
«Живы[х] взяли.
«Да потому, црю, тебя
«Ни чѣ[м] ни двигнули, ни крянули
«Ни че[р]ны[м] волосо[м],
«Что ѣ[з]дим мы бе[з] гдрскаго вѣдома.
«А похвалу есми видѣли твои[х] бгатыре:
«Похвала мужю — великая пагуба»
А тата[р] всѣ[х] побили, тѣ[м] на русь не быва[ть].
«Толко, црю, теперво тебѣ чело[м] бье[м]
«Идоло[м] богатыре[м],
«Что[б] ты на на[с] не кручинися,
«А тугарина тебѣ гдрю не-дадимъ,
«Ѿ[т]везе[м] великому кнзю,
«С чѣ[м] на[м] ко кнзю владимеру появитися.
Ї дають бгатыри црю идола,
А тугарина с собою емлю[т].
Не бѣла[я] лебе[д] воскликала,
Восплакалася мти тугарина зьмиевича
Ї бье[т] чело[м] блговѣрно црце елене:
«Гдрыни блговѣрная црцы елена:
Упроша ты гдрыни у ру[ч]ки[х] богатыре,
«Молода тугарина змиевича.
Говори[т] блговѣрная црцы:
— Гдри естя руския бгатыри,
— Илья муроме[ц] с товарыщи!
— Таки[х] грозны[х] бгатыре не-бывало в црегра[д]е,
— Не побивали наши[х] црегра[д]ски[х] богатыре
— Не уведите для моихъ слезъ
— Младово тугарина змиэвича.
Говори[т] илья муромець с товарыщи:
«Гдрыня блговѣрная црцы елена:
«За то тебѣ говори[м] Гдрыни,
«Не двигне[м] тугарина ни чемъ

«Для гдрьскаго твоего слова;
«Бѹдет' тѹгари^н в киеве
«Пото^м тебѣ бѹде^т во прѣграде живъ;
«А не лзѣ на^м ѡ^тдати богáтыря прегра^дского
«Нѣ-чѣ^м на^м в кѣеве похвалитися,
«Что на^м сказать кнзю владимерѹ всеслаевичю.
Били чело^м гдрыни, прочь поѣхали,
Ведѹ^т с собою языка добраго,
Тѹгарина змиевича;
Ѣдѹ^т по полю по чистомѹ,
Ї выбираю^т ѡ^т себя бгатыря —
Дворянина залѣшанина:
«Поѣдь ты дворяни^н залѣшани^н
«К столномѹ гра^ду кѣевѹ
«Ты жиле^ц двора гдрва,
«Много живешь во дворѣ гдрве.
Ї всяко' чи^н вѣдаешь
«Ѡбошли на^с гдрю князю
«Владимерѹ всеслаевичю,
«Вели^т ли намь он [1])
«Сво' гдрския ѡчи виде^ти
А грѹбили есмя твоемѹ недрѹгѹ —
«Црю костя^нтинѹ блговѣрномѹ
«Убили есмя ѹ него со мѣ богáтыре,
«А с нимь тата^р люди многия
«Да ѡдново богáтыря ѡставили во прѣграде,
Дрѹгово тебѣ веде^м.
Прїѣ^хжа^х дворяни^н залѣшани^н градѹ х киеву
Ї поше^л к великомѹ кнзю владимерѹ всеслаевичю,
Ї справи^л рѣчи ѡ^т свои^х товарищѐ^в
Что емѹ наказано.
Приѣхали богатыри к гдрю владимерѹ всеслаевичю,

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ «на»:

Привели языка добраго-тѹгарина змиевича,
Црегра^х^скаго богáтыря.
Кня^з^ велики' владиме^р^ всесьлаевичь
Почалъ богатыре' жаловать,
Да'еть имь шѹбы по^х^асамиты
Ї чепи великия златыэ
Ї сверхъ тово ка^з^ною несмѣ^т^но.
Да говори^т^ кнзь владиме^р^ всеславеви^ч^:
«Да впре^х^ ва^с^, бгатыри, ра^х^ жалова^т^
«За вашѹ выслѹгѹ великѹю
«Ї за слѹжбѹ бгатырскѹю,
«А. ннѣ емлите себѣ, что ва^м^ надобе.
Ї ѹчà^х^ кня^з^ владиме^р^ всеславеви^ч^
Молодà тѹгарина змиевича спрашива^т^ ѿ вѣстя^х^
Зговори^т^ тѹгари^н^: «что меня гдрь ѡ вѣстя^х^ спрашиваэшь?»
«Кнзь владиме^р^ всеславевичь:
«У тебя гдря вотчины не во всѣхъ (ли) ѡрда^х^
«А бгатыре' твои^х^ ѹдалее нѣ^т^
«Ї во всѣ^х^ земля^х^.
Ї ка^к^ бѹде^т^ кня^з^ владиме^р^ нá-веселѣ
Ї ѹчали потѣшатися,
Ї бье^т^ чело^м^ илья мѹроме^ц^
Своими товарыщи:
«Гдрь кн'зь владиме^р^ всеславевичь!
«Ѹмѝрдися, пожалѹ' на^с^ холопе' свои^х^:
«Говорила намь црцы елена
«Ї била чело^м^, что^б^ мы заложили слово
«Тебѣ гдрю ѡ молоде тѹгарине,
«Что^б^ ты пожалова^х^, ѡ^т^пѹсти^х^ ево во црьгородъ;
«Ї молвили есмя црце елене,
«Что^б^ на^м^ ѹпроша^т^ ѹ тебя гдря
«Молодà тѹгарина змиевича во црьгоро^х^;
«А мы тебѣ гдрю ради впре^х^ слѹжить,
«Елико сила можеть.

Княз владимер всеславевич
Пожаловал, ѡтдал имь
Молодà тѹгарина ꙁмиевича,
Цр҃еградцкаго богáтыря.
Говорит кн҃зь владимер всеславевичь:
«Ѡй, естя мои кн҃зи ї богáтыри!
«Цр҃еградцких богáтырей было м҃в,
«А с сими было татар людей много
«Не рат ли в поле была?
«А моих бг҃áтыре̑ толко з҃ было.
Били емѹ челом бгáтыри,
Взяли молодà тѹгарина змиевича
Ї всклали на собя всю збрѹю богатырскѹю,
Поѣхали во чистò поле;
Ї как бѹдѹт на — рѹ̑беже,
Ѡтпѹскают во цр҃ьград молода тѹгарина
Ї ѹчали заклинат, чтоб имь на рѹсь не бывать вѣкъ по вѣкѹ,
Да ѡтпѹстили с радостию великою ї простилися,
Ї сами поѣхали в чистò поле.
Багатырское слово. Во вѣки, аминь.